

а н а т о л и й

ИВАНОВ

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГСКИХ ОСОБНЯКОВ

ДОМА

И ЛЮДИ

Всё о Санкт-Петербурге

Анатолий Иванов

**История петербургских
особняков. Дома и люди**

«Центрполиграф»

2018

УДК 94(470.23)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Иванов А. А.

История петербургских особняков. Дома и люди / А. А. Иванов —
«Центрполиграф», 2018 — (Всё о Санкт-Петербурге)

ISBN 978-5-227-08282-4

Книга Анатолия Андреевича Иванова рассказывает историю петербургских особняков. Точнее, особняками они были в прошлом, а сегодня чаще всего это обычные дома, сохранившие следы былого великолепия. Некоторые здания уже, увы, исчезли с карты города... На страницах собраны рассказы о старинных постройках, которые можно назвать подлинными сгустками истории. Увлекательно повествуется о примечательных строениях и их обитателях, придворных, купцах, представителях творческих профессий, ведь судьбы домов неотделимы от судеб живших тут людей. Воскрешаются забытые и полузабытые имена, восстанавливается нарушенная связь времен... Вы прочтете о реальных событиях, легендах и тайнах прошлого Северной Пальмиры. Путешествие вместе с автором по петербургским улицам и переулкам позволит ощутить поэзию старины, почувствовать тесную связь прошлого с настоящим.

УДК 94(470.23)

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-08282-4

© Иванов А. А., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

От автора	8
Адмиралтейский остров	10
Царский подарок	10
За казенным фасадом	19
Особняк-невидимка	27
Пенаты графа Соллогуба	41
«Стоящий на Неву реку...»	51
Во фраке, надетом на голое тело...	64
С фасадом «во вкусе Растрелли»	75
Скорбит душа моя...	83
На углу Мошкова переулка...	90
Свидетель столетий минувших	98
Сквозь все превратности судьбы	111
В немецкой улице, у братьев Блюментростов	118
Конец Петра IV	123
Дом Гоголя – культурный центр	130
В мозаике старинных кварталов	133
Императрица бывала здесь на масленице	143
Где старина не спорит с новизной	147
Скороходова подросла вовремя!	152
Святочные игры в «Штегельманском доме»	154
Дама с медальоном	160
О прошлом не грустит!	164
У Почтамтского мостика	171
Река времен в своем стремлении...	179
Дворец елизаветинского «прибыльщика»	186
Безумных лет угасшее веселье	196
Адмиральский особняк	205
В излучине Екатерининского канала	213
«Здесь все дышало стариной...»	220
Пустырь на Караванной	230
Где пролегла Бородинская	235
«Крепость не спасла»	240
В Милютином ряду	243
Метаморфозы Яковлевских палат	246
Литейная часть	254
«Сперва шли казаки с пиками...»	254
На перекрестке трех проспектов	260
С «архитектурными излишествами»	264
Блудовские четверги	268
«Как яблочко румян...»	274
Меняевская вотчина	278
Потерявшие лицо	284
Последний приют «тишайшего канцлера»	287
С гербом Мусиных-Пушкиных	291
Няня императора	295

Конец дворянского гнезда	300
«На лучшем месте Литейной улицы...»	308
«Страна рабов, страна господ...»	317
«Подле Преображенского полкового двора»	320
Особняк из моего детства	330
Приют Фемиды	334
Под сенью Эртелева сада	338
Судьба распорядилась по-своему!	342
«Новый Гракх» с Литейной	346
Обер-прокурорские чертоги	352
«Палаццо» на Моховой	361
Пионер земского движения	370
«В толпе себе подобных»	376
Остался на старой открытке...	387
Конец легенды	391
Напротив Михайловского замка	400
У Симеоновского моста	409
Историк, не написавший истории	419
«Где стол был яств...»	423
Стоматологический особняк	434
Их тень Петра соединила	438
«С Зимним садом, каскадами и фонтанами...»	443
Пришла эпоха мезальянсов...	448
Черты забытой старины	459
Разные судьбы	463
Короткая набережная с длинной историей	468
Дом для артиллерийской бригады	471
При всех властях стоял...	474
Тихая пристань	479
Свидетель «века золотого»	486
Давший набережной название	496
К службе не склонных приют	506
Образчик позднего классицизма	512
Монументальное «палаццо»	516
Рок и фортуна	521
«Купеческое барокко»	533
Схожие судьбы	537
Следы былого величия	542
Скромный дом графов Игнатьевых	554
Щегольское перевоплощение	561
Родовое гнездо Кутузовых	570
Предпоследний адрес Пушкина	580
«Вдовый дом»	585
Дом Баура	596
Литература и архивные материалы	599

Анатолий Иванов
История петербургских особняков
Дома и люди

Серия «Всё о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

© Иванов А. А., 2018

© «Центрполиграф», 2018

* * *

От автора

Книга, которую вы держите в руках, рассказывает о петербургских особняках. Точнее, особняками они были в прошлом, а в наши дни чаще всего это обычные дома, сохранившие лишь остатки прежнего великолепия. После революции многие владельцы были вынуждены покинуть свои жилища, навсегда простившись с родиной; их место заняли другие, и бывшие барские хоромы превратились в коммунальные квартиры или в государственные учреждения.

Большевики пытались насаждать новую культуру, отбрасывая то, что было до них, и решительно порывая с прошлым. Но, как оказалось, новой культуры не бывает, потому что культура – это опыт многих поколений, духовное и материальное наследие предков. Пришла пора наводить мосты между прошлым и настоящим, восстанавливать нарушенную связь времён, что с большим или меньшим успехом и пытаются делать в наши дни.

Я избрал в качестве отправной точки старинные дома, которые можно назвать подлинными сгустками истории. Они неотделимы от судеб живших там людей, вот почему так много места в книге отведено характеристикам отдельных личностей, далеко не всегда выдающихся или просто симпатичных. И все же их присутствие необходимо.

Говоря языком археологов, это тот «культурный слой», что помогает полнее представить себе жизнь старого Петербурга. Моей целью было воскресить забытые и полузабытые имена, помочь ощутить поэзию старины, привлечь внимание к неприметной и неброской, ускользающей от глаз красоте.

Чтобы свести воедино все очерки, относящиеся к циклу «История домов и судьбы людей», здесь помещены как те, что уже вошли в другие мои книги – «Дома и люди», «Петербургские истории», «Набережная Кутузова», так и те, что известны читателям лишь по сокращённым газетным публикациям. Иногда я ограничиваюсь одним, наиболее ярким эпизодом из истории здания, если остальная её часть не представляет особого интереса или достаточно известна, – это позволяет избежать ненужных длиннот и летописных подробностей. Расширен и круг рассматриваемых построек, куда включен ряд исчезнувших особняков и усадеб, а также доходных домов.

Главным мерилом при отборе служила не формальная принадлежность к той или иной категории, а исторический и культурный интерес. Для удобства читателей очерки объединены по топографическому принципу. Лишь в немногих случаях я позволил себе отступления от этой схемы.

Особняки, описанные в книге, располагаются на территории Адмиралтейского острова и Литейной части. Отдельно хочу сделать пояснение относительно текста, посвящённого домам, стоящим на набережной Кутузова: я не имел намерения проследить всю историю набережной, ограничившись, за небольшими исключениями, лишь дореволюционным периодом, когда дома ещё имели хозяев. В советские времена их не стало, а писать о жильцах коммунальных квартир и служащих госучреждений, признаюсь, не хватает вдохновения. Когда исчезает личность владельца, почему-то пропадает любопытство, а вслед за тем и охота к поискам, которую оно питает...

Адмиралтейский остров

Царский подарок (Дом № 10 по Дворцовой набережной)

Все дома на Дворцовой набережной имеют интересную судьбу. Они не раз меняли наружный облик, повинаясь изменениям архитектурной моды и вкусов своих владельцев, но всегда сохраняли индивидуальность. Не исключение и дом № 10, о котором пойдет речь, – внушительных размеров, с богато украшенным фасадом в необарочном стиле. Правда, за долгие годы безразличного, а то и просто варварского отношения старый дом во многом утратил былой блеск, разделив печальную судьбу своих собратьев.

Дом № 10 по Дворцовой набережной. Современное фото

Почему мы так скверно относимся к своему наследию? Может быть, потому, что дом для нас – просто крыша над головой, и мы ничего не знаем, а подчас и знать не желаем о его прошлом, довольствуясь лишь настоящим? Отсюда и психология временных постояльцев, которым ничто не дорого. Прошлое бывает разным: возвышенным и трагическим или смешным и даже нелепым, но знание его всегда полезно, потому что расширяет границы нашего понимания, дает ощущение сопричастности тому, что было до нас, что не нами начато и не нами кончится.

О. М. де Рибас

В конце XVIII века территория, занимаемая ныне домом, состояла из двух отдельных участков, протянувшихся от набережной Невы до Миллионной улицы. Владельцами их были основатель Одессы адмирал Осип Михайлович де Рибас, женатый на воспитаннице и наследнице известного деятеля екатерининского времени И. И. Бецкого (ему и принадлежал ранее этот участок), и капитан П. П. Rogozinskiy. При этом де Рибасу принадлежали два дома на набережной, примыкавшие к бывшему особняку князя Кантемира (ныне дом № 8), а Rogozinskiy – один.

В 1798 году император Павел, очарованный девицей А. П. Лопухиной, через своего любимца Кутайсова предложил ее отцу покинуть Москву и переселиться в Петербург с женой и дочерьми. Одновременно ему был предоставлен следующий выбор: при согласии – дарование титула светлейшего князя и миллионное богатство; при отказе – опала и путешествие в пределы Восточной Сибири. Благоразумный родитель предпочел первый вариант.

А. П. Лопухина

В связи с этим возникла необходимость приискания для семейства П. В. Лопухина достойного жилья. Доверенное лицо государя адмирал Г. Г. Кушелев обратился к своему приятелю де Рибасу с предложением продать бывший дом Бецкого. Ответ не замедлил прийти; де Рибас охотно согласился расстаться со своим владением. Вот отрывок из его послания: «На письма Вашего превосходительства... имею честь ответить: за великое счастье поставляю, когда угодно будет Его императорскому величеству взять в казну дом мой... Предоволен буду потому особенно, что имеющиеся на мне долги меня много беспокоят. Сей дом в хорошем состоянии, в нем 130 покоев, картин и мебели не мало, церковь, две ранжереи, сад и хорошие службы. Что же касается цены, то хотя он, как по оставшимся после покойного И. И. Бецкого запискам известно, стоит больше ста тридцати тысяч рублей, но если бы мне за него пожаловано было сто десять тысяч рублей, то я бы весьма доволен был, особливо в рассуждении долгов».

Сделка состоялась, а 20 августа 1798 года вышел указ о пожаловании «в вечное и потомственное владение» генерал-прокурору П. В. Лопухину купленного в казну дома вице-адмирала де Рибаса. Прибыв из Москвы, Лопухины поселились в доме на набережной. Император не препятствовал своей фаворитке выйти замуж за князя Павла Гавриловича Гагарина, с которым, по свидетельству одного из современников, она была тайно обручена. В 1799 году, приехав в Гатчину из действующей армии, счастливый жених, как повествует далее тот же современ-

менник, «упал в ноги Государю, повергая к стопам его Французские знамена и ключи Турина, только что взятого Суворовым. Павел принял Гагарина, как сына, и объявил ему близкую свадьбу с княжною Анною, которую он передает... такую же, как получил ее».

П. Г. Гагарин

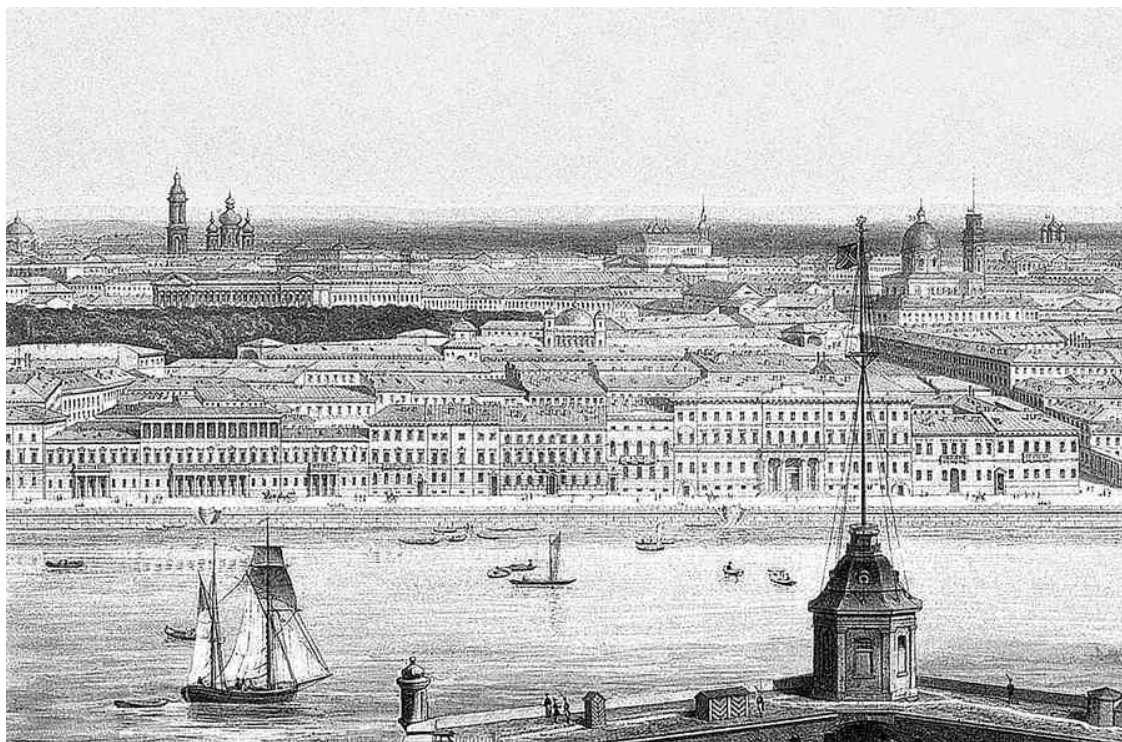
Свои заботы о будущем благоденствии молодоженов щедрый монарх простер до того, что, прикупив к дому де Рибаса смежный с ним участок Рогозинского, заказал архитектору Дж. Кваренги проект перестройки трех домов по набережной в одно большое здание – в виде свадебного подарка. В том же году проект был составлен, а уже летом следующего года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется такое объявление: «1-ой Адмиралтейской части в 1 квартале в домах... Княгини Анны Петровны Гагариной под № 17 и 18 отдаются покои в наем». Дом построили в необычайно короткий срок. Впрочем, зная неистовую торопливость и нетерпеливость Павла I, трудно удивляться такой поспешности. Воистину царский подарок.

Историк Петербурга П. Н. Петров писал, что дом в два этажа, с мезонином и тремя обширными балконами, поддерживаемыми колоннами, казался для своего времени модной игрушкой, на нее специально ездили любоваться. Со стороны двора был разведен очень грациозный висячий садик, уничтоженный при позднейшей перестройке здания. Довольный император наградил архитектора за эту работу крестом Святого Иоанна Иерусалимского.

Любимец Павла, его брадобрей Кутайсов, пожалованный за свое, надо полагать, и впрямь недюжинное мастерство титулом графа, поселил в соседнем доме по набережной свою любов-

ницу, французскую актрису Шевалье. По словам очевидца, «ежедневно одна и та же карета отвозила императора и его холопа в обители их любви, оказавшиеся так близко друг к другу».

Графиня В. Н. Головина пишет о Лопухиной, что та «имела красивую голову, но была невысокого роста, дурно сложена и без грации в манерах; красивые глаза, черные брови и волосы... прекрасные зубы и приятный рот были ее единственными прелестями... Выражение лица было мягкое и доброе, и действительно, Лопухина была добра и не способна ни желать, ни делать чего-либо злого... Ее влияние проявлялось только в раздаче милостей; у нее не было данных, чтобы распространять его на дела, хотя любовь государя и низость людей давали ей возможность вмешиваться во все. Часто она испрашивала прощение невинных, с которыми император поступал очень строго в минуты гнева; тогда она плакала или дулась и таким образом достигала желаемого».

Ж. Бернардацци. Панорама Петербурга. Фрагмент. 1850 г. Слева – дом П. Г. Гагарина

После смерти Павла Гагарин с женой отправился за границу, где обходился с ней очень плохо, заставив переписать на себя все ее состояние, а вскоре после возвращения в Петербург овдовел. На могиле жены он велел высечь надпись: «Супруге моей и благодетельнице». «Уж хоть бы промолчал», – замечает по этому поводу Н. И. Греч в своих «Записках».

В 1809 году в доме Гагарина случился пожар. В результате сгорел весь мезонин, замененный при восстановлении «безобразной галереей», как выразился о ней тот же Греч. Оставим последнее утверждение на совести желчного журналиста: судя по сохранившимся изображениям, здание не утратило привлекательности и в таком виде.

Что же касается владельца, то ему не откажешь, по крайней мере, в оригинальности. Похоронив жену, он заперся в своем жилище на Дворцовой набережной с большими и увечными собаками, подбираемыми во время одиноких прогулок. Они наполняли весь дом, лежали на диванах и креслах. Целую комнату отвели летавшим на свободе птицам, а голубей и галок князь ежедневно кормил в урочные часы с балкона. Он перестал заботиться о своей внешности

и в сопровождении ливрейного лакея прогуливался по улицам в старом халате и с ермолкой на лысой голове.

П. Г. Гагарин не чуждался литературы, помещая свои стихи в «Вестнике Европы», издаваемом Жуковским. Будучи страстным любителем книг, он собрал большую библиотеку, где имелось много редкостей. В 1831 году князь неожиданно для всех женился на балерине М. И. Спиридоновой, после чего изменил образ жизни, оставил уединение и, «окруженный стаею гнусных собак», поселился в своем поместье на правом берегу Невы.

Е. П. Лунина

В 1806 году в доме Гагарина останавливался П. И. Багратион, а в 1810-х годах здесь поселилась Е. П. Лунина, двоюродная сестра декабриста и знакомая А. С. Пушкина. Они познакомились в послелицейский период жизни поэта. Несмотря на довольно некрасивую наружность, Лунина слыла львицей большого света. Она много путешествовала с матерью, была во Франции, Германии, хорошо знала музыку и обладала прекрасным голосом. В Париже, в салоне королевы Гортензии (супруги короля Голландии Луи Бонапарта, брата Наполеона), она имела такой успех, что Наполеон просил ее петь в дружеском кружке в Тюильри. Этого оказалось достаточно, чтобы сделать ее знаменитой в русском обществе. В одном из писем Пушкин сообщал: «Еду сегодня в концерт великолепной и необыкновенной певицы Екатерины Петровны Луниной».

Жила она в нижнем этаже. Однажды ранним утром любивший пешие прогулки Александр I заметил, как кто-то вылезал из окна ее квартиры. Вернувшись во дворец, император призвал к себе обер-полицмейстера и через него велел передать Луниной, чтобы та остерега-

лась, потому что ночью к ней могут влезть и похитить все, что у нее есть драгоценного. Впоследствии Екатерина Петровна вышла замуж за итальянца графа Риччи, певца, поэта и композитора. Он перевел на итальянский язык стихотворения Пушкина «Демон» и «Пророк».

С этим же домом связаны весьма заметные события в жизни самого Пушкина. В 1827–1830 годах здесь проживало семейство А. Н. Оленина, с которым поэт был знаком с юных лет. Весной 1827 года, вернувшись в Петербург после ссылки, Пушкин возобновил старые связи с гостеприимным домом Олениных. Особенно часто он стал навещать их с весны следующего года. Известно его увлечение в то время Анной Алексеевной Олениной. После неудачного сватовства поэта наступило охлаждение в отношениях с семьей Олениных, и с осени 1828 года он прекратил свои посещения. Наряду с Пушкиным частыми гостями здесь были П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, А. Мицкевич.

А. Н. Оленин

После смерти Гагарина в 1850 году дом перешел к его дочери Наталье Павловне (1837–1905), позднее вышедшей замуж за чиновника Министерства иностранных дел М. Д. Жеребцова, по отзыву князя С. М. Волконского, «тонкого, умного человека, одного из виднейших представителей русского католицизма».

А. А. Оленина

В октябре 1855 года здесь нанял квартиру спешно вышедший в отставку министр путей сообщения граф П. А. Клейнмихель (о нем нам еще предстоит говорить далее). Отставку вызвало недовольство Александра II состоянием дорог в Крыму, где он побывал в то время. Впрочем, государь очень скоро сменил гнев на милость и явился в дом Гагариной, чтобы лично выразить соболезнование графу по случаю тяжелой болезни его сына Александра.

В 1860 году архитектор Л. Ф. Фонтана, впоследствии автор таких построек, как гостиница «Европейская», Малый, или Суворинский, театр (ныне БДТ имени Г. А. Товстоногова), здание для художественно-промышленной выставки в бывшем Соляном городке, составил проект перестройки дома Жеребцовой. Трудно сказать, что побудило владельцев обратиться к тогда еще малоизвестному зодчему, недавнему помощнику Г. А. Боссе, делавшему в ту пору лишь первые самостоятельные шаги. Возможно, это было сделано по рекомендации самого Боссе, крупного и всеми признанного авторитета. Так или иначе, выбор оказался удачным: Фонтана не посрамил своего мэтра. В тонкой проработке архитектурных деталей, в изящных лепных украшениях окон второго этажа чувствуется несомненный вкус и хорошая школа.

Дальнейшая судьба дома такова. До самой смерти им владела все та же Н. П. Жеребцова, а затем дом перешел к ее сыну Д. М. Жеребцову, продавшему его в 1914 году богатому заводчику, председателю акционерного общества «Воронин, Лютш и Чешер» И. А. Воронину. Интересно, что сто с лишним лет домом владели представители всего двух фамилий, – такое бывает нечасто.

В 1918 году в бывшей квартире Жеребцовых некоторое время проживала вдова великого князя Константина Константиновича (известный поэт, писавший под инициалами К.Р.) с сыном и дочерью. Большевики выселили их из Мраморного дворца.

И еще одна любопытная подробность. До революции в доме помещалось Императорское Российское автомобильное общество, созданное в мае 1903 года и сыгравшее значительную роль в деле развития автомобильного спорта в России. Оно устраивало международные выставки «автомобилей, двигателей, велосипедов и спорта», а также все более далекие международные автопробеги. И если поначалу работа общества встречала мало сочувствия у правительства, смотревшего на автомобилизм скорее как на забаву, чем на серьезное дело, то в 1909 году за ним уже признают государственное значение.

В заключение несколько слов об ошибке, допущенной в монографиях, посвященных творчеству Джакомо Кваренги, опубликованных в 1970–1980-е годы. В них утверждается, что дом Гагарина находился на месте нынешнего дома № 12–16 и был разрушен в войну. Ошибка очевидная. Дом Гагарина примыкал к бывшему особняку князя Кантемира, принадлежавшему в середине XIX века Министерству финансов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться хотя бы к атласу Петербурга 1849 года, составленному Н. И. Цыловым.

Жаль, конечно, что творение Кваренги не дошло до нас в первоначальном виде, но виной тому не бомба, а естественный процесс изменения архитектурных вкусов. Впрочем, то, что не сделала вражеская бомба, могут сделать наши равнодушие и бесхозяйственность. Ведь давно известно, что всякий дом хозяином держится.

За казенным фасадом (Дом № 12 по Дворцовой набережной)

9 сентября 1941 года, во время одного из первых вражеских налетов на наш город, фашистская бомба полностью уничтожила лицевой флигель некогда богатого особняка на Дворцовой набережной (дом № 14). В числе роковых последствий этого взрыва оказалась «потеря лица» двумя его соседями – слева и справа; после войны разрушенный дом заново отстроили, но, очевидно, в целях экономии подвели все три здания – № 12, 14 и 16 (см. фото на с. 24) – под единый казенный фасад, характерный для эпохи борьбы с индивидуализмом. Впрочем, внутри все три дома так и остались разделенными, сохранив к тому же свои фасады, выходящие на Миллионную.

Несмотря на неоднократные переделки, наружный облик дома № 13 (по набережной – № 12) за истекшие со времени его постройки более двух с половиной сотен лет не так уж сильно изменился. Основа здания осталась прежней: те же три этажа (только окна нижнего, подвального, значительно увеличены), пять окон по фасаду и ворота в центре. Добавлен балкон, и изменилась архитектурная отделка – вот, пожалуй, и все. Разумеется, внутри все полностью перестроено, что неудивительно, если учесть возраст дома.

Фасад дома № 13 по Миллионной улице. Современное фото

Еще в петровские времена камергер Данила Чевкин получил под застройку участок, выходивший на набережную Невы и Миллионную улицу, тогда именовавшуюся просто «большой». К 1730 году уличный флигель полностью отстроили, и часть его уже сдавалась под торговые заведения. Об этом мы узнаем из газетного объявления того времени: «Охотника чинится сим известно, что на сих днях сюда к Иоганну Линдеману, в имеющийся на большой улице покойного Камергера Чевкина дом хорошие, свежие... цитроны привезены, которых каждый по изволению ящиками, сотнями, также и дюжинами по небольшой цене покупать может».

Флигель, выходивший на набережную, умерший к тому времени Чевкин не успел докончить, и он стоял без кровли, вызывая недовольство властей. В таком виде участок перешел по наследству к несовершеннолетним детям Чевкина. Их опекун попытался найти желающих довершить палаты в обмен на право проживать в них в течение определенного срока.

С этой целью он оповестил в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1739 год всех заинтересованных лиц: «В набережной верхней каменной линии, подле двора покойного Генерала Князя Шаховского, не отделаны еще набережные палаты детей умершего Камергера Господина Чевкина, чего ради сим объявляется, ежели кто желает оные палаты отделать и покрыть черепицею, также и на дворе построить... каменные сараи, конюшню и прочее; за то строение

заживать погодно, по чему будет договоренность, то оные охотники могут о том договариваться с Ассессором Камор-конторы господином Нероновым».

Таковым охотником оказался некий «обер-цалмейстер», иными словами – старший казначей Симонов; к нему в 1740-х годах и перешел участок. Надо сказать, что фасад дома на Неву имел довольно курьезный вид: в три (!) неравномерно расположенных окна, с высоким крыльцом с правой стороны, он чем-то напоминал трезиниевские «мазанки» и смотрелся особенно архаично рядом с внушительными палатами генерала А. И. Ушакова, принадлежавшими уже к другой архитектурной эпохе. Таким (или почти таким) он и оставался до середины 1790-х годов, когда очередной владелец участка премьер-майор О. В. Троепольский перестроил его в соответствии с новыми вкусами.

При сравнении картины Б. Патерсена 1793 года, изображающей Дворцовую набережную, с его же раскрашенной гравюрой, сделанной шесть лет спустя, хорошо видны изменения, произошедшие с домом за это время. На картине он почти такой же, как на чертеже 1740-х годов, только исчезло высокое крыльцо да правое нижнее окно увеличено до размеров двери; на гравюре флигель, выходящий на набережную, имеет уже пять окон, а над дверью появляется небольшой балкон. Тогда же, скорее всего, и фасад на Миллионную обрел наружный облик в формах строгого классицизма, близкий к нынешнему.

В середине 1770-х годов дом перешел к библиотекарю Екатерины II, некогда знаменитому «пииту» Василию Петровичу Петрову (1736–1799); его даже величали «вторым Ломоносовым». Сын бедного священника, он провел детство и юность в тяжелой нужде, с трудом поступил в Славяно-греко-латинскую академию, а затем преподавал в ней. В 1762 году Петров создал свое первое произведение – оду, посвященную описанию коронационных торжеств. Ода понравилась императрице, и она пообещала «не забыть» автора. Однако вряд ли Василий Петрович дождался бы исполнения сего туманного обещания, не случись в его жизни несколькими годами ранее встречи и последующей дружбы с Григорием Потемкиным – в ту пору никому не известным студентом Московского университета. Войдя в силу, тот рекомендовал своего друга государыне, и Петрова определили вначале переводчиком при кабинете, а в 1777 году, по возвращении из заграничной командировки, – придворным библиотекарем.

Все эти годы он неустанно пишет оды, послания и лирические стихотворения, принесшие ему славу если не у потомков, то, по крайней мере, у современников. Не обошли его стороной и земные блага: он получил дворянство, богатые поместья, пожизненную пенсию. Многим Василий Петрович обязан покровительству своего могущественного друга, которого он искренне любил и от души им восхищался.

Конечно, большая часть писаний В. П. Петрова безнадежно устарела и по справедливости забыта, но нельзя не согласиться с Державиным, когда он в доказательство несомненного лирического дарования поэта приводит в своих «Записках» строки из его стихов по случаю рождения дочери, обращенные к жене:

О ангел! Страж семьи! Ты вечно для меня
Одна в подсолнечной красавица. Прелестна,
Мать истинная чад, живой источник мне отрад,
Всегда любовница, всегда моя невеста.

Как зеленая трава между булыжниками, пробивается здесь неподдельное чувство.

Выйдя в 1780 году в отставку по причине «болезненных припадков», В. П. Петров переселился в свои имения, но петербургский дом оставил за собой, хотя бывал в нем лишь наездами. Только после смерти Г. А. Потемкина, в 1791 году, оплавав его кончину в написанной по этому поводу элегии, где он, по выражению Державина, «истощил все красоты поэзии и ора-

торского искусства», Василий Петрович решил окончательно расстаться со столицей и продал участок уже упомянутому Осипу Васильевичу Троепольскому.

Перестроив дом, новый владелец поселился в заднем флигеле, а выходивший на набережную стал сдавать в аренду Медико-филантропическому комитету, оказывавшему бесплатную врачебную помощь беднейшим жителям Петербурга, «как в собственной своей квартире, так и в домах, куда они (то есть доктора. – А. И.) потребуются».

В 1811 году бывший дом Троепольского перешел в собственность генерал-адъютанта графа А. П. Ожаровского, пожелавшего, как сказано в архивном документе, «переменить вид дому и выкрасить светло-серой краской». Трудно сказать, в чем именно состояли эти изменения, – первый архитектурный чертеж по данному участку относится уже к 1839 году, но, судя по всему, они были незначительны. Скорее всего, речь шла о каких-то деталях наружной отделки.

А. П. Ожаровский

Адам Петрович Ожаровский (1776–1855), владевший домом более четверти века, заслуживает того, чтобы поговорить о нем подробнее. Он был потомком старинного польского рода, известного уже в XV веке; отец его, великий коронный гетман, в 1794 году принял смерть от варшавских повстанцев за верность русскому престолу. Император Павел пожаловал вдове гетмана и ее детям 1000 душ в Гродненской губернии и обратил свое благосклонное внимание на молодого графа. Это дало юноше возможность поступить на службу в привилегированный Конногвардейский полк.

При Павле служба Ожаровского протекала неровно, – очевидно, уже тогда он начал давать волю своему горячему и беспокойному нраву, за что однажды подвергся наказанию. В приказе указывалась его вина: «Подпоручик Конной гвардии граф Ожаровский за вторичные дерзости и забвение всех должностей исключается из службы с лишением чинов и посажением в крепость».

Впрочем, на другой же день последовало прощение, и строптивец возвратился в полк. После этого случая он поутих и стал вести себя с начальством сдержаннее, что благоприятно отразилось на его карьере. Поднимаясь со ступеньки на ступеньку, Ожаровский в 1802 году дослуживается до полковника, а тремя годами позже под Аустерлицем, проявив незаурядную отвагу, захватывает французское знамя, за что награждается боевым орденом Святого Георгия 4-й степени.

В 1807 году граф подтверждает свою репутацию беззаветного храбреца и удостоивается очередной высокой награды – ордена Святого Георгия 3-й степени; одновременно он получает генеральский чин с назначением в генерал-адъютанты.

Вернувшись в Петербург, Адам Петрович еще раз доказал свое дерзкое бесстрашие – на сей раз на любовном фронте, посягнув на фаворитку императора, знаменитую Марию Антоновну Нарышкину. Легкомысленная красавица не отвергла ухаживаний бравого генерала; их связь стала известна Александру, который, однако, питая слабость к своему адъютанту, закрыл на нее глаза. Рассказывали, что однажды он даже застал любовников на «месте преступления», но и тут позволил коварной изменнице убедить себя, что ничего не было. Этот эпизод не повлиял на отношение императора к Ожаровскому, и последний неизменно сопровождал его во всех дальних путешествиях.

Граф прошел Отечественную войну 1812 года, командуя партизанским отрядом, участвовал в Бородинском сражении и в последующих заграничных походах, был удостоен многих боевых наград. Его портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Крайне заносчивый и вспыльчивый, Ожаровский часто вызывал недовольство товарищей по службе, начальства и даже самого государя, прощавшего, однако, все его недостатки и дававшего ему ответственные поручения. Не отличаясь полководческими способностями, граф тем не менее воздействовал на солдат личной храбростью и часто с небольшими силами одерживал победы.

А. П. Ожаровский был женат на Марии Павловне Пален, урожденной Скавронской, та вышла за него, разойдясь с первым мужем. Она приходилась матерью графине Ю. П. Самойловой, увековеченной на картинах Карла Брюллова. В 1833 году граф получил назначение в Варшаву, где ему предстояло занять должность члена Государственного совета Царства Польского.

К 1839 году опустевший дом Ожаровских приобрела супруга гвардии поручика О. А. Рюмина, чей превосходный портрет кисти Ореста Кипренского, принадлежащий к лучшим творениям мастера, находится ныне в Русском музее. Правда, художник написал его в 1826 году, когда Олимпиаде Александровне едва минуло девятнадцать, к моменту же покупки дома она была уже зрелой женщиной, матерью многочисленного семейства.

О. А. Рюмина

О. А. Рюмина, урожденная Бороздина, происходила из почтенного дворянского рода, давшего немало государственных и военных деятелей. Прадед ее, Корнилий Богданович, прославился в Семилетнюю войну, много сделав для развития отечественной артиллерии. Зато муж Олимпиады Александровны, гвардии поручик Иван Рюмин, не мог похвастаться родословной: отец его, Гаврила Васильевич, наживший огромное состояние винными откупам, лишь при Павле получил дворянское достоинство, и ему специальным указом пожаловано было право на покупку деревень с крестьянами. Столь быстрое возвышение весьма типично для нашей российской истории, изобилующей примерами попадания «из грязи да в князи».

Интересные сведения о новоявленном помещике приводит в своих «Записках» А. М. Тургенев: «Я сам знал откупщика Гаврилу Васильевича Рюмина, который благородную свою карьеру начал подносчиком в кабаке села Камбушева... Рюмин в кабаке в драке ударил крестьянина по виску крючком... и крестьянин упал мертвым. Этого убийцу Рюмина я видел статским советником, следовательно, дворянином, в орденах... губернским предводителем дворянства и владельцем того села Камбушева, в котором Гаврилу Васильевича пред кабаком секли плетью за смертоубийство и в котором Гаврила Васильевич Рюмин давал благородному дворянству пиры, балы, а в городе Рязани имел счастье угощать в своем доме... государя императора Александра I».

Впрочем, «рязанский Лукулл», как величали Гаврилу Васильевича лстивые сограждане, прославился и широкой благотворительностью, особенно в 1812 году, когда он пожертвовал около миллиона на военные нужды. Г. В. Рюмин закончил свой земной путь владельцем более 10 тысяч крепостных. Его сыновья, получившие после отца пятнадцатимиллионное наслед-

ство, были приняты в лучшем обществе, а их собственные дети состояли в родстве с самыми знатными фамилиями и могли уже почитать себя аристократами.

Купив дом, Рюмины несколько повысили третий этаж как со стороны набережной, так и со стороны Миллионной; при этом фасад дома № 13 приобрел тот вид, который в основных чертах сохраняет и по сей день. Спустя двадцать лет, в 1859 году, овдовевшая к тому времени О. А. Рюмина, следуя переменчивой моде и, очевидно, желая придать своему жилищу более богатый и внушительный облик, вновь перестраивает его по проекту К. Я. Маевского. На сей раз изменениям подвергся лишь фасад, выходящий на набережную, переделанный в эклектическом стиле; корпус же на Миллионной (хотя проект предусматривал «обогащение» и для него!), судя по старой открытке, остался в прежнем виде.

После смерти Олимпиады Александровны, скончавшейся в 1865 году, дом достался по наследству ее дочери, княгине Н. И. Мещерской, бывшей замужем за флигель-адъютантом Александром Петровичем Мещерским, внуком историка Карамзина и братом пресловутого издателя газеты «Гражданин».

На протяжении последующих пятидесяти лет участком владели представители высшего столичного общества: княгиня М. Н. Васильчикова, граф Н. С. Строганов, светлейший князь И. Н. Салтыков. Каждый из них вносил во внутреннее убранство дома что-то свое, но в целом дом всегда оставался небольшим особняком, отделанным с наружной скромностью, но с внутренним богатством и изяществом.

С 1914 года дом переходит во владение элитарного Нового клуба, председателем которого до своей высылки из Петрограда за участие в убийстве Распутина являлся князь Феликс Юсупов, а его заместителем – светлейший князь Константин Горчаков. Клуб был основан в 1889 году, чтобы составить конкуренцию другому аристократическому собранию – Императорскому яхт-клубу, и среди его учредителей числилось трое великих князей и множество титулованной знати. Вначале он помещался в доме Черткова на той же набережной (№ 22/1), но вскоре переехал в особняк Н. М. Половцовой (№ 14), чей муж, государственный секретарь А. А. Половцов, входил в число учредителей. В 1908 году Новый клуб покупает дом № 14, а еще через несколько лет приобретает и соседний участок.

Устав клуба не отличался новизной и оригинальностью. Он допускал коммерческие карточные игры и бильярд (за особую плату), требуя при этом лишь соблюдения тишины и благопристойности, а главное – своевременной уплаты проигрышей в трехдневный срок, грозя в противном случае изгнанием из членов. Вступительный и членский взносы были высоки – соответственно 400 и 250 рублей ежегодно. Неженатые члены клуба могли нанимать пустующие помещения в принадлежащем ему здании, что представляло немалое удобство.

Клубные повара славились своим искусством, а погреба – изысканными винами. Можно было также пригласить друзей и устроить для них званый ужин в отдельном кабинете, но за каждые лишние полчаса, проведенные в клубе после его закрытия (то есть после двух часов ночи), взимался штраф, возрастающий в определенной прогрессии, начиная с 1 рубля. С половины шестого утра и до момента открытия клуба (10 или 11 часов) те же полчаса стоили уже 200 рублей.

Так незаметно текло время, становясь все дороже и дороже, пока, наконец, вовсе не иссякло, – и не купить его было уже нельзя ни за какие деньги. Пришел день, когда Новый клуб закрылся навсегда.

Особняк-невидимка (Дом № 16 по Дворцовой набережной)

Гуляя по Дворцовой набережной, вы наверняка много раз проходили мимо здания, изображенного на фото, даже не подозревая о его существовании. Это и понятно: особняка в том виде, как он представлен, уже давно не существует. Точнее, он скрыт за длинным фасадом дома № 12–16, сооруженного после войны в стиле так называемого «сталинского ампира». В результате три старинных здания, среднее из которых подверглось разрушению во время бомбардировки, были слиты в одно, к сожалению не украсившее собою невские берега.

Дом № 12–16 по Дворцовой набережной. Современное фото

Чтобы выделить интересующий нас особняк, отсчитайте девять окон от правого края этого сооружения и мысленно удалите четвертый, надстроенный этаж. Можно сказать, что перестройка в большей степени пощадила дом № 16, сохранивший рисунок оконных проемов и вертикальные членения. Но самое главное – уцелели его интерьеры!

Дом № 16 по Дворцовой набережной. Фото 1914 г.

Войдите в парадное, поднимитесь по широкой двухмаршевой лестнице с ажурными металлическими перилами, и вас охватит атмосфера старинного петербургского особняка, хотя и утратившего изрядную долю бывшего великолепия.

Как жаль, что вот так, одним махом, вместо того чтобы восстановить одно, уничтожили еще два превосходных здания, обезличив их скучным фасадом. Учитывая важную роль дома № 14 в перспективе Дворцовой набережной, его конечно же следовало восстановить в прежнем виде, как восстанавливали сотни других зданий, занимавших куда более скромное место в архитектурных ансамблях города.

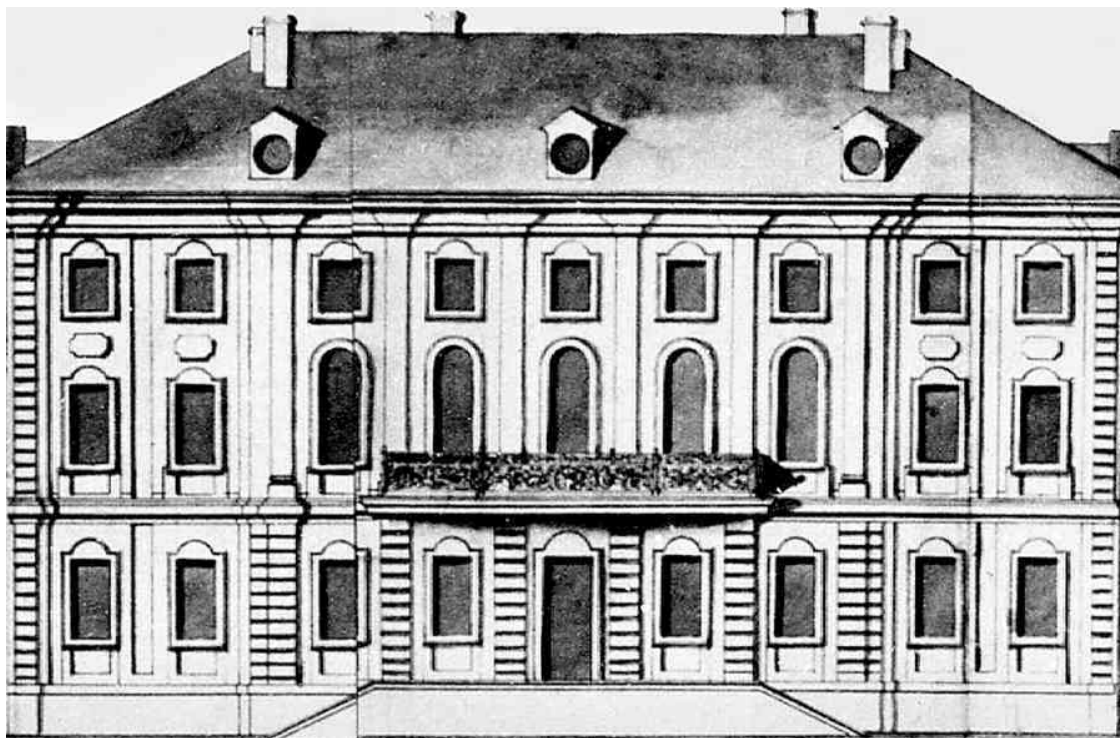
Во флигеле, выходящем на Миллионную улицу (дом № 17), под слоем эклектического грима также можно обнаружить первоначальные черты: характерный ритм окон, горизонтальную тягу над воротами, да и сами ворота остались на том же месте, где находились всегда.

Дом № 16 по Дворцовой набережной. Парадная лестница. Фото 1914 г.

Как выглядели описанные здания два с половиной века назад, можно видеть на чертежах из бесценной коллекции Берхгольца, хранящейся в Стокгольме.

Постройка дома (два его флигеля составляют одно целое) относится к началу 1730-х годов. В это время императрица Анна Иоанновна возвратила Петербургу значение столичного города, переехав сюда из Москвы со всем двором. Вновь оживилось заглохшее было строительство; для его ускорения императрица издает ряд грозных указов, после чего набережные Невы начинают пополняться новыми каменными домами. К 1732 году на «верхней набережной» (ныне Дворцовая) выросли большие трехэтажные палаты начальника Тайной розыскной канцелярии генерала Андрея Ивановича Ушакова. С тех пор оба флигеля неоднократно перестраивались.

Дом А. И. Ушакова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

В конце 1750-х годов архитектор А. Ф. Кокоринов перестроил бывший дом Ушакова для его зятя, графа П. Г. Чернышева (1712–1778), отделав внутри с пышным великолепием. В 1780–1790-х годах здание обрело классицистические черты. В 1846 году оно вновь перестроено по проекту Н. Е. Ефимова в стиле модного тогда итальянского Возрождения; в 1904 году архитектор Н. Т. Стуколкин немного изменил фасад, утяжелив его формами перезрелой эклектики. Этот вид, в общих чертах, дом сохранял до момента последней перестройки в послевоенные годы. Флигель же на Миллионной приобрел свой нынешний облик в 1899 году, после надстройки четвертого этажа с одновременной переделкой фасада по проекту гражданского инженера Ф. М. Вержбицкого.

П. Г. Чернышев

А теперь поговорим о людях, которые здесь жили. Итак, Андрей Иванович Ушаков – первый владелец дома. О значении, каковое приобрел сей государственный муж с первых же лет правления Анны Иоанновны, свидетельствует уже тот факт, что государыня ежегодно посещала устраиваемые им празднества по случаю дней его рождения. Об одном из них «Санкт-Петербургские ведомости» от 23 августа 1733 года сообщали следующее: «В прошедшее воскресенье в полдень изволили Ее Императорское Величество с высокою своею фамилиею на учиненном от его превосходительства Генерала Ушакова ради его дня рождения преславном банкете... присутствовать. Во время обеда... из поставленных по сторону его на Неве построенных палат пушек при питии за здоровье многократно палили, а после оногo от гренадерской роты к увеселению Ее Императорского Величества гранаты бросаны были, которые, понеже оне в воде разорваться принуждены были, зело изрядное действие чинили».

А. И. Ушаков

Вероятно, нет надобности подробно останавливаться на личности А. И. Ушакова. Благодаря роману В. Пикуля «Слово и дело» она достаточно известна. Но интересно отметить, что жестокий и беспощадный «пыточных дел мастер» был нежным, любящим отцом. Свою единственную дочь Екатерину он выдал замуж за крестника Петра I, графа Петра Григорьевича Чернышева, сделавшего благодаря тестю блестящую карьеру. Чернышев был человеком умным и небесталанным, но, отличаясь невероятной спесью, тщеславием и высокомерием, не заслужил ничьей любви. Вдобавок он прославился неимоверной скупостью; так, например, своим дочерям он выдавал карманные деньги медными монетами, что в его кругу почиталось весьма неприличным...

Знал, разумеется, о чрезмерной бережливости графа и его родственник, будущий фельд-маршал С. Ф. Апраксин, пасынок Ушакова. По этой причине, сообщая в 1747 году Чернышеву о тяжелой болезни его тестя, в конце письма он не забывает приписать: «... извольте быть без всякого сомнения: что есть в доме вашем, то все будет в целости, так хотя бы вы сами при том были».

В том же году Ушаков умирает, и дом переходит по наследству к его дочери Екатерине Андреевне, матери двух знаменитых женщин своего времени: графини Дарьи Петровны Салтыковой и княгини Натальи Петровны Голицыной («Пиковой дамы»). Благодаря Пушкину интерес к последней не иссякает доныне, и она конечно же этого заслуживает, являясь одной

из самых ярких фигур светского общества на протяжении многих десятилетий. Но и старшая ее сестра, Дарья Петровна, также достойна внимания. После смерти матери в 1779 году особняк достался ей. Правда, Салтыковы большей частью проживали в другом своем доме, принадлежавшем мужу и находившемся на Галерной (ныне Английской) набережной, сдавая дом жены внаем.

Время от времени «Санкт-Петербургские ведомости» публиковали объявления вроде нижеследующего: «В большой Миллионной и на набережную дом Его Сиятельства супруги г. Генерал-Аншефа и Кавалера, Графа Ивана Петровича Салтыкова Графини Дарьи Петровны под № 15 отдается в наем Генваря с 1 числа будущего 1781 года, в коем бельэтаж довольно снабжен хорошими мебелями, а протчих покоев и всяких служб и погребов для большого дому весьма достаточно; желающие нанять его, о цене осведомиться могут в галерной набережной в доме ж Его Сиятельства...»

В собрании Эрмитажа имеются великолепные миниатюрные портреты супругов Салтыковых работы художника А. Ритта, дающие представление о характере каждого из них.

Д. П. Салтыкова

Графиня Дарья Петровна Салтыкова (1739–1802) провела, как и сестра, детские годы в Англии, где их отец служил посланником, и получила там прекрасное образование. По словам современника, она соединяла в себе «всю важность русских боярынь допетровского времени с утонченной вежливостью придворных дам версальского двора». Будучи женщиной самых

строгих правил и стоя неизмеримо выше мужа по уму и нравственным качествам, графиня снисходительно, с оттенком презрения относилась к его бесчисленным любовным похождениям, никогда не унижаясь до ревности. Муж платил ей уважением и глубокой привязанностью, а после ее смерти остался безутешен. Высокого роста, представительная, Дарья Петровна напоминала своей величественной наружностью Екатерину II.

И. П. Салтыков

О муже ее, генерал-аншефе, а затем фельдмаршале Иване Петровиче Салтыкове (1730–1805), можно сказать лишь то, что он обладал мягким, добродушным характером и был чрезвычайно прост и доступен в обращении. Не одаренный большим умом, он, однако, отличался сметливостью и даже хитростью, любил женщин и кутежи, а паче всего – охоту, ей посвящал все свободное время, имея до сотни собственных псарей.

После смерти стариков Салтыковых дом на Дворцовой набережной наследовала их младшая дочь Анна¹, но ввиду ее постоянного пребывания по болезни за границей фактически им распоряжалась ее старшая сестра Прасковья, использовавшая его для своих целей.

¹ В Адресной книге С.-Петербурга, изданной в 1822 году С. Аллером, владелицей дома по ошибке названа графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская.

П. И. Мятлева

Прасковья Ивановна Мятлева (1772–1859), мать известного поэта-юмориста Ивана («Ишки») Мятлева, друга Пушкина, также была женщиной незаурядной. Воспитанная матерью в духе полученного ею самой заграничного образования, она, как утверждают, представляла собой «совершенство неподражаемого тона». Обладая большим сценическим талантом, Прасковья Ивановна принимала участие в придворных спектаклях, и ее страсть к театральным представлениям с годами не уменьшалась. В одной из длинных зал салтыковского дома на Дворцовой набережной устроили сцену, где в зимнюю пору игрались французские пьесы.

Г. В. Орлов

В 1825 году в доме поселился возвратившийся из-за границы овдовевший супруг Анны Ивановны, граф Григорий Владимирович Орлов (1777–1826), племянник покойного фаворита Екатерины II, названный Григорием в его честь. Это был человек чудаковатый, завзятый меломан, большой поклонник искусства, в особенности итальянского. Современник так описывает его внешность: «Граф был беловолос, как чухонец, бледного лица, глаза оловянные, высокого роста, сухощавый, и длинное его туловище огибал бледно-оранжевого цвета бархатный, блестящими покрытый, французского покроя кафтан, исподнее – того же цвета и также покрыто блестящими». Описание относится к началу 1797 года, то есть к царствованию Павла. Император не жаловал таких щеголей. Отношения их, как и следовало ожидать, не сложились, и Орлов должен был оставить службу. Через два года он женился на Анне Ивановне Салтыковой, чья болезнь вынудила их уехать для лечения за границу, откуда граф вернулся уже один. Жить ему оставалось полтора года.

В парижском доме Орловых собирались ученые и писатели; однажды хозяйка подала мысль о желательности нового перевода басен Крылова на французский язык, и почти все выдающиеся литераторы изъявили готовность участвовать в этом деле. Супруги Орловы приложили немало стараний к тому, чтобы внести во французскую речь как можно больше русского духа. Наконец лучшие 89 басен Крылова, украшенные великолепными гравюрами, Г. В. Орлов роскошно издал на русском языке вместе с французскими и итальянскими переводами, над которыми трудились более восьмидесяти писателей. Этим изданием граф внес свой вклад в популяризацию русской литературы за границей.

Умер он внезапно, потеряв сознание и упав с лестницы по дороге в Сенат.

Поскольку дом Орловых был заложен графу А. И. Апраксину, то в 1829 году, по истечении срока платежа, он перешел к новому владельцу. Об Александре Ивановиче Апраксине можно сказать немного. Принадлежал он к известному роду, издавна владевшему земельными участками в районе нынешнего Апраксина двора. Ему, в частности, принадлежала позднее застроенная так называемая Апраксина площадь на углу одноименного переулочка и набережной Фонтанки.

С. А. Радзивилл

Новый хозяин не жил в доме на Дворцовой набережной, сдавая его внаем, а в 1846 году продал участок князю и княгине Радзивиллам. Софья Александровна Радзивилл, урожденная княжна Урусова (1806–1889), владела особняком более сорока лет, поэтому стоит рассказать о ней подробнее.

Среди приписываемых Пушкину стихотворений есть такое:

Не веровал я Троице доньше:
Мне Бог тройной казался все мудрен,
Но вижу вас – и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

По преданию, поэт посвятил этот мадригал юной Софье, самой красивой из трех сестер Урусовых, в чьем доме в Москве он часто бывал весной 1827 года. Издатель журнала «Русская старина» М. И. Семевский рассказывает по этому поводу: «Прекрасная среда, его окружавшая, красота и любезность молодых хозяек действовали на нашего поэта возбuditельно, и он, проводя почти каждый вечер у князя Урусова, бывал весьма весел, остер и словоохотлив». Увлечение Софьей едва не привело Пушкина к дуэли с артиллерийским офицером В. Л. Соломирским, приревновавшим поэта, коему княжна оказывала явное предпочтение. Впрочем, друзья уладили их ссору, и все окончилось миром и распитием шампанского...

На коронационных торжествах, состоявшихся в том же году, новый царь, Николай I, обратил внимание на Софью, и она получила фрейлинский шифр².

Внимание монарха к юной красавице зашло гораздо дальше, чем следовало. Один из французских историков николаевского времени так писал об этом: «Император не заслуживает никакого упрека (в супружеской измене. – А. И.), если не считать нескольких нежных изъяснений, тайно сделанных одной княжне, прославившейся своей красотой... Княжна Урусова, ныне княгиня Радзивилл, бесспорно представляла собой законченный тип русской красавицы. Нельзя было встретить цвет лица чище и свежее. Ее волосы спадали мягкими и обильными волнами на округленные плечи – со всей роскошью античного контура. Особенно хороши были ее глаза – большие, голубые, полные света и неги, глаза, излучавшие вокруг какую-то магнетическую силу».

Этому описанию вполне соответствует портрет княгини Радзивилл работы Л. Фишера с оригинала Ф. К. Винтергальтера.

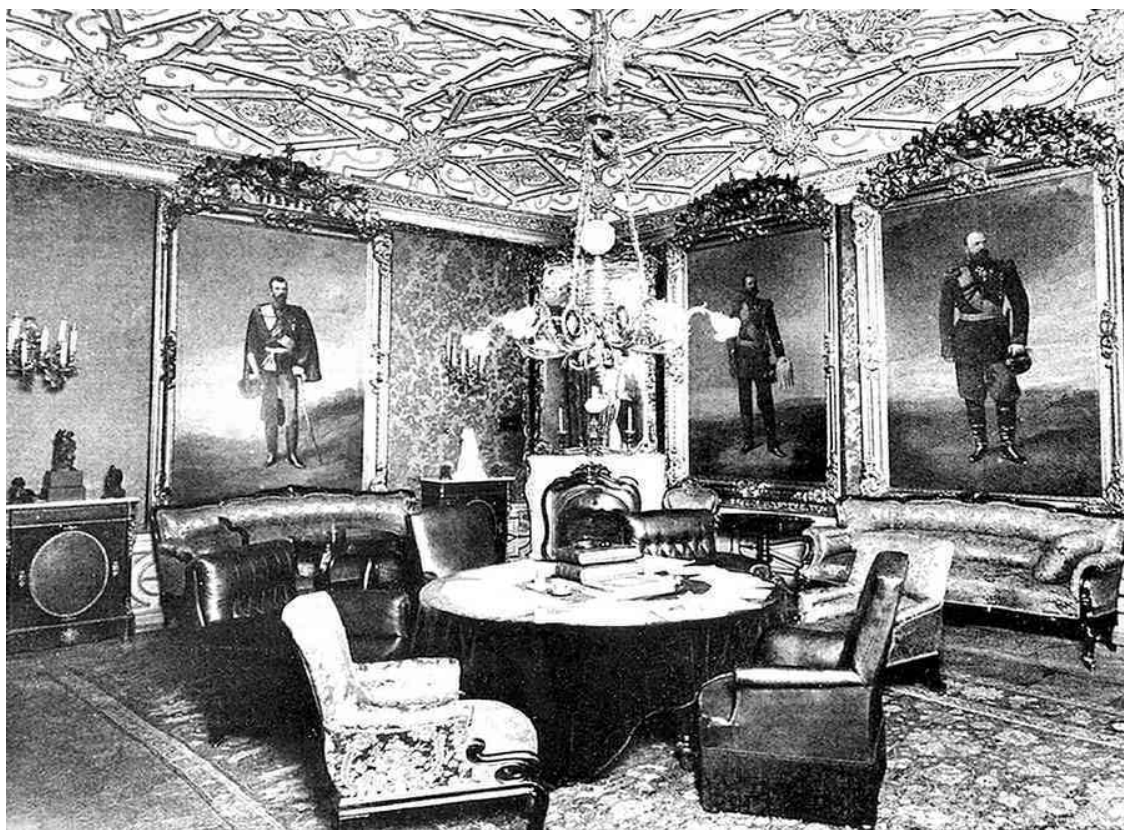
28 января 1833 года княжна Урусова вышла замуж за флигель-адъютанта, впоследствии свитского генерала, князя Леона Людвиг Радзивилла. На обстоятельства, при которых свершился этот брак, бросает кое-какой свет или, вернее, тень двусмысленный намек П. А. Вяземского в письме Жуковскому, написанном на другой день после свадьбы: «Урусова вчера обратилась в княгиню Радзивилл, по крайней мере, духовно: о дальнейшем преображении не ведаю. Да едва ли! Он был очень болен и не совсем еще оправился, а женился потому, что последние дни настали».

Со времени замужества имя Софьи Радзивилл перестало служить предметом для светского злословия, и «фавор» ее кончился. Она на несколько лет пережила мужа и скончалась в глубокой старости 17 июля 1889 года в Париже, где и похоронена.

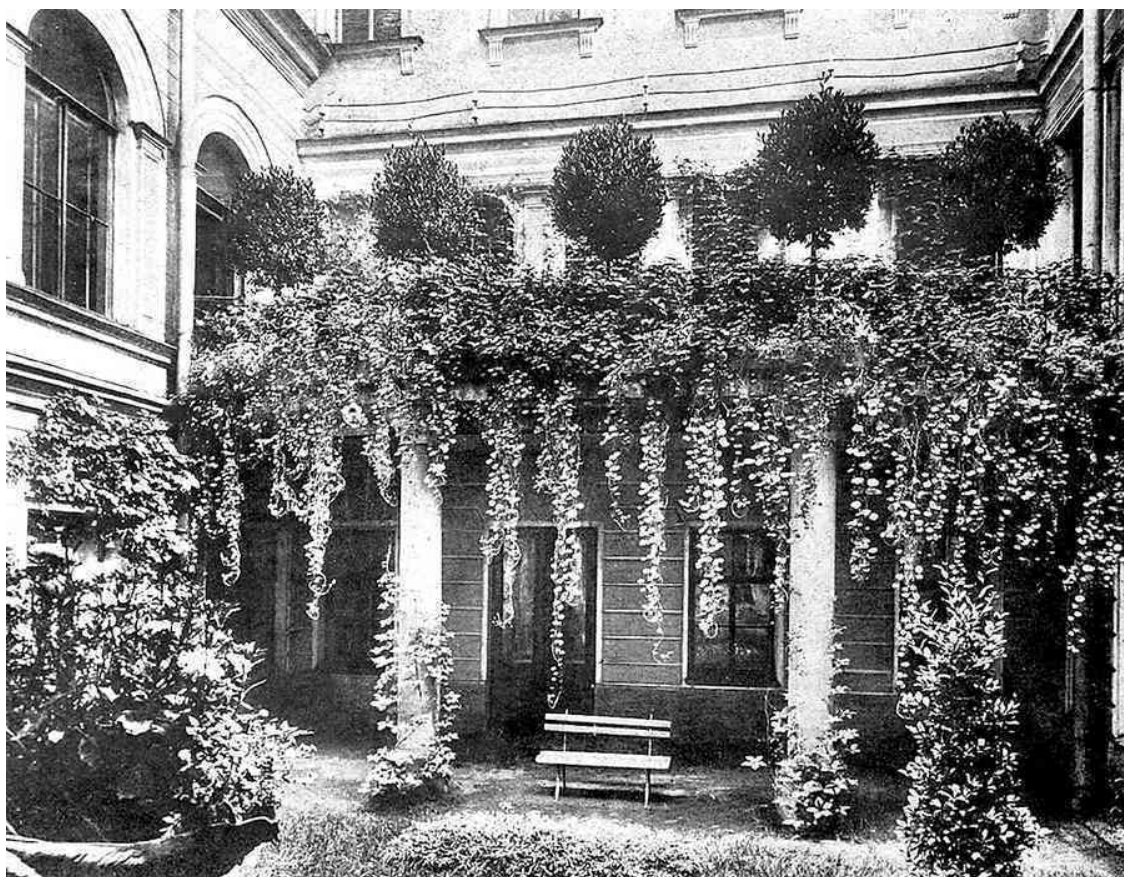
Наследники продали особняк Английскому собранию, оно оставалось здесь около тридцати лет, до самой революции, сменив перед этим несколько адресов. Основано же собрание еще в 1770 году. Первоначально членами его являлись иностранцы, преимущественно немецкие и английские купцы, но уже через несколько лет Английский клуб превратился в элитарное, закрытое сообщество, и принадлежать к нему считалось очень почетным.

Жизнь клуба изобиловала множеством традиций. В стенах его никогда не бывало женщин, вход посторонним строго воспрещался. Члены клуба имели раз и навсегда определенные места за обеденными столами; нередко случалось так, что двое членов, пришедших пообедать, сидели спинами друг к другу, в разных концах столовой, не разговаривая, но зато на своих местах...

² Бриллиантовый вензель императрицы на голубом банте, получаемый при назначении на эту придворную должность; носился на левом плече.

Дом № 16 по Дворцовой набережной. Английское собрание. Портретная. Фото начала XX в.

Английское собрание. Садик. Фото начала XX в.

Английское собрание всегда славилось изысканной кухней. В предреволюционные годы шеф-поваром там служил знаменитый Демьян, получавший десятитысячное жалованье и всегда готовивший сам.

В портретной гостиной на стенах висели изображения всех государей, в чье царствование собрание уже существовало, кроме императора Павла, не признававшего его, как и любые публичные собрания.

Благодаря стараниям одного из старшин клуба, страстного любителя цветов, внутренний дворик превращался летом в красивый садик. Все это можно видеть на публикуемых фотоснимках, дающих некоторое представление об интерьерах здания, ставшего ныне особняком-невидимкой.

Пенаты графа Соллогуба (Дом № 20/2 по Дворцовой набережной)

«На углу Дворцовой набережной и Мошкова переулка находится поныне небольшой дом, примыкающий к дворцу великого князя Михаила Николаевича. Я не могу до сих пор проехать мимо этого дома без сердечного содрогания. Мне все кажется, что он мне улыбается и подмигивает, как будто упрекает, что я ему не кланяюсь, и шепчет: «А ведь, кажется, родня, кажется, дружно жили! Только ты устарел и разрушился... а вот я еще все стою молодцом, и ничего мне не делается».

Дом № 20/2 по Дворцовой набережной. Современное фото

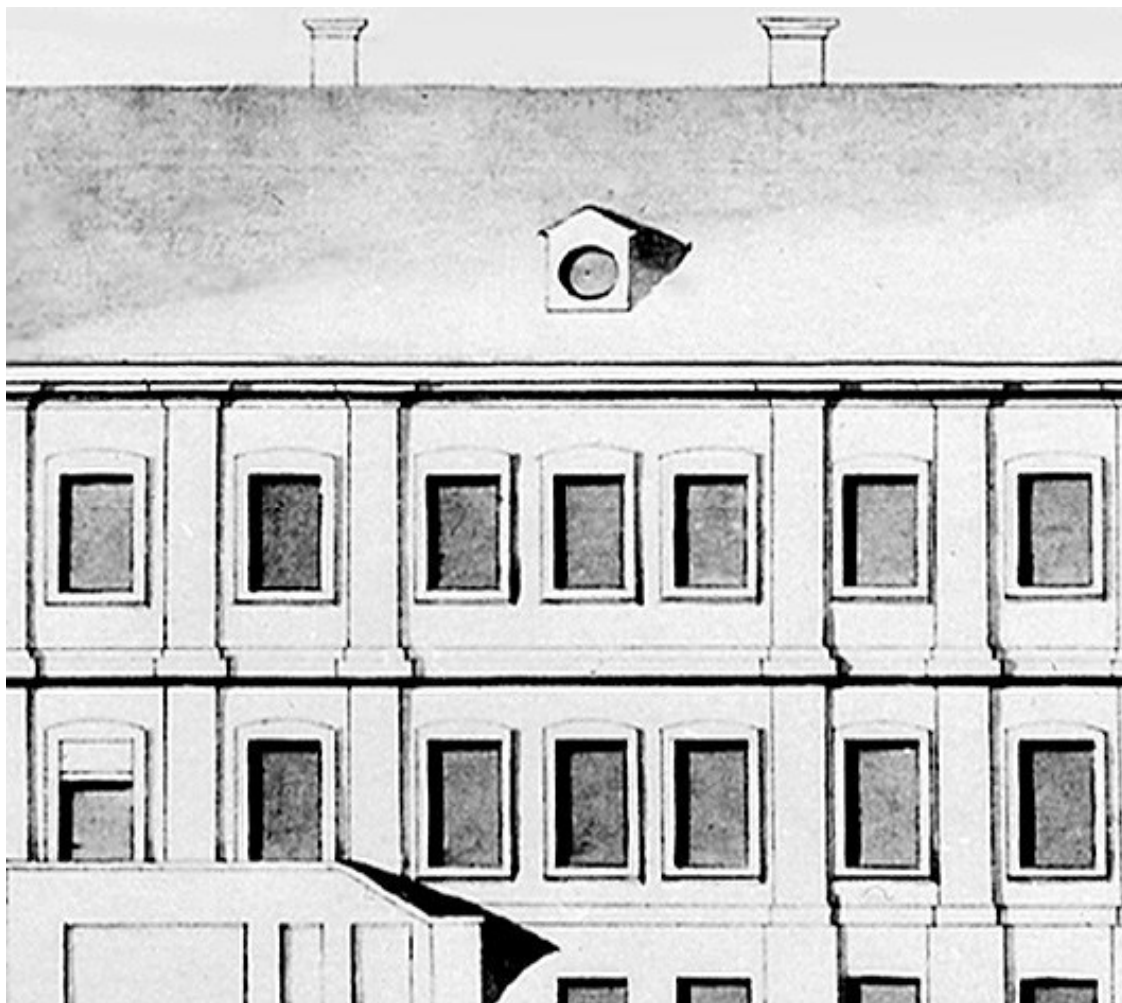
Эти строки из воспоминаний В. А. Соллогуба относятся к дому № 20/2, где прошло его детство. Многих людей видел дом на своем веку, но лишь один посвятил ему такие теплые слова. Может быть, потому, что он – писатель, а может, потому, что детские воспоминания – они навсегда. Будем же называть дом именем Соллогуба, хотя его семья владела им сравнительно недолго – каких-нибудь десять лет. Это покажется еще меньше, если учесть, что дому перевалило за 250, и он принадлежит к старейшим в Петербурге.

В. А. Соллогуб

Есть у дома примечательная особенность – он единственный среди жилых домов на Дворцовой набережной в значительной степени сохранил первоначальный вид. Правда, исчезли пилястры, некогда украшавшие его фасад, и небольшое крылечко с левой стороны, а вместо этого появился балкон. Незначительные переделки фасада, осуществленные в 1857 году архитектором Х. И. Грейфаном, не слишком отразились на внешнем облике здания, не нарушив его силуэта.

Как выглядело оно в середине XVIII столетия, можно видеть на снимке с чертежа из коллекции Берхгольца. В ту пору дом принадлежал своему первому владельцу вице-адмиралу (позднее адмиралу) Захару Даниловичу Мишукову (1684–1762), он его и построил в 1730-х годах.

Дом З. Д. Мишукова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Начав службу четырнадцатилетним мальчиком, когда царь Петр еще только приступал к созданию русского флота, он участвовал во многих сражениях, в том числе при Гангуте, испытав все превратности военной службы, побывав и в шведском плену, и под русским судом. Судили его не за уголовное, а за воинское преступление – неудачные действия при бомбардировке Кольберга в 1760 году, во время Семилетней войны, и этот печальный эпизод завершил его службу.

В следующем году он продал оба своих дома (кроме того, что на Неве, у него имелась еще усадьба на Мойке, где позднее открылся знаменитый Демутов трактир) и вскоре умер среди тревог и волнений. Был он истинным «птенцом гнезда Петрова», всей душой преданным делу, но отличался излишним простодушием, о чем свидетельствует случай, рассказанный историком князем М. М. Щербатовым. Приведу его словами подлинника: «Захар Данилович Мишуков... любимый государем (Петром I. – А. И.) яко первый русский, в котором он довольно знания в мореплавании нашел... быв на едином пиршестве с государем в Кронштадте и напившись несколько пьян, стал размышлять о летах государя, о оказующемся слабом его здоровье, и о наследнике, какого оставляет, и вдруг заплакал. Удивился государь, возле которого он сидел, о текущих его слезах, любопытно спрашивал причину оных. Мишуков отвечивал, что он... примечая, что здоровье его, государя и благодетеля, ослабеваает, не мог от слез удержаться, прилагая при том простой речью: «На кого ты нас оставишь?» Ответствовал государь: «У меня есть наследник» – разумея царевича Алексея Петровича. На сие Мишуков спьяна и неосторожно сказал: «Ох! Ведь он глуп, все расстроит». При государе сказать так о его наследнике,

и сие не тайно, но пред множеством сидящих! Что ж сделал государь? Почувствовал он вдруг дерзость, грубость и истину и довольствовался, усмехнувшись, ударить его в голову с приложением (то есть прибавив при этом. – А. И.): «Дурак, сего в беседе не говорят».

Остается добавить, что разговор этот состоялся в 1718 году, незадолго до гибели злополучного царевича, а простодушный ответ Захара Даниловича лишь подтверждал тайные мысли самого царя, чем и объясняется столь мягкое наказание за неосторожные слова.

Но вернемся к дому. Итак, в 1761 году его купил богатый петербургский купец Петр Терентьевич Резвый. О нем сохранились два предания: первое касается происхождения его богатства, а второе – не совсем обычной фамилии. Будто бы в молодости, плывая шкипером на голландском корабле, он вошел в сговор со своим земляком, осташковским мещанином Саввой Яковлевым, тоже шкипером, и на обратном пути из Бразилии сообщники присвоили несколько неучтенных бочонков с золотом, принадлежавших умершему хозяину судна. С тех пор дела обоих круто пошли в гору.

Д. П. Резвый

Что до фамилии неожиданно разбогатевшего шкипера, то, согласно семейной легенде, первоначально он звался Петром Балкашиным, но затем императрица Елизавета Петровна нарекла его Резвым якобы за непревзойденное умение плясать трепака. Занявшись рыбной торговлей, удачливый купец приобрел в устье Невы два острова, из которых сохранился лишь один – Малый Резвый.

Вскоре после покупки дома у Петра Терентьевича родился сын Дмитрий – будущий герой Отечественной войны 1812 года, чей портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Вся его тридцатилетняя служба прошла в битвах и сражениях. Начав ее с русско-турецкой войны 1787–1791 годов под командованием Суворова, он по болезни вышел в отставку в 1815-м в чине генерал-майора.

По отзывам современников, Дмитрий Петрович Резвый был человеком на редкость образованным и просвещенным, одаренным разнообразными способностями. Ему принадлежит самая активная роль в преобразовании нашей полевой артиллерии в период подготовки России к войне с Наполеоном. В бою при Прейсиш-Эйлау он впервые применил нанесение массированного артиллерийского удара, и этот тактический прием во многом способствовал успеху русской армии.

Относительно слабое его продвижение по службе объяснялось ненавистью, питаемой к нему Аракчеевым. О причинах ее рассказывают следующее. Однажды у Дмитрия Петровича собралось несколько офицеров-сослуживцев. Говорили о том, что Аракчеев недавно сказал кому-то из артиллерийских офицеров: «Уйди ты в отставку – да я тебе пенсию в тысячу рублей назначу!» На это хозяин будто бы воскликнул: «Тысячу! Да я ему самому дам три тысячи от себя, только бы ушел». Слова эти, как водится, дошли до Аракчеева, и в результате Резвого постоянно обходили по службе, и даже при отставке, прослужив пятнадцать лет в чине генерал-майора, он так и не получил генерал-лейтенанта.

Х. А. Ливен

После смерти отца Д. П. Резвый унаследовал дом на Дворцовой набережной, но спустя несколько лет, в 1801 году, продал его генерал-адъютанту графу Христофору Андреевичу Ливену, любимцу императора Павла, в двадцать два года ставшему фактически военным министром. При Александре I Х. А. Ливен вступил на дипломатическое поприще, где, впрочем, его решительно затмила супруга Дарья Христофоровна, урожденная Бенкендорф, сестра николаевского шефа жандармов.

По словам Вигеля, фактически она исполняла при муже должность посла и советника и даже сама сочиняла депеши. Необычайно вежливая и благовоспитанная, графиня не выносила скуки и посредственных людей, сумев создать в Лондоне, а затем в Париже, салоны, где собирались дипломатические знаменитости и выдающиеся государственные деятели. Сам государь Александр I оказывал ей внимание, беседовал о европейской политике и снабжал устными инструкциями. В 1818-м и 1822 годах она была приглашена царем присутствовать на Аахенском и Веронском конгрессах, что уже следует признать не совсем обычным.

Д. Х. Ливен

Но все это случится в будущем, а в момент приобретения Ливеном дома его юной жене едва исполнилось шестнадцать лет; она отличалась веселым нравом и любила, по собственному ее выражению, «всякую новизну». Даже недавние роковые события 11 марта 1801 года

(убийство Павла) графиня рассматривала лишь с точки зрения разнообразия, внесенного ими в повседневную рутину городской жизни.

Дипломатическая карьера означала многолетнее пребывание за границей, петербургский дом оказался не нужен, и около 1817 года строение продали графу Александру Ивановичу Соллогубу. Вспоминая об отце, его сын пишет, что «он с молодых лет славился необыкновенным, образцовым щегольством... пел приятно в салонах и так превосходно танцевал мазурку, что зрители сбегались им любоваться». А по свидетельству Е. П. Яньковой, «граф был приятной наружности и самый приветливый и ласковый человек, каких я видела».

А. И. Соллогуб

Купив дом, Александр Иванович отделал его как игрушку. Нижний этаж занимал он сам, а в верхнем помещались его жена и дети. Здесь 7 ноября 1824 года семья пережила наводнение. Вот как описывает его В. А. Соллогуб: «К утру в доме началась беготня. Все подвалы были уже залиты. На дворе выступала вода. Мы наскоро оделись и побежали в приемные, выходившие окнами на набережную. Ничего страшнее я никогда не видывал. Это был какой-то серый хаос, за которым туманно очерчивалась крепость... Нельзя было различить, где была река, где было небо... И вдруг в глазах наших набережная исчезла. От крепости до нашего дома забурило, заклокотало одно сплошное, судорожное море и хлынуло потоком в переулок... Вода брызгала уже в уровень нижнего этажа, где, на отцовской половине, находилось много драгоценностей, особенно картин... Но четыре часа пробило. Сутки прошли. Вода стала медленно убывать».

К 1827 году финансовые обстоятельства вынудили А. И. Соллогуба продать дом своему двоюродному брату Кириллу Александровичу Нарышкину, «вельможе большой руки, наружности барской, по уму и остроумию замечательному, но вспыльчивому до крайности». Нарышкин был женат на княжне Марии Яковлевне Лобановой-Ростовской, которой некогда был увлечен будущий декабрист князь Сергей Григорьевич Волконский.

К. А. Нарышкин и М. Я. Нарышкина

В молодости она, по его словам, имела такое хорошенькое личико, что ее называли «головкой Гвидо» (то есть в духе итальянского художника XVII века Гвидо Рени. – А. И.). Приревновав княжну к более счастливому сопернику, Кириллу Александровичу Нарышкину, Волконский нашел повод придраться к нему без всякой причины и вызвал на дуэль. Но, как пишет он в своих воспоминаниях, «мой антагонист мне поклялся, что не ищет руки моей дульцинеи, и год спустя на ней женился». В 1827 году Карл Брюллов на превосходном акварельном портрете запечатлел супругов Нарышкиных во время конной прогулки в окрестностях Рима.

Плодом их брака стала замечательная женщина своего времени Александра Кирилловна Нарышкина, вышедшая в 1834 году замуж за графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова. «Много случалось встречать мне на моем веку женщин гораздо более красивых, может быть, даже более умных... но никогда не встретил я ни в одной из них такого соединения самого тонкого вкуса, изящества, грации с такой неподдельной веселостью, живостью, почти мальчишеской проказливостью», – отзывался о ней В. А. Соллогуб.

А. А. Орлова-Чесменская

После смерти Кирилла Александровича домом несколько лет владел сын, Лев Кириллович, а в 1845 году он продал его графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской, дочери одного из главных сподвижников Екатерины II в начальный период ее царствования. Коренная москвичка, графиня бывала в Петербурге лишь наездами и не жила здесь подолгу. Единственная дочь и наследница огромного состояния, Анна Алексеевна при жизни отца вела не совсем обычный для сверстниц ее круга образ жизни: до упаду танцевала на балах, особенно отличаясь в русских плясках, а в манеже графа изумляла зрителей, «выдергивая на всем скаку ввернутые в стены кольца, а также срубая картонные головы с надетыми на них чалмами и рыцарскими шлемами».

Однако через несколько лет после смерти отца Анна Алексеевна с жаром предалась делам религии и благотворительности, избрав духовным наставником известного фанатика, архимандрита Фотия. Впоследствии она пожертвовала большую часть своих богатств Юрьевскому монастырю, находившемуся под его началом.

Отказав многочисленным претендентам на ее руку и состояние, графиня поселилась возле монастыря и вела строгий и замкнутый образ жизни. Впрочем, приезжая в Петербург, она являлась в большом свете, принимая в своей гостиной избранное общество. По замечанию ее биографа, светские знакомые Орловой и не подозревали, что она проводит изрядную часть времени в молитве и благочестивых трудах.

Анна Алексеевна владела домом недолго. После ее кончины в 1848 году он был куплен богатым петербургским чиновником Владимиром Григорьевичем Алексеевым, ему принадле-

жал также большой доходный дом на углу Невского и Литейного проспектов. Об этом человеке можно сказать только одно: «Он был титулярный советник...»

В 1880-х годах его наследники продали особняк на набережной, и кому бы вы думали? Опять Нарышкину, и опять двоюродному брату Кирилла Александровича, но на сей раз – Эммануилу Дмитриевичу. Довольно странное, прежде не встречавшееся в роду Нарышкиных имя, означающее в переводе «божественный», дано было по желанию Александра I, фактического отца мальчика. Родился он в результате нашумевшего в свое время романа императора с красавицей полькой Марией Антоновной, супругой обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина. Эммануил Дмитриевич, с которым мы еще не раз встретимся в дальнейшем, прославил свое имя крупными пожертвованиями в пользу народного просвещения.

После мужа, умершего в 1902 году, домом до самой Октябрьской революции владела его жена Александра Николаевна, сестра ученого-юриста, историка и философа Бориса Николаевича Чичерина. Она была хорошо известна петербургскому обществу под именем «тетя Саша»; невоздержанная на язык, резкая в обращении даже с самыми высокопоставленными особами, она нажила себе немало врагов. Александра Николаевна приходилась родственницей большевистскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, что, однако, не спасло ее от трагической кончины в 1918 году.

Революционные события застали «тетю Сашу» в тамбовском имении, когда ей было уже за восемьдесят. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях князь С. М. Волконский: «Старуха Нарышкина, бывшая статс-дама, богатая основательница Нарышкинского общежития в Тамбове, давно мозолила глаза (местной ЧК. – А. И.). Она была родная тетка Чичерина, знаменитого наркоминдела... Высокое родство... не спасло: или Чичерин не пожелал вступить, или, как неоднократно объявлялось, «приказ опоздал». Ее подняли на телегу, повезли. Она была мужественна, но по дороге у нее сделался разрыв сердца...»

Таков конец последней владелицы дома, со смертью которой завершилась его старая история и началась новая. Некоторое время назад она чуть было не закончилась гибелью старинного здания: его объявили ветхим и предназначили к сносу. Понадобились усилия людей не равнодушных, чтобы спасти дом от разрушения. Отрадно сознавать, что есть беззаветные энтузиасты, но горько думать, что другие, хладнокровные люди, не моргнув глазом, готовы подписать смертный приговор любому зданию, даже не попытавшись его спасти, только на том основании, что оно старо и отслужило свой век. Хочется сказать подобным людям: старость – это не только недостаток, но и крупное достоинство. Надо не убивать стариков, а лечить их, иначе мы никогда не дорастем до понятия «цивилизация».

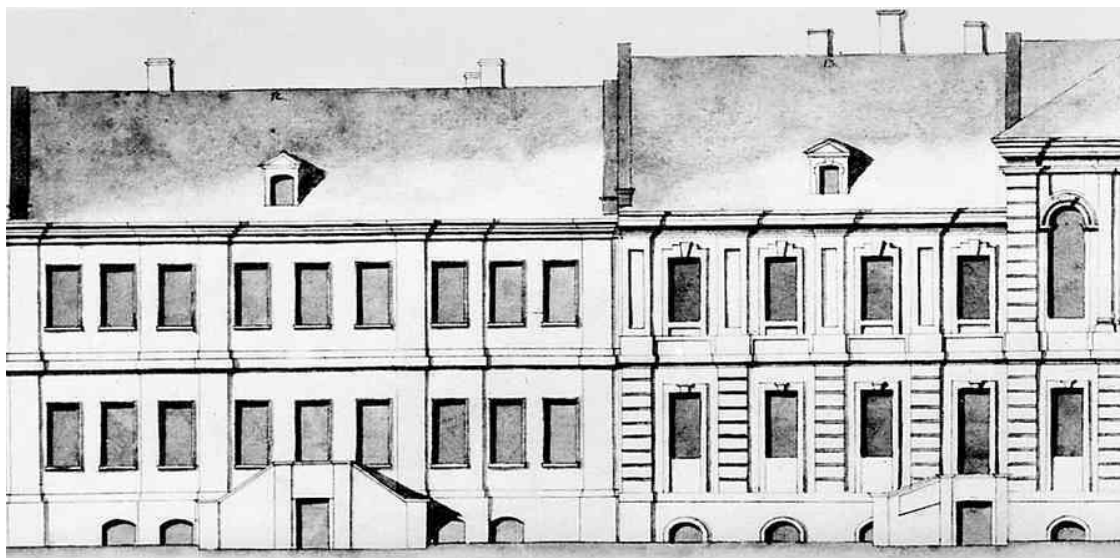
«Стоящий на Неву реку...» (Дом № 22/1 по Дворцовой набережной)

На другом углу Мошкова переулка и Дворцовой набережной, напротив дома Соллогуба, стоит двухэтажное здание с небольшим балконом и аттиком. С 1877 года им владели Чертковы: вначале отец – Григорий Александрович, а затем его сыновья, Григорий и Александр. По заказу Григория Александровича архитектор Р. А. Гедике в 1877–1878 годах взамен двух небольших домов в четыре и девять окон по фасаду, давно слившихся внутри в один, возвел ныне существующее здание. Оно выдержано в том умеренном и экономном стиле, который принято называть «стилем Людовика XVI», то есть раннего французского классицизма.

Дом № 20/1 по Дворцовой набережной. Современное фото

Дом Мурзина и Пальчикова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Среди архитектурных чертежей в коллекции Берхгольца есть лист с изображением палат корабельного мастера Пальчикова и полковника Мурзина – первых владельцев этих зданий. Мурзину принадлежал угловой участок, выходивший на Миллионную улицу и в Мошков переулок (впоследствии его разделили надвое, и объединен он вновь только после приобретения обеих частей Чертковым).

Судя по всему, Мурзин так и не достроил свои палаты на набережной. На это указывает объявление в апрельском номере «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1752 год: «Бывшего флота Капитана Командора Прокофья Мурзина жены его вдовы Натальи Петровой каменный дом на Адмиралтейской стороне в Миллионной набережной в Мошковом переулке желающим купить или взять из выстройки на урочные годы, явиться... в доме Языкова».

Из объявления, во-первых, следует, что вдова не жила в своем доме, а во-вторых, что она предлагала, в качестве одного из вариантов, сдать его в аренду с обязательством достроить.

В 1753 году нашелся покупатель в лице архитектора Мартина Людвига (Мартына Павловича) Гофмана. Этот «каменных дел мастер», как именует его Якоб Штелин, возвел ряд зданий в Ораниенбауме, а из его петербургских построек до нас дошла, хотя и в измененном виде, бывшая немецкая школа (Петершule) при лютеранской церкви Святых Петра и Павла на Невском проспекте.

Гофман владел участком до 1790 года, после чего он перешел к его дочери, а потом к некогда знаменитому французскому танцовщику Пику. Особенно прославился он как автор и исполнитель прелестного балета, в котором 28 апреля 1791 года танцевал сольную партию на балу в Таврическом дворце, данном светлейшим князем Потемкиным в честь императрицы.

А. П. Тормасов

С 1802-го по 1808 год дом принадлежал будущему герою Отечественной войны генералу от кавалерии А. П. Тормасову, умудрившемуся потерять купчую крепость на свое владение и вынужденному разыскивать ее через газету. Надо полагать, в конце концов пропажа нашлась, и в 1809 году домом уже владел гофмаршал Степан Сергеевич Ланской, а после его смерти, в течение почти тридцати лет, – его вдова, Мария Васильевна.

В 1820–1830-х годах здесь жил князь Владимир Федорович Одоевский, женатый на дочери Ланского, Ольге Степановне. В небольшом флигеле в Мошковом переулке, где помещались супруги Одоевские, по субботам собирались многие известные люди того времени.

Обратимся теперь ко второму дому на рассматриваемом нами участке – я имею в виду дом корабельного мастера Пальчикова, где, кстати сказать, содержался до перевода в крепость возвращенный из-за границы царевич Алексей Петрович.

О смерти владельца и продаже дома мы узнаем из «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1746 год: «Стоящий на Неву реку и в Немецкую улицу у Мошкова переулка бывшего Штатского Советника Филипа Пальчикова дом продан быть имеет». Это объявление интересно еще и тем, что здесь употреблено старое, постепенно исчезающее название Миллионной – Немецкая улица.

В. Ф. Одоевский

Дом покойного Пальчикова покупает камергер императрицы Елизаветы Петровны Василий Иванович Чулков. На его примере можно наглядно проследить, как порой делались придворные карьеры. Бывшего придворного истопника со временем пожаловали в камергеры за безукоризненное исполнение особо интимных обязанностей стража царицына алькова. Каждый вечер он появлялся с матрацем и двумя подушками, чтобы провести ночь на полу у постели государыни. Верная заветам старины, Елизавета весьма жаловала обряд чесания пяток на ночь, для чего в спальню приглашались мастерицы этого дела.

На рассвете они удалялись, уступая место Разумовскому, Шувалову или иному временному избраннику, но Чулков оставался на своем посту. В двенадцать часов дня императрица вставала, и случалось, что ее сторож в это время еще крепко спал. Тогда она будила его, вытаскивая из-под головы подушки или щекоча под мышками, а он, приподнимаясь, целовал свою благодетельницу в плечико, называя ее «белой лебедушкой». Столь фамильярная близость к царице принесла ему в конце концов чин генерал-поручика и орден Святого Александра Невского.

К 1791 году бывший дом Чулкова перешел к любимице и наперснице другой императрицы, Екатерины II. Камер-юнгфера (а проще говоря – горничная) Мария Саввишна Перексихина почти сорок лет оставалась при своей государыне, сопровождая ее во всех путешествиях, на прогулках, а иногда и во время парадных выездов.

Она имела право являться в спальню государыни по первому звонку и помогала ей одеваться. Хорошо разбиравшаяся в людях, Екатерина высоко ценила сердечную преданность

простой и малообразованной, но умной и покладистой Перекусихиной. В привязанности одинокой пожилой девицы чувствовался оттенок сентиментальной влюбленности, что дало повод Екатерине в шутку называть себя ее женихом. Однажды она подарила Марии Саввишне дорогое кольцо со своим портретом в мужском костюме, сказав при этом: «Вот тебе жених, которому, я уверена, ты никогда не изменишь».

М. С. Перекусихина

Пользуясь особым доверием Екатерины, Перекусихина любила ее не только как могущественную государыню, но и как обыкновенную женщину, со всеми присущими ей слабостями. Конечно же она знала больше всех о том, что называлось «комнатными обстоятельствами», но умела держать язык за зубами: ни один из ее многочисленных рассказов, записанных современниками, не касался интимной стороны жизни императрицы.

После смерти матери Павел пожаловал Перекусихиной пожизненную пенсию и земельные угодья. Кроме того, как написано в указе, «в рассуждении долговременной и усердной службы, всемилостивейше пожаловали ей в вечное и потомственное владение дом бывшего придворного банкира барона Сутерланда... состоящий на берегу реки Невы, с принадлежащим к нему местом и строением»³.

³ Незадолго до смерти Екатерина II пожаловала этот дом своему секретарю А. М. Грибовскому, но не успела подписать

Мария Саввишна не пожелала перебираться в пожалованный ей особняк на Английской набережной (дом № 66), продав его голландскому купцу Бетлингу, а сама поселилась в собственном небольшом домике неподалеку от дворца. Там, окруженная портретами Екатерины и ее мебелью, она мирно доживала свой век среди близких людей – племянницы Е. В. Торсуковой, ее мужа и дочери.

«Как теперь гляжу я на эту милую старушку, скромно, но всегда опрятно одетую, низенькую ростом, худенькую, в белом, как снег, накрахмаленном чепчике, из-под которого виднелись слегка напудренные волосы, сидящую за своим столом с книжкой или за гранпасьянсом», – пишет в своих воспоминаниях, относящихся к 1818 году, Д. Н. Свербеев. Он же изображает ряд забавных сценок, разыгрывавшихся время от времени в доме отставной камер-юнгферы.

Среди посетителей гостеприимного жилища был П. И. Сумароков, некогда известный, ныне же забытый писатель, племянник знаменитого драматурга. «По семейному чувству он предпочитал... дядю своего, Сумарокова, как поэта и автора, великому Ломоносову. Я был однажды свидетелем весьма интересной литературной, а вернее сказать, ругательной схватки между двумя потомками этих двух великих писателей давно минувшего времени. Соперницей в споре с Сумароковым была девица Константинова, внучка Ломоносова.

Спорили, а потом бранились они между собой за обедом у Перекусихиной, к соблазну десятка собеседников. Старушка-хозяйка долго с негодованием их слушала и насилию угомонила», – писал в своих «Записках» Д. Н. Свербеев.

Этот словесный поединок как будто продолжил яростные застольные стычки между самим Ломоносовым и Сумароковым, нередко происходившие в доме их общего покровителя И. И. Шувалова.

Заезжала проводить Марию Саввишну и небезызвестная московская барыня Н. Д. Офросимова, послужившая прототипом сразу для двух писателей – А. С. Грибоедова (старуха Хлестова) и Л. Н. Толстого (М. Д. Ахросимова). Она специально приезжала в Петербург для наблюдения за служившими в гвардии сыновьями.

Этикетная Перекусихина с трудом мирилась с новыми модами. Однажды, вспоминает тот же Свербеев, когда он приехал к ней с визитом в белых панталонах поверх сапог (в ту пору это только что стало входить в моду), она отправила его обратно, а на все объяснения сурово ответила: «Не у меня, только не у меня! Ко мне, слава богу, никто еще в портках не входит. Отправляйся домой, переоденься и непременно приезжай к обеду: я буду ждать».

Внучатая племянница М. С. Перекусихиной, крестница Екатерины II Мария Ардадьоновна Торсукова, вышла замуж за Петра Андреевича Кикина, человека весьма примечательного. Его портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Отец Петра Андреевича принадлежал к служилому московскому дворянству, потерявшему значение при Петре I, после того как один из Кикиных примкнул к сторонникам царевича Алексея и кончил жизнь на плахе.

П. А. Кикин

По отзывам современников, в молодости П. А. Кикин считался остряком, галломаном и модным светским щеголем, однако знакомство с адмиралом А. С. Шишковым и его кружком круто изменило его взгляды: он сделался убежденным славянофилом и вступил в члены литературного общества «Беседа любителей русского слова». Незадолго до начала Отечественной войны Кикин принял участие в реформировании русской армии. Во время боевых действий Петр Андреевич проявил большое мужество, за что был награжден орденом Святого Георгия 3-й степени и произведен в генерал-майоры. Потом он участвовал в кампаниях 1813–1814 годов, командовал бригадой, а по возвращении из Парижа вышел в отставку, женился и поселился в известном нам доме.

В 1816 году Кикин назначается статс-секретарем «у принятия прошений на Высочайшее имя приносимых» и в этой должности проявляет свойственные ему черты характера – независимость суждений, неподкупность и настойчивость в отстаивании решений, кои он считал справедливыми. Особое место принадлежит Петру Андреевичу в истории русской культуры: он стал одним из учредителей и первым председателем Общества поощрения художников, основанного в Петербурге в 1820 году. Благодаря Кикину получили заграничную командировку братья Брюлловы, он покровительствовал Венецианову, содействовал выкупу на волю крепостных художников.

Крупнейший русский живописец Александр Иванов, не особенно щедрый на хвалебные отзывы о художественных деятелях своего времени, отметил в записной книжке, что «Кикин

есть один из почтенных людей и весьма радушных к пользе художников». Кикин состоял членом Вольного экономического общества и, выйдя в отставку, занялся усовершенствованием сельскохозяйственной техники, много сделав также для улучшения быта своих крестьян.

М. П. Волконская

Дочь Кикина, Мария Петровна, вышла замуж за светлейшего князя Дмитрия Волконского. Между тем дом Марии Васильевны Ланской после ее смерти в 1842 году перешел в собственность Екатерины Алексеевны Волконской, известной в обществе под именем «la tante militaire» («воинственная тетушка»), каковой она приходилась отцу Дмитрия Петровича, министру двора светлейшему князю Петру Михайловичу Волконскому. Еще при жизни тетушка пожелала передать любимому племяннику все свое имение, включая дом на Дворцовой набережной, с условием получать от него весьма солидную пенсию и квартиру в нижнем этаже. Неизвестно, однако, знал ли племянник, что тетушка должна казне около 400 тысяч рублей. На его счастье, император Николай I в 1845 году простил ему этот огромный долг.

Отец отдал дом сыну, и таким образом два доселе отдельных здания соединили в одно, о чем пишет в своих «Записках» граф М. Д. Бутурлин: «Дом, или, правильнее, дома Волконских, потому что таковых было два рядом, составляли угол Дворцовой набережной и Мошкова переулка... Хотя оба дома были отделены снаружи, даже и по архитектуре, но внутри соединены в один общий. Один из них выходил на Большую Миллионную».

Теперь о самих супругах Волконских. Что касается Дмитрия Петровича, то о нем особенно говорить нечего. Как отмечает тот же Бутурлин, «князь был неблестящего ума... но

был добродушный человек откровенного и незаносчивого нрава». В отличие от мужа Мария Петровна являлась натурой одаренной, унаследовавшей от отца любовь к живописи. Предоставим слово хорошо знавшему ее М. Д. Бутурлину: «Княгиня была великая любительница и знаток по всем отраслям художеств, но специальное занималась русскою стариною в зодчестве и живописи. По утрам ее гостиная представляла вид рисовального класса... Все они (имеется в виду хозяйка дома и работавшие с ней художники-любители. – А. И.) под руководством академика Ф. Г. Солнцева писали акварельными и гуашными красками роскошные святцы со славянским текстом и иконописными картинками, с орнаментами, составлявшими рамку страницы... Огромный и кропотливый труд этот был чем-то вроде итальянских и французских рукописных часовников и молитвенников с миниатюрами XII–XIV веков, писанных на пергаменте; но святцы, над которыми трудились княгиня Волконская и ее окружающие (по рисункам Ф. Г. Солнцева), писались, для большего удобства, на плотной веленовой бумаге, и все фоны фигур были из золота».

Упомянутый здесь Ф. Г. Солнцев – известный в свое время художник-археолог, знаток русских древностей. По его рисункам возобновлялись в Кремле царские терема, храмы, дворцовые палаты, восстанавливались древние фрески Софийского собора в Киеве.

Кроме Солнцева, постоянными посетителями княгини были художники К. П. Брюллов, написавший ее великолепный портрет, и П. В. Басин. Своим человеком в гостиной Марии Петровны считался и артист русской оперы, певец-баритон С. С. Гулак-Артемовский, впоследствии автор популярной оперы «Запорожец за Дунаем», вдобавок недурно писавший миниатюры на слоновой кости. М. Д. Бутурлин вспоминает, как «однажды я и он угостили княгиню и ее компанию таким ревучим исполнением дуэта... из Доницеттиевой оперы «Марино Фальеро», что оглушенные нами слушатели выбежали из комнаты и оставили нас одних допевать дуэт».

В отношении всех своих гостей – будь то министр внутренних дел или скромный художник – Мария Петровна вела себя одинаково предупредительно, не делая никаких различий, «чуждая спеси, слабостей и мелочных расчетов аристократической касты». Отмечая ее непринужденность в обращении, верность в дружбе, теплоту сердца и терпимость к слабостям ближнего, Бутурлин заключает: «Мне кажется, что суждение мое не будет пристрастным, если скажу, что насколько человеческая натура может подходить к совершенству, таковым была эта женщина».

Век ее оказался коротким: она скончалась в 1854 году, в возрасте тридцати восьми лет. За ней вскоре последовал ее муж, и дом достался по наследству их сыну, Петру Дмитриевичу, женившемуся на графине Ольге Петровне Клейнмихель, дочери бывшего министра путей сообщения. По свидетельству другого мемуариста, графа С. Д. Шереметева, в 1860-х годах «Волконские жили в своем доме на Дворцовой набережной, жили широко, и дом их сделался пристанищем, родом клуба всей золотой молодежи. Неудержимою волною лилось разливанное море шампанского, и гостей было несть числа... Раз как-то я попал к ним на вечер; были цыгане, «Шли три они». Княгиня неистово требовала, чтобы пели «Пропадай моя телега, все четыре колеса» и сама приударилась».

Библиотека в доме Г. А. Черткова. Фото 1915 г.

В конце концов, как и следовало ожидать, телега со всеми своими колесами и впрямь пропала – хозяева разорились дотла. Дом перешел к сестре князя, Екатерине Дмитриевне, бывшей замужем за директором Императорских театров И. А. Всеволожским. В 1877 году она продала обветшалый фамильный особняк Григорию Александровичу Черткову, сыну основателя знаменитой библиотеки в Москве, археолога и нумизмата А. Д. Черткова.

Немедленно после кончины отца сын приступил к исполнению его намерения, поместив библиотеку (при ней издавался в первые годы своего существования журнал «Русский архив») в специально выстроенном, трудносгораемом здании и открыв ее для общественного пользования. Г. А. Чертков был коренным москвичом, и его переезд в Петербург объяснялся назначением на придворную должность шталмейстера, а затем егермейстера, заведовавшего царской охотой.

Библиотека в доме Г. А. Черткова. Фрагмент отделки. Фото 1915 г.

Выразительное описание молодого Черткова оставил его друг С. М. Загоскин, сын известного писателя: «Маленький, худенький, смугленький, с довольно большим горбатым носом, живыми огненными черными глазами и чрезвычайно быстрыми, подвижными, как будто эластичными манерами, он походил на какого-то мальчика из гуттаперчи; но за этим

мальчиком усердно ухаживали разные маменьки, усматривая в нем блестящую партию для своих дочерей, которые почти все поголовно вздыхали по нем и таяли от чарующего, пронзительного его взгляда, производившего то же самое действие и на многих замужних женщин, забывавших ради «Гриши» седьмую заповедь».

Гриша же в конце концов остановил свой выбор на Софье Николаевне Муравьевой, дочери генерала Н. Н. Муравьева-Карского, выдающегося военачальника и путешественника, автора нескольких книг и интересных мемуаров. Именно Г. А. Чертков после смерти тестя издал его книги «Турция и Египет», «Русские на Босфоре» и «Война за Кавказом».

8 октября 1883 года государственный секретарь А. А. Половцов сделал в своем дневнике следующую запись: «Умерла весьма милая, почтенная, симпатичная женщина – Софья Николаевна Черткова. Муж довольно пустой человек, гоняющийся за мелкими почестями егермейстерства». Думаю, что последнее замечание не совсем справедливо. Во всяком случае, ему противоречит отзыв С. М. Загоскина, которого связывала с Григорием Александровичем длительная дружба: «Во всех своих должностях Чертков отличался усердием, добросовестностью и всегда заслуживал полное уважение всех лиц, бывших с ним в каких-либо отношениях».

Сын Черткова, Григорий, по словам одного из своих сослуживцев-кавалергардов, слыл «одним из культурнейших офицеров полка». В 1910-х годах Г. Г. Чертков по проекту архитектора А. Я. Белобородова заново отделал внутренние помещения своего особняка на Дворцовой набережной в неоклассическом стиле. Росписи выполнил художник Н. А. Тырса. Особенно великолепна отделка библиотеки; фотографии интерьеров, представлявших несомненную художественную ценность, поместил «Ежегодник архитектора».

К сожалению, эти интерьеры, как и многое другое из культурного наследия прошлого, не дошли до нас. Но остался дом Черткова, хранящий память о лучших временах.

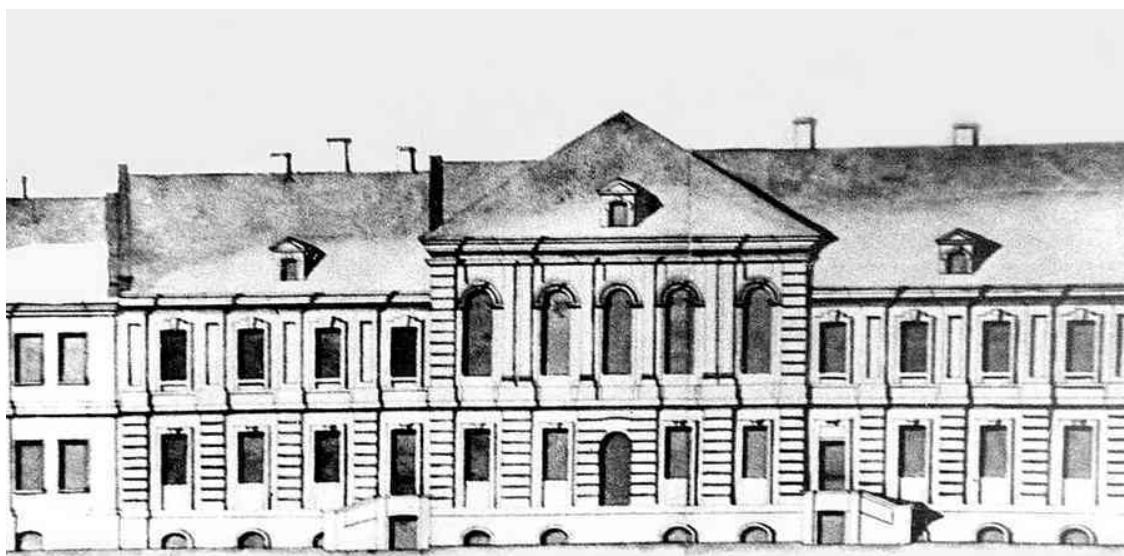

Во фраке, надетом на голое тело... **(Дом № 24 по Дворцовой набережной)**

Дом № 24 на Дворцовой набережной с пышным необарочным фасадом имеет довольно типичную судьбу: за долгое время существования ему приходилось неоднократно «переодеваться», постепенно меняя свой облик, поэтому первоначальный его вид так же мало похож на теперешний, как день на ночь. В этом легко убедиться, взглянув на чертеж из коллекции Берхгольца и сравнив его с современной фотографией. Здание трижды надстраивалось, и все же три верхних этажа имеют старые стены, сооруженные еще в петровские времена.

В 1715 году участок на берегу Невы, неподалеку от царского дворца, получил генерал-поручик князь В. В. Долгорукий. Судьба его, как бывало нередко в ту пору, изобиловала превратностями. Сумев возвыситься благодаря своим полководческим талантам и твердому, решительному характеру, Василий Владимирович завоевал доверие и уважение Петра I, но, встав на сторону злополучного царевича Алексея, вмиг утратил государево расположение: он был арестован и в кандалах доставлен в Москву, где по приговору суда лишен чинов, знаков отличия, имущества, а вслед за тем отправлен в ссылку, так и не успев докончить палаты на набережной.

Дом И. М. Головина. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Дом № 24 по Дворцовой набережной. Современное фото

Канцелярия городских дел, рассмотрев в 1719 году вопрос о достройке дома опального князя, порешила отдать его участок генерал-майору И. М. Головину, который по проекту и под наблюдением архитектора Н. Ф. Гербеля довершил начатое. При этом за образец зодчий взял соседние палаты графа И. А. Мусина-Пушкина (где ныне дом № 26). Поскольку участок Головина был гораздо уже, Гербель прибегнул к оригинальному композиционному приему: он зеркально повторил фасад расположенного слева четырехконного дома Пальчикова в правой части возводимого им здания, а пятиконный ризалит сдвинул влево, сделав его как бы центральным. В действительности же это не так – и дома Пальчикова и Головина, как видно на чертеже, даже немного различаются по высоте.

И. М. Головин

Иван Михайлович Головин (1670–1737) – личность весьма неоднозначная: редко о ком мнения расходятся столь диаметрально. Включенный Петром I в группу знатных недорослей, отправленных за границу в составе Великого посольства, он работал вместе с царем на верфи Ост-Индской компании в Амстердаме, изучая корабельное дело. После возвращения посольства государь снова послал Головина в чужие края, на сей раз в Венецию, – для овладения итальянским языком и премудростями постройки галер. Однако уже не совсем юный в ту пору ученик не проявил особого интереса ни к первому, ни ко второму и вернулся восвояси столь же мало обремененный знаниями, как и до своего путешествия.

Учинив бывшему сотоварищу экзамен, царь, питавший к веселому и ветреному шалопаю какую-то неодолимую слабость, ограничился тем, что сделал его в наказание и в насмешку главным корабельным надзирателем, положив жалованье 6 алтын (то есть 18 копеек!) в год. Вдобавок он присвоил ему титул князя Бааса (музыкальный инструмент, на нем вместо изучения наук выучился играть Головин) и велел снять с него портрет «с приложением всех составных частей корабля».

Царю по странной прихоти нравилось выставлять Головина знатоком в том деле, в коем тот был полным невеждой, и награждать за заслуги, принадлежавшие самому Петру. Назначенный впоследствии начальником всех корабельных верфей России, Иван Михайлович щеголял золотым циркулем, усыпанным бриллиантами, – знаком своего высокого достоинства. В

действительности же всеми работами руководил сам царь, оставивший своему любимцу лишь представительские функции.

Впрочем, Головин оказался очень неплохим сухопутным воином, участвовал во многих походах и к 1717 году дослужился до генеральского чина. Кроме того, Петр ценил его за прямодушие, верность и природные таланты, чем так богата русская натура. И все же трудно отделаться от мысли, что Иван Михайлович играл при государе роль привилегированного шута, которому позволялось резать правду-матку в глаза своему повелителю и прощались самые смелые, даже дерзкие выходки, невозможные для других.

Однажды он будто бы на глазах царя порвал решение Сената о дополнительном сборе хлеба с крестьян, предложив вместо этого самолично поставить 10 тысяч четвертей и призвав сенаторов последовать его примеру. В заслугу И. М. Головину можно также вменить успешную борьбу с взяточничеством и казнокрадством во вверенной ему отрасли – кораблестроении. Проявлял он заботу и о подготовке новых корабелов, отправив для обучения за границу большую группу молодых людей.

После смерти Петра Головин продолжал службу; в 1725 году его назначили обер-кригс-комиссаром (то есть главным интендантом) Адмиралтейства, а в 1732-м он удостоился чина адмирала.

Примечательно, что почти все отрицательные отзывы о И. М. Головине принадлежат иностранным авторам, а положительные – его соотечественникам. Очевидно, «загадочная русская душа» Ивана Михайловича осталась закрытой для чужеземцев, не разглядевших ее привлекательных сторон и не сумевших по достоинству оценить верного слугу царя и Отечества.

Иван Михайлович оставил после себя трех дочерей и двоих сыновей; старший из них, Александр, и унаследовал отцовский дом. Он пошел по стопам отца, избрав морскую службу, и тоже дослужился до адмиральского чина, но особыми способностями не блистал и имя свое ничем не прославил. В 1740-х годах А. И. Головин со своим семейством проживал в деревянных «хоромах» на Фонтанке, у Чернышева переулка, а дом на набережной, выходявший другим фасадом на Миллионную, сдавал внаем.

Об этом говорит объявление, напечатанное в «Санкт-Петербургских ведомостях» 8 января 1748 года: «Имеющийся вице-адмирала и кавалера Александра Ивановича Головина по набережной Невы реки каменный дом с погребями, в три апартамента (то есть этажа. – А. И.) и с принадлежащими службами, да в оном же доме в Миллионную улицу каменные погреба да в верхнем апартamente 5 покоев отдаются в наем, и желающие нанять явиться могут и о цене спросить в его же доме на реке Фонтанке, на Московской части».

В 1766 году адмирал умер, его вдова Мария Ионишна переселилась в Москву, а дом на Неве по семейному разделу достался ее дочери Екатерине Александровне, бывшей замужем за обер-гофмаршалом князем Н. М. Голицыным. В 1769 году княгиня скончалась через три дня после рождения маленького Александра; ему позднее и перешел по наследству родительский особняк.

Этот достойный отпрыск, получивший от приятелей прозвище «Cosa gaга» (по-итальянски «Редкая вещь» – название любимой оперы князя), на самом деле к редкостям отнюдь не принадлежал, напротив – являл собой весьма распространенный и неистребимый тип никчемного прожигателя жизни и отцовских денег. Он прожигал их и в буквальном смысле, раскуривая крупными ассигнациями трубки своих гостей и проделывая тому подобные шалости. Спустив за полгода собственное огромное состояние, исчислявшееся двадцатью тысячами крепостных душ, молодой повеса принялся за женино, да так рьяно, что над его именами учредили опеку.

Главный опекун, граф П. В. Завадовский, продал в августе 1792 года уже заложенный Голицыным дом на набережной Невы генерал-майору В. С. Попову, еще недавно управляв-

шему всеми делами князя Потемкина, а после смерти своего патрона переселившемуся в Петербург и занявшему почетное место при дворе.

Своей удачной карьерой Василий Степанович целиком обязан той роли, какую играл при светлейшем; не имея ни особых дарований, ни глубоких знаний, он взамен того обладал другими драгоценными качествами: неутомимой прилежностью и умением в нужную минуту всегда оказываться под рукой, что чрезвычайно ценил его начальник. Назначенный правителем канцелярии, Попов почти безвыходно в ней находился, часто спал, не раздеваясь, рядом с покоем страдавшего бессонницей фельдмаршала, готовый в любое время дня и ночи поспешить на его зов, притом одетый по всей форме.

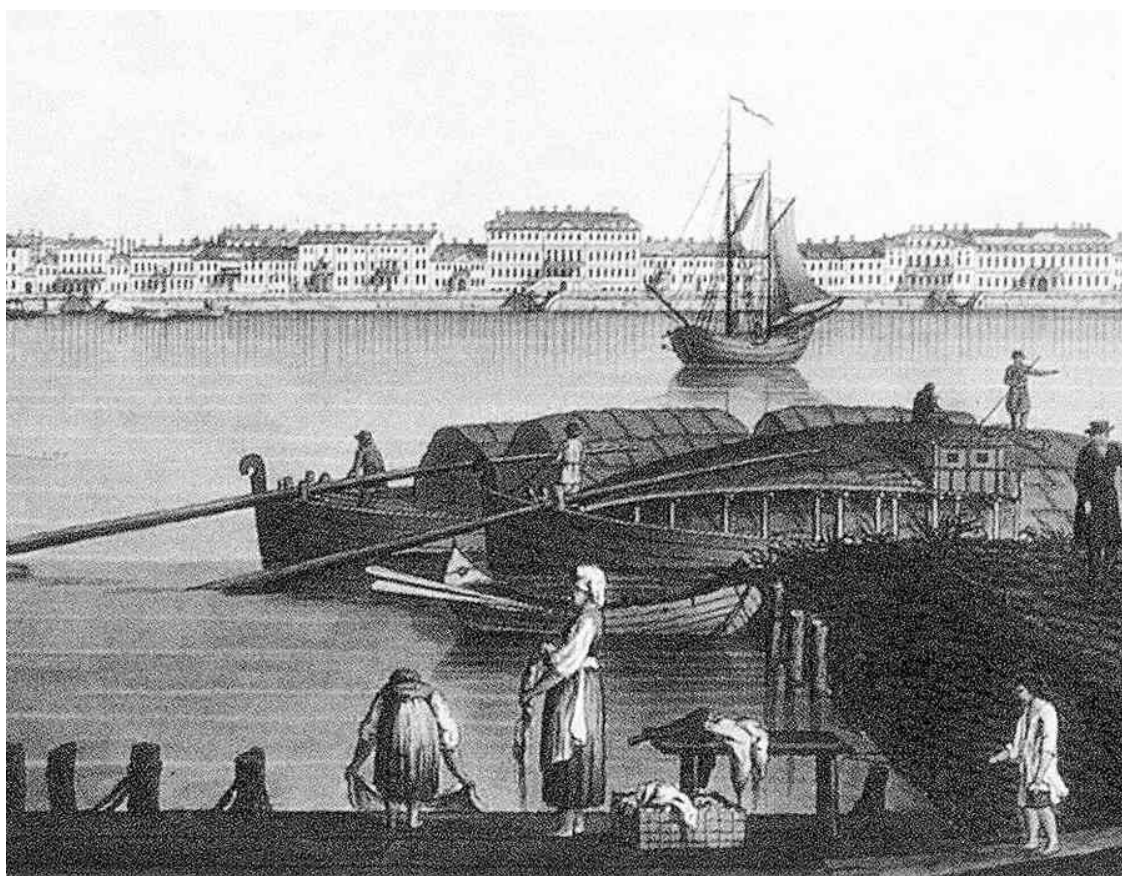
В. С. Попов

Благодаря этому, а также скорому и точному исполнению порученных дел, Василий Степанович снискал полнейшее доверие князя и пользовался им до самой смерти покровителя, осыпавый чинами и наградами. За десять лет службы он из майоров попал в генерал-майоры, получив небывало высокий для его звания и должности орден Святого Владимира 1-й степени и две с половиной тысячи душ крестьян. Впрочем, имея неограниченный доступ к огромным суммам денег, находившимся в безотчетном распоряжении Потемкина, В. С. Попов делал такие издержки на свой стол, картежную игру и любовниц, что, по словам статс-секре-

таря Екатерины II Адриана Грибовского, собственных его доходов «и на один месяц не могло бы достать». Тот же Грибовский в своих «Записках» рассказывает, что «часто на игру приносил он из своего кабинета полные шляпы червонцев, которые никогда в оный не возвращались».

Смерть Потемкина все покрыла: Екатерина велела списать на государственные нужды гигантские расходы покойного князя, к каковым в немалой степени приложил руку и Василий Степанович, а Попова поставила заведовать своим кабинетом. Тут-то ему и понадобился дом поблизости от дворца.

К тому времени бывшие палаты Головина совершенно изменили свой странноватый вид; скорее всего, их перестроили в 1760-х годах, после сооружения новой гранитной набережной. Тогда многие дворцы и особняки, возведенные в прежние годы, показались вдруг недостаточно богатыми и представительными по сравнению с новыми, появившимися 30–40 лет спустя.

Б. Патерсен. Дворцовая набережная у Мраморного дворца от Петропавловской крепости. Фрагмент. 1793 г. Второе здание справа – дом В. С. Попова

Картина Б. Патерсена, написанная в 1793 году, донесла до нас облик Дворцовой набережной конца XVIII века; на ней отчетливо виден и дом В. С. Попова, стоящий слева от великолепного дворца вице-канцлера графа И. А. Остермана, перестроенного из бывших палат Мусина-Пушкина⁴. Если он и не так пышен, как последний, то все же выглядит довольно внушительно: трехэтажный (не считая подвального этажа), в девять окон по фасаду, с мезонином и пятиоконным центральным ризалитом; бельэтаж с двухсветными парадными апартаментами снабжен массивным балконом, а гладь стены над большими полуциркульными окнами украшена лепными барельефами.

⁴ Позднее он перешел к князю Н. В. Репнину, а в 1807 году куплен был для французского посла. Через 60 лет на его месте возвели дворец великого князя Владимира Александровича (ныне здесь помещается Дом ученых).

По своей должности Василий Степанович ежедневно имел возможность видеть государыню, чего никогда не упускал, но, не пользуясь особым благоволением Платона Зубова, ни к каким государственным делам не допускался, навсегда утратив то значение, какое имел при Потемкине. Женат он не был, хотя имел детей, впоследствии усыновленных, от одной актрисы, но с ней давно расстался и одиноко проживал в своем особняке, посещаемый лишь немногими близкими людьми.

Н. П. Архаров

Вступив на престол, Павел I припомнил Попову близость к Потемкину и тут же отправил бывшего секретаря в отставку, купив его дом за 100 тысяч рублей для Н. П. Архарова, назначенного петербургским генерал-губернатором. За плечами у Николая Петровича к тому времени были уже долгие годы службы, начатой еще при Елизавете. Особой известности и, можно сказать, мировой славы он добился благодаря своим изумительным розыскным способностям: это был в полном смысле слова гений сыска.

Назначенный Екатериной II в 1775 году на должность московского обер-полицмейстера, Архаров в полную силу развернул свои таланты; при помощи вездесущих полицейских шпионов, пресловутых «архаровцев», он до мельчайших подробностей знал все, что творилось в Первопрестольной, и с непостижимой быстротой отыскивал всевозможные пропажи. Будучи превосходным физиономистом, Николай Петрович по лицам подозреваемых безошибочно распознавал их причастность или непричастность к расследуемому преступлению.

О нем ходило множество анекдотов, сделавших имя его легендарным. Но и этот человек, обладавший столь острой проницательностью, не смог угадать желания своего господина: всего через полгода он слетел с занимаемой должности, не успев обжиться на новом месте. Недавно пожалованный дом пришлось продавать.

К счастью, покупатель нашелся скоро; им оказался иностранный купец Антонио (в России его звали Антоном Антоновичем) Ливио, купивший участок в 1797 году, чтобы всего через несколько месяцев снова его продать. За этот короткий срок он успел полностью перестроить оба корпуса дома, выходявшие на набережную и на Миллионную улицу, в стиле строгого классицизма.

Новая владелица, супруга придворного гардеробмейстера И. П. Кутайсова, приходилась сестрой уже знакомому нам Д. П. Резвому, чей дом находился рядом. Он был родным для Анны Петровны, и ей, вероятно, хотелось иметь жилище неподалеку от отцовского, теперь принадлежавшего брату.

А. П. Кутайсова

Новый дом, надо полагать, представлял удобство и для ее супруга Ивана Павловича Кутайсова, по причине близости к дворцу его повелителя, которому турчонок-сирота, взятый в плен при штурме Бендер, был обязан абсолютно всем. Вся предыдущая жизнь Кутайсова прошла при дворе великого князя, а ныне императора Павла. В честь него он назвал своего старшего сына Павлом.

Обучившись в Париже и Берлине парикмахерскому искусству, Иван Павлович исполнял при наследнике обязанности камердинера. Благодаря присущей ему ловкости и сметливости

он добился почти невозможного: несмотря на редкие периоды временного охлаждения, сумел стать совершенно необходимым человеком, и сам оказывал на великого князя немалое влияние. Он сохранил его и в будущем, умело проведя утлую ладью своего благополучия мимо подводных рифов павловского царствования. Постепенно Кутайсов получил все высшие российские ордена, вплоть до Андрея Первозванного, баронский, а затем и графский титулы, не переставая при этом брить своего господина.

Когда это ему окончательно прискучило, он стал жаловаться, что у него дрожит рука, и рекомендовал вместо себя одного военного фельдшера, успешно брившего многих генералов. Однако Павел так взглянул на нового кандидата, что у того бритва вывалилась из рук, и он так и не смог приступить к делу. «Иван! – крикнул император. – Брей ты!» И Кутайсов, сняв Андреевскую ленту, засучил рукава и, вздохнув, принялся за прежнее ремесло.

И. П. Кутайсов

Помимо чинов и наград, оно принесло ему колоссальное состояние, сделав одним из богатейших людей в России. Не довольствуясь щедрыми пожертвованиями, Кутайсов употреблял все свое влияние, чтобы прибирать к рукам самые прибыльные поместья, притом по дешевой цене: корыстолюбие фаворита не знало пределов, управляя всеми его поступками.

И. П. Кутайсов сослужил лишь одну службу России – произвел на свет сына Александра, тому за его короткую жизнь суждено было стать одним из самых талантливых военных деятелей своего времени. В 1805 году, двадцати лет от роду, А. И. Кутайсов произведен в генерал-майоры, принимал участие в походах 1806-го и 1807 годов, командовал артиллерией под Пултуском. Особенно отличился он при Прейсиш-Эйлау, где с 36 орудиями спас от гибели

центр армии, отбив наступление маршала Даву. За этот подвиг граф получил орден Святого Георгия 3-й степени.

Похоже, что талант артиллериста он унаследовал от дяди, Д. П. Резвого, и лишь ранняя смерть помешала ему развить его вполне. Молодой генерал пал в Бородинском сражении, бросившись в штыковую атаку во главе пехоты левого крыла, откуда вернулся только его конь с окровавленным седлом.

Все современники едины в восхвалении редких душевных качеств Александра Кутайсова, его необыкновенной доброты, ума, любознательности. Он отлично знал шесть иностранных языков, писал стихи по-русски и по-французски, прекрасно рисовал и обладал обширными познаниями в артиллерии и фортификации. Ранняя смерть его стала утратой для России.

Убийство императора Павла I в марте 1801 года резко нарушило жизнь семейства Кутайсовых. Иван Павлович на короткое время подвергся аресту, а выпущенный на свободу, счел за благо немедленно отбыть в чужие края, принеся своих оставленных домочадцев в жертву общей ненависти и презрения, которые не коснулись лишь младшего сына. После возвращения на родину бывший фаворит доживал свой век (он умер в 1834 году) в Москве и в имениях, успешно занимаясь сельским хозяйством.

А. И. Кутайсов

При вступлении на престол Александра I старший сын Кутайсова Павел (1780–1840) назначается членом Коллегии иностранных дел, но, прослужив несколько лет в Петербурге, он переехал в Москву. Пожалованный в сенаторы, вернулся оттуда в 1817 году и до самой кончины прожил в материнском доме на Дворцовой набережной. П. П. Кутайсов долгое время

состоял председателем Общества поощрения художников, но, будучи человеком совершенно заурядным, не прославил своего имени никакими свершениями. Впрочем, чинами и наградами графа не обходили, и умер он членом Государственного совета и александровским кавалером.

В 1843 году, уже после смерти Кутайсова, квартиру в доме его матери нанимала госпожа Эвелина Ганская, получившая известность благодаря пылкой любви великого Оноре де Бальзака. Сам писатель в течение двух месяцев жил в доме напротив, ежедневно посещая «голубой салон» своей возлюбленной, с окнами на Дворцовую набережную. Анна Петровна Кутайсова умерла в 1848 году, пережив мужа и обоих сыновей, после чего участок перешел в другие руки.

В 1859 году его владелец, гвардии полковник В. И. Трофимов, по проекту архитектора Г. М. Барча перестроил дом в духе позднего барокко, явно подражая стилю Растрелли. Одновременно дом надстроили четвертым этажом, придав ему тот вид, что в основных чертах сохраняется по сей день.

В 1880-х годах участок обрел своего последнего хозяина, отставного генерал-лейтенанта С. Н. Плаутина, и оставался в его владении до 1918 года. Надстройка в 1901 году еще одного этажа ухудшила пропорции здания, ставшего несоразмерно высоким, зато благоприятно сказалась на основной его функции – служить источником доходов. Пародийность бывшего «дворца наживы» еще сильнее проступает при сравнении его с торжественно-величественным Зимним дворцом, чей стиль он так забавно передразнивает. Вдобавок за пышным фасадом не уцелела даже псевдороскошная отделка начала XX века, и дом теперь напоминает разорившегося богача во фраке, надетом на голое тело.

С фасадом «во вкусе Растрелли» (Дом № 6 по Миллионной улице)

Каждый дом на Миллионной чем-нибудь примечателен, у всякого своя, отличная от других история, и во внешнем облике домов заметно такое же разнообразие – от строгого классицизма (№ 13 и 15) и примитивного конструктивизма (№ 20) до витиеватых изысков эклектики и необарокко. Некоторые напоминают обедневших аристократов, одетых во что попало и не по росту. Именно такое впечатление производит дом № 6 – с нелепо нахлобученными двумя верхними этажами, надстроенными сравнительно недавно и никак не вяжущимися с изукрашенным фасадом «во вкусе Растрелли».

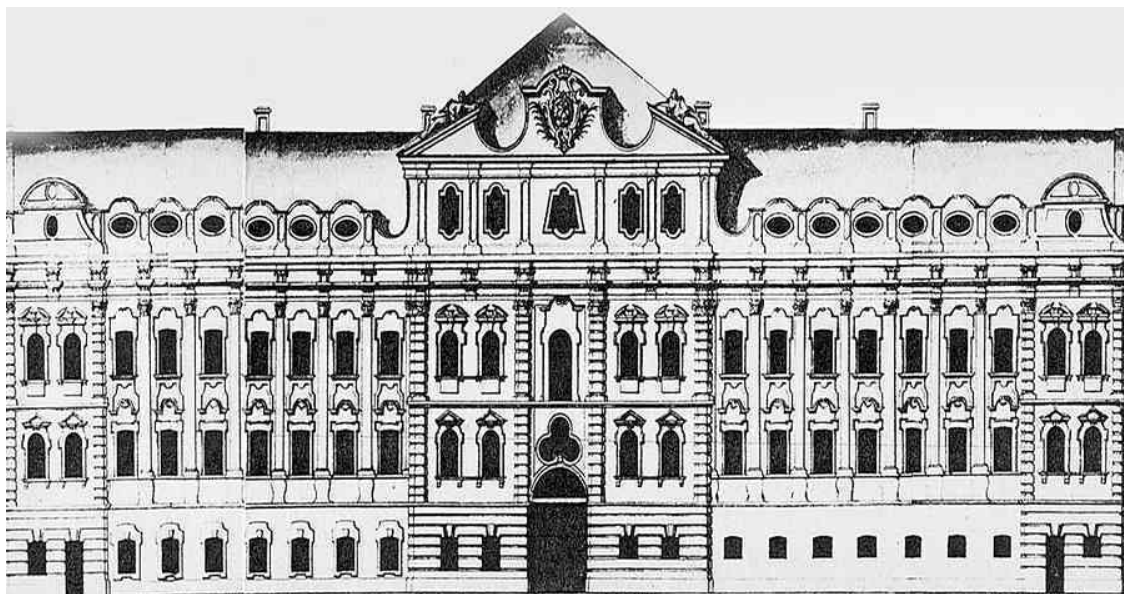

Дом № 6 по Миллионной улице. Современное фото

Когда исторические здания надстраивают с забвением того, что имеют дело не с игрушечными сооружениями из кубиков, высоту которых можно менять произвольно, не соображаясь ни с архитектурным обликом, ни с местоположением, – это ведет не только к искажению наружного вида отдельных домов, но к потере лица всей улицы в целом.

А дом № 6, один из самых богатых и заметных, всегда занимал важное место среди построек на Миллионной и в немалой степени способствовал закреплению за ней этого названия. Еще в 1733 году камергеру Павлу Федоровичу Балку, пользовавшемуся благосклонностью императрицы Анны Иоанновны, пожалован дом на Немецкой улице, как называлась в ту пору будущая Миллионная. К пожалованному Балк прикупил еще три смежных участка, и в 1741 году по проекту И. К. Коробова приступил к возведению больших каменных палат

в два этажа с мезонином, на высоких погребях. Насколько их великолепный фасад в формах раннего барокко напоминал нынешний, можно судить по чертежу 1740-х годов из коллекции Берхгольца.

Дом П. Ф. Балка. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Род Балков или Балкенов, как он некогда именовался, старинного происхождения. Его представители, выходцы из Вестфалии, переселились в Ливонию и поначалу служили шведской короне. В середине XVII столетия майор Н. И. фон Балкен перешел в русскую армию и с чином капитана зачисляется в только что сформированный регулярный полк. Его сын, Федор Николаевич Балк, дослужился уже до генерал-поручика и сделался особенно известен благодаря женитьбе на Матрене Монс, старшей сестре фаворитки Петра I. Царь самолично устроил в 1699 году брак своего любимого полкового командира с бойкой, пронырливой молодкой, охотно взявшей на себя роль сводни в отношениях младшей сестры с влюбленным в нее государем.

На свою беду, неугомонная Матрена столь же охотно содействовала шапшням неверной Анны с неким Кенигсеном, за что и поплатилась трехлетним заключением в тюрьму. В дальнейшем, при вхождении в силу ее брата Вилима Монса, дерзнувшего вступить в связь с супругой императора, Матрена со страстью предалась своему основному влечению – безудержному мздоимству, оказывая за вознаграждение протекцию всем желающим. Кончила она печально: после казни брата в 1724 году ее велено бить кнутом и сослать на вечное поселение в Тобольск. Заступничество императрицы привело лишь к смягчению наказания, и вместо одиннадцати ударов Матрена получила пять. Опала матери отозвалась и на двоих ее сыновьях, Павле и Петре, разжалованных и отосланных в армию.

Скорая кончина царя помогла Балкам вновь обрести утраченное положение; Екатерина I вернула с дороги еще не доехавшую до места ссылки Матрену и определила ей жить в Москве, а ее сыновьям возвратила отобранные придворные звания. Впоследствии оба брата вполне преуспели, чего нельзя сказать об их сестре Н. Ф. Лопухиной, во многом повторившей судьбу своей матери. Запутавшуюся в придворных интригах и обвиненную в соучастии в выдуманном заговоре против Елизаветы, ее приговорили к наказанию кнутом и урезанию языка, что и исполнили с варварской жестокостью.

Тем временем ее брат Павел, о котором историк М. М. Щербатов напишет, что «он шутками своими веселил императрицу Анну и льстил Бирону, но ни к каким делам не был допус-

каем», едва успев достроить новый дом, скоропостижно умер, очевидно, потрясенный судьбой сестры, оставив после себя сына и трех дочерей. Первым браком он был женат на М. Ф. Полевой и, по обычаю, чтобы не дать угаснуть роду жены, присоединил ее фамилию к своей, сделавшись Балк-Полевым.

Младшая дочь, названная в честь бабки Матреной, фрейлина Елизаветы Петровны, спустя несколько лет вышла замуж и стала владелицей отцовского дома. Обстоятельства этого брака и последовавшие за ним события подробно освещает в своих «Записках» Екатерина II, тогда еще великая княгиня.

С. В. Салтыков

В марте 1750 года, в канун именин графа А. Г. Разумовского, «малый двор», как называли двор великого князя Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексеевны, по приказанию императрицы выехал в Царское Село. Там все старались как можно больше веселиться: гуляли, ездили на охоту или забавлялись на качелях. «На этих качелях девица Балк... пленила Сергея Салтыкова, камергера великого князя. На другой же день он ей сделал предложение, которое она приняла, и в скором времени он на ней женился».

Однако через пару лет легкомысленный красавец охладел к жене и стал откровенно заглядываться на великую княгиню, не встречая, как кажется, с ее стороны особых возражений. До него кратковременной благосклонности несчастливой в своем замужестве Екатерины уже удостоился граф Захар Чернышев; теперь настал черед для новой любви. Впрочем, претендент

добился своего не сразу, и ему пришлось немного помучиться – ровно столько, сколько требовали приличия.

Когда о свершившемся факте стало известно Елизавете, Салтыкову пришлось временно удалиться от двора в свои имения с приказанием навестить семейство, а в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 28 февраля 1752 года появилось следующее объявление: «В доме... камергера Сергея Васильевича Салтыкова на Адмиралтейской стороне в большой Немецкой улице подле главной аптеки в среднем апартаменте (то есть этаже. – А. И.) отдаются в наем 8 покоев, да в нижнем апартаменте один людской покой с сеньми и два теплых погреба».

С. К. Нарышкин

Сергей отсутствовал в столице ровно год, а вернувшись, тут же примкнул к небольшому интимному кружку великой княгини. Возобновил он и свои ухаживания за ней, потеснив при этом Льва Нарышкина, занявшего было его место. Правда, теперь Салтыков стал более осторожен, а может быть, прежний пыл в нем несколько поугас. Теперь уже Екатерине приходилось порой упрекать его в равнодушии. Однако затухавший роман неожиданно получил совершенно новое направление, сделавшись делом государственной важности: речь шла о необходимости произвести на свет наследника престола. Спустя положенный срок таковой появился на свет; вопрос же о том, кто его отец – Сергей Салтыков или законный супруг, чью чувственность попытались разбудить объединенными усилиями придворных, – является чисто риторическим, а посему оставим его в стороне.

После рождения Павла Салтыков был отослан с дипломатической миссией в Швецию, а позднее исполнял обязанности посла в Гамбурге, Париже и Дрездене. Затем следы его как-то странно теряются, и нам даже неизвестен год его смерти⁵. Несомненно лишь то, что жена намного пережила мужа, скончавшись лишь в 1813 году, но ее долгая жизнь не оставила никаких следов. Матрена Салтыкова прославилась разве что скупостью, имея обыкновение нарочно ссориться с подрядчиками, чтобы затем прогонять их, не уплатив за уже выполненную работу. Овдовев, она продала дом на Миллионной мужу своей сестры, С. К. Нарышкину.

Семен Кириллович, один из самых знатных и богатых вельмож, родственник покойного царя Петра I, женитьбой на Марии Павловне Балк-Полевой еще больше увеличил и без того огромное состояние. Богатство Нарышкина позволяло ему удовлетворять страсть к щегольству и роскоши. Так, в день свадьбы великого князя Петра Федоровича он поразил всех присутствовавших своей ослепительной каретой, в которой везде, даже в колесах, сверкали зеркала, и необыкновенным, расшитым серебром кафтаном: на спине его было вышито дерево с расходящимися по рукавам сучьями и листьями. Он же первым завел в своем имении знаменитую роговую музыку – дорогостоящую забаву, доступную лишь немногим.

Его жена Мария Павловна (1727–1793) в молодых годах отличалась под стать мужу красотой, прекрасной фигурой и величественной осанкой, а вдобавок – исключительным вкусом и изысканностью в нарядах, что сделало ее предметом ненависти ревливой Елизаветы. Однажды раздосадованная императрица до такой степени вышла из себя, что в присутствии оторопевших царедворцев собственноручно срезала ножницами с головы Нарышкиной прелестное украшение из лент.

Лишившись в 1775 году супруга (тот, кстати сказать, был чуть ли не двадцатью годами старше ее), Мария Павловна унаследовала по духовному завещанию огромное состояние и, не имея детей, сосредоточила всю нерастраченную любовь на себе самой.

Похоже, память о покойном муже не слишком долго жила в ее сердце, и всего через два года после его кончины богатая, ни в чем не нуждавшаяся вдова не постеснялась продать с торгов мужнину библиотеку, дав соответствующее объявление в газете: «Декабря с 1 числа будет с публичного торгу продаваться в доме ее высокопревосходительства М. П. Нарышкиной, состоящем в большой Миллионной подле главной аптеки, оставшаяся библиотека после покойного супруга ее, обер-егермейстера... Семена Кирилловича Нарышкина, состоящая по большей части из французских книг».

Долгие годы М. П. Нарышкина оставалась законодательницей мод в столице и непрерываемым авторитетом в области хорошего тона. Молодые люди специально ездили к ней в дом обучаться этому искусству. По словам юного в ту пору князя И. М. Долгорукого (1764–1823), впоследствии довольно популярного поэта, оставившего, кроме того, интереснейшие воспоминания, «старики езжали к ней для того, что у нее был первый тогда повар в городе, а молодые приобретали благопристойные навыки».

Тот же Долгорукий рассказывает о курьезном дорожном происшествии, случившемся с ним в 1780-х годах, где главную роль сыграла чопорная и «бонтонная» Мария Павловна: «Она боялась по ночам ездить одна в карете и, запоздавши где-нибудь на даче, всегда приглашала попутчика проводить ее до дому... Я сел напротив... Петергофская дорога всегда освещалась яркими фонарями: при всяком сиянии их я вздрагивал, потому что лицо г. Нарышкиной представляло мне ужаснейшую харю. Мудрено ли? Все ее краски пропадали и стирались; оставалась одна престарелая голова, без волос и зубов... Я думал, что со мною ведьма сидит в карете, и невольно приходил в содрогание. Мария Павловна, удивляясь моим конвульсиям, спрашивала, от чего они происходят?... Ответ мой был «так!!!». Мария Павловна стала бояться меня не

⁵ Правда, Греч в своих «Записках» указывает год его смерти – 1807-й, но трудно сказать, насколько это достоверно.

меньше дороги, подозревая, что я подвержен эпилепсии. Натура наконец последнюю проказу приготовила. Я плотно поужинал и, сидя долго напротив, стал чувствовать тошноту...»

Конец этой трагикомической для юного поэта истории нетрудно отгадать: по его собственному признанию, «что я ни съел у Г-ой, все выложил на платье г. Нарышкиной». К чести последней следует добавить, что, несмотря на первоначальный гнев и ужас, в дальнейшем она снизила к невольной слабости своего попутчика и извинила его.

29 мая 1793 года секретарь Екатерины II А. В. Храповицкий записал в своем дневнике: «Вчера ввечеру умерла Марья Павловна Нарышкина. Ее Величество сказывала мне о том с сожалением, вспомя, что в молодых годах вместе с нею резвились, и спрашивала: жива ли сестра ее, княгиня Щербатова? Но и та за год уже умерла».

Все свое состояние, в том числе и дом на Миллионной, М. П. Нарышкина завещала племяннику, князю Щербатову, сыну старшей сестры. Павел Петрович Щербатов (1762–1831) приходился также племянником известному историку М. М. Щербатову и двоюродным дядей П. Я. Чаадаеву. Получив богатое наследство, князь оставил службу в Преображенском полку, вышел в отставку и был пожалован в действительные камергеры. Вскоре он женился на фрейлине Анастасии Валентиновне, дочери генерал-фельдмаршала графа В. П. Мусина-Пушкина.

П. П. Щербатов

Желая увеличить доходность участка, новый владелец выстроил двухэтажный каменный флигель на Мойке с девятью торговыми лавками и стал сдавать его в аренду. Сдавал он и

некоторые покои в собственном особняке на Миллионной. В 1810-х годах здесь проживал французский художник Шарль-Бенуа Митуар, известный в первую очередь как портретист, удостоенный в 1813 году от петербургской Академии художеств звания академика.

А. В. Щербатова

Летом 1818 года Митуар вместе с женой намеревался временно отбыть на родину, о чем обязан был по закону троекратно оповестить через газету всех заинтересованных лиц (прежде всего, разумеется, возможных заимодавцев), указав при этом свой адрес. И вот в № 58 «Санкт-Петербургских ведомостей», в рубрике «Отъезжающие», появилось объявление: «Шарль-Бенуа Митуар, живописец и член С.-Петербургской Академии художеств из Парижа, с женою Аннетою Митуар; живет в большой Миллионной, в доме Щербатова, под № 31».

В связи с этим хотелось бы высказать кое-какие замечания об авторстве двух пар портретов князя и княгини Щербатовых, находящихся ныне в Третьяковской галерее и в Русском музее. До недавних пор они, хотя и не без некоторых сомнений, приписывались О. А. Кипренскому. Бесспорной считалась лишь их датировка – не позднее 1815 года. Однако последнее технико-технологическое исследование доказало, что портреты написаны художником с достаточно выразительным индивидуальным почерком, не имеющим ничего общего с манерой Кипренского раннего периода его творчества. В настоящее время эти работы признаны произведениями неизвестного мастера первой четверти XIX века.

Рискну выдвинуть предположение, что им вполне мог быть Ш.-Б. Митуар. Стиль исполнения других портретов его кисти, например княгини Н. П. Голицыной или архитектора К. И. Росси, не противоречит этой гипотезе. Трудно поверить, что, имея под рукой художника, пользовавшегося большим успехом, князь вдруг пожелал бы обратиться к другому. Возможно даже, живописец-француз, да еще парижанин, проживал у Щербатовых в качестве приглашенного гостя безвозмездно или расплачивался с ними плодами своего труда.

После смерти старого князя и его вдовы, скончавшейся в 1841 году, их единственная дочь Наталья Павловна, бывшая замужем за графом А. Н. Zubовым, решила расстаться с отчим домом, продав его некоей Рубцовой. Сменив еще нескольких владельцев, в 1857 году бывший участок Балков – Нарышкиных – Щербатовых приобретает под служебный корпус для новостроящегося дворца великого князя Михаила Николаевича, возводимого по проекту А. И. Штакеншнейдера. Он же в последующие два года перестроил в необарочном стиле дом № 6 по Миллионной и надстроил флигель, выходящий на Мойку (дом № 5). В бывшем барском особняке разместили дворцовую прислугу, и в своем прежнем качестве он перестал существовать.

Скорбит душа моя... (Дом № 9 по Миллионной улице)

Лица домов столь же разнообразны, как лица людей. Мы появляемся на свет со слабо выраженными индивидуальными признаками, которые проявляются лишь с годами. То же бывает и с домами: построенные в 1730-х или в 1800-х годах по установленным образцам, со временем они перестраивались, претерпевая изменения, отражавшие черты личности их владельцев, и являясь в какой-то мере зеркалами их душ.

Дом № 9 по Миллионной улице. Современное фото

В собрании Русского музея хранится рисунок М. И. Махаева, относящийся к середине XVIII столетия, где изображена Миллионная (Немецкая) улица. Он интересен как с исторической, так и с архитектурной точек зрения. Справа на первом плане виден дом (№ 9), о котором и пойдет речь. В теперешнем своем состоянии он никак не украшает улицу: голый, несуразный

фасад с двумя металлическими балконами (как будто два дома поставлены один на другой!) несравним с прежним, первоначальным обликом здания.

М. Махаев. Вид Немецкой улицы от Главной аптеки к Зимнему дворцу. 1751 г.

Построил его в 1720-х годах Б. Растрелли в качестве служебного корпуса к дворцу князя Д. К. Кантемира. Впрочем, типовые особенности аннинского барокко были приданы домам на Миллионной уже после опустошительных пожаров 1736-го и 1737 годов, чем и объясняется их удивительное стилистическое единство. Трудно даже вычленил среди них тот, что интересует нас – двухэтажный, в семь окон, на высоких погребках, – он весьма похож на соседние палаты князя Долгорукого и вдовы придворного кухмистра Фельтена.

Служебный корпус дворца князя Д. К. Кантемира. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Герцогиня А. И. Гессен-Гомбургская, бывшая в первом браке за Д. К. Кантемиром, имела многолетнюю тяжбу из-за наследства со своим пасынком Константином, не желавшим отдавать мачехе ее законную долю. Она проживала в смежном доме, доставшемся ей от отца, фельдмаршала И. Ю. Трубецкого. В 1737 году «за насильное владение» принадлежавшим княгине имением суд постановил продать с торгов каменный дом Кантемира, расположенный «в наличной линии в три апартамента... да подле того ж двора особый другой каменный же двор в задней линии... в два апартамента». Однако назначенная продажа по каким-то причинам не состоялась, и оба дома так и остались во владении Кантемиров.

К моменту появления махаевского рисунка оба названных здания занимало английское посольство, причем в главном корпусе жил сам посол Ч. Уильямс со своим секретарем С. Понятовским (будущим польским королем), а в служебном – обитала посольская свита.

28 июня 1762 года, в день своего вступления на престол, Екатерина II вспомнила об опальном канцлере А. П. Бестужева-Рюмине и послала за ним в его подмосковную деревню. Он был встречен с большими почестями, и государыня вновь возложила на него грубо сорванную при аресте Андреевскую ленту. После этого, как гласит официальная хроника, «Его Сиятельство отвезен был в нарочно... приготовленной для него изрядной дом, где определен Его Сиятельству от двора стол, погреб и экипаж». Под «изрядным домом» подразумевался дворец Кантемира, купленный императрицей и пожалованный невинному страдальцу «в вечное и потомственное владение».

Оно продолжалось недолго: через четыре года отправился на тот свет престарелый канцлер, а вскоре за ним последовал его единственный и, увы, беспутный сын Андрей, которого отец за дурное поведение даже просил заточить в монастырь. В 1768 году наследники последнего графа Бестужева-Рюмина продали участок на Миллионной Владимиру Григорьевичу Орлову, брату фаворита, незадолго перед тем назначенному директором Академии наук.

А. П. Бестужев-Рюмин

Екатерина величала его «философом» и надеялась, что он окажется способен вывести это учреждение из состояния упадка, но обманулась в своих ожиданиях: двадцатичетырехлетний «философ» не обладал необходимым опытом, энергией, да и просто достаточно разносторонними знаниями для столь ответственного поста. Правда, за короткий срок своего правления он успел сделать кое-что полезное – к примеру, освободил академию от некоторых несвойственных ей функций, заботился об отправке научных экспедиций и посылке студентов для обучения за границу. Кроме того, граф был очень вежлив с академиками, к чему те совершенно не привыкли.

В 1771 году он и сам надолго отправился за границу «для лечения», как это тогда называлось, а вскоре после возвращения был уволен в отставку – фавор братьев Орловых кончился. Свое владение домом на Миллионной Владимир Григорьевич отметил, как видно из письма историка искусства Я. Штелина, незначительными переделками по проекту академического архитектора М. П. Павлова, но внешний вид здания они не затронули. В 1775-м В. Г. Орлов навсегда покинул Северную столицу, перебравшись в Москву, но дом ему удалось продать лишь через два года.

Новая владелица, графиня М. Н. Скавронская, была замужем за двоюродным братом покойной императрицы Елизаветы и по причине такого родства имела придворное звание статс-дамы. Незадолго перед тем она овдовела и остаток жизни провела по большей части в

чужих краях. О своем петербургском особняке графиня заботилась мало, и при ней он остался таким же, как при В. Г. Орлове.

М. Н. Скавронская

Впрочем, одно важное изменение произошло: 1 января 1797 года М. Н. Скавронская продала, как сказано в купчей, «свой маленький каменный дворик» управляющему придворной капеллой Д. С. Бортнянскому. С тех пор почти на целое столетие дом № 9 отделился от «старшего брата» и начал самостоятельное существование.

Дмитрий Степанович Бортнянский (1751–1825) – земляк графа А. А. Безбородко, родом, как и тот, из украинского местечка Глухова, но прославился на совершенно ином поприще. Попав семилетним мальчиком в придворные певчие, он благодаря прекрасному голосу и привлекательной внешности обратил на себя внимание государыни Елизаветы Петровны, но в силу его малолетства сей факт не мог иметь для него далеко идущих последствий. Гораздо важнее оказалось то, что выдающиеся музыкальные способности юного певчего заметил придворный капельмейстер и композитор Галуппи. Он занялся его образованием, а затем настоял на отправке Бортнянского за границу. Случилось это уже в царствование Екатерины II, в 1768 году.

Целых одиннадцать лет Дмитрий Степанович провел в Италии, в совершенстве овладев техникой композиции, и даже приобрел там известность как автор опер и кантат. Очевидно, в Италии он и свел знакомство с графиней Скавронской, у которой позднее купил часть участка на Миллионной. К тому времени Бортнянский уже завоевал себе прочное положение

ние на родине, приведя порученный ему придворный хор в превосходное состояние. Помимо капельмейстерских обязанностей, он должен был сочинять духовные хоровые произведения, чем навеки прославил свое имя. До сих пор в православных храмах и концертных залах звучит его музыка и так же волнует слушателей, как и два века назад.

Около тридцати лет прожил Дмитрий Степанович в домике на Миллионной, сохранявшем милый, скромный облик; казалось, он впитал светлую душу своего хозяина. Все, знавшие композитора, отзывались о нем самыми теплыми словами, а певчие просто обожали его. По преданию, в день смерти, 28 сентября 1825 года, Бортнянский призвал к себе хор капеллы и попросил исполнить свой концерт «Вскую прискорбна еси, душе моя», под звуки которого душа его рассталась с телом.

Д. С. Бортнянский

После кончины Дмитрия Степановича, не имевшего детей, его наследницы – жена и сестры – обратились с просьбой на высочайшее имя о принятии произведений композитора, выгравированных на восьмидесяти четырех медных и оловянных досках; они обошлись ему в 25 тысяч рублей. Ответа от министра двора князя П. М. Волконского не последовало, и наследницы вынуждены были обращаться вторично.

После долгих проволочек им пообещали выдать за нотные доски и рукописи 5 тысяч. Но и этих денег они не могли дожидаться. Понадобились дальнейшие унижительные хлопоты, сопровождавшиеся жалобами на то, что, проживая в доме покойного Бортнянского, они не

имеют даже средств уплатить поземельный налог, так как дом не приносит никакого дохода. Переписка с министерством двора затянулась на целых два года.

В 1833 году участок композитора перешел к откупщику М. И. Гарфункелю, который, руководствуясь соображениями пользы, но не красоты, надстроил здание, увеличив его вдвое. В результате дом приобрел свой нынешний, уныло прозаический вид, как будто душа его отлетела вслед за душой прежнего хозяина.

На углу Мошкова переулка... (Дом № 21/6 по Миллионной улице)

На углу Миллионной улицы и Мошкова переулка стоит старинный особняк, принадлежавший в прошлом князьям Барятинским. На вид он неказист: простой фасад в стиле безордерного классицизма, выглядевший, надо полагать, особенно странным и старомодным в эпоху господства эклектической вычурности и пышности; хозяева, как и подобает аристократам, проявляли в данном случае известный консерватизм.

Князья Барятинские восходят к Рюрикову колену, их род считается одним из древнейших. Имелись в нем бояре и воеводы, но, пожалуй, наибольшую славу снискал генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский, пленивший Шамиля и победоносно завершивший долгую кавказскую войну. Он приходился родным братом В. И. Барятинскому, первому из владельцев особняка этой фамилии.

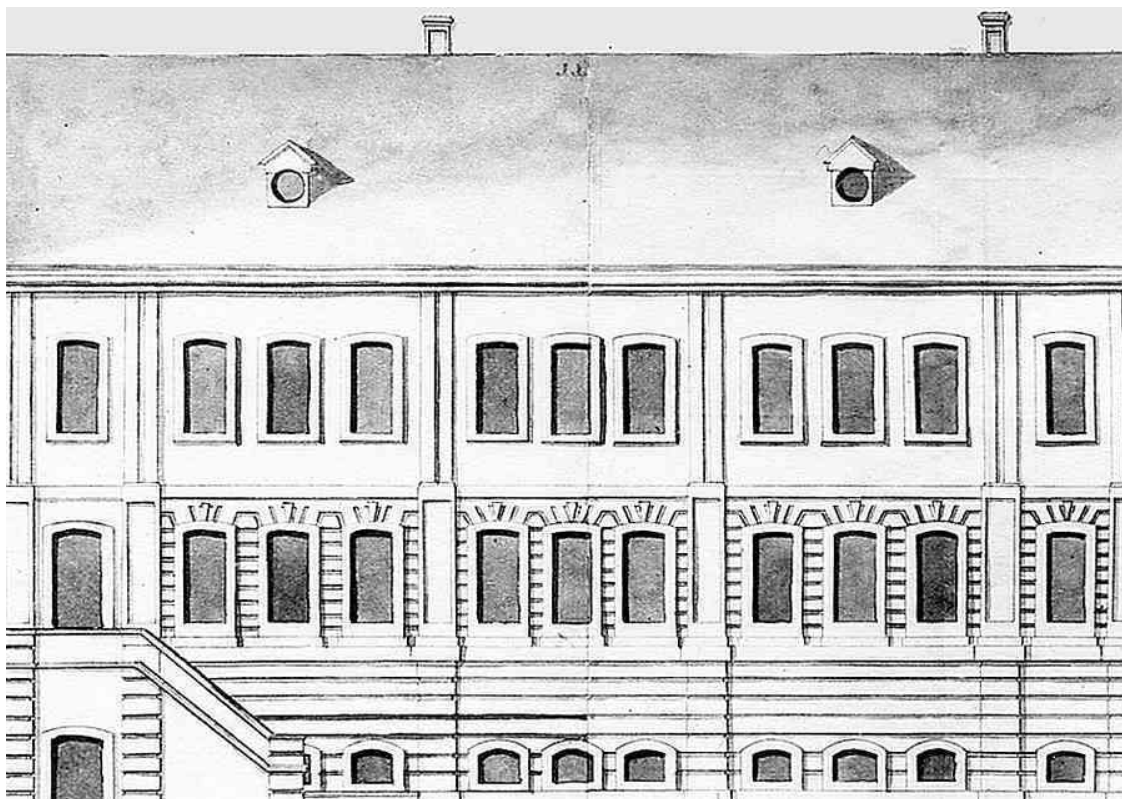
Дом № 21/6 по Миллионной улице. Современное фото

Прежде чем достаться Барятинским, дом уже имел за собой вековую историю. Построил его гоф-интендант Петр Иванович Мошков на отведенном ему в 1717 году участке, простиравшемся от нынешней Миллионной улицы до Дворцовой набережной. Судя по плану Адмиралтейской части из архива А. Л. Мейера, к 1725 году на углу безымянного в ту пору Мошкова переулка в Греческой слободе уже стояли какие-то палаты (часть участка, выходящая на Неву, оставалась незастроенной), но вряд ли они полностью уцелели во время опустошительных пожаров 1736-го и 1737 годов; да и внешний вид здания на чертеже из коллекции Берхгольца свидетельствует о том, что оно было построено или, по меньшей мере, перестроено уже

после пожара, в соответствии с иными архитектурными вкусами, отличными от Петровской эпохи.

П. И. Мошков – «домашний расходчик» при дворе Екатерины I – в полной мере воспользовался плодами своей прибыльной должности, и дом получился на славу: двухэтажный, на высоких подвалах, в одиннадцать окон по уличному фасаду, с крыльцом, он ничем не уступал жилищам титулованной знати, селившейся рядом с императорским дворцом.

Петр Иванович сохранил расположение и государыни Анны Иоанновны, для которой в 1732 году под его наблюдением по проекту Ф.-Б. Растрелли построили небольшой деревянный дворец в Летнем саду, удостоенный высочайшей «апробации».

Дом С. Ф. Апраксина. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Через несколько лет после этого Мошков скончался, а в начале 1740-х годов часть его участка с домом на Миллионной приобрел генерал-поручик С. Ф. Апраксин (1702–1758), только что вернувшийся из Персии, где он исполнял должность посланника. В те годы звезда Степана Федоровича только восходила: императрица Елизавета Петровна благоволила к нему. В 1746 году он был произведен в генерал-аншефы, а десять лет спустя – в генерал-фельдмаршалы. Его быстрому возвышению весьма способствовали дружеские отношения с вице-канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым и особенно с фаворитом императрицы графом А. Г. Разумовским и братьями Шуваловыми.

С. Ф. Апраксин

В 1748 году Елизавета пожаловала Апраксину бывший дом лейб-медика Лестока на Царицыном лугу⁶, «со всеми драгоценными вещами и серебром, в нем найденными». Надо сказать, что Степан Федорович вкупе со своим другом А. П. Бестужевым-Рюминым в немалой степени были причастны к падению «веселого Жанно», обвиненного в тайных сношениях с прусским королем и в государственной измене. Если бы будущий фельдмаршал мог знать, что позже ему предъявят подобное обвинение! В дальнейшем придворные интриги и чрезмерная осторожность, проявленная им в период командования русскими войсками в Семилетнюю войну, довели и самого Апраксина до беды: над ним, смещенным с поста и заключенным в

⁶ Дом Лестока находился на месте бывших казарм Павловского полка на Марсовом поле.

путевом дворце у Средней Рогатки, учинили следствие, в ходе которого он скоропостижно скончался.

Историк М. М. Щербатов напишет о С. Ф. Апраксине: «... Человек благодетельный и доброго расположения сердца, но мало знающ в вещах, пронырлив, роскошен, честолюбив». Справедливости ради отметим, что подобными недостатками отличалось большинство вельмож, не обладая вдобавок ни одним из названных достоинств.

И. Л. Талызин

Получив в собственность прекрасный дом Лестока, Апраксин стал подыскивать подходящего покупателя для своих палат на Миллионной. 1 февраля 1750 года очередным их владельцем стал будущий адмирал Иван Лукьянович Талызин (1700–1777). Ему предстояло сыграть важную роль при возведении на трон Екатерины II: проявив незаурядное мужество, он отправится в день переворота по ее поручению в Кронштадт, чтобы склонить тамошнего коменданта Нумерса принести со всем гарнизоном присягу новой императрице.

Рассказывая в своих «Записках» об этом поступке Талызина, Екатерина признается: «... мы все считали его погибшим человеком». Но Иван Лукьянович успешно справился со своим заданием, лишив таким образом злополучного Петра III последней надежды. Впоследствии, если верить тому же М. М. Щербатову, императрица оплатит бывшему приспешнику черной неблагодарностью, отобрав часть его имений в пользу своей старинной знакомой М. П. Нарышкиной.

После смерти Талызина дом перешел по наследству к его сыну, отставному бригадиру Лукьяну Ивановичу, заложившему его в 1780 году за 20 тысяч рублей придворному банкиру Сутерланду. Позднее младший Талызин дослужился до высокого чина тайного советника, возглавляя контору герольдии, но дом так и не выкупил, и он остался за банкиром. Как оказалось, Лукьян Иванович поступил дальновидно: по оценке 1796 года «недвижимых имений покойного Банкира Барона Сутерланда», выставленных на продажу, дом к тому времени стоил всегонавсего 17 тысяч, следовательно, выкупать его за двадцать не было никакого резона.

Вообще покойный банкир отличался странной при его профессии непрактичностью. Он ссужал огромные суммы казенных денег без достаточного обеспечения и в конце концов, задолжав два с половиной миллиона рублей, вынужден был покончить с собой, так и не дождавшись их возврата. Правда, многое проясняется, когда узнаёшь, что среди главных должников фигурировали такие личности, как князь Потемкин и другие высшие придворные, отказать которым было трудно.

А. И. Чернышев

Желающих купить бывший дом Талызина с публичных торгов не нашлось, и он остался за казной; в нем разместился ордонансгауз, говоря современным языком – комендантское управление. После постройки для него в 1824–1826 годах нового здания на Садовой старый, уже изрядно обветшавший дом освободился. Разумеется, тут же нашелся охотник получить его задаром – место-то выгодное, в самом центре города, рядом с дворцом. Некий камер-фурьер⁷ Миллер обратился было с прошением о пожаловании бывшего казенного здания ему, но согласия на это не получил.

В 1830 году Николай I подарил дом своему военному министру графу А. И. Чернышеву, и тот по проекту архитектора И. И. Шарлеманя заново его отделал, одновременно изменив отделку фасадов: добавлены балкон и аттик, а кроме того, появились лепной пояс и ризалиты, подчеркивающие горизонтальные и вертикальные членения. Однако в целом здание не слиш-

⁷ Камер-фурьер – лицо, заведовавшее придворными служителями.

ком изменилось, по крайней мере снаружи. Что же касается внутренней отделки, то от нее сохранились лишь лепные карнизы, да и то относящиеся к более позднему времени.

В 1846 году Чернышев, теперь уже князь, отдал дом на Миллионной в приданое за старшей дочерью Елизаветой, вышедшей замуж за его бывшего адъютанта – князя Владимира Ивановича Барятинского. В придачу к дому жених получил еще 150 тысяч рублей серебром, из которых пятьдесят дал сам император.

Надо сказать, что породниться с Барятинскими, занимавшими по знатности своего рода и богатству одно из первенствующих мест в петербургском свете, было большой честью для Чернышева – несмотря на полученный им графский, а затем и княжеский титул, он считался выскочкой, и, по словам современника, «о нем самом и о его происхождении ходили самые непривлекательные слухи». Лишь занимаемый им высокий пост открывал ему доступ в высшее общество.

В. И. Барятинский

11 октября отпраздновали пышную свадьбу, и в скором времени молодые поселились в заново отделанном для них особняке. Владимир Иванович Барятинский (1817–1875) приходился внуком княгине Екатерине Петровне, некогда жившей в доме напротив (о котором нам предстоит говорить в следующем очерке). Его отец, Иван Иванович, ревностный англоман, владевший двадцатью одной тысячей душ, славился образцовым ведением своего огромного хозяйства и неоднократно получал медали от агрономических обществ. Он женился вторым

браком на графине Марии Федоровне Келлер (сделавшейся впоследствии известной благотворительницей). Она родила ему четырех сыновей и трех дочерей.

При воспитании детей главное внимание отец уделял старшему сыну Александру, для чего даже разработал особую систему, опять-таки в английском вкусе. Владимира же просто-напросто отдал в Пажеский корпус, по окончании которого тот поступил в кирасиры. В 1841 году его назначили адъютантом к военному министру, а через год перевели в Кавалергардский полк.

Женившись, Барятинский вышел в отставку и поступил на службу «по статским делам», но вскоре вновь надел мундир. После вступления на престол Александра II, при котором он состоял, когда тот еще был наследником, карьера Владимира Ивановича пошла особенно успешно. Он становится флигель-адъютантом, производится в полковники, затем получает генеральский чин, а в 1861 году назначается командиром того самого Кавалергардского полка, где некогда служил поручиком.

Полковые летописи гласят, что в момент принятия В. И. Барятинским командования полком тот находился далеко не в блестящем состоянии, имея опустившийся и распушенный состав офицеров. Они избегали «порядочного общества», предпочитая непристойные кутежи и не всегда честную карточную игру. Князь подтянул полк, тщательно подбирая его состав и избавляясь от «некавалергардских элементов».

Правда, и при Барятинском случались беспорядки. К примеру, 7 мая 1865 года он получил строжайший выговор за то, что один из эскадронов был самовольно поднят по тревоге его командиром, причем «некоторые пешие офицеры вскочили на коров, попавшихся им по дороге на Царицын луг». Какие же еще патриархальные нравы сохранялись в столице, если по пути от Захарьевской, где находились казармы кавалергардов, к Царицыну лугу (Марсово поле) можно было повстречать мирно пасущихся коров!

Приучать офицеров к «свету» Владимиру Ивановичу помогала его супруга, княгиня Бетси, как ее называли в обществе. Для наглядных уроков хорошего тона она воспользовалась обедами – к столу ежедневно приглашались несколько офицеров. Обедали, даже при отсутствии посторонних, с соблюдением строгого этикета относительно формы одежды и светских приличий. Допущенные погрешности тут же с милой улыбкой ставились на вид хозяйкой дома. Вряд ли кто-нибудь поверит, что за такими обедами царил непринужденная атмосфера и искреннее веселье. Скорее всего, офицеры смотрели на них как на тягостную повинность.

О В. И. Барятинском современники отзываются по-разному. Так, например, хорошо знавший князя В. А. Инсарский утверждает, что тот отличался скупостью и мнительностью; в то же время такой пристрастный и злоязычный критик современного ему общества, как князь П. В. Долгоруков, называет Владимира Ивановича «добрейшим и честнейшим» человеком, удивляясь лишь, как он мог жениться на женщине «неприятной и смешной по ее надменности», и далее добавляет: «Мы не могли, впрочем, никогда понять источника глупому и смешному чванству княгини Елизаветы Александровны. Ведь не тем же ей чваниться, что отец ее... был и дерзок с подчиненными, и подлейшим холопом при дворе, был и тираном с несчастными (намек на декабристов. – А. И.), и в то же время взяточником-казнокрадом? Может быть, княгиня Елизавета Александровна чванится тем, что ни одна женщина не умеет лучше ее стрелять из пистолета? Кроме этого да богатства, нажитого ее отцом всякими неправдами и мерзостями, она ничем не отличается от многолюдной толпы».

Если такая оценка и не вполне справедлива, то все же в ней много правды, особенно в отношении князя А. И. Чернышева. Любопытно, что Инсарский, давая нелестную характеристику самому Владимиру Ивановичу, о жене его отзывается как о «преlestной барыне».

В 1866 году В. И. Барятинский назначается генерал-адъютантом с одновременным определением в обер-шталмейстеры. На этом его военная служба заканчивается. После смерти князя домом долгое время владела его вдова, пережившая мужа более чем на четверть века и

скончавшаяся только в 1902 году. Затем участок перешел к ее старшей дочери Марии, вышедшей в 1888 году, в возрасте тридцати семи лет, вторым браком замуж за своего кузена Ивана Викторовича Барятинского, шестью годами моложе ее.

Супруг княгини, отставной капитан-лейтенант, двадцать лет прослуживший на флоте (моряком был и его отец). Он неоднократно избирался уездным предводителем дворянства, был депутатом III Государственной думы от партии правых националистов.

Этим немного странным браком завершается семейная хроника владельцев дома на углу Мошкова переулка, и их дальнейшая судьба, вероятно, уже за пределами России, остается неизвестной.

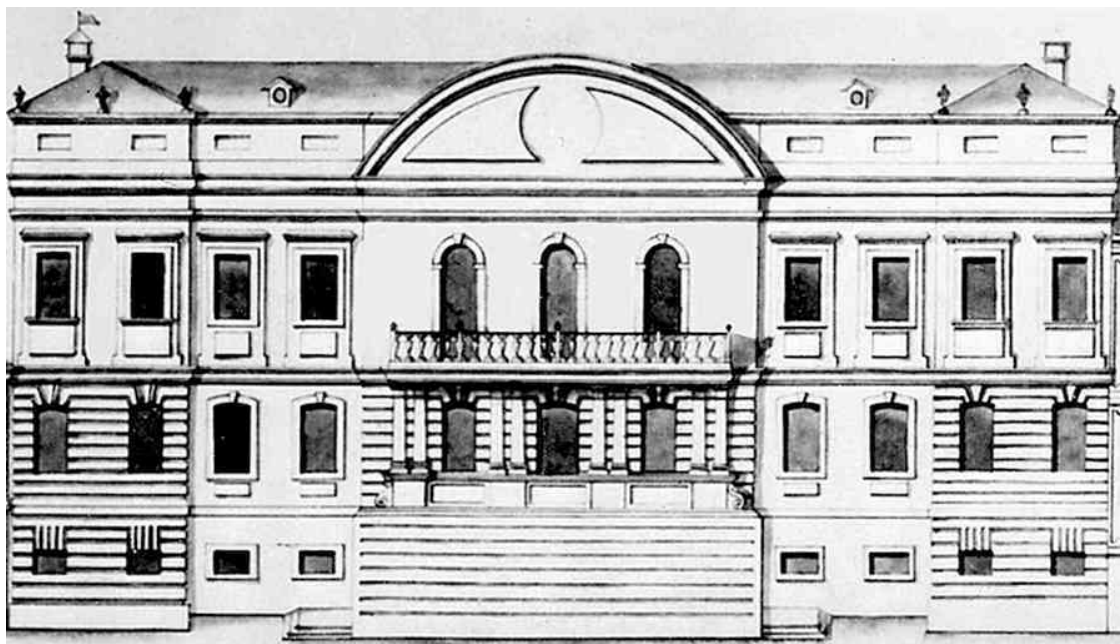
Свидетель столетий минувших (Дом № 22 по Миллионной улице)

Старинные дома всегда полны какого-то неизъяснимого очарования. Они, как праздники в череде монотонных будней, помогают отвлечься от повседневной действительности, вспомнить о том, что жизнь не исчерпывается сегодняшним днем, что кроме настоящего у нас есть и прошлое, а может быть – и будущее, что еще не все потеряно и, даст Бог, дела поправятся. Подобные мысли приходят в голову, когда смотришь на какой-нибудь старый особняк, мужественно перенесший все невзгоды и не потерявший лица. Таким его видели наши предки, таким, будем надеяться, увидят и потомки. Это маленькие островки вечности в море непостоянства. Сказанное в полной мере относится к дому № 22 на Миллионной улице.

Дом № 22 по Миллионной улице. Современное фото

О нем писали довольно часто, он всегда привлекал к себе внимание. Возникла даже легенда о его происхождении, пущенная в ход, если не ошибаюсь, с легкой руки М. И. Пыляева. Будто бы строителем его был академик Крафт, создатель знаменитого Ледяного дома, и что предназначался он для Густава Бирона, брата временщика. Автор «Старого Петербурга» сообщает также об интересе, какой вызвал новопостроенный дом, считавшийся якобы красивейшим в Петербурге, и что на него приезжали любоваться издалека. Может быть. Для возникновения легенды необходимы две предпосылки: наличие устойчивого интереса и отсутствие документальных данных. Обе они оказались налицо.

Дом Ф. А. Апраксина. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Благодаря усилиям замечательного специалиста, исследователя петербургской архитектуры А. Н. Петрова, сведения о доме из легендарных превратились в исторические. На них мы и будем опираться.

Итак, ныне существующий каменный дом построен неизвестным архитектором во второй половине 1730-х годов на месте сгоревших деревянных хором вице-адмирала М. П. Госслера. Композиционная схема здания решена в уже несколько архаичных для того периода формах петровского времени – с сильно выступающими боковыми ризалитами в два и центральной частью в три окна. Позднее левый ризалит расширили на две оси влево за счет некогда существовавших ворот. Аналогичную схему можно было встретить во многих зданиях начала XVIII века; из сохранившихся до наших дней к этому типу относятся хорошо известные Кикины палаты на Шпалерной улице.

Первоначальный облик дома запечатлен на публикуемом чертеже из коллекции Берхгольца. В 1770-х годах он перестраивался, предположительно по проекту А. Ринальди. Тогда же вместо высокого крыльца появился великолепный четырехколонный мраморный портик. Главной же внутренней достопримечательностью справедливо считается вестибюль с лестницей удивительной красоты.

Кто только не поднимался по ее ступеням! Помнят они гордых вельмож и смиренных просителей, великосветских красавиц и богомольных старушек. Среди владельцев дома были и государственные мужи, и блестящие аристократы, и временщики – близость к дворцу нередко означала также близость ко двору. Словом, ему, как и всякому старику, много повидавшему на своем веку, есть о чем порассказать.

Первый владелец дома – граф Федор Андреевич Апраксин (1703–1754), женатый на внучке первого русского фельдмаршала Александре Михайловне Шереметевой. В 1733 году императрица Анна Иоанновна пожаловала его в камергеры за поддержку, оказанную ей при вступлении на престол. Правда, незадолго перед тем Апраксин ревностно помогал «верховникам», однако, вовремя смекнув, куда ветер дует, примкнул к их противникам. Свою карьеру он закончил при государыне Елизавете Петровне в чине генерал-поручика.

В 1773 году сын покойного графа, отставной капитан гвардии Александр Федорович Апраксин, продал унаследованный от отца дом камер-юнкеру двора ее императорского величества Василию Семеновичу Васильчикову – брату находившегося в ту пору «в случае» Алек-

сандра Васильчикова. Впрочем, фавор этот продолжался недолго, как и надобность во владении домом поблизости от дворца. В марте 1774 года отставной фаворит А. С. Васильчиков перебрался из покоев императрицы в дом брата, чтобы затем окончательно исчезнуть с глаз долой.

Е. Б. Бирон

После окончания «случая» не только прежние любимцы, но и их родственники предпочитали удаляться восвояси, дабы не напоминать о себе своим преемникам. В начале 1778 года В. С. Васильчиков продал дом чуть ли не с уступкой против уплаченной им цены бывшей супруге герцога Петра Бирона – Евдокии Борисовне, урожденной княжне Юсуповой, поселившейся здесь после развода со своим скандальным мужем.

Через два года герцогиня скончалась. Секретарь французского посольства в России шевалье де Корберон записал по этому поводу в своем дневнике 20 июля 1780 года: «Завтра мы поедем навестить Измайлову, сестру герцогини Бирон, скончавшейся в среду, в 10 часов вечера. Она была... молодая, приветливая; думают, что она умерла с горя. Герцог, год тому назад, развелся с нею, и эта женщина, хорошо поставленная при дворе, имея орден Святой Екатерины, 50 тысяч ежегодной пенсии, которую государыня заставила герцога выдавать ей, не была счастлива, страдая от непомерного, неудовлетворенного честолюбия. Ее вскрывали, чтобы узнать причину смерти».

Дом покойной герцогини перешел в собственность ее брата Н. Б. Юсупова, а тот в 1783 году продал его со всей обстановкой за 45 тысяч рублей княгине Екатерине Петровне Бярятинской. К тому времени дом уже перестроен и отделан в формах раннего классицизма.

Попутно отметим, что Екатерина II предлагала вернувшейся в 1782 году из-за границы княгине Е. Р. Дашковой купить для нее этот дом в подарок, но та, якобы по своей скромности, чтобы не вводить державную покровительницу в лишний расход, предпочла более дешевый.

Новая владелица, известная красавица екатерининского двора, была дочерью принца Петра Гольштейн-Бекского, приверженца свергнутого Петра III. Двенадцатилетней девочкой она вместе с родителями находилась на одной из галер, сопровождавших злополучного императора в день переворота, во время его бегства в Кронштадт. Выйдя в 1767 году замуж за князя И. С. Бярятинского, она блистала в петербургском свете, где имела громадный успех и массу любовных походов.

Ее роман с Андреем Разумовским привел в конце концов к разрыву с мужем. Тем не менее, она не отказала себе в удовольствии сопровождать обманутого супруга в Париж, куда он назначается посланником, присутствовала на коронации Людовика XVI, а затем вернулась в Петербург, где произвела фурор привезенными с собой парижскими модами и нарядами. Впрочем, последние не заслужили одобрения императрицы и многих светских дам: те нашли их смешными.

Поселившись отдельно от мужа в приобретенном ею доме на Миллионной, легкомысленная красавица вновь заняла высокое положение в свете, где продолжала иметь множество поклонников. Хотя она и подвергалась нареканиям со стороны «общества», тем не менее все стремились попасть к ней в дом; жила княгиня широко и пышно, а о ее приемах и театральных представлениях говорил весь город.

Один из современников оставил такой портрет Е. П. Бярятинской: «Чрезвычайно грациозная, с удивительной талией, выразительными чертами лица, величая и непринужденная в движениях, но вместе с тем немного манерная, она была очень любезна и даже свободна в обращении; выражаясь легко и красиво, она усвоила в разговоре тон парижских модниц своего времени, какую-то смесь философии с чувствительностью и неподдельным кокетством».

В 1789 году княгиня продала свой особняк сенатору А. И. Дивову. Супруга его, Елизавета Петровна, сестра известного библиофила Д. П. Бутурлина, также славилась легкостью нрава – качеством не особенно редким в то время, а кроме того, склонностью к авантюрным похождениям. Будучи фрейлиной Екатерины II, она в 1784 году вышла замуж за Дивова, бывшего намного старше ее. В том же году на нее пало подозрение в том, что она вместе с несколькими другими придворными принимала участие в изготовлении карикатурных пасквилей на многих царедворцев, в том числе и на саму государыню.

За это супруги Дивовы были на некоторое время удалены из столицы, а одна из фрейлин даже высечена! Вернувшись в Петербург, Елизавета Петровна широко открыла двери своего гостеприимного дома на Миллионной стекавшимся в столицу эмигрантам из Франции, так что ее гостиная даже получила прозвище «маленького Кобленца» (пруссский город, где после Великой французской революции сформировался центр эмиграции. – А. И.).

Е. П. Дивова

Взбалмошная и сумасбродная, Дивова была до крайности эксцентрична и вспыльчива. Однажды, в припадке гнева, она бросила в лицо младшему сыну, которого ненавидела, упрек в его незаконнорожденности. Это так потрясло юношу, что он отказался от света и перешел в католичество. Находясь в Париже, супруги Дивовы, по слухам, взяли на откуп у полиции игорный дом, приносивший им огромные прибыли. Они привезли с собой в Россию все модные парижские привычки и принимали утренних посетителей, лежа на двуспальной кровати в высоких чепцах с розовыми лентами.

«Много денег, хорошее здоровье, холодный рассудок, сердце менее чувствительное, чем дано нам, бедным смертным, немного эгоизма и французского легкомыслия, при всем этом никогда не покидать Парижа – вот что нужно, по-моему, для полного счастья на земле», – записала Дивова в своем неизданном дневнике. Этим правилам она не без успеха старалась следовать до конца жизни, закончившейся трагически: она сошла с ума и вскоре умерла.

Личность и взгляды Елизаветы Петровны Дивовой весьма типичны для части русской аристократии екатерининской и последующих эпох. Сколько таких вот русских иностранцев, плохо владевших родным языком и связанных с Россией лишь денежными интересами, колесили по дорогам Европы, поражая и забавляя тамошних обитателей варварской роскошью и нелепыми чудачествами!

В. А. Зубов

В январе 1795 года дом Дивовых купили в казну для фаворита императрицы князя Платона Зубова, но, по некоторым сведениям, в действительности он предназначался для его брата Валериана. Дело в том, что осенью 1794 года, участвуя в подавлении польского восстания под предводительством Тадеуша Костюшко, младший Зубов лишился ноги. Екатерина проявила к раненому большое участие: она написала ему собственноручное письмо, прося вернуться в Петербург. За ним послали дормез и дали 10 тысяч червонцев на дорогу. На каждой станции его ожидала подстава в сто десять (!) лошадей. По прибытии ему были пожалованы орден Святого Андрея Первозванного, чин генерал-поручика и 300 тысяч рублей на уплату долгов.

Рассказывали, что Валериан Зубов представился государыне в кресле на колесах и что, увидев его, она не могла удержаться от слез и новыми подарками старалась доказать свое сочувствие. Среди этих подарков оказался и дом на Миллионной.

Спустя три года дом вновь меняет хозяина. На сей раз он перешел к княгине Марии Григорьевне Голицыной (о ней речь впереди), у той в 1802 году его приобрел новоиспеченный министр внутренних дел граф В. П. Кочубей, оповестивший об этом всех заинтересованных лиц через «Санкт-Петербургские ведомости» нижеследующим объявлением: «Министр внутренних дел Граф Кочубей имеет честь сим известить, что всех, имеющих до него по званию его нужду в личном с ним объяснении, будет он принимать... в доме его, состоящем в большой Миллионной под № 38».

И потекли сюда просители всех рангов – от почтенных сановников, прибывавших в собственных каретах, до всякой чиновной мелкоты, бившейся из-за куска хлеба и возлагавшей на визит к министру последнюю надежду.

Родной племянник покойного канцлера князя А. А. Безбородко – Виктор Павлович Кочубей (1768–1834) – вышел в люди необычайно рано: уже в двадцатичетырехлетнем возрасте он имел чин тайного советника и занимал должность посла в Константинополе. При Павле I он был вице-канцлером и среди прочих наград удостоился графского титула.

Сблизившись еще в екатерининские времена с великим князем Александром Павловичем, Кочубей сделался одним из его ближайших друзей и единомышленников. Вкрадчивый и гибкий, умевший, когда надо, быстро менять свои взгляды, притом высокообразованный, с прекрасной наружностью и манерами, он вскоре занял при дворе молодого императора Александра I высокое положение, получив министерский пост.

В. П. Кочубей

Имея помощником такого превосходного организатора, как М. М. Сперанский, Виктор Павлович управлял своим министерством весьма успешно, являясь в то же время членом негласного комитета из наиболее близких к царю лиц. Кроме него туда входили также граф П. А. Строганов и Н. Н. Новосильцев. Но миновало «дней Александровых прекрасное начало», эпоха либеральных реформ закончилась; в 1807 году комитет был распущен, члены его утратили всякое значение, и на смену им пришли другие.

Как правило, падению того или иного сановника предшествовало усиление к нему внешних знаков милости со стороны императора, которого Наполеон за лицемерие и скрытность окрестил «византийцем». Накануне отрешения Кочубея Александр лично привез его дочери фрейлинский шифр, после чего догадливый царедворец понял, что пора укладывать чемоданы.

Он тут же подал в отставку и продал особняк на Миллионной недавно вернувшемуся из-за границы князю В. В. Долгорукому. О нем и о его супруге я расскажу подробнее в другом месте, а пока что ограничусь лишь несколькими словами. Постаревшая, но все еще красивая княгиня Екатерина Федоровна Долгорукая вновь заняла в столичном свете подобающее ей место. Сын ее позднее вспоминал: «Дом наш сделался одним из самых любимых. Отборное общество собиралось у нас».

Таким же он оставался и при следующем владельце, князе Александре Борисовиче Куракине, купившем его в 1812 году после возвращения из Парижа, где он в течение нескольких лет занимал должность посла.

А. Б. Куракин

Князь представлял собой тип старинного вельможи с характерной манерой одеваться: он неизменно облачался в глазетовый или бархатный французский кафтан, где, как и на камзоле, все пуговицы были бриллиантовые, а орденские звезды, равно как и кресты на шее, – из крупных драгоценных камней. На правое плечо он надевал жемчужный или бриллиантовый эполет, пряжки на башмаках и рукоятка шпаги были алмазные, грудь и рукава украшали дорогие кружева. Таким и изобразил его на знаменитом портрете художник В. Л. Боровиковский.

А. Б. Куракин отличался большим педантизмом в одежде: каждое утро, когда он просыпался, камердинер подавал ему книгу вроде альбома, где находились образчики материй, из которых были сшиты его великолепные наряды, и образцы платья; к каждому из них полагались особенная шпага, пряжки, перстни, табакерка и т. д.

Однажды, играя в карты у императрицы Екатерины, князь внезапно сильно побледнел: открывая табакерку, он с ужасом обнаружил, что перстень, надетый у него на пальце, совсем не подходит к табакерке, а она, в свою очередь, не соответствовала остальному костюму. Волнение его в связи с этим открытием оказалось столь сильным, что он проиграл, имея на руках хорошие карты. По счастью, никто, кроме него, не заметил вопиющей оплошности камердинера.

Во времена Александра I, когда сам государь ездил в однолошадном экипаже и совсем исчезли богатые кареты и обложенные галунами ливреи, один Куракин остался верен прежнему екатерининскому обычаю ездить в вызолоченной карете о восьми стеклах, запряженной пугом, с форейтором, двумя лакеями на запятках, двумя верховыми спереди и двумя скороходами, бежавшими за каретой.

В 1810 году, когда он жил в Париже, с ним случилось несчастье: на празднике, устроенном австрийским послом в честь бракосочетания императора Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой, вспыхнул пожар. Все бросились к дверям, и князя Куракина, галантно пропускавшего дам вперед, толпа смяла и повалила на пол, так что он сильно обгорел и едва не погиб. Как ни странно, спасением своим он, пожалуй, обязан роскошному мундиру, буквально залитому золотом; правда, во время суматохи князь лишился бриллиантов, похищенных с его одежды, на сумму более 70 тысяч франков.

Последние годы жизни (он умер в 1818 году) А. Б. Куракин, состоявший членом Государственного совета, провел в Петербурге, в своем особняке на Миллионной, часто задавая роскошные пиры и блистательные балы, куда собиралось все высшее общество. В такие дни дом его горел огнями, огромный оркестр оглашал танцевальный зал звуками полонезов, толпы ливрейных слуг и официантов сновали по залам, а скороходы, расставленные у подъезда, встречали и провожали гостей.

После смерти Куракина его городской особняк приобрел А. М. Потемкин, впоследствии избранный губернским предводителем дворянства. Благодаря его супруге Татьяне Борисовне (1797–1869) их дом стал центром благотворительной деятельности, известным всей России, и оставался таковым в течение последующих сорока с лишним лет, до самой смерти его хозяйки.

Потемкины не сразу купили дом; поначалу они просто наняли его, прочитав весной 1817 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» следующее объявление: «По случаю отъезда Его Сиятельства Князя Александра Борисовича Куракина на целебные воды за границу, отдается в наем на два и на три года собственный дом его, состоящий 1 Адмиралтейской части 1 квартала, в большой Миллионной, со всеми находящимися в оном украшениями, как то: шелковыми в двух покоях обоями, с окнами, украшенными драпериями, зеркалами, люстрами, картинами, столовыми часами, с вызолоченными из красного дерева с бронзою и без бронзы всякого рода мебелью... с конюшнею на 22 стойла, сараями на 8 карет, с разными погребами и особым для виноградных вин...»

Куракину не суждено было вернуться из-за границы, и в 1820 году А. М. Потемкин купил дом у наследников покойного князя.

В молодости Татьяна Борисовна Потемкина, урожденная княжна Голицына, считалась одной из первых красавиц, что подтверждает и публикуемый миниатюрный портрет. Есть в ней что-то от пушкинской Татьяны, какая-то углубленная сосредоточенность с налетом романтизма. Впрочем, судьба ее ничем не напоминает судьбу литературной героини, разве что браком не по любви.

Т. Б. Потемкина

Вот что сообщает о ее близком замужестве в 1815 году в письме к своему другу одна из знакомых княжны: «Татьяна выходит за Потемкина, сына от первого брака Юсуповой⁸. Жених не представляет из себя ничего особенного, но добрый малый. Он хорошо служит, скоро будет произведен в полковники и имеет десять тысяч крестьян... Кроме того, он влюблен и обещает быть прекрасным мужем. Девушка прелестна... Она выходит замуж без особой любви, но охотно».

В 1827 году Татьяна Борисовна стала председательницей Санкт-Петербургского попечительного о тюрьмах комитета и исполняла эту обязанность в течение сорока двух лет. По ее инициативе и частично на ее средства организованы приют для детей заключенных и целый ряд других благотворительных учреждений, в том числе ланкастерская школа⁹ в принадлежавшем ей имении под Петербургом. Она много заботилась о церквях, покровительствовала духовенству, содействовала расширению и пропаганде христианства среди язычников.

В домовую церковь Потемкиных стекалась вся петербургская знать, а дом, к неудовольствию хозяина, всегда был полон странников, странниц, монахов и всякой духовной братии. Татьяна Борисовна усердно хлопотала за них, пользуясь своими связями и родством с кня-

⁸ Т. В. Юсупова, урожденная Энгельгардт, племянница Г. А. Потемкина, в первом браке была за его троюродным братом М. С. Потемкиным, а во втором – за князем Н. Б. Юсуповым.

⁹ Школы, в которых применялся метод так называемого взаимного обучения; названы по имени английского педагога Д. Ланкастера.

зем А. Н. Голицыным, возглавлявшим Министерство духовных дел и народного просвещения. Николай I разрешил ей обращаться за помощью к нему лично, и она постоянно этим пользовалась.

Заботилась графиня и о своих крепостных, хотя иногда заботы эти имели неожиданные последствия. Купив имение Гостилицы, она добилась у императора разрешения вернуть из Сибири шестьдесят крепостных, сосланных прежним владельцем за бунт. Неожиданное возвращение мужей после долгого отсутствия породило, однако, множество комических, а порой и драматических недоразумений, так что нормальная жизнь в селе оказалась надолго нарушенной...

Несколько слов об А. М. Потемкине. По свидетельству его внучки Е. Ю. Хвоцинской, Александр Михайлович «был страшный педант и, можно сказать, человек привычки; у него весь день был расписан не только по часам, но даже и минутам. Так, например, если время приходило кончить чтение, он даже и до точки не дочитывал и закрывал книгу... Говорили мне, что у А. М. Потемкина были часы в неделю, когда он никому не отказывал, если у него просили денег, и будто бы один из его племянников, узнав об этом, выпросил у него чуть не сто тысяч для покрытия долгов».

Самое курьезное состояло в том, что Александр Михайлович терпеть не мог монахов и с большим неодобрением смотрел на возню супруги с духовенством. Татьяна Борисовна знала об этом и старалась избегать нежелательных встреч. Однажды, к большому возмущению старика Потемкина, он чересчур стремительно вошел в спальню к жене и ударился лбом в спрятанного за занавеской афонского монаха!

Смерть Т. Б. Потемкиной ускорил несчастный случай, произошедший с ней в ноябре 1868 года, – обрывом тросов подъемной машины в Николаевском дворце (ныне Дворец труда). Кабина, где сидела Татьяна Борисовна, упала с высоты и ударилась о каменный пол с такой силой, что он треснул. В полубессознательном состоянии, с многочисленными ушибами старушку извлекли из-под обломков. Скончалась она весной следующего года, так и не оправившись полностью после этого происшествия. Муж пережил ее тремя годами. Супруги владели домом около полувека, прожив здесь большую часть жизни.

Сменив на протяжении последующих восьми лет двух владельцев, в 1880 году особняк стал собственностью графа Н. П. Игнатьева – известного дипломата, сыгравшего важную роль в проведении активной политики на Балканах и укреплении значения России как крупной европейской державы.

Н. П. Игнатъев

Несмотря на враждебное отношение многих высокопоставленных лиц, именно ему поручили подготовку Сан-Стефанского мирного договора с Турцией, заключенного в 1878 году. Условия договора оказались весьма выгодными для нашей стороны.

Но через год Николая Павловича отправили в отставку. Его дипломатическая карьера рухнула, а все преимущества заключенного договора были сведены к нулю.

Отойдя от дел, граф Игнатъев с женой поселился в особняке на Миллионной. В начале царствования Александра III он на короткое время оказался на посту министра внутренних дел. Но, как видно, стены дома не благоприятствовали длительному пребыванию в сей должности: подобно Кочубею, через несколько месяцев граф Игнатъев оказался вынужден сложить свои полномочия. На этот раз его отправили в отставку уже навсегда.

Закончил он свою жизнь полунischem, разорившись на фантастических финансовых авантюрах. «Владея сорока имениями, разбросанными по всему лицу земли русской, заложенными и перезаложенными, он в то же время... был единственным членом Государственного совета, на жалованье которого наложили арест», – пишет в своих воспоминаниях его племянник. В 1904 году, за несколько лет до смерти, Н. П. Игнатъев продал дом князю С. С. Абамелек-Лазареву, завершившему длинный список его владельцев.

Необходимость покупки князем дома объяснялась тем, что именно в том году истекал срок, когда он должен был оставить дом своих предков на Невском, 40, переходивший по условиям завещания Ивана Лазарева во владение армянской общины.

Семен Семенович Абамелек-Лазарев, потомок и наследник двух славных родов, был известным ученым-археологом, исследователем древней Пальмиры. Он сумел оценить художественные достоинства старинного особняка на Миллионной, сохранившего следы отделки 1770-х годов и, очевидно, напоминавшего ему оставленный им родной дом. Корпус на Миллионной новый хозяин оставил в неприкосновенности, а часть здания, обращенную к Мойке, перестроил по проекту архитектора Е. С. Воротилова в 1907–1909 годах таким образом, что его фасад и некоторые интерьеры повторяли дом на Невском проспекте.

В одном из номеров журнала «Столица и усадьба» за 1915 год помещено примечательное описание внутренних помещений дома на Миллионной, еще сохранявшего в ту пору все свое великолепие. Привожу его полностью, так как, помимо исторического, оно имеет ныне еще и мемориальный интерес:

«Главную достопримечательность старого Бироновского дома представляет собой великолепный вестибюль и лестница. Смело и легко выются кверху ступени, от последней площадки, украшенной громадным зеркалом, расходящиеся в разные стороны. Прекрасный, легкий потолок полукружием сообщает всей этой лестнице большую нарядность и стильность. На площадках стоят громадной величины белые с золотом торшеры, нарисованные Росси для Михайловского дворца. Прямо с лестницы вы попадаете в большую залу с красивой лепной работой нежных тонов. Здесь, как и во всем доме, превосходный паркет. Направо и налево от этой залы окнами на Миллионную лежит ряд гостиных, кончающихся с одной стороны угловой спальней и с другой – большой гостиной с великолепными фламандскими шпалерами по стенам. Во всех комнатах вы найдете превосходную старинную бронзу, мрамор, фарфор, семейные портреты кисти известных художников. В зале возвышаются с полу четыре, более чем в рост человека, бронзовые канделябры Томира. На стенах два громадных гобелена, представляющие историю Тамерлана и Баязета, исполненные в XVII веке в Брюсселе. Старый дом заканчивается длинной, светлой столовой».

Предоставляю читателям самим оценить разницу между прежним и нынешним состоянием дома. Последний его владелец скончался в 1916 году, дом же продолжает жить, с надеждой взирая в будущее.

Сквозь все превратности судьбы (Дом № 26 по Миллионной улице)

Великолепный восьмиколонный портик дома № 26 по Миллионной улице хранит строгий, торжественный дух александровского классицизма, привнося в перспективу улицы свой неповторимый оттенок. Такой вид придал ему в 1803 году архитектор Луиджи Руска, совершенно перестроив здание, возведенное еще в 1720-х. В результате как бы укрылся от глаз целый пласт исторических воспоминаний, относящихся к XVIII веку; укрылся, но не перестал существовать. В коллекции архитектурных чертежей Берхгольца сохранилось изображение дома таким, как он выглядел в 1740-х годах, что помогает зримо представить себе прошлое, приблизить его.

Дом № 26 по Миллионной улице. Современное фото

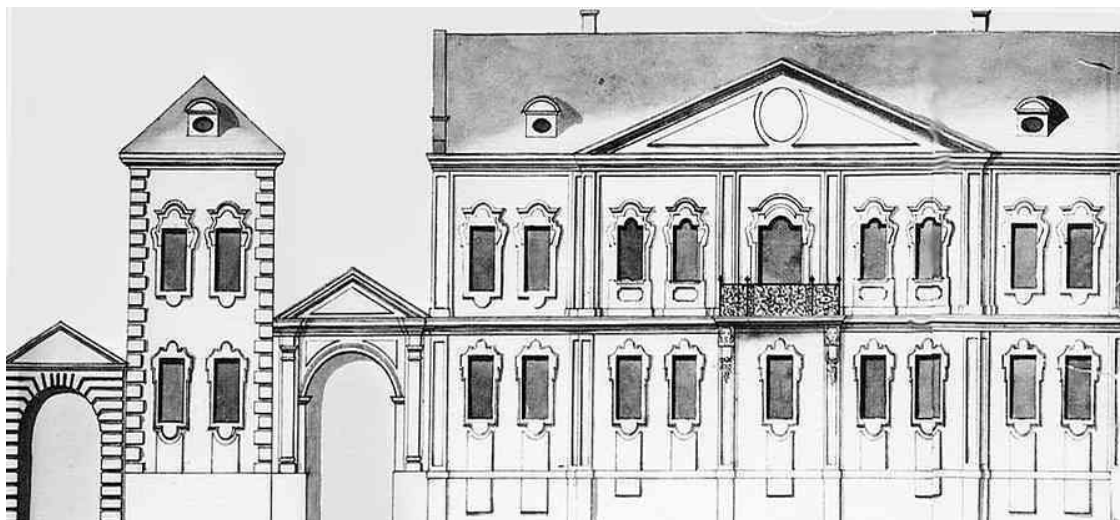
Первоначально владел этим и соседним участками (слева – № 24) кабинет-секретарь Петра I тайный советник А. В. Макаров (1675–1750), пользовавшийся благодаря своему положению при государе большим влиянием. Он сопровождал его в путешествиях по России и за границей, находясь в близких отношениях с царским семейством. После смерти императора Макаров поддержал возведение на престол его жены Екатерины, оставшись ее преданным другом и советником.

А. В. Макаров

Петр II также жаловал Алексея Васильевича, умевшего ладить с могущественным в ту пору кланом князей Долгоруких. Правда, это же обстоятельство повредило ему после воцарения Анны Иоанновны, нарядившей над ним следствие по обвинению в казенных злоупотреблениях и сокрытии секретных бумаг. Невзирая на то что вину Макарова не доказали, он пробыл под арестом все годы правления этой императрицы. На Руси издавна так повелось: то, с кем ты дружишь, – неизмеримо важнее твоей правоты перед законом, а Долгорукие числились среди злейших недругов Анны.

Как бы там ни было, состояния Алексея Васильевича все же не лишили, и он продолжал владеть двумя участками на Миллионной (тогда она еще звалась, как уже не раз говорилось, Немецкой улицей). На втором из них, где ныне дом № 26, согласно описи 1734 года, стояли «каменные палаты в два апартамента (то есть этажа. – А. И.) и маленькие палатки посредине прочих палат». Во время разразившихся вскоре опустошительных пожаров макаровские дома, как и другие, сильно пострадали и были заново отстроены, но уже в несколько ином стиле, приближенном к изменившимся вкусам. Такими они и предстают перед нами на публикуемом чертеже: главный флигель – двухэтажный, на высоких погребках, в девять осей по фасаду, с характерным сдвоенным расположением окон; слева – каменные ворота, а еще левее – узкий двухэтажный флигелек в два окошка, очевидно, те самые «маленькие палатки», упомянутые в описи.

Дом А. В. Макарова. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

После пожара Макаров уже не пожелал, или не имел возможности, оставить за собой оба участка, тем более что за ним числился еще один дом, на Васильевском острове, также требовавший денег на содержание. Вышеописанные палаты пришлось уступить генералу Рудольфу Бисмарку (предку прусского канцлера), женатому на сестре герцогини Бирон. Столь близкое родство со всемогущим фаворитом обеспечило Бисмарку быстрое продвижение по службе, прерванное падением его покровителя: в ночь на 9 ноября 1740 года он вместе с Бироном был арестован и отправлен в ссылку «за неоткрытые преступных поступков и замыслов герцога».

Конфискованный в казну дом генерала поначалу отвели под резиденцию прусскому посланнику, а затем правительница Анна Леопольдовна пожаловала его фельдмаршалу Б. Х. Миниху. Всего через несколько месяцев, после восшествия на престол Елизаветы Петровны, он также отправился в далекую ссылку, а в его недавно перестроенный дом вселилась – теперь уже надолго – новая владелица, обер-гофмейстерина¹⁰ княгиня Т. Б. Голицына, вдова фельдмаршала М. М. Голицына.

Преждевременная кончина супруга – ближайшего сподвижника Петра I – стала следствием крушения честолюбивых планов фельдмаршала. Будучи президентом Военной коллегии, бывший покоритель Шлиссельбурга и Ниеншанца, вместе с братом Дмитрием входил в состав Верховного тайного совета, вознамерившегося ограничить самодержавие и установить в России олигархическое правление.

Как известно, императрица Анна Иоанновна отвергла предложенные ей «верховниками» условия, а Голицыны и Долгорукие попали в жестокую опалу. В результате, по словам историка Д. Н. Бантыша-Каменского, «полководец, неустрашимый на бранном поле, сделался жертвою душевной скорби» и умер 10 декабря 1730 года пятидесяти пяти лет от роду.

В царствование Анны вдову его так дурно принимали при дворе, что она почти перестала там появляться, но после смерти императрицы Татьяна Борисовна (прабабушка той, о которой шла речь в предыдущем очерке) вновь обрела утраченное положение. Поселившись в новоприобретенном доме близ дворца, она прожила в нем до самой смерти. Позднее дом перешел к ее наследникам, а в конце 1770-х годов его купил П. В. Завадовский, чья личность заслуживает более подробного рассказа.

Не сомневаюсь, что большинству читателей граф П. В. Завадовский известен, в лучшем случае, как один из любовников Екатерины II. Такова сила исторического анекдота – этого суррогата истории. Суррогатные знания всегда основаны на расхожих штампах: словосочета-

¹⁰ Обер-гофмейстерина – придворная дама, заведовавшая женским штатом при высочайшем дворе.

ние «всесильный временщик» одинаково крепко приклеилось и к Потемкину, и к Аракчееву, хотя разница между ними огромна.

То же самое можно сказать и о пресловутых «екатерининских фаворитах». Не все они – люди ничтожные, и не все утрачивали свое значение, выйдя из кратковременного «случая». Для некоторых из них подлинная государственная деятельность начиналась уже после прекращения особых отношений с императрицей и продолжалась при ее преемниках. Таким был граф Петр Васильевич Завадовский (1739–1812), которому российское просвещение многим обязано.

Он происходил из старинного польского рода, принявшего русское подданство еще в начале XVII века. Отец его, черниговский помещик, не мог наделить сына богатством, зато наделил превосходным здоровьем и красотой, стоившими всех сокровищ мира. Получив неплохую подготовку в доме деда, юноша продолжил обучение в иезуитской школе в городе Орше, откуда вынес знание польского и латинского языков, чем любил щегольнуть впоследствии.

П. В. Завадовский

Окончив курс в Киевской духовной академии, он поступил на гражданскую службу, а вскоре фортуна привела его в канцелярию фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского, сме-

нившего гетмана К. Г. Разумовского на посту правителя Малороссии. С того времени началось постепенное возвышение Завадовского, привлекшего внимание графа своими способностями и расторопной сообразительностью; она помогала ему на лету схватывать невнятную речь начальника и отвечать на ставящие в тупик вопросы.

Канцелярские занятия не помешали Завадовскому принять участие в боях против турок в 1769–1773 годах; в конце войны он дослужился до чина полковника и приобрел известность составлением важнейших донесений, а также, совместно с графом С. Р. Воронцовым, – условий Кучук-Кайнарджийского мира. В день его празднования, 10 июня 1775 года, Петр Васильевич награждается орденом Святого Георгия 4-й степени и именем Ляличи, граничившим с деревней его отца, где он провел свое детство.

В том же году граф П. А. Румянцев, по чьему ходатайству Завадовский и удостоился этого пожалования, представил его государыне, которая не осталась равнодушной к мужественной красоте молодого полковника. Он получил в подарок бриллиантовый перстень с надписью «Екатерина» и занял должность ее кабинет-секретаря.

Их роман длился около полутора лет, а в июне 1777 года П. В. Завадовский, по-прежнему искренне влюбленный в императрицу, помимо своей воли отправляется в трехмесячный отпуск. После этого он возвращается в Петербург, но, не удовлетворенный оказанным приемом, снова отбывает в Ляличи. Лишь через год, когда страсть его остыла, он оказался в силах вернуться к делам.

Окончательно поселившись в столице, Петр Васильевич покупает дом на Миллионной и начинает выполнять весьма значительные поручения государыни: управляет созданным по его же предложению Санкт-Петербургским дворянским банком, председательствует в комиссии по сооружению Исаакиевского собора. В 1785 году высочайшим рескриптом ему повелевается обозреть систему преподавания в Пажеском корпусе, «а равно... освидетельствовать успехи и ввести порядок, который должен быть присвоен всем вообще российским училищам».

С тех пор началась плодотворная деятельность П. В. Завадовского на ниве отечественного просвещения. Он составляет новый план обучения, одобренный императрицей, а вслед за тем делает ей представление о неудовлетворительности преподавательского состава Медико-хирургической школы и необходимости учреждения академии. По его инициативе в Вену, Париж и Лондон направляются русские доктора для ознакомления с постановкой подобного образования за границей.

Еще более важна роль Завадовского в деле открытия в двадцати пяти губерниях бесплатных народных училищ, что является одним из крупнейших событий екатерининского царствования. Государыня любила посещать Главное народное училище, помещавшееся в бывшем доме купца Щукина на углу Садовой и Чернышева переулков (ныне территория Апраксина двора), слушала лекции для воспитанников, осматривала классы и всегда оставалась довольна увиденным.

13 мая 1785 года Екатерина II подписала указ о покупке дома Завадовского для размещения в нем Пажеского корпуса. По-видимому, тогда же отдельно стоявший флигель слился с главным зданием. Через семнадцать лет пажи перебрались в дом на Фонтанке, а изрядно обветшалые палаты на Миллионной Александр I передал вдове придворного хирурга Карла Эбелинга Анастасии Ивановне. Сделано это было не просто так, а в обмен на имение в 150 душ, поступившее от нее в Удельное ведомство.

После перестройки старый дом преобразился, засияв новым блеском. И все же хозяйка, по неизвестной нам причине, вознамерилась с ним расстаться. Такой вывод можно сделать, прочитав помещенное в «Санкт-Петербургских ведомостях» в феврале 1805 года объявление: «1 Адмиралтейской части... отдается в наем сквозной в Миллионную улицу и на Мойку дом о 3-х этажах под № 42, вновь построенной, принадлежавший Пажескому корпусу, а ныне коллежской советнице Эбелинг, весь или по частям... оной же дом и продается».

Однако покупателя найти не удалось, и дом так и остался за вдовой. После нее им недолгое время владела надворная советница М. П. Ротенберг, а в марте 1833 года по ее доверенности барон Людвиг Штиглиц продал его лейб-медику Н. Ф. Арендту. Интересная деталь: если в начале 1800-х годов участок оценивался в 70 тысяч рублей, то четверть века спустя за него уже пришлось заплатить 275 тысяч!

К моменту приобретения дома Николай Федорович Арендт (1785–1859) успел уже немало повидать на своем веку и по должности военного лекаря принял участие во всех битвах с Наполеоном. За это и за последующую службу дивизионным врачом, а затем главным врачом артиллерийского госпиталя, он получил неслыханное дотоле отличие: 11 октября 1821 года высочайшим указом ему было без экзаменов присвоено звание доктора медицины и хирургии.

За шесть лет управления госпиталем (с 1820-го по 1826-й) слава Н. Ф. Арендта как хирурга-виртуоза распространилась далеко за пределами России. Он смело брался за самые трудные операции и с блеском проводил их, одним из первых поняв и оценив значение антисептики. Процент смертности среди его пациентов был ничтожно мал по сравнению с другими выдающимися хирургами того времени. К сожалению, среди тех немногих, кому доктор Арендт не смог помочь, оказался А. С. Пушкин, о чем мы не перестаем скорбеть до сих пор.

Н. Ф. Арендт

В январе 1829 года Николай Федорович имел случай вылечить царя от какого-то пустякового заболевания, после чего тот уверовал в его медицинский гений и привлек для личного пользования, освободив почти от всех прочих служебных обязанностей. Так Николай Федорович сделался лейб-медиком и оставался в этой должности десять лет. До самой смерти Н. Ф. Арендт не переставал заниматься частной практикой, а она была огромна. Он работал с утра до вечера, часто посещая бедняков, которым покупал лекарства за свой счет. Наконец его собственное сердце не вынесло таких нагрузок...

Наследники доктора продолжали владеть домом еще тридцать лет, после чего он куплен для великого князя Владимира Александровича и использовался для хозяйственных нужд. Его сын и наследник Андрей Владимирович задумал снести старое здание и выстроить на его месте новое, но, к счастью, этому помешала война. В конце концов его купил знакомый нам любитель и ценитель старины князь С. С. Абамелек-Лазарев, владевший двумя соседними участками на Миллионной. Поистине судьбы домов, как и судьбы людей, полны превратностей и неожиданных случайностей!

В немецкой улице, у братьев Блюментростов (Дом № 30 по Миллионной улице)

По сравнению с другими петербургскими улицами Миллионная, возможно, не столь сильно пострадала от вандализма властей, но все же и здесь остались следы варварского отношения к культурному наследию прошлого. Ее незаживающая рана – это безобразно перестроенный в 1931 году старинный особняк знаменитой полуночницы, княгини Е. И. Голицыной (дом № 30), прославившейся дружбой с лучшими людьми пушкинской эпохи.

Ей принадлежали два смежных дома. Один был трехэтажный, в семь окон по фасаду, в классическом стиле, а другой – двухэтажный, в пять окон; из них сохранился лишь первый, да и то в изуродованном виде; второй же, отошедший к новому владельцу, присоединили к соседнему дому № 32/4 при его расширении.

История этого участка, длинная и сложная, началась на исходе петровского царствования, когда Миллионная еще именовалась Греческой слободой (позднее она стала называться Немецкой улицей) и ничем не напоминала ту, что мы знаем сегодня. В 1723 году по проекту архитектора Н. Микетти Канцелярия от строений начала возводить на этом месте одноэтажные каменные палаты с четырехоконным мезонином, предназначенные для лейб-медика И. Л. Блюментроста.

В ту пору строили не быстро, а посему работы растянулись на целых пять лет. За это время успел умереть Петр I, через два года за ним последовала Екатерина I, и на трон вступил внук покойного государя – Петр II, еще не вышедший из отроческого возраста, но вскоре также отправившийся вслед за дедом «в ту страну, откуда ни один не возвращался».

Дом № 30 по Миллионной улице. Современное фото

И всех их заботливо лечил, а затем искренне оплакивал «лейб-медикус» Иван Лаврентьевич Блюментрост, чьи услуги оплачивались невероятно высоким по тем временам жалованьем – 3 тысячи рублей в год. Правда, деньги эти он получал недаром: его стараниями врачебное дело в России было поставлено на совершенно иную, гораздо более высокую ступень.

Именно И. Л. Блюментрост представил Петру I проект преобразования медицинского дела в империи. В соответствии с ним 7 октября 1721 года учреждалась особая канцелярия или коллегия, ведавшая освидетельствованием аптек, установлением определенных цен на лекарства и, главное, экзаменовавшая всех врачей для приобретения права на свободную практику. «Понеже, – как гласил указ, – неученые, скитающиеся без всякого наказания, дерзновенно лечат, в чем великую вреду жителям учинить могут».

Сам Блюментрост и возглавил вновь образованное учреждение, получив при этом звание «архиатера», то есть главного врача. По его же почину в 1728 году в Москве, куда перебрался к тому времени царский двор, открылась первая в России лечебница для приходящих.

Еще более заметной фигурой был младший брат Ивана Блюментроста – Лаврентий, ему принадлежит честь воплощения в жизнь петровского замысла о создании российской Академии наук. Несмотря на большую разницу в возрасте, братья были очень близки и жили дружно в одном доме.

Так же как и брат, Лаврентий получил солидное медицинское образование в лучших западных университетах, после чего вернулся в Россию и занял место придворного лекаря при сестре Петра, царевне Наталье Алексеевне. Вскоре по поручению царя он вновь отправился за границу для консультации с тамошними врачами относительно болезни государя. При этом он не упустил возможности пополнить свои знания; тогда же, по совету Блюментроста, купили знаменитую анатомическую коллекцию доктора Рюйша, составившую ядро созданной позднее Кунсткамеры.

После смерти в 1719 году лейб-медика Арескина Л. Л. Блюментрост занял его должность, одновременно получив под свое начало императорскую библиотеку и Кунсткамеру, а с 1724 года он вместе с Шумахером активно принялся за устройство Академии наук. Благодаря знакомству с немецким философом Вольфом и при его посредничестве Блюментросту удалось убедить приехать в Россию нескольких известных ученых; их поместили в конфискованном у барона Шафирова доме на Петербургской стороне. Там же 27 декабря 1725 года, в присутствии императрицы, состоялось первое торжественное заседание новоучрежденной Академии наук, президентом ее назначается Л. Л. Блюментрост.

С воцарением Анны Иоанновны для братьев начались тяжелые времена. В сентябре 1730 года, вследствие доноса нового лейб-медика Ригера, «за многие непорядки при верхней аптеке» И. Л. Блюментрост лишился одной из своих должностей, а годом позже его и вовсе уволили, отняв вдобавок гатчинскую мызу, пожалованную ему Петром I. Отставленный от службы, Иван Лаврентьевич поселился в Москве, где у него тоже имелся дом. Однако после того, как его московское жилище сгорело дотла, ему пришлось вернуться в Петербург и хлопотать о выдаче недоданного при отставке жалованья. Остаток жизни он провел в полной безвестности в своем доме на Миллионной.

Поначалу не лучше сложилась судьба и у Лаврентия Блюментроста. После кончины Петра II он не смел показываться на глаза новой императрице, питавшей недоверие к его медицинскому искусству, и жил во дворце ее сестры, герцогини Мекленбургской. В 1732 году царский двор возвратился в Северную столицу; вместе с ним вернулся и Л. Л. Блюментрост. Но сколь непохожа стала нынешняя его жизнь на прежнюю! Он лишился всякого значения как врач, и его авторитет как президента Академии наук также упал. В довершение зол 14 июня 1733 года умерла покровительница Блюментроста, герцогиня Мекленбургская, и на него вновь посыпались обвинения в неправильном лечении.

Государыня повелела начальнику Тайной розыскной канцелярии А. И. Ушакову произвести над ним следствие. Никакого злого умысла доказать, разумеется, не удалось, и дело кончилось тем, что бедного доктора отрешили от всех должностей и выслали обратно в Москву, где он вынужден довольствоваться одной частной практикой. Знай Лаврентий Лаврентьевич русскую историю, он мог найти утешение в том, что при царе Иване Грозном его просто-напросто посадили бы на кол или сварили в кипятке, не утруждая себя доказыванием вины!

В конце 1730-х годов ему удалось-таки получить место главного доктора Московского военного госпиталя с полуторатысячным годовым окладом. Восшествие на престол Елизаветы Петровны улучшило положение бывшего лейб-медика: заступничество Лестока, указавшего в своем ходатайстве на прошлые заслуги Блюментроста, возымело действие – ему возвратили чин действительного статского советника и на тысячу рублей увеличили жалованье.

В 1754 году Л. Л. Блюментроста назначили на должность куратора только что открывшегося Московского университета. Вызванный И. И. Шуваловым в Петербург для переговоров по этому вопросу, он скончался в марте 1755 года от грудной водянки. Похоронили Лаврентия Блюментроста в ограде Сампсониевской церкви на Выборгской стороне, в одной могиле с братом Иваном, пережившим его ровно на год.

Еще находясь во владении И. Л. Блюментроста, дом на Миллионной в середине 1740-х годов до основания перестроен и расширен за счет сноса ворот. После смерти первого владельца он неоднократно менял хозяев. Среди них и внук фельдмаршала Миниха, и вдовствующая баронесса А. Б. Строганова, и князь М. В. Долгорукий. Как видите, компания избранная, аристократическая. Но в 1792 году брат умершего незадолго перед тем князя продал ненужный ему дом представителю новой знати – полковнику Семеновского полка И. Л. Альбрехту, вышедшему из низов и завоевавшему место под солнцем сомнительными путями и средствами.

Его дед Иоганн, или, как называли его на русский лад, Иван Альбрехт, был тайным фискалом Бирона, переметнувшимся после ареста герцога на сторону правительницы Анны Леопольдовны. Он усердно шпионил за цесаревной Елизаветой Петровной и, когда та вступила на престол, отправился в ссылку. Тем не менее род его не пропал и не сгинул, а внуки и правнуки достигли высоких чинов и отличий.

В 1810 году участок И. Л. Альбрехта купила у его наследников недавно вернувшаяся из-за границы княгиня Е. И. Голицына. Она немедленно приступила к перестройке доставшегося ей дома, пожелав сделать из него два: трех- и двухэтажный. Княгине, а точнее – приглашенному ею архитектору не пришлось ломать голову над оформлением фасадов: в 1809 году изготовлены и утверждены образцовые (типовые) проекты, разработанные, как полагают, зодчими А. Захаровым, В. Стасовым, Л. Руска и В. Гесте. Оставалось лишь выбрать из сотни листов те, что пришлись по вкусу.

Сохранившееся изображение домов Е. И. Голицыной позволяет утверждать, что их облик почти идентичен двум типовым фасадам, поэтому вопрос об авторстве решается сам собой. Впрочем, во времена единообразного архитектурного мышления он, на мой взгляд, не имеет принципиального значения.

О княгине Евдокии Ивановне Голицыной написано столько, что к этому трудно что-либо добавить. Юношеская любовь Пушкина, одна из самых красивых и образованных женщин той поры... Однако меня поразило другое: в эпоху бытовавшего в высшем обществе абсолютного преклонения перед Европой, особенно перед Францией, княгиня, воспитанная на французский лад, сохранила русскую душу и восторженный патриотизм. Порой русофильство Евдокии Ивановны принимало крайние формы, вроде объявленной ею в 1840-х годах войны картофелю – в разведении овоща она видела угрозу национальной самобытности!

На своем надгробии в Александро-Невской лавре княгиня завещала вырезать следующую надпись: «Прошу православных русских и проходящих здесь помолиться за рабу Божию, дабы услышал Господь мои теплые молитвы у Престола Всевышнего для сохранения духа русского». Такова была ее трогательная вера в свой народ, за что многое ей простится...

Е. И. Голицына

В 1852 году владения покойной Голицыной перешли к князю Д. А. Лобанову-Ростовскому. Он оставил трехэтажный дом № 30 за собой, а двухэтажный спустя некоторое время продал в другие руки. Не изменивший наружного вида особняк на Миллионной принадлежал Лобановым-Ростовским до самой Октябрьской революции. Его дальнейшая печальная судьба читателю известна.

Конец Петра IV (Дом № 32/4 по Миллионной улице)

Дом № 32/4 на углу Миллионной и Зимней канавки столько раз менял свое обличье, что его изначальное ядро оказалось наглухо замурованным под позднейшими наслоениями. Нынешний псевдоклассический декор он приобрел в результате последней перестройки в 1910-х годах. Тогда же по соседству с ним, на месте сломанной его части, обращенной к Мойке, выросло громадное шестиэтажное здание, дом № 31/6 (архитектор П. М. Макаров, 1914–1915 гг.). С тех пор, хотя оба дома по-прежнему принадлежали одному хозяину, началось их раздельное существование, продолжающееся и по сей день.

Дом № 32/4 по Миллионной улице. Современное фото

История участка восходит к первой трети XVIII столетия. В ту пору между двором лейб-медика Блюментроста и Зимней канавкой стояли ветхие мазанки, принадлежавшие французскому консулу Лави, и «деревянные хоромы в два апартамента на каменном фундаменте» капитан-командора Вильбуа. В начале 1736 года виноторговец Иоганн Дальман, купив оба этих владения, снес находившиеся там строения и возвел двухэтажные, на высоких погребках, каменные палаты. Главный их фасад в восемь осей выходил на Миллионную, а на Зимнюю канавку был обращен боковой, в семь окон; далее, до самой Мойки, тянулись одноэтажные службы, отличавшиеся лишь меньшей высотой.

На протяжении следующих полутора десятков лет торговыми делами заправлял сам Дальман, а когда он отошел в мир иной, ими пришлось заниматься его вдове, надолго пережившей мужа. В «наугольном погребу против старого Зимнего дворца» торговали винами и голландским «рульным табаком». Время от времени «Дальманша» предпринимала попытки

сбыть дом с рук, но лишь в 1763 году ей удалось сдать его в аренду для приехавших в Россию иностранных поселенцев. Известно, что еще в начале 1770-х годов участок все еще принадлежал вдове, поместившей в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление о его продаже, а в 1790-х им уже владела «ассессорша фон Дероп», предпочитавшая именовать себя «майоршей». Для этого у нее имелись некоторые основания: помимо того, что гражданский чин ее супруга по табели о рангах действительно равнялся майорскому, она и сама состояла на службе в качестве одной из начальниц в Военно-сиротском доме, созданном по воле императора Павла, и, вероятно, ощущала в себе военное призвание.

Что касается дома, то за прошедшие годы он мало изменился, сохранив устаревший к тому времени облик аннинского барокко. Тем не менее, его выгодное местоположение привлекло князя И. А. Гагарина, купившего участок в 1816 году и заказавшего архитектору В. П. Стасову перестройку особняка. Читателю уже известно, что внешний вид новых зданий должен был соответствовать «Собранию образцовых фасадов», разработанному в 1809–1812 годах. Особый указ предписывал строить частные дома только по проектам из этого собрания. Допускались лишь небольшие отклонения, учитывавшие требования заказчика и личные вкусы проектировщика.

Дом № 31/6 на пересечении набережных Мойки и Зимней канавки. Современное фото

Какие именно переделки потребовались при ремонте старого здания, можно узнать из собственных слов В. П. Стасова: «... нижние этажи остались старые, но ветхости их исправлены; верхние тоже по исправлении ветхостей надстроены выше бывшего строения, а по Миллионной улице надделан совсем вновь третий этаж; вообще прежнее строение было мелкого разделения и низкого вида, почему для составления больших комнат вынута несколько внутренних каменных простенков».

Итак, прежнее немецкое купеческое жилище с низкими потолками и маленькими чистенькими комнатками, заставленными допотопной мебелью, вскоре преобразилось в просторные барские хоромы, убранные по последней моде, увешанные фамильными портретами и дорогими картинами. Иван Алексеевич, хотя и являлся известным масоном, превыше всего чтившим христианские добродетели, в число коих входят скромность и умеренность в обиходе, княжеского звания своего все же не забывал и не любил отказывать себе в таких приятных мелочах, как жизненные удобства; к ним он относил и предметы искусства, украшавшие его покои. Князь вообще имел склонность ко всему прекрасному, в том числе и к живописи. В 1820 году он вместе с П. А. Кикиным и А. И. Дмитриевым-Мамоновым учредил Общество поощрения художников, имевшее целью «содействовать распространению изящных искусств в России, одобрять и поощрять дарования русских художников».

Как большинство русских бар, Гагарин обожал театр, перенеся свою страсть к нему на талантливую исполнительницу трагических ролей Екатерину Семенову; ей он, в конце концов, и подарил богато обставленный дом на Миллионной. Наружный вид здания не отличался оригинальностью и вполне гармонировал с расположенной напротив казармой 1-го батальона Преображенского полка – бывшим лейб-компанским корпусом, перестроенным из старого Зимнего дворца Петра I.

Кстати говоря, в 1822 году княжеский особняк предполагалось купить «для распространения помещения 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка». По-видимому, владелец не имел ничего против такой перспективы, поэтому в декабре того же года дом осмотрен архитектором и оценен в 125 тысяч рублей. Однако одну из сторон цена не устроила и сделка не состоялась.

Спустя восемь лет эту сумму уплатил новый хозяин дома, полковник И. Д. Чертков, его прежней владелице Е. С. Гагариной; бывшая актриса вышла замуж за князя, оставила сцену и переселилась вместе с супругом в Москву.

И. Д. Чертков

Шли годы. Дом менял хозяев и менялся сам: после Черткова, богатого благотворителя, состоявшего попечителем нескольких детских приютов, он перешел к его дочери Елене. В первом браке она состояла с графом М. В. Орловым-Денисовым, а во втором, с 1864 года, – с графом П. А. Шуваловым. Елена Ивановна, продав в 1850-х годах унаследованный ею участок, спустя более двух десятков лет пожелала вновь приобрести его.

Дом № 31/6 по набережной Мойки. Фото 1900-х гг.

В 1881 году супруги Шуваловы по проекту архитектора М. А. Иванова приступили к капитальной перестройке старого здания; одновременно они купили у князя Н. А. Лобанова-Ростовского небольшой смежный особнячок по Миллионной – один из двух некогда принадлежавших княгине Е. И. Голицыной, где и поселились. При перестройке зодчий придал всему дому, включая флигель, выходивший на Мойку, единообразный облик в стиле поздней эклектики, что хорошо видно на фотографии начала 1900-х годов.

Теперь настала пора ближе познакомиться с хозяевами дома, прежде всего – с графом Петром Андреевичем Шуваловым (1827–1889); ему суждено окончить здесь свои дни. Сын обер-гофмаршала, женатого на красавице-польке, вдове князя П. А. Зубова, он, как и многие юноши его круга, начинал свою карьеру в Конногвардейском полку, куда поступил после окончания Пажеского корпуса. Быстро повышаясь в чинах, Петр Шувалов в 1854 году становится адъютантом военного министра, принимает участие в Крымской кампании, а по возвращении в Петербург направляется вместе с князем А. Ф. Орловым в Париж для заключения мирного договора. Это были его первые шаги на дипломатическом поприще, куда ему еще предстоит вернуться в будущем.

В феврале 1857 года П. А. Шувалова, попутно ознакомившегося с устройством парижской полиции, назначают исправляющим должность петербургского обер-полицмейстера, а в декабре утверждают в ней, и он с жаром принимается, по выражению одного из современников, «за обновление прежних кулачных и взяточнических порядков». Светски образованный и любезный граф на первых порах очаровывает не привыкших к тонкому обращению подчиненных, делавших вид, что от души сочувствуют желанию начальника поднять весьма невысокий престиж столичной полиции.

П. А. Шувалов

Новый обер-полицмейстер распорядился поменять местами четные и нечетные номерные знаки на домах, добился переименования улиц с одинаковыми названиями... и на этом его преобразовательская деятельность закончилась. Спустя пару лет пыл его, как водится, поостыл, и дела пошли своим чередом.

А тут, кстати, в ноябре 1860-го подоспело и новое назначение – директором департамента Министерства внутренних дел. Граф сразу же примкнул к группе не приемлющих отмену крепостного права во главе с небезызвестным князем А. С. Меншиковым, В. В. Долгоруковым и его собственным родителем – А. П. Шуваловым. Вскоре Петр Андреевич занял важный пост начальника штаба корпуса жандармов и управляющего Третьим отделением. Через три года, в 1864 году, он назначается генерал-губернатором в прибалтийские губернии, но, не успев толком освоиться с новой должностью, неожиданно призывается к государю, который поручает ему пост шефа Третьего отделения вместо князя В. А. Долгорукова, допустившего выстрел Каракозова.

Это был пик шуваловского могущества: по причине большого влияния, оказываемого им на царя, Шувалов играл роль «ближнего боярина», его часто сравнивали с Аракчеевым и даже называли Петром IV. В ту пору Петр Андреевич, пользуясь неограниченным доверием Александра II, употреблял все силы к тому, чтобы воспрепятствовать проводимым тогда реформам. Собрал вокруг себя единомышленников, среди коих особенно выделялись: министр юстиции – «добрейший, благороднейший, но малоумелый граф Пален», министр просвещения – «тру-

долюбивый и желчный граф Толстой» и министр путей сообщения – «малотолковый, мало-правдивый граф Бобринский», шеф Третьего отделения ринулся в бой.

Но, взвалив на себя непосильную ношу борьбы с нараставшим «либерализмом» русского общества, графская четверка надорвалась и, опостылев всем, разбрелась в разные стороны. По мнению отнюдь не либерала и к тому же друга Шувалова – государственного секретаря А. А. Половцова, эти люди «опошлили и сделали ненавистным то, что величалось консерватизмом».

Постепенно значение П. А. Шувалова уменьшается; в 1874 году царь подыскивает ему новый пост – чрезвычайного полномочного посла в Англии, где, как говорят, его всегда легко вводили в заблуждение, и он обыкновенно последним узнавал то, что должен был бы знать первым. Неудачные действия графа во время русско-турецкой войны и при последующем заключении мира вызвали в его адрес множество нареканий. Утверждали, что своей недалекостью он свел на нет все, что с таким трудом завоевано и закреплено в положениях Сан-Стефанского мирного договора.

Так это или нет – судить не берусь, тем более что у Шувалова имелись свои оправдания, также не лишённые убедительности. Вероятно, наиболее справедливым можно считать суждение о графе его друга и доброжелателя Половцова: «Его неприготовленность, легкомыслие, бесцеремонность в обращении с мыслями и быстрота в ведении дел лишили его деятельность той доли пользы, на которую выдающиеся его способности могли давать право надеяться».

Закончив дипломатическую службу, Петр Андреевич поселился в известном нам особняке на Миллионной, терзаемый жестокими ушными нарывами и своей не в меру бойкой и честолюбивой супругой. Хорошо знавший ее князь П. В. Долгоруков отзывался о ней как о женщине «ума ограниченного, самонадеянности невероятной, чванной, мелко самолюбивой, сварливой». Все это, вместе взятое, и свело его в могилу. Последние годы жизни П. А. Шувалов находил единственное утешение в частых вылазках на охоту, где изливал душу в доверительных беседах с друзьями, часто повторяя: «Меня использовали в незрелом состоянии и отбросили, когда я созрел...»

Последним владельцем дома стал граф Н. П. Ферзен, генерал-майор свиты, сын того самого обер-егермейстера, что намеренно или нет застрелил на охоте своего коллегу по придворной службе В. Я. Скарятину. В молодости граф воплощал в себе идеальный тип прибалтийского аристократа – высокого роста, с военной, абсолютно прямой осанкой и «аполлоническим» сложением. Таким он запомнился юному Шуре Бенуа, когда посещал его брата Николая, с которым дружил.

Купив участок, Ферзен с немецкой практичностью постарался извлечь из него максимальную выгоду: расширил и надстроил четвертым этажом угловой флигель, выходящий на Миллионную, поглотивший старинный двухэтажный особнячок, а со стороны Мойки соорудил огромный доходный дом, приносивший, надо полагать, немалые барыши. Со временем ложноклассический фасад на углу Зимней канавки и Миллионной стал приниматься некоторыми историками архитектуры за сохранившееся творение В. П. Стасова и в некоторых изданиях даже пополнил список его работ, а Петербург обогатился еще одной легендой!

Дом Гоголя – культурный центр (Дом № 17 по Малой Морской улице)

Когда-то Малая Морская звалась Большой Луговой, потому что выходила на Адмиралтейский луг и имела лишь одну, нынешнюю четную сторону; другая появилась позднее – уже в 1760-х. Памятниками той эпохи остаются два дома – № 5 и 17. Первый из них примыкает к бывшему банку Вавельберга, где теперь кассы Аэрофлота. Он был надстроен, но три нижних этажа во многом сохранили тот вид, какой имели двести с лишним лет назад. Интересна история застройки этого квартала.

В декабре 1762 года по именному указу Екатерины II учреждается Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы. Одной из главных ее целей было «привести город... в такой порядок и состояние и придать оному такое великолепие, какое столичному городу пространственного государства прилично».

Комиссия под руководством архитектора Алексея Квасова разработала проект планировки города, который, в частности, предусматривал застройку «погорелых мест» в двух кварталах перед Адмиралтейством. 27 апреля 1766 года были утверждены два «примерных фасада» для рядовой застройки Адмиралтейской части, «в два этажа сверх погребов». Автором этих проектов считается тот же Алексей Квасов.

Иное мнение относительно их авторства высказывает известный историк искусства Якоб Штелин. В своих «Воспоминаниях об архитектуре в России» он пишет: «В 1766 году... были заложены первые дома на до сих пор пустовавшем Адмиралтейском лугу и осенью уже частично подведены под крышу. Как желающим были указаны места для постройки, так же им были предписаны фасады домов. Тогда сплошь да рядом говорили, что господин президент канцелярии придворного строительства генерал-лейтенант Бецкой заказал в Париже рисунок этого фасада, как будто никто кроме его парижского архитектора не мог выдумать эту глупость бессмысленно высоких въездных арок и разорванных из-за этого лучших этажей и анфилад комнат».

Дом № 17 по Малой Морской улице. Современное фото

Действительно, на уже упоминавшемся аксонометрическом плане Сент-Илера – Соколова можно разглядеть высокие арки ворот, прорезающие фасады домов до середины второго, а иногда и до третьего этажа. Кто был тот мифический французский зодчий, и сыграл ли он ту роль в разработке образцовых фасадов, какую приписывает ему Штелин, – остается загадкой...

Хорошо сохранился дом № 17, знакомый многим горожанам. Мемориальная доска на фасаде здания гласит, что здесь с 1833 по 1836 год жил Н. В. Гоголь. Следовало бы создать здесь музей: город в долгу перед памятью писателя, создавшего наряду с Пушкиным и Достоевским особый, неповторимый образ Петербурга, глубоко вошедший в наше сознание. Это должен быть Музей гоголевского Петербурга, воссоздающий в картинах, акварелях, книжных иллюстрациях его своеобразную поэзию. В таком виде он способен стать культурным центром, который будет неизменно привлекать посетителей.

А теперь подробнее о самом доме. Построил его на отведенном в феврале 1766 года участке купец Конрад Кизель. Фасад украшали четыре пилястры, окна второго этажа имели фигурные наличники – отзвук отходившего в прошлое барокко. Но в целом дом был выдержан уже в стиле раннего классицизма. Кизель принадлежал к учредителям и старшинам первого петербургского клуба – Английского.

1 марта 1770 года появился его устав. Поскольку на первом этаже дома Кизеля имелся вместительный зал, его сочли удобным для размещения клуба. Наемная плата составляла 500 рублей в год. Первыми русскими фамилиями в списке членов значились: А. И. Полянский – муж бывшей фаворитки Петра III Елизаветы Воронцовой, известный в свое время драматург В. И. Лукин и Н. В. Перфильев, которому Екатерина II в своей шутливой «Характеристике придворных» предрекла смерть от несварения желудка.

К концу 1771-го число членов клуба достигло уже двухсот пятидесяти человек, в прежнем помещении стало тесновато, а посему был снят и второй этаж за общую плату в тысячу рублей. Английское собрание оставалось в доме Кизеля до 1774 года, после чего переехало в более поместительный дом графа П. А. Бутурлина у Красного моста (наб. р. Мойки, 54/18).

А предприимчивый владелец стал сдавать зал для устройства различного рода представлений, вроде нижеследующего: «В новой Исаакиевской в доме купца Кизеля будут приехавшие итальянцы, в числе коих находится осмилетний мальчик и шестилетняя девочка, показывать за деньги особое свое искусство в прыгании по проволоке». Попутно поясню, что после начала строительства в 1760-х по проекту А. Ринальди нового Исаакиевского собора бывшая Луговая довольно долго звалась Новой Исаакиевской.

Вероятно, читателям будет небезынтересно ознакомиться с характером зрелищ, предлагавшихся вниманию тогдашней публики, поэтому приведу еще одно объявление, помещенное в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1776 год: «Итальянский механик г. Санквирико... сим объявляет, что... Ноября в 27 число представляет новую декорацию, называемую Охта, или лдяные горы, с разными увеселениями Российской масленицы, а потом козацкой балет... сие представление будет в новой Исаакиевской улице в доме купца Кизеля...».

В 1778-м «французские трактирщики братья Гугеты» – так именовались на русский лад Франсуа и Николя Гюге – открыли здесь «отель де Виртемберг», или попросту Виртембергский трактир, «где приежжие приставать и хорошо убранные покои занимать могут». Наряду с Демутным трактиром, открывшимся в 1765-м, и трактиром «город Лондон называемый», Виртембергский трактир принадлежал к лучшим гостиницам Петербурга той поры. Кстати говоря, позднее Демутный трактир перешел в аренду Николя Гюге, кормившему, по словам Булгарина, прекрасными обедами и этим в немалой степени обеспечившему популярность знаменитой гостинице.

В 1780-м дом Кизеля становится собственностью братьев Гюге. К тому времени главный его зал все чаще использовался для концертов заезжих знаменитостей, в чем, несомненно, проявился вкус самих владельцев. При этом один из братьев исполнял роль кассира, а возможно, и импресарио, что видно из следующего объявления: «Певица Сирмен будет иметь честь представить публике... концерт в малой Морской в доме Гугета, где Виртембергский трактир... За вход должно платить по 2 рубли; билеты же можно получать у г. Гугета» («Санкт-Петербургские новости», 1784, № 87).

В течение многих лет зал в доме Гюге нанимали для своих выступлений различные певцы и музыканты; искусство их, судя по цене билетов, оплачивалось чрезвычайно высоко. Можно сказать, что в то время это был один из культурных центров Петербурга, правда, доступный лишь для узкого круга богатой публики. В 1810-х дом переходит к придворному музыканту Лепену и остается в руках его потомков до самой революции...

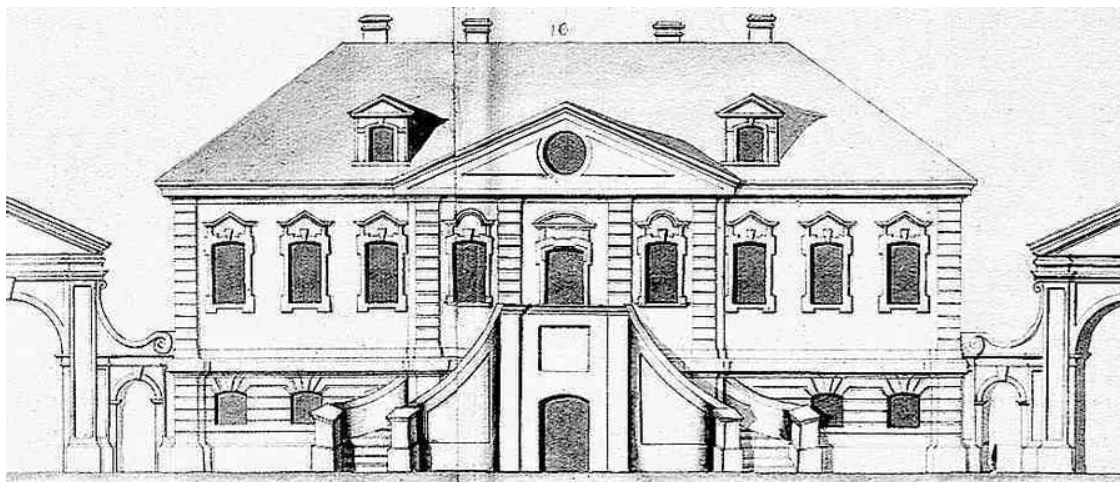

В мозаике старинных кварталов (Дом № 31 по Большой Морской улице)

Проходя по Большой Морской, обратите внимание на дом № 31. Приглядитесь внимательнее, и вы заметите, что средняя его часть как будто заключена в рамку позднейших наслоений. Если мысленно удалить два верхних этажа и боковые пристройки, то перед нами предстанет небольшое одноэтажное здание в девять окон по фасаду, на высоких подвалах или, как говорили в старину, «погребах». Впрочем, особой надобности напрягать фантазию нет, потому что в коллекции Берхгольца существует его изображение в том виде, какой оно имело более 250 лет назад.

Дом № 31 по Большой Морской. Современное фото

Дом Я. Петерсона. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

Конечно, за истекшие годы фасад заметно изменился: исчезло высокое крыльцо, увеличились оконные проемы, окна утратили фигурные наличники, вместо рустованных лопаток появились пилястры и т. д. И все же сохранились основные архитектурные членения, поэтому наружный вид дома остался узнаваемым. Ценность его состоит в том, что это едва ли не единственный уцелевший образец после-пожарной застройки бывших морских слобод.

Страшные пожары 1736-го и 1737 годов уничтожили почти все дома в центральных кварталах между Адмиралтейством и Мойкой, в связи с чем была образована Комиссия о санкт-петербургском строении во главе с П. М. Еропкиным. В ее задачи входило проектирование и планировка будущих кварталов и, в частности, составление типовых проектов жилых зданий. Активное участие в деятельности комиссии принимал архитектор М. Г. Земцов.

Именно он разработал проект одноэтажных каменных палат на погребях, имевший различные варианты: в семь и девять окон по фасаду, с мезонином или без него. Во всех домах этой группы выделялась центральная часть с тремя, реже с пятью окнами. Введение мезонина, наличие или отсутствие крыльца, разное количество окон вносили в их облик индивидуальные черты. Наибольшее распространение такие типовые, или, как их называли, «образцовые», дома получили в центральных частях города, в районе Мойки, Морских улиц, Невской перспективы.

При отведении комиссией участка владелец должен был представить на ее утверждение план дома и фасад, после чего обязывался «... на том месте оное наличное каменное строение строить со всякою крепотью и предосторожностью, и погреба сделать со сводами, и у тех погребов главные наружные двери железные, и у палат рундуки и лестницы каменные, и то строение закладывать и производить под присмотром и показанием... архитектора Земцова, а сверх тех апробованных плана и фасада лишнего строения и на дворе служеб... не строить под опасением штрафа».

Все эти меры предусматривали не только обеспечение пожарной безопасности, но и соблюдение «регулярства» нового здания.

Одним из застройщиков Большой Морской улицы оказался некий купец Петерсон, он и возвел палаты с высоким крыльцом в центре и каменными воротами по бокам. Позднее на месте ворот возвели два флигеля – сначала левый, потом правый. Левый флигель в 1858 году был перестроен в неоренессансном стиле, правый же появился лишь в 1872 году. Тогда же по проекту А. Р. Гешвенда соорудили пристройку с застекленным балконом на чугунных опорах, прозванную почему-то «сопкой».

Сам же дом вначале надстроили одним этажом (к сожалению, время надстройки неизвестно), а затем, в 1852 году, тогдашний владелец князь Д. А. Лобанов-Ростовский перестроил его по проекту академика архитектуры Л. Вендрамини. Перестройке подверглись в основном

внутренние помещения; что же касается фасада, то здесь изменения оказались незначительными: три средних окна «утоплены» в неглубоких полукруглых нишах, получивших пилястровое обрамление. В советское время его надстроили еще одним этажом, и он слился с обеими пристройками в одно здание. А теперь перенесемся в «блестящий век Екатерины».

В 1785 году на маскараде, устроенном князем Потемкиным в честь государыни в Аничковом дворце, петербургский высший свет впервые увидел шестнадцатилетнюю Екатерину – дочь гофмаршала князя Ф. С. Барятинского. Императрица удостоила девушку своим вниманием, скорее всего, чтобы сделать приятное ее отцу – одному из главных своих сподвижников во время дворцового переворота 1762 года.

Вслед за ней все собравшиеся принялись расхваливать красоту и грацию юной Барятинской. Она и в самом деле была хороша; французская художница М.-Л. Виже-Лебрен, написавшая позднее портрет Екатерины Федоровны в костюме сивиллы, восхищалась внешностью княжны: «Красота ее меня поразила: черты лица были строго классические, с примесью чего-то еврейского, особенно в профиль; длинные темно-каштановые волосы падали на плечи; талия была удивительная, и во всем облике было столько же благородства, сколько и грации».

Е. Ф. Долгорукая

Но наибольшее впечатление ее прелесть произвела на двоих мужчин – князя Василия Васильевича Долгорукого и самого хозяина, светлейшего князя Потемкина. За первого она через несколько месяцев выйдет замуж, а второй... Впрочем, не будем забегать вперед.

После свадьбы молодая чета Долгоруких поселилась в уже знакомом нам доме на Большой Морской, купленном князем в 1782 году у золотых дел мастера Делакура. Вскоре началась русско-турецкая война, и князь Василий отправился в действующую армию. Он участвовал во взятии Очакова, за что получил высокую награду – орден Святого Георгия 2-й степени.

Жена последовала за мужем и провела зиму 1790 года в военном лагере близ Бендер. Там вновь произошла ее встреча с Потемкиным, командовавшим русскими войсками. Один из очевидцев позднее вспоминал: «Его светлость большие тогда делал угождения княгине Е. Ф. Долгорукой. Между прочими увеселениями сделана была землянка противу Бендер, за Днестром. Внутренность сей землянки поддерживаема была несколькими колоннами и убрана бархатными диванами и всем тем, что только роскошь может выдумать».

В. В. Долгорукий

Здесь фельдмаршал задавал богатейшие пиры, на которых присутствовала и Екатерина Федоровна в обществе еще нескольких придворных дам. Малейшие ее прихоти исполнялись словно по волшебству; курьеры скакали в Париж за бальными туфельками для нее. Стараясь всеми способами снискать благосклонность княгини, Потемкин, как уверяют, даже ускорил штурм Измаила, чтобы представить ей зрелище атаки на крепость.

В своих воспоминаниях В. А. Соллогуб, со слов графа Головкина, приводит такой эпизод. Как-то Потемкин, гарцуя на коне, попросил Екатерину Федоровну дать ему понюхать подснежник, приколотый к ее мантилье. Та нехотя подала цветок. В это время лошадь рванула, и подснежник упал в грязь. «Вы позволите мне, княгиня, возвратить вам такой же цветок?» – спросил фельдмаршал и, получив согласие, тут же отправил фельдъегеря в Петербург. Через

несколько дней он преподнес ей специально изготовленный бриллиантовый подснежник дивной работы, но дар его был отвергнут. В бешенстве светлейший швырнул драгоценный цветок на землю и растоптал его.

Вернувшись в 1791 году в Петербург, Е. Ф. Долгорукая заняла первое место среди красавиц екатерининского двора. Красота, ум, веселость и обворожительная любезность очаровывали, ее окружала толпа поклонников. Среди них особо выделялся австрийский посол граф Кобенцель, отличавшийся, как и Екатерина Федоровна, пристрастием к любительским спектаклям. Они разыгрывались и в доме на Большой Морской, причем главные роли весьма успешно и с большим талантом исполнялись самой хозяйкой и графом.

Рассказывают, что после одного спектакля посол вернулся домой очень усталым и лег спать, даже не удалив грима. Через несколько часов его разбудил камердинер и сообщил о прибытии гонца с важными депешами от австрийского императора. Увидев графа нарумяненным, с подведенными бровями, гонец попятился и воскликнул: «Это не посол, а какой-то шут!»

Между тем Потемкин, обеспокоенный усиливающимся влиянием Платона Зубова, оставил армию и в том же 1791 году приехал в Петербург. Правда, некоторые объясняли причину его появления в столице иначе. Так, бывший фаворит императрицы граф П. В. Завадовский не без злорадства писал по этому поводу своему другу С. Р. Воронцову: «Он мечется, как угорелый. Женщина превозмогла нравы своего пола в нашем веке: пренебрегла его сердце. Уязвленное самолюбие делает его смехотворным».

Скорее все же, метания князя объяснялись пониманием того, что его некогда безраздельное господство при дворе отошло в прошлое, любовная же неудача, если она и была, явилась лишь пресловутой последней каплей...

Безмятежная жизнь семейства Долгоруких закончилась со вступлением на престол Павла I. Император немедленно подверг опале князя Федора Сергеевича Барятинского – одного из убийц Петра III. На просьбу Екатерины Федоровны помиловать отца Павел с гневом отвечал: «У меня тоже был отец, сударыня!» А в августе 1799 года немилость постигла и ее мужа. Ему приказано было в двадцать четыре часа покинуть Петербург и отправляться на жительство в свое подмосковное имение с запрещением въезда в обе столицы. Только через несколько месяцев супруги получили разрешение выехать за границу.

В 1801 году дом князя Долгорукого приобрел обер-камергер Александр Львович Нарышкин. О его отце, Льве Александровиче, Екатерина II писала, что никто не заставлял ее так смеяться, как Нарышкин, обладавший замечательным комическим талантом и шутовскими наклонностями. Сын унаследовал от отца находчивость, остроумие и пристрастие к шуткам и каламбурам.

О язвительном и живом уме А. Л. Нарышкина свидетельствовала и его описанная современником наружность: «Крайне выразительное лицо... с тонким, несколько остроконечным носом, с кокетливо очерченными губами и с весьма умными и веселыми глазами».

А. Л. Нарышкин

В течение семнадцати лет, с 1799-го по 1816 год, он исполнял обязанности директора Императорских театров, достигших в его правление значительных успехов. Однако оценка деятельности Александра Львовича довольно противоречива. С одной стороны, он сделал немало полезного для наведения порядка в театрах, установив, в частности, строгое наблюдение за тишиной во время спектаклей и запретив допуск на сцену посторонних лиц.

В наши дни это кажется чем-то естественным и само собой разумеющимся, но так было отнюдь не всегда. В одном из писем известного драматурга А. П. Сумарокова есть строки о том, что порой шум в зрительном зале заглушает голоса играющих на сцене. Что же касается бесцеремонного обращения с актерами разного рода «меценатов», то об этом мы знаем из многих источников. Вместе с тем А. Л. Нарышкин далеко не всегда был справедлив и беспристрастен к своим подчиненным, а вдобавок частенько использовал театральную труппу для собственных домашних увеселений.

А повеселиться он любил: на даче и в городе стол гостеприимного вельможи держался открытым для всех, званых и незваных; слава о его обедах гремела в столице. У него в доме на Большой Морской, прозванном «новыми Афинами», собирались все лучшие умы и таланты того времени, и нередко шитый камзол сановника соседствовал там с кургузым сюртуком какого-нибудь разночинца.

Немудрено, что при таком образе жизни Нарышкину постоянно не хватало денег, и он был в вечных и неоплатных долгах. В 1812 году, во время Отечественной войны, кто-то похвалил при Александре Львовиче храбрость его сына, находившегося в армии, сказав, что он, заняв позицию, отстоял ее от неприятеля. «Это уж наша фамильная черта – что займут, того не отдадут», – с улыбкой отозвался Нарышкин. В этой шутке, надо сказать, заключалась большая доля истины. Но как бы там ни было, он не довел семью до разорения, оставив сыновьям, Льву и Кириллу, порядочное состояние.

Алексей Яковлевич Лобанов-Ростовский

В 1820 году А. Л. Нарышкин продал дом на Большой Морской своему родственнику, князю Алексею Яковлевичу Лобанову-Ростовскому, недавно женившемуся на княжне Софье Петровне Лопухиной, единокровной сестре знакомой нам Анны Петровны. По поводу этого брака А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 13 августа 1819 года: «Княжна Лопухина наконец сдалась и выходит замуж за князя Алексея Лобанова-Ростовского. Многие повесили голову, то есть головы».

Очевидно, у княжны имелись сомнения относительно претендента на ее руку. Князь был известен в Петербурге как своей красивой, представительной наружностью, так и крайней вспыльчивостью и жестокостью. Впоследствии молва напрямую обвинит его в гибели двадцатилетнего сына Петра, студента университета, покончившего с собой из-за суровости отца, что сильно потрясло общество.

Тем не менее Алексей Яковлевич пользовался неизменной благосклонностью императора Николая I. В 1833 году он сделал его своим генерал-адъютантом и поручал ему такие специфические функции, как, например, умирение крестьянского бунта в Симбирской губернии, когда мужики отказались поставлять лес для нужд флота. Случалось ему исполнять и дипломатические поручения.

Одно время князем А. Я. Лобановым-Ростовским не на шутку увлекалась младшая дочь Олениных Анна, предпочтя его влюбленному в нее Пушкину. Хотя любовь поэта и не встретила взаимности, бесплодной ее не назовешь: именно ей мы обязаны появлением целого цикла лирических стихотворений. Среди них «Ее глаза», «Ты и вы», «Не пой, красавица, при мне...» и, наконец, «Я вас любил: любовь еще, быть может...».

В 1830-х годах в доме на Большой Морской поселился брат Алексея Яковлевича, Александр, возвратившийся из Парижа. По характеру братья мало походили друг на друга: открытый, доброжелательный Александр Яковлевич пользовался всеобщей любовью и имел широкий круг знакомств. Был он знаком и с Пушкиным. 27 сентября 1822 года поэт писал Н. И. Гнедичу из Кишинева: «Князь Александр Лобанов предлагает мне напечатать мои мелочи в Париже». Издание это по разным причинам не было осуществлено.

Александр Яковлевич Лобанов-Ростовский

Александр Яковлевич прославился своими замечательными коллекциями. Поначалу он собирал все, имевшее отношение к русской княжне Анне Ярославне, супруге французского короля Генриха I; позднее заинтересовался личностью Марии Стюарт и собрал богатейшую

коллекцию книг на разных языках, посвященных трагической судьбе королевы. Немалую научную ценность представляли его собрания книг по военному искусству и карт, а также галерея портретов Петра I, пожертвованная им Публичной библиотеке. Было у него и обширное собрание каталогов картинных галерей, и коллекция тростей и палок, принадлежавших историческим личностям.

Лобанов-Ростовский состоял членом Французского общества библиофилов и Русского географического общества. Естественно, коллекционирование требовало весьма значительных средств, и они у него имелись: князь был женат на графине Клеопатре Ильиничне Безбородко, одной из богатейших женщин России, племяннице и наследнице канцлера. Впрочем, супруги довольно скоро расстались: жена не смогла простить мужу его мотовства, хотя сама страдала тем же пороком. Несмотря на 500 тысяч рублей годового дохода, она пришла наконец в полное разорение и вынуждена была объявить себя несостоятельной, имея 8 миллионов долгу!

И еще об одном увлечении князя, сделавшем его имя известным в России: будучи страстным яхтсменом и владельцем нескольких яхт, он способствовал развитию этого вида спорта у себя на родине. В 1846 году по его инициативе в доме на Большой Морской открылся Императорский Российский яхт-клуб; ему суждено было просуществовать в этом здании до самой Октябрьской революции. Первым командором нового клуба, имевшего элитарный характер, стал его инициатор. Клуб находился под покровительством императора и славился морскими судами и яхтами, на которых устраивались ежегодные гонки.

Впрочем, он славился не только, а может быть, и не столько этим и в большей степени служил просто местом встреч для крупных сановников и дипломатов, любивших вести здесь откровенные беседы, не предназначенные для посторонних ушей. Иногда этим пользовались агенты иностранных разведок. В своих воспоминаниях А. А. Игнатьев рассказывает, как однажды из-за ширмы в зале извлекли германского морского атташе, подслушивавшего доверительные беседы посетителей.

Попасть в члены яхт-клуба считалось большой честью даже для великих князей, хотя некоторые смотрели на него как на рассадник сплетен и интриг, что тоже было правдой.

Свою любовь к морским путешествиям Александр Яковлевич передал племяннику Николаю, последнему владельцу дома из семейства Лобановых-Ростовских. Судьба его трудна и драматична. Очень умный, начитанный, любознательный, одаренный талантом к рисованию, в молодости князь служил в лейб-гвардии Гусарском полку. Служба его, однако, продолжалась недолго: повинаясь собственному влечению или под влиянием дяди он поступил на флот и вскоре стал адъютантом великого князя Константина Николаевича.

Имея большое состояние, Николай Алексеевич приобрел собственную яхту и совершил на ней несколько дальних плаваний, в том числе в Америку. По возвращении в Россию с ним случилось страшное несчастье: из-за старой травмы позвоночника отказали ноги. Это было следствием частых падений с лошади в бытность его лейб-гусаром, когда он, рискуя жизнью, выделял самые невероятные наезднические трюки...

Началось длительное и почти безрезультатное лечение с применением самых мучительных средств, вроде прижигания раскаленным железом. Все это он переносил с поразительным мужеством, можно сказать, шутя. Лежать на спине он не мог и лежал на груди в постели, подвешенной к потолку – во избежание малейших сотрясений. Но и в таком положении князь не терял бодрости духа, живо интересуясь общественными вопросами и ведя с посещавшими его знакомыми жаркие дискуссии по религиозным и нравственным вопросам.

Не оставлял Николай Алексеевич и занятий живописью. Менее чем за год до смерти, уже около тридцати лет прикованный к постели, он сумел написать Христа в полный рост для заалтарного витража церкви в Ментоне, где находился в то время на излечении. При этом его работа оказалась настолько превосходной, что никто из французских художников в Ницце не смог ее превзойти.

В 1882 году Н. А. Лобанов-Ростовский продал дом английскому подданному Н. Белею, а у того, в свою очередь, его в 1902 году приобрел за 730 тысяч рублей Императорский Морской яхт-клуб.

Дом на Большой Морской – лишь маленькая частица в изрядно потускневшей мозаике старинных кварталов Санкт-Петербурга. Засияет ли она когда-нибудь прежним блеском?

Императрица бывала здесь на масленице (Дом № 3 по Почтамтской улице)

До 1853 года, когда архитектор А. Кавос возвел ныне существующее здание, принадлежавшее почтовому ведомству, здесь стоял двухэтажный домик в девять окон по фасаду, со служебным флигелем во дворе и отдельно стоящими воротами с правой стороны. Построен он был в середине 1740-х годов белгородским вице-губернатором Б. И. Пассеком, пожелавшим, неизвестно для какой надобности, обзавестись собственным жильем в столице.

Возможно, он предвидел, что ему придется частенько здесь бывать по бесконечным тяжбам, не прекращавшимся с 1742 года, когда его отдали под суд за непомерное мздоимство. Благодаря неторопливости тогдашнего правосудия дело затянулось на полтора десятка лет. И хотя дом у Богдана Ивановича отобрали в казну, сердобольная императрица Елизавета повелела возвратить его с прочими «дворами, деревнями и пожитками» вдове и детям умершего в 1758 году Пассека.

Его сын, Петр Богданович, в ту пору уже капитан-поручик лейб-гвардии Преображенского полка, сыграл важную роль в дворцовом перевороте, в результате которого трон заняла супруга свергнутого государя Петра III – Екатерина II. Правда, заговорщиком Пассек оказался плохим – неосторожными речами навлек на себя подозрение, и 27 июня 1762 года его арестовали. Арест подтолкнул заговорщиков действовать быстрее и решительнее.

Дом № 3 по Почтамтской улице. Современное фото

На другой день после ареста П. Б. Пассек, отказавшийся от предложения караульных солдат выпустить его на свободу, получил ее из рук самой Екатерины, прибывшей из Петергофа в казармы Измайловского полка, где содержался узник. Новопровозглашенная императрица не забыла тех, кто помог ей вступить на престол.

Разумеется, не обошли ее милости и Петра Богдановича, так кстати пострадавшего от «старого режима»; в благодарность за свою преданность он получил очередной чин капитана гвардии и 24 тысячи рублей, а вслед за тем, по случаю коронации, удостоился звания действительного камергера. Среди других осязаемых знаков расположения стоит упомянуть пожалование ему в том же году в Ревельском уезде подмосковного села и мызы с 250 душами.

В последующие несколько лет П. Б. Пассек оставался в числе приближенных к трону людей и неоднократно получал денежные награды. В рождественские праздники 1765 года Петр Богданович принял участие в забавном маскараде: наряженный в женское платье вместе с шестью другими придворными, в числе которых были Г. Г. Орлов, А. С. Строганов и Л. А. Нарышкин, он представлял «боярышню». Если принять во внимание, что Григорий Орлов и Петр Пассек были мужчинами богатырского телосложения, то, надо полагать, зрелище это доставило зрителям, и в первую очередь самой императрице, немало веселья!

В 1766 году, на Масленице, государыня посетила Пассека в его доме на Новой Исаакиевской, как в то время звалась Почтамтская. Много лет спустя в разговоре со своим секретарем А. В. Храповицким она вспоминала об этом эпизоде, и тоже в связи с маскарадом. Вот запись, сделанная Храповицким в его дневнике 25 октября 1792 года: «Милостиво разговаривая о доме Убри, где я живу, сказывать изволила, что в 1766 году на Масляной была в нем у Пассека Петра Богдановича; знает столовую с пятью окошками, и тогда Строганов проехал в маскарадном платье, и кучер был одет арлекином. С удовольствием повторили, как все это еще помнится».

Вся человеческая жизнь состоит из таких вот мгновений; бог знает почему, память навсегда удерживает с виду ничтожные подробности, и они хранятся в ее глубинах нередко до последней минуты...

В 1780–1790-х годах, как следует из приведенной еще одной, более ранней записи, здесь проживала автор знаменитого «Дневника», без которого невозможно было бы понять внутренний мир Екатерины II и мотивы многих ее поступков. Он и сегодня читается как захватывающий роман, что не удивительно: ведь его героиня – одна из самых крупных фигур XVIII столетия, а к ее мнениям внимательно прислушивались все европейские политики и государи.

С. К. Вязмитинов

После П. Б. Пассека домом владел статский советник Убри; в 1802 году его наследники продали участок ново назначенному министру военно-сухопутных сил С. К. Вязмитинову. Сергей Кузьмич был человеком умным, честным и трудолюбивым, но его административные достоинства заметно уступали человеческим; современники больше ценили в нем любителя изящных искусств и сочинителя приятной музыки, а вдобавок – знатока русского языка (других он не знал), что по тем временам почиталось большой редкостью.

С. П. Жихарев в своих «Записках» отмечал, что «любовь его к словесности, желание следить за ее успехами и уважение к трудам литературным заслуживают того, чтоб перед ним растворились двери и самой академии». В самом деле, редкие качества для военного министра! Однако тот же Вязмитинов, занимая в 1812–1818 годах пост столичного генерал-губернатора, запретил публиковать критические рецензии на игру актеров Императорских театров и замечания в адрес лиц, находящихся на государственной службе! Он же предлагал передать цензуру из Министерства народного просвещения в ведение полиции. Извечная русская боязнь гласности и любовь к несвободе...

В 1805 году супруги Вязмитиновы продали свой дом почтовому ведомству, и в нем стали отводить квартиры для низших служащих. До самой середины XIX века он не менял наружного облика, оставаясь крошечным осколком елизаветинской эпохи.

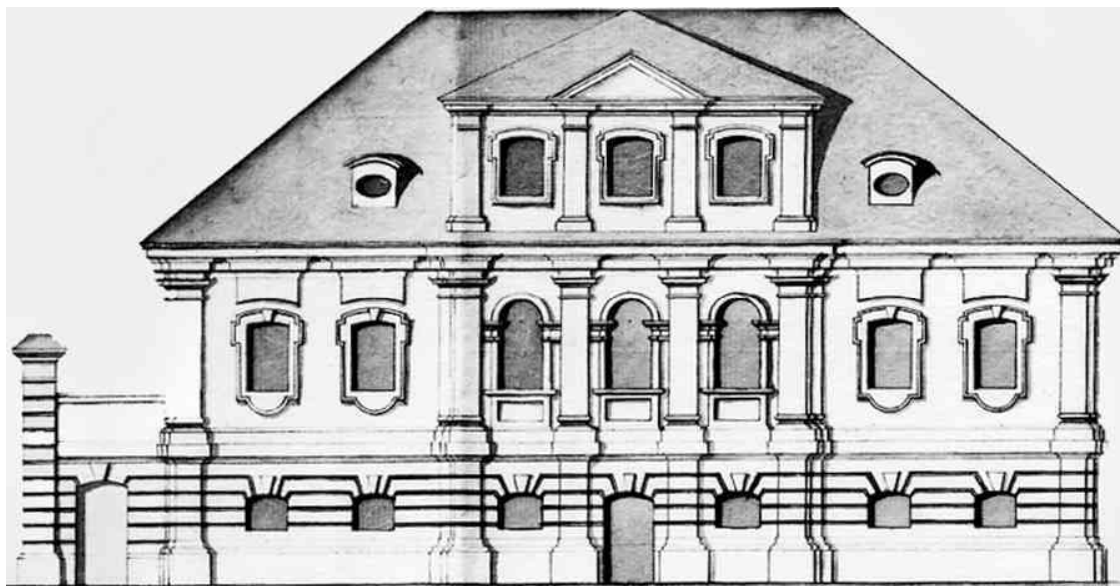
Где старина не спорит с новизной (Дом № 10 по Почтамтской улице)

Вступая на Почтамтскую, как будто попадаешь в XVIII век; особенно сильно ощущаешь это, двигаясь от Исаакиевской площади к Почтамтскому переулку и глядя на старинные приземистые здания по левую сторону улицы. Взять хотя бы дом № 10. Более ста лет, до самой Октябрьской революции, он был родовым гнездом графов Сиверсов и благодаря такому редкому и счастливому обстоятельству внешне почти не изменился.

Дом № 10 по Почтамтской улице. Современное фото

За это время дом пережил не одну строительную лихорадку, когда многие владельцы торопились надстраивать и перестраивать свои жилища на новый вкус – в угоду моде или с целью извлечь максимальную выгоду. Но Сиверсы были не из таких. Очевидно, они полагали, что главное не в условной и сиюминутной красоте архитектурных форм, а в надежной преемственности, когда отец передает сыну дом в том виде, в каком получил его от своего отца.

Дом Голицына. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

В этом залог незыблемости традиций, нерушимости уклада – консерватизм в высоком смысле слова, чего так не хватает в нашей жизни. Страсть к резким переменам – пагубная страсть, последствия ее мы испытываем и по сей день. Консерватизм вовсе не исключает внутренних улучшений, он лишь предполагает уважение к старине, которая может прекрасно ужиться с новизной, являясь тем полезным балластом, что придает устойчивость кораблю.

Однако вернемся к дому. В 1740-х годах, когда завершилось строительство, Почтамтская звалась Большой Дворянской, скорее всего, по той причине, что здесь после пожаров 1736-го и 1737 годов возводились исключительно каменные палаты, принадлежавшие, по большей части, зажиточным дворянам. Название это как-то не прижилось, и лет через двадцать улицу перекрестили в Новую Исаакиевскую; лишь в начале XIX столетия она получила свое нынешнее имя.

Первым владельцем дома № 10 был один из князей Голицыных, но вскоре участок сменил хозяина. Осенью 1752 года «Санкт-Петербургские ведомости» напечатали такое объявление: «На Адмиралтейской стороне, в Дворянской улице, что на погорелых местах, отдается в наем дом морского флота Унтер-Лейтенанта Федора Иванова сына Головина». Из архивных документов следует, что речь идет об интересующем нас участке. Помимо указанного дома, Головин владел еще одним неподалеку, на Малой Морской, где, по всей вероятности, и жил.

Публикуемый чертеж из коллекции Берхгольца относится к более раннему времени: дом изображен в первоначальном виде, какой он сохранял до начала 1770-х годов. При перестройке мезонин заменили третьим этажом и все здание расширили на три оси влево за счет сноса стоявших там ворот; интересно, что уличный вход остался на том же месте, только на добрый метр ушел в землю. С тех пор дом изменился мало.

Зато судьбы живших здесь людей менялись круто. Сменив еще двух владельцев – гвардии майора П. П. Нарышкина и купца И. И. Неймана, – в 1802 году особняк перешел к чиновнику К. И. Шмиту. Два года спустя в его семействе случилась история, которая могла бы послужить сюжетом для водевиля с неожиданным и конечно же счастливым концом.

Возмутителем спокойствия стал В. Р. Марченко, впоследствии – член Государственного совета и довольно заметный деятель александровского царствования. Сам Аракчеев усматривал в нем серьезного соперника. В описываемое же время Василий Романович, молодой человек 26 лет от роду, только начинал свою карьеру. Канцелярия военного министра С. К. Вяз-

митинова, где служил наш герой, размещалась на Почтамтской, 3, поэтому он и приискал себе квартиру в доме надворного советника Шмита, расположенном почти напротив.

В. Р. Марченко

О том, что произошло дальше, мы узнаем из воспоминаний самого В. Р. Марченко: «Меня особенно ласкала хозяйка, молодая, умная, веселая и прекрасная собою женщина. Они были люди богатые, и мне отменно нравилось видеть хозяйку; вечером в брильянтах, разряженную для благородного собрания, а поутру идущую в погреб или приезжающую в карете с рынка... Я влюбился, она тоже и потребовала развода. Право ее состояло в том, что Шмит в малолетстве принудил ее за себя выйти, что она ему падчерица и что в день свадьбы торжественно объявила ему, что будет жить с ним дотоле, пока не влюбится в другого. Шмит, опасаясь, чтобы насилие его не было открыто, согласился на развод».

Как и положено в старом добром водевиле, все заканчивается свадьбой, вернее, даже двумя: влюбленный герой во всем открывается попечительному начальнику, испрашивает благословения у матери и идет под венец, а брошенный супруг, недолго погоревав, женится на своей ключнице...

После раздела имущества в 1806 году Шмит продал дом на Почтамтской графу Е. К. Сиверсу (1779–1827), только что вернувшемуся из-за границы и назначенному командовать 1-м пионерным, то есть саперным, полком. Род Сиверсов голштинского происхождения;

некоторые его представители еще в XVII веке осели в Лифляндии, а в XVIII веке стали поступать на русскую службу.

Наибольшей известности добился новгородский губернатор Я. Е. Сиверс (1731–1808), много сделавший для развития водных коммуникаций. В его честь канал, соединяющий Мсту с Волховом, назван Сиверсовым; с его же именем связывают и наименование популярной дачной местности, к которой, однако, он не имел никакого отношения.

Егор Карлович приходился ему родным племянником и хотя в знаменитости уступал дяде, но тоже прожил далеко не бесполезную жизнь. Окончив с отличием Пажеский корпус и прослужив два года в Измайловском полку, Е. К. Сиверс в 1801 году вышел в отставку и уехал из Петербурга для пополнения своего образования. Он посещал Дерптский и Геттингенский университеты, где изучал философию, математику, политические науки и, между прочим, педагогику, еще не подозревая, как она ему пригодится в будущем.

Е. К. Сиверс

Разносторонняя образованность позволила ему в Отечественную войну 1812 года занять должность начальника инженеров и офицеров путей сообщения. Быстрым наведением мостов и устройством дорог он значительно способствовал успешному продвижению наших войск, за что удостоился многих наград и чина генерал-майора. Портрет Е. К. Сиверса среди прочих украшает Военную галерею Зимнего дворца.

После войны Егор Карлович по приказу Александра I отправился в заграничное путешествие для ознакомления с системой образования и особенно с так называемыми «ланкастерскими школами», где практиковался метод взаимного обучения. Внедрять его на практике довелось известному педагогу и журналисту Н. И. Гречу (с ним нам еще предстоит встретиться). Столкнувшись с Сиверсом в повседневном общении, он упомянул в своих «Записках», что граф был «человек не глупый, честный, благородный, но ужасный педант и мелочен до крайности». Замечу, что названные Гречем недостатки могут быть причислены и к достоинствам; в этом случае их именуют добросовестностью и скрупулезностью, издавна славящиеся исконно немецкими добродетелями.

В 1820 году Е. К. Сиверса назначили начальником Главного инженерного училища, и его деятельность на этом посту заслуживает самых добрых слов. Именно здесь проявились лучшие его качества. Стремясь к развитию ума и характера своих питомцев, он окружал их постоянной отеческой заботой и добился превосходных результатов: из стен училища, помещавшегося в Михайловском замке, выходили специалисты высокого класса.

Егор Карлович был женат дважды. От первого брака с Шарлоттой Тизенгаузен он имел только одну дочь, а женившись уже в немолодом возрасте на Эмилии Павловне Крюднер, в браке с нею он обрел сына Николая и еще четырех дочерей. Говорят, что одна из них, Анна, отличалась какой-то неземной красотой. Художник Т. А. Нефф, автор многих образов в Исаакиевском соборе, приходившийся молодой графине родственником, запечатлел ее черты в лице «Ангела с кадилом».

Рано овдовевшая Эмилия Павловна обладала поистине железной волей, что помогло ей поправить после смерти мужа большое, но изрядно расстроенное состояние. Всегда ровная, сдержанная, она никогда не повышала голоса, однако дети слушались ее беспрекословно; достаточно ей было сказать «не делай этого», и шалун или шалунья тотчас утихали. Опекуны советовали графине продать имение, но она не согласилась и благодаря умелому ведению хозяйства привела его в полный порядок. Сын Николай – действительный статский советник, директор Общества освещения газом, и внук Георгий – предводитель дворянства Ямбургского уезда, стали верными продолжателями семейных традиций.

Шли годы, рождались и умирали люди, а дом оставался таким же, каким был при покойном Егоре Карловиче. Все так же по выщербленным ступеням, ведущим в мелочную лавку в подвальном этаже, спускались и поднимались покупатели, а мимо них, к почтамту, спешили немногочисленные прохожие. То же самое можно увидеть и сегодня, только мелочная лавка превратилась в современный гастроном.

Скороходова подросла вовремя! (Дом № 21 по Почтамтской улице)

Нельзя сказать, чтобы исследователи Петербурга вовсе обошли вниманием дом № 21 на Почтамтской: по утверждению пушкиниста В. Ф. Шубина, здесь во второй половине 1830-х годов проживал редактор «Библиотеки для чтения» известный литератор барон Брамбеус – он же О. И. Сенковский, арендовавший жилище у некоего Фомы Валкера. Внутреннее убранство особняка, до того как там поселилась супружеская чета Сенковских, отнюдь не поражало роскошью, вдобавок темные и сырые комнаты не отличались и особой чистотой.

Дом № 21 по Почтамтской улице. Современное фото

Решив сделать жене сюрприз, Осип Иванович втайне от нее нанял не понравившийся ей при первом осмотре домик и разукрасил его так, что он стал напоминать райский сад. Для ухода за цветами, заполнявшими все помещение, пригласили специального человека. Здесь, в обставленных дорогой мебелью холодных покоях, слабо обогреваемых мраморными каминами, О. И. Сенковский принимал своих многочисленных гостей...

Впрочем, это только присказка, а речь у нас пойдет о другом. На одном из фрагментов аксонометрического плана Петербурга, составленного Сент-Илером – Соколовым в 1764–1773 годах, имеется изображение квартала между нынешними улицами Почтамтской и Якубовича, от Конногвардейского до Почтамтского переулков; хорошо виден и дом № 21 – крайний слева. В ту пору он выглядел почти так же, как и сейчас, отличаясь лишь деталями наружной отделки,

появившимися после перестройки 1868 года. Ценность здания – в его хорошей сохранности; построенное в 1760-х, оно донесло до нас черты Петербурга ранней екатерининской эпохи.

С Екатериной II связаны и имена первых его владелиц – сестер Татьяны и Анны Скороходовых; первая из них была замужем за А. П. Кашкиным. Из документов известно, что участок с двумя однотипными каменными домами и большим садом, простиравшимся до Большой улицы (ныне улица Якубовича), принадлежал им до 1798 года, после чего был разделен и продан трем разным хозяевам.

В юности обе сестры служили камер-юнгферами, то есть горничными, при великой княгине – будущей Екатерине II, причем Татьяне суждено было сыграть в ее жизни не последнюю роль, о чем подробно поведала в своих «Записках» сама государыня.

1746 год для семнадцатилетней Екатерины выдался нелегким. Императрица Елизавета изводила ее попреками в приверженности к прусскому королю и в недостаточной любви к мужу – великому князю Петру Федоровичу, по причине чего брачные отношения супругов не вступили в реальную фазу, оставаясь чисто платоническими.

В один далеко не прекрасный день нападки вспыльчивой самодержицы приняли особенно ожесточенный характер, когда, по выражению Екатерины, ей пришлось выслушать «тысячу гнусностей», и она стала не на шутку опасаться побоев. Лишь появление великого князя положило конец тягостной сцене. Потрясение и обида оказались столь велики, что мелькнула мысль о самоубийстве.

Далее предоставим слово самой героине несостоявшейся трагедии: «Я легла на канапе и после получасу крайней горести пошла за большим ножом, который был у меня на столе, и собиралась решительно вонзить его себе в сердце, как одна из моих девушек вошла, не знаю зачем, и застала меня за этой попыткой».

Как следует из дальнейших пояснений, этой девушкой оказалась Татьяна Скороходова. Ухватившись за нож, она предотвратила худшее, а затем пустила в ход все утешения, какие только могла придумать. «Понемногу я раскаялась в этом... поступке и заставила ее поклясться, что она не будет о нем говорить, что она и сохранила свято», – заключает свой рассказ Екатерина.

Неизвестно, чем бы закончился этот эпизод, не пояись Скороходова так вовремя; возможно – ничем, но не исключено, что она некоторым образом повлияла на будущую судьбу России, заслужив тем самым свой уголок в истории.

Святочные игры в «Штегельманском доме» (Дом № 50 по набережной Мойки)

Из усадебных построек, появившихся на левом берегу Мойки в середине XVIII века, до нас дошло, разумеется в измененном виде, всего несколько, и среди них – дом придворного поставщика Г. Х. Штегельмана. Расположен он неподалеку от Невского проспекта, рядом с бывшим дворцом графа К. Г. Разумовского, и ныне входит в комплекс зданий Педагогического университета.

Дом № 50 по набережной Мойки. Современное фото

В глубине парадного двора виднеется внушительное здание с тремя ризалитами, средний из них имеет подъезд; парадный двор выглядит довольно необычно и, кажется, в петербургской архитектуре больше нигде не встречается.

Такой внешний вид дом приобрел после перестройки в стиле раннего классицизма; черты его проявляются, в частности, в лепных барельефах в форме античных ваз, размещенных поверх колонок. Построен же он раньше, в 1750-х годах, по проекту архитектора Б. Растрелли, почти одновременно со Строгановским дворцом, возведенным тем же мастером.

После смерти Штегельмана его супруга решила продать участок и в ноябре 1763 года поместила в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление с интересными подробностями о своих владениях: «Бывшего придворного фактора Штегельмана жена вдова продает каменный

дом, состоящий на Мье¹¹ реке, со всеми... службами и с садом, в коем каменные оранжереи с разными фруктами и притом пруд с рыбою; желающие оный дом купить, о цене договориться могут с оною г. Штегельманшою».

Судя по этому описанию, усадьба покойного поставщика мало чем отличалась от соседних барских усадеб. Годом позже Екатерина II приобрела ее в казну и отвела под жилье графу Г. Г. Орлову. К тому времени мысль о браке с ним, не поддержанная наиболее влиятельными приближенными, уже оставила императрицу: она сочла, что ее фавориту подобает иметь отдельное жилище. Идея же постройки Мраморного дворца, «здания благодарности», отделанного с неслыханной роскошью, еще только витала в воздухе и была далека от осуществления...

Г. Г. Орлов

По-видимому, серьезных переделок в новоприобретенном особняке не понадобилось, и в 1764 году Орлов начал задавать в нем пиры, на которых присутствовала вся знать и сама государыня. В дневнике С. А. Порошина неоднократно встречаются записи вроде нижеследующей, от 27 декабря 1765 года: «Вчерась ввечеру Ее Величество изволила быть у графа Григорья Григорьевича Орлова в Штегельманском доме, что на Мойке; там, как сказывают, компания была человек около шестидесяти. Ее Величество возвратиться изволила в час по полуночи.

¹¹ Мья – старое название Мойки. (А. И.)

Ужин там был, танцы, песни, пляска и святошные игры. Гости часа в четыре по полуночи разъехались».

Как выглядели эти игры, мы узнаем из другой записи, сделанной двумя днями ранее: «Сперва, взявшись за ленту, все в круг стали, некоторые ходили в кругу, и протчих по рукам били. Как эта игра кончилась, стали опять все в круг, без ленты, уже по двое, один из другого: гоняли третьева. После сего золото хоронили; «заплетися плетень» пели; по-русски плясали; польский (то есть полонез. – А. И.), минуэты и контрдансы танцевали. Ее Величество во всех оных играх сама быть и по-русски плясать изволила...»

Подчас забавы придворных приобретали более замысловатый характер, что скрупулезно отмечает тот же Порошин: «Государыня изволила сказывать, что она ногою своею за ухом у себя почесать может... Фельдмаршал граф Петр Семенович Салтыков правой своей ногой вертел в одну сторону, а правой же рукою в другую, в одно время... Граф Григорий Григорьевич разные такие ж штучки делал».

Людям той эпохи свойственна была детская непосредственность, и невольно поражаешься, читая, как престарелые вельможи в лентах и орденах могли весело играть в горелки (игра вроде «пятнашек». – А. И.) или прыгать на одной ножке, а после этого важно шествовать в Сенат заниматься государственными делами!

Г. Р. Державин в своих «Записках» рассказывает такой эпизод. Как-то статс-секретарь Петр Иванович Турчанинов (немолодой человек на весьма важном посту!), встретив его в саду Царского Села, проговорил озабоченно: «Государыня немного скучна, и придворные что-то не заводят никаких игр; пожалуй, братец, пойдем и заведем хоть горелки». Во время игры пятидесятилетний поэт погнался за одним из великих князей, но, поскользнувшись на мокром лугу, упал и вывихнул руку. Так что ребячьи забавы иной раз кончались для седых шалунов чувствительными увечьями.

Через несколько лет фавор, или, как тогда говорили, «случай», Г. Г. Орлова закончился, и он навсегда покинул дом на Мойке, который так и не стал его собственностью. В августе 1780 года «Санкт-Петербургские ведомости» вызвали желающих «исправить нынешним временем в Штегельмановом доме, состоящем в ведомстве конторы строения домов и садов, в главном корпусе и флигеле разные работы».

Ю. М. Фельтен

Из этого можно заключить, что именно тогда и выполнена перестройка здания в новом стиле. Бессменным директором конторы долгие годы состоял Ю. М. Фельтен, под чьим «смотрением» и производились работы, но был ли он автором проекта, не имея на то достаточных доказательств, утверждать не берусь.

Очередным обитателем дома стал другой граф, на сей раз немецкого происхождения, Фридрих Ангальт, приглашенный Екатериной на русскую службу в 1783 году и проживший в России до конца своих дней. Назначенный директором Сухопутного кадетского корпуса, он ревностно отдался воспитанию будущих офицеров, и надо сказать, что его подопечные сохранили о своем начальнике благодарную память.

Не имея собственной семьи, Федор Евстафьевич (как называли его на русский лад) всецело посвятил себя заботам о своих питомцах. Он увеличил корпусную библиотеку и учебные кабинеты, расходуя на это личные средства, а кроме того, обратил самое серьезное внимание на физическое развитие кадетов, заставив их заниматься фехтованием, верховой ездой, плаванием и танцами. Корпусный сад по праздникам был открыт для посетителей, наблюдавших за происходившими в нем конными ристалищами.

Ф. Е. Ангальт

Не любивший графа Г. А. Потемкин в одном из писем к Екатерине от 29 мая 1790 года раздраженно писал: «Граф Ангальт живет в Петербурге, пакостными своими склонностями развращает нравы молодых кадет и не имеет время и не умеет смотреть за егерским корпусом Финляндским, не прикажете ли быть в нем шефом Генерал-Маиору Барону Палену. Корпус требует поправки».

Имело ли обвинение Потемкина под собой какие-то основания или нет, но императрица не сочла нужным к нему прислушаться, оставив Ангальта на посту директора корпуса, и, судя по восторженным отзывам бывших его выпускников, поступила правильно. За два дня до смерти, 20 мая 1794 года, Федор Евстафьевич в последний раз навестил своих воспитанников, навсегда простившись с ними. Посеянные им семена дали в душах некоторых кадетов неожиданные всходы: они не могли смириться с иными методами воспитания.

Когда директором корпуса назначили будущего фельдмаршала М. И. Кутузова, стремившегося восстановить ослабевшую дисциплину, произошли два трагических события. Вот что рассказывает об этом один из современников в письме от 18 июля 1795 года: «Строгость Кутузова в кадетском корпусе, заступившего место обожаемого графа Ангальта, коего портрету часто кадеты поклоняются... взбесила кадетов. В Петров день один из них, по имени Леш (видно, Лифляндец) бросился с верхней галереи на каменный двор и чрез 6 часов умер, а 7 числа сего месяца то же сделал некто Акимов...» Эти напрасные жертвы не изменили ход событий, и постепенно воспитанники привыкли к новым порядкам.

Следующим летом опустевший дом принял не совсем обычного постояльца: сюда из Петропавловской крепости перевели Тадеуша Костюшко, взятого в плен после поражения поль-

ских повстанцев. По поводу смены им жилья Екатерина в несколько елейном тоне писала своему постоянному корреспонденту барону Гримму 19 сентября 1795 года: «Он (то есть Костюшко. – А. И.) все хворает, потому я и поместила его в доме Штегельмана, где прежде жил покойный граф Ангальт; при доме небольшой садик, и там он может гулять. Он кроток, как овечка...»

Тадеуш Костюшко

Узнику отвели несколько комнат в нижнем этаже, приставив в качестве стража некоего майора, делившего с ним стол и сопровождавшего в прогулках по саду. Весь свой досуг пленник отдавал чтению, рисованию и токарным работам. Вступив на престол, Павел освободил Костюшко и, щедро одарив, позволил ему уехать в Америку, взяв с него слово не воевать больше против России. Дом же на Мойке император в 1797 году пожаловал своему побочному брату графу А. Г. Бобринскому, вероятно, в память о том, что здесь некогда проживал отец последнего – Г. Г. Орлов.

Спустя несколько месяцев Бобринский отдал пожалованный ему участок под Опекунский совет воспитательного дома, получив взамен особняк в конце Галерной улицы, принадлежавшей его роду до самой Октябрьской революции. Бывший же дом Штегельмана начал новое существование поначалу в качестве благотворительного, а позднее – учебного заведения и не прекращает его вот уже более двухсот лет.

Дама с медальоном (Дом № 12 по набережной Мойки)

Дом на набережной реки Мойки, 12, – последний адрес А. С. Пушкина – известен как «дом княгини Волконской», одной из самых оригинальных и примечательных женщин своего времени. Софья Григорьевна Волконская (1786–1869) была сестрой декабриста С. Г. Волконского и женой светлейшего князя П. М. Волконского, игравшего значительную роль при дворе императора Николая I.

Несколько слов о том, каким образом дом на набережной реки Мойки перешел во владение Волконских. У князя Петра Михайловича был дядя, Д. П. Волконский, занимавший в 1800-х годах пост генерал-интенданта армии. Особой щепетильностью он не отличался, нажив огромные деньги на снабжении провиантом войск в первую французскую кампанию. Затем, купив у наследницы князя Н. В. Репнина А. Н. Волконской, матери нашей героини, огромный дворец на Дворцовой набережной (ныне дом № 26), «изрядно украсил оный». Однако вскоре после этого, а именно в 1807 году, князь был отставлен от должности, и Александр I очень настойчиво предложил ему продать свой дом со всей обстановкой французскому послу.

Тем временем Анна Николаевна Волконская, оставшись без родительского особняка, приобрела взамен дом купца Жадимировского на набережной реки Мойки, который после ее смерти в 1834 году перешел к ее дочери Софье Григорьевне.

В ту пору княгине было уже под пятьдесят и выглядела она совсем не так, как на публикуемом портрете кисти В. Л. Боровиковского, написанном в 1801-м, вскоре после ее замужества. На нем предстает молодая женщина в открытом белом платье, держащая медальон с изображением своего деда, князя Репнина. В угоду заказчице художник особо подчеркнул ее обнаженную руку; в старости Софья Григорьевна любила говаривать: «Я никогда не была особенно красива, но я недурно играла на арфе, рука от плеча до пальцев была у меня как точеная, а в глазах было то неуловимое, что нравится мужчинам».

С. Г. Волконская

Этими достоинствами княжна прельстила адъютанта великого князя Александра Павловича П. М. Волконского, представителя другой ветви древнего княжеского рода, к которому принадлежала сама. Карьера ее мужа блестяще подвигалась при обоих императорах – сперва при Александре I, высоко ценившем его непоколебимую преданность и вверившем перед смертью свою супругу попечениям князя и его жены, а затем и при Николае I, который пожаловал Петру Михайловичу титул «светлейшего» (1834 г.), а через несколько лет произвел в генерал-фельдмаршалы (1843 г.).

Еще в 1814 году княгиня Волконская была сделана кавалерственной дамой и сопровождала мужа в свите государя во время заграничных походов, а впоследствии почти неотступно находилась при императрице Елизавете Алексеевне до самой ее смерти. Но постепенно придворная жизнь начала тяготить ее, а когда после событий 14 декабря 1825 года ее любимый брат Сергей подвергся жестокому наказанию и ссылке в Сибирь, решение удалиться от двора созрело окончательно; Софья Григорьевна сочувствовала брату и не могла смириться с суровостью царя по отношению к декабристам. Несмотря на пожалование в 1832 году в статс-дамы, она редко показывалась при дворе. Часто совершая заграничные поездки, она проделывала разные чудачества, порой доставлявшие ей самой немало неприятностей.

Надо сказать, что, хотя княгиня была очень богата, она отличалась невероятной скупостью и развившейся к старости kleptomanией: бывая в гостях, почтенная дама прятала и уносила с собой куски сахара, спички, апельсины, карандаши и так далее, причем проделывала это с ловкостью фокусника. Ходила она в длинных черных балахонах, очень широких и сво-

бодных, и всегда носила с собой мешок, в котором лежали какие-то ключи, издавек возвещавшие о ее приближении металлическим лязгом. Отчасти в этом проявлялось присущее ей пренебрежение к светским условностям, а отчасти сказывалась отцовская наследственность.

Князь Григорий Семенович также прослыл своими странностями, хотя и другого рода, что, возможно, объяснялось полученным на войне ранением в голову. Будучи оренбургским военным губернатором, он разгуливал по улицам в халате поверх нижнего белья и при всех орденах. В таком виде князь иногда забредал довольно далеко от дома и возвращался обратно на попутной телеге. Впрочем, нрава он был добродушного, а его письма к детям, среди которых Софья была любимицей, преисполнены «душевными сладчайшими сентиментами». Старик усматривал в дочери физическое сходство с собой, что не преминул с удовольствием отметить в одном из писем: «Все сознают, что Ваше прекрасное лицо подобно моему изношенному».

Страстная путешественница, С. Г. Волконская изъездила всю Европу и состояла в переписке со всеми коронованными особами и литературными знаменитостями. У нее хранился чайный сервиз, подаренный ей английским королем Георгом IV; показывая его, она не забывала прибавить, что это был «подарок мужчины женщине». Путешествовала она не в собственной карете, что вполне могла бы себе позволить, а на империае омнибуса. Однажды ее там арестовали, заметив, что в чулках у нее просвечивают бриллианты, и приняв за воровку. Она подняла шум, грозя пожаловаться папе римскому, бельгийскому королю и еще бог весть кому, – и ее отпустили.

По словам внучатого племянника княгини, С. М. Волконского, в своем доме на набережной реки Мойки она сдавала квартиру собственному сыну, а когда тот на время уехал, старуха воспользовалась этой отлучкой и вселилась в его комнаты, прожив таким образом всю зиму в квартире, за которую получила деньги. Примеры ее безудержного скопидомства можно было бы множить до бесконечности, но странное дело: скупая в мелочах, Софья Григорьевна порой была способна на неожиданную щедрость. Она бранила горничную за то, что та зря извела спичку, и в то же время, не задумываясь, делала родственнице подарок в двадцать тысяч рублей.

Весной 1854 года княгиня, невзирая на недовольство царя, предприняла дальнейшее путешествие в Сибирь, повидаться с братом. Приезд жены покойного министра двора, естественно, наделал немало шуму. Сергей Григорьевич встретил сестру за семь верст от Иркутска, в тот же день и месяц, в какой они расстались двадцать восемь лет назад на станции под Петербургом. Оба поразились изменениям во внешности друг друга: бывший блестящий генерал превратился в седого как лунь старца с длинными волосами и бородой, а миловидная брюнетка с точеными руками и манящим взглядом карих глаз – в настоящую гарпию с большими черными усами и облысевшей шишковатой головой. Когда она пожелала побывать на китайской границе, в Кяхте, то обитавшие там китайцы «засматривались на ее усы и бороду, огорчая ее знаками непочтительного веселья».

Поездка престарелой «фельдмаршалыши» сопровождалась постоянными пререканиями с ямщиками из-за чаевых и с содержателями станций из-за прогонов, причем на все их доводы она неизменно отвечала одно и то же: «Нет, нет, я была с вами достаточно женерёзна!» По-французски это означало «щедро», но какой смысл придавали незнакомому для них слову ее собеседники – сказать трудно.

Несмотря на все эти странности, окружающие любили С. Г. Волконскую за блеск ее разговора, яркость эпитетов, неожиданность сравнений. Такой знал ее и А. С. Пушкин, поселившийся в доме на набережной реки Мойки осенью 1836 года и нашедший здесь свое последнее пристанище.

О прошлом не грустит! (Дом № 74 по набережной Мойки)

Также на Мойке, вблизи Исаакиевской площади, приютилось невысокое здание с классическим портиком из ионических пилястр и треугольным фронтоном. Суховатый, казенного вида фасад как нельзя лучше подходил к прежнему назначению дома: многие десятилетия он принадлежал ведомству Государственного контроля, закончившему свое существование только после Октябрьской революции. Но перед тем как обратиться в казенное учреждение, он знал лучшие времена и видал на своем веку не одни чиновничьи вицмундиры.

Дом № 74 по набережной Мойки. Современное фото

Построил его генерал-поручик Алексей Петрович Мельгунов на отведенном по указу Петра III «в вечное и потомственное владение» месте. Повеление отдано в феврале 1762 года; не прошло и двух лет, как дом был готов – его можно видеть на составленном немного позднее аксонометрическом плане Сент-Илера – Соколова. В ту пору он выглядел иначе, чем сегодня, – наряднее и веселее, хотя привлекал взор уже не декоративным разгулом барокко, а более строгими и умеренными формами раннего классицизма.

А. П. Мельгунов

Для Алексея Петровича это время не было особенно благоприятным: потеряв в лице свергнутого государя покровителя и благодетеля, он на пару лет оказался не у дел, отстраненным от двора, и использовал возникшую паузу для строительства своего особняка. Опала длилась недолго; Екатерина II не отличалась злопамятностью и вскоре вновь призвала бывшего фаворита своего мужа к деятельной службе. Но прежде чем обратиться к будущему, бросим беглый взгляд на прошлое нашего героя.

А. П. Мельгунов (1722–1788) был сыном петербургского вице-губернатора и учился в Сухопутном шляхетном корпусе, после окончания которого началась его служебная карьера. Однако вряд ли она имела бы столь успешное продолжение, не попади он в 1756 году адъютантом к великому князю Петру Федоровичу, коего подкупил отличным знанием немецкого. Здесь не было ничего удивительного, потому что язык этот изучался в корпусе весьма основательно, да и преподавали там по большей части немцы.

В скором времени Мельгунову самому довелось побывать начальником Кадетского корпуса, но по-настоящему звезда его засияла с того момента, как великий князь сделался, правда всего на шесть месяцев, императором «всея Руси». Через три дня после вступления на престол, 28 декабря 1761 года, он произвел своего любимца в генерал-майоры, а в феврале следующего

– в генерал-поручики, пожаловал тысячу душ и в придачу участок казенной земли на берегу Мойки.

Не надо, впрочем, думать, что жизненный путь государева фаворита усыпан одними розами. Екатерина II в своих заметках на полях книги аббата Денина «Очерк о жизни и царствовании Фридриха II» рассказывает, что как-то раз Мельгунова вкупе с двумя другими приближенными императора, Львом Нарышкиным и Дмитрием Волковым, высекли по приказу капризного, как дитя, государя. Это произошло на празднике в Ораниенбауме «в присутствии дипломатического корпуса и человек до ста мужчин и женщин».

Но даже такого рода выходки не смогли поколебать верность Мельгунова своему взбалмошному господину: один из немногих, он оставался при нем до конца и даже слегка пострадал, высидев пару дней под арестом после свержения Петра Федоровича.

Вскоре кратковременная немилость Екатерины бесследно миновала, и Алексей Петрович вновь оказался «на коне». В 1764 году он отправился на должность генерал-губернатора в Новороссию, но через год получил новое назначение: сенатором и президентом Камер-коллегии в Москву. Перед тем как отправиться к месту службы, Мельгунов неоднократно устраивал великолепные псовые охоты на приобретенном у С. П. Ягужинского Мишином (ныне Елагин) острове. В числе его гостей была сама императрица, любившая в молодости такие забавы.

Не пустовал и городской дом Алексея Петровича, обладавшего завидным даром угождать «сильным». Дружба с нужными людьми, сначала с И. И. Шуваловым, а затем с Г. А. Потемкиным, в немалой степени помогала ему всегда держаться на плаву. Но имелись у него и подлинные достоинства государственного мужа; их он в полной мере сумел проявить на посту ярославского генерал-губернатора, а затем управляя ярославским и вологодскими наместничествами.

В 1773 году А. П. Мельгунов продал дом на Мойке супруге тайного советника и камергера А. Ю. Нелединского-Мелецкого. Род этот – польского происхождения и осел на Руси еще в первой четверти XV века. Некий Станислав Ян Мелецкий, прибывший с дружиной из двухсот человек, принял православие, получил новое имя Михаил и был «пожалован в кормление городом Вологдою» с богатыми вотчинами.

Его сын Василий стал прозываться Нелединским по принадлежавшим ему вотчинам на реке Нелединке. В 1699 году Петр I позволил его потомкам носить двойную фамилию Нелединских-Мелецких. В начале XVIII столетия они значительно возвысились, и дед Александра Юрьевича 15 сентября 1725 года последним получил звание боярина. Сам А. Ю. Нелединский-Мелецкий, по обыкновению того времени, начал службу в одном из гвардейских полков, но проходила она, судя по всему, туго, так что в 1754-м, будучи уже в двадцатипятилетнем возрасте, он все еще имел чин прапорщика.

Возможно, именно это обстоятельство толкнуло Александра на не совсем обычный для русских дворян шаг: он поступил волонтером, то есть добровольцем, в австрийскую армию. Прослужил он там недолго и уехал в Париж, где оставался в течение всей Семилетней войны. Однако при вступлении на трон Екатерины II он уже имел полковничий чин, а в 1763 году окончательно оставил военную службу и вновь отправился в милый его сердцу Париж. Возвратился Нелединский оттуда лишь четыре года спустя. Его светский лоск и европейская образованность обратили на себя внимание государыни; он вошел в интимный круг ее приближенных, получив звание камергера.

Екатерина охотно прибегала к его услугам, когда требовалось встретить и сопровождать какого-нибудь иностранного принца или для подобных же поручений. Этим и ограничивалась его роль при дворе. От первой жены, урожденной княжны Куракиной, он имел сына Юрия, известного поэта своего времени, друга всех тогдашних литераторов.

В 1782 году Нелединские решили расстаться с домом, который едва не сделался собственностью княгини Е. Р. Дашковой. Вернувшись из-за границы и не имея пристанища в городе,

она, не желая из скупости тратиться на наемное жилище, поселилась на своей, тогда еще деревянной, даче Кирьяново на Петергофской дороге, где зажила до осенних холодов. Узнав об этом и беспокоясь о ее здоровье, Екатерина II пожелала сделать ей подарок в виде городского особняка, предоставив выбор его самой княгине. При этом она прибавила, что готова приобрести для нее особняк покойной герцогини Курляндской – неподалеку от дворца.

Вот что пишет на сей счет в своих «Записках» сама Дашкова: «Из двух осмотренных мною домов – герцогини (ныне Миллионная, 22. – А. И.) и госпожи Нелединской – первый был больше, богато и изысканно обставлен и расположен на более красивой улице; второй находился на Мойке, мебель в нем была проще. Первый дом стоил 68 тысяч, второй – 40 тысяч рублей. Я остановилась на последнем...»

Далее Екатерина Романовна подробно описывает коварство госпожи Нелединской: та, несмотря на обещание оставить новой владелице всю мебель, тайком вывезла большую ее часть. Возмущенная княгиня отказалась покупать пустой дом и ограничилась тем, что сняла его на год за 4 тысячи.

Этот эпизод, о коем Дашкова поспешила всех оповестить, не преминув охаять и сам дом, и его хозяйку, задержал продажу Нелединской своего жилища на целых пять лет. Лишь в марте 1787 года нашлась подходящая покупательница, но уплаченная ею цена оказалась значительно ниже той, что назвала Дашкова.

Итак, дом Нелединских перешел во владение жены светлейшего князя С. А. Меншикова – Екатерины Николаевны, урожденной княжны Голицыной. Новая хозяйка славилась своею красотой, запечатленной в 1795 году художницей М. Виже-Лебрен; портрет изображает Е. Н. Меншикову с четырехлетней дочерью на руках в ее петербургском особняке, перед раскрытым фортепиано со стоящими на нем нотами. В семейной жизни княгиня была несчастлива: муж ее, Сергей Александрович, приходившийся родным внуком петровскому «Данлычу», не отличался высокими моральными качествами и вдобавок был чуть не на двадцать лет старше жены.

Злоязычный памфлетист князь П. В. Долгоруков, в силу своего происхождения и родственных связей знавший подноготную всех и вся, дал ему уничтожающую и, по-видимому, вполне заслуженную характеристику: «Князь Сергей Меншиков унаследовал ничтожность своего отца и, к сожалению, извращенные вкусы своего знаменитого деда; это было тем менее извинительно, что он женился на одной из самых красивых женщин России».

Е. Н. Меншикова

Через несколько месяцев после приобретения Меншиковыми дома на Мойке у них родился первенец – сын Александр. Ему довелось сыграть не последнюю, хотя далеко не блестящую роль в истории николаевского царствования и печально прославиться в Крымскую кампанию.

В 1797 году княжеский особняк перешел в цепкие купеческие руки, и на сей раз надолго: английский коммерсант Э. Дж. Смит, купив дом всего за 25 тысяч, в чаянии барыша тут же опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление о его продаже или сдаче внаем: «Во 2-й Адмиралтейской части, в 3 квартале, под № 185, неподалеку Синего мосту, продается и в наем отдается большой каменный дом бывший княгини Меншиковой, а ныне аглинского купца Шмита; дом сей построен весьма выгодно, со многими службами; средний одного этаж довольно хорошо меблирован, и весь дом заключает в себе 58 покоев; естли кто желает нанять его весь или особый при нем находящийся флигель, тот может о цене узнать от приказчика Никиты Иванова».

Желающий нанять столь превосходное жилище отыскался довольно скоро в лице португальского посланника, прожившего здесь не один год. Позднее в особняке поселился член Государственного совета, бывший министр внутренних дел князь Алексей Борисович Куракин (1759–1829). Современники, знавшие князя, отзываются о нем весьма нелестным образом. По словам некогда известного поэта И. М. Долгорукого (1764–1823), Алексей Борисович был чрезвычайно горд и не склонен считаться с самолюбием окружавших его людей; чаще всего

он следовал своим капризам и минутному расположению духа. «Всякий знак его внимания, даже самого благодетельного, был тяжел, потому что покупался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны благородному сердцу».

А. Б. Куракин

Женив своего секретаря Л. С. Кармалеева на побочной дочери и поселив у себя в доме, Алексей Борисович передал ему все дела по департаменту государственной экономии, которым заведовал, чем тот не преминул воспользоваться, разумеется, с немалым ущербом для казны. В одном из секретных донесений в Третье отделение о нем говорится следующее: «Кармалеев женат на побочной дочери князя Алексея Борисовича Куракина, живет в его доме и занимается всеми его делами, пишет ему мнения, ворочает всем, что зависит от Куракина, и наживается всеми возможными средствами. Он принадлежит к разряду подъячих, весьма искусен в так называемых крючках, а впрочем, повинуетя безусловно страстям Куракина, который иначе не действует, как по внушению страстей».

После смерти А. Б. Куракина наследники купца Смита, или Шмита, как его называли в России, в 1830 году продали дом в казну. Он был перестроен архитектором И. И. Шарлеманем в ампирином стиле и отдан под квартиры начальника и прочих чиновников Государственного контроля, рангом помельче; здесь же помещалась и канцелярия. Через несколько лет тот же зодчий расширил здание с правой стороны пристройкой. В таком виде оно и дошло до наших дней, сохранив вполне достойный облик, и, похоже, о прошлом не грустит!

У Почтамтского мостика (Дом № 90/1 по набережной Мойки)

Удивительная вещь – старая фотография: она способна приблизить давно ушедшие времена, перекинув мостик в прошлое. Смотришь на человека, изображенного на снимке, такого реального, конкретного, почти материально осязаемого, и думаешь: «А ведь он видел императора Александра I, говорил с людьми, помнившими «век золотой Екатерины»!»

Примерно такое чувство я испытывал, рассматривая старинные, но прекрасно сохранившиеся фотографии, принадлежащие известному петербургскому коллекционеру Н. П. Шмитт-Фогелевичу. Сделаны они были в 1860-х годах, и на них представлены некоторые достопамятные личности, например: участник Бородинского сражения – впоследствии министр народного просвещения А. С. Норов, военный министр Н. О. Сухозанет, графиня М. Г. Разумовская (1772–1865) – этот блестящий осколок XVIII века...

Дом № 90/1 по набережной Мойки. Современное фото

Среди галереи почтенных и маститых старцев мне попался портрет обер-гофмаршала графа Андрея Петровича Шувалова (1802–1873), с таким обыкновенным, отнюдь не аристократическим лицом, хотя и не лишенным надменного высокомерия.

А. П. Шувалов

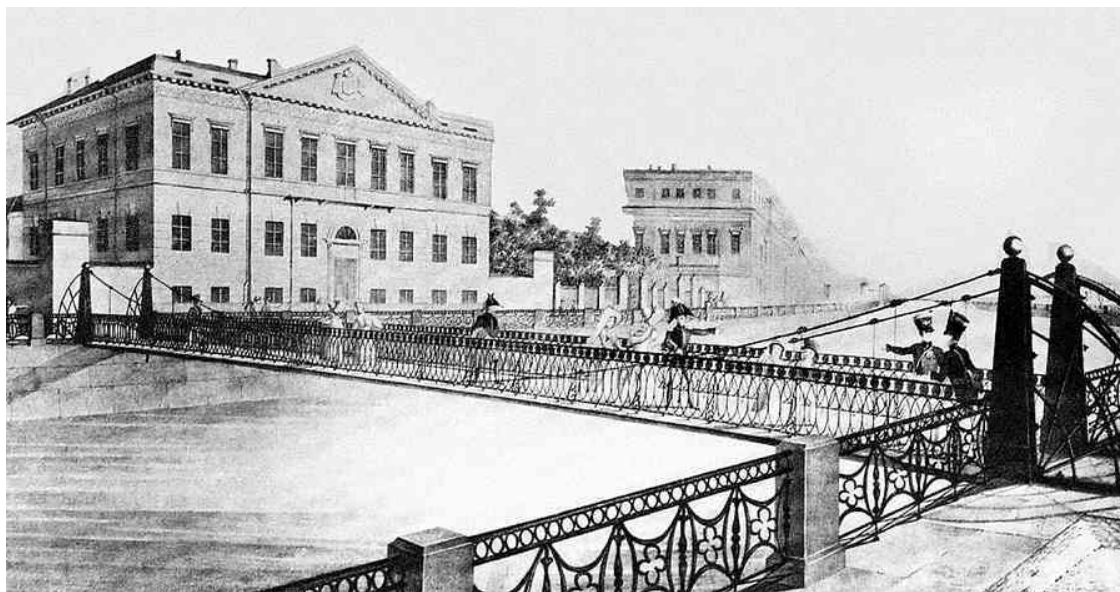
Он был женат на вдове знаменитого Платона Зубова, а тут уж до матушки Екатерины и вовсе рукой подать. Шувалов, правнук елизаветинского вельможи Петра Ивановича Шувалова, – один из героев нашего рассказа; от него протягивается незримая нить в прошлое, к людям, знакомым нам только по живописным портретам, и существование их тонет в некой исторической дымке.

Какими они были? Порой кажется, что нас разделяет уже непреодолимая пропасть, как древних и новых греков, и та, прежняя, жизнь полностью отошла в область преданий. Правда, остались материальные памятники прошлого в виде домов, где жили те люди, но и они сильно изменили свой облик.

Дом, о котором мы поведем рассказ, расположен в одном из самых живописных уголков Петербурга, на набережной Мойки, у Почтамтского мостика, в нескольких шагах от бывшего дворца графа П. И. Шувалова, позднее перешедшего к князьям Юсуповым (Мойка, 94). Он стоит на углу Прачечного переулочка, на участке, некогда принадлежавшем водочному фабриканту Герцену, умершему в 1786 году.

После его смерти в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление о продаже: «Покойного здешнего жителя, водочного фабриканта Бартоломея Герцена избранные от кредиторов кураторы... почтеннейше объявляют... не возжелает ли кто реченного Герцена каменной несколько с деревянным строением дом, при котором и водочной с наиудобнейшими

при оном выгодами завод, состоящий во 2-ой Адмиралтейской части по Мье реке под № 479 купить, оные б явились к помянутым кураторам...»

Ф. Кнорре (по оригиналу Г. Треттера). Набережная Мойки у Почтамтского мостика. 1820-е гг. Слева – дом князя А. М. Голицына

Следует пояснить, что одноэтажный усадебный дом стоял в глубине участка, простиравшегося в то время до Глухого (ныне Максимилиановского) переуллка, а угловая его часть, выходящая к Мойке, оставалась незастроенной. В конце XVIII века участок Герцена был разделен на два, принадлежавшие разным владельцам.

В 1810 году обер-гофмейстер Р. А. Кошелев (1749–1827) приобрел у коллежского асессора Гаврилова угловую, пустопорожнюю часть и приступил к постройке каменного трехэтажного дома, который обязался закончить к 1814 году «и выкрасить светло-серою краской».

Родион Александрович Кошелев, мистик и масон, считался признанным главой петербургских «мартинистов»¹². В молодости он много путешествовал и имел возможность ознакомиться с учением западноевропейских религиозных философов – Сен-Мартена, Сведенборга, Эккартсгаузена. Сблизившись еще в павловское время с великим князем Александром, Кошелев оказывал большое влияние на него и после того, как тот вступил на престол, сохранив до конца жизни императора его неизменное расположение.

В 1812 году дом в стиле безордерного классицизма был вчерне готов, но затем начавшаяся война с Наполеоном, очевидно, изменила планы Кошелева, и он так и не закончил постройку. Участок на Мойке у него приобрел молодой коллега по придворной службе, гофмейстер князь Александр Михайлович Голицын, который к 1816 году довершил начатое.

¹² «Мартинисты» – мистическая секта, основанная в XVIII веке испанцем Мартинесом Паскалисом; впоследствии название это перешло на русских масонов.

А. М. Голицын

Первоначальный внешний облик особняка запечатлен на литографии Кнорре по рисунку Г. Треттера 1820-х годов с изображением Почтамтского мостика через Мойку. В то время дом имел каменную ограду и был на две оси уже с каждой стороны; фронтоны его украшал княжеский герб. Отличительной чертой здания являлся красивый фриз, на что обратил внимание еще В. Я. Курбатов. Таким дом оставался до перестройки, осуществленной уже в советское время, когда ограду частично сломали и здание расширили по фасаду.

Князь А. М. Голицын (1772–1821), потомок старинного боярского рода, начал службу при Екатерине II, демонстрируя безмерную преданность своей государыне, что, впрочем, было в то время весьма заурядной добродетелью. Назначенный позднее камер-юнкером к великому князю Александру Павловичу, он и ему сумел понравиться своим умением вести приятную беседу – основополагающим достоинством любого придворного. Однако при вспыльчивом Павле и Голицына не миновала гроза: в 1799 году он был удален от двора за то, что, по слухам, взял на себя роль посредника между цесаревичем Александром и актрисой Шевалье, любовницей Кутайсова. Красивый собой, хотя и небольшого роста, Голицын обладал веселым характером, но, увы, слабым здоровьем, что и привело его к преждевременной кончине. Он умер в Париже сорока девяти лет от роду.

В Третьяковской галерее хранится великолепный портрет А. М. Голицына кисти Ореста Кипренского, написанный в Риме за два года до смерти князя. Лицо с тонкими чертами полно тайной грусти, в глазах застыло какое-то обреченное выражение.

Голицын оставил после себя двоих наследников – Михаила и Федора. Дом достался старшему, Михаилу Александровичу. Примечательно, что оба сына покойного князя перешли в католичество, причем младший, Федор, служивший при русской миссии в Риме, даже вступил в члены ордена иезуитов и был лишен всех прав состояния и приговорен к каторжным работам за невозвращение на родину, несмотря на неоднократные вызовы правительства. В 1848 году он поступил волонтером в папскую гвардию и вскоре умер в Болонье.

Русский гравер Ф. И. Иордан в своих воспоминаниях так рассказывает об этом: «Будучи слаб умом, но очень богат, князь пожертвовал большую часть своего богатства, чтобы освободить Италию от ига австрийцев... Итальянцы были рады увидеть в рядах своего войска русского князя. Эта весть разглашалась повсюду. Голицын обещался мало того, что служить, но нести наравне с другими всю тягость военной службы. Он даже отправился пешком с войском, но, сделав несколько верст, захворал, и ему пришлось доехать в своем экипаже до Болоньи хворым. Вскоре после этого князь скончался и был похоронен в Болонской чертозе (картузианском монастыре. – А. И.). С него также писал портрет Кипренский, но значительно позже, в 1833 году. Его лицо поражает какой-то детской наивностью и, уж конечно, не имеет в себе ничего «иезуитского».

Надо сказать, в роду князей Голицыных нередко были случаи перехода в католичество, начиная со знаменитого «квасника» М. А. Голицына, в наказание обращенного императрицей Анной Иоанновной в шута и сделавшегося героем шутовской свадьбы с калмычкой Бужениновой, описанной И. И. Лажечниковым в «Ледяном доме».

Отказался от своей религии и старший брат Федора, Михаил – известный библиофил и дипломат, плохо знавший русский язык, но тем не менее проявлявший интерес к отечественной литературе. А. О. Смирнова-Россет рассказывает, что однажды М. А. Голицын, войдя к ней в гостиную в тот момент, когда Гоголь читал там свою «Женитьбу», попросил позволения остаться, а затем, после ухода писателя, горячо благодарил хозяйку за приятно проведенный вечер и сказал, что читал «Мертвые души» с восторгом и радовался, что наконец увидел их автора. В последние годы жизни князь Михаил исполнял должность посла в Испании; умер он за границей и похоронен, как и брат, в католическом монастыре в Болонье.

В 1834 году М. А. Голицын продал дом на Мойке графу Андрею Петровичу Шувалову. Современники не слишком одобрительно отзываются о душевных качествах этого ловкого царедворца: та же А. О. Смирнова-Россет прямо называет его «пройдохой», который ради карьеры намеревался жениться на младшей дочери любовницы Александра I Марии Антоновны Нарышкиной, Софье Дмитриевне, почти официально считавшейся дочерью самого императора. Однако этот брак не состоялся, поскольку невеста, страдавшая чахоткой, умерла незадолго до свадьбы. В день ее похорон безутешный жених будто бы сказал одному из своих приятелей: «Мой милый, какого значения я лишился!»

Но делать было нечего. Начались поиски другой богатой невесты. Как известно, Платон Зубов был последним из фаворитов Екатерины II и за добросовестное исполнение своих обязанностей сделан ею князем и буквально озолочен, хотя далось ему это нелегко. Позднее, будучи в нетрезвом состоянии, он признался кому-то, что во время его занятий с императрицей у него от омерзения иногда дрожали ногти на пальцах... Будучи уже немолодым, пятидесятилетним человеком, князь Платон, живший на склоне лет в своих богатых поместьях, повстречал в предместье Вильно семнадцатилетнюю красавицу Теклу Валентинович, дочь бедного и необразованного шляхтича. Воспылав страстью, он женился на ней, а спустя год или два, в 1822 году, оставил молодую супругу богатой вдовой.

Выиграв при помощи влиятельного покровителя, шестидесятилетнего Н. Н. Новосильцева, которому она пообещала свою руку, все процессы с родственниками мужа, юная вдова отправилась в заграничное путешествие. Там она познакомилась с Андреем Шуваловым и, решив, что хватит с нее стариков, вышла в 1826 году замуж за молодого, вкрадчивого графа.

Вернувшись на родину, супруги наняли пустовавший дом М. А. Голицына, а позднее купили его.

Графиня Шувалова покорила весь светский Петербург. По словам Смирновой, «все влюблялись в эту польскую волшебницу... Она выучилась болтать по-французски и была потом принята аристократическим обществом; танцевала мазурочку пани так, что все стари-чье приходило в неистовый восторг». Дом Шуваловых стал одним из самых модных в столице; здесь собиралось все высшее общество, устраивались балы и играли в вист по 250 рублей за партию. Бывал здесь и Пушкин, хорошо знавший хозяина дома.

Сыновья графа, Петр и Павел, сделались впоследствии видными государственными деятелями, в особенности старший, Петр Андреевич. В царствование Александра II он приобрел такое влияние на царя, что его прозвали Петром IV. П. А. Шувалов побывал и в должности столичного обер-полицмейстера, и директора департамента Министерства внутренних дел, но особой известности и могущества достиг на посту шефа жандармов и главного начальника Третьего отделения (далее мы еще будем говорить об обоих братьях)¹³. Дочь Шувалова, Софья Андреевна (с нее К. П. Брюллов в 1849 году написал портрет), унаследовала красоту своей матери. Она вышла замуж за будущего петербургского губернатора графа А. А. Бобринского.

В 1855 году Шуваловы продали дом на Мойке, и он, сменив ряд владельцев, в 1881-м перешел к гвардии полковнику графу Владимиру Александровичу Стенбок-Фермору, владевшему несколькими домами в столице. Сам граф никогда в нем не жил и сдавал внаймы богатым людям. Во второй половине 1890-х годов здесь поселился отставной поручик лейб-гвардии Конного полка князь Владимир Николаевич Орлов (1868–1927) со своей молодой женой Ольгой Константиновной, урожденной княжной Белосельской-Белозерской.

Правнук одного из екатерининских сподвижников Федора Григорьевича Орлова и внук любимца Николая I Алексея Федоровича Орлова, князь долгое время занимал должность начальника канцелярии главной квартиры императорского двора. Он входил в число самых доверенных людей как царя Николая II, так и царицы, но не сумел поладить с Распутиным и вмиг лишился царского благоволения; ему было объявлено, что «Ее императорское величество не желают его видеть», и придворная карьера князя на этом закончилась.

Хорошо знавший В. Н. Орлова генерал-лейтенант А. А. Мосолов называет его человеком культурным и любившим острое словцо. Супруга князя Ольга Константиновна (1872–1923) блистала в петербургском свете благодаря присущему ей таланту модно и изысканно одеваться. Она слыла первой модницей, самой элегантной женщиной в столице, затмевавшей всех роскошью и оригинальностью своих парижских туалетов.

Это прекрасно передал в своем знаменитом портрете В. А. Серов, написавший княгиню в одном из залов ее великолепного особняка на Мойке. Для этого художнику потребовалось около ста сеансов. Работа продолжалась с 1909-го по 1911 год. Результат удовлетворил самого Серова, но, очевидно, не удовлетворил заказчицу, передавшую картину в Музей Александра III (ныне Русский музей) с тем, однако, условием, чтобы она не висела в одном зале с не менее знаменитым портретом Иды Рубинштейн.

¹³ См. очерки «Конец Петра IV» и «Конец дворянского гнезда».

О. К. Орлова

В 1906 году Орловы приобрели дом на Мойке в собственность. Тот же Мосолов в своих воспоминаниях пишет, что «особняк этот по внутренней обстановке походит на музей. У нее (княгини Орловой. – А. И.) собирались дипломаты и дамы, щеголявшие в платьях от лучших портных Парижа».

Остается добавить, что князь Орлов был горячим поборником идеи автомобилизма и даже добровольно принял на себя функции личного шофера императорской фамилии. Позднее, в эмиграции, многие из его прежних товарищей исполняли эту роль, повинувшись уже не прихоти, а суровой необходимости, сделавшись шоферами такси.

После Октябрьской революции бывший особняк Орловых отдали под школу, отделка помещений погибла, и он превратился в обычное госучреждение.

Река времен в своем стремлении... (Дом № 92 по набережной Мойки)

Идя сегодня по набережной Мойки от Поцелуева моста к Прачечному переулку, мы не увидим ни изображенной на старой почтовой открытке Реформатской церкви, ни старинной ограды со сдвоенными колоннами, ни укрытого за ней небольшого двухэтажного дома № 92. Правда, в глубине участка по-прежнему стоит какое-то строение, но оно имеет весьма отдаленное отношение к тому зданию, о котором пойдет речь.

Набережная Мойки у Реформатской церкви. С открытки 1900-х гг. Справа – ограда дома № 92

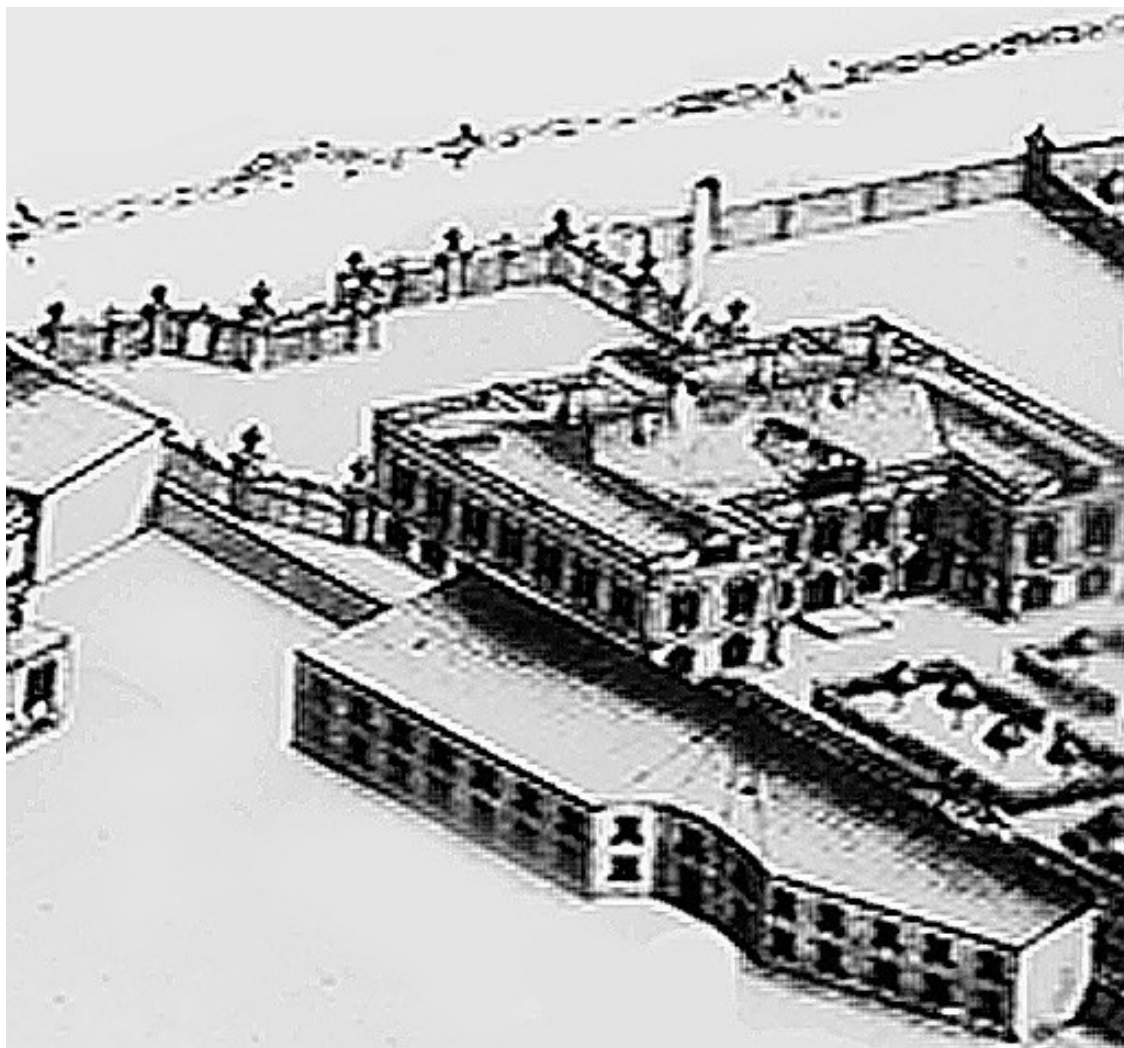
Некогда и особнячок и ограда привлекли внимание В. Курбатова, он упоминает о них в своем путеводителе «Петербург». Правда, уважаемый автор сильно преувеличил их древность, отнеся чуть ли не к аннинской эпохе, но в остальном он прав: дом, как и ограда, представлял несомненный интерес. Само расположение его с отступлением от красной линии указывает на усадебный характер первоначальной застройки, появившейся в середине XVIII века.

А. И. Шувалов

В 1750-х годах два смежных участка по берегу реки Мойки близ Крюкова канала перешли в собственность братьев Шуваловых, сподвижников царствовавшей в ту пору императрицы Елизаветы; при этом больший участок принадлежал младшему, Петру, а меньший – старшему, Александру. Примерно так же распределялись и их роли при дворе: главной фигурой являлся Петр Иванович, управлявший, по сути дела, всей внутренней политикой государства; старший же брат заведовал лишь Тайной канцелярией, наводившей, впрочем, по словам Екатерины II, «ужас и страх на всю Россию».

Подобным же образом различались и жилища братьев: П. И. Шувалов воздвиг на своем обширном участке, занимаемом ныне домами № 94 и 96, великолепные каменные палаты, больше походившие на дворец, со служебным корпусом и роскошным садом, в то время как Александр Иванович удовольствовался деревянными хоромы на каменном фундаменте с разбитым за ними скромным регулярным садиком, напоминавшим нынешние скверы.

Дом А. И. Шувалова. Фрагмент аксонометрического плана де Сент-Илера – И. Соколова. 1765–1773 г.

Как выглядели владения старшего Шувалова, можно видеть на фрагменте аксонометрического плана Петербурга 1760-1770-х годов. Двухэтажный особняк с декоративной балюстрадой на крыше и прочими барочными изысками отгорожен от набережной красивой узорчатой решеткой, но явно не той, что видна на старой фотооткрытке.

В 1764 году усадьба перешла в собственность президента Юстиц-коллегии сенатора И. И. Дивова, бывшего до этого московским полицмейстером. В конце 1765 года, собираясь приехать в Петербург, генерал-аншеф граф П. А. Румянцев, тогдашний правитель Малороссии, просил мать подыскать ему временное жилье. Собственно говоря, он мог бы остановиться и в ее доме на Царицыном лугу, но не любившая стеснять себя старушка предпочла поселить сына отдельно.

П. А. Румянцев

14 января 1766 года М. А. Румянцева сообщила ему в Глухов о приисканном ею жилище: «Петр Александрович, свет мой, здравствуй! Дом для вас здесь наняла, которой состоит по Мойке, близ Петра Ивановича Шувалова, Ивана Ивановича Дивова, ценою по 70 рублей на месяц, которой со всем убранством. Сестра Прасковья Александровна и Яков Александрович (Брюс, зять Румянцевой. – А. И.) все, что принадлежит для дому, стараются исправить. Я весьма старалась, чтобы поблизости найти, токмо истинно нет нигде». Прибыв в столицу, будущий фельдмаршал неожиданно жестоко расхворался и проболел до самого мая...

В 1794 году участок, уже принадлежавший в то время барону Г. А. Строганову, приобрел президент Медицинской коллегии А. А. Ржевский. Несмотря на сугубо прозаические служебные занятия, Алексей Андреевич, известный в свое время масон и не менее известный поэт, не переставал терзаться гамлетовским вопросом о смысле жизни, изливая его в следующих, почти шекспировских строках:

О, жизнь, о, суета! Иль вечно нам страдать?
Страдать и не видать, что свет сей цепь мучений?
Не век: смерть может нам
Свободу даровать...

Страдания не помешали Ржевскому прожить долгую, счастливую жизнь с любимой женой Глафирой Ивановной Алымовой, которую художник Д. Г. Левицкий навечно запечатлел на одном из своих знаменитых портретов «смолянок».

Возможно, именно предыдущий владелец, барон Строганов, которому спустя много лет предстояло взять на себя печальную обязанность по устройству похорон А. С. Пушкина и возглавить опеку над его детьми, перестроил купленный им особняк на Мойке, сделав его полностью каменным, но оставив по-прежнему двухэтажным. Тогда же, вероятно, появилась и классическая ограда со стороны Мойки. Так или иначе, к моменту перехода к Ржевским дом уже был каменным.

Г. А. Строганов

От вдовы Ржевского участок в 1800-х годах перешел к барону Ашу, а у того в 1829 году его приобрел входивший в силу педагог, издатель и журналист Н. И. Греч. В нижнем этаже здания он поместил типографию, а в верхнем, немного позднее, поселился сам со своим семейством. Его собрат по перу Владимир Бурнашев так описывал это жилище: «Дом... был снабжен двумя огромнейшими залами, из которых одна так заложу и именовалась, а другая была не менее велика, но носила название кабинета-библиотеки, потому что все стены ее были покрыты шкафами с книгами. Одно из окон было в виде двери в сад... В этой-то зале, где 100 или 150 человек помещались легко и без малейшей тесноты, происходили все литературные четверговые сходки...»

Н. И. Греч

На этих «четвергах», подробно описанных тем же Бурнашевым, перебивал весь литературный Петербург, и кого еще там только не было! Иностранные знаменитости, певцы, музыканты, актеры, даже фокусники и чревовещатели находили у гостеприимного владельца дома теплый прием, а порой и рекламную поддержку в издаваемой им совместно с Булгариным «Северной пчеле».

Среди посетителей «гречевых четвергов» встречались весьма своеобразные личности вроде В. Ф. Боголюбова – «человека, по словам самого Николая Ивановича, всеми презираемого, всем известного своими гнусными делами и везде находящего вход, прием и наружное уважение!». Он перетаскал у добродушного хозяина массу книг из библиотеки, не упуская вдобавок ни малейшей возможности запустить руку в неосторожно оставленный на виду бумажник или кошелек. Позднее Греч отомстил ему на литературный лад, выставив в самом неприглядном виде в своих знаменитых «Записках».

Нерасчетливость и мотовство Николая Ивановича привели его в конце концов почти к полному разорению; незадолго до смерти он вынужден был продать дом и переехать к своей второй жене, заведовавшей институтом глухонемых и имевшей там квартиру.

В 1865 году бывший дом Греча капитально перестроили, причем не обошлось без скандала: вопреки правилам, запрещавшим в центральных частях города возводить вновь и исправлять существующие деревянные постройки, двухэтажный каменный флигель надстроили тре-

тым этажом «из тонкого леса», оштукатурив для маскировки и покрыв кровельным железом. Разоблачителем выступил «Петербургский листок», добившийся сноса незаконно возведенного этажа. Пришли иные времена: в России наступила временная «оттепель» и гласность приносила первые плоды!

Сменив еще ряд владельцев, особняк был наконец куплен князьями Юсуповыми, пожелавшими расширить свои владения. Прошли годы, и безжалостная «река времен» унесла и старинную ограду, и многое другое. Только протянувшиеся вдоль набережной деревья так же ждут весны, как и сто лет назад...

Дворец елизаветинского «прибыльщика» (Дом № 96 по набережной Мойки)

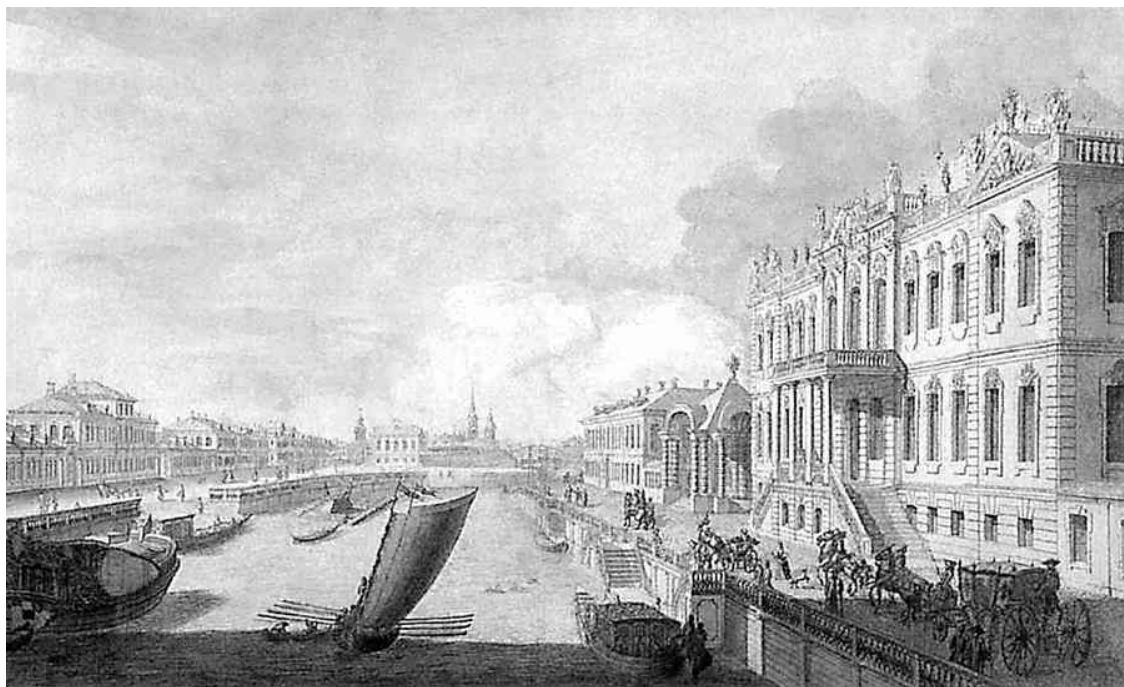

Много загадок таят в себе петербургские дворцы и особняки. Взять хотя бы тот, что представлен на рисунке М. И. Махаева 1757–1759 годов, озаглавленном «Вид от Крюкова канала вверх по реке Мойке с изображением дворца П. И. Шувалова». Справа на первом плане – небольшое по размеру, но замечательное по архитектуре здание, воплотившее всю прелесть барокко. Поскольку строилось оно в 1750-х годах, то есть в период наибольшего могущества и влияния Петра Ивановича Шувалова, логично было бы предположить, что имя его создателя столь же знаменито, как и имя владельца, а история известна не хуже дворцов, скажем, Воронцова, Строганова или Разумовского.

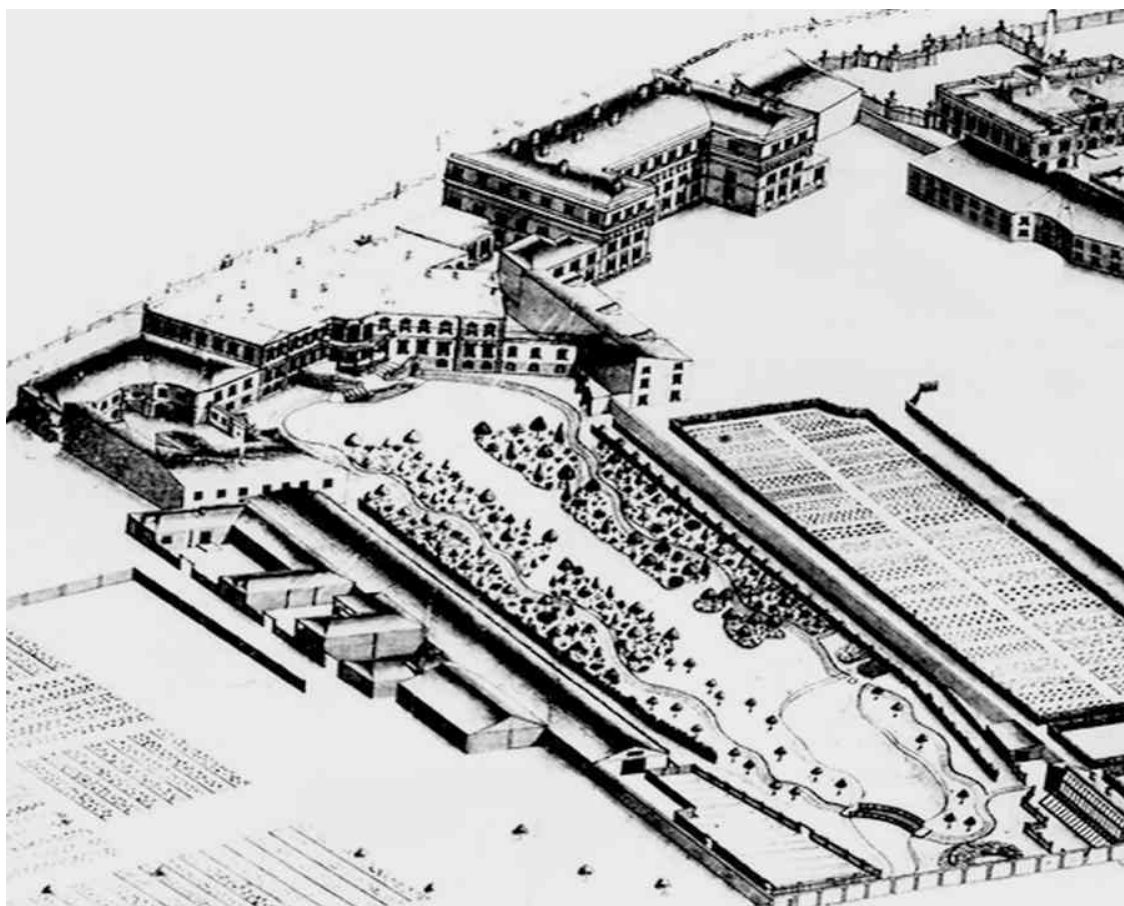
Дом № 96 по набережной Мойки. Современное фото

Однако в действительности все обстоит иначе: в списке работ ведущих зодчих той поры – Б. Растрелли, С. И. Чевакинского, П. Трезини и других – эта постройка не значится, да и вообще она словно испарилась, исчезла с лица земли как призрак. В книгах, посвященных достопримечательностям Петербурга, о бывшем участке П. И. Шувалова сказано, что стоявший здесь небольшой двухэтажный каменный дом в 1760-х годах был перестроен Ж.-Б. Валлен-Деламотом, а позднее перешел к князьям Юсуповым. На основании этого можно прийти к выводу, что на рисунке Махаева – Юсуповский дворец на Мойке, 94, до его перестройки.

М. Махаев. Вид по реке Мойке от Крюкова канала и дворца графа П. И. Шувалова в сторону Синего моста. 1757–1759 гг.

На самом же деле на участке Шувалова находился не один, а два дома, причем тот, что со временем сделался парадной резиденцией Юсуповых, показан на заднем плане справа. Дворец же графа П. И. Шувалова перевоплотился сначала в восьмиколонное сооружение в стиле классицизма, а затем, еще дважды перестроенный, – в то, что мы видим сегодня, то есть казарменного облика здание под № 96.

Набережная Мойки. Фрагмент аксонометрического плана де Сент-Илера – И. Соколова. 1765–1773 гг. Слева – бывший дом П. И. Шувалова

Но даже в нынешнем, довольно прозаическом виде оно сохранило примечательную особенность – надворный флигель, пристроенный под тупым углом к основному корпусу, в результате чего дворовый фасад приобрел характерный излом. Когда-то на этом месте существовала изящная лестница с закругленными двухъярусными аркадами; теперь ее можно увидеть только на публикуемом фрагменте аксонометрического плана Сент-Илера – Соколова начала 1770-х годов. Рядом с бывшим дворцом Шувалова изображен уже перестроенный дом его сына Андрея Петровича (нынешний Юсуповский дворец), а еще правее – деревянные хоромы, ранее принадлежавшие брату старшего Шувалова – графу Александру Ивановичу (участок дома № 92).

История шуваловской усадьбы на Мойке, при всех имеющихся пробелах, выглядит следующим образом. Ко времени появления махаевского рисунка, который, надо полагать, призван был запечатлеть недавно отстроенный дворец, генерал-фельдцейхмейстер, то есть начальник всей артиллерии, действительный камергер граф Петр Иванович Шувалов (1710–1762), как уже говорилось, находился в зените славы, являясь фактическим главой правительства.

Неутомимый «прибыльщик» государственной казны, непрестанно изыскивавший способы ее пополнения, он, по меньшей мере, столь же прилежно заботился и о собственном кармане, наживая огромные деньги на пожалованных ему откупах и монополиях. Неуемная энергия и предприимчивость графа заставляли его находить себе применение во всевозможных областях: он изобретал и совершенствовал артиллерийские орудия, активно вмешивался во внешнюю политику, прибирал к рукам самые разнообразные промыслы, заводил собственные корабли и устанавливал самостоятельные сношения с западноевропейскими рынками сбыта.

П. И. Шувалов

Добившись повышения цен на соль и вино, Петр Иванович возбудил к себе ненависть в том самом народе, чье положение он будто бы хотел облегчить. Более удачным и полезным оказался другой его воплощенный в жизнь проект – отмена внутренних таможен, разрывавших страну на множество отдельных частей. С их уничтожением, по словам историка С. М. Соловьева, «заканчивалось дело, начатое Иваном Калитой».

За повседневными заботами не забывал граф и о развлечениях: петербуржцам надолго запомнились иллюминация и фейерверк, устроенные им 12 июня 1758 года в присутствии самой государыни Елизаветы Петровны. Спустя несколько дней «Санкт-Петербургские ведомости» поместили сообщение об этом празднестве: «Сего месяца 12 числа Ее Императорское Величество... соизволили присутствовать в доме его сиятельства г. генерал-фельдцейхмейстера, где по окончании балу, которой начал Его Королевское Высочество Принц Польской, представлены были пред домом иллюминация и два фейерверка, первой за рекою большой, а другой малой в саду».

На плане, как на ладони, виден этот сад с небольшим прудом, через который перекинут мостик с ажурными перилами. В садовых оранжереях выращивались тропические фрукты и росло даже банановое дерево. Правда, со времени достопамятного бала прошло уже лет пятнадцать, и многое изменилось. Давно умер Петр Иванович Шувалов, а его единственный сын в 1767 году продал отцовский дворец графу З. Г. Чернышеву, перебравшись в соседний свой дом, бывший до этого, скорее всего, служебным.

Новый хозяин дворца, генерал-аншеф Захар Григорьевич Чернышев (1722–1784), занимавший в момент его приобретения пост вице-президента Военной коллегии, при умеренных полководческих имел ярко выраженные административные способности. Они проявились в наведении большого порядка в сложном войсковом управлении.

З. Г. Чернышев

Глядя на этого угрюмого, неприступного сановника, крайне сурового с подчиненными, с трудом верилось, что когда-то и он писал нежные, чувствительные стишки, добиваясь взаимности великой княгини Екатерины Алексеевны, о чем она поведала в своих «Записках» уже будучи императрицей Екатериной II. Не получив желаемого, самолюбивый граф своим поведением стремился доказать обратное и, как уверяет рассказчица, «тысячью глупостей давал понять людям то, чего, клянусь, не было».

Чрезмерное самолюбие не раз становилось для него источником многих неприятностей, но оно же помогало порой совершать чудеса героизма. В Семилетнюю войну Чернышев участвовал в неудачной для русских Цорндорфской битве, где, несмотря на личное мужество, вместе с другими генералами попал в плен. Прусский король Фридрих II, презрительно взглянув на пленных, велел посадить их в кюстринские казематы, издевательски пожалев о том, что не может сослать их в Сибирь. Захар Григорьевич не забыл этих слов. Освобожденный осенью 1758 года, он в 1761-м, командуя отдельным корпусом, разбил прусские войска, взял Берлин и заставил короля платить контрибуцию, напомнив тем самым старую истину, что хорошо смеется тот, кто смеется последним...

Обладавший трезвым умом, З. Г. Чернышев любил науки, но был также поклонником искусств, оказывая покровительство ученым и художникам. В своем доме на Мойке он устроил картинную галерею и вместе с братом Иваном Григорьевичем выразил желание стать почетным членом новооткрытой Академии художеств.

В 1773 году граф занял пост президента Военной коллегии, одновременно получив присвоенной этой должности звание генерал-фельдмаршала. Но тут его самолюбие натолкнулось на не менее развитое самолюбие набиравшего силу Потемкина, который не любил находиться в подчинении. Уже через несколько месяцев Чернышев получил отставку и отправился к своему новому месту службы – исполнить должность генерал-губернатора Белоруссии.

В октябре 1776 года Захар Григорьевич продал усадьбу на Мойке известному военачальнику и дипломату князю Н. В. Репнину, не так давно вернувшемуся в Петербург после выполнения многотрудной миссии в Константинополе. Его целью было принудить Турцию безоговорочно выполнять условия Кучук-Кайнарджийского мира, в чем он и преуспел.

Весь 1776 год князь безвыездно прожил в столице, часто посещая дворец и сражаясь с императрицей за шахматным столиком. Впереди его ожидали новые назначения и новые, уже настоящие сражения: поначалу – дипломатические, а потом и военные. В Петербурге Николай Васильевич бывал довольно часто, но лишь наездами, не задерживаясь подолгу.

В 1787 году в доме поселилась новая хозяйка – княгиня Е. П. Барятинская, переехавшая сюда из своего особняка на Миллионной. Неоднократно упоминавшийся князь И. М. Долго-рукий вспоминал о ней: «Богатство ее, имя, а более еще мягкость характера и любезные свойства сердца привлекали к ней весь отборный город. Она жила пышно и вместе приятно, со всеми была вежлива, благосклонна и примерно гостеприимна». Большое внимание владелица уделяла саду, где среди ярких цветников прогуливались важные павлины, изумляя окрестных обывателей непривычными и не особенно благозвучными криками.

Н. В. Репнин

Как-то одной из этих экзотических птиц удалось вырваться наружу, о чем было немедленно объявлено в газете: «Санкт-Петербургские ведомости»: «Из дому Ее Сиятельства Княгини Екатерины Петровны Барятинской, состоящего по Мойке близ Поцалуева моста, сошла Июня 26 числа пава, то сим просят поймавшего оную доставить ее швейцару, за что не останется без награждения».

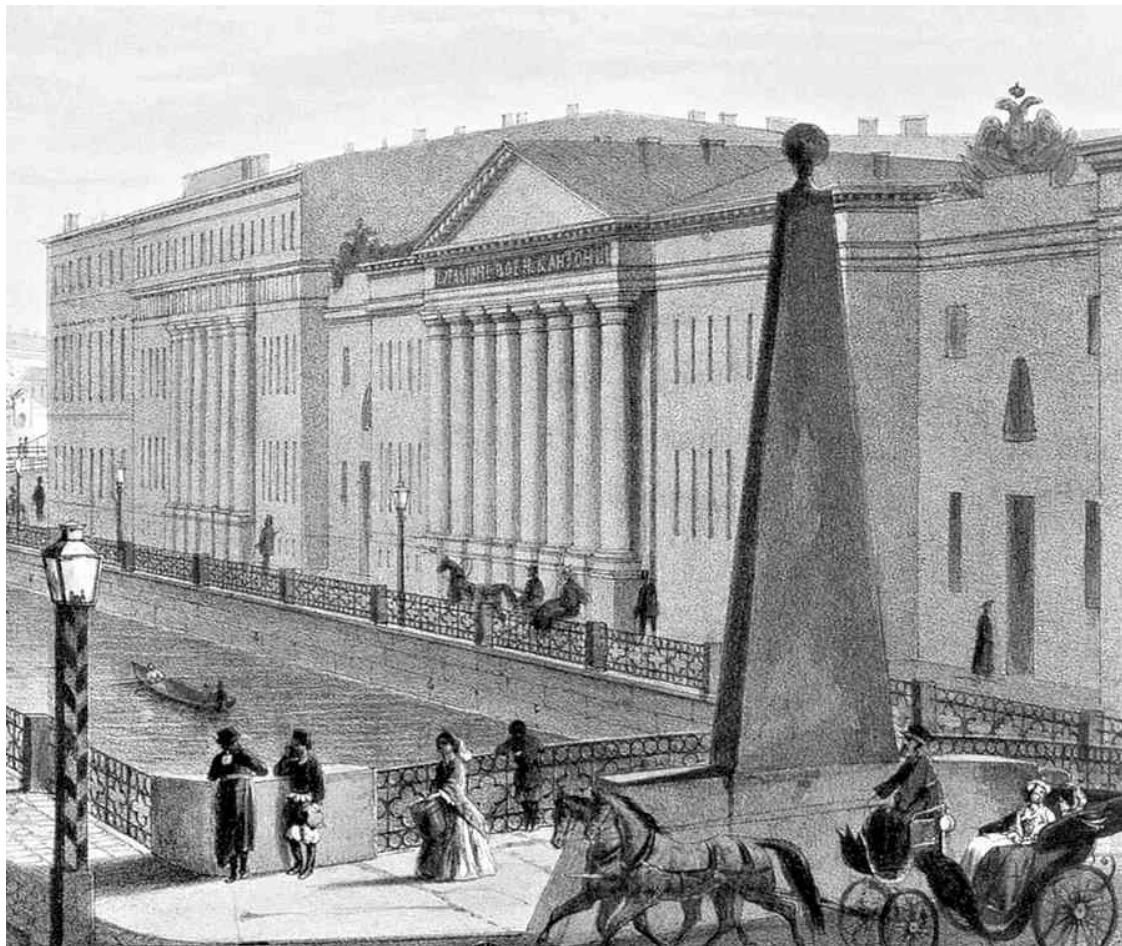
Принц Нассау-Зиген

Однако недолго суждено было «павам» разгуливать по саду: года через три усадьба перешла к вице-адмиралу российского флота принцу Нассау-Зигену. Жизнь этого авантюриста – полунемца, полуфранцуза – полна романтических приключений, дуэлей и прочих живописных подробностей. Впрочем, вряд ли стоит на них останавливаться: чтобы ознакомиться с ними, достаточно прочесть любой роман, посвященный «рыцарям плаща и шпаги».

В 1786 году принц приехал в Россию, сумел понравиться Потемкину, а во время вспыхнувшей вскоре войны с турками и шведами получил под свое командование гребную флотилию, с которой одержал несколько впечатляющих побед. За это Екатерина осыпала его милостями, наградив орденом Святого Георгия 2-й степени и пожаловав 3 тысячи душ. За этим последовали крупные денежные награды, так что у принца были средства на обзаведение домом в Петербурге. Правда, владел он им недолго, уехав в 1791 году за границу, где благополучно спустил нажитое в России состояние, растратив все, что имел, на многочисленных эмигрантов, бежавших из революционной Франции.

А дом на Мойке, очевидно, в память З. Г. Чернышева, при котором там проходили заседания Военной коллегии, по приказу государыни был куплен под это учреждение. При этом не обошлось без скандала: нашелся желающий получить приобретенный Екатериной дом задаром. Им оказался покровительствуемый Зубовым дипломат граф А. И. Морков. По словам

близко его знавшего Грибовского, несмотря на свое богатство, граф «вел жизнь скромную и скупую, никого к себе не принимал и никому ни обедов, ни ужинов не давал, через что скопил много денег и бриллиантов». Возмущенная столь явной жадностью и корыстолюбием, Екатерина, невзирая на вмешательство фаворита, «отказала с гневом» в этой просьбе.

Ш.-К. Башелье (по оригиналу И. И. Шарлеманя и Дюрюи). Набережная Мойки. Фрагмент. 1850-е гг.

В 1792–1794 годах дом переделали для новых нужд, превратив из барского особняка с прихотливым барочным декором в сухую казенную постройку с неизбежным колонным портиком и треугольным фронтоном. Таким мы видим его на литографии 1840-х годов, когда там уже размещались батальон военных кантонистов и Аудиторская школа. Первый, образованный в 1826 году, готовил сыновей к армейской службе, преимущественно нижних чинов, а вторая, появившаяся позднее, в 1832-м, – чиновников для воен-но-юридического ведомства.

Батальон военных кантонистов в 1856 году упразднили, Аудиторскую школу в 1867-м преобразовали в Военно-юридическую академию; там же поместили и Военно-окружной суд. В наши дни здесь находится военный университет. Сад, где некогда сжигали потешные огни и разгуливали павлины, давно исчез, превратившись в учебный плац, и только дворовый фасад своими необычными очертаниями напоминает о старинном шуваловском дворце.

Безумных лет угасшее веселье (Дом № 108 по набережной Мойки)

Тем, кто любит отыскивать под многолетними наслоениями остатки старины, советую наведаться на бывшую Офицерскую (ныне улица Декабристов), туда, где между домами № 37 и 39 расположен стадион Академии физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Сам по себе он ничего особенного не представляет: за невысокой металлической оградой вы увидите несколько тощих тополей да кое-какие спортивные сооружения.

Однако, проникнув внутрь (что нетрудно сделать через проходной подъезд соседнего дома) и пройдя в глубь участка, вы наткнетесь на здание с тремя ризалитами; правый из них как бы «сросся» с позднейшими пристройками, а фасад загорожен домом № 108 по набережной Мойки.

В результате скрылся из виду главный корпус, ставший теперь дворовым, бывшего Демидовского дома призрения, от которого пошло название знаменитого в прошлом городского сада, привлекавшего некогда толпы «веселящихся петербуржцев». Впрочем, сад, как и усадьба в целом, появились здесь задолго до открытия в 1833 году богоугодного заведения.

Еще в первой трети XVIII века на левом берегу Мойки против Новой Голландии привольно раскинулись владения петровских сподвижников – графа П. И. Ягужинского, адмирала И. А. Сеньявина, генерала И. М. Головина и барона П. П. Шафирова. Впоследствии участки неоднократно дробились, так что уже к середине столетия вместо четырех их стало девять.

Один из фрагментов аксонометрического плана Петербурга 1760–1770-х годов запечатлел отрезок набережной Мойки между нынешним Английским проспектом и Крюковым каналом; интересующий нас участок, как и в настоящее время, простирался до Офицерской улицы.

П. И. Панин

В ту пору он принадлежал герою Семилетней войны генералу П. И. Панину, будущему усмирителю пугачевского бунта. В 1772 году Петр Иванович, уже несколько лет как поселившийся в Москве, продал петербургскую усадьбу князю М. М. Щербатову, автору многотомной «Истории Российской с древнейших времен». Однако большей известностью пользуется другое его сочинение – «О повреждении нравов в России»; оно и сегодня читается с большим интересом.

К моменту приобретения князем участка в его глубине стояли каменные одноэтажные палаты в стиле, схожем с барокко, со множеством окон и фигурными фронтонами. На набережную выходили два низеньких флигеля, соединенных металлической решеткой с великолепными воротами.

Перед задним фасадом дома был разбит небольшой сад, скорее даже цветник; остальная же довольно обширная территория пустовала, если не считать двух прямоугольных водоемов и пруда с затейливым ограждением.

Здесь, вдали от шума городского и мирской суеты, Щербатов писал третий и четвертый тома своей «Истории» и разбирал архив кабинета Петра I, к которому получил доступ благодаря специальному указу Екатерины II. В это время он издал несколько книг, служащих и по сей день ценнейшим источником при изучении Петровской эпохи.

М. М. Щербатов

Бежать от светских развлечений и соблазнов вынуждали князя и соображения сугубо материальные: несмотря на крупное состояние, его отягощали долги родителей и тестя; да и собственное обильное потомство – девять детей – требовало немалых расходов. Благоразумнее было бы жить в деревне, но княжеская гордость противилась такому решению. Пришлось обращаться за помощью к императрице, и та помогла ему уплатить сорокатысячный долг...

С 1781 года в доме Щербатовых поселился английский посол Джеймс Гаррис, на пять лет арендовавший усадьбу «с регулярным садом, двумя оранжереями, парниками и плодовыми деревьями». Он прибыл в Петербург с целью заключения тесного союза с Россией, в чем Великобритания, оказавшаяся в период борьбы с восставшими Северо-Американскими колониями в политической изоляции, остро нуждалась.

По-видимому, Гаррис рассчитывал пробыть в Северной столице долго, поэтому в январе 1783 года приобрел участок Щербатова в собственность. Но ожидания его не оправдались: осторожная Екатерина не склонна была ввязываться в военные альянсы с сомнительными выгодами для России, предпочтя нейтралитет. Не помогла англичанину и дружба с Потемкиным, устроившим ему личную встречу с государыней. Та посоветовала примириться с неизбежностью и признать независимость Соединенных Штатов. Таким образом, миссия Гарриса закончилась полным провалом, и все интриги оказались тщетными. Оставалось вернуться на родину.

Однако быстро продать недвижимость в Петербурге, вдобавок на окраине, оказалось не так-то просто. Вот когдагодились Гаррису близкие отношения с Потемкиным: светлейший великодушно освободил дипломата от обременительной собственности, что позволило тому в скором времени и без помех отбыть восвояси.

Через несколько лет Григорий Александрович продал ненужный ему участок обер-штал-мейстеру Л. А. Нарышкину, который возвел, скорее всего, на прежнем фундаменте новый двухэтажный дом. Он-то после многих перестроек и дошел до наших дней.

Будучи человеком веселым и компанейским, Нарышкин пожелал видеть в своем саду многолюдные сборища; именно с этого момента начинается его история как места общественных увеселений.

Лев Александрович, вельможа богатый и родовитый, при всех своих недостатках – в их числе можно назвать склонность к шутовству и угодливость к власти имущим – обладал, по меньшей мере, одним несомненным достоинством – гостеприимством.

Хлебосольство прочно сидело у него в крови, и он чрезвычайно любил, когда к нему приезжали незваные гости.

Л. А. Нарышкин

Другой его страстью было наблюдение в праздничные дни за народными гуляньями, они нередко устраивались перед его домом на Исаакиевской площади. Ему нравилось находиться среди толпы, слушать, о чем судачит народ, и он почти ежедневно прогуливался по толкучему рынку, покупая всякую всячину на выделяемый супругой специально для этой цели рубль.

Не удивительно, что Нарышкин охотно предоставил свой усадебный сад на Мойке для «воксала», как называли тогда увеселительные заведения на свежем воздухе. По средам и воскресеньям там устраивались танцевальные вечера и маскарады с платою по рублю с персоны, причем посетители могли являться в масках и без масок. В танцевальном павильоне играли два оркестра – роговой и бальный, а на открытой сцене шли пантомимы и сжигались потешные огни.

Вот одно из объявлений в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1793 год: «В среду, сего Июля 20 дня, будет в Нарышкином саду, что на Мойке, представление большого позорища (то есть зрелища. – А. И.), названного Путешествие капитана Кука, в пользу г. Мире... Если же погода воспрепятствует, то представление оное будет в пятницу, 22 числа. После которого числа воксалы будут только по воскресеньям, а в другие дни недели всякому дозволяется безденежно гулять в саду с утра до вечера, где можно будет получать во всякое время напитки и закуски...»

Последние слова особенно важны и говорят о том, что «Нарышкин сад» сделался первым общедоступным, вход в который не оговаривался никакими дополнительными условиями, как бывало прежде. Помимо разношерстной и всесословной публики, в сад заглядывали и высокопоставленные особы, включая императрицу.

В письме к барону Гримму от 13 мая 1796 года Екатерина писала: «Вчера я провела целый день у обер-шталмейстера Нарышкина. Я отправилась в 2 часа пополудни в карете, вместе с великими княжнами Александрой и Еленой; за мной ехали великие князья Александр и Константин со своими супругами. Ехали мы (из Таврического дворца на конец Мойки, где находится новый дом обер-шталмейстера, заменяющий ему весной Таврический дворец) почти целый час, так как это совсем на другом конце города. Мы нашли прекрасный дом, великолепный обед и прелестный сад, в котором изобилие цветов».

Со смертью Нарышкина в 1799 году все переменялось: его наследник Александр Львович вновь стал сдавать усадьбу внаем. До 1805 года в ней жил австрийский посол граф Стадион (!), в чем можно усмотреть пророческий намек на ее будущее предназначение, а затем она перешла к придворному банкиру барону А. А. Раллю. Новый владелец любил музыку и веселье не меньше прежнего, а потому возобновил в своем саду публичные развлечения.

Газета «Северная пчела» за 1827 год сообщала своим читателям: «Гулянье в саду Барона Ралля в минувшую субботу 13 августа было весьма многочисленно. В увеселениях не было недостатка: там были и хорошие хоры музыки, и Цыгане со своими песнями и плясками, и вольтижеры, и плясуны на канате, и весьма забавный карло, тешивший зрителей своими прыжками и кривляньями, и разные кукольные комедии и прочее. В 11-ом часу сожжен был фейерверк».

А. Н. Демидов

К моменту появления этой публикации дела барона обстояли далеко не весело, состояние было сильно расстроено, и в 1831 году участок на Мойке пошел с торгов. Его купил камер-юнкер А. Н. Демидов, наследник колоссального богатства, основавший здесь два года спустя «Дом трудолюбия», больше известный как Демидовский дом призрения, иными словами – рабочий дом. Архитектор Е. И. Диммерт перестроил усадебное здание для новых целей, и в саду на три десятка лет воцарилась тишина...

В пореформенное время жизнь в столице начала приобретать новые черты, оживилась предпринимательская деятельность, одно за другим стали появляться всякого рода увеселительные заведения. Весной 1864 года некто В. Н. Егарев арендовал у Демидовского дома призрения часть участка, выходившую на Офицерскую улицу, и открыл здесь «Русский семейный сад». Столичная печать встретила эту новость одобрительно.

К примеру, «Петербургский листок» откликнулся на нее следующей заметкой: «Наконец и коломенские недостаточные жители будут иметь хоть какое-нибудь развлечение. Содержатель Екатерингофского вокзала Егарев открывает с 28 мая ежедневные гулянья в саду дома № 35 в Офицерской улице. Посетитель найдет здесь музыку, русских и тирольских песенников, акробатов, марионеточный театр, карусели. До 7 часов вечера вход для всех бесплатный».

В течение первых лет сад вполне оправдывал свое наименование: там обслуживали за невысокую плату главным образом семейную публику средней руки, развлекая ее концертами духового оркестра и разнообразными дивертисментами. Однако, начиная с 1870-х годов,

характер зрелищ резко изменился; все чаще стали появляться привезенные Егаревым из-за границы имитаторы, фокусники, конькобежцы на искусственном катке, целые акробатические ансамбли. Настоящим же гвоздем программы были исполнительницы не очень пристойных песенок и танцорки-канканерши.

«Эти «звездочки», – вспоминал один из современников, – приманили публику особого рода, что быстро изменило облик «Русского семейного сада». Завсегдатаи съезжались к 10 часам вечера, к третьему отделению, сад приобрел совсем другой характер и хотя сохранил прежнее наименование, однако стал более известен под названием «Демидова сада» или «Демидрона».

В начале 1880-х годов Егарев, чьи дела постепенно пришли в упадок, отказался от дальнейшей аренды сада. Были объявлены торги, и сад сняла В. А. Линская-Неметти. Начав карьеру опереточной артисткой, она позднее предпочла занятие антрепренерши, проявив в этом деле недюжинное дарование.

Театр на Офицерской улице, 39 (не сохранился). Фото 1910-х гг.

В саду был сломан старый деревянный театр, напоминавший телячий загон, и выстроены новые – летний и зимний – театры. На открытой сцене выступали песенники, рассказчики, представители разных эстрадных жанров; в зимнем театре, выходившем фасадом на Офицерскую, давались опереточные и драматические спектакли.

В 1903 году В. Ф. Комиссаржевская, подыскивавшая новое помещение для своей труппы, начала переговоры об аренде каменного театра на Офицерской. 10 ноября 1906 года представления открылись пьесой «Гедда Габлер» Ибсена в постановке Мейерхольда.

Поэт Мандельштам писал о новом театре: «Деревянный амфитеатр, белые стены, серые сукна – чисто, как на яхте, и голо, как в лютеранской кирке». 30 декабря того же года здесь состоялась премьера «Балаганчика» Блока, который посвятил ее Мейерхольду.

Следующий сезон ознаменовался открытием первого в России символистского театра; впервые пьесы Метерлинка и русских символистов были показаны на сцене в свойственной им условной манере.

После смерти В. Ф. Комиссаржевской в 1910 году руководителем театра на короткое время стал Леонид Андреев, а затем, вплоть до революции, здесь выступала труппа К. Н. Незлобина, ставившая как пьесы Горького, так и Арцыбашева. Ей же принадлежит заслуга первой постановки «Фауста» на русской сцене. 2 и 4 декабря 1913 года в театре на

Офицерской состоялись футуристические представления: шла трагедия «Владимир Маяковский» с автором в главной роли.

Дом № 39 по Офицерской улице. Луна-парк. Фото 1910-х гг.

Рецензент светского журнала «Столица и усадьба», посетивший театр Незлобина, поделился своими впечатлениями с читателями: «Сюда идут на пьесы «идейных» писателей, «своих писателей» и заранее предвкушают удовольствие посмотреть, как автор будет отделять сидящих в партере буржуев. Эта мрачная улыбка – одно выражение здешнего лица. Другое – полузабытые декаденты и входящие в скандальную моду футуристы с нарумяненными лицами и диким взором, да футуристские «бэбэ» (то же, что «беби» – А. И.) лет под тридцать, в коротких, по колено, хитонах и ассирийских локонах, распущенных по плечам. Они сонно глядят на сцену в самых драматических местах, а потом вдруг неистово принимают рукоплескать какому-нибудь «кубическому» жесту...»

Летом 1912 года оборотистый делец Ялышев открыл в Демидовом саду новое увеселительное заведение – Луна-парк. Появившись первоначально в Америке, луна-парки перекочевали затем в Европу, завоевав широкую популярность обилием в основном механических аттракционов.

Петербургский Луна-парк обещал своим посетителям и «путешествие по горным дорогам», и исполинское «чертово колесо», и «пьяную лестницу», и настоящую сомалийскую деревню с живыми обитателями, и многое другое.

В ряду предлагаемых соблазнов почетное место занимал обширный ресторан в вычурном псевдоампирном стиле. Трудно поверить, что все это могло уместиться на довольно ограниченной территории «сада», где деревьев было меньше всего. Луна-парк пользовался большим успехом. Кроме перечисленных удовольствий, здесь устраивались также очень популярные конкурсы шляп.

После Октябрьской революции произошла последняя и окончательная метаморфоза: бывший Луна-парк превратился в стадион. Смолкнул веселья глас. Демидов сад, он же Нарышкин, навсегда отошел в область воспоминаний...

Адмиральский особняк (Дом № 14/6 по Театральной площади)

Редко на каком изображении Театральной площади первой половины XIX века не показан отрезок нынешней улицы Глинки в сторону Никольского собора. Уж очень живописны были его золотые купола на фоне бледного петербургского неба и мощный восьмиколонный портик Большого театра! Со временем величественный театр перестроили в невыразительное здание консерватории, вид на собор со стороны площади загородили неудачно поставленным памятником М. И. Глинке – и прежнее очарование пропало. Правда, в 1925 году статую композитора переставили на более подходящее место, но прочие изменения – прежде всего, переделанные фасады изрядно подросших домов – внесли в слаженный аккорд новое, не совсем гармоничное звучание.

Дом № 14/6 по Театральной площади. Современное фото

Вырос и дом, о котором пойдет наш рассказ, на левом углу бывшей Никольской улицы и Театральной площади. После войны его тоже надстроили четвертым этажом, и хотя сделали тактично и умело, он как-то сразу лишился былой особняковой уютиности, обязательно предполагающей небольшие размеры, и приобрел несвойственные ему черты обычного многоквартирного жилища. Целое столетие, до самой Октябрьской революции, здесь находилось родовое гнездо графов Мордвиновых, но началась история дома несколькими десятками лет раньше...

Неизвестный художник. Театральная площадь. Фрагмент. 1820-е гг. Второй слева – особняк Н. С. Мордвинова

В июле 1786 года обер-интендант флота И. П. Балле подал прошение о выделении земельного участка на территории бывшего Морского полкового двора. Спустя год ему отвели обширное место напротив бокового фасада Большого театра. Он разделил его на четыре части, после чего, продав и раздарив три из них, оставил за собой лишь угловую, на которой начал возводить трехэтажный особняк без особых наружных украшений. В июле 1788 года дом был уже вчерне готов, и хозяин, чтобы частично покрыть расходы на строительство, заложил его в банке.

Ко времени обзаведения собственным жильем Иван Петрович успел прослужить более четверти века. Начав еще при Елизавете молоденьким мичманом, он рано проявил административные способности, сначала командуя Астраханским портом, затем – в должности экипажмейстера в Петербурге и, наконец, обер-интендантом флота. Но помимо чисто управленческих занятий, Балле, или Баллею, как его чаще именовали, пришлось побывать и в боях. В качестве начальника вспомогательной эскадры во время войны со шведами он принял участие в 1789 году в Роченсальмском сражении, геройски выдержав восьмичасовой натиск неприятеля, за что удостоился ордена Святой Анны 1-й степени.

И Екатерина II, и Павел высоко ценили И. П. Балле как знающего и надежного офицера; император назначил его генерал-интендантом, а позднее произвел в адмиралы. При Александре I Иван Петрович занимал пост главного директора Училища корабельной архитектуры, расположенного на Никольской площади, неподалеку от его дома, а с 1805 года и до самой смерти, последовавшей шесть лет спустя, заседал в Сенате.

Наследники покойного адмирала в ноябре 1812 года продали дом пятерым (!) «дочерям-девицам Виленского купца Слуцкого», прикупившим также смежный участок по Никольской улице. Зачем понадобилось им всем выводком покидать родной Вильно (ныне Вильнюс) и селиться в Петербурге – Бог весть. Возможно, девицы Слуцкие были страстными поклонницами Мельпомены и в провинциальной тиши тогдашнего губернского города мечтали о близком соседстве с театром. В таком случае место они выбрали удачно. Правда, театральное здание

почти год как стояло выгоревшим после страшного пожара, и представлений в нем не давали, но вид из окон открывался красивый.

Вскоре, впрочем, оказалось, что практичные сестры пеклись вовсе не о своих зрительных впечатлениях. Подновив и отремонтировав слегка запущенный особняк, они поспешили напечатать в «Санкт-Петербургских ведомостях» такое объявление: «Вновь переправленный каменный 3-этажный дом 2 Адмиралтейской части 4 квартала под № 217, угловой с Театральной площади к Никольскому собору, отдается в наем с весьма довольным количеством служб, весь или поэтажно».

Н. С. Мордвинов

В 1816 году здесь поселился адмирал Н. С. Мордвинов (1754–1845) со своим многочисленным семейством, а через два года он приобрел полюбившееся ему жилище в собственность. Рассказывать о такой крупной и незаурядной личности, как Мордвинов, легко и одновременно трудно. Внешняя канва его жизни достаточно известна: первый морской министр в начальный период царствования Александра I, затем член Государственного совета и участник суда над декабристами, прочившими его в свое правительство, единственный не подписавший постановления о смертной казни для пятерых из них, долговременный президент Вольного экономического общества...

За этими постами и званиями лишь смутно угадываются человеческие качества, и, не считая поступка в деле с декабристами, мало что говорит о масштабах Мордвинова как государственного деятеля. Его называли русским Катоном, Аристидом, восхваляли неподкупную честность, твердость убеждений, отсутствие мелкого честолюбия, прямоту – и это доказывает лишь то, что с античных времен подобные достоинства редки в людях вообще, а в государ-

ственных – и подавно. Слишком часто приходится им лавировать и поступаться совестью в стремлении сохранить высокий пост, привилегии, близость к избранному кругу. Пожалуй, больше всего Мордвинов впечатляет именно своей всегдашней готовностью расстаться скорее с должностью, чем с чувством самоуважения.

Еще будучи капитаном первого ранга, в 1780-х, он получил под начало Адмиралтейское правление в Херсоне, то есть практически управлял новосозданным Черноморским флотом, но не замедлил оставить это место, разойдясь во взглядах со всемогущим Потемкиным. Лишь в 1792 году, уже после смерти князя, Николай Семенович вновь поступил на службу и в том же году был произведен в вице-адмиралы и пожалован орденом Святого Александра Невского. Екатерина II сумела оценить деловые качества Мордвинова, а кроме того – редкое умение сжато и точно выражать свои мысли на бумаге, говоря, что его донесения «писаны золотым пером».

Став императором, Павел, знавший и любивший Мордвинова с детства – они были сверстниками и вместе воспитывались, – произвел его в полные адмиралы, но по доносу небезызвестного де Рибаса уже в январе 1797 года вызвал в Петербург и посадил под домашний арест.

На другой день к арестованному явился генерал-прокурор князь Алексей Куракин и, проливая притворные слезы, стал уговаривать его попросить у государя прощения, в котором, мол, тот ему не откажет. Полученный им твердый ответ достоин древнегреческого стоика: «Никогда я этого не сделаю, потому что не признаю себя виновным; но знайте, князь, что если я даже буду сослан в Сибирь, и оттуда бойтесь меня!»

В тот раз ему удалось доказать свою правоту, но император все же отправил его в отставку, подарив, правда, тысячу душ. Мордвинов принял свое увольнение за знак милости, потому что Павел избавил его тем самым от дальнейших происков завистников и клеветников...

Недругов у него всегда хватало. Назначенный в 1802 году министром морских сил, он сумел удержаться на этом посту всего три месяца, после чего вынужден был уйти. При этом Николай Семенович имел случай убедиться, как быстро вчерашние друзья превращаются во врагов.

Его место занял П. В. Чичагов, с ним у него имелось много общего: сходство привычек, явная слабость к английским порядкам (оба учились в Англии, плавали на британских судах, женились на англичанках), наконец, оба были сыновьями известных адмиралов; однако это не помешало Чичагову, пользуясь близостью к царю, постараться «спихнуть» начальника, чтобы самому получить министерский пост. Заметив все возрастающее влияние своего товарища (то есть заместителя) на государя, Николай Семенович, не задумываясь, попросил об увольнении.

Примечателен отзыв о Н. С. Мордвинове ярого ретрограда Ф. Ф. Вигеля, проливающий одновременно свет и на возможные причины его отставки: «Политический сей мечтатель, с превыспренними идеями, с ложными понятиями о России и ее пользах, должен был естественным образом сойтись с молодыми законодателями... Но не более трех месяцев пробыл он морским министром. Он вообразил себе, что у нас подлинно парламент; мнения, им подаваемые, были столь смелы, что... показались даже мятежными, и он должен был оставить место своему товарищу Чичагову».

Вторичное призвание Н. С. Мордвинова во власть состоялось в 1810 году, когда его поставили во главе Департамента экономии вновь образованного Государственного совета. Он стал автором многих экономических и финансовых проектов, в том числе о подоходном налоге. По свидетельству Н. И. Тургенева, хорошо знакомого с этой стороной его деятельности, Мордвинов «с глубокими познаниями в области экономической науки соединял сильный дар слова и замечательный талант при изложении мыслей».

Мнения адмирала, высказываемые им в Государственном совете, расходились затем в копиях по рукам, принося их автору заслуженную известность и популярность. Ему же принадлежат золотые слова, которые, правда, при тогдашнем общественном устройстве никоим образом не могли воплотиться в жизнь: «Дайте свободу мысли, рукам, всем душевным и телесным качествам человека; предоставьте всякому быть, чем его Бог сотворил, и не отнимайте, что кому природа даровала».

Справедливости ради стоит отметить, что вольнолюбивые порывы в Мордвинове удивительным образом уживались с крепостническими взглядами; он был сторонником лишь постепенного освобождения крестьян, притом без земли и за выкуп, то есть либерализм его можно назвать крайне умеренным. Добрый адмирал мечтал о какой-то аристократической монархии, с могущественной верхней палатой по образцу британской палаты лордов, наделенной широкими политическими правами...

Купив дом, семейство Мордвиновых отправилось за границу, сдав верхний этаж в аренду американскому посланнику; бельэтаж занимала сестра Николая Семеновича, А. С. Корсакова, со своими домочадцами. На родину Мордвиновы вернулись лишь два года спустя, в 1820-м, и двери их жилища гостеприимно распахнулись для знакомых и незнакомых офицеров, участвовавших в полковых смотрах, которые несколько лет сряду происходили на Театральной площади.

7 ноября 1824 года обитателям дома пришлось испытать на себе грозную силу стихии. Вот как описывает это в своих воспоминаниях дочь Н. С. Мордвинова, Надежда Николаевна: «В 9 часов утра вода начала уже выходить из труб и канав. На нижней площадке нашей лестницы показалась сырость, а когда площадь стала покрываться водою, то на нее нагнало дров, которые, приплыв к нашему дому, ударились в окна и разбили стекла; тогда вода хлынула, и все комнаты нижнего этажа наполнились водою, поднявшеюся до двух аршин высоты. В это время у нас гостил дядюшка Коблей (брат матери рассказчицы. – А. И.) и находился в нижнем этаже; только что он успел перебраться наверх, как вода наполнила его комнаты. Один флигель-адъютант проехал на лодке по площади. В два часа вода постепенно стала сбывать, и с какою радостью мы слышали в 8 часов вечера стук экипажей и топот лошадей!»

Ф. Алексеев (?). 7 ноября 1824 года на площади у Большого театра. 1824 г.

Это описание красочно дополняет картина, предположительно кисти Ф. Я. Алексеева, изображающая наводнение на площади у Большого театра, на которой прекрасно виден и дом Мордвиновых с полузатопленными окнами первого этажа.

Николай Семенович был любителем и знатоком живописи. В молодости, в период пребывания в Ливорно, ему удалось собрать великолепную коллекцию произведений знаменитых художников, ее он доставил на корабле в Россию. Впоследствии часть ее продали, часть сгорела в 1812 году во время московского пожара. Переехав в Петербург, Мордвинов снова стал собирать картины, причем ему посчастливилось приобрести несколько ранее проданных ценных полотен, ныне украшающих залы Эрмитажа.

Любовь к живописи он передал своему единственному сыну Александру (1800–1858), ставшему недурным художником-дилетантом. Вероятно, он смог бы достичь и больших успехов, если бы имел в юности хорошего учителя. Но отец, хотя и призывал «предоставить всякому быть, чем его Бог сотворил», по человеческой слабости желал видеть сына не живописцем, а государственным мужем. «Как жаль, – говорил он со вздохом, – что этот талант не дан бедному мальчику: он был бы русским Рафаэлем». В результате А. Н. Мордвинов не стал ни тем ни другим, хотя несколько его итальянских видов хранятся в собрании Русского музея.

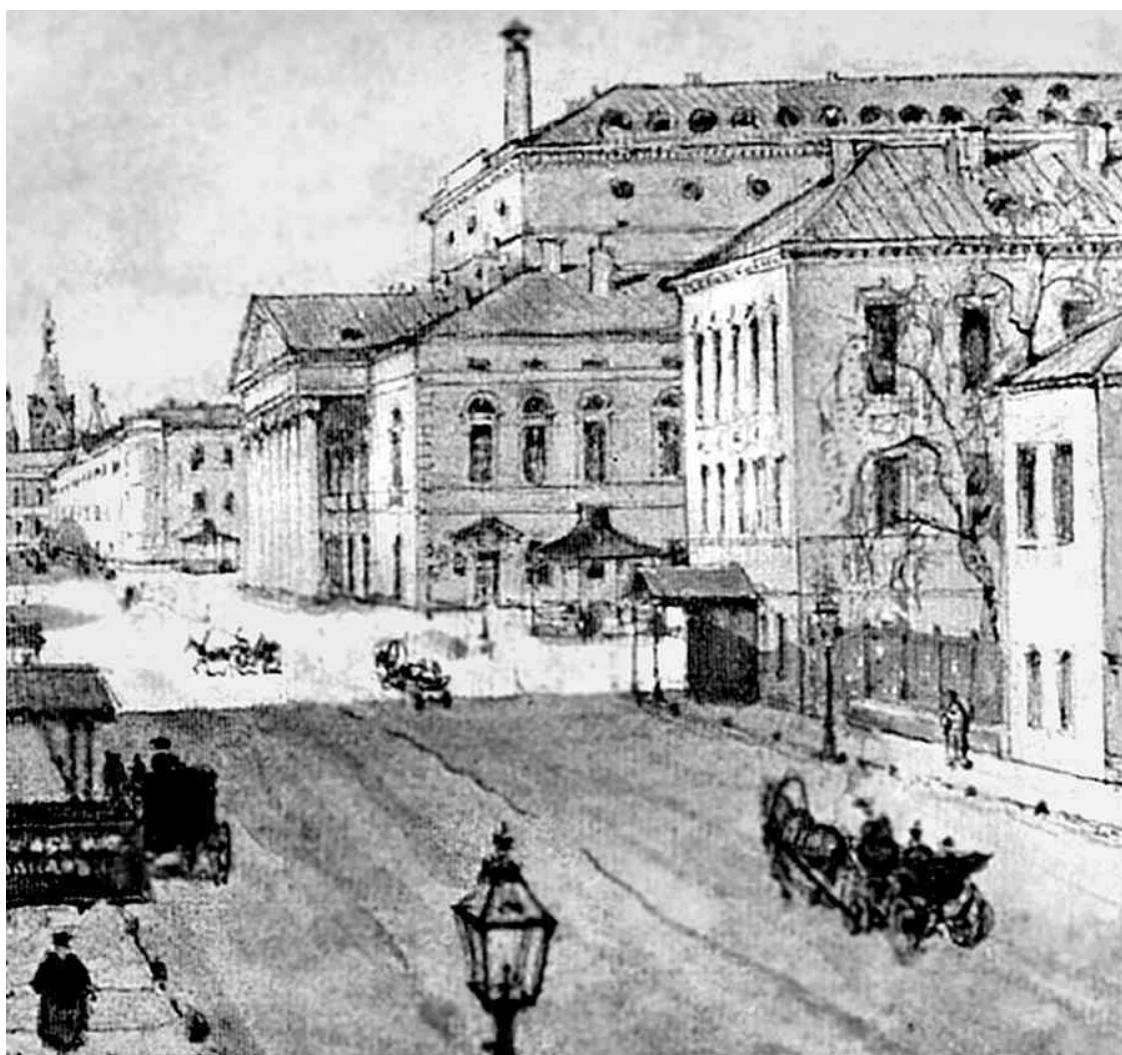
Адмирал был счастлив в своих детях; помимо сына, он имел трех дочерей, не обделенных ни нравственными, ни физическими достоинствами. Старшая, Надежда, оставшаяся незамужней, написала об отце восторженно-хвалебные, почти житийные воспоминания; средняя, Вера, вышла замуж за Аркадия Алексеевича Столыпина, двоюродного деда М. Ю. Лермонтова, и родила ему семерых детей. Рано лишившись родителей, они жили в доме своего деда Мордвинова, принимавшего в них самое горячее участие.

Один из братьев Столыпиных, красавец Алексей, очень дружил с поэтом, тот и наградил его прозвищем «Монго», взятым из французского романа. Младшая дочь Николая Семено-

вича, Наталья, стала юношеской любовью Н. Н. Муравьева, прославившегося в будущем как выдающийся военачальник, наместник на Кавказе, получивший к своей фамилии почетную приставку «Карский». Все дети обожали отца, бывшего для них непререкаемым авторитетом.

Н. С. Мордвинов скончался в глубокой старости, увенчанный графским титулом и всевозможными наградами. Но главной наградой всей его жизни стала добрая память современников и потомков, какой удостаивались немногие сановники.

После преждевременной смерти А. Н. Мордвинова дом перешел к его сыну, тоже Александру, избранному позднее губернским предводителем дворянства и имевшему придворное звание егермейстера. Граф также скончался еще не старым человеком в 1892 году. Его сын и наследник, опять же Александр, стал последним владельцем дома из рода графов Мордвиновых.

А. Бенуа. Никольская улица

В 1895 году он перестроил дедовский особняк по проекту архитектора Ф. Б. Нагеля в весьма сдержанном эклектическом стиле, но, поскольку размеры дома не изменились, он сохранил прежний силуэт. Со стороны Никольской улицы к нему примыкал небольшой садик, который упоминает в своих воспоминаниях Александр Николаевич Бенуа, живший, как известно, неподалеку: «Ближе к нам, справа, на самом углу площади и улицы, стоял милейший особняк XVIII века графов Мордвиновых, в саду которого за решеткой иногда содержались медвежата».

Другой из братьев Бенуа, Альбер, на одной из своих акварелей изобразил уходящую вдаль перспективу Никольской улицы, но уже в направлении Мойки. Еще цел доживающий последние годы Большой театр, а рядом – мордвиновский особняк в его первозданном виде. Редкие извозчичьи пролетки, козырьки над парадными, старинные узорчатые фонари, купола ныне несуществующей Благовещенской церкви... Как многое изменилось с тех пор!

В излучине Екатерининского канала (Дом № 101 по каналу Грибоедова)

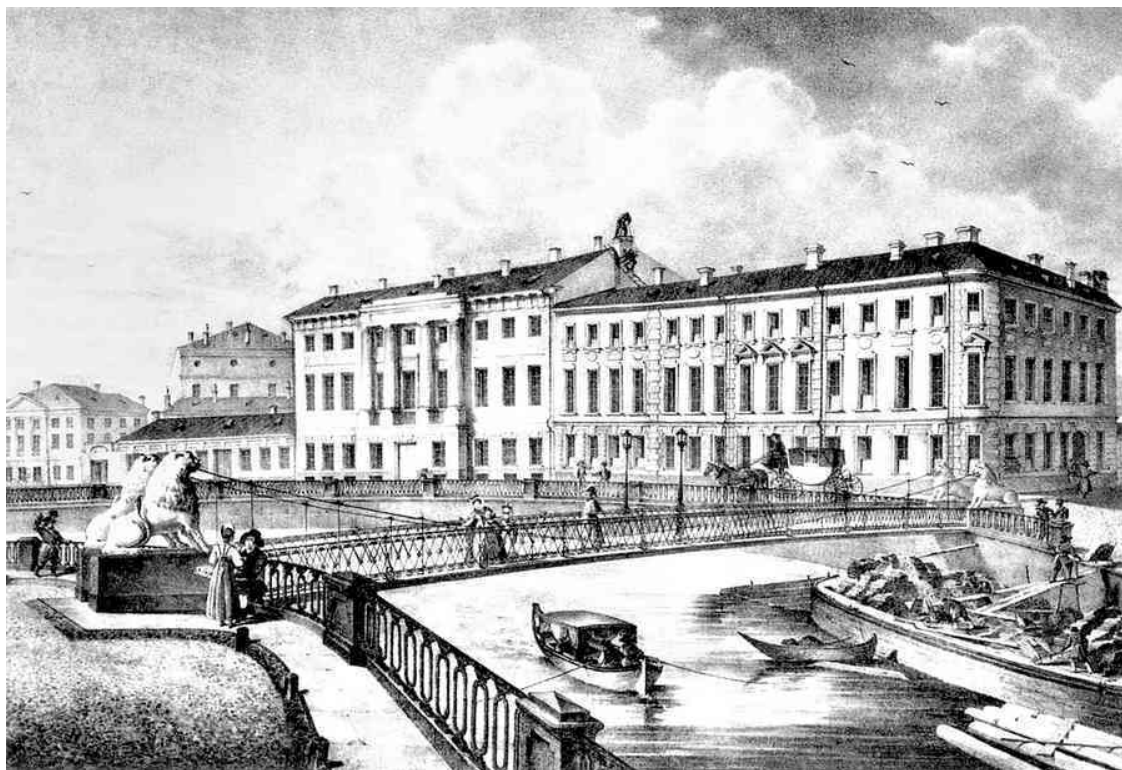

Искать и находить в сегодняшнем Петербурге черты старого, казалось бы, безвозвратно ушедшего города – занятие увлекательное и поучительное. Помимо радости узнавания, оно дает ощущение тесной связи прошлого с настоящим, неразрывности исторического бытия.

Дом № 101 по каналу Грибоедова. Современное фото

К примеру, когда разглядываешь старинную литографию К. П. Бегрова с изображением только что сооруженного Львиного мостика на Екатерининском канале и сравниваешь ее с современной фотографией, то ясно видишь, что мы живем в одном пространстве с нашими далекими предками в двууголках, цилиндрах, киверах, в изящных полусапожках с кисточками или в лаптях и в смазных сапогах, спешащими по делам или неторопливо прогуливающимися.

К. Бегров. Вид цепного моста, построенного в 1826 году на Екатерининском канале между Вознесенским и Харламовым мостами. 1820-е гг.

Подобно им, мы проходим мимо домов, плавно огибающих излучину канала, который выглядит почти так же, как много лет назад, когда была выполнена литография. Правда, его ближайшее окружение изрядно изменилось: на месте длинного трехэтажного здания с правой стороны (с 1804-го по 1837 год там находился Мариинский институт для девочек-сирот, а потом полицейская часть) еще недавно была детская площадка, ныне же – новый дом; маленькая одноэтажная постройка выросла на один этаж и превратилась в сооружение в стиле раннего Возрождения, где до Февральской революции размещался полицейский архив.

На заднем плане по-прежнему возвышается боковой фасад Большого театра, переделанного в конце XIX века в скучное здание консерватории. Стоящий крайним слева бывший особняк архитектора Е. Т. Соколова (канал Грибоедова, 105), расширенный за счет сноса некогда существовавших ворот, как-то неуклюже расползся, утратив былое очарование. И только герой нашего повествования – дом № 101 с четырехколонным портиком и широким лепным поясом – в значительной мере сохранил первоначальный облик.

Появился он здесь, как и его соседи, в восьмидесятые годы XVIII столетия. 1 февраля 1787 года вице-полковник лейб-гвардии Гренадерского полка С. Ф. Уваров купил «порозжее» место на берегу только что одетого в гранит Екатерининского канала, а весной приступил к постройке довольно большого по тем временам дома в классическом стиле. Незадолго до этого в семье Семена Федоровича родился первенец Сережа, будущий министр просвещения и граф, идеолог николаевского «патриархального деспотизма», покоившегося на трех китах: православии, самодержавии и народности.

О его родителе известный мемуарист Ф. Ф. Вигель рассказывает следующее: «У князя Потемкина был один любимец, добрый, честный, храбрый, веселый Семен Федорович Уваров. Благодаря его покровительству сей бедный родовой дворянин был флигель-адъютантом Екатерины и под именем вице-полковника начальствовал лейб-гренадерским полком, коего сама она называлась полковником. Он мастер был играть на бандуре и с нею в руках плясать

вприсядку. Оттого-то без всякого обидного умысла Потемкин, а за ним и другие прозвали его Сеней-бандуристом».

Позднее светлейший разочаровался в своем любимце, коего собственноручно вывел в люди: достигнув флигель-адъютантского звания и перестав бояться Потемкина, тот распустил некогда образцовый полк, от которого, по отзыву князя, «осталась одна наружность, и только хорошо поют гренадеры». К тому же, обладая музыкальными талантами, Уваров-старший был начисто лишен деловых качеств и, легкомысленно ввязавшись в неподъемное для него строительство, влез в неоплатные долги. В сентябре 1788 года он неожиданно скончался, едва успев закончить дом вчерне.

Вдова покойного, Дарья Ивановна, оставшаяся с двумя малыми детьми на руках, бросилась к тогдашнему фавориту Мамонову, умоляя его ходатайствовать перед государыней об уплате долгов, достигших внушительной цифры в 70 тысяч рублей, но добилась лишь незначительного пособия в 5 тысяч, пожалованных ей императрицей «на бедность».

С домом надо было расставаться. Начались долгие и безуспешные поиски покупателя; к счастью для вдовы, казне понадобилось помещение под Медицинскую коллегию, и 18 июля 1789 года главный директор оной, барон Иван Федорович Фитингоф, распорядился приобрести дом Уваровой для этой цели.

Назначение барона главой российского, говоря современным языком, здравоохранения выглядело довольно странным. Дело в том, что шестидесятивосьмилетний Фитингоф, начав свою длинную карьеру еще при Анне Иоанновне в должности адъютанта фельдмаршала Ласси, участвовал во многих походах и сражениях, а лет за тридцать до своего назначения перешел на гражданскую службу и с тех пор в качестве советника губернского правления в Лифляндии занимался чем угодно – винокурением, земледелием, скотоводством, – но только не медициной.

Вдобавок Иван Федорович обладал истинно тевтонским упрямством, не слушал ничьих советов и управлял вверенным ему ведомством исходя лишь из внутреннего убеждения. Разумеется, нашлись недобросовестные люди, вкравшиеся к нему в доверие и вертевшие стариком, как им заблагорассудится. Отвлекало барона от дел и возведение собственного дома на Гороховой (ныне дом № 2, где позднее помещалось градоначальство, а после него – грозная ЧК), которым он занимался в ту пору.

Тем не менее его пятилетнее пребывание на посту главного директора коллегии дало некоторые положительные результаты: любитель всяческих построек, Фитингоф позаботился о сооружении на Аптекарском острове двух корпусов Медико-хирургического училища «для наставления юных докторов и лекарей». Однако ему не привелось дожить до открытия своего детища...

В 1797 году император Павел «повелеть соизволил» отдать дом на Екатерининском канале вновь возобновляемой Коммерц-коллегии, ведавшей внутренней и внешней торговлей, торговыми коммуникациями и таможенными делами. Через пять лет, в связи с упразднением коллегии, Александр I именным указом от 15 января 1802 года распорядился передать занимаемое ею здание Департаменту водяных коммуникаций. Впрочем, это никак не отразилось на облике дома: вместо одних приказных пришли другие – вот и все. Так же монотонно скрипели гусиные перья и текла размеренная чиновничья служба...

Она оказалась нарушенной в 1823 году, когда сюда перевели Форстмейстерское (по-русски – Лесное) училище. История его вкратце такова.

В 1800 году для обучения молодых людей лесоводству при Морском кадетском корпусе был учрежден форстмейстерский класс, где лес, однако, рассматривался только как материал для постройки кораблей. Ограниченное число учеников делало этот класс почти бесполезным, поэтому через несколько лет его прикрыли, а взамен учредили два лесных училища: одно в Царском Селе, другое в городе Козельске.

В 1813-м их объединили, перевели в Петербург и поместили в доме, устроенном на месте бывшей английской фермы за Выборгской заставой. Там это объединенное Форстмейстерское училище влачило жалкое существование, пока на него не обратил внимания министр финансов граф Е. Ф. Канкрин. Он добился отпуска нужных средств, и вместо прежнего ветхого строения приступили к возведению четырех больших каменных домов и нескольких деревянных флигелей, а кроме того – к осушению окрестного леса, превращенного в парк.

Форстмейстерский институт, как стало называться бывшее училище, находился в здании на Екатерининском канале до 1830 года, после чего, переименованный в Лесной, переехал в новые помещения на Выборгской стороне. Его место заняло Училище торгового мореплавания, учрежденное годом раньше по проекту того же Канкрина. Оно тоже имело многолетнюю историю.

Е. Ф. Канкрин

В 1781 году при петербургской городской верфи в специально построенном каменном доме открылось Водоходное училище (участок бывшей Третьей гимназии в Соляном переулке, 12/1), где несколько десятков юношей, желавших стать штурманами купеческих кораблей, пользовались «наставлением в морской теории касательно употребления морских карт, компаса и в прочих... знаниях». К ним относились иностранные языки, география, математика, навигация и прочие науки, которые могли пригодиться будущим морякам.

Позднее училище стало называться Школой мореплавания и кораблестроения; курс его наук претерпел изменения и первоначальная цель обучения также. Чтобы возродить это нуж-

ное и полезное заведение, и было основано Училище торгового мореплавания, готовившее штурманов и шкиперов, а кроме того, строителей судов для торгового флота. Оно просуществовало недолго – до середины 1840-х годов: после смерти графа Канкрин некому стало отстаивать его перед государем; училище было расформировано, а дом на Екатерининском канале отошел к Департаменту корабельных лесов.

В ту пору его возглавлял знаменитый мореплаватель, исследователь Арктики барон Ф. П. Врангель (1796–1870), чье имя увековечено в названии острова в Северном Ледовитом океане. Одновременно он был директором Российской Северо-Американской компании, достигшей в годы его правления своего расцвета. Не менее энергично руководил Врангель и порученным ему департаментом, относившимся к морскому министерству.

Борясь со злоупотреблениями и рутинной, Фердинанд Петрович поначалу находил поддержку у морского министра князя А. С. Меншикова. Но постепенно отношения их становились все более натянутыми, наконец, в 1849 году барон вышел в отставку. А спустя несколько лет упразднили и сам департамент: наступала эпоха железных кораблей, и Россия убедилась в этом на горьком опыте Крымской войны...

Ф. П. Врангель

В 1856 году казенное здание у Львиного мостика, не изменившее своего классического стиля, снова перешло к частному лицу.

Им оказался отставной генерал-майор К. И. Альбрехт. Возможно, он бесследно канул бы в Лету, если бы его не спас для вечности художник Орест Кипренский превосходным портретом, хранящимся в Русском музее.

К. И. Альбрехт

Написанный лет за тридцать до того, он изображает Карла Ивановича сравнительно молодым мужчиной, сидящим в парке своего имения Котлы Ямбургского уезда Петербургской губернии. К моменту же приобретения дома это был уже почти семидесятилетний старик, которому оставалось жить всего три года. За это время он успел превратить бывшее присутственное место в барское жилище – благо средства позволяли.

Наследники Альбрехта продали дом купцу И. И. Алафузову: в долгой истории дома открылась очередная страница. Самое удивительное то, что новый владелец не стал перестраивать доставшееся ему старинное здание и «украшать» его гипсовыми кренделями и пухлыми амурами, как любили делать другие купцы. Он предпочел оставить все, как есть, что говорит о его хорошем вкусе.

Иван Иванович Алафузов относился к тем дельцам, которые встали на путь предпринимательской деятельности, когда он еще не был столь широким и торным, как в пореформенные годы. Свой первый кожевенный завод в городе Камышлове Пермской губернии он открыл еще в 1856 году. За ним последовали льнопрядильная и ткацкая фабрика в Казани, а позднее –

суконная в Уфимской губернии, так что после смерти старика Алафузова в 1891-м его наследники смогли создать акционерное общество с миллионным капиталом.

Контрольным пакетом владели вдова покойного, Лидия Андреевна, она же – председатель общества и владелица дома, и ее сыновья, Иван и Николай – директор-распорядитель. Правление находилось тут же, в особняке на Екатерининском канале, 101. На средства общества содержались школа на 200 человек, библиотека с читальней, музей, народный театр на 900 зрителей и больница для рабочих.

За высокое качество изделий компания не раз удостоивалась наград на российских и зарубежных выставках.

Весь алафузовский клан – мать-вдова и сыновья со своими семьями – мирно проживали в своем уютном гнезде у Львиного мостика, по соседству с одной стороны с полицейской частью (дом № 99), а с другой – полицейским архивом (дом № 103). 27 февраля 1917 года, когда в разных концах города запылали здания судов, тюрем и полицейских участков, дом Алафузовых оказался, в буквальном смысле, между двух огней, но, к счастью, вышел из этого горнила без особых повреждений.

На другой день утром изумленные прохожие увидели огромное пепелище из сожженных и разбросанных по тротуару бумаг полицейского архива. Любопытные гимназисты поднимали и читали обгорелые клочки секретнейших циркуляров и личных дел. На улицах пахло гарью. Однако то были лишь первые, невинные цветочки тех горьких плодов, отведать которых в скором времени довелось всей России...

В настоящее время бывший алафузовский особняк, отреставрированный и удачно покрашенный, изрядно помолодел и уверенно смотрит в будущее.

**«Здесь все дышало стариной...»
(Дом № 7 по набережной Фонтанки
а дом № 4 по Караванной улице)**

На набережной Фонтанки, почти напротив бывшей усадьбы графов Шереметевых, стоит трехэтажное желтое здание в тринадцать окон по фасаду, украшенное лепным поясом и увенчанное аттиком (на нем до сих пор виднеется надпись: «ДОМ ОБОРОНЫ ДОСААФ»). Львиные маски поверх окон первого этажа дополняют наружное убранство, и весь облик дома в целом характерен для петербургской архитектуры позднего классицизма. Корпус же, обращенный на Караванную, оформлен в пришедшем ему на смену неоренессансном стиле.

Дом № 7 по набережной Фонтанки. Современное фото

Однако пусть вас не вводят в заблуждение сравнительно новые фасады: дом стар – ему уже за двести. Точная дата его постройки определяется на основании архивной закладной: из нее следует, что в июне 1786 года граф А. И. Воронцов купил у купца Крапивина «порозжее место» и спустя несколько месяцев возвел на нем каменный дом, заложенный им за 3 тысячи рублей. Скорее всего, к тому времени граф успел закончить его лишь вчерне. Но вот в 1787-м он снова закладывает свою недвижимость, на этот раз уже за 11 тысяч. По-видимому, дом был готов и хозяин успел вселиться в него с женой и четырьмя дочерьми, младшей из которых едва исполнился год.

А. И. Воронцов

Немного обжившись на новом месте, Воронцов заказывает художнику Д. Г. Левицкому портреты всех членов семейства, призванные украсить стены его жилища. Ныне эти портреты хранятся в Русском музее.

Артемий Иванович Воронцов (1748–1813) приходился родным внуком кабинет-министру Волинскому, кончившему жизнь на плахе во времена бироновщины; свое имя Воронцов получил в честь деда. Среди его ближайших родственников люди, хорошо известные в русской истории: канцлер М. И. Воронцов (дядя), княгиня Е. Р. Дашкова (двоюродная сестра) и т. д. Он был сыном младшего из братьев Воронцовых, активно способствовавших возведению на трон «дщери Петровой». Впрочем, его собственная служба началась в Конной гвардии уже при другой императрице, Екатерине II, а при Александре I завершилась в чине действительного тайного советника, в должности сенатора и в звании камергера. Вполне благополучная карьера, как бы заранее обеспеченная происхождением, придворными и родственными связями, наконец, богатством.

Правда, на закате дней своих Артемий Иванович разорился, так что его младшая дочь вынуждена была ради спасения семьи выйти замуж за сына богатого откупщика Тимофеева.

В молодых годах А. И. Воронцов отличался в фехтовании и верховой езде, был строен, высок и статен, имел густые выющиеся кудри, которые отпускал длиннее, чем тогда носили. До самой старости он не терял бодрости духа и казался свежим не по возрасту. Граф был не чужд литературе: ему принадлежат ряд недурных переводов с французского и латинского языков,

в частности «Диссертация о вернейшем способе, каким в Северной Америке первые жители поселились», где доказывалось происхождение их от викингов.

Он дружил с такими людьми, как В. В. Капнист, П. Л. Вельяминов, Н. А. Львов; последний отстроил для Воронцова в середине 1790-х годов его подмосковную усадьбу Вороново, куда тот и переселился, продав петербургский дом графине П. А. Потемкиной (1763–1816).

Прасковья Андреевна – одна из первых петербургских красавиц, дочь директора Академии художеств А. О. Закревского – была замужем за графом П. С. Потемкиным (1743–1796), троюродным братом всесильного фаворита. Павел Сергеевич начал службу в Семеновском полку, участвовал в первой русско-турецкой войне, где получил боевую награду – орден Святого Георгия 4-й степени. Благодаря брату 1 января 1772 года он был пожалован камер-юнкером (в то время редкая честь!) и произведен в гвардии капитаны, а еще через год – в бригадиры. Его храбрость отметила сама императрица: особенно отличился П. С. Потемкин при подавлении пугачевского бунта. Интересно, что именно по его представлению от 15 января 1775 года Екатерина II, чтобы стереть всякую память о бунтовщиках, переименовала бывший Яик в Урал.

В дальнейшем военная и дипломатическая карьера Павла Сергеевича шла не менее успешно: в 1783 году он сыграл важную роль в подготовке договора о принятии карталинского и кахетинского царя Ираклия в российское подданство, участвовал в его подписании и получил за это Владимирскую ленту. Вскоре последовало назначение на высокий пост генерал-губернатора Саратовского и Кавказского во вновь образованном наместничестве, затем – участие во второй русско-турецкой кампании, награждение Георгием 2-й степени, которого удостоивались немногие. И, наконец, за удачные действия при разгроме польского восстания под предводительством Т. Костюшко. Павел Сергеевич Потемкин получил чин генерал-аншефа, а 1 января 1795 года возведен в графское достоинство.

Пик карьеры был достигнут. Теперь, казалось бы, можно и отдохнуть, вернуться к литературным занятиям, в чем П. Потемкин смолоду преуспел. По словам патриарха русской сцены И. А. Дмитриевского, «это был человек с большим талантом, и если б не посвятил всего себя военной службе, то был бы отличным писателем... Павел Сергеевич Потемкин... хотел отличиться не одною храбростью и мужеством на войне, но и мирными подвигами в тиши кабинета».

Но рок судил иначе. В январе 1796 года по столице разнесся странный слух о привлечении бывшего любимца фортуны к суду по обвинению в ограблении и умерщвлении десять лет тому назад персидского принца, искавшего спасения на русском военном судне от преследований своего брата.

Потемкин берется за перо и пишет стихотворение «Глас невинности», где пытается защитить себя от несправедливых обвинений. Но это не помогает. У императрицы свой расчет: в политические интересы России входило оказать поддержку и покровительство брату убитого принца, Муртазе-Кули-хану, укрывшемуся в свое время в Астрахани и жившему там до 1796 года, пока не настал его час. Ради дружбы с претендентом на шахский трон Екатерина решила пожертвовать П. С. Потемкиным, который, как потом оказалось, не был повинен в свершившемся преступлении.

Не выдержав удара, Павел Сергеевич заболел горячкой, закончившейся его смертью 29 марта того же года. Молва, впрочем, утверждала, что он принял яд, чтобы избежать наказания; рассказывали также, будто бы сама государыня прислала ему рескрипт с одним-единственным словом – «умри», но все это не более чем слухи.

После П. С. Потемкина остались двое сыновей; старший, Григорий, названный так в честь благодетеля семейства, впоследствии погиб под Бородином, а младший, Сергей, унаследовав писательские наклонности отца, рано вышел в отставку и посвятил себя литературе. Он сделался членом «Беседы любителей русского слова» и публиковал свои стихи и переводы.

Оба брата-погодка учились в пансионе аббата Николя, откуда вышло немало известных в будущем людей. Младший не отличался примерным поведением и славился безудержной расточительностью: еще мальчиком он имел уже тысяч двадцать долгу разносчикам. Один из его товарищей вспоминал: «Так как Сергей Павлович был ужасный мот, а мать ему денег не давала, то он выдавал векселя, иногда в несколько тысяч рублей, и получал вместо денег за них маски, стеклянные глаза, перчатки на одну руку и тому подобные вещи, которые тут же купцы и брали у него назад за бесценок. Получив таким образом за них некоторую сумму денег, Потемкин давал пир горой, на который обыкновенно были приглашаемы и литераторы, так как он сам любил заниматься стихотворством... Не раз мне случалось мирить С. П. Потемкина с его матерью. Она была женщина взбалмошная и безнравственная, имела много связей...»

По выходе из пансиона Сергей Павлович поступает на службу в Преображенский полк, но вскоре оставляет его и отдается сочинительству. Хорошо знавший Потемкина С. П. Жихарев писал о нем в своем дневнике за 1809 год: «Он любит театр, занимается литературой и волочится за Вальберховой...¹⁴ Это предобррейший и прелюбезнейший человек в свете, готовый на всякую услугу и на всякое доброе дело... В прошедшем году Потемкин напечатал свою оперу в пяти действиях под названием «Душенька», взятую из сочинения Богдановича, и напечатал ее по-своему, то есть по-графски, роскошно на веленовой бумаге, и украсил бесподобными гравюрами. Лучшего издания в России нет... Мой Потемкин такой хлебосол и такой мастер на угощение, что едва ли кто может в этом отношении сравниться с ним в Питере, – даром что молодой человек. Видно по всему, что он дорожит своими гостями: нет ничего такого, чем бы он подорожил для них. Настоящий Лукулл и достойный однофамилец и родственник Таврического. Братец, говорят, не таков: будто бы горд и знает большую часть с вельможами и их женами».

В 1816 году Прасковья Андреевна Потемкина скончалась; на ее могиле в Александро-Невской лавре сын установил надгробие художественной работы, обнаружив и здесь вкус к изящному. Годом позже он женился на княжне Елизавете Петровне Трубецкой, сестре несостоявшегося «диктатора». После свадьбы молодые поселились в своем имении Глушкове, а петербургский дом стали сдавать внаем.

Вскоре у него появилась новая хозяйка – Н. Г. Скарятин, супруга отставного полковника лейб-гвардии Измайловского полка Якова Федоровича Скарятин, вошедшего в историю благодаря своему шарфу, которым был задушен Павел I. Наталья Григорьевна Скарятин, урожденная княжна Щербатова, была одной из трех сестер, некогда составлявших «лучшее украшение» московских балов. Она родила мужу пятерых сыновей; ни один из них, к счастью, не сделался цареубийцей.

В 1832 году Скарятин продал дом графу Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, сыну знаменитого собирателя автографов и отцу владельца особняка на Литейном (с ним нам еще предстоит познакомиться далее). Граф был женат на княжне Марии Александровне Урусовой, второй из «трех граций», воспетых Пушкиным в его известном мадригале; с первой из них мы уже знакомы¹⁵.

Но если тот мадригал, по преданию, посвящался Софье, то стихотворение «Кто знает край, где небо блещет...» обращено уже к Марии; по утверждению всеведущего П. А. Вяземского, Александр Сергеевич не на шутку ею увлекался. Вскоре после приобретения Мусиными-Пушкиными дома поэт посетил их с испанским посланником Паэс де ла Кадена: любивший хорошо покушать граф частенько устраивал званые обеды, а его жена – вечера.

После смерти Ивана Алексеевича, скончавшегося в 1836 году, вдова продала особняк князю Э. А. Белосельскому-Белозерскому. По проекту А. К. Кавоса он перестраивается, при

¹⁴ Вальберхова М.И. (1788–1867) – известная в то время трагическая актриса.

¹⁵ См. очерк «Особняк-невидимка».

этом фасад на Фонтанку приобрел тот вид, который сохраняет и поныне, фасад же на Караванную получил свой теперешний облик после переделок, осуществленных архитектором А. И. Штакеншнейдером в 1841 году. Тогда-то на нем и появился эффектный эркер, схожий с теми, что некогда украшали пристройку к дому Г. Г. Кушелева, возведенную зодчим несколькими годами позже¹⁶.

Князь Эспер Александрович, сын автора многочисленных поэтических посланий на французском языке и единственной писанной по-русски фривольной комической оперы, пожалуй, больше всего известен тем, что был мужем одной из первых светских чаровниц и кокеток Елены Павловны Бибиковой и в ее тени пребывал до самой смерти. По словам А. О. Смирновой-Россет, «княгиня Белосельская презирала бедного Эспера», о ком остряк и каламбурщик великий князь Михаил Павлович говорил, что «у него голова как вытертая енотовая шуба».

Вряд ли «бедный Эспер» заслуживал презрения, но такова уж участь всех обманываемых мужей. Князь покорно сносил многочисленные измены ветреной супруги и не подвергал сомнению авторские права на четверых своих отпрысков. Не поладив со свекровью (владелицей роскошного дворца у Аничкова моста, перестроенного по проекту А. И. Штакеншнейдера), Елена Павловна пожелала жить отдельно, для чего и был приобретен особняк Мусиных-Пушкиных. Там задавались пышные балы, куда попасть считалось большой честью.

В 1846 году князь, состоявший последнее время при Министерстве путей сообщения, отправился для ревизии лазаретов строившейся Николаевской железной дороги, заразился тифом и умер в возрасте сорока трех лет, не слишком оплакиваемый своей вдовой. Как рассказывает А. О. Смирнова-Россет, «после многих кокетств эта барыня выбрала в мужа красивого и милого Василия Кочубея, который не раз раскаивался в своем выборе. Она была взыскательна, капризна, поселилась в его доме (одноэтажном деревянном особняке, стоявшем на месте бывшего дома Мурузи, Литейный, 24. – А. И.), который перестроила и отделала очень роскошно».

Свой же собственный, унаследованный от покойного мужа дом Елена Павловна продала министру юстиции В. Н. Панину. Перейдя к Паниным, особняк оставался в их владении до самой революции, поэтому в дальнейшем нам придется говорить только о представителях этого семейства.

Граф Виктор Никитич (1801–1874), внук генерал-аншефа П. И. Панина и сын дипломата Никиты Петровича, почти постоянно находившегося в опале у кого-нибудь из царствующих особ, родился в Москве, куда был выслан его отец в последние месяцы правления Павла I. Юноша получил домашнее воспитание под наблюдением родителей, после чего продолжил образование в Московском университете. Пройдя все ступени дипломатической карьеры, он неожиданно для себя назначен был на должность товарища министра юстиции, а затем и министра, пробыв на этом посту двадцать лет.

Приобретая еще в юности склонность к письменным занятиям (он исписывал под диктовку отца целые фолианты результатами мистических изысканий, которым тот предавался в деревенской глуши) Виктор Никитич, очевидно, уже тогда уверовал в непререкаемую силу отвлеченных рассуждений. Эта его вера как нельзя лучше подходила к тогдашнему судопроизводству – бесправному, безгласному, целиком основанному на мертвенной бумажной рутине. Такой порядок дел находил в В. Н. Панине постоянную поддержку и опору. Это был его мир, и сам он воплощал, в некотором роде, идеальный тип бюрократа.

¹⁶ См. очерк «У Симеоновского моста».

В. Н. Панин

Любовь к всякого рода бумагам находила выражение и в его любви к книгам, – их накопилось несметное количество. В основном книги приобретались у князя А. Я. Лобанова-Ростовского, и среди них множество сочинений по русской истории. Россию Виктор Никитич любил такой, какую застал при рождении – с крепостными мужиками, которых, по его мнению, следовало почаще драть на конюшне, и с благородными господами, коих те же мужики обязаны были всячески холить и лелеять. На том он и стоял всю жизнь. Такие взгляды прекрасно ужились в нем с наружной цивилизованностью.

Рассказывают, что граф заставлял своего директора департамента М. И. Топильского выколачивать ему шубы, а однажды приказал явиться в мундире, при всех орденах и поцеловать ему руку. Сделано это было будто бы для того, чтобы показать маленькой дочери Панина, будущей графине Левашовой, что ее папу слушаются даже очень важные люди, а она не слушается!

Один из парадоксов русской истории, так увлекавшей графа, состоял в том, что люди с университетскими дипломами, казалось бы культурные, воспитанные, изысканно вежливые и обходительные в обществе, почему-то вдруг оказывались жестокими крепостниками, убежденными в благотворной силе и незаменимости кнута, потому что «народ еще не созрел» и «с ними иначе нельзя».

Но вот задули ветры перемен, и Александру II вздумалось именно В. Н. Панина назначить председателем редакционных комиссий, занятых подготовкой крестьянской реформы. Разумеется, Виктор Никитич постарался сделать все от него зависевшее, чтобы соблюсти интересы помещиков. Впрочем, он считал себя лишь орудием царской воли, что, наверное, соответствовало действительности. Когда же приступили к судебной реформе, чаша терпения Панина переполнилась: он никак не мог смириться с отменой телесных наказаний и введением института присяжных – и подал в отставку с поста министра, а в 1867 году окончательно удалился от дел.

Оказавшись на покое, граф посвятил весь свой досуг чтению, а кроме того, опубликовал ряд любопытных материалов в сборниках Императорского Русского исторического общества.

Н. П. Панина

Виктор Никитич был женат на Наталье Павловне Тизенгаузен, приходившейся внучкой П. А. Палену, стоявшему во главе заговора против императора Павла, и двоюродной сестрой Долли Фекельмон и графини Ю. П. Самойловой. Супруги жили дружно и произвели на свет сына и четырех дочерей, из которых две умерли в младенческом возрасте.

Об атмосфере, царившей в доме на Караванной, рассказывает один из современников, посетивший семейство графа в начале 1860-х годов: «Здесь все дышало стариной – и сам хозяин, чего доброго, один из древнейших памятников Петербурга, и самые стены дома его...

Человек огромного знания и ума глубокого, он отличался порой и самодурскими причудами, граничившими иногда с сумасшествием... Раз, по приглашению графини Евгении Викторовны (дочери хозяина. – А. И.), я провел у Паниных вечер. Это был скорее музей окаменелостей, чем живое сборище людей. В квадратной гостиной окон не было. Дорогие гобелены украшали его четыре стены. Это служило как будто символом. Графиня-мать... присоединяла к этой знатной деревянности свою личную балтийскую неподвижность».

Рано умерший сын Владимир, любивший показывать простым смертным свое умственное превосходство, являл собой тип довольно своеобразный. Вот как описывает его в своих мемуарах явно не благоволивший к нему граф С. Д. Шереметев: «Либерал и деспот по преимуществу, характера требовательного и прямолинейного, он представлял из себя смесь остзейского чванства с либерализмом 60-х годов. Не примыкая к крайним партиям, он тем не менее весьма определенно отличался «фрондированием» всего, что касалось двора и Императорской фамилии».

С. В. Панина

От брака с Анастасией Сергеевной Мальцовой (с ее отцом мы встретимся в очерке «В толпе себе подобных») он оставил единственную дочь Софью (1871–1957), последнюю вла-

делицу дома и одновременно последнюю представительницу угасшего рода графов Паниных. Жизнь ее сложилась не совсем обычно. Рано овдовевшая мать вторично вышла замуж за И. И. Петрункевича – видного земского деятеля, позднее одного из лидеров кадетской партии, ближайшего соратника П. Н. Милюкова. Анастасия Сергеевна, считавшаяся в кругу своей родни отъявленной революционеркой, желала воспитать дочь в любви к «трудовому народу». С этой целью она, по выражению А. А. Половцова, «таскала ее по мужицким избам берегов Волги».

Протесты со стороны бабушки, Н. П. Паниной, обратившейся за поддержкой к самому Александру II, ни к чему не привели, и Софью оставили под материнской опекой. Лишь при следующем императоре, Александре III, ее все же отняли от «сумасбродной матери».

В 1890 году Софья Владимировна, считавшаяся самой богатой невестой в России, выходит замуж за сына государственного секретаря А. А. Половцова. При этом вдова В. Н. Панина выразила желание, чтобы к мужу внучки перешли титул и фамилия ее покойного супруга, как то было ей обещано Александром II. Однако Александр III, сильно недолголюбивавший Половцова, наотрез отказался исполнить эту просьбу, мотивируя свой отказ «нежеланием ближайших родственников» С. В. Паниной.

Учитывая то, что таковым мог быть сочтен лишь троюродный брат новобрачной князь А. Г. Щербатов, мотивировка не выглядела особенно убедительной, но Половцов все понял и больше не настаивал. С мужем, имевшим гомосексуальные наклонности, графиня, как и следовало ожидать, не сошлась взглядами, и после скандального бракоразводного процесса они расстались, причем Панина вернула себе девичью фамилию и титул.

После смерти бабушки, умершей в 1902 году в более чем преклонном возрасте, Софья Владимировна осталась единственной владелицей огромных панинских богатств, в том числе и дома на Фонтанке. Материнское воспитание не пропало втуне: С. В. Панина разделяла политические воззрения отчима, которого очень уважала, и со временем сама стала членом ЦК партии кадетов.

Общественная деятельность графини Паниной широко известна: она построила Лиговский народный дом, помогала голодающим, на ее средства содержались школы и больницы. Но вот один, казалось бы, незначительный эпизод рисует ее как человека. В одном из имений графини работал в качестве землемера некий молодой человек, замешанный в крестьянских волнениях 1905 года и принятый на эту должность по протекции семейства А. И. Бакунина (племянника известного анархиста), близкого к Паниной.

Работая в имении, молодой человек возглавил Крестьянский союз, а когда тот разгромили, он, опасаясь ареста, решил бежать из России. В роли спасительницы выступила опять-таки Панина. Она лично встретила почти незнакомого ей человека на перроне вокзала, доставила в своем экипаже на заранее приготовленную «конспиративную» квартиру, а на другой день отвезла его на Финляндский вокзал, усадила в поезд до Гельсингфорса и вручила рекомендательные письма к своим шведским друзьям.

После Февральской революции С. В. Панина вошла в состав Временного правительства, занимая посты товарища министра государственного призрения, а затем товарища министра народного просвещения. Арестованная большевиками, но вскоре милостиво выпущенная на свободу в память о прошлых «заслугах перед народом», графиня навсегда покинула родину, жестоко обманутая в своих либеральных чаяниях.

А в бывшие графские хоромы пришел тот самый «народ», за который так ратовала Софья Владимировна, и они зажили совсем иной жизнью, и в этой жизни не было места для графини Паниной – последнего обломка угасшего рода.

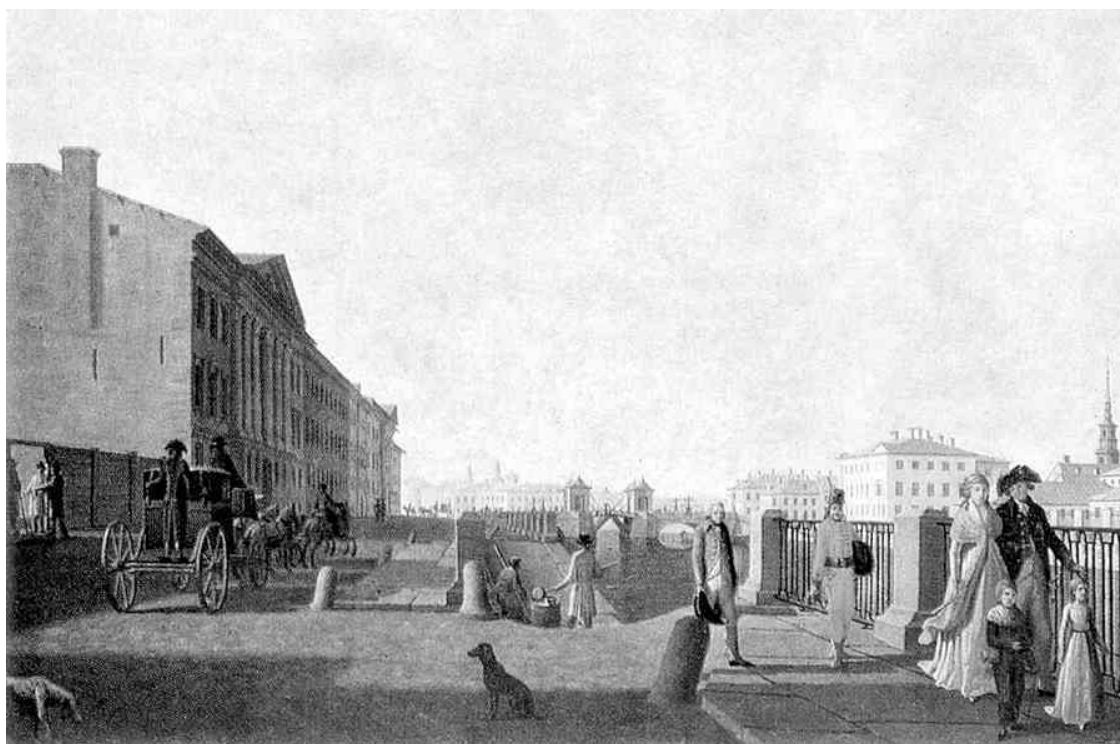

Пустырь на Караванной (Дом № 13 по набережной Фонтанки а дом № 10 по Караванной улице)

С детских лет, то есть с начала 1950-х, помнится мне этот пустырь за дощатым забором рядом с кинотеатром «Родина». Почему-то он всегда меня интересовал; временами оттуда доносился многоголосый лай, – очевидно, устраивались собачьи выставки. Попасть внутрь, за ограду, мне никак не удавалось, а в крошечные щелки (забор сработан на славу!) ничего не разглядишь. Большой пустырь в самом центре города – явление не совсем обычное, поэтому мое любопытство можно понять. Лишь в конце 1980-х в той его части, что выходит на Фонтанку, начали возводить здание киноцентра, но, не докончив, бросили, и до недавних пор оно зияло пустыми глазницами окон, наводя на грустные размышления.

Похоже, что над этим местом тяготеет злой рок: после того как отсюда исчезли два каменных дома, уничтоженных в смутную пору революционной разрухи, участок на долгие десятилетия опустел. Как будто сама земля противилась появлению здесь новых, чуждых ей сооружений. До революции здесь стояли: старинный особняк XVIII века с главным фасадом на набережную (дом № 13) и трехэтажное здание в неоренессансном стиле, выходившее на Караванную (дом № 10). Примечательной особенностью последнего были громадной высоты окна третьего этажа, призванные освещать художественные коллекции владельца – известного дипломата Д. П. Татищева (1767–1845). Построенное в самом начале 1840-х годов, оно предназначалось специально для их размещения.

Б. Патерсен. Набережная Фонтанки у Симеоновского моста. 1790-е гг. Слева – дом Н. А. Толстого

Попробуем проследить историю участка с того момента, как граф Н. А. Толстой, заключив брачный союз с княжной А. И. Барятинской, к началу 1790-х годов выстроил на «порозжем месте», купленном у отставного бригадира Стейнбока, трехэтажный дом с шестиколонным портиком. Он хорошо виден на одной из картин Б. Патерсена того времени.

До самой своей смерти граф умудрился оставить часть участка, обращенную к Караванной, незастроенной, что полицейскими правилами воспрещалось. Подобную же вольность мог позволить себе еще один домовладелец – обер-егермейстер Д. Л. Нарышкин, чей особняк (Фонтанка, 21) находился неподалеку. Оба они были весьма сильны при дворе, и для них, как водится, сделали исключение.

Граф Николай Александрович Толстой (1765–1816), правнук петровского сподвижника П. А. Толстого, имел родственные связи со всеми тогдашними вельможами, поэтому не мудрено, что он пользовался благоволением и Екатерины II, и Павла, и Александра I. При последнем граф, по своей должности обер-гофмаршала, заведовавшего царским столом, находился безотлучно, сопровождая его во всех поездках по России и за границей. Искренне привязанный к императору, он не знал меры в своем обожании и, как отмечает В. Н. Головина, не гнушался даже «низкими услугами», бесчестившими его. Толстой несколько злоупотреблял своей близостью к государю и позволял себе иной раз весьма резкие выходки, зная, что они останутся безнаказанными.

Н. А. Толстой

По словам другого современника, Николай Александрович был «человек без всяких высших видов, даже довольно ограниченный, и сумел достичь величайшей милости средствами, противоположными обыкновенным: вместо коленопреклонения и раболепства, он был груб и дерзок со всеми». Разочарованный в людях, окруженный льстивыми угодниками, Александр оказался податливым на такие уловки, принимая грубость за правдолюбие, а дерзость – за прямоту, чем умело пользовался и другой его любимец, Аракчеев. Несдержанность Толстого отчасти проистекала из его крайней вспыльчивости, порой доходившей до того, что он гонялся за женой с ножом в руках. Тяжелые семейные сцены – не редкость в их доме...

После смерти графа его вдова продала участок коллежской советнице Кайдановой. В 1820-х годах здесь нанимал квартиру Д. П. Татищев, впоследствии купивший полюбившийся ему особняк. Впрочем, в ту пору он не часто бывал в Петербурге: карьера дипломата, начатая им еще при Павле, требовала постоянных и длительных отлучек. За предыдущие двадцать с лишним лет он исполнял обязанности посла в Неаполе и в Испании – его имя стоит почти на всех важнейших международных договорах той эпохи. В 1826 году Татищев занял должность посланника в Вене и пребывал на ней целых пятнадцать лет.

Все это время, помимо основных своих занятий, он с жаром отдавался коллекционированию, преимущественно картин, которые начал собирать еще будучи послом в Неаполе. Не все его приобретения можно назвать удачными: гоняясь за дешевизной, он покупал немало вещей посредственных, но попадались среди них и подлинные шедевры. Особой ценностью отличался так называемый «татищевский складень» – переносной алтарь работы великого нидерландского мастера XV века Яна ван Эйка. Позднее этот шедевр вошел в состав эрмитажной коллекции, а в 1930-х годах его продали одному американскому миллионеру. Наряду с живописью, Дмитрий Павлович собирал также старинное оружие и предметы прикладного искусства.

Д. П. Татищев

В 1841 году он отошел от дел и мог наконец заняться приведением в порядок своих коллекций. Вот что пишет о нем в своих «Записках» М. А. Корф: «Татищев принадлежал к числу умнейших людей нашего века и занимал блестящую ступень в дипломатическом кругу... По переезде в Петербург он не жил открыто, но имел великолепно убранный дом и потом выстроил еще другое здание с каким-то необыкновенным фасадом (на Караванной улице) для помещения в нем своих богатых и разнообразных коллекций, целого музея, собранного им в чужих краях с большими трудами и издержками».

Дом, о котором пишет Корф, возведен по проекту модного в ту пору швейцарского архитектора Б. Симона, поражавшего своей необузданной, прихотливой фантазией; им, к примеру, выполнены роскошные интерьеры близлежащего Шуваловского дворца (Фонтанка, 21), ранее принадлежавшего Нарышкиным.

Наслаждаться своими сокровищами Дмитрию Павловичу мешало быстро ухудшавшееся зрение, к концу жизни он и вовсе ослеп. Не имея детей, Татищев завещал коллекцию Николаю I, и в 1845 году она частично пополнила собою эрмитажное собрание. Наследникам, в числе которых были брат Татищева, постоянно живший в деревне, и многочисленное внебрачное потомство покойного дипломата, достались его дома на Фонтанке и Караванной.

В первом из них в течение десяти лет, с 1859-го по 1869 год, помещался Английский клуб, а впоследствии его арендовали различные увеселительные заведения кафешантанного типа. Во втором же со временем обосновалась гостиница средней руки, и из храма искусства он превратился в обычный доходный дом. Только небывалой высоты окна напоминали о его прежнем, исконном назначении.

Манежная площадь. С открытки 1900-х гг. Второй справа – дом Д. П. Татищева

На открытке 1900-х годов с видом Манежной площади в центре, на заднем плане видна часть бывшего «татищевского музея»; рядом с ним – старый дом с треугольным фронтоном, на месте которого через несколько лет вырастет здание кредитного общества и кинематографа «Сплэндид палас». А затем поодаль от него появится унылый пустырь, кинематограф превратится в кинотеатр «Рот фронт», а тот, в свою очередь, переименуют в «Родину», и на пустыре, обнесенном забором, раздастся собачий лай, и какой-то мальчик будет заглядывать в щелку, пытаясь понять, что же там происходит?

Где пролегла Бородинская (Дома № 86, 88 по набережной Фонтанки)

Порою старый, отошедший в прошлое Петербург кажется мне чем-то вроде мифической Атлантиды, скрывшейся из виду, но не переставшей существовать в неведомых глубинах. Лишь воображение способно проникать в давно исчезнувший мир дворянских усадеб, некогда радовавших глаз зеленью садов с извилистыми тенистыми дорожками, живописными прудами и цветниками...

Дом № 86 по набережной Фонтанки. Современное фото

Проходя или проезжая по задымленному, кишашему автомобилями Загородному проспекту или набережной Фонтанки, трудно представить себе, что одна из таких усадеб находилась на месте пролегающей между ними Бородинской улицы. Там было все: и извилистые аллеи, и цветники, и пруд, находившийся у самого Загородного, или Семеновского, как его иногда называли, проспекта. Сам же усадебный дом с большой овальной клумбой перед ним стоял ближе к Фонтанке, далеко отступя от красной линии.

Дом № 88 по набережной Фонтанки. Современное фото

В январе 1813 года участок, принадлежавший в ту пору наследникам покойного обер-прокурора П. В. Неклюдова, перешел в собственность министра народного просвещения графа А. К. Разумовского (1748–1822). Граф, хотя и принадлежал к «новой аристократии», а может быть, как раз по этой причине, отличался чрезвычайной гордостью и высокомерием; в обществе даже ходил слух, что он считал себя сыном (!) императрицы Елизаветы Петровны. Очевидно, Алексей Кириллович забыл, что его родитель в не таком уж далеком прошлом пас воловьё стадо, а дядюшка, которому род Разумовских обязан своим значением, по выражению Пушкина, «пел с придворными дьячками».

Старик-гетман Кирилл Григорьевич как-то вздумал попенять другому своему, не в меру расточительному сыну Андрею, напомнив о том, что он – сын пастуха, но услышал вполне резонный ответ: «Это вы сын пастуха, а я сын фельдмаршала!»

У графа Алексея Кирилловича имелись все основания считать себя счастливым избранником, кем-то исключительным: учился он в особом, закрытом пансионе, помещавшемся в богатом доме на 10-й линии Васильевского острова. Воспитанники его имели для своего пользования книжки с золотыми обрезами, на их обложках по-французски значилось: «Академия 10-й линии». Преподавали там лучшие тогдашние профессора.

А. К. Разумовский

Позднее Алексей вместе с младшим братом Андреем отправился пополнять свое образование в Страсбург, а после этого провел несколько лет в заграничном путешествии. Вернувшись в 1769 году на родину, юноша получил звание камер-юнкера и начал службу при дворе. Через пять лет он женился на богатейшей невесте России – графине Варваре Петровне Шереметевой, но, прожив с ней некоторое время и произведя на свет четверых детей, приказал своей безвольной, склонной к ханжеству супруге покинуть дом и жить отдельно, предоставив воспитание малолетних отпрысков ему одному.

В этом проявился суровый, деспотичный характер графа, отталкивавший от него людей. Впоследствии собственные сыновья выводили его из терпения своим необузданным мотовством, с соседями же он вел бесконечные тяжбы, постепенно становясь убежденным мизантропом. Помимо законных детей, он имел еще десятерых побочных (пятерых мальчиков и столько же девочек) от М. М. Соболевской, получивших фамилии Перовских от принадлежавшего Разумовскому подмосковного имения Перово. Все его сыновья от этой связи вышли людьми известными и даже талантливыми, а одна из дочерей стала матерью поэта А. К. Толстого.

Жизнь открывала ему, любимцу фортуны, свои объятия, а он отворачивался от них, постоянно хандрил, был мрачен и подозрителен. Его снедало неудовлетворенное честолюбие: сенаторского звания ему было мало, хотелось стать президентом Коммерц-коллегии, но Екатерина II, по-видимому недовольная членством графа в масонской ложе, отклонила кандидатуру Разумовского. С досады он вышел в отставку.

При Павле Алексей Кириллович по-прежнему оставался не у дел, проживая в своем подмосковном селе Горенки и разоряясь на неслыханный по богатству ботанический сад и обширнейшую библиотеку по естественным наукам. В графских теплицах и оранжереях имелись редчайшие растения, а некоторые, дотоле неизвестные виды, звались его именем. И среди этой сказочной роскоши А. К. Разумовский сердился и брюзжал. Он не был счастлив: такие люди никогда не бывают счастливы.

Мистически настроенный граф вновь пристал к масонству, особенно оживившемуся после вступления на престол Александра I. Честолюбивые порывы в нем уже улеглись, поэтому он не сразу принял предложение царя вновь поступить на службу. Только в 1807 году А. К. Разумовский согласился занять должность попечителя Московского университета. Он осуществил ряд полезных мер, заслужив одобрение государя, а спустя три года сменил П. В. Завадовского на посту министра народного просвещения.

Назначение Разумовского встретили с одобрением. Французский посол Коленкур, скрупулезно заносивший в свою записную книжку все слухи и толки в обществе, отметил 21 апреля 1810 года: «Граф Алексей Разумовский... приехал в Петербург, чтобы взять в управление Министерство народного просвещения. Это один из самых больших и богатых вельмож России, один из образованнейших людей. Он постоянно занимался ботаникой и земледелием; у него в этом отношении самые лучшие земли империи и самые лучшие сады Европы».

Алексей Кириллович вместе с дочерью поселился в доме на Фонтанке, который он через некоторое время приобрел, полностью изменив планировку усадебных дворов. О том, как выглядела усадьба в ту пору, можно узнать из «Записок» графа М. Д. Бутурлина: «По воскресным дням и большим праздникам мать наша возила нас к обедне в Зимний дворец, а иногда в домовую церковь графа А. К. Разумовского в его доме с обширным прекрасным английским садом на Фонтанке, между Семеновским и Чернышевым мостами... Дом был деревянный, длинный, одноэтажный, с подъездным перед ним двором и со службами по бокам. Все это вместе более имело вид помещичьей усадьбы, нежели городского жилища вельможи, а в саду был даже порядочный весьма пруд. В доме была отборная картинная галерея...»

Примечательно, что, приступив к новым своим обязанностям, гордый и высокомерный граф счел нужным обратиться за советом к сардинскому посланнику графу Жозефу де Местру – кумиру столичной знати, тесно связанному с иезуитами. Впрочем, почтительное отношение к последним Алексей Кириллович усвоил еще с детских лет: среди его наставников состоял воспитанник иезуитов из Вены.

В ответ Разумовский получил от де Местра развернутое послание; в нем хитроумный дипломат при помощи красивых, мнимо убедительных софизмов доказывал преждевременность и даже вредность образования в России. «Наука в России сейчас ни для чего не нужна... Надобно понимать природу человека и прежде сделать науку желаемой, а потом уже преподносить ее тем, кто стремится к ней». Такова главная мысль лукавых, воистину иезуитских рассуждений де Местра; они весьма напоминают умозаключения тех, кто спустя полвека станет отстаивать полезность и желательность сохранения крепостного права на том основании, что народ еще не готов к свободе!

Министр интересовался также мнением посла относительно предполагаемого образования лица. В ответ он получил целых два послания, где почтенный дипломат не оставил от присланного проекта камня на камне, предлагая взамен того организовать учреждаемый лицей наподобие пансионата преподобных отцов иезуитов, действовавшего тогда в Петербурге.

К счастью, Разумовский, если б даже очень захотел, не мог во всем последовать «мудрым» советам де Местра; и хотя в годы его управления министерством Закон Божий ставился во главу угла любого образования (в этом их взгляды полностью совпадали), а цензурные ограничения соблюдались с неукоснительной строгостью, он не только не уменьшил, а напротив –

значительно увеличил количество новых школ, училищ и гимназий. При нем же был открыт Царскосельский лицей, что граф приписывал себе в особую заслугу.

Среди полезных мер А. К. Разумовского в области народного образования было также запрещение телесных наказаний и – как ни странно – категорическое предпочтение, отдаваемое им родному языку, на котором и велось преподавание. Он, получивший совершенно французское воспитание и проживший жизнь в атмосфере абсолютного преклонения перед всем иностранным, находил это пагубным для русского юношества и стремился защитить его от чужеземных влияний! Впрочем, не надо забывать, что Россия находилась накануне Отечественной войны с Наполеоном...

Между тем дела графа, как служебные, так и семейные, начинали принимать дурной оборот: состояние изрядно расстроилось, а в учебных округах роптали и заваливали начальство доносами друг на друга; все шло не так, как надо. В 1812 году от всевозможных огорчений он захворал и начал подумывать об отставке, но грянувшая война с французами заставила его забыть о своем намерении. Алексей Кириллович старался найти успокоение в работе, однако его проекты терпели крах, принося одни разочарования. Министерские обязанности стали утомлять и тяготить графа; он заперся в кабинете и никого не желал видеть.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения его сиятельства, явился высочайший указ от 20 декабря 1815 года о закрытии иезуитского училища, изданный императором без ведома своего министра. А. К. Разумовский, противник карательных мер в отношении иезуитов, подал в отставку и 10 августа следующего года получил ее при весьма холодном рескрипте. Еще два года ушли на подготовку к переезду в Москву и на улаживание имущественных дел.

Усадьбу на Фонтанке, приведенную стараниями графа в образцовое состояние, купил коммерции советник Соколов, разбогатевший на подрядах. В 1827 году он проштрафился с поставками для Морского гвардейского экипажа и, узнав о том, что государь Николай Павлович гневается на него, пришел в отчаяние и перерезал себе горло. Наследники Соколова продали участок мещанской гильдии, и со временем на месте аллей и цветников образовался грязноватый рынок и сборная площадь для поденщиков.

Говоря о том, как неприглядно стала выглядеть бывшая барская, а затем купеческая усадьба уже к середине XIX века, один из столичных старожилов с горечью восклицал: «А что ныне здесь? Всякая грязь, нечистота, и всякой срам, соблазн и для глаз, и для слуха, и вообще для всех чувств. Здесь приют кухаркам и разному их сводничеству!»

Проложенная в 1880-х и застроенная в начале XX столетия Бородинская улица поглотила и остатки старого сада, и настроенные позднее мещанские лачуги, и всю усадьбу, следов которой теперь и не сыщешь...

«Крепость не спасла» (Дом № 9 по Владимирскому проспекту)

Неисповедимы судьбы старинных домов! Всякий раз я думал об этом, проходя по Владимирскому проспекту мимо стоявшего в глубине участка маленького двухэтажного особнячка под № 9. Каким образом уцелел этот Давид под натиском надвинувшихся на него со всех сторон Голиафов – оставалось загадкой. Его ближайшие соседи (за исключением дома № 11 на углу Графского переулка) давным-давно надстроены или перестроены, уступив место громадным зданием в эклектическом вкусе, а он чудом сохранял если не прежний вид, то, по крайней мере, размеры. И вот в конце 1999 года домик исчез, разобранный до основания. Невольно пожалев о нем и заинтересовавшись его историей, я выяснил, что в ней есть достойная внимания страница.

Дом № 9 по Владимирскому проспекту. Современное фото

Здесь провел последние годы жизни заметный деятель александровского царствования П. С. Молчанов (1770–1831), некогда занимавший важные государственные посты. Правда, к тому времени как Петр Степанович поселился в далеко не парадной в ту пору части города, карьера его уже завершилась. Он успел побывать под судом за якобы допущенные злоупотребления, – словом, представлял собой весьма распространенный на Руси тип отставного вельможи, знававшего лучшие времена и испытавшего все превратности царской службы.

А началась она лет за тридцать до того, в начале 1790-х, когда молодой выпускник Московского благородного пансиона – один из первых его учеников, активно сотрудничавший в литературных журналах, – неожиданно для многих поступил фурьером, то есть заготовщиком провианта и фуража, в гвардии Преображенский полк. Впрочем, всего через полтора года Молчанов выходит в отставку, но уже в чине капитана армии. Примечательно, что в то же самое

время он впервые переводит на русский язык классическую поэму Л. Ариосто «Неистовый Роланд», заслужив похвалу Н. М. Карамзина, который отметил его «изрядный слог».

Потом была служба при князе А. Б. Куракине, души в нем не чаявшем, затем – в канцелярии генерал-прокурора А. А. Беклешова, также весьма его жаловавшего, и, наконец, удачная женитьба на Е. И. Кушелевой, богатой наследнице екатерининского фаворита А. Д. Ланского. Она принесла ему в приданое, помимо прочего, огромный дом на Дворцовой площади, впоследствии купленный для Главного штаба.

Приобретенное благодаря этому браку состояние Петр Степанович, бывший с 1807 года статс-секретарем по принятию прошений, а с 1808-го по 1815-й исполнявший обязанности управляющего делами Комитета министров, начал слишком быстро приумножать, чем вызвал вполне понятную зависть и неодобрительные толки сограждан. Тем не менее роскошный дом его на площади охотно посещался и даже, по своей открытости, сделался первым в столице.

Когда в декабре 1812 года император Александр I выехал из Петербурга в Вильно, чтобы присоединиться к армии, воевавшей против Наполеона, он оставил наместником своего бывшего воспитателя графа Н. И. Салтыкова, чьей правой рукой стал Молчанов.

Однако через несколько лет благополучию Петра Степановича пришел конец: в деятельности Комитета министров обнаружились «внутренние неполадки». Виновником их признали Молчанова, его арестовали и отдали под суд. Дело кончилось тем, что его отрешили от всех должностей, оставив в утешение лишь жалкое звание «неприсутствующего сенатора». По отзыву весьма осведомленного Н. И. Греча, «он был человек умный и благородный и сделался жертвой зависти своих недоброжелателей».

Вот тут-то и пришел черед подумать о жилье в какой-нибудь отдаленной части города, чтобы не мозолить глаза и не напоминать о себе лишний раз кому не надо. С этой целью в начале 1820-х годов приобретен на имя жены крошечный каменный домик кузнечного мастера Никифора Андреева на нынешнем Владимирском проспекте, а также смежный участок купца Мурашевского, выходивший в Троицкий переулок (улица Рубинштейна), – на имя самого Молчанова.

В 1824 году особняк на Владимирском (в то время он именовался Литейным), расширенный и перестроенный, был готов. Но обживать его Петру Степановичу пришлось уже одному: годом раньше скончалась его жена Евдокия Ивановна, а дочь Елизавета вышла замуж. В 1828-м он потерял единственного сына. Ослепший и одинокий, Молчанов, однако, не утратил бодрости духа и интереса к жизни.

Как раз в ту пору он познакомился, а затем и подружился с П. А. Вяземским, высоко оценившим его достоинства. Позднее князь вспоминал: «Нашел я в нем человека умного, обхождения самого вежливого и приятного. Отставку и слепоту переносил он бодро и ясно. Был словоохотлив, говорил и рассказывал с большой живостью и увлекательностью. Много и многих знал он вблизи; знал хорошо и сцену света, и актеров, и закулисные таинства, и все сохранил он в своей твердой и зеркальной памяти... Он говаривал, что можно всем прикинуться – и богатым, и знатым, но умным уж никак не прикинешься, если нет ума».

Среди рассказов Молчанова особенно примечателен один. Когда в 1812 году Наполеон шел на Москву, Петербург тоже не мог считаться в полной безопасности, а посему правительством предпринимались меры, чтобы заблаговременно вывезти из столицы все наиболее ценное. Не был забыт и Медный всадник: его предполагалось «упаковать» и отправить водой в безопасное место. К счастью, эта мера не потребовалась...

Давние дружеские отношения связывали Молчанова с П. А. Плетневым, в прошлом – наставником его сына, а также с Жуковским и Дельвигом, жившим, как известно, неподалеку. Был он знаком и с Пушкиным, несомненно бывавшим у него. Летом 1831 года в России свирепствовала холера, уносившая тысячи жизней. Не обошла она и Петербург. Молчанов очень боялся ее и, по словам того же Вяземского, «наглухо заперся в своем доме, как в крепости,

осажденной неприятелем. Но крепость не спасла. Неприятель ворвался в нее и похитил свою жертву».

В середине июля Пушкин отозвался на это печальное событие сочувственным письмом к Плетневу: «Вчера только сказали мне о смерти нашего доброго и умного слепца. Зная твою привязанность к покойному Молчанову, живо воображаю твои чувства. Час от часу пустее свет, пустее дорога перед нами». В ответном послании Плетнев писал: «Ты угадал мои чувства по случаю кончины Молчанова. Он и Дельвиг были для меня необходимыми, чтобы я полнее чувствовал счастье жизни». Согласитесь: чтобы заслужить такую оценку лучших людей того времени, надо быть личностью далеко не заурядной. Очевидно, в П. С. Молчанове они видели своего, близкого им по духу и интересам человека.

А бывший молчановский особнячок, где в недавние дни размещался какой-то ресторан, все так же стоял в стороне от людских потоков, переливающихся через Владимирский проспект, напоминая о бренности и в то же время вечности всего сущего. Теперь на его месте новый дом.

В Милютином ряду (Дом № 27 по Невскому проспекту)

Каким цепким бывает порой старое название, можно судить по дому № 27 на Невском проспекте: давным-давно, еще на исходе XVIII века, перешел он от Милютиных к другому владельцу и впоследствии еще не раз менял хозяев, но изначальное прозвище – Милютин ряд, или Милютины лавки, – никак не хотело уступать и стойко держалось чуть ли не до 1920-х!

А началось все с того, что купец Алексей Иванович Милютин, выбившийся в люди из придворных истопников, завел в 1718 году фабрику, на которой, по свидетельству А. Богданова, ткали серебряные и золотые позументы, а также «всякие шелковые ленты». До 1733 года Милютин пользовался монополией на это производство.

В 1737-м он приступил к постройке на отведенном ему участке на «Большой перспективной» (будущем Невском проспекте) длинного, в двадцать восемь окон по фасаду, двухэтажного каменного здания. В нижнем его этаже должны были разместиться четырнадцать лавок, отдаваемых внаем разным купцам, а в верхнем – позументная фабрика.

Строительство, потребовавшее немалых затрат, затянулось, поэтому в 1741-м Милютину пришлось просить о продлении на год срока окончания работ, на что последовало согласие. Наконец дом был готов. Слева от него в скором времени соорудили деревянные серебряные ряды, еще левее протянулись низкие и тоже деревянные строения Гостиного двора. Таким образом, обширное пространство между Большой Садовой улицей и речкой Кривушей (нынешний канал Грибоедова) превратилось в одно сплошное торжище.

Дома № 27, 29, 31 по Невскому проспекту. «Милютин ряд» – четырехэтажное здание в центре. Фото 1900-х гг.

Впрочем, не все помещения милютинского дома были заняты под лавки и фабрику – оставалось место и для наемного жилья. Это можно понять из объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1752 год: «Итальянской живописец Варфоломей Тарсий едет отсюда; и ежели имеются на нем чьи долги, те явиться могут у него в квартире в доме г. Милютина близ гостиного двора».

Венецианский художник Бартоломео Тарси, о котором идет речь, преподавал в Рисовальной школе при Академии наук и известен росписью плафонов в Итальянском и Петергофском дворцах, а также в Летнем дворце Екатерины I. В том же милютинском доме проживал и соотечественник Тарси – Паоло Балларини, тоже плафонный живописец, расписывавший, помимо загородных царских резиденций, дворцы графов Шувалова и Воронцова. Трудно сказать, почему художники облюбовали для жительства именно этот дом; скорее всего, из-за его близости к дворцам знати, где им приходилось работать.

При Алексее Милютине торговые дела шли успешно: еще в 1740 году он получил дворянские привилегии и хотя по-прежнему числился купцом, но приобрел право владеть крепостными, которые трудились у него на фабрике.

Однако при его сыне Иване, по прозвищу Белый, дела фирмы вдруг резко пошатнулись: он залез в долги, и все имущество, включая дом на Невском, было выставлено на продажу. Случилось это в 1781-м. О предстоящих торгах незамедлительно сообщили те же «Санкт-Петербургские ведомости»: «Июля 6 числа... продаваться будет на Невской перспективе арестованной здешнего купца Ивана Милютина каменной о двух этажах дом со всеми принадлежностями, также принадлежащие позументной фабрике инструменты и крепостные его Милютина люди... всего 59 человек».

Обычная история. В ту пору русские купцы, даже самые богатые и именитые, из-за отсутствия коммерческих банков (первый и единственный в России такого рода банк был открыт только в 1817 году) и долговременных кредитов вынуждены были прибегать к краткосрочным ссудам, поэтому неуспех какого-либо предприятия часто приводил их к полному разорению. Не случайно в Петербурге редки были купеческие династии, насчитывавшие более пятидесяти лет...

Правда, в тот раз Ивану Милютину как-то удалось выкрутиться и заплатить долги. Через несколько лет, к концу 1780-х, он пристраивает к главному зданию на Невском еще один трехэтажный каменный дом, выходящий другим фасадом на канал. В нем сразу же расположился французский книжный магазин, торговавший здесь много десятилетий. Оба здания изображены на «Панораме Невского проспекта» В. С. Садовникова. Очевидно, одновременно с постройкой нового дома был перестроен и старый, выросший до четырех этажей.

С 1799 года дом, а точнее, дома Милютина перешли в собственность первостатейного купца Силы Борисовича Глазунова. Позументная фабрика была закрыта, и с тех пор оба здания использовались только под торговые и жилые помещения.

В нижнем этаже, едва ли не с момента постройки дома, обосновались лавки. Там продавались свежие и сушеные фрукты, овощи, ягоды, варенья, сыры, сельди, устрицы, вина, сахар и другие продукты. За лавками укрепилось название Милютина ряда; некоторые товары можно было купить только там, да еще в биржевых лавках. Однако со временем у них появились серьезные конкуренты в лице Елисеева, Смурова, Вьюшина и других купцов.

Интересно, как оценивали приказчики степень богатства и процветания своих хозяев; когда некий сиделец, служивший в одной из лучших фруктовых лавок столицы, услышал, что, дескать, Бабилов, торговавший у Харламова моста, капиталом не уступит, пожалуй, его хозяину, возразил: «Куда ему до нас! Ему господа должны не более 60 тысяч, а нашему – за 300».

Но зато и торговцы не давали покупателям спуска: те же Милютины лавки всегда славились своей дороговизной. И. И. Пушкарев в своем «Описании Санкт-Петербурга», относящемся к концу 1830-х, посвящает им целый абзац: «Кто не знает Милютиных лавок? Кто не

покупал и не кушал Милютинской вишни, малины в январе и феврале месяцах, когда снег и иней покрывают еще наши сады? Было время, что в Милютины лавки стекались толпы охотников до лакомства, до устриц; что об Рождестве и Маслянице свозили сюда кучами детей, и с большою опасностью можно было тогда пробираться в тесноте экипажей на другую сторону проспекта. Но это время ныне миновалось, люди сделались бережливее и строже сами к себе; ... Милютины лавки постепенно пустеют; разве что чиновник, возвращаясь из департамента домой к обеду с полученным им жалованьем, мимоходом зайдет в Милютины лавки взять десяток баргамотов (сорт груш. – А. И.) для детей и банку киевского варенья для жены, а постоянных посетителей уж нет».

Большинству горожан оставалось лишь любоваться выставленными в витринах янтарными балыками, ранними огурцами и другими съедобными диковинами, поджидающими, по выражению гоголевского капитана Копейкина, дурака, который заплатит за них сумасшедшие деньги.

После смерти С. Б. Глазунова ему наследовали три его дочери, бывшие замужем за купцами Яковлевым, Сазоновым и Цыrkовым, а затем оба дома, под общим № 27, перешли к почетному гражданину П. Т. Лесникову; для него архитектор С. О. Шестаков в 1882–1883 годах перестроил их, переделав фасады в эклектическом стиле.

Изменив внешний вид, Милютин ряд изменил и специфику: отныне здесь торговали чем угодно, только не фруктами; прежним оставалось лишь название, продолжавшее жить в устной традиции, напоминая о прошлом.

Метаморфозы Яковлевских палат (Дом № 52/14 по Невскому проспекту)

Среди вечной сутолоки Невского проспекта трудно бывает остановиться, оглядеться по сторонам, обратить более пристальное внимание на дома, виденные тысячи раз, но, в сущности, такие же незнакомые, как бесчисленные лица в толпе. Кажется, что так было всегда и так будет вечно: бесконечные людские потоки и застывшие, неизменные здания по сторонам. Но это лишь видимость. Дома живут своей жизнью; они тоже стареют, болеют и умирают. Точнее – перевоплощаются, принимают другие обличья. Нередко первоначальная основа обрастает пристройками и надстройками, оказываясь внутри них, как орех в скорлупе.

Дом № 52/14 по Невскому проспекту. Современное фото

Нечто подобное произошло с домом № 52/14 на углу Невского и Садовой, знакомого горожанам только благодаря издавна обосновавшимся здесь книжному магазину да Театру марионеток. Неброский, условно «классический» фасад, выполненный в 1850 году по проекту Б. Б. Гейденрейха, не будит фантазии и мало о чем говорит. История же здания – длинная, полная превратностей – скрыта от глаз.

Построил его в начале 1740-х годов именитый купец Савва Яковлев вместе с соседними, принадлежавшими ему же палатами, находившимися на месте дома № 54. Одноэтажные, на высоких погребках, возведенные по «образцовому проекту», дома мало чем отличались друг от друга, но судьбы им были уготованы разные. Однако сначала мы поговорим об их владельце, чья личность не совсем обычна.

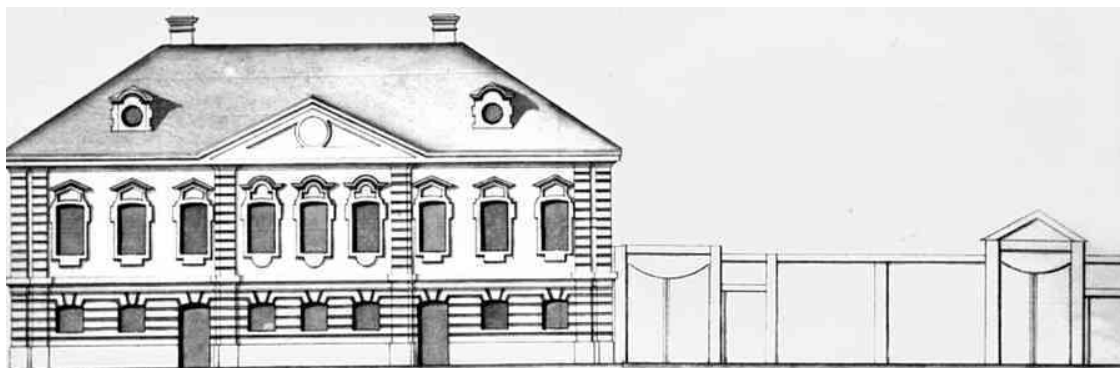
Как читатели, возможно, помнят, молва приписывала происхождение его богатства бочонку с золотом, будто бы утаенному, а затем похищенному в сговоре с Петром Резвым с

голландского судна, на котором они плавали. Добытый таким образом первоначальный капитал помог ему быстро встать на ноги, заняться откупами, а позднее – рудными и золотыми промыслами. Эта легенда, несомненно, порождена чересчур уж стремительным обогащением недавнего бедняка, сумевшего к тридцати годам занять два каменных дома и крупное состояние.

Савва Яковлев

По жадности и недомыслию Савва Яковлев вздумал пренебречь «популярностью в массах», оберегая свой карман от непроизводительных, по его мнению, трат, за что и поплатился. Так, в счастливый день восшествия на престол государыни Екатерины II он отказался даром поить народ в принадлежавших ему кабаках, чем вызвал против себя бурю негодования – и не одних простолюдинов. Говорят, императрица пожаловала скаредному откупщику пудовую чугунную медаль на шею, а поэт Державин выразил свое порицание специально написанной одой «К Скопихину».

Дом С. Яковлева. Чертеж из коллекции Берхгольца. 1740-е гг.

В дальнейшем Савва попытался исправить ошибку: занимался благотворительностью, жертвовал на храмы, отливал многопудовые колокола, но не мог смирить крутой, далеко не христианский нрав свой, проявлявшийся во многих скандальных историях с избиениями, сажанием на цепь и прочими издевательствами над маленькими людьми. За это народная нелюбовь преследовала его и после смерти: на роскошном надгробном памятнике богача в Александро-Невской лавре вскоре появилась надпись: «Пожил, поворовал Савва, – конец и Богу слава!»

А теперь обратимся к домам Яковлева; они долгое время замыкали ряд жилых строений по нынешней четной стороне Невского проспекта до Аничкова моста. К 1753 году он продал их елизаветинскому фавориту И. И. Шувалову, ставшему вследствие этого хозяином огромного участка между Садовой, Малой Садовой, Итальянской и Невским.

На месте небольшого, в восемь окон по фасаду, домика вырос внушительный флигель великолепного Шуваловского дворца (дом № 54), законченного С. И. Чевакинским годом позже. А рядом с ним, на правах бедного родственника, приютились девятиоконные угловые палаты, простоявшие в неизменном виде до конца 1780-х. Правда, бедными они могли показаться лишь в сравнении с расположенным неподалеку дворцом, зато мало чем отличались от прочей застройки «знатных» улиц – Большой и Малой Морских, Миллионной, набережной Мойки.

Петербург рос, отодвигая прежние границы; теперь уже владения И. И. Шувалова и графа А. Г. Разумовского не выглядели чуть ли не загородными поместьями, оказавшись гораздо ближе к центру столицы. Находилось немало охотников приобрести жилье и на Невской перспективе, мало-помалу приобретавшей значение важнейшей магистрали.

Июньский переворот 1762 года, приведший к власти Екатерину II, поставил крест на былом значении И. И. Шувалова. По неясным до сих пор причинам новая императрица резко переменяла отношение к бывшему другу и союзнику, его она в одном из писем к С. Понятовскому называет «самым низким и подлым из людей».

И. И. Шувалов

В 1763 году ему предлагается на три года уехать за границу. Поскольку это было предложением, от которого не отказываются, Ивану Ивановичу пришлось срочно распродавать свое имущество; он даже просит государыню купить один из его домов и часть картин за 12 тысяч рублей «ввиду крайней его нужды». Императрица отказалась от покупки, и Шувалов, чье пребывание за границей растянулось на целых десять лет, вынужден был давать многократные объявления о продаже через «Санкт-Петербургские ведомости».

В марте 1766 года отставной канцлер граф М. И. Воронцов обратился к Шувалову, находившемуся в ту пору в чужих краях, с таким письмом: «Милостивый государь мой, Иван Иванович! Уведомясь, что ваше превосходительство здешние дворы продавать изволите, Анна Карловна (жена графа. – А. И.) желает купить один из маленьких ваших дворов, а именно наугольной, которой вы от Саввы Яковлева купили. Мы оба просим вас объявить цену оному двору и буде в состоянии найдемся по назначенной цене купить, то и купчая совершена быть может с тем, кого вы уполномочить изволите».

Ко времени написания этого письма Воронцов, чьи финансовые дела из-за многочисленных долгов находились не в лучшем положении, начал тяготиться постоянными гостями, наносившими частыми визитами ощутимый убыток хозяину. Добавлю, что в ту пору граф еще проживал в уже не принадлежавшем ему великолепном дворце на Садовой, там, где теперь Суворовское училище.

В. С. Садовников. Панорама Невского проспекта. Фрагмент. 1830-е гг. Дом № 52 по Невскому проспекту

Однако сделка не состоялась; возможно, Шувалов предпочел оставить дом за сестрой, княгиней П. И. Голицыной, подолгу в нем жившей, а может быть, Воронцова не устроила назначенная цена. Так или иначе, канцлер охладел к своей затее и перебрался в Москву, где вскоре скончался. Княгиня же Голицына (ей фактически и принадлежал дом) через десять лет вновь сделала попытку его продать, но из этого тоже ничего не вышло. Только в 1780 году он был продан самим И. И. Шуваловым за 19 тысяч рублей – обычная тогдашняя цена небольшого, хорошо обставленного дома на одной из лучших улиц Петербурга. За прошедшие сорок лет он изменился мало, по крайней мере снаружи: одноэтажный, на подвалах, в успевшем уже устареть незатейливом стиле аннинского барокко.

Таким получил его новый владелец – доктор Иван Зоммер, и таким он оставался до самой его смерти. В 1787 году вдова покойного, вышедшая вторично замуж за придворного хирурга И. Ф. Бека, пожелала расстаться с участком, уступив его супруге генерал-поручика М. С. Бороздина – Настасье Андреевне. Генеральша переделала неказистое здание, расширив его вправо, повысив на два этажа и придав ему строгий классический облик, запечатленный на «Панораме Невского проспекта» 1830-х годов В. С. Садовникова. Чтобы покрыть издержки, Бороздины сдали нижний этаж под торговые помещения, а парадный зал – в аренду заезжему паноптикуму.

В декабре 1792 года «Санкт-Петербургские ведомости» оповестили горожан о дотоле невиданном зрелище: «В доме генерала Бороздина на Невском проспекте под № 766, в большом зале имеются для зрения более 50 фигур, сделанные из воску господами Морелем и Гереном, недавно приехавшими французскими художниками. Оные фигуры представляют разных знатных особ в натуральной величине и приличной одежде... За вход платить будут в первом месте по 1 рублю, а во втором по 50 копеек».

Можно предположить, что художники бежали из революционной Франции, счастливо ускользнув от гильотины; по крайней мере, показываемые ими персоны, среди которых почетное место занимали римский папа Пий VI и семь царствующих государей, говорят об их роялистских симпатиях. Через три месяца интерес зрителей поубавился; соответственно пали и цены до 25 и 10 копеек, а вскоре паноптикум переехал в другое место.

Однако пора нам познакомиться с хозяйкой дома, Настасьей Андреевной Бороздиной, урожденной Крекшиной. В своих «Записках» Н. И. Греч называет генеральшу «бой-бабой»,

а жизнь ее – «безалаберной», о чем он был наслышан от собственной матери, проведенной у Бороздиных несколько месяцев в качестве воспитанницы. «Воспитание» закончилось тем, что добродетельная немецкая фрейлейн, опасаясь за свою нравственность, сбежала от благотельницы и поселилась у крестной.

Более подробные сведения о Настасье Андреевне можно найти в воспоминаниях упоминавшихся ранее князя И. М. Долгорукого (1764–1823). Описывая золотые юношеские годы, Иван Михайлович рассказывает и о Н. А. Бороздиной, которую знал весьма близко: «Дама средних лет, милая и веселого духа. Семейство ее составляли муж генерал-поручик, который давал ей волю делать все, что она хотела, три сына... и барышня, приживающаяся у нее из ласки... Госпожа Бороздина была полная владычица в своем доме; страсть ее к карточной игре привлекала к ней множество гостей нашего пола, а чтоб еще было веселее, она затеяла театр, на котором дети ее играли комедии по-французски».

О том, что творилось в доме Бороздиных между картами и французскими водевилями, можно только догадываться, поскольку сам рассказчик, не желая, по его словам, сор из избы выносить, ограничивается лишь многозначительным намеком, давая, впрочем, понять, что «в нем Бог знает чего по временам не происходило». Судя по всему, упомянутая Долгоруким барышня-приживалка не мать Греча, но это дела не меняет: положение ее было не из приятных. «Что бы ни занудилось: сыграть, пропеть, съездить, зазвать, удержать, заманить, словом, все попадало в должность Львовой, и она не могла ни от чего отговориться. Дом Бороздиной наполнен был мужчин, игроков и всякой всячины».

В то время как молодежь дурачилась под музыку пьяного скрипача, входившая в картежный раж хозяйка с красными от бессонницы глазами играла с кем-нибудь в макао (азартная карточная игра. – А. И.), иступленно выкрикивая немыслимые ставки и забывая в тот момент обо всем на свете...

Со смертью в январе 1796 года безропотного супруга Бороздиной жизнь в доме резко переменилась. Вдове пришлось взвалить на себя бремя забот и непомерных долгов, в которых повинна была, прежде всего, она сама. Опять понадобилось сдавать парадный зал под кабинет восковых фигур, водворившийся там в мае того же года. (Бог весть, по какой причине приезжие иностранцы облюбовали его именно для этой цели!)

В ноябре скончалась императрица Екатерина II, и на престол вступил Павел, начавший щедро одаривать и вознаграждать «пострадавших от прежнего режима». Бороздина смекнула, что наступил удобный момент для решения ее финансовых проблем, и обратилась к государю со льстивым, раболепным прошением, выставя своего покойного мужа невинной жертвой князя Потемкина, а себя – несчастной матерью оставшегося без пропитания семейства.

В слезливых строках своего пространного послания Настасья Андреевна изложила и вполне конкретную просьбу: купить ее дом в казну, но не по той оценке, что была произведена городской думой (50 тысяч рублей), а по той, что сделали специально приглашенные ею «каменных дел мастер» Висконти и архитектор Бренна, – 160 тысяч. И это, «исключая стоимость места, в середине города находящегося, и всех в доме мебели»!

Фасад дома № 52 по Невскому проспекту. Фото начала 1900-х гг.

Столь неслыханно высокую цену, даже подкрепленную авторитетом чтимого им Бренны, Павел платить не захотел, выпустив 1 февраля 1797 года следующий указ: «За купленный в казну нашу у вдовы Бороздиной каменный дом, состоящий в третьей адмиралтейской части, повелеваем заплатить из кабинета 111 686 рублей». Веселая вдова перебралась в тогда же приобретенный ею особнячок на углу Невского и Литейной, где и умерла пять лет спустя.

А в истории дома была перевернута очередная страница: сюда из так называемого «лейб-кампанского корпуса» на Миллионной (дом № 33/2), отданного первому батальону Преображенского полка, перевели придворных актеров и театральное училище. В зале, где когда-то домочадцы генералыши Бороздиной разыгрывали свои любительские представления, стали обучать профессионалов.

Однако в скором времени выяснилось, что местоположение дома было не особенно удачным: слишком много соблазнов вокруг. Уж очень любила гвардейская молодежь и фланирующие по Невскому поклонники молоденьких актрис заглядывать в окна театральной обители, расположенной как раз на пути их ежедневных прогулок! И если при суровом Павле светские шалопаи не смели покушаться на рискованные заигрывания, то в первые либеральные годы царствования Александра I от них просто не стало отбоя. К тому же здание находилось чересчур далеко от Большого театра, а вдобавок оказалось весьма ветхим и требовало постоянных ремонтов. Все эти соображения заставили начальство подыскивать другое помещение.

В 1806 году был куплен недавно построенный дом портного Ивана Крепса на Екатерининском канале (дом № 93), но старое здание на углу Невского и Садовой еще несколько лет оставалось за театральной дирекцией. Только к 1814 году оно перешло к переплетчику Рихтеру, от него – к жене инженер-полковника Таубе и, наконец, в 1886-м стало собственностью фортепьянного фабриканта Карла Шредера, чьи наследники владели им до самой Октябрьской революции.

За последние полтора столетия верхние этажи внешне не претерпели существенных изменений, чего не скажешь о нижних: устроенные в 1960-х годах аркады придали главному фасаду

характер декоративного футляра, скрывающего первоначальную сердцевину, с которой и началась история старинных яковлевских палат...

Литейная часть

«Сперва шли казаки с пиками...» (Дом № 70 по Невскому проспекту)

Особняк И. О. Сухозанета на Невском проспекте довольно известен хотя бы потому, что в нем уже более четверти века размещается Дом журналистов. Сохранилась великолепная отделка вестибюля и некоторых залов, относящаяся к первой трети XIX века, а наружный вид дома претерпел в 1860-х годах лишь незначительные изменения. В солидном справочнике «Памятники архитектуры Ленинграда» сказано, что он был построен в 1820-х годах архитектором Д. И. Квадри, а в 1835–1838 годах отделан внутри Д. И. Висконти и С. Л. Шустовым. Но на самом деле здание появилось гораздо раньше.

Дом № 70 по Невскому проспекту. Современное фото

Некогда на его месте стоял зеленый деревянный домишко серебряника Трофимова, где – знаменательное совпадение! – еще ребенком проживал с родителями будущий соиздатель «Северной пчелы» и светоч отечественной журналистики Н. И. Греч. В начале 1810-х участок с ветхим строением приобрел купец Антон Шемякин, снес его и возвел трехэтажный каменный дом. Он отчетливо виден на акварельном рисунке М. Н. Воробьева, относящемся к 1814 году, и показан на детальном плане Петербурга, составленном под руководством А. Бетанкура в 1819-м.

Шемякин владел домом до марта 1830 года, после чего продал его за 162 тысячи рублей генерал-адъютанту Ивану Онуфриевичу Сухозанету. Широкой публике о нем, в лучшем случае, известно лишь то, что он – один из героев Отечественной войны с Наполеоном и что был заядлым картежником, – вот, пожалуй, и все. А между тем генерал, долгое время управлявший Военной академией и заведовавший, по сути дела, всеми военно-учебными заведениями, – характерная и типическая фигура николаевского царствования и, несомненно, заслуживает большего внимания.

Он был женат на княжне Е. А. Белосельской; очевидно, особняк, расположенный напротив ее родительского дома, супруги выбрали не случайно. Удачная женитьба принесла Ивану Онуфриевичу богатство и связи с лучшими аристократическими фамилиями. Собственное же его происхождение, по выражению классика, «темно и скромно». Сын бедного обрусевшего шляхтича из медвежьего уголка Витебской губернии, отданный на казенное воспитание в Артиллерийский и инженерный (впоследствии Второй кадетский) корпус, Сухозанет прошел в юности тот же тернистый путь, что и его старший коллега и будущий начальник Аракчеев, выпускник того же учебного заведения. В их взглядах и характерах имелось много общего: слепое, беспрекословное подчинение воле старших как высшая добродетель, обожествление дисциплины и чинопочитания, полнейшее презрение к таким «пустякам», как человеческое достоинство, и вследствие этого – крайнее бессердечие и жестокость.

С таким запасом жизненных правил начал юный прапорщик свою военную карьеру. Он участвовал в кампании 1807 года, где получил несколько ранений, а после ее окончания, произведенный в поручики, был переведен в лейб-гвардии Артиллерийский батальон и назначен адъютантом к инспектору конной артиллерии генерал-майору князю Л. М. Яшвилю (родом грузину).

И. О. Сухозанет

Возможно, именно субординация заставила Сухозанета подчиниться противоестественным наклонностям начальника, что сильно повредило репутации молодого офицера, но зато обеспечило ему быстрое и беспрепятственное продвижение по службе. К 1812 году, всего через восемь лет после окончания учебы, Иван Онуфриевич уже достигает генеральского чина. Большую часть Отечественной войны он провел в разных должностях при том же Л. М. Яшвиле, командовавшем артиллерией в корпусе Витгенштейна, отличился в битве под Полоцком и позднее, уже во время заграничных походов, под Лейпцигом.

В 1819 году И. О. Сухозанет назначается начальником артиллерии Гвардейского корпуса и в этом качестве участвует в подавлении восстания декабристов, о чем подробно повествует в своих воспоминаниях. Николай I долго колебался, не решаясь применять артиллерию против мятежников, но после бесплодных попыток убедить их разойтись пушки все же были пущены в ход.

Вот что рассказывает об этом сам Сухозанет: «Всего было сделано 4 выстрела картечью, один за одним, прямо в колонны – орудия наводить не было надобности, расстояние было слишком близкое... Государь уехал во дворец, не желая видеть этого плачевного зрелища; а я, придвинув орудия к углу Сената, видел, смеха и жалости достойное, бегство толпы вдоль Английской набережной. Некоторые стрелки бросались через парапет в Неву, куда они падали в глубокий снег, как на перину, а многие даже не вставали. Я приказал заряженным

орудиям картечью выстрелить вверх, а потом, для страха, сделал по одному выстрелу с каждого орудия ядрами, также вверх, вдоль Невы, приказав наводить левее горного корпуса. Этим действие артиллерии совершенно окончилось».

Для Сухозанета бегство безоружной толпы от картечных выстрелов всего лишь «смеха и жалости достойное» зрелище, причем в большей степени – смеха, слово «жалость» добавлено просто из приличия. А вот что по этому поводу пишет другой свидетель тех же событий, граф Ф. П. Толстой: «Сухозанет... отдал приказ пустить из орудий картечью по Неве, по нескольким десяткам возмущившихся солдат, бросившихся бежать прямо на Васильевский остров, и пустить рикошетом ядро в длину Галерной улицы, наполненной не одною сотней разного звания и пола зрителей, между тем как преступников побежало туда не более десятка, и пущенное Сухозанетом ядро, не задев ни одного из преступных, было виною смерти не одного невинного, а многие пострадали от ран».

С того памятного дня генерал входит в полное доверие к новому государю и пользуется его неизменной благосклонностью: за верность своей особе император мог простить многое. Затем последовало участие в русско-турецкой войне 1828–1829 годов и новые чины и отличия. В промежутке между описанными событиями Иван Онуфриевич вступает в брак с богатой княжной Белосельской, по достоинству оценившей его верность престолу. Перед ним открываются двери лучших домов, фортуна балует своего любимца, он покупает дорогой особняк на Невском проспекте и готовится задавать там пышные балы... Но тут вспыхивает восстание в Польше, и в одном из первых же сражений в начале 1831 года Сухозанету ядром отрывает правую ногу ниже колена.

Со строевой службой покончено навсегда. Однако царь не забывает своего преданного слугу. После недолгого пребывания генерала в должностях главноуправляющего Артиллерийским училищем и председателя Артиллерийского комитета он поручает ему в 1833 году заведование всеми сухопутными кадетскими корпусами, а также новоучрежденной Военной академией.

Назначение Сухозанета вызвало недовольство в обществе, но, поскольку время было тихое и безгласное, все покорно смолчали, вдоволь посудачив и похихикав в гостиных. Общее настроение отразил в своем дневнике А. С. Пушкин, записавший весьма удачный каламбур В. В. Энгельгардта: «Это, вероятно, для того, чтобы дать сим заведениям другой оборот» (запись от 27 ноября 1833 года). Но, как видно, толки не прекращались, и спустя два дня поэт снова возвращается к затронутой теме, выразив на сей раз и свое собственное мнение: «Три вещи осуждаются вообще – и по справедливости: 1) выбор Сухозанета, человека запятнанного, вышедшего в люди через Яшвиля – педераста и отъявленного игрока... Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве как спокойное местечко в доме инвалидов».

Какую память оставил по себе И. О. Сухозанет в качестве педагога – мы еще увидим. А сейчас несколько слов о его подвигах за игорным столом. Если примета относительно везения в картах справедлива, то Ивана Онуфриевича можно считать величайшим неудачником в любви: он выигрывал баснословные суммы, игра стала для него вторым призванием. Начальник Третьего отделения Л. В. Дубельт лаконично, как о чем-то привычном, отмечает в дневнике, что «Сухозанет в Английском клубе выиграл у А. И. Сабурова 60 т. руб. серебром», воздерживаясь от комментариев (запись от 13 ноября 1851 года). А ведь деньги по тем временам громадные!

Многие дивились такому непрерывному везению, некоторые подозревали, что дело нечисто и удача здесь ни при чем. Сам император время от времени подходил к играющим и внимательно следил за действиями наставника молодежи, но скрепя сердце молчал. И еще одна любопытная подробность: когда Сухозанет садился в карету, чтобы ехать на очередную картежную баталию, слуга нес за ним объемистую шкатулку с деньгами.

Что касается деятельности Ивана Онуфриевича на педагогическом поприще, то здесь все, входившее в соприкосновение с ним, едины во мнении. Приведу для примера высказывание о нем генерала от инфантерии сенатора Г. И. Филиппсона – выпускника той самой академии, где два с лишним десятилетия безраздельно властвовал И. О. Сухозанет: «Картежный игрок, молодость которого была позорна, а в старости он был героем бесчисленного множества соблазнительных рассказов. Это был человек злой, наглый, цинически безнравственный».

Свои слова Филиппсон иллюстрирует убедительным примером. Учащийся Московского кадетского корпуса Житков, выведенный из терпения грязными домогательствами дежурного офицера, обнажил против него тесак, но был вовремя удержан от удара. Узнав об этом случае, Николай I сильно разгневался, приказав Сухозанету ехать в Москву и примерно наказать провинившегося кадета. Генерал еще перед выездом пообещал засечь Житкова насмерть, что и исполнил. Несчастного юношу перед наказанием исповедили и причастили, после чего в присутствии его товарищей секли розгами до тех пор, пока не убедились, что он мертв. «Трудно, очень трудно воздержаться, чтобы не проклясть память этого холодного изверга!» – восклицает рассказчик.

Другой выпускник, Н. Г. Залесов, в своих «Записках» называет Сухозанета «пугалом академии». Вечно больной, раздражительный, помешанный на мелочах, он являлся туда исключительно для «распеканий». Однажды генералу вздумалось пригласить к себе на обед прапорщика, только что окончившего курс в академии. На другой день Иван Онуфриевич призвал к себе его начальника, штаб-офицера, и обругал на чем свет стоит, пояснив свой гнев следующими словами: «Когда блаженной памяти граф Аракчеев удостоил меня пригласить к себе на обед, то я, бывший прапорщиком гвардейской артиллерии, весь обед просмотрел ему в глаза, а вчера я, генерал-аншеф (так любил называть себя Сухозанет. – А. И.), позвал к себе обедать артиллерийского прапорщика, и что же, братец, он сделал?.. Он весь обед ел! Нет, так служить нельзя, у тебя, братец, в отделении нет никакой дисциплины...»

Этот эпизод наилучшим образом характеризует И. О. Сухозанета как начальника и как человека. Подобных ему было много: А. А. Аракчеев, П. А. Клейнмихель, В. В. Левашов, А. И. Чернышев – всех не перечислишь; в них, как в зеркале, отразилась эпоха «патриархального деспотизма», которой суждено было возродиться в сталинские времена, да и кто знает, застрахована ли Россия от него в будущем? Бессловесное, рабское послушание, животное, бездонное терпение низов и, как обратная сторона, наглая уверенность в своем праве и самодурство верхов, – разве это не живительная среда для бесконечного воскрешения старого?

Сухозанет умер как раз накануне освобождения крестьян, на пороге великих реформ Александра II, и смерть его выглядит символично. Ничьих слез она не вызвала, а присутствовавший на похоронах сенатор К. Н. Лебедев записал по этому поводу в своем дневнике следующую, скорее всего, не им самим придуманную остроту: «8 февраля 1861 г. – Сегодня хоронили известного картежника, генерала Сухозанета (Ивана Онуфриевича), и за гробом шли Государь, князья и члены Совета, так что выходило, что сперва шли казаки с пиками, потом попы с крестами и музыканты с бубнами, и наконец тело с червями, а за ним все тузы». Таков был итог его жизни.

Дом Петербургского Купеческого общества (дом № 70 по Невскому проспекту), украшенный флагами в честь коронации Николая II. Фото 4 мая 1896 г.

Через несколько лет наследники генерала продали особняк на Невском проспекте Купеческому обществу, во владении которого он оставался до самой революции.

На перекрестке трех проспектов (Дом 76/63 по Невскому проспекту)

Перекресток Невского, Литейного и Владимирского проспектов – один из самых оживленных и многолюдных: здесь сходятся упруго пульсирующие городские артерии, по которым в противоположных направлениях непрестанно текут людские и автомобильные потоки. В своем движении человеческие реки плавно огибают четыре угловых здания, появившиеся здесь в разное время и имеющие вроде бы несхожий облик. Однако с годами они как будто утратили былые различия, словно отшлифованные волнами прибрежные валуны, – то ли глаз к ним пригляделся, то ли измельченные деталями эклектические фасады придают им странное сходство. Правда, дом № 76/63 на углу Невского и Литейного существенно «опростился», но произошло это уже после войны.

Дом № 76/63 по Невскому проспекту. Современное фото

Если взглянуть на современный план Петербурга, то увидишь, что перекресток находится в самом центре исторической части города, и кажется, что так было всегда. Но это далеко не так. Когда Петербург только начал застраиваться, здешние места считались отдаленным предместьем: недаром продолжение нынешнего Владимирского проспекта получило название Загородной улицы.

В 1741 году Главная полицмейстерская канцелярия передала пустующее место на берегу «Фонтанной речки», принадлежавшее князю Ивану Дашкову, действительному камергеру А. Д. Татищеву (1699–1760). Участок простирался вдоль Невской перспективы до Большой

Литейной улицы. Татищев выстроил каменные палаты только в 1750–1759 годах, довольствуясь до той поры деревянным жильем, часть которого сдавал внаем.

Алексей Данилович Татищев, дослужившийся к концу жизни до чина генерал-аншефа, был сыном комнатного стольника. В молодых годах он входил в число денщиков, то есть адъютантов, Петра I, и царь за усердие и расторопность благоволил к нему. Придворная карьера Татищева и в дальнейшем подвигалась столь же успешно: императрица Анна Иоанновна пожаловала его в камергеры, ему приходилось беспрестанно придумывать для нее все развлечения самого грубого свойства. Именно ему принадлежала идея постройки Ледяного дома. Услужливый и льстивый, он сумел понравиться и Елизавете Петровне, и та 24 мая 1742 года доверила ему важный пост генерал-полицмейстера. Алексей Данилович сумел обеспечить себе полную самостоятельность, подчиняясь лишь самой государыне.

И в этой должности А. Д. Татищев блеснул присущими ему затейливостью и изобретательностью, пустив в ход «особливые стемпеля» для клеймения преступников, выжигавшие на лбу и на щеках надпись «вор». Если же наказанию случайно подвергнулся невиновный, то ввиду невозможности вытравления однажды поставленного клейма находчивый генерал-полицмейстер, не желая давать повода усомниться в своей справедливости, приказал выжигать на лбу оправданного, перед буквой «в», отрицательную частицу «не»!

Б. Патерсен. Набережная Фонтанки у Аничкова моста. 1793 г. Слева – дом А. Д. Татищева

Кроме каменных палат у Аничкова моста (где ныне дом администрации Центрального района), Татищев возвел еще один дом – на углу Литейной улицы, выходивший главным фасадом на Невскую перспективу. Но если изображение первого здания донесла до нас картина Б. Патерсена, то о том, как выглядело второе, можно только догадываться. Известно лишь, что оно было двухэтажным, на погребках, размером чуть не втрое меньше первого.

В 1761 году сын и наследник А. Д. Татищева продал участок покойного отца Адаму Васильевичу Олсуфьеву – близкому и доверенному лицу великой княгини Екатерины Алексеевны, в скором будущем Екатерины II. Немедленно после ее воцарения Олсуфьев назначается статс-секретарем и до конца жизни управляет кабинетом императрицы. Через него шли все милости и пожалования, и он же покупал на свое имя дома для очередных фаворитов.

С момента восхождения нового «светила» для Адама Васильевича наступала страдная пора: он непрерывно получал от государыни записки с требованиями бесчисленных бриллиантовых табакерок, драгоценных перстней, шпаг с алмазными рукоятками, предназначавшихся в дар счастливому избраннику.

Через два года после приобретения бывшего татищевского участка А. В. Олсуфьев купил дом на Большой Морской и с тех пор старался сбыть с рук пригородную усадьбу, публикуя в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления вроде нижеследующего: «Тайного Советника, Сенатора и Кавалера Адама Васильевича Олсуфьева продаются или в наем отдаются два дома каменных, состоящие близ Аничковского мосту по реке Фонтанке и на углу большой Невской перспективы и Литейной улицы; желающие оные купить или нанять о цене спросить можно в доме Его Высокопревосходительства в большой Морской улице у служителя Ивана Дементьева».

А. В. Олсуфьев

Продать участок тогда не удалось, — это было делом совсем не простым, — но посчастливилось сдать внаем датскому посланнику; он прожил здесь несколько лет, до своего отъезда на родину. Лишь незадолго до смерти, в 1783 году, Олсуфьев сумел избавиться от обременительной для него недвижимости, продав ее некой подполковнице Шулеповой, а та, в свою очередь,

разделила участок вдоль Невского на несколько частей и распродала их разным владельцам, оставив за собой оба каменных дома.

К концу XVIII века пустое пространство между ними постепенно застроилось, и они оказались отделенными друг от друга деревянным (на участке дома № 70) и двумя каменными зданиями (№ 72 и 74). Около 1809 года тогдашний владелец участка на углу Невского и Литейной купец Дегтярев продал его своему собрату, богатому торговцу Никифору Малкову.

К тому времени небольшие каменные палаты, построенные полвека назад, успели обветшать и ни своими размерами, ни внешним видом не устраивали нового хозяина. Пустые места, как со стороны Невского, так и со стороны Литейной, позволили расширить здание, придав ему совершенно иной облик. В 1810 году дом был готов – большой, трехэтажный, трапециевидной формы, с классическим фасадом, он выглядел солидно и внушительно. Гордый новым жильем купец велел изобразить свои инициалы «НМ» и год постройки на чугунной решетке балкона третьего этажа со стороны Литейной, где они красуются и по сей день, несмотря на все позднейшие переделки.

Дальнейшая судьба дома вкратце такова. В 1827 году Малков продал его корнету Уланского полка В. Г. Алексееву, и тот владел им в течение нескольких десятилетий. Около четверти века здесь помещался знаменитый Ново-Палкин трактир, славившийся своим громогласным органом, внимать которому купцы съезжались целыми семьями.

В начале 1860-х годов в буфетной комнате, украшенной витражами с изображениями сцен из «Собора Парижской богоматери» Виктора Гюго, любили собираться пьющие литераторы – не столько ради витражей, сколько ради удовольствия послушать умные, желчные речи поэта Н. Щербины. Писательские посиделки закончились в 1874 году, когда трактир, уже под именем ресторана, перебрался на другую сторону Невского проспекта, а дом сменил хозяина.

В 1877 году новый владелец участка, почетный гражданин А. Л. Кекин, по проекту архитектора В. М. Некоры перестроил главный корпус и примыкавший к нему со стороны Литейного двухэтажный флигель в одно здание, а еще через десять лет надстроил его двумя этажами. Выгодное местоположение дома со временем становилось все более очевидным. Город рос, ширился, и постепенно далекая окраина превратилась в пересечение центральных проспектов, зазывавших покупателей броскими вывесками дорожных магазинов.

Были они и на доме Кекина; самая заметная из них – антикварного магазина Н. К. Осипова, помещавшегося на углу, где сейчас парфюмерный. На фотографии 1903 года дом предстает перед нами во всем богатстве эклектического декора, которого он лишился при послевоенной реконструкции, изрядно обезличившей его. Но и в таком виде здание занимает важное место на перекрестке двух проспектов.

С «архитектурными излишествами» (Дом № 78/64 по Невскому проспекту)

Пятиэтажный дом № 78/64 на противоположном углу Литейного и Невского выглядит вполне в духе эклектических построек второй половины XIX века и ничем среди них не выделяется. Трудно поверить, что два нижних его этажа в большей части возведены еще в 1750-х годах, и таким образом здание это – одно из первых каменных, появившихся на тогда еще окраинной Литейной улице.

В 1751 году виноторговец Ермолай Калитин приобрел у купца Степана Долгова угловой участок по Невской «першпективе» с двумя деревянными домами. Снеся тот, что стоял на углу, новый владелец построил взамен него двухэтажные каменные палаты с почти равновеликими фасадами на две улицы.

Дом № 78/64 по Невскому проспекту. Современное фото

Обжившись на новом месте, Калитин не преминул заявить о себе через «Санкт-Петербургские ведомости» – единственную в ту пору столичную газету: «На Литейной части за Аничковским мостом по большой Невской першпективной в каменном... купца Ермолая Калитина доме продаются всяких сортов виноградные напитки анкерками (то есть бочонками. – А. И.)... также вейновые водки, Аглинское пиво, Шампанское и бургонское».

Дела, как видно, пошли неплохо, и Калитин решил увеличить свои владения, прикупив к ним в 1763 году небольшой смежный участок по Литейной улице с деревянным домом, принадлежавшим содержателю Ярославской мануфактуры статскому советнику А. И. Затрапезному. Сын и наследник купца «гостиной сотни» (часть высшего торгового сословия. – А. И.)

Ивана Затрапезного – основателя и первого директора знаменитой фирмы – Алексей Иванович не имел талантов своего родителя.

При нем мануфактура постепенно стала приходить в упадок, хотя он пользовался вниманием и покровительством сначала Петра III, пожаловавшего ему дворянство, а затем и Екатерины II. Он успел породниться со многими знатными фамилиями, но неудачная сделка с известным богачом Саввой Яковлевым серьезно пошатнула его состояние. Впрочем, к продаже участка на Литейной это обстоятельство прямого отношения не имело.

После смерти Ермолая Калитина торговлю столь же успешно продолжил его сын Василий. Нажив недурной капитал, он возымел тщеславное намерение вывести детей из того сословия, к которому сам принадлежал, дав им дворянское образование и сделав «благородными». Результатом стало разрушение привычного жизненного уклада и в конечном итоге – банкротство торгового дома Калитиных. К своему счастью, глава семейства до этого не дожил, и пожирать плоды мужниных затей пришлось его вдове, Прасковье Федоровне.

Один из ее «образованных» сыновей, Иван, несмотря на свой юный возраст, ударился в разгул и мотовство, так что мать вынуждена была публично, через газету, оповещать о его неплатежеспособности, призывая не давать ему в долг, под векселя. Вторым сыном, Николай, также не оправдал возлагавшихся на него надежды: окончив Артиллерийский кадетский корпус, он поспешил выйти в отставку всего-навсего в чине поручика и принялся проедать свою долю отцовского добра.

В 1801 году он продал деревянный флигель по Невскому проспекту (где сейчас дом № 80) купцу Гавриле Панину, а еще через пять лет благополучно спустил угловой каменный дом с деревянным флигелем по Литейной улице другому купцу – Михайле Кузьмину. В 1811-м владелицей этого участка стала жена коллежского советника Поликсена Ивановна Ртищева. Она тут же приступила к перестройке дома, повысив его до четырех этажей и расширив за счет сноса деревянного флигеля.

Читатель, вероятно, помнит, что незадолго до того Никифор Малков закончил перестройку своих палат на другом углу Литейной, в результате чего перекресток Невского обогатился двумя весьма представительными по тем временам зданиями, вдобавок выполненными в одном стиле. Вскоре после окончания дома Ртищевы начали сдавать имевшиеся в нем торговые помещения в аренду. Одним из первых нанимателей стал мебельный фабрикант Гроссе.

По каким-то неведомым, скорее всего финансовым, причинам он предпочел перевести свое заведение из центральной, аристократической части города в довольно отдаленную, не забыв оповестить об этом своих возможных клиентов через газету «Санкт-Петербургские ведомости»: «Сим объявляется, что фабрика и мебельный магазин Гроссе и компания, находившейся прежде в Малой Морской, в доме Роспини № 120, переведены ныне на Невский проспект, в угловой на Литейную улицу дом Ртищева, № 166. Тут продаются готовые всякие мебели разного дерева».

Впоследствии магазин и фабрика Гроссе перешли к его соплеменнику Гассе, основавшему в 1836 году собственную фирму. Через сорок лет число рабочих там достигло уже шестидесяти человек, и она считалась одной из самых значительных в столице.

Внизу, в полуподвале, где некогда помещалась виноторговая лавка купца Калитина, с 1818 года обосновался «ренсковый погреб», просуществовавший в разных ипостасях (его последнее воплощение – винно-водочный отдел гастронома) до новейших времен, знаменуя собой нерасторжимую связь времен и поколений. Однако основным источником доходов для хозяев дома служили «чисто отделанные, сухие и теплые квартиры», сдававшиеся, как гласило газетное объявление, «за сходную цену».

В начале 1850-х годов наследники покойной П. И. Ртищевой продали дом богатому промышленнику В. А. Кокореву. Об этом талантливом, самобытном человеке речь у нас пойдет впереди, поэтому здесь я лишь упомяну кое-какие занятные детали. Одной из характерных

черт Кокорева было стремление к оригинальности, непохожести на других. Когда ему приходила охота заниматься благотворительностью, он, выглянув в окно и за приметив какого-нибудь бедняка с печальным лицом, посылал осведомиться о причине его грусти. Получив, к примеру, ответ, что она заключается в болезни жены и отсутствии денег на лечение, Кокорев приказывал отнести прохожему тысячу рублей.

В. А. Кокорев

Иногда желание пустить пыль в глаза и затмить богатством и выдумкой остальных принимало причудливые формы. Как-то раз, по случаю празднования Дня святого Александра Невского (30 августа) – небесного покровителя Александра II, Кокорев устроил перед своим домом на углу Невского и Литейной невиданную доселе иллюминацию. Она изображала огненную русскую избу и стоявшего на ее пороге крестьянина с хлебом-солью в руках. К величайшему удовольствию Василия Александровича, перед этим сооружением останавливались все пешеходы и экипажи; однажды сам государь, проезжая по Невскому, задержался, чтобы осмотреть диковину, и навстречу ему вышел Кокорев с настоящим хлебом-солью.

В 1869 году бывший кокоревский дом пополнил собою длинный список доходных домов купца А. М. Тупикова. Через пять лет «придворный» архитектор последнего, Ю. О. Дютель, перестроивший для своего заказчика целых три дома на Литейном (№ 8, 21 и 64), надстроил здание еще одним этажом. При этом он украсил его некоторыми «архитектурными излишествами» во вкусе того времени.

Фасад дома № 78 по Невскому проспекту. Фото начала 1900-х гг.

С тех пор внешне дом изменился мало. Сменив в 1900-х годах в последний раз хозяев, он сохранил свое прежнее назначение: служить жилищем и местом торговли для богатого и среднего класса горожан. Послереволюционные события взбаламутили и перемешали все слои общества, но, похоже, сегодня все возвращается на круги своя.

Блудовские четверги (Дом № 80 по Невскому проспекту)

Хорошо знакомый всем горожанам дом № 80 по Невскому проспекту в настоящее время предстает перед нами уже в третьем своем обличье. До того, как на этом месте в начале XIX века появилось каменное здание, здесь стоял деревянный одноэтажный флигель купца Калитина, примыкавший к его же угловому дому. В предыдущем очерке мы говорили о семействе этого богатого виноторговца, сын и наследник которого, «отставной артиллерии поручик», получив свою долю отцовского добра, принялся его проматывать, продавая все, что можно было продать.

Дошла очередь и до деревянного флигеля на Невском; в 1801 году его приобрел купец Гаврила Панин, но сносить не спешил, прожив в старом, ветхом жилье еще несколько лет. Только к 1806 году он выстроил на его месте большой четырехэтажный дом в принятом тогда ампирином стиле и начал незамедлительно сдавать его «под жильцов». Одними из первых, кто в нем поселился, стали двадцатилетний Вигель с сестрой – женой генерала И. И. Алексеева.

Промозглой осенью, когда смертность в Петербурге увеличивается, особых занятий у будущего автора знаменитых «Записок» в ту пору не было, и они с сестрой, как он позже писал, «для препровождения времени могли... нередко любоваться похоронными процессиями, которые мимо нас тянулись в Невскую Лавру».

Дом № 80 по Невскому проспекту. Современное фото

В 1816 году в истории здания открывается новая, несомненно самая интересная страница: оно переходит в собственность Д. Н. Блудова (1785–1864). Близкий друг Жуковского и Карамзина, он входил в число основателей известного литературного общества «Арзамас». Своим названием общество обязано ему. Дмитрий Николаевич, занимавший в зрелом возрасте самые высокие государственные посты, включая министерский (с 1832-го по 1839 год он был министром внутренних дел), в молодости имел склонность к литературе, хотя писателем, или, как тогда выражались, сочинителем, так никогда и не стал.

Сама судьба подталкивала Блудова к занятиям российской словесностью: племянник поэта Державина и двоюродный брат драматурга Озерова, он с детских лет близко стоял к литературным кружкам своего времени, а рано пробудившаяся страсть к чтению и языкам предопределила круг его интересов. Начав службу «архивным юношей» в Москве, Дмитрий Николаевич в 1802 году переезжает в Петербург, где довольно скоро выдвигается на дипломатическом поприще, одновременно все больше погружаясь в борьбу литературных партий.

Д. Н. Блудов

Еще в Москве он свел близкое знакомство с заядлыми «карамзинистами» – В. А. Жуковским, братьями Тургеневыми и Д. В. Дашковым, отстаивавшими обновление письменного русского языка, освобождение его от устарелой и тяжеловесной церковно-славянской лексики. Блудов, большой почитатель Карамзина, с которым познакомился, а затем и подружился в Северной столице, без колебаний занял место в ряду его сторонников.

В 1810-х годах молодой, многообещающий дипломат, уже исполнивший к тому времени несколько важных миссий, так сильно увлекся литературой, что начал подумывать об оставлении дипломатической карьеры, и лишь усиленные настояния матери этому помешали.

Надо, впрочем, признаться, что писательского таланта Дмитрий Николаевич не имел и из него, в лучшем случае, мог выйти лишь недурной художественный критик – он обладал несомненным вкусом и изящным слогом, а кроме того, славился остроумием, начитанностью и красноречием. Своей утонченной вежливостью он напоминал французских аристократов дореволюционной эпохи, что дало повод Пушкину прозвать его «маркизом».

Это сходство подмечали в нем и другие современники, в том числе и сами французы. Талантливый писатель, а вместе с тем истый парижанин Ипполит Оже, познакомившийся с Блудовым как раз в то время, позднее вспоминал о своих встречах с ним: «Мне все казалось, что я еще в Париже: так хорошо знал он наш язык со всеми его оттенками и особенностями, так свободно владел им... Память у него была изумительная: он говорил, как книга. Разговаривая,

он всегда ходил по комнате, слегка подпрыгивая, точно маркиз на сцене. Сходство было такое полное, что мне всегда чудилось, будто на нем шитый золотом кафтан и красные каблуки».

Фасад дома № 80 по Невскому проспекту. Фото начала 1900-х гг.

В 1812 году Дмитрий Николаевич вступил в брак с княжной А. А. Щербатовой, а в скором времени его назначают советником посольства в Стокгольме. Через два года, уже в ранге поверенного, он возвратился из-за границы и вновь вступил в литературную полемику со «староверами», то есть последователями адмирала А. С. Шишкова и возглавляемой им «Беседы любителей российской словесности».

Дом № 80 по Невскому проспекту. Главный вход в кинотеатр «Parisiana». Фото 1915 г.

В противовес им в 1815 году и был основан «Арзамас». Среди его учредителей, помимо Блудова, были В. А. Жуковский, Д. В. Дашков, С. С. Уваров, С. П. Жихарев, А. И. Тургенев. (Примечательный факт: трое из названных – Блудов, Дашков и Уваров – впоследствии оставили увлечения юности и стали министрами.) Позднее к ним присоединились А. С. Пушкин, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, А. Ф. Воейков, В. Л. Пушкин, Ф. Ф. Вигель.

Последний, вновь поселившийся в доме, теперь уже Блудова, так описывает регулярно происходившие заседания: «Арзамасское общество, или просто «Арзамас», как называли мы его... собирался каждую неделю весьма исправно, по четвергам, у одного из двух женатых членов – Блудова или Уварова. С каждым заседанием становился он веселее: за каждую шуткой следовали новые, на каждое острое слово отвечало другое. С какою целью составилось это общество, теперь бы этого не поняли. Оно составилось невзначай, с тем, чтобы проводить время приятным образом и про себя смеяться глупостям человеческим. Не совсем прошел еще век, в который молодые люди, как умные дети, от души умели смеяться; но конец его уже близился».

«Арзамас» просуществовал недолго: с отъездом Блудова советником посольства в Лондон весной 1818 года домашние заседания прекратились. Настало время иных собраний и обществ, с ярко выраженной политической окраской. В 1826-м Блудовы продали дом купчихе Шапошниковой.

В течение последующих десятилетий здание еще не раз меняло владельцев, меняясь и само. В 1872 году очередной из них, купец А. В. Липгардт, по проекту архитектора М. А. Макарова перестроил его в смешанном стиле, с обилием лепных украшений; тогда же на нем появились эркер и эффектный мезонин. В верхних этажах обособились меблированные комнаты «Лувр», а в нижнем – самые разнообразные магазины.

И наконец, в 1913–1914 годах дом обрел свой теперешний вид, после того как талантливый петербургский зодчий М. С. Лялевич надстроил его пятым, шестым и мансардным эта-

жами, придав ему одновременно неоклассический фасад. Он же отделал зал кинотеатра «Пари-зиана», открывшегося в здании после реконструкции.

«Как яблочко румян...» (Дом № 82 по Невскому проспекту)

Невский проспект в теперешнем своем виде демонстрирует все многообразие архитектурных стилей Петербурга, по меньшей мере, за 200 лет – с 1750-х до 1950-х годов, начиная от елизаветинского барокко (Строгановский дворец) и кончая сталинским ампиrom (дом № 107). В этом грандиозном музее под открытым небом поздний николаевский классицизм представлен большим и внушительным образцом – домом № 82.

До 1834 года здесь стояли старые деревянные хоромы купца Суворова, проданные его наследниками инженер-майору Брюну. Новый хозяин снес невзрачное строение и воздвиг на его месте огромное по тем временам каменное здание под стать соседнему особняку Петрово-Соловова, позднее принадлежавшему князьям Юсуповым. Его отреставрированный фасад являет собой обычный набор классических элементов декора с прибавлением новомодного эркера над воротами. Но в остальном это уже многоквартирное здание нового типа.

Дом № 82 по Невскому проспекту. Современное фото

После Брюна им владела жена генерал-майора П. К. Александрова, внебрачного отпрыска великого князя Константина Павловича. В начале 1850-х годов огромные долги заставили супругов продать свое владение генерал-лейтенанту И. К. Максимовичу, в чьем роду оно оставалось до самой Октябрьской революции. Изначально дом Брюна – Максимовича задуман был как доходный, сдававшийся «под жильцов», коих перебивало там немало.

В 1860-х годах одну из квартир по парадной лестнице занимал издатель сатирического журнала «Искра», поэт и переводчик В. С. Курочкин. Журнал, остроумно высмеивавший пороки тогдашнего общества, пользовался большим успехом и приносил своему владельцу не

только моральное, но и вполне осязаемое материальное удовлетворение. Это позволило вчерашнему бедняку нанять довольно дорогую квартиру на Невском проспекте и устраивать в ней пятничные и воскресные вечера.

В. С. Курочкин

Впрочем, в соответствии с демократическими вкусами хозяина, ни внутренняя обстановка его жилища, ни подаваемые угощения не отличались роскошью и суетным стремлением пустить пыль в глаза; пожалуй, в избытке присутствовал лишь один продукт – русская очищенная.

Писатель-юморист Н. А. Лейкин, нередкий посетитель тех вечеров, позднее вспоминал: «Обстановка квартиры Курочкина не гармонировала с роскошной лестницей, по которой я к нему взбирался. Он жил очень скромно. Мебель везде была простенькая, потертая. В столовой стоял гладкий, без резьбы, буфет и овальный раздвижной стол со множеством ножек. На столе на простых тарелках стояли соленые закуски, криночка страсбургского пирога, графин водки и красное вино... Водки все сотрудники «Искры» пили много... Я не скажу, чтобы это было голое пьянство, – велись оживленные беседы, поэты говорили экспромты, сыпались рифмы, остроты, но все-таки при этом много пили».

Фасад дома № 82 по Невскому проспекту. Фото начала 1900-х гг.

Собирались поздно, к полуночи. Знаменитый актер-рассказчик И. Ф. Горбунов читал написанные им сцены из народного быта; другой гость – И. И. Монахов, впоследствии звезда Александринского театра, – аккомпанируя себе на пианино, с удивительным чувством исполнял куплеты Беранже, мастерски переведенные В. С. Курочкиным: «Как яблочко румян, одет весьма беспечно, не то чтоб очень пьян, а весел бесконечно...»

Если пирушка чрезмерно затягивалась и хозяин дома несколько ослабевал, на сцену являлась хозяйка, Наталья Романовна, и, невзирая на протесты, уводила супруга, чтобы самостоятельно уложить его в постель. Вслед за тем гости поневоле расходились, хотя нередко тот или иной оставался отдыхать тут же на диване...

Случалось, что приемы у Курочкиных почему-либо отменялись, и тогда литераторы дружной компанией пересекали Невский, направляясь во фруктовую лавку братьев Набилковых на углу Владимирского проспекта, в дом, где позднее долгое время помещался ресторан Палкина, а в советское время – кинотеатр «Титан». При лавке имелся погребок, где посетителям предлагались горячие и холодные пунши. Стоявший за прилавком приказчик страдал поэтическим недугом, писал плохие, совершенно безграмотные стихи и по этой причине оказывал «настоящим» писателям величайшее уважение.

«Собирались, – рассказывает Лейкин, – в очень грязной каморке, даже и днем освещаемой свечами, сидели на ящиках из-под бутылок вина... Здесь под веселую руку поэты хвастались друг перед другом рифмами и каламбурами и писали их карандашом на столе, а приказчик благоговейно старался сохранить эти автографы».

Наверное, стоит сказать о подлинном биче тогдашней разночинной интеллигенции – повальном пьянстве. Это не был романтический «культ Вакха», воспетый дворянскими поэтами предшествовавшей эпохи, с его «звоном пенистых бокалов» и заметным налетом эстетизма; нет, то был тяжелый русский алкоголизм, доведший до преждевременной могилы не один десяток талантливых литераторов.

Причину такого печального явления можно усмотреть отчасти в нечеловечески тяжелых условиях жизни выбившихся из низов, чаще всего из семинарской среды, авторов, а отчасти – в унаследованной от нее же невоспитанности и низменных привычках. Именно эти люди задавали тон, распространяя свое влияние даже на тех поэтов и писателей демократических взглядов, которые по рождению принадлежали к дворянскому сословию, например тот же Курочкин или Мей.

«Таких алкоголиков – и запойных, и простых, – как в ту эпоху «великих реформ», уже не бывало позднее среди литераторов», – пишет в своих «Воспоминаниях» П. Д. Боборыкин. Остается поверить ему на слово. Когда смотришь на публикуемую фотографию дома № 82 столетней давности, видишь, что он почти не изменился, – изменились лишь вывески, одежда людей да экипажи. Но сами люди остались теми же...

Меняевская вотчина (Дома № 90–92 по Невскому проспекту)

Изображенный на фотографии начала XX века отрезок Невского проспекта, близ бывшей Надеждинской (ныне улица Маяковского), изменился мало: только дом № 92 стал на один этаж выше и, утратив классический фасад, уподобился своему соседу под № 90. Это флигели стоящего позади них большого четырехэтажного здания, сооруженного на месте старинного деревянного особняка, с которого и началась история данного участка.

Дом № 90 по Невскому проспекту. Современное фото

Давным-давно, еще в елизаветинские времена, здесь поселилась незадолго перед тем овдовевшая княгиня Анна Львовна Трубецкая. Была она из рода Нарышкиных, приходясь двоюродной сестрой самому Петру I, а потому считалась принадлежащей к царской фамилии; во время похорон императора княгиня с сестрой шли за гробом, имея, согласно этикету, собственных сопровождающих. В 1756 году А. Л. Трубецкая была пожалована в статс-дамы, а в 1764-м уволена по старости от придворной службы. Она переехала на жительство в Москву, продав дом с обширным садом квартирмейстеру И. Г. Амосову.

Дом № 92 по Невскому проспекту. Современное фото

В 1783 году новый хозяин расширил свои владения покупкой двух смежных участков по обеим сторонам деревянных хором и приступил к постройке каменного трехэтажного флигеля (нынешний дом № 92) по красной линии Невской перспективы. В начале 1790-х годов следующий владелец, сенатор П. И. Пастухов, возвел трехэтажный флигель с левой стороны, по размерам и стилю весьма близкий к первому. Эти парные здания составляли единый архитектурный ансамбль и служили как бы кулисами расположенному в глубине двора деревянному дому, где жил сенатор со своим семейством.

Интересно, что на Невском проспекте сохранились, хотя и в искаженном виде, еще три подобных ансамбля при лютеранском, католическом и армянском храмах, но лишь один – при жилом здании, и в этом его примечательность. Правда, деревянный особнячок исчез больше ста лет назад, однако заменивший его каменный дом не изменил композиционного своеобразия целого.

Боковые флигели хозяева сдавали в аренду богатым постояльцам, о чем свидетельствует опубликованное в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление: «На Невском проспекте за Аничковым мостом отдаются в наем два каменные дома о 3-х этажах с мебелью, к каждому из них особый двор, въезд и особые службы, и никаких других мелких жильцов ни в котором из них не находится. Желющие нанять... спросить могут в деревянном, посреди оных состоящем доме под № 1452».

Тайный советник П. И. Пастухов (1732–1799), имевший вдобавок звание камергера, был человеком довольно известным в придворных кругах. В молодости он активно сотрудничал в издававшемся при Сухопутном шляхетском корпусе журнале «Праздное время, в пользу употребленное», где выступал со статьями педагогического и нравоучительного характера.

Время, проведенное в стенах корпуса сначала в качестве воспитанника, а затем и наставника, Петр Иванович, несомненно, употребил в пользу для себя: его заметили. В июне 1762 года, незадолго до дворцового переворота, возведшего на престол Екатерину II, он был пожа-

лован в майоры и назначен «субинформатором», то есть помощником учителя, к цесаревичу Павлу Петровичу. Очевидно стремясь совместить приятное с полезным, он играл со своим подопечным в карты, а попутно вел развивающие беседы, в том числе и о литературе.

После завершения наследником обучения Пастухова, в благодарность за понесенные труды, произвели в действительные статские советники и назначили на должность советника при Кабинете для принятия прошений, где он прослужил свыше двадцати лет. Не оставлял он и педагогическую деятельность: в июле 1779 года его включили в состав свиты, встречавшей принцессу Софию-Доротею Вюртемберг-скую (впоследствии императрицу Марию Федоровну, супругу Павла I), дав поручение учить ее в дороге русскому языку. В дальнейшем Петр Иванович продолжил свои уроки, теперь уже великой княгине. Кроме того, он был членом комиссии по устройству в России народных училищ.

Вступив на престол, Павел осыпал своего бывшего наставника щедрыми дарами, пожаловав ему в общей сложности около двух тысяч душ, так что к концу жизни Пастухов обладал более чем солидным состоянием. Впрочем, в полной мере воспользоваться неожиданно свалившимся богатством выпало на долю уже его наследникам, потому что сам Петр Иванович в скором времени переселился в мир иной. Перед смертью он, однако, успел позаботиться об избавлении своих домочадцев от тягостной повинности тех лет – воинского постоя, построив на берегу Лиговского канала двенадцать деревянных казарм. Его же усилиями «плодовитый и аглинский» сады при доме были приведены в образцовый порядок, придавая сенаторскому жилищу дополнительную прелесть.

Надо полагать, все эти преимущества сыграли свою роль при покупке участка в 1800 году действительным статским советником А. Е. Фаминцыным, только что вышедшим в отставку прокурором Коммерц-коллегии. Род Фаминцыных – шотландского происхождения и ведет свое начало от некоего подполковника Томсона, осевшего в Польше. Сын его стал называться Хоминским, то есть сыном Хомя, или Фомя, что соответствовало английскому значению фамилии Томсон.

В XVII веке потомки Хоминского переселились в Россию, где приняли православие и получили фамилию Фаминцыны, – иными словами, остались теми же сынами Фомя, но на новый лад. Внуки Андрея Егоровича сделались довольно известными людьми: один, Андрей Сергеевич, – в области ботаники; другой, Александр Сергеевич, – музыковедения.

В 1830 году участок Фаминцыных перешел к купцу П. Ф. Меняеву, уже владевшему к тому времени двумя домами, в том числе и на Невском проспекте, но в отличие от них дом № 90–92 стал своего рода «меняевской вотчиной», остававшейся в их роду до самой Октябрьской революции. Многих жильцов повидали его стены, но все же самым примечательным, пожалуй, стал печально знаменитый журналист и литератор Ф. В. Булгарин, обитавший здесь в 1840–1850-х годах.

В своих воспоминаниях, посвященных Петербургу конца николаевского царствования, известный судебный деятель А. Ф. Кони упоминает «двухэтажный дом Меняева, разделенный на два флигеля, среди которых открывается обширный двор, с деревянным красивым домиком посредине».

Ф. В. Булгарин

Далее автор изображает такую картину: «На балконе одного из каменных флигелей, выходящем на Невский, сидит в халате, с длинной трубкой в руках и пьет чай толстый человек с грубыми чертами обрюзглого лица. Это популярный Фаддей Венедиктович Булгарин, издатель и редактор «Северной пчелы», печатный поноситель и тайный доноситель на живые литературные силы, пользующийся презрительным покровительством жандармов и начальника Третьего отделения».

Оставив в стороне такие мелочи, как количество этажей (мы знаем, что флигели были трехэтажные), остановимся на фигуре Булгарина. Давно уже вошло в обыкновение бранить его почем зря, упрекая в связях с пресловутым Третьим отделением. А между тем он – личность по-своему трагическая. Не так давно опубликован толстый том с письмами и агентурными записками Булгарина в упомянутое учреждение; желающие могут убедиться в том, что в 1820–1830-е годы среди этих посланий преобладали не злонамеренные доносы, а городские толки и слухи, жалобы на цензурные притеснения, характеристики чиновников, назначаемых на более или менее ответственные посты, и рассуждения о польских делах.

Единственный «донос» на Пушкина, относящийся к ноябрю 1827 года, больше смахивает на панегирик, но панегирик в булгаринском духе: «Поэт Пушкин ведет себя отлично хорошо в политическом отношении. Он непритворно любит Государя и даже говорит, что ему обязан жизнью, ибо жизнь так ему наскучила в изгнании и вечных привязках, что он хотел умереть. Недавно был литературный обед, где шампанское и венгерское вино пробудило во всех искрен-

ность. Шутили много и смеялись и, к удивлению, в это время, когда прежде подшучивали над правительством, ныне хвалили Государя откровенно и чистосердечно. Пушкин сказал: «Меня должно прозвать или Николаевым, или Николаевичем, ибо без него я не жил. Он дал мне жизнь и, что гораздо более, свободу: виват!»

Фасад дома № 90 по Невскому проспекту. Фото начала 1900-х гг.

За этими якобы пушкинскими словами угадывается авторство самого Фаддея Венедиктовича, у которого в ту пору еще не было причин враждовать с поэтом, а потому он выставляет Пушкина послушным верноподданным. Врагами Булгарин почитал газетных и журнальных конкурентов в торговле литературным товаром.

В 1840–1850-е годы он болезненно завидовал и как мог вредил (в том числе и доносами) другому торговцу литературным товаром, А. А. Краевскому, чей либеральный товар распродавался гораздо лучше. Поделаться с этим Булгарин ничего не мог: издавна устоявшаяся репутация отъявленного консерватора и ретрограда вынуждала его по-прежнему торговать лежалым, заплесневелым идейным хламом, не находившим больше сбыта в широких слоях публики. В этом и заключалась его трагедия.

В 1867 году после перестройки архитектором А. К. Бруни левый флигель дома претерпел значительные изменения, получив более богатый фасад и став этажом выше. В ту пору домом уже владел сын П. Ф. Меняева – «одинокий молодой человек с университетским образованием, сдержанный и скромный», как отзывается о нем один из современников. Единственной его страстью были роскошные оранжереи и зимний сад, где он выращивал необыкновенные плоды и экзотические цветы, которые любил дарить своим знакомым.

Тридцатью годами позже по проекту В. А. Шретера на месте снесенного деревянного особняка в глубине двора выросла нынешняя каменная громада. По сравнению с ней и соседом

слева правый флигель смотрелся чересчур бедно и просто. В 1903 году пришел и его черед: облепленный штукатурными украшениями, он органично вписался в шеренгу обновленных фасадов Невского проспекта. Меняевская вотчина обрела законченный вид.

Потерявшие лицо (Дом № 10 по Литейному проспекту – Дом № 12 по улице Чайковского)

С домами бывает то же, что с людьми – порой они теряют свое лицо и, обезличенные, продолжают существовать, вызывая горькое сожаление тех, кто знал их иными. Подобное чувство испытываешь, когда смотришь на безобразно оголенный фасад дома № 10 по Литейному проспекту и сравниваешь его с изображением на старой открытке, где он предстает перед нами в прежнем обличье. Некогда один из самых красивых и запоминающихся, по чьей-то злой воле или глупости стал едва ли не самым жалким и неприглядным.

До 1858 года здесь стоял двухэтажный особняк, построенный в 1810-х полковником А. О. Кожиным. Его наследники продали участок Д. М. Опочининой, любимой дочери покойного фельдмаршала М. И. Кутузова. Дарья Михайловна владела им до самой смерти в 1854-м, после чего он перешел к графу И. А. Апраксину. Четыре года спустя граф перестроил дом по проекту Н. Л. Бенуа, исправившего первоначальный, неутвержденный проект В. П. Львова.

Для такого тонкого знатока художественных стилей, как Николай Леонтьевич, не составило особого труда разработать фасад здания в формах барокко, придав ему изысканную нарядность, подчеркнутую цветовым выделением скульптурных деталей. Поверх второго этажа был надстроен пятиоконный мезонин, а симметрично расположенные боковые итальянские окна приобрели богатую отделку. Получился настоящий дворец в миниатюре, и Апраксин, известный хлебосол и любитель вкусно поесть, стал устраивать в нем званые обеды.

Один из его знакомых, граф С. Д. Шереметев, позднее вспоминал: «У самого почти угла Литейной и Сергиевской был дом графа Ивана Александровича Апраксина, женатого на москвичке Небольсиной. У него были две дочери. На свадьбе старшей из них, вышедшей замуж за графа Ипполита Чернышова-Кругликова, я был шафером. Чернышов был флигель-адъютантом и не пользовался уже тогда репутацией трезвенника. Добряк, но во хмелю он отличался буйством. Про него сказал Соллогуб:

Наш Чернышов подобен лорду,
Пока не пьян, а загулял,
Так разом даст французу в морду...

Сам граф И. А. Апраксин долго слыл за опытного хозяина и финансиста, но в конце концов разорился». Такова была судьба большинства помещиков в пореформенное время: не многие из них смогли приспособиться к новым условиям хозяйствования, столь отличным от прежней крепостной благодати...

В 1868-м особняк достался упомянутой Шереметевым М. И. Чернышовой-Кругликовой, пожелавшей сделать с правой стороны однооконную пристройку с воротами. Хотя выполнена она была в том же стиле, что и основной корпус, симметрия здания оказалась нарушенной, однако это не особенно вредило общему впечатлению.

В 1908-м дом приобрел брат лидера октябристов в Государственной думе П. В. Родзянко, сдававший вплоть до 1917 года часть помещений в аренду новообразованному Финансовому и коммерческому собранию. Членами его были солидные дельцы, не помышлявшие о лихих загулах и разливанном море прежних купеческих клубов. Все происходило чинно и благопристойно, посетители не злоупотребляли услугами буфета и охотно пользовались имевшейся

богатой библиотекой; здесь же разместились Всероссийское шахматное общество и Петроградское шахматное собрание.

В 1930 году, очевидно, в рамках борьбы с буржуазной роскошью, здание было полностью обезличено, приобретая черты «пещерного стиля». Лишь случайно уцелевшая чугунная решетка ворот хитросплетением своих узоров напоминает о прошлом великолепии.

Дом № 12 по улице Чайковского. Фото с открытки. 1890-е гг.

Другой бывший особняк постигла сходная участь. Он расположен неподалеку, на бывшей Сергиевской, ныне ул. Чайковского, 12. Построенный в 1791–1793 годах статским советником А. Я. Зиминим в характерном для того времени стиле строгого классицизма, в начале 1820-х он перешел к вдове сенатора И. И. Кушелева, Елизавете Дмитриевне, урожденной Ланской.

Продаже предшествовало объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1819 год, дающее представление о тогдашнем богатстве особняка: «По Сергиевской улице, подле арсенала, продается каменный 2-этажный дом под № 29, с мебелью, зеркалами, люстрами, мраморными каминами, летними зеркальными рамами, штучными полами, все в лучшем виде и новом вкусе, с принадлежащими к оному службами, как то: Русскою банею, конюшнею на 10 стойлов, ... фруктовым садом, 2 оранжереями, теплицами... и особым дровяным двором на Воскресенскую улицу...»

Это была настоящая барская усадьба, протянувшаяся в глубину до Шпалерной улицы, называвшейся тогда Воскресенской. На плане Петербурга 1828 года, составленном под руководством Ф. Ф. Шуберта, хорошо виден усадебный дом с упомянутым в объявлении довольно обширным садом.

Е. Д. Кушелева приходилась родной сестрой покойному екатерининскому фавориту А. Д. Ланскому, унаследовав долю его огромного состояния, в том числе большой дом на Дворцовой площади, незадолго до того купленный вместе с прочими в казну и перестроенный К. И. Росси под Главный штаб.

О муже Елизаветы Дмитриевны рассказывают, что по жене ему была оказана честь – позволено ежедневно обедать у императрицы, и он неукоснительно пользовался этим правом,

хотя равнодушная к нему Екатерина почти никогда не удостоивала его ни словом. Е. Д. Кушева недолго прожила на новом месте: беспрестанные огорчения, доставляемые ей непутевым сыном, скоро свели ее в могилу, и в 1822-м она умерла.

По всей вероятности, в конце 1830-х бывший особняк был приобретен Императорским училищем правоведения; в перестроенном для новых целей здании разместился приготовительный класс. Как оно выглядело в конце XIX века, можно видеть на публикуемой открытке. В советское время его надстроили двумя этажами; сохранились лишь следы прежнего обрамления центрального окна на втором этаже – слабое утешение для ценителей архитектурной старины.

Последний приют «тишайшего канцлера» (Дом № 14/1 по Литейному проспекту)

Особняк на углу Литейного и Фурштатской (дом № 14/1) знаком многим петербуржцам. Построил его в 1843–1844 годах для княгини В. В. Долгорукой малоизвестный зодчий Андрей Низовцев – в обычном в ту пору условно ренессансном стиле. Нынешние владельцы не пожалели денег на то, чтобы он засиял новым блеском. Что ж, усилия реставраторов достойны всяческой похвалы, хотя прежние хозяева дома, восстань они из гроба, скорее всего, не узнали бы его и вряд ли захотели бы здесь поселиться. Беда в том, что дом совершенно утратил черты, присущие человеческому жилью, превратившись в роскошные, но холодные апартаменты, отделанные по современным европейским стандартам.

Дом № 14/1 по Литейному проспекту. Современное фото

Человек XIX века почувствовал бы себя в них неуютно, во всяком случае такой, как граф К. В. Нессельроде (1780–1862), проживший в этом доме свои последние годы. Превыше всего на свете он ценил именно уют, а еще – хорошую музыку и цветы. Услышав как-то блистательное исполнение одной из знаменитых симфоний Бетховена, Карл Васильевич, позабыв обычную сдержанность, вскочил со стула и воскликнул: «Этот финал – настоящее «Боже, царя храни!» Он вообще любил все изящное, этот карлик, вознесенный судьбой к самым вершинам бюрократического Олимпа.

К. В. Нессельроде

Сорок лет управлял Нессельроде Министерством иностранных дел, умудрившись почти не оставить следов своего пребывания в этой должности. Слово «отечество» было для него понятием совершенно отвлеченным. «Мы знаем одного царя, нам нет дела до России», – сказал он однажды, и это полностью соответствовало действительности: за свою долгую жизнь граф даже не научился правильно говорить и писать по-русски!

Дипломатическая служба Нессельроде началась при Александре I, который по этой части сам мог заткнуть за пояс любого, и продолжилась при Николае I, весьма ценившем самоотверженную готовность своего министра уступать и тушеваться при малейших признаках неувольствия государя. Если способность к осторожным компромиссам и «обтекаемость» политических принципов считать главными достоинствами дипломатов, то Карла Васильевича можно смело назвать способнейшим из них. Боязливое следование в фарватере европейской политики, без малейших потуг на самостоятельность, раболепное почитание авторитетов вроде австрийского канцлера Меттерниха и неумение отстаивать национальные интересы России – вот что неизменно присутствовало в его деятельности на посту министра иностранных дел и определяло ее.

«Венцом» дипломатической карьеры Нессельроде явился ультиматум Турции, составленный им в 1853 году и ставший прологом к злополучной Крымской войне. Она стоила России потоков крови и завершилась три года спустя бесславным Парижским миром, после чего канцлер немедленно подал в отставку.

Желчную характеристику К. В. Нессельроде дает в своих «Записках» умный, хотя и не всегда беспристрастный Ф. Ф. Вигель: «Из разных сведений, необходимых для хорошего дипломата, усовершенствовал он себя только по одной части: познаниями в поваренном искусстве доходил он до изящества. Вот, чем умел он тронуть сердце первого гастронома в Петербурге, министра финансов Гурьева. Зрелая же, немного перезрелая дочь его, Мария Дмитриевна, как сочный плод висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроде сорвать себя с него. Золото с нею на него посыпалось; золото, которое для таких людей, как он, то же, что магнит для железа».

Упоминаемая Вигелем в игривом тоне М. Д. Нессельроде сыграла немалую роль в успешном восхождении мужа на высшую ступень дипломатической лестницы. В столичном обществе с ней очень считались; властная, волевая, непримиримая к тем, кого она относилась к своим врагам (среди них имел неосторожность оказаться и А. С. Пушкин), графиня преследовала их упорно и методично, не прощая и не забывая обид. Рядом со своей высокой и полной супругой маленький и тщедушный Карл Васильевич, внешнестью напоминавший «зародыша, выскочившего из банки со спиртом», смотрелся довольно комично. Это не помешало им прожить в полном согласии до самой ее смерти и вырастить троих детей.

М. Д. Нессельроде

Справедливости ради отметим, что у канцлера были не одни хулители, но и пламенные хвалители – к примеру, лифляндец В. Ленц. Вот какие строки посвящает он ему в своих мему-

арах: «Нессельроде отличался малым ростом, но великим умом. Черты лица его были тонки, нос с заметным горбом, сквозь очки сверкали удивительные глаза. Не будучи ни горд, ни слишком прост в обращении, он вообще избегал всяких крайностей... Движения его были быстры и привлекательны. Если он переходил в другую комнату, то походка его была едва слышна; неожиданно он оказывался уже там и, казалось, скорее скользил по полу, чем ходил... Где бы он ни появлялся, всюду его встречали с сочувствием и уважением... Он был, конечно, одним из самых замечательных и дальновидных государственных людей Европы». Неумолимое время, как обычно, все расставило по своим местам, не подтвердив этой наивно-восторженной оценки дарований «тишайшего канцлера».

Купив в 1856 году у светлейшего князя Б. Д. Голицына дом на Литейном, овдовевший к тому времени Карл Васильевич обитал там в полном одиночестве. Впрочем, до последних дней жизни он принимал у себя влиятельных сановников и активно участвовал в проведении крестьянской реформы в интересах помещичьего сословия. Из уважения к его старческим немощам заседания Комитета по выкупному вопросу порой устраивались прямо у него на дому. Последнее из них состоялось за неделю до смерти графа.

Скончался он 11 марта 1862 года. Траурная церемония проходила 15 марта в английской церкви на одноименной набережной. Тогдашний министр внутренних дел П. А. Валуев в тот же день записал в своем дневнике: «Он родился от германских родителей, в Лиссабонском порту, на английском корабле, крещен по англиканскому обряду и был того же вероисповедания». Остается добавить, что последнее пристанище «тишайший канцлер» обрел на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге...

С гербом Мусиных-Пушкиных (Дом № 19 по Литейному проспекту)

Среди многоэтажной застройки Литейного проспекта резким пятном выделяется этот приземистый голубой особнячок. Фасад его по второму этажу украшен коринфскими пилястрами, а полукруглые боковые окна – двумя парами наивных ангелочков. Примостившись под разорванными лучковыми фронтонами, они, свесив ножки, безучастно поглядывают вниз на прохожих, придерживая ныне голые картуши.

Сравнительно недавно развернутые свитки демонстрировали советскую символику – серпы и молоты со звездой чуть повыше, что придавало скульптурным группам курьезный оттенок с легким налетом кощунства. А несколькими десятками лет ранее картуши, как и подобает им, несли на себе родовой герб графов Мусиных-Пушкиных, около шестидесяти лет владевших домом. Он почти полностью сохранил наружный облик, приобретенный после перестройки в 1810-х годах, и отчасти – богатые интерьеры, дающие представление о художественных вкусах середины XIX столетия, когда в моду вошли неоренессанс и необарокко.

Дом № 19 по Литейному проспекту. Современное фото

Теперь обратимся к истории. В конце XVIII века обширный участок на Литейной улице принадлежал управляющему Колыванскими рудниками, генерал-лейтенанту Б. И. Меллеру, славившемуся своей щепетильностью и неподкупностью, что отнюдь не являлось общим правилом для людей, занимавших подобные должности.

Владения генерала простирались до самой Моховой улицы, куда выходил небольшой деревянный домик со службами; часть же, обращенная к Литейной, оставалась незастроенной. Осенью 1799 года «Санкт-Петербургские ведомости» напечатали объявление о продаже: «Желающим купить на большой Литейной улице порозжее место, в коем длиннику по улице 25, а в глубине 35 сажен, осведомиться о дальнейшем могут в Моховой, в доме Генерал-Лейтенанта Меллера, под № 43, у дворника».

Как-то всегда получалось так, что у немца покупал непременно немец. Так же вышло и на этот раз. Покупателем оказался инженер-полковник Христиан Иванович Трузсон (1746–1813), чей портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца. Родом из Пруссии, он в 1782 году, при постройке каменной набережной Фонтанки, поступил на русскую службу и в качестве инженера заменил умершего генерал-поручика Баура. Трузсон был автором различных инженерных «проектов», вроде соединения Черного и Белого морей, но по-настоящему проявил себя на военном поприще: за постройку брешь-батареи при штурме Очакова он получил орден Святого Георгия 4-й степени.

Предание гласит, что Екатерина II, подписывая грамоту на этот орден, заметила, что такого храброго офицера нельзя называть Трусон (так писалась прежде его фамилия. – А. И.), а потому и вставила букву «з». За участие во взятии Дербента в 1796 году Трузсон удостоился новой награды – Георгия 3-й степени, затем воевал в Отечественную войну 1812 года в должности начальника инженеров в армии Барклая-де-Толли, а после Бородинского сражения по болезни был уволен в отпуск и годом позже скончался.

Купив участок, Трузсон к 1804 году выстроил на нем каменный дом, оцененный согласно «Табели полупроцентного сбора в доход городу» в 13 тысяч рублей. Такова была в то время обычная стоимость небольшого двухэтажного дома. Из документа, о котором речь пойдет ниже, известно, что первоначально лицевой фасад был более узким, и позднее к нему с обеих сторон сделаны пристройки. В общем, он не выделялся на фоне окружающей застройки, не отличавшейся в начале XIX столетия особой представительностью.

Так, почти напротив, на одном углу Кирочной улицы стоял невзрачный домишко, где помещался кабак, прозванный, вероятно по причине своего цвета, а не пригожести, «Красным», а на другом, где теперь Дом офицеров, – деревянное желтое строение в один этаж, служившее резиденцией графу Аракчееву. Впрочем, по обеим сторонам участка Трузсона уже стояли к тому времени трехэтажные дома князя Волконского и генеральши Борисовой.

После смерти Х. И. Трузсона домом лет десять владели его наследники, затем он перешел к вдове военного министра П. И. Меллера-Закомельского, а к началу 1840-х годов его приобрел князь А. К. Любомирский, потомок древнего польского рода, женатый на Юлии Николаевне Радзивилл. В архиве хранится прошение «жены камер-юнкера, княгини Юлии Любомирской», датированное июлем 1846 года, «о дозволении пристроить к существующему лицевому дому каменный двухэтажный флигель со стороны двора и застроить по обеим сторонам его два имеющихся пустопорожних места двухэтажными каменными постройками». «А вместе с тем, – говорится далее в документе, – произвести и общую переделку всего фасада, как и означено на прилагаемых при сем чертежах». К сожалению, дела, в котором должны храниться подписанные проектные чертежи, в архиве не оказалось, поэтому для определения авторства пришлось обратиться к другим источникам.

По неизвестной причине супруги Любомирские отказались от задуманного ими предприятия и продали дом князю Петру Александровичу Урусову. Именно он и осуществил его перестройку по проекту, как выяснилось, академика архитектуры Льва Францевича Вендрамини. К 1848 году работы были закончены, и новые хозяева поселились в своем особняке.

Имя архитектора Вендрамини, в свое время довольно популярного среди петербургской знати, ныне почти забыто. Из его работ можно назвать еще перестройку домов князя Лобанова-Ростовского на Большой Морской, 31, и на Миллионной, 30. Оба они капитально перестроены в советское время и полностью утратили первоначальную отделку; тем ценнее сохранившееся произведение зодчего на Литейном.

Особняк Урусовых был отделан по последней моде, в стиле рококо, и производил заметное впечатление на гостей, среди которых преобладали представители высшего света. По этому поводу имеется любопытная запись в дневнике генерала П. Х. Граббе от 20 февраля 1848 года: «В час ездил с сыном... к князю Урусову, женатому на дочери покойного Сипягина. Застал

герцога Лейхтенбергского (супруг великой княгини Марии Николаевны. – А. И.) почти одного. Вышедши из кареты, герцог спросил швейцара: приехал ли кто-нибудь? Швейцар, не узнав его, отвечал, что нет никого, но чтоб вошел: надо же кому-нибудь быть первым. И хозяин, узнав, что приехал какой-то генерал молодой из новых, не спешил встречей. Съехалось много из высшего общества... Кокетливо убранный дом в стиле Людовика XV. Гамбс отличился. Прекрасен маленький теплый двор со светом наверху».

Хозяин дома, князь Петр Александрович Урусов (1810–1890), был сыном московского вельможи А. М. Урусова, чьим гостеприимством не раз пользовался, бывая в Москве, Пушкин, и братом известных красавиц – Марии, Натальи и Софьи. (С последней читатель уже знаком по очерку «Особняк-невидимка».) В ранней молодости князь был большим повесой; существует подозрение, что он входил в число «шалунов из молодежи», рассылавших в 1836 году анонимные письма мужьям-рогоносцам, одно из которых получил и Пушкин.

Со временем, однако, Петр Александрович женился, остепенился и даже успел попасть к жене под каблук. Супруга его, Екатерина Николаевна, одна из львиц большого света, в начале 1849 года на несколько дней сделалась притчей во языцех, взбаламутив высшее общество. Шум, впрочем, поднялся из-за пустяков: просто несколько дам, а именно княгиня З. И. Юсупова, графиня Е. А. Орлова-Денисова и наша героиня, развеселившись на маскараде, решили продолжить вечер, поужинав в модном ресторане Дюссо. При этом они подняли излишний шум, непривычный в то тихое время, привлекли внимание полиции и попали в «историю».

Не избалованная сенсациями молва раздула это невинное, в общем-то, происшествие: по городу поползли слухи о каких-то чудовищных оргиях, достойных чуть ли не Римской империи эпохи упадка. В результате одна из дам, графиня Орлова-Денисова, вынуждена была просить императора Николая I о защите, а княгиня Урусова, как говорят, «выместила все на муже». Последнему пришлось лично посещать все знакомые дома и уверять, что на жену его возведена гнусная клевета.

К 1858 году особняк Урусовых перешел к племяннику князя, графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину (1825–1879), приходившемуся родным внуком знаменитому собирателю российских древностей, в чью честь его и называли. Он и его брат Александр были друзьями детства Льва Николаевича Толстого, который вывел их под именем братьев Ивиных в своей повести «Детство». В дальнейшем их пути разошлись: «Алеша» избрал для себя поприще светского льва, о чем не без иронии упоминает Толстой в одном из писем к брату Сергею.

Выгодно женившись на блиставшей если не красотой, то богатством графине Любови Александровне Кушелевой-Безбородко, граф в 1856 году добился назначения коронационным церемониймейстером, получил заветное звание камер-юнкера и таким образом начал свою придворную карьеру. Годом позже его избрали уездным предводителем дворянства и почетным попечителем петербургских гимназий.

В дальнейшем, когда его жена сделалась единственной наследницей всех имений своей семьи, она исхлопотала для мужа звание почетного попечителя Нежинского лицея князя Безбородко, принадлежавшее ранее ее брату Григорию Александровичу. Алексей Иванович увеличил на 2 тысячи ежегодное содержание лицея (что, кажется, не так много, если учесть его огромное состояние) да уступил часть своих пустующих великолепных апартаментов в здании лицея под библиотеку, внося тем самым скромный вклад в дело народного просвещения.

Был А. И. Мусин-Пушкин человеком вполне дюжинным, суетным, обожавшим устраивать разные благотворительные мероприятия, концерты, лотереи и т. д. Кое-кто даже называет его «пустейшим из пустейших» и «великим человеком на малые дела», а впрочем, добрым и безобидным. Сделавшись в 1861 году гофмаршалом и вице-президентом Дворцовой конторы, Алексей Иванович обрел свое подлинное призвание: ввел во дворце неслыханный режим экономии и разорил придворных лакеев, до этого нещадно воровавших. Не стеснялся он и лично

отгонять от столов тех господ, которые норовили отведать царского кушанья, не имея на то законного права. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать о нем.

После смерти графа вдова его, прожившая долгую жизнь, продолжала владеть домом до самой Октябрьской революции. В Архиве кино- и фотодокументов имеется интересная фотография, сделанная в 1913 году, на которой изображено все семейство графов Мусиных-Пушкиных. Снята она, несомненно, в их особняке на Литейном и помещена в альбоме «Санкт-Петербург – столица Российской империи», изданном в 1993 году.

В центре группы сидит престарелая графиня Любовь Александровна, которой в тот год исполнилось восемьдесят лет; среди стоящих третьим слева изображен ее сын Владимир Алексеевич – член Государственного совета, церемониймейстер, – а вокруг них все остальные родственники.

Помимо всего прочего, фотография интересна тем, что на ней запечатлены те самые интерьеры «в стиле Людовика XV», о которых упоминает генерал Граббе. На стене слева – драгоценная шпалера с каким-то мифологическим или аллегорическим сюжетом, с потолка свисает роскошная бронзовая люстра, видны изумительные наборные полы... Все дышит богатством и довольством. Лица людей спокойны. Могли ли они предвидеть свою дальнейшую судьбу?

В качестве эпилога остается добавить, что после революции все имущество Мусиных-Пушкиных национализировали, в том числе и богатейшее имение Стольное в Черниговской губернии, некогда принадлежавшее князю А. А. Безбородко, с обширным собранием картин и фамильных портретов кисти таких художников, как Левицкий, Боровиковский, Кипренский. Имеются данные, что в 1917–1918 годах эти вещи вывезли в Петроград, в бывший особняк графини Мусиной-Пушкиной на Литейном, после чего следы их теряются. Кое-что попало в Эрмитаж, а что-то было продано или просто расхищено в революционной сумятице...

Няня императора (Дом № 21/14 по Литейному проспекту)

По обилию прихотливо измелченных лепных деталей бывший дом А. М. Тупикова на Литейном проспекте № 21/14 не уступает расположенному наискосок от него дому Мурузи. Построен он по проекту архитектора Ю. О. Дютеля, чуть позже последнего – в 1876–1877 годах, когда страсть к декоративным излишествам достигла своего апогея. К тому времени эклектическое направление в петербургском зодчестве почти полностью себя исчерпало и, будучи не в состоянии предложить новые конструктивные решения, изощрялось в бесконечном варьировании внешних форм. Впрочем, это ничуть не мешает нам ценить эклектику как сказочный разгул фантазии, чего так не хватает убогой прозаичности недавнего «типового» домостроения. В истории участка есть неизвестные и малоизвестные страницы, о них я и собираюсь поведать читателю.

Дом № 21/14 по Литейному проспекту. Современное фото

В старину в Петербурге любили жить просторно, не стесняя себя. Земля, в особенности удаленная от густо населенного центра столицы, стоила дешево, и купить дом, к примеру, в Литейной части было куда легче, чем его продать. Тщетно пытался сделать это и бригадир князь Михаил Петрович Волконский, раз за разом помещавший в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1786 год, казалось бы, весьма заманчивое предложение: «В Хамовой улице под № 45 продается наугольной деревянной дом, под которым земли по Хамовой 37, по Литейной 40, длиннику по Пантелеймонской улице 80 сажен; доходу в год приносит до 500 рублей, кроме

что в большом доме живет сам хозяин; служеб довольное число, когда ж и оной дом отдаван был в наем, получали с него 600 рублей верного доходу в год, а со всем конечно принесет 1000 рублей и можно еще строиться по Литейной. Мостовая вокруг вновь ныне вымощена, а последняя цена 10 тысяч рублей». (Поясню, что речь идет об участке между Моховой и Литейным, где ныне высятся два больших четырехэтажных дома по улице Пестеля.)

Теперь давайте познакомимся с князем Михаилом. Он принадлежал хотя и к старшей, но захудалой ветви знаменитого рода, не давшей в течение всего XVIII века ни одного сколько-нибудь заметного военачальника или государственного деятеля. Не относился к таковым и Михаил Петрович, с трудом дослужившийся до бригадирского чина, да так в нем и застрявший. Не мог он похвалиться и большим состоянием; если бы не женитьба на Елизавете Петровне Макуловой, взятой из незнатного, но весьма зажиточного семейства, вдобавок обладавшего кое-какими связями и богатым родством, дела князя обстояли бы и вовсе плохо.

Обширный участок с просторным деревянным домом и небольшим угловым флигелем на Моховой жена его получила в наследство после тетки, графини Дарьи Семеновны Ефимовской, которой он принадлежал еще в 1760-х годах. Поняв бесплодность попыток выручить за свои владения просимую сумму, Волконские решают увеличить доходность усадьбы постройкой еще одного, теперь уже каменного дома на пустовавшем доселе углу Литейной.

К началу 1790-х годов там появляются двухэтажные палаты с окрашенными в желтый цвет классическими фасадами. Очевидно, стесненные обстоятельства вынуждают князя в 1792 году вновь публиковать объявление о продаже участка, но, увы, покупателя и на сей раз найти не удалось.

П. М. Волконский

Между тем дети – четыре дочери и единственный сын Петр, главная надежда семьи, – подрастали, требуя дополнительных расходов на образование. Здесь следует пояснить, почему все надежды старый князь возлагал на своего шестнадцатилетнего отпрыска. Дело в том, что жена его брата Дмитрия Петровича приходилась племянницей воспитателю великих князей графу Н. И. Салтыкову, стремившемуся окружать своих подопечных сверстниками из родственных ему семейств. Благодаря этому счастливому обстоятельству Петруша Волконский рос вместе с великим князем Александром, а в 1797 году был назначен его адъютантом.

Последующая карьера князя сложилась более чем успешно. Вскоре после своего восшествия на трон Александр I сделал его товарищем, то есть заместителем начальника походной канцелярии, управлявшей всеми военными силами государства. Петра Михайловича можно считать основателем русского Генерального штаба: именно он учредил Училище колонновожатых, которое и поставляло генштабистов. В кампанию 1813–1814 годов князь Волконский командовал Главным штабом, проявив недюжинные организаторские способности. При Николае I он до конца жизни занимал пост министра императорского двора и удостоился титула светлейшего князя и звания генерал-фельдмаршала. Но все это было потом, а нам пора вернуться к нашему повествованию.

Незадолго до назначения сына княгиня Елизавета Петровна скончалась, а ее состояние, в том числе и городская усадьба, перешло к мужу и детям. В феврале 1798 года половина участка с каменным домом, обращенным главным фасадом на Литейную улицу, а также «деревянным строением и огородным местом» перешла за двадцать три с половиной тысячи к новому владельцу – великому князю Александру Павловичу.

Александр I

Зачем же понадобился наследнику престола дом, никак не похожий на дворец? По-видимому, в ту пору он часто там бывал, о чем свидетельствует объявление, появившееся в «Санкт-Петербургских ведомостях» осенью того же года: «Прошедшего октября 24 дня пропал из дому его высочества Александра Павловича черной мопс кобель... Нашедшего просят доставить онного в означенной дом, состоящий на Литейной улице под № 44». Дальнейшая участь пропавшего кобеля нам неизвестна, зато известно, что очень скоро хозяйкой дома стала камер-фрау Прасковья Ивановна Геслер, для которой, собственно говоря, он и был куплен. Великий князь подарил его в знак благодарности своей бывшей няне, ставшей к тому времени камер-фрау, иными словами – горничной его супруги Елизаветы Алексеевны.

П. И. Геслер, по происхождению англичанка, сыграла в воспитании Александра большую роль, привив будущему императору некоторые весьма пригодились ему качества. Ее весьма ценила прозорливая и знавшая толк в людях Екатерина II. В 1793 году, разговаривая со своим секретарем А. В. Храповицким о физическом и нравственном воспитании внука, она произнесла примечательные слова: «Если у него родится сын и тою же англичанкою также семь лет воспитан будет, то наследие престола Российского утверждено на сто лет».

Судьба, как всегда, распорядилась по-своему: Александр I не оставил мужского потомства, и трон перешел к его младшему брату Николаю, чье детство и отрочество прошли под опекой грубого немца М. И. Ламздорфа, не останавливавшегося перед жестокими телесными наказаниями. По общему мнению, от этого не выиграли ни Россия, ни будущий государь.

Хотя с момента произнесения Екатериной тех памятных слов российский престол продержался более ста лет, это ни в коей мере не опровергает ее замечания о важности начального воспитания. И если мы прославляем няню Пушкина, то стоит упомянуть добром и няню русского императора, чье правление, ознаменованное, по словам Карамзина, «делами беспримерной славы для отечества, во веки веков будет сиять в наших и всемирных летописях».

Конец дворянского гнезда (Дом № 22/16 по Литейному проспекту)

Почти напротив особняка Мусиных-Пушкиных, на углу Литейного и Пантелеймоновской, прежде стоял двухэтажный дом графов Орловых-Денисовых. Ныне он надстроен тремя этажами и утратил былой облик, но старая открытка донесла его до нас. Классический фасад с лепным фризом и треугольными сандриками, характерный для петербургской архитектуры начала XIX века, перекликался со зданием бывшего Департамента военных поселений на углу Кирочной.

Дом № 22/16 по Литейному проспекту. Современное фото

Когда-то домами в подобном стиле застраивались целые кварталы, теперь же их осталось совсем немного.

Особняк Орловых-Денисовых в 1930-х годах надстроили третьим этажом, а тридцать лет спустя – еще двумя, убедившись, что добротные старинные стены и фундамент способны выдержать такую тяжесть. Эти надстройки сильно исказили его первоначальный наружный вид, но некоторые помещения двух нижних этажей сохранили отделку, относящуюся к 1884 году.

Литейный проспект (угол Пантелеймоновской улицы). С открытки 1900-х гг. Справа – особняк графини Орловой-Денисовой

Дом, как и участок, где он расположен, некогда принадлежал Преображенскому полку, поэтому точную дату его постройки определить довольно трудно. На сенатском атласе Санкт-Петербурга 1798 года он уже показан и имеет почти те же очертания, что и на позднейших планах. Говорю «почти», потому что различия все же есть, да это и неудивительно. Когда император Павел задумал перевести преображенцев на новые квартиры, поближе к Зимнему дворцу, казенные полковые здания стали распродаваться частным владельцам, и те, как правило, перестраивали их, приспособливая к новому назначению.

4 декабря 1797 года «Санкт-Петербургские ведомости» оповестили жителей столицы о начале распродажи: «Состоящие в лейб-гвардии Преображенском полку казенные дома... и по всему полку все Офицерские казенные дома и с землею, оными домами занимаемою, будут продаваться с публичного торгу будущего 1798 года Генваря с 10 дня каждой день, выключая праздников, по полудни от 3 до 6 часов, о чем чрез сие объявляется всем желающим покупать, кои могут заблаговременно осматривать оные все дома».

Тогда же пошел с молотка и рассматриваемый нами участок на углу Литейного, перешедший в частные руки. О том, чьи это были руки, и о новом владельце дома мы узнаем из «Записок» Н. И. Греча. Описывая мытарства своего родителя в поисках места службы, он рассказывает: «Батюшка искал... при помощи Безака, и, наконец, обещали ему должность вице-президента Юстиц-коллегии. Указ о том был подписан всеми сенаторами, кроме одного графа Александра Романовича Воронцова. В сентябре 1802 года последовало учреждение министерств. Беклешов был уволен, а с ним вышел и Безак. Совместник (то есть соперник, соискатель. – А. И.) отца моего, помнится, Тересберн, успел склонить на свою сторону Воронцова посредством кривого Петра Ивановича¹⁷ Новосильцева, которому уступил за это дом свой (ныне графа Орлова-Денисова, на углу Литейного проспекта и Пантелеймоновской улицы. – А. И.), и определение было переименовано».

¹⁷ В книге написано «Петровича», но это очевидная ошибка или опечатка. (А. И.)

То, что нам известно о нравственных качествах П. И. Новосильцева из других источников, делает сообщение Греча заслуживающим доверия. Жизненный путь Петра Ивановича был труден и тернист. Сын мценского мещанина, за плутни наказанного кнутом и сосланного в Сибирь, откуда он вернулся офицером, Новосильцев начал службу простым канцеляристом, но благодаря своим талантам, а главное – покровительству Г. Г. Орлова, сумел «выйти в люди». Весьма способствовал этому и его брак с Е. А. Торсуковой; брат ее, Ардальон, был женат на племяннице хорошо нам знакомой М. С. Перекусихиной.

При своем вступлении на престол Павел пожаловал Новосильцева в тайные советники и сенаторы, а закончил тот свою карьеру действительным тайным советником и кавалером ордена Святого Александра Невского. Занимая различные должности, Петр Иванович всегда умел блюсти собственные интересы, не забывая в то же время и о казенных. Вигель так пишет о нем: «Нельзя было не полюбить г. Новосильцева за его редкий ум и необыкновенные дарования: они кривому подьячему открыли путь до степени государственного человека... Я помню, с каким удовольствием говорил мой отец об уме друга своего, Петра Ивановича; о других качествах его он слова не говорил, пусть и мне позволят в сем случае последовать его примеру».

П. И. Новосильцев

Хотя не вызывает сомнений, что подразумевал Греч под словом «уступил» дом, Петру Ивановичу явно и самому пришлось немало в него вложить. Согласно «Табели, означающей

полупроцентный сбор в доход городу», составленной в 1804 году, участок Новосильцева оценивался в 36 тысяч рублей, что по тем временам считалось для двухэтажного особняка суммой более чем солидной. Судя по всему, новый владелец успел к тому времени перестроить и улучшить его. Как бы там ни было, долго пользоваться новым жилищем ему не пришлось. Вскоре он умирает, и дом переходит к его вдове, Е. А. Новосильцевой (1755–1842), матери шестерых сыновей.

Как и покойный муж, Екатерина Александровна отличалась умом, в чем не отказывают ей все, без исключения, мемуаристы, а тот же Вигель добавляет к этому, что «не было ничего страшнее ее взгляда и голоса и ничего добрее ее сердца». Дожив до глубокой старости, Е. А. Новосильцева пользовалась большим уважением в обществе: самые высокопоставленные особы относились к ней с подчеркнутым почтением, а она, обращаясь к ним, говорила «ты, батюшка...». Такой, «с весьма серьезным лицом, украшенным огромною на щеке бородавкою», запомнил ее четырнадцатилетний А. А. Фет. Впрочем, к тому времени Новосильцева уже давно продала дом на Литейной и купила другой, на Миллионной.

Е. А. Новосильцева

Как обычно, продаже предшествовало объявление в газете, появившееся в начале 1814 года: «Продается по большой Литейной улице каменный, двухэтажный, прочно выстроенный дом под № 389, на 18 саженьх длинника и 38 поперечника, с флигелем для служителей, при том два ледника, два погреба, две кладовые и анбар для хлеба, все сие каменное и крытое

железом, да две конюшни о шестнадцати стойлах и четыре сарая с большим двором и другим, для поклажи дров». Нелишним будет отметить, что в ту пору участок был больше, чем теперь; на том месте, где сейчас стоит школа, построенная в 1930-х годах, находились каменные флигели и службы.

Года два подходящих покупателей не находилось, но в конце концов таковой отыскался: Яков Дмитриевич Ланской – брат фаворита императрицы Екатерины. Несмотря на столь близкое родство с царицыным избранником, он не сумел сделать блестящей карьеры, дослужившись лишь до полковничьего чина. Тем не менее в семействе Якова Дмитриевича память о его покойном брате Александре благоговейно чтилась и была окружена неким культом: мраморный бюст «благодетеля» долгие годы хранился в семье Ланских, а после смерти родителя перешел к его старшей дочери Варваре Яковлевне Кайсаровой.

Единственный сын Якова Дмитриевича, служивший в лейб-гвардии Гусарском полку, был убит на дуэли спустя шесть дней после женитьбы, и таким образом эта ветвь рода Ланских по мужской линии прекратилась.

Решение поселиться в Литейной части, очевидно, было не случайным и объяснялось тем, что здесь же, неподалеку, проживали трое двоюродных братьев Я. Д. Ланского – Павел, Сергей и Степан, также владевшие собственными домами.

Яков Дмитриевич недолго прожил на новом месте: спустя несколько лет он скончался, завещав дом младшей дочери Елизавете, бывшей замужем за графом К. П. Сухтеленем; та в январе 1820-го продала его генерал-майорше Циммерман, а еще через два года он перешел к барону А. Г. Строганову (1795–1891), в то время еще только штабс-капитану, незадолго перед тем женившемуся на Н. В. Кочубей – предмете юношеского увлечения Пушкина.

Поначалу их семейная жизнь складывалась неудачно. По городу поползли упорные слухи о том, что молодожен учиняет «насилия» над супругой; причины несогласия назывались разные: одни говорили о запущенной болезни мужа, другие – о его непреодолимом влечении к старой театральной привязанности, а третьи утверждали, что всему виной взаимные претензии их семей.

Один из корреспондентов графа С. Р. Воронцова, почти безвыездно жившего в Лондоне, сообщая ему о петербургских новостях, писал по сему поводу: «Как кажется, со стороны барона это был брак по расчету, а любовь была только со стороны невесты. Когда я знал молодого барона, он пользовался большим успехом в обществе по своему уму, порядочности и многим другим качествам; но видно, чтоб быть хорошим мужем, нужно еще что-нибудь другое».

В дальнейшем, в подтверждение пословицы «стерпится – слюбится», отношения супругов не выходили из границ светской благопристойности, и до шумных скандалов с рукоприкладством дело не доходило. Большого и не требовалось. Шли годы, рождались и подрастали дети; своим чередом подвигалась и служебная карьера Александра Григорьевича. В 1826 году, в день коронации Николая I, он вместе с отцом возводится в графское достоинство (его брат Сергей получил этот титул еще в 1817 году, после женитьбы на графине Наталье Павловне Строгановой).

Спустя пять лет А. Г. Строганов получил генеральский чин и назначение в императорскую свиту, а с января 1834 года занял пост товарища министра внутренних дел. К. Я. Булгаков в письме к брату, очевидно, выразил общее мнение по этому поводу: «Александр Строганов сделан товарищем министра внутренних дел по представлению самого Блудова (тогдашнего министра. – А. И.). Выбор очень хорош: человек умный, благородный и расположенный к добру».

Снова почти те же слова – умный, благородный, порядочный. Таково мнение света, не поколебленное прошлыми семейными дебошами и подозрениями в женитьбе по расчету. Но иногда портрет человека говорит о нем убедительнее всяких слов. Когда смотришь на лицо

графа с искривленными от какой-то беспричинной злобы губами и остановившимся, ненавидящим взглядом, кажется, что он вот-вот закричит и разразится грубой бранью. И как-то больше веришь историку С. М. Соловьеву, писавшему, что А. Г. Строганов «служил страшным примером, какие люди в России в царствование Николая I могли достигать высших степеней служебной лестницы».

Поразительна многолетняя, неугасающая ненависть Строганова к памяти Пушкина, сравнимая лишь с ненавистью его сестры Идалии Полетики. В ноябре 1836 года А. Г. Строганов получает новое назначение, требующее его отъезда из Петербурга, и решает продать дом на Литейной.

Новым владельцем становится граф Федор Васильевич Орлов-Денисов (1802–1865), сын известного В. В. Орлова-Денисова, прославившегося в Отечественную войну 1812 года, во время которой он командовал лейб-гвардии Казачьим полком. Род графов Орловых-Денисовых славен если не древностью, то подвигами на поле брани. Прадед Федора Васильевича (в чью честь он и был назван) – донской казак Федор Петрович Денисов, считавшийся одним из храбрейших воинов времен Екатерины, – дослужился до чина генерал-поручика и звания наказного атамана Войска Донского.

Павел произвел его в генералы от кавалерии и дал титул графа (4 апреля 1799 года). От брака с простой казачкой он имел дочь Дарью, вышедшую замуж также за наказного атамана и генерала от кавалерии Василия Петровича Орлова. Их сыну, Василию Васильевичу, царским указом от 26 апреля 1801 года были переданы фамилия и титул графа Денисова.

В. В. Орлов-Денисов женился на дочери министра финансов графа А. И. Васильева, а в 1832 году купил у вдовы покойного министра два деревянных дома на Кирочной улице (ныне участки 3 и 5), некогда принадлежавшие его тестю, по фамилии которого эта улица на планах конца XVIII – начала XIX века именовалась Васильевской. Граф В. В. Орлов-Денисов сделался отцом шести сыновей и трех дочерей. Чтобы уделять больше времени воспитанию младших детей, Василий Васильевич после смерти горячо любимой им жены (она скончалась в 1829 году) вышел в отставку и посвятил себя этому занятию.

Тем временем старший его сын Федор с молодой женой вселился в купленный им у Строганова особняк, сообщавшийся через небольшой сад с участком отца. Супруга графа Елизавета Алексеевна (1817–1898) на правах взрослой дамы объезжает с визитами светских знакомых, а не застав кого-либо дома, оставляет визитную карточку. Одна из таких карточек оказалась и в доме Пушкина, чьей почитательницей, надо полагать, была юная графиня.

Федор Васильевич начал службу в лейб-гвардии Казачьем полку, куда юношу приняли в знак особого благоволения Александра I к его отцу. В 1821 году он получил первый офицерский чин корнета, а спустя несколько лет принял участие в русско-турецкой войне и удостоился боевых наград. В 1834-м Ф. В. Орлов-Денисов был назначен флигель-адъютантом и вскоре женился на дочери боевого генерала Алексея Петровича Никитина, позднее возведенного в графское достоинство.

Фигура А. П. Никитина весьма примечательна: он являл собою воплощенный тип старого, грубоватого вояки – малообразованного, не терпящего никаких «фиглей-миглей», в особенности же презиравшего все французское, включая, разумеется, язык. По этому поводу Фет в своих воспоминаниях рассказывает забавный случай.

Как-то во время подготовки к царскому смотру Никитин в качестве инспектора посетил дом, предназначенный для временной императорской квартиры, и велел перевесить портрет государя на другое место. Однако назначенный распорядителем гусарский корнет Цеге фон Мантейфель позволил себе не выполнить генеральский приказ, а на вопрос графа, он ли тот самый ослушник, начал приводить свои резоны. «О, вот ты какой! – изумленно воскликнул граф. – Уж ты не из бонжуров ли?» – «Из гутенморгенов, ваше высокопревосходительство», –

тут же отозвался находчивый корнет. «Ну, ну, пускай уж будет по-твоему», – согласился генерал.

Иногда наивность старика доходила до смешного. Когда ему довелось впервые в жизни прибыть на железную дорогу, возвращаясь из Петербурга в Чугуев, он, сидя в ожидании звонка в общей пассажирской комнате, спросил у сопровождавшего его зятя: «Федор, когда же мы двинемся с места?» Граф полагал, что он так и поедет вместе с комнатой. Но, невзирая на это, Алексей Петрович был отличным артиллерийский офицером и прославился как отменной храбростью, так и умением с толком распоряжаться вверенными ему людьми на поле сражения. Кроме того, он считался знатоком и хорошим практиком в сельском хозяйстве и заботился о своих солдатах.

А. П. Никитин был женат на внучке известного богача Саввы Яковлева, Елене Сергеевне, и через нее сделался обладателем земельного участка в Коломягах. Прикупив к нему владения своих родственников со стороны жены, Авдулиных, он устроил большое майоратное имение с сохранившимся до сих пор господским домом, возведенным, вероятнее всего, по проекту А. И. Мельникова. Впоследствии имение перешло к дочери и зятю Никитина, а позднее – к их детям.

В 1846 году Ф. В. Орлов-Денисов получает генеральский чин и назначается в царскую свиту. Тем временем его супруга успевает снискать себе славу великосветской львицы, а затем и попасть в скандальную историю, которую городские сплетники раздувают до масштабов «оргии», так что в конце концов графине приходится просить у царя защиты от клеветников. Вскоре после этого Федора Васильевича отправляют в отставку «по болезни», но уже в 1853-м он занимает должность походного атамана казачьих полков.

В последний раз ему суждено было сыграть активную роль в Крымской войне, командуя казачьими войсками и участвуя в обороне Севастополя. Очевидно, его действия в той неудачной войне также сочли неудачными, и он лишился должности атамана, хотя и получил орден Святой Анны 1-й степени. С 1856 года, после производства в генерал-лейтенанты, Ф. В. Орлов-Денисов уже не занимал никаких постов, выполняя лишь обязанности генерал-адъютанта.

После смерти Федора Васильевича домом долгое время владела его вдова, и он считался одним из самых «бонтоных» в столице. Конец этого «дворянского гнезда» оказался традиционным: оно перешло в купеческие руки. Наследники Елизаветы Алексеевны (а их было, ни много ни мало, пятеро) продали дом в 1903 году богатым торговцам братьям Черепенниковым.

Незадолго перед своей кончиной здесь поселился известный военный деятель и дипломат, член Государственного совета граф Павел Андреевич Шувалов (1830–1908), сын обер-гофмаршала А. П. Шувалова, женившегося на вдове Платона Зубова. Выпускник Пажеского корпуса, участник обороны Севастополя, граф особенно прославился в русско-турецкую войну 1877–1878 годов в битве под Филиппополем¹⁸, заслужив орден Святого Георгия 3-й степени и украшенную бриллиантами наградную шпагу с надписью.

С 1885-го по 1894 год Павел Андреевич исполнял обязанности чрезвычайного и полномочного посла в Берлине, где также показал себя не с худшей стороны. По крайней мере, С. Ю. Витте, не особенно щедрый на похвалы своим современникам, так отзывался о нем: «Очень светский, образованный человек и весьма хитрый, но хитрый в хорошем смысле этого слова, он имел русский характер, а хитрость поляка, так как мать его была полька. Граф Шувалов был выдающимся послом, и его в Берлине как старый император Вильгельм, так и молодой император... весьма любили и ценили».

Первым браком граф был женат на рано умершей княжне О. Э. Белосельской-Белозерской, а в 1877 году женился по страстной любви на бедной фрейлине М. А. Комаровой, лет на двадцать пять моложе его. После смерти мужа Мария Александровна Шувалова продолжала

¹⁸ Филиппополь – ныне Пловдив.

жить в том же доме. В Первую мировую войну она активно помогала раненым, устроив у себя на квартире что-то вроде пошивочной мастерской. Журнал «Столица и усадьба» поместил в одном из номеров фотографию, снабдив ее подзаголовком: «Дамы, работающие у графини М. А. Шуваловой».

В довольно большой, скромно обставленной комнате с портретом покойного графа на стене мы видим Марию Александровну в окружении полутора десятка женщин, шьющих и мастериц для Красного Креста. Здесь же и малолетний внук графини в матросском костюмчике. Что-то ожидает их в ближайшем будущем? Бегство из России и скитания на чужбине или жалкое прозябание на родине в роли «лишенцев»? Кто знает...

«На лучшем месте Литейной улицы...» (Дом № 23/25 по Литейному проспекту)

Наискосок от бывшего особняка Орловых-Денисовых, на другом углу Литейного и Пантелеймоновской улицы, стоит трехэтажный дом, отделанный в сказочно-декоративном стиле, по обилию замысловатых украшений напоминающий бисквитно-кремовый торт, под стать долгое время находившемуся здесь кондитерскому магазину. Может быть, поэтому, а может, по причине сравнительно небольших размеров есть в этом доме что-то уютное, старосветское, способное оживить полузабытые детские воспоминания...

Дом № 23/25 по Литейному проспекту. Современное фото

Так он стал выглядеть с 1872 года, когда архитектор В. А. Кенель (известный как автор цирка Чинизелли у Симеоновского моста) по заказу князя В. С. Оболенского-Нелединского-Мелецкого надстроил его одним этажом и перестроил с изменением фасада, расширенного по Пантелеймоновской улице. С тех пор здание внешне изменилось мало, хотя не обошлось без искажений его облика из-за переделки витрин первого этажа.

Участок, где стоит дом, приобрел с торгов статский советник Никифор Изотович Пушкин (дальний сородич поэта), чему предшествовало обычное оповещение через «Санкт-Петербургские ведомости», появившееся весной 1798 года: «Императорского Воспитательного дома Опекунский Совет... объявляет, что от одного с аукционного торга продаются описные и просроченные каменные дома и лавки, а именно: 1-й – Генерал-майора Окунева супруги Анны Дмитриевны, дом в два этажа и с каменным на дворе флигелем, Литейной части, 2-го квартала, под № 137, угловой... Цена оному дому и с местом 8 тысяч рублей».

В пояснение добавим, что указанный участок в то время был значительно обширнее и включал в себя территорию, занимаемую ныне соседним домом № 23 по Пантелеймоновской улице, о котором идет речь в объявлении. Угловое же место, выходившее на Литейную, пустовало, как это ясно видно на сенатском атласе Санкт-Петербурга, составленном по указу Павла I в том же 1798 году.

Купив участок Окуневой, новый владелец, очевидно, чтобы покрыть первоначальные расходы, заложил его 3 января 1801 года за те же 8 тысяч рублей, после чего приступил к перестройке существующего и постройке нового углового двухэтажного дома. К 1804 году он был готов; к тому времени, согласно оценке «Табели, означающей полупроцентный сбор в доход городу», стоимость участка выросла с восьми до сорока двух тысяч, что дает понятие о вложенных в него капиталах.

Теперь настала пора поговорить о Н. И. Пушкине (1758–1831). Родился Никифор Изотович в семье небогатого артиллерийского офицера, и ему как бы самой судьбой уготовано было пойти по стопам отца. Окончив Кадетский корпус, он несколько лет прослужил в Бомбардирском полку, затем принимал участие в работе Комиссии о строении дорог, после чего служба его приняла явно выраженный строительный уклон. По личному пожеланию Екатерины II Н. И. Пушкина определили к «особливому присмотру строящегося дворца» для великого князя Александра в Царском Селе, а в 1796 году, уже при Павле, он назначен к строению Михайловского замка, при закладке коего удостоился чести подносить лопату императору.

Карьера Никифора Изотовича благополучно подвигалась в гору: 3 января 1800 года ему жалуются чин статского советника, а 23 ноября того же года он включается в состав комиссии по постройке Казанского собора; имя его написано на закладной доске. Немного позднее, как мы знаем, Никифор Изотович приступил и к собственному строительству, которое столь же успешно довел до конца. 1 августа 1803 года Н. И. Пушкин «за отлично верную службу, опыты верности и бескорыстия в пользу казны при разных строениях» производится в действительные статские советники. Сверх жалованья он получает довольно солидную пожизненную пенсию, завершая на этом свое восхождение к почестям и славе.

Одновременно он заканчивает обустройство своего участка и, разделив его надвое, продает в 1805 году угловую часть с новопостроенным домом адмиралу М. К. Макарову. Имя этого храброго моряка и флотоводца, как и многих других достойных граждан нашего отечества, ныне основательно забыто. Однако безупречная служба адмирала и славные дела его заслуживают того, чтобы напомнить основные вехи его ратной и житейской биографии.

Михаил Кондратьевич Макаров (1747–1813), воспитанник Морского шляхетного корпуса, совершил свое первое, учебное, плавание в 1763 году, а первый бой принял спустя семь лет под Чесмой, во время русско-турецкой войны. Вскоре он уже командовал корветом «Страшный», заслужив в ходе военных действий чин капитан-лейтенанта. В 1783 году Макаров производится в капитаны 1-го ранга, а пятью годами позже за отличие в Гогландском сражении удостоивается ордена Святого Георгия 4-й степени; императрица лично подписывает указ о его награждении. За этим следуют другие войны и другие награды. В 1795 году вместе с английским флотом его корабль блокирует берега Голландии, где в ту пору разразилась революция, а через год спешит на выручку английскому адмиралу Дункану, находившемуся в критическом положении из-за вспыхнувшего в его эскадре матросского бунта. За это Макаров получил от короля Георга IV золотую шпагу, осыпанную бриллиантами.

Сразу же после вступления на трон Александр I производит его в адмиралы, а в 1802 году назначает членом Адмиралтейств-коллегии. После бурь и треволнений нелегкой воинской службы в жизни Михаила Кондратьевича наступает затишье; приходит пора подумать о собственной крыше над головой. Как и многие моряки, проводившие всю жизнь на корабле, молодой уже адмирал так и не успел обзавестись семьей. Холостяцкий досуг Макаров коротал с приятелями – ближайшим соседом Никифором Изотовичем Пушкиным и его зятем контр-

адмиралом Матвеем Михайловичем Муравьевым. С последним, за чаркой «пун-шика», любил он вспоминать шведскую кампанию, где им обоим довелось участвовать...

Последние шесть лет своей жизни М. К. Макаров занимал должность начальника над морскими командами Петербурга. На этом посту и настигла его смерть. Своими душеприказчиками Михаил Кондратьевич назначил обоих друзей, они выполнили последнюю волю покойного и распорядились его имуществом.

В 1813 году в «Ведомостях» появилось объявление о продаже дома адмирала Макарова в Литейной части. Покупатель отыскался в лице некоего Шулепникова, тот несколькими годами позже пожелал с ним расстаться, о чем не замедлил оповестить «желающих»: «Продается угловой каменный двухэтажный дом, находящийся на лучшем месте Литейной улицы, во 2-ом квартале, под № 133, приносящий в год доходу 10 500 рублей. Желающие купить могут онный осмотреть и о цене узнать от дворника».

Из объявления видно, что дом использовался владельцем как доходная статья и сдавался внаем «под жильцов». В июне 1821 года его приобрела супруга гвардии-поручика Елизавета Сергеевна Тютчева, поселившаяся там вместе с матерью, Е. И. Ланской, довольно известной некогда детской писательницей и, по отзывам современников, добрейшей женщиной.

Елизавета Ивановна Ланская (1744–1847) – дочь инспектора классов при Петершуле, немецкого поэта Иоганна Готлиба Вилламова и сестра статс-секретаря императрицы Марии Федоровны – окончила Смольный институт, а вскоре по выходе из него была взята ко двору в качестве наставницы великой княжны Александры Павловны. В 1797 году, уже в довольно зрелом возрасте, она вышла замуж за Сергея Сергеевича Ланского, причем император Павел пожаловал ей шестьсот душ и сделал ее мужа камергером; он же стал воспитателем ее детей – сына Павла и дочери Елизаветы.

От отца Елизавета Ивановна унаследовала любовь к литературе, сама писала (правда, на французском языке) и дружила с писателями. Она опубликовала три тома своих произведений и даже собиралась издавать журнал, но ее намерение не осуществилось. Потеряв в 1814 году мужа, Е. И. Ланская одна воспитала детей, а затем, пристроив их и продав два принадлежавших ей деревянных дома в Озерном переулке и Бассейной улице П. Ф. Малиновскому (брату директора Царскосельского лицея), переехала жить к дочери. Елизавета Сергеевна была замужем за поручиком лейб-гвардии Гусарского полка В. М. Тютчевым, однополчанином ее брата Павла; Василий Михайлович (не родственник поэта Тютчева), возможно, знал Пушкина в его лицейские годы, когда полк стоял в Царском Селе.

В ноябре 1824 года Тютчевы продали дом на Литейной генерал-майору П. А. Клейнмихелю, верному соратнику графа Аракчеева. Петр Андреевич Клейнмихель (1793–1869) – примечательная фигура александровского и в особенности николаевского царствования. Родившись в семье директора 2-го Кадетского корпуса, он числился в Дворянском полку, но воспитывался дома. На действительную службу юный Клейнмихель поступил в 1808 году, сразу в чине подпоручика лейб-гренадерского полка, а в 1812-м переведен в Преображенский и назначен адъютантом к Аракчееву. С той поры началось быстрое возвышение Петра Андреевича, пришедшегося «змею» по душе. Уже спустя два года он становится флигель-адъютантом, в 1816-м, двадцати трех лет от роду, производится в полковники. В скором времени его назначают начальником штаба Управления военными поселениями и производят в первый генеральский чин.

Покупка Клейнмихелем дома на Литейном несомненно объяснялась желанием иметь жилище поближе к месту службы, а оно находилось совсем рядом – на углу Кирочной, в желтом казенном здании, сохранившемся до наших дней. На другом углу той же улицы стоял деревянный одноэтажный дом, тоже желтого цвета, где обитал начальник и благодетель Клейнмихеля – граф Аракчеев.

Между ними существовало некое родство душ, взаимная симпатия и несомненное сходство: оба готовы были беспрекословно выполнить любой приказ своего господина, не считаясь ни с какими жертвами и затратами, нередко доводя свою исполнительность до абсурда. Говорят, что Аракчеев взялся за устройство военных поселений против собственной воли, повинаясь лишь желанию Александра I, но исполнил его по-своему, по-аракчеевски. К чему это привело, мы знаем из истории.

П. А. Клейнмихель

Клейнмихель позднее руководил постройкой железной дороги и, также повинаясь высочайшей воле, провел рельсовый путь между Петербургом и Москвой, буквально следуя прямой линии, прочерченной на карте ногтем Николая I, завершив работы точно в назначенный срок. То, что при этом были разворованы миллионы казенных денег, просто не принималось в расчет. Приказ отдан – приказ исполнен; это главное. О таких слугах всегда мечтали самодержавные владыки.

Но если между Александром I и Аракчеевым существовало что-то вроде «дружбы», то между Николаем I и Клейнмихелем ничего подобного не было и в помине, а был лишь тошнотворный страх раба перед господином: Клейнмихель испытывал дурноту от одного взгляда своего повелителя, что, кстати говоря, тому очень нравилось... Зато уж подчиненным Петр Андреевич спуска не давал – о его дерзости и хамстве ходило множество рассказов.

Так и шла служба П. А. Клейнмихеля; награды и повышения следовали одно за другим. В 1832 году он получил новое назначение – дежурного генерала Главного штаба, а вместе с

ним и прекрасную казенную квартиру. Надобность в собственном доме отпала, и в феврале 1834-го он был продан жене действительного статского советника Наталье Васильевне Муравьевой, урожденной Разумовской (дальней родственнице графов Разумовских), та, не имея детей, завещала его племяннику, генералу от инфантерии М. Е. Храповицкому.

Герой Отечественной войны 1812 года, особо отличившийся под Бородином, Матвей Евграфович Храповицкий не жил в полученном по наследству доме, имея свой собственный на Гагаринской (ныне Кутузова) набережной (№ 22), и после его смерти в 1847 году дом достался его брату Василию, а тот сразу же продал ненужный ему особняк сыну покойного канцлера князю М. В. Кочубею.

Михаил Викторович, о котором хорошо знавший его современник написал, что «на вид он был любезный и приветливый человек, но в глубине души эгоист, и эгоист в грубой форме», очевидно, посчитал купленный им дом слишком скромным для своей особы и спустя два года продал его супруге генерал-адъютанта адмирала П. А. Колзакова. Для себя же он в скором времени построил по проекту Г. А. Боссе шикарный особняк на Конногвардейском бульваре, 7.

Колзаковы владели домом на Литейном более двадцати лет, и о них стоит поговорить подробнее.

Биография Павла Андреевича Колзакова (1779–1864), кадрового военного, дослужившегося до адмиральского чина, в чем-то напоминает биографию М. К. Макарова. Он тоже окончил Морской кадетский корпус, затем, произведенный в мичманы, участвовал в 1798–1801 годах под командованием адмирала Ушакова в боевых действиях на Средиземном море. Позднее было участие в русско-шведской войне, а после этого командование яхтой «Нева», построенной для великого князя Константина Павловича. В 1811 году Колзакова произвели в капитан-лейтенанты и назначили флигель-адъютантом к цесаревичу. Повсюду его сопровождая, Павел Андреевич, превратившийся в сухопутного моряка, сражался под Бородином, при Бауцене и Кульме, где ему лично сдался маршал Вандам.

В 1815 году Колзаков, плававший отныне лишь по морю житейскому, получил чин капитана 1-го ранга и последовал за своим повелителем в Польшу. Позднее он признался своему сыну, что не было для него времени более счастливого, чем пребывание в Варшаве с 1815-го по 1830 год. Сын его, Константин Павлович, описал этот период жизни П. А. Колзакова частично со слов отца, частично по собственным юношеским впечатлениям. Заканчиваются его немного идиллические воспоминания грозными событиями ноябрьского восстания 1830 года, когда семейству Колзаковых лишь чудом удалось спастись.

Очевидно, в возмещение морального ущерба, понесенного П. А. Колзаковым в ходе тех бурных и страшных дней и ночей, в декабре 1830 года его производят в вице-адмиралы, а через несколько месяцев, после внезапной смерти великого князя от холеры, назначают генерал-адъютантом. В 1843 году Павел Андреевич, успевший к тому времени овдоветь, получил долгожданный адмиральский чин, а годом позже женился на тридцатисемилетней Анне Ивановне Бегичевой, родственнице пушкинских знакомых Вульфов.

В дневнике А. Н. Вульфа о ней имеется следующая запись: «Сегодня я был у Бегичевых. Анна Ивановна прекрасная девушка». Между прочим, судя по хорошо аргументированному утверждению уже упоминавшегося В. П. Старка, на предполагаемом портрете А. П. Керн работы А. Багаева из Русского музея, написанном в 1840 году, на самом деле представлена как раз А. И. Бегичева.

Неизвестно, обрела ли Анна Ивановна счастье в браке с шестидесятипятилетним мужчиной, годившимся ей в отцы, но известно, что самого адмирала вскоре после приобретения дома ожидали серьезные служебные неприятности. Дело в том, что Павел Андреевич с 1847 года имел несчастье входить в состав Александровского комитета о раненых, правителем дел которого состоял «знаменитый» А. Г. Политковский. В историю этот деятель вошел благодаря

тому, что сумел под носом у контролировавших его «членов», в том числе и Колзакова, растратить громадные суммы казенных денег.

О разразившемся скандале читаем в дневнике А. В. Никитенко запись, сделанную 5 февраля 1853 года: «Еще новое и грандиозное воровство. Был некто Политковский... камергер, тайный советник, кавалер разных орденов и пр. и пр. Он в течение многих лет крал казенный интерес, пышно жил на его счет, задавал пиры, содержал любовниц. На днях он умер. Незадолго до его смерти открылось, что он украл миллион двести тысяч рублей серебром! Говорят, государь очень огорчен и разгневан».

Гнев и огорчение государя не обошли стороной и Колзакова, вынужденного подать в отставку. Впрочем, длилась она недолго. Едва вступив на престол, Александр II вновь назначил Павла Андреевича своим генерал-адъютантом. После смерти престарелого адмирала его вдова весной 1870 года продала дом генерал-майору свиты Н. В. Воейкову, а тот спустя год уступил уже ненужный ему особняк княгине Н. В. Оболенской-Нелединской-Мелецкой.

Дом купили для ее старшего сына Владимира Сергеевича (1847–1891). Его отец, Сергей Александрович, с 1870 года получил высочайшее разрешение именоваться князем Оболенским-Нелединским-Мелецким, с тем чтобы новая фамилия переходила лишь к старшему в роду из его потомков. Сделали это по просьбе дяди Сергея Александровича, Сергея Юрьевича Нелединского-Мелецкого. Для перестройки дома пригласили архитектора В. А. Кенеля, ранее уже перестраивавшего для княгини ее собственный особняк на Сергиевской, 20 (левая часть).

Новый владелец принадлежал к той ветви рода князей Оболенских, что описана П. А. Вяземским – их родственником по отцовской линии. Дед Владимира Сергеевича женился на дочери известного поэта Ю. А. Нелединского-Мелецкого, автора многих популярных в свое время песен и романсов, высоко ценимых тогдашними литераторами, начиная от Карамзина и кончая Пушкиным.

Вяземский пишет: «Нелединская (ее звали Аграфеной. – А. И.) не была красавицей, роста небольшого, довольно плотная, но глаза и улыбка ее были отменно и сочувственно выразительны; в них было много чувства и ума, вообще было много в ней женственной прелести. В уме ее было сходство с отцом: смесь простосердечия и веселости, несколько насмешливой. Она очень мило пела; романсы отца ее, при ее приятном голосе, получали особую выразительность».

Муж Аграфены Юрьевны, Александр Петрович Оболенский, в молодых годах служил адъютантом при принце Ольденбургском, жена которого – великая княгиня Екатерина Павловна, умная и прекрасно разбиравшаяся в людях, – дарила его особым доверием и уважением. Супруги Оболенские произвели на свет шестерых сыновей; из них Сергей, отец Владимира, был средним. Ничем особенным среди братьев он не выделялся, будучи и в отношении своих душевных и умственных качеств человеком средних достоинств.

Дослужившись до полковничьего чина, Сергей Александрович перешел на гражданскую службу, закончив карьеру действительным статским советником и шталмейстером двора его императорского величества. Женился он на богатой невесте – Наталье Владимировне Мезенцевой, сестре шефа жандармов, убитого среди бела дня террористом Кравчинским. Оболенские имели троих сыновей – Владимира, Валериана и Платона, а также дочь Веру, в замужестве графиню Голенищеву-Кутузову.

Владимир Сергеевич Оболенский был одним из самых близких людей Александра III и его супруги Марии Федоровны. Назначенный в 1874 году адъютантом к цесаревичу, он уже не расставался с тем всю последующую жизнь, сопровождая во всех путешествиях.

2 марта 1881 года, на другой день после убийства Александра II, новый царь назначил князя Владимира своим флигель-адъютантом, а в апреле того же года произвел в полковники. Вскоре Оболенский женится на любимой фрейлине императрицы – графине А. А. Апраксиной, «Сандре», как ее называли при дворе, и этот брак еще сильнее привязывает его к царской

фамилии. С 1882 года и до самой кончины Владимир Сергеевич исполнял должность гофмаршала. Умер он как-то неожиданно и скоропостижно в ноябре 1891 года, находясь с царским семейством в Ливадии. Смерть его глубоко потрясла и опечалила как Александра III, так и Марию Федоровну.

Относительно влияния В. С. Оболенского на императора и императрицу все современники были едины во мнениях. В дневнике В. Н. Ламздорфа (будущего министра иностранных дел) 19 февраля 1889 года имеется следующая запись: «Министр (Н. К. Гирс. – А. И.) говорит мне при этом, что... Владимир, несмотря на то что он полковник и только несет обязанности гофмаршала, играет очень большую роль... и в кругу придворных их величеств это решительно самый интимный и самый близкий к ним человек».

Подобный же, но еще более развернутый отзыв мы находим в дневнике государственного секретаря А. А. Половцова. Несмотря на некоторую пристрастность (Половцов находился не в лучших отношениях с Владимиром Сергеевичем, к которому испытывал тайную зависть), в целом он верно подводит итоги жизни только что скончавшегося князя: «Оболенский сделался для государя и императрицы в последние годы ближайшим и необходимейшим человеком. Не имея ни детей, ни имущественных забот, ни каких-либо высших стремлений или интересов, оба они, и муж, и жена... поставили придворную жизнь и близость к их величествам целью своего существования. По обязанности гофмаршала он постоянно находился при своих хозяевах и по возможности монополизировал их в свою пользу; человек он был недурной, но вполне дюжинный, вследствие же умственного ничтожества окружавшей его придворной среды он вообразил себя великим государственным мужем, судил обо всем не задумываясь и в особенности искусно отстранял от двора своею оценкою всякого, кто мог в чем-нибудь стать поперек его дороги».

Официальной владелицей дома на Литейном считалась княгиня Наталья Владимировна, а после ее смерти в 1895 году и раздела имущества между наследниками он перешел к среднему сыну – Валериану; младшему, Платону, достался особняк на Сергиевской. Валериан Сергеевич никогда не жил в своем доме, поэтому о нем скажу лишь несколько слов.

Н. В. Оболенская-Нелединская-Мелецкая

Служил он в Министерстве иностранных дел, долгое время занимая должность директора министерской канцелярии, а за несколько месяцев до своей кончины получил пост товарища министра. Его связывали интимные отношения с уже упоминавшимся В. Н. Ламздорфом, далекие от обычной мужской дружбы. Обладая такими вкусами, князь Валериан, естественно, умер холостым и бездетным в том же 1907 году, что и его друг граф Ламздорф.

В марте 1892-го, еще при жизни старой княгини, в доме на Литейном поселилась ее дочь Вера Сергеевна со своим мужем графом А. В. Голенищевым-Кутузовым, которого вызвали из Берлина, где он исполнял обязанности военного уполномоченного. Графу предстояло занять придворную должность гофмаршала, ранее занимаемую его покойным шурином.

Семейству Голенищевых-Кутузовых (дальним сородичам фельдмаршала) суждено было стать последними владельцами дома. После смерти Валериана Сергеевича он перешел к сыну его сестры, Сергею. Молодой граф Голенищев-Кутузов, как и три поколения его предков, начал службу в Кавалергардском полку, но, прослужив всего три года, был отчислен в запас по состоянию здоровья. Надо сказать, что кавалергардская служба отнюдь не отличалась легкостью;

к примеру, старший брат Сергея, Василий, за пять лет до этого, в 1903 году, был убит ударом лошадиного копыта в висок.

Отставного корнета С. А. Голенищева-Кутузова, избранного петроградским уездным предводителем дворянства, ждала иная участь: свой смертный час он встретил много лет спустя далеко на чужбине, в Америке. С его смертью пресекался род графов Кутузовых, просуществовавший более ста лет.

На этом месте можно было бы и закончить рассказ о доме на Литейном, но хотелось бы добавить кое-какие личные воспоминания. В 1950-х годах здесь была детская зубоврачебная поликлиника, располагавшаяся как раз над кондитерским магазином; такое близкое соседство сладкого и горького почему-то навсегда запомнилось мне, нередкому посетителю обоих заведений, сделавшись как бы отличительной особенностью этого весело разукрашенного домика. А может быть, и всей нашей жизни?

«Страна рабов, страна господ...» (Дом № 2 по Манежному переулку)

На площади перед Спасо-Преображенским собором стоит укрытый в тени нескольких деревьев скромный серый дом под № 2 по Манежному переулку. Перестроенный в 1870-х, а затем надстроенный, он изменил свой первоначальный облик, о котором дает представление акварельный рисунок 1830-х годов. На нем мы видим небольшой двухэтажный особнячок в ампирином стиле, каких в ту пору было великое множество по всей России. Именно здесь некогда разыгралась кровавая драма в двух действиях с двухлетним антрактом.

Дом № 2 по Манежному переулку. Современное фото

История здания такова. Построил его в самом начале 1800-х годов статский советник Никулин на земле, ранее принадлежавшей лейб-гвардии Преображенскому полку. В 1806 году, еще толком не обжившись в новом жилище, он поместил объявление о его продаже. Покупатель отыскался в лице бывшего правителя Бессарабии Скарлата Стурдзы, женатого на княжне Султане Мурузи, чей племянник Александр позднее выстроит поблизости известный дом в «мавританском» стиле. Так, по воле случая, представители двух владетельных молдавских родов облюбовали один и тот же уголок Литейной части, весьма удаленный не только от их отчизны, но и от тогдашнего центра столицы.

Неизвестный художник. Преображенский собор. Вторая половина XIX в. Слева – дом Г. Е. Дириной

И сын и дочь Стурдзы стали людьми известными: первый, Александр, своими сочинениями по религиозным и политическим вопросам, а вторая – Роксана, бывшая фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны, – интересными записками о дворе Александра I. В 1826 году их овдовевшая мать продала участок жене действительного статского советника Г. Е. Дириной, и та владела им несколько десятилетий. Часть дома Дириной сдавали внаем. В 1850-х годах здесь нанимал квартиру Алексей Алексеевич Оленин (1798–1854) со своим семейством.

Младший сын директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств – Junior, как называли его близкие, – с детства был погружен в пропитанную искусством атмосферу родительского дома на Фонтанке. Получив прекрасное воспитание, он поступил в Пажеский корпус, а после его успешного окончания в 1817 году определился на службу в гвардейский Генеральный штаб в качестве военного топографа.

В молодости Алексей лелеял в душе свободолюбивые порывы, дружил с отчаянными вольнодумцами (многие из них впоследствии отправились в сибирские рудники), но сам дальше участия в Союзе благоденствия не пошел, благополучно отделавшись легким испугом: его «прегрешения» перед властью высочайше повелено было оставить без внимания.

Правда, в ближайшие после подавления восстания декабристов годы полиция не оставляла А. А. Оленина своим вниманием; в 1827-м он даже угодил в список из девяноста трех подозрительных лиц под № 59, где против его фамилии значилось: «копия Никиты Муравьева». В этом, как мы увидим позже, полицейские чины сильно заблуждались...

Перейдя в том же году на гражданскую службу в Министерство иностранных дел, Алексей Алексеевич на первых порах продолжал либеральничать, а следовательно, фигурировать в документах Третьего отделения, причем имя его упоминается рядом с именами П. А. Вяземского и А. С. Пушкина.

В донесении, датированном 6 июня 1828 года, сообщалось: «Князь Вяземский, пребывая в Петербурге, был атаманом буйного и ослепленного юношества, которое толпилось за ним повсюду. Вино, публичные девки и сарказмы против правительства и всего священного составляют удовольствие сей достойной компании. Бедный Пушкин, который вел себя доселе как красная девица, увлечен совершенно Вяземским, толкается за ним и пьет из одной чаши... Главное лицо в этой шайке Алексей Оленин, служащий в Коллегии иностранных дел».

Однако со временем Алексей все дальше отходил от увлечений молодости; в 1833 году он женился на сестре будущего военного министра князя В. А. Долгорукова, ненадолго выйдя в отставку, а затем вновь поступил на службу, но уже в Министерство финансов. В конце 1840-х годов мы уже застаем Алексея Алексеевича помощником сенатского обер-прокурора, ведавшего уголовными делами. А через несколько лет он сам становится «героем» одного из таких дел.

7 сентября 1852 года крепостной человек действительного статского советника А. А. Оленина – Лев Васильев – явился в полицию и объявил, что нанес своему господину удар обухом топора по лбу с намерением убить его. Полицейские, прибывшие на квартиру потерпевшего, нашли его тяжело раненным, но живым. Началось следствие, в ходе которого выяснилось, что бывший член Союза благоденствия, ставивший первейшей целью отмену крепостного права, по виду человек образованный и воспитанный, на деле оказался извергом и мучителем, являя собой копию не мягкого и гуманного Никиты Муравьева, а своей лютой бабки Агафоклеи Полторацкой.

Одинаково жестокая и с крепостными, и с собственными детьми, «Полторачиха», чтобы побороть бессонницу, приказывала сечь крестьян под окнами своей спальни. Отчаянные вопли избиваемых действовали на нее умиротворяюще, и она сладко засыпала. Очевидно, садистские наклонности внук унаследовал именно от нее.

Казалось бы, после такого чрезвычайного события с трудом выжившему Оленину следовало бы опомниться и переменить свое отношение к находившимся в полной его власти дворовым. Но этого не произошло. Поправившись, он с еще большим ожесточением принялся за старое; истязания и пытки не прекращались. Наконец наступила трагическая развязка: в 1854 году, накануне Рождества, А. А. Оленина убили топором двое его крепостных, Тимофеев и Меркулов, явившиеся, как и в первом случае, в полицию с повинной. Причина оказалась та же – бесчеловечное мучительство барина.

До какой же степени озверения в обращении с совершенно безответными людьми нужно было дойти, чтобы толкнуть их на такой шаг! Проклятая кровь «Полторачихи» легко пересилила поверхностную образованность и показное свободомыслие юных лет. Позолота сошла, обнажив то, что под ней скрывалось. «Немытая Россия» рабов и господ еще долго будет отзываться в искалеченных душах ее сыновей...

«Подле Преображенского полкового двора» (Дом № 28/1 по Литейному проспекту)

Жизнь Литейной части, начиная с 1740-х годов, когда здесь построили деревянные казармы гвардии Преображенского полка, оказалась неразрывно с ним связанной: полковой двор, госпиталь, преображенские бани долгое время служили горожанам ориентирами при указании местонахождения их жилищ, в особенности пока те еще не имели номеров, появившихся лишь с 1780 года.

Дом, о котором пойдет речь, найти было несложно: он находился рядом с Преображенским (позднее Артиллерийским) полковым двором – ныне участок дома № 26 по Литейному проспекту. Место, обжитое с давних пор: еще на плане 1737 года здесь обозначены какие-то постройки. Однако первое печатное упоминание о нем мы встречаем лишь несколько десятилетий спустя.

Дом № 28/1 по Литейному проспекту. Современное фото

В январе 1772 года «Санкт-Петербургские ведомости» поместили такое объявление: «На Литейной улице подле Преображенского полкового двора желающим купить действительного статского советника Михаила Алексеевича Нилова деревянный дом со всеми службами и с особливим для питейной продажи строением и лавкою, о цене спросить о том же доме». Из объявления следует, что при доме находился также кабак, и это, надо полагать, представляло большое удобство для окрестных служивых.

Человеком, пожелавшим купить участок, оказался князь Сергей Алексеевич Трубецкой, выстроивший на углу Литейной улицы и нынешнего Артиллерийского переуллка трехэтажный каменный дом с двухэтажным флигелем, протянувшимся примерно до середины переуллка. Рядом с лицевым корпусом, обращенным на Литейную, стоял деревянный дом, где, возможно,

и помещалась «питейная продажа», если только князь не прикрыл сомнительное для княжеского достоинства заведение. Внутри двора находились деревянные службы. В то время участок простирался до Басковой (ныне Короленко) улицы, куда выходили одноэтажный каменный и два деревянных флигелька.

Так он выглядел в 1798 году, когда им владела дочь князя, графиня Екатерина Сергеевна Самойлова (1763–1830), выкупившая его после смерти отца в 1786 году у своей младшей сестры Анны Сергеевны. В этом доме Екатерина Сергеевна поселилась, выйдя замуж за графа Александра Николаевича Самойлова (1744–1814), племянника Потемкина. В 1792 году Самойлов занял высокую должность генерал-прокурора, но ничем особенным на этом посту не отличился, не считая яростного преследования трагедии Княжнина «Вадим Новгородский», предпринятого, впрочем, по указанию императрицы.

А. Н. Самойлов

Вообще он не заслужил симпатии современников, отмечавших гордыню и тщеславие графа, не подкрепленные к тому же ни в малейшей степени его скромными способностями. Будучи внешне «преважным» человеком, Самойлов постоянно пребывал под чьим-нибудь влиянием, бросаясь из стороны в сторону. Князь И. М. Долгорукий называет его «титлованным скарedom и дураком», утверждая, что граф был «спесив, груб, бестолков, дурен».

Е. С. Самойлова

Что касается его супруги, известной в свое время красавицы, бывшей чуть не двадцатью годами моложе мужа, то и она пользовалась незавидной репутацией. Однажды на балу, данном графиней в честь прибытия шведского короля, великий князь Константин Павлович в присутствии всего двора выразился о хозяйке дома таким «невозможным» образом, что был посажен Екатериной II под арест. Как и другие племянницы Потемкина, Екатерина Сергеевна тоже одно время являлась предметом его особой благосклонности и в течение второй русско-турецкой войны 1787–1791 годов состояла вместе с мужем при ставке светлейшего.

О холодных отношениях между супругами знал весь город. Злоязычный Ф. В. Ростопчин, сообщая о столичных новостях, писал своему другу С. Р. Воронцову: «Жена графа Самойлова только что разрешилась от бремени сыном, который, как утверждают, появился на свет раньше срока. Генерал-прокурор это не слишком радуется, так как он не живет с женой, но она, тем не менее, обнаруживает удивительную плодовитость». Большая щеголиха, имевшая в модных лавках массу долгов, графиня, помимо всего прочего, глубоко оскорбляла в муже присущую ему бережливость.

Купив в 1793 году дом Фитингофа на Гороховой улице (где впоследствии помещалась приснопамятная ЧК), Самойловы перебрались в него. Спустя несколько лет они продали участок на Литейной сестре графа Екатерине Николаевне Давыдовой, по первому браку Раевской, матери генерала Н. Н. Раевского-старшего и декабриста В. Л. Давыдова.

Дом предназначался в приданое ее дочери Софье Львовне, бывшей замужем за генерал-лейтенантом А. М. Бороздиным; с ними позднее познакомился Пушкин во время пребывания в Крыму. Бороздины недолго владели участком, продав его некоему Евреинову, а от него дом перешел в 1809 году к капитану Ф. Ф. Гернгроссу, разделившему его надвое. В дальнейшем мы будем говорить лишь о части участка, выходившей на Литейный.

О Федоре Федоровиче Гернгроссе читаем у Вигеля: «Он нажил в карты довольно большое состояние и сделался ужасным аристократом, во-первых, потому, что не хотел посещать ни одного второстепенного дома в Петербурге (так как Дмитрий Львович Нарышкин брал его иногда с собою прогуливаться), но более всего потому, что он женился на любимице и воспитаннице Марьи Антоновны (Нарышкиной), прелестнейшей англичаночке, мисс Салли, дочери какого-то столяра».

Новый владелец пожелал капитально перестроить главный корпус здания, увеличив его на всю ширину участка и подведя «под одну фасаду», а кроме того, надстроить флигель по переулку одним этажом. Проект перестройки принадлежал архитектору В. П. Стасову. Зодчий подчеркнул парадный вход с проспекта, находившийся там же, где и сейчас, тяжелым дорическим портиком с крупными формами, характерными для его творческого почерка. Количество осей по фасаду увеличено до пятнадцати. Колонный портик в сочетании с редкими оконными проемами придавал зданию монументальный характер. Работы начались в 1811 году, а двумя годами позже дом был почти готов.

Не успев достроить, Гернгросс попытался с ходу выгодно сбыть его, поместив объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Продается дом по Литейной улице, подле Артиллерийских казарм, под № 386, отделанный вчерне и покрытый железом». К тому времени преображенцы уже перебрались в новые каменные казармы против Таврического сада, а их бывший полковой двор заняли артиллеристы.

Несмотря на неоднократные попытки, продать дом тогда так и не удалось; пришлось ограничиться отдачей его внаем.

В 1818 году здесь обосновалась свежеиспеченная супружеская пара – Алексей Васильевич и Александра Ивановна Васильчиковы. Вместе с ними поселилась мать новобрачной, Екатерина Александровна Архарова, бабушка В. А. Соллогуба, описанная в его воспоминаниях.

А. В. Васильчиков

Старушка отличалась радушием и гостеприимством, особенно свято чтя узы родства, распространявшиеся ею не только на ближайшую, но и на самую отдаленную родню, чуть не до десятого колена, включая родственников первой жены ее покойного мужа. За всех она хлопотала, всем попечительствовала. В Петербург Екатерина Александровна привезла с собой чисто московское, патриархальное хлебосольство. Ее обеды славились непревзойденными кулебяками, рубцами и прочими изделиями отечественной кухни.

В письмах известного поэта XVIII века и столь же известного обжоры Ю. А. Нелединского-Мелецкого, относящихся к 1820 году, можно найти следующие строки: «Третьего дни, пред обедом у Архаровой, чувствовал расстройство желудка, но тут же вспомнил, что на Щукинском дворе, как я слышал, отменные грузди; только что ей сказал, – в ту же минуту она послала за ними верхом, и грузди поспели к говядине! Я принял порцию, в шести груздях состоящую, и с тех пор свет увидел».

Не правда ли, своеобразное средство от несварения желудка? В другом месте читаем: «Обедал вчера у Архаровой, которая надселась, кричавши мне в ухо. Однако же, несмотря на это, звала и завтра на рубцы: у ней рубцы и потрох готовят как нигде!»

Обе записки красноречиво характеризуют не только рассказчика, но и хозяйку дома.

Зять Архаровой, Алексей Васильевич Васильчиков (1777–1854), ставший впоследствии сенатором, служебным возвышением обязан был как своим личным качествам, так и родственным связям. Он приходился родным братом графине М. В. Кочубей и внуком гетману К. Г. Разумовскому, родившись, кстати сказать, в известном читателю доме на Миллионной, 22, кото-

рым в ту пору владел его отец. Мать, Анна Кирилловна, окончила жизнь схимонахиней, под именем старицы Агнии.

А. И. Васильчикова

Рано начав службу в гвардии, Алексей Васильевич долго затем находился при венской миссии, где послом был его дядя, граф Андрей Кириллович Разумовский. Перейдя на службу в Сенат, Васильчиков снискал почетную известность неизменно справедливыми, непредвзятыми решениями. Лучшей похвалой для него может служить то, что его троюродный брат Илларион Васильевич Васильчиков (о нем речь впереди) считал Алексея своим другом.

Под стать мужу была и Александра Ивановна, тетка В. А. Соллогуба, позднее близкая знакомая Пушкина и Гоголя, женщина большой доброты и внутренней культуры, отдававшая много сил делам благотворительности. Среди посетителей Васильчиковых в тот начальный период их совместной жизни были Оленины, Карамзины, П. А. Плетнев.

Через несколько лет, получив свою долю наследства после кончины графа П. К. Разумовского, супруги приобрели собственный особняк на Большой Морской улице, куда и переехали. Дом же на Литейной в 1825 году купил проживавший неподалеку, на той же улице, Илларион Васильевич Васильчиков (1776–1847), впоследствии князь и председатель Государственного совета, «муж чести и правды, бойкий кавалерист, гусар, витязь битв с Наполеоном». Он принимал участие в кампании 1807 года, затем сражался под Бородином, где был ранен. В 1823 году его назначили членом Государственного совета, но всю свою жизнь он оставался, прежде всего, солдатом, наделенным непоколебимым чувством долга.

И. В. Васильчиков

Говорят, что именно И. В. Васильчиков склонил Николая I ударить картечью по восставшим в тот памятный декабрьский день 1825 года. Что ж, так он понимал свой долг перед царем и отечеством. По отзывам современников, Илларион Васильевич являлся самой привлекательной личностью из ближайшего окружения императора. Рассудительный, правдолюбивый, бескорыстный, самостоятельный во мнениях, он пользовался всеобщим уважением и доверием.

Однако особо примечательно то, что сам себя он вовсе не считал человеком, способным занимать высшие государственные посты. Соллогуб приводит интересный эпизод, свидетелем которого он стал. Отвечая на поздравления по случаю назначения председателем Государственного совета, Васильчиков грустно заметил: «Боже мой! До чего мы дожили, что на такую должность лучше меня никого не нашли». По-видимому, эти слова Илларион Васильевич произнес совершенно искренне.

В 1831 году он возведен в графское достоинство, а в 1839-м – в княжеское. Князь Васильчиков единственный имел во всякое время и по всем делам свободный доступ к императору: тот не только любил его, но и чтил, как никого другого. Скончался он после нескольких дней жестоких страданий, и все это время множество народу приезжало справляться о состоянии больного. По Литейной почти нельзя было проехать: ряды экипажей непрерывно тянулись к подъезду его дома. В передней и приемной беспрестанно толпились люди, желавшие узнать о развязке; сам царь по два и по три раза в день заезжал навестить к умирающему...

Отпевали И. В. Васильчикова в Преображенском соборе, а первую панихиду отслужили в домовых церкви, перенесенной за несколько лет перед тем из проданного им родительского особняка¹⁹.

В 1838 году, еще при жизни Иллариона Васильевича, дом на Литейной перестроили по проекту архитектора А. К. Кавоса. При этом его наружный облик изменился в духе времени: исчез колонный портик, а вместо него появился легкий металлический балкон; окна второго этажа и парадная дверь получили полукруглые завершения, стены двух нижних этажей были обработаны рустом, иным стал и рисунок оконных наличников третьего этажа. В итоге здание приобрело черты того переходного стиля между поздним классицизмом и неоренессансом, что господствовал в те годы в русской архитектуре.

В. И. Васильчиков

Сын покойного князя, Виктор Илларионович (1820–1878), был личностью не менее замечательной, чем отец. Являясь начальником штаба Севастопольского гарнизона во время Крымской войны, он проявил редкую силу духа и самоотверженность, делая все возможное для защиты города и облегчения участи раненых. Когда кто-то заметил Нахимову, что тот подвер-

¹⁹ Матери И. В. Васильчикова, а затем и ему самому некогда принадлежал участок нынешних домов № 55–57 по Невскому проспекту.

гает себя чрезмерной опасности, прибавив при этом, «что будет, если Севастополь Вас потеряет?», адмирал, нахмурившись, ответил: «Не то Вы говорите-с; убьют-с меня, убьют-с вас, это ничего-с, а вот если израсходуют князя Васильчикова – это беда-с; без него несдобровать Севастополю». Виктор Илларионович последним покинул пылающий город. За свой подвиг он награждается орденом Святого Георгия 3-й степени. Выйдя в 1867 году в отставку, князь занялся сельским хозяйством, опубликовав ряд статей и брошюр по этому вопросу.

Его мать Татьяна Васильевна, урожденная Пашкова (1793–1875), владела домом до самой смерти, после чего наследники продали его генерал-лейтенанту Илье Дмитриевичу Муханову. Новый владелец приобрел дом к свадьбе сына, Дмитрия Ильича, женившегося на фрейлине М. А. Ковальковой. Муханов-младший воспитывался в Пажеском корпусе, откуда вышел корнетом в Кавалергардский полк, а в 1876 году был назначен адъютантом к великому князю Николаю Николаевичу. За участие в русско-турецкой войне он удостоился награждения золотым оружием. В 1879-м у супругов родилась дочь Мария, а двумя годами позже – сын Илья.

Т. В. Васильчикова

В 1882 году Дмитрий Ильич скоропостижно скончался, оставив двоих сирот на попечении матери и деда, которые и вырастили их.

В 1903 году Мария Дмитриевна стала женой графа Федора Михайлова Нирода, представителя старинного дворянского рода шведского происхождения, обосновавшегося в начале

XVIII века в Эстляндии. Графиня с мужем поселились в Конногвардейском переулке, неподалеку от места его службы, заказав гражданскому инженеру С. С. Козлову в том же году проект перестройки дома на Литейном. В результате капитально переделаны два нижних этажа лицевого корпуса, с увеличением оконных проемов и утолщением наружных стен всего здания, отделанных облицовочным кирпичом. Общая стилистика фасада указывает на появление нового архитектурного направления – модерна.

М. Д. Нирод стала целиком отдавать дом внаем. Нижние этажи использовались под торговые помещения. Здесь, в частности, размещался «Санкт-Петербургский кустарный склад», выпустивший целую серию рекламных открыток с изображениями своих товаров: кружев, берестяных изделий, народных костюмов и т. д.

В скором времени графиня овдовела, но в свой дом так и не вернулась, поселившись в Царском Селе, где и застала ее революция. Как сложилась дальнейшая судьба последней владелицы, неизвестно, но дом стоит на прежнем месте, у бывшего полкового двора (там и по сей день проживают военнослужащие с семьями), и даже не очень изменился.

Особняк из моего детства (Дом № 11 по улице Некрасова)

В моих детских воспоминаниях сорокалетней давности этот дом предстает совсем иным: обнесенный чугунной оградой, уютный, приземистый, затененный высокими деревьями... Сквер был там же, где и сейчас, только скамьи другие, да и все другое. Когда-то на месте сквера стоял деревянный дом, снесенный еще до войны; исчезнув, он обнажил боковую стену небольшого каменного домика № 28 по улице Маяковского (бывшей Надеждинской) и разомкнул прямоугольник обширного участка, простиравшегося до Эртелева переулка (ныне улица Чехова).

Дом № 11 по улице Некрасова. Современное фото

Помимо особняка и упомянутых каменного и деревянного домов по Надеждинской, он включал в себя четырехэтажное угловое здание по Эртелеву переулку и Бассейной улице (№ 17/9) и примыкавший к нему дровяной двор, арендуемый купцом Прокофьевым. Значительную часть участка занимал старинный сад, разведенный еще в начале XIX века. В 1917 году все это принадлежало вдове действительного статского советника Ольге Петровне Кушелевой. Теперь обратимся к более отдаленной истории.

Первоначально участок был гораздо меньше, и стоял на нем лишь одноэтажный каменный дом с мезонином, о котором и пойдет речь в нашем рассказе. Построил его около 1804 года полковник Карл Лешерт, приобретший землю при распродаже гвардии Преображенским полком своих владений на исходе XVIII века. Прежде чем Бассейная улица стала так называться, она именовалась просто Девятой ротой.

Первое упоминание о доме мы находим в одном из декабрьских номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1804 год: «В бывшем Преображенском полку Литейной части в 3-м квартале по Бассейной улице, неподалеку от шести лавочек, продается каменной об одном этаже дом под № 258 со всеми принадлежащими мебелью и службами, с садом и оранжереями».

Из объявления следует, во-первых, что при доме уже в ту пору был разбит сад и устроены оранжереи, а во-вторых, что владелец желал со всем этим расстаться; оставалось лишь найти покупателя. И он нашелся в лице подполковника русской службы (но итальянского подданного) графа Морелли.

Анекдотическую историю появления этого авантюриста в России приводит Пушкин в своих Table-talk: «Потемкину доложили однажды, что некто граф Мор... (елли), житель Флоренции, превосходно играет на скрипке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к графу М... объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к черту Потемкина и курьера с его тележкой. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрипача, бедняка не без таланта, и легко уговорил его назваться М... и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем графа М... и дослужился до полковничьего чина».

Граф-самозванец не только дослужился до штаб-офицерского чина, но вдобавок женился на внебрачной дочери екатерининского вельможи И. П. Елагина и приобрел собственную недвижимость в столице. Начиная с 1812 года Морелли предпринимал неоднократные попытки продать ее, но ему это долго не удавалось.

Лишь через шесть лет участок купил действительный статский советник Василий Романович Марченко (1782–1841) – восходящая звезда на бюрократическом небосклоне, в то время правитель дел Комитета министров, а впоследствии государственный секретарь, злейший враг Аракчеева. Своим неслыханным упорством и трудолюбием этот, по отзыву Н. И. Греча, «почтенный и достойный» человек выбился из канцелярских служителей в государственные деятели; он оставил интересные записки о своей службе.

В 1833–1834 годах Марченко возвел трехэтажную каменную пристройку со стороны сада, который он тогда же привел в порядок, поставил перед домом чугунную решетку и устроил палисадник. Установка решетки и устройство палисадника (с соответствующим переносом красной линии²⁰) связаны были с проводимым в ту пору урегулированием Бассейной улицы.

После смерти В. Р. Марченко домом несколько лет владела его вдова, а в начале 1850-х годов он перешел к коммерции советнику Василию Александровичу Кокореву.

Интересна судьба этого самородка. Родился он в 1817 году в семье солигаличского мещанина, служившего сидельцем в кабаке, или, как тогда говорили, «целовальником». С детских лет Вася начал помогать отцу и приобрел большую опытность и необходимые навыки к винному делу. В сороковых годах он приезжает в столицу и поступает простым продавцом в винную лавку, но благодаря исключительному уму и энергии вскоре становится откупщиком и наживает громадное состояние. Имя Кокорева делается известным всей России: он основывает банки и страховые общества, первым начинает добывать нефть на Кавказе, строит Уральскую горнозаводскую дорогу.

В 1860-х годах Кокорев – уже крупный промышленник и обладатель многомиллионного капитала, но, кроме того, он еще и либеральный деятель, отстаивавший свои взгляды в речах и статьях, за что даже угодил в черный список «подозрительных лиц» московского гене-

²⁰ Так называется воображаемая черта, за которую уличные строения не должны выступать.

рал-губернатора А. А. Закревского, приписавшего против его фамилии: «Западник, демократ и возмутитель, желающий беспорядков». В письме же к графу А. Ф. Орлову он развил свою мысль относительно Кокорева: «Давно бы пора унять этого вредного честолюбца, который, при стечении счастливых обстоятельств, выскочив из целовальников и приобретя своим кабацким богатством значение в обществе, особливо в народе, и связи между литераторами, не в первый раз уже смеет печатать свои уроки правительству».

Писалось это в январе 1859 года, в эпоху подготовки к крестьянской реформе, и касалось печатных выступлений В. А. Кокорева по данному вопросу.

В 1869 году Кокорев продал участок на Бассейной, значительно расширенный покупкой двух смежных, по Эртелеву переулку, другому промышленнику – Петру Федоровичу Семянникову (1821–1874), совладельцу Невского литейного и механического завода. Выпускник Корпуса горных инженеров, Семянников долгое время управлял казенными золотыми приисками на Алтае, где его приятель и однокашник В. А. Полетика исполнял должность приискового пристава.

Надо полагать, оба друга охулки на руку не клали и вернулись в Петербург богатыми людьми. В 1857 году они купили у англичанина Томсона чугунолитейный заводик за Невской заставой и развернули его в большое производство. Широко пользуясь своими связями и деньгами, Семянников и Полетика сумели получить крупные заказы на изготовление паровых военных судов, а затем и паровозов. Впрочем, движущей силой и мозгом всего дела считался Полетика, предоставивший своему напарнику пассивную роль денежного мешка.

Приумножив и без того немалые капиталы, Петр Федорович решил перестроить со всей возможной роскошью приобретенный им особняк на Бассейной, где он предполагал поселиться с женой и дочерью. Для этой цели пригласили модного архитектора, академика В. Е. Стуккея, незадолго до того перестроившего для другого столичного крёза – фабриканта Э. П. Казалета – дом на Английской набережной, 6.

При сравнении двух проектов заметно их несомненное сходство: оба решены в стиле так называемого «третьего барокко», особенно любимого нуворишами, с обильными лепными украшениями, картушами с претенциозными гербами и т. д. В результате перестройки скромный доселе одноэтажный дом с двумя мезонинами в три и пять окон превратился в «палаццо» новоиспеченного генерал-майора. Одновременно Семянников расширил границы своих владений, прикупив смежный угловой участок по Бассейной и Надеждинской, сделавшись таким образом хозяином целого квартала.

Петр Федорович недолго прожил в своем пышно отделанном особняке: чрезмерная склонность к кутежам и попойкам привели его к преждевременной смерти на пятьдесят третьем году. Спустя несколько лет его вдова Зинаида Николаевна вышла замуж за чиновника Полежаева; скончалась она в преклонном возрасте, незадолго до революции.

После смерти матери все семянниковское состояние перешло к ее дочери от первого брака Ольге Петровне Кушелевой, успевшей к тому времени овдоветь и проживавшей в особняке на Бассейной с двумя неженатыми сыновьями. Они служили ротмистрами в кавалерийских полках; третий ее сын, тоже ротмистр, только отставной, обитал со своей семьей в соседнем доме, также принадлежавшем матери. Налетевшая революционная буря положила конец уютному и благополучному существованию кушелевского клана, разметав его по белу свету.

А в опустевшем особняке поначалу обосновался антикварный магазин «Бюро искусства», один из тех, что, как грибы после дождя, появились чуть ли не на всех больших улицах Петрограда. Занимались они распродажей частных коллекций, владельцы которых торопились с ними расстаться в надежде хоть что-нибудь выручить, прежде чем все окончательно пойдет прахом. Немного позднее, в 1918-м, здесь открылся Дом литераторов, просуществовавший до 1922 года и спасший от голодной смерти сотни русских интеллигентов, по разным причинам оставшихся в Петрограде.

Поэт Георгий Иванов пишет в своих воспоминаниях: «На проклятой Богом территории «Северной коммуны», где людям, не желавшим или не умевшим шагать «в ногу с пролетариатом», оставалось только ложиться и умирать, – был создан и отгорожен клочок, где они могли не только как-то кормиться, не только греться в относительном тепле, но – и это было самое важное – дышать. За тяжелой дверью Дома литераторов советское владычество как бы обрывалось. Замерзший и голодный «гражданин» вместе с порцией воблы и пшенной каши как бы получал и порцию душевной свободы, которая там, за стенами Дома литераторов, была конфискована и объявлена вне закона».

Процедура приема в члены литературного сообщества была облегчена до крайности: приходил человек, оборванный и голодный, и заявлял управляющему, что он журналист. «А где вы писали?» Претендент на членство, помявшись, отвечал: «В сибирских газетах... и вообще...» После этого ему незамедлительно выдавалась заветная карточка, дававшая право на бесплатные обеды.

Но помимо «сибирских журналистов», там же кормился почти весь литературный Петроград. «Хожу сюда каждый день, как лошадь в стойло», – говаривал Гумилев; Блок часами простаивал здесь в очередях за мороженой картошкой, которую торжествующе нес потом к себе на Офицерскую; Кузмин, живший неподалеку, уходил и появлялся вновь каждые полчаса, чтобы поболтать и напиться чаю. В Доме литераторов устраивались лекции, концерты, литературные вечера, охотно посещавшиеся и многими окрестными жителями.

Георгий Иванов посвящает несколько неласковых строчек приютившему писателей особняку, к тому времени еще во многом сохранявшему свой вычурный лоск: «Помещение... было безобразное и неудобное. Залы, обитые вылинявшим штофом, дрянные огромные картины по стенам. Мебели было мало – тоже плохой и роскошной. Зато при доме был прекрасный старый сад». Насытившись, литераторы любили прогуливаться по аллеям, разбирая курьезные надписи на собачьих могилах.

Ныне от сада уцелело всего два-три дерева, сиротливо жмущихся к стене бывшего особняка. А сам он, надстроенный и перестроенный, оголенный со всех сторон, мало напоминает особняк из моего детства...

Приют Фемиды (Дом № 44 по Литейному проспекту)

Стоит на Литейном проспекте дом со странным фасадом – смесью самых разнородных стилей: центральная его часть с тремя огромными арочными оконными нишами, над каждой из которых по три маленьких полукруглых оконца, напоминает как бы вывернутую наизнанку мрачноватую внутренность романских соборов, боковые же окна первого и третьего этажей переносят нас в эпоху Возрождения. Такой облик зданию придал в 1852–1856 годах архитектор А. Х. Пель. Уже почти два века оно служит приютом Фемиды, прочно связанное с судьбами отечественной юриспруденции. Здесь получали образование будущие российские правоведы, составлялись и редактировались законы... А начиналось все так.

Император Павел I терпеть не мог гражданских чиновников, в особенности мелких, почитая их занятия «подлыми», то есть низкими, как это слово тогда понималось. Но нужда в чиновниках, в том числе сенатских, была велика. Из «правительствующего», каким он являлся при Петре I, сенат постепенно превратился в чисто судебный орган, решавший порой весьма запутанные дела, в обилии стекавшиеся со всех концов России. Для решения их нужны были не просто грамотные, а юридически образованные люди, способные со временем занять высшие сенатские должности. Откуда же их взять?

И вот в 1797 году по указу императора при сенате открылась Юнкерская школа для юношей, решивших посвятить себя гражданской службе. Число ее воспитанников не должно было превышать пятидесяти (из них тридцать юнкеров из дворян, а остальные – дети мелких «приказных» недворянского происхождения), но на деле оказалось чуть не втрое больше: многие дворяне, стараясь спасти своих чад от тягот и превратностей павловской муштры, отдавали их в школу.

Дом № 44 по Литейному проспекту. Современное фото

Первоначально она помещалась на Загородном проспекте, у Пяти углов, в специально отведенном для нее здании, но в 1803 году ее переименовали в Юнкерский институт и перевели на Литейную улицу, в дом, ранее занимавшийся Вспомогательным банком для дворянства.

Интересна предыстория дома. Некогда он принадлежал знаменитому фельдмаршалу Миниху; в 1775 году его наследники продали участок Петру Кирилловичу Хлебникову, выдающемуся библиофилу, основателю уникальной библиотеки. Имея, по словам современника, «безмерную любовь к словесным занятиям», он с особой страстью собирал рукописи, книги, газеты, периодические издания и даже листки со стихотворениями, речами, эпиграммами, объявлениями и т. п. Среди жемчужин его собрания находился список древней летописи, которым впоследствии пользовался Карамзин при написании первых томов своей истории, а также ода Ломоносова на восшествие на престол Иоанна Антоновича в 1741 году, долго считавшаяся величайшей библиографической редкостью и даже окруженная некой тайной. Многие тогдашние русские литераторы пользовались покровительством П. К. Хлебникова и печатали свои сочинения его «изданием».

Сын Петра Кирилловича, Николай Петрович, значительно преумножил отцовскую библиотеку. Он находился в дружеских отношениях с Державиным, подарившим ему свою «Песнь лирическую Россу на взятие Измаила».

В начале 1790-х Хлебниковы перестраивают свое жилище в соответствии с изменившимися архитектурными вкусами, после чего оно утрачивает затейливый барочный фасад и приобретает новый – в стиле классицизма. А спустя еще несколько лет, в декабре 1796 года, в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется объявление о продаже хлебниковского особняка: «На Литейной близ Итальянского сада продается под № 1508 вновь исправленной на новейший вкус отделанной и до половины обоеванной дом с садом, которой обнесен каменною оградой, и с оранжереею. Желющие оной купить на выгодных условиях могут об оных узнать от домоправителя».

Покупатель нашелся не сразу, его пришлось искать в течение двух лет. Наконец участок приобретают для казенной надобности, и в опустевший дом вселяется новообразованный Вспомогательный банк, вскоре уступивший место учебному заведению. На его фасаде повесили мраморную доску с надписью золотыми буквами: «ЮНКЕРСКИЙ ИНСТИТУТ».

Провисела она, впрочем, недолго. Переименование школы в институт не смогло спасти ее от упадка, начавшегося с разгона Павлом сверхкомплектных юнкеров. Но, кроме всего прочего, со смертью злополучного деспота значительно уменьшилось количество желающих определять своих детей на гражданскую службу. В том же 1803 году мраморная доска была надставлена по краям, чтобы вместить другую надпись: «КОМИССИЯ СОСТАВЛЕНИЯ ЗАКОНОВ». Юнкеров выселили из главного здания и поместили в надворном флигеле, где их спальни служили им и классными помещениями. В конце 1805 года Юнкерский институт прекратил свое существование, преобразованный в Высшее училище правоведения; однако состоялся лишь один выпуск, в 1809-м, после чего различные обстоятельства прервали его деятельность, и в 1816-м оно было упразднено.

Комиссия же, под разными наименованиями, проработала в этом здании еще свыше ста лет, до самой Октябрьской революции. Первоначально ее задачей было приведение в систему всего уголовного и гражданского законодательства, действовавшего еще со времени Уложения 1648 года царя Алексея Михайловича. Затем на комиссию возложили и предварительную разработку новых законопроектов.

В 1810-м комиссию возглавил М. М. Сперанский и оставался вплоть до опалы и ссылки, которым он подвергся два года спустя. Новый царь, Николай I, преобразовал Комиссию составления законов во II Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, не изменив ее основных функций. Душой этого учреждения стал тот же Сперанский, хотя и не имевший поначалу никакой официальной должности: в первые годы своего правления государь не слишком ему доверял, подозревая в сочувствии к декабристам.

При II Отделении существовала огромная типография²¹, печатавшая «Полное собрание законов» – плод многолетней деятельности комиссии. Но в типографии публиковались не одни законодательные акты: в 1834-м здесь увидела свет пушкинская «История Пугачевского бунта». В ту пору поэт часто посещал Сперанского; возможно, бывал он и в доме на Литейном.

В начале 50-х годов XIX века изрядно обветшавшее здание II Отделения переходит в собственность А. Х. Пеля, который и перестраивает его по своему проекту.

Пель недолго владел домом № 44; возведя себе еще один, по соседству, он расстается с первым, который возвращается к прежнему владельцу, то есть II Отделению. С 1882 года оно именуется Кодификационным отделением при Государственном совете, а в 1900-х получает свое последнее и окончательное название – Отделение свода законов Государственной канцелярии. При этом функции его не меняются; просто из личного ведения царя оно переходит в ведение Государственного совета.

И в советское время здание продолжало служить юстиции; в нем размещались губернская, а позднее областная и городская прокуратуры. В послевоенные годы здесь начинают действовать курсы повышения квалификации следственных работников, не так давно получившие статус института – ныне единственного обитателя и пользователя дома. Круг замкнулся: история сделала полный виток.

²¹ Она находилась в казенном здании на углу нынешней Инженерной улицы и Екатерининского канала, где сейчас Выставочный корпус Русского музея.

Под сенью Эртелева сада (Дом № 46 по Литейному проспекту)

В старину Петербург был богат зеленью; земля, особенно вдали от центра, стоила дешево, и домовладельцы жили привольно, обзаводясь садами и огородами. Те, кто побогаче, могли позволить себе барские затеи вроде теплиц и оранжерей, где круглый год выращивались разнообразные фрукты, даже такие экзотические, как ананасы и фиги. Существовали подобные сады и в Литейной части. К ним, прежде всего, относились Шереметевский и Итальянский, от которых уцелели лишь жалкие остатки, не дающие ни малейшего представления об их прежнем великолепии. Были и другие, менее известные, но также хранящие исторические воспоминания.

Дом № 46 по Литейному проспекту. Современное фото

Когда вам доведется проходить по Литейному проспекту, обратите внимание на дом № 46. Его длинный четырехэтажный фасад прорезан высокой аркой ворот и двумя боковыми арочными проходами. Заглянув внутрь двора, вы вдруг окажетесь в Италии XVI века, – если, конечно, у вас богатая фантазия и вы равнодушны к таким мелочам, как убийственный запах из подъездов и стены с отваливающейся штукатуркой.

Архитектура дворовых фасадов, небольшой сад с высохшим фонтаном посередине, перегороженный чугунной оградой классического рисунка, – все говорит о давно минувших лучших временах. Впрочем, то, что перед вами сейчас, появилось уже в результате перестроек 1860-х и 1900-х годов, мы же поговорим о более ранней истории этого участка.

В конце XVIII столетия он простирался в глубину до светлиц Преображенского полка, где ныне четная сторона улицы Чехова. В 1800 году мещанин Дмитрий Ямщиков напечатал объявление о его продаже: «На Литейной улице, подле Вспомогательного банка, продается обширное, под № 228, место с деревянным строением и большим огородом».

Желающих приобрести земельное владение в довольно отдаленной тогда части города долго не находилось. Тем временем Ямщиков отдал богу душу, и за дело взялся Городовой сиротский суд; его постановлением недвижимость покойного, оцененная всего-навсего в 2 тысячи рублей, весной 1803 года выставляется на торги.

Покупатель отыскался в лице петербургского обер-полицмейстера Ф. Ф. Эртеля (1767–1825), не так давно назначенного на эту должность. Уроженец Пруссии, лишенный чьей бы то ни было поддержки, восемнадцатилетним прапорщиком он поступил на русскую службу и своим невероятным упорством, исполнительностью и храбростью проложил себе дорогу сначала на военном, а затем и на гражданском поприще.

Русско-шведскую войну 1788–1790 годов Федор Федорович, как окрестили его в России, начал поручиком, а закончил майором. Чины доставались ему нелегко – каждый потребовал совершения подвига и пролития своей и вражеской крови. В одном из боев Эртель лишился правого глаза, что вынудило его уйти в отставку с пожизненным пенсионом в 400 рублей в год.

Пожар, уничтоживший все небогатое имущество отставного майора, заставил его вновь определиться на службу – на сей раз заседателем в уездном суде. Так бы и застрял он в этой мало почтенной в ту пору должности, но тут счастье наконец улыбнулось: о нем вспомнил великий князь Павел Петрович, в чьих гатчинских войсках довелось ему прослужить некоторое время, и поручил сформировать Гренадерский полк.

Три года Федор Федорович добросовестно муштровал новобранцев; но в январе 1796 года последовала отставка и недолгое пребывание на посту прокурора в Выборгском магистрате. Заняв в скором времени императорский трон, Павел вновь призывает его на службу, награждает, жалует 500 душ, а в 1798 году назначает московским обер-полицмейстером.

Следуя указам сумасбродного государя, Эртель (в то время уже генерал-майор) неумолимо преследовал запрещенные фракы и круглые шляпы, нагнав на обывателей такого страха, что те не знали, куда от него деваться. Порядок он наводил железной рукой, к чему Москва с ее патриархальными нравами и русской расхлябанностью была совсем не привычна.

Вступив на престол, Александр I тут же сместил ретивого служаку с должности, не подозревая о том, что очень скоро вынужден будет снова обратиться к его услугам. По совету своего генерал-адъютанта Е. Ф. Комаровского в сентябре 1802 года царь поставил Эртеля теперь уже петербургским обер-полицмейстером. Тот не обманул возлагавшихся на него надежд, приведя столичную полицию за шесть лет пребывания на этом посту в гораздо лучшее состояние, чем она была прежде.

Ф. Ф. Вигель в своих «Записках» охарактеризовал его следующим образом: «Эртель был человек живой, веселый, деятельный; ... в нем была врожденная страсть настигать и хватать разбойников и плутов, столь же сильная, как в кошке ловить крыс и мышей. Никакой вор, никакое воровство не могли от него укрыться; можно везде было наконец держать двери наотперти; ни один большой съезд, ни одно народное увеселение не ознаменовались при нем несчастным приключением; на пожарах пламень как будто гаснул от его приближения».

Не правда ли, читая эти строки, невольно завидуешь тогдашним петербуржцам: поистине золотой век борьбы с преступностью! На посту полицмейстера Эртель обрел свое подлинное призвание и, по-видимому, рассчитывал пробыть на нем долго. Продав тому же Комаровскому за 75 тысяч рублей пожалованное покойным государем имение в 500 душ, Федор Федорович приступил к постройке на приобретенном участке большого каменного дома.

К 1806 году на Литейной улице выросли длинные двухэтажные с мезонином палаты, а рядом – почти такие же, но немного короче, слитые в единое здание (дома № 46 и 48). За ними,

в глубину участка, протянулся невозделанный пустырь с огородом, упиравшийся в еще один, скромных размеров домик, купленный Эртелем у гоф-фурьера Петра Каменского и обращенный фасадом в новопроложенный Грязный переулок (ныне улица Чехова, 4). Там он и поселился, а чтобы хоть частично покрыть затраты на строительство, стал сдавать внаем достроенную половину дома на Литейной с «господскими покоями и принадлежащими к ним людскими комнатами, кухнею, погребом, каретным сараем и конюшнею».

Через два года мерное и плавное течение жизни главного полицейского столицы неожиданно делает новый поворот: его заменяют А. Д. Балашовым. Ходили слухи, что это случилось по настоянию очень влиятельного в ту пору наполеоновского посла Коленкура, обвинившего Эртеля в плохом отношении к французам. Потом опять была военная служба, участие в Отечественной войне 1812 года и зарубежных походах...

Вернувшись в Россию в 1816 году, Федор Федорович энергично принялся за благоустройство несколько запущенного за время его отсутствия участка; тогда-то, скорее всего, и возникла мысль о саде. Осенью того же года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «Нужен хороший садовник, умеющий разводить сады и держать оранжерею. Таковой может отнестись в Литейную улицу, в большой дом г. Генерал-Лейтенанта Эртеля». Кстати говоря, окрестные жители уже успели переименовать Грязный переулок в Эртелев; постепенно новое название прижилось, хотя официальным стало лишь через двадцать лет.

Для сада столько времени не потребовалось: уже через два года он был готов и сдавался в аренду вместе с «большим огородным местом», принося немалый доход хозяину. Незадолго до смерти Федор Федорович продал дом, а точнее, дома на Литейной отставному министру финансов Ф. А. Голубцову (особнячок в Эртелевом переулке еще в 1816 году перешел к полковнице Белавиной), у наследников которого в 1830-м их купил граф С. Ф. Апраксин.

Ф. А. Голубцов

При нем участок в 1850-х годах разделен надвое, и дом № 46, перешедший в собственность архитектора А. Х. Пеля, начал самостоятельное существование. Память о первом владельце долго жила в названии переулка; теперь же о нем напоминают лишь несколько старых деревьев бывшего Эртелева сада.

Судьба распорядилась по-своему! (Дом № 48 по Литейному проспекту)

Почти напротив неузнаваемо перестроенного особняка княгини Щербатовой (Литейный, 49) стоит дом № 48 с похожим фасадом. И он прежде выглядел совсем иначе: уютные барские хоромы о двух этажах, с эркером в левой части и огромным «итальянским» окном посредине упоминаются в одном из довоенных путеводителей как типичный образец богатого дворянского жилища старого Петербурга.

Дом № 48 по Литейному проспекту. Современное фото

Около сотни лет домом владели графы Апраксины, хотя в отличие от знаменитого Апраксина двора это не была их «вотчина», а благоприобретенное имение. Участок на Литейном свекор последней владелицы особняка, генерал-адъютант Степан Федорович Апраксин, купил в 1830 году у наследников покойного министра финансов Ф. А. Голубцова. В ту пору размер участка был вдвое больше и включал в себя тот, где расположен соседний дом № 46.

А. М. Апраксин (Бесящий)

Родоначальник этой ветви графов Апраксиных – член шутовской коллегии кардиналов при Петре I Андрей Матвеевич, по прозвищу Бесящий. Неблагозвучную кличку, указывавшую на дикий, необузданный нрав ее обладателя, получил он от самого царя за то, что, «осердившись», до смерти забил стольника Желябужского и его сына.

За свое преступление Апраксин чуть не отдал кнута, но благодаря заступничеству влиятельной родни ему удалось избежать заслуженной кары. Петр ограничился тем, что, помимо прозвища, дал ему малопочтенную роль во «Всеппянейшем соборе». Впоследствии Апраксин носил придворное звание обер-шенка (заведующего царским винным погребом), а в 1722 году удостоился, хотя и позже братьев, графского титула.

В еще большей степени процветанию рода способствовал его сын Федор, камергер Анны Иоанновны, уже знакомый нам владелец пышных палат на Миллионной. Именно ему императрица за усердную службу пожаловала в 1739 году огромный участок земли на Фонтанке, ставший со временем неиссякаемым источником богатства графов Апраксиных. Зато Екатерина II весьма их недолюбливала. Особенное недовольство государыни вызывал Матвей Федорович Апраксин, дед владельца особняка на Литейном.

Он был постоянно одержим всевозможными спекулятивными проектами: вступал в какие-то подозрительные коммерческие компании, распродал по частям свои земельные владения под купеческие лавки, а в 1788 году дошел до того, что подал официальное прошение

о зачислении его в купцы третьей гильдии! Екатерина назвала графа «сумасшедшим» и, разумеется, оставила его просьбу без внимания...

Позднее Матвей Федорович затеял кляузную тяжбу с собственной женой, донимая императрицу жалобами на сенатские решения. Не отличался он также примерным поведением и за одну «неблагопристойную выходку» едва не угодил под суд.

В отличие от деда, внук умел ладить с царями. За год до своей смерти Александр I назначил С. Ф. Апраксина командиром аристократического Кавалергардского полка. 14 декабря 1825 года кавалергарды не поддержали мятежников и послушно принесли присягу Николаю I. За это император относился к Степану Федоровичу с неизменным благоволением и даже сделал его своим постоянным партнером за карточным столом...

К началу 1860-х годов Апраксины продали архитектору А. Х. Пелю половину участка на Литейном с каменным двухэтажным домом, постоянно сдававшимся внаем, оставив себе другую половину с однотипным домом, составлявшим как бы продолжение первого. Оба здания, построенные в середине 1800-х годов тогдашним петербургским обер-полицеймейстером Ф. Ф. Эртелем, имели очень схожие фасады в стиле безордерного классицизма.

В 1862 году С. Ф. Апраксин умер, и особняк перешел по наследству к его сыну Антону Степановичу (1817–1899), человеку несомненно примечательному. Незадолго до смерти отца в жизни А. С. Апраксина, в то время генерал-майора свиты, произошло событие, возможно повлиявшее на всю его дальнейшую судьбу.

15 апреля 1861 года, командуя по поручению Александра II военным отрядом, направленным для подавления крестьянских волнений в селе Бездна Казанской губернии, граф отдал приказ стрелять в толпу. В результате погибло более 100 человек, а ранено вдвое больше. За этот сомнительный «подвиг» к нему, как некогда к его пращуру, прочно приклеилось насмешливое прозвище Безднинский, данное ему Герценом...

Очевидно испытывая запоздалое раскаяние и желая загладить свой грех, А. С. Апраксин в дальнейшем, выйдя в отставку, уделял много внимания благотворительности и сделал немало полезного.

В 1867 году, задумав вступить в брак, граф перестроил свое жилище, придав ему более современный облик. Женился он поздно, чуть не в пятьдесят лет, на москвичке М. Д. Рахмановой, почти тридцатью годами моложе его. В обществе на невесту смотрели как на жертву, а над женихом смеялись, рассказывая, что он красит волосы и бакенбарды сапожной ваксой. Многие не любили Апраксина, считая его чудаком, едва ли не помешанным, и это мнение разделял сам царь Александр III.

Поводы для этого находились. Когда он умер, в газете «Гражданин» появился некролог, где, в частности, говорилось: «Ему было свыше 80 лет, и издавна весь Петербург его знал, ибо везде кто-нибудь, в течение этого долгого ряда лет, встречал сгорбленного старика, очень бедно одетого, тихо и везде пешком идущего, с видом нищего, которому хотелось дать подаю-ние, скряги, которого хотелось упрекнуть за скупость, и страдальца, которому хотелось сказать слова утешения. Однако этот нищий, этот скряга, этот больной был владельцем многомиллионного состояния и не был ни нищим, ни скрягой, ни больным... Его давнишнее презрение к щегольству было одной из потребностей его оригинальной, но прекрасной души, ничего привлекательного для себя в богатстве не находившей... Оказалось, что он деньги любил держать в руках для того, чтобы их тайно давать просящим...»

А. С. Апраксин учредил богадельню для вдов инвалидов Кавалергардского полка, в котором он, идя по стопам родителя, в молодости служил. Это на его средства отстроен после пожара 1862 года Апраксин двор в том виде, в каком мы его знаем. Он же стал инициатором постройки по проекту Л. Ф. Фонтана в 1876–1878 годах на его территории театрального здания, ныне всем известного БДТ имени Г. А. Товстоногова. Когда-то рядом с театром стояла

возведенная на средства графа по проекту того же Л. Ф. Фонтана церковь Воскресения Христова, поражающая роскошью отделки. Теперь на ее месте здание Дома прессы (Фонтанка, 59).

Была у Апраксина еще одна страсть – воздухоплавание. Он даже написал и издал в 1884 году труд, носящий по-старинному длинное название: «Воздухоплавание и применение его к передвижению аэростатов свободных и несвободных по желаемым направлениям». По его заказу и проекту в специально сооруженном ангаре на Охте много лет строился крупный аэростат, за смертью графа так и оставшийся недоконченным...

В семейной жизни Антон Степанович счастья не нашел. Кажется, его по-настоящему любили только незамужние сестры, проживавшие вместе с ним; смешные, жеманные старушки с искусственными шиньонами и вставными зубами, они обожали танцевать с молодыми кавалерами, прозававшими их «пятерка» и «семерка», очевидно, по причине внешнего сходства с этими цифрами. «Барышни» Апраксины жили воспоминаниями о том счастливом времени, когда их отец командовал полком. Несмотря на суетность и излишнее пристрастие к сплетням и пересудам, они – существа совершенно безобидные, сохранявшие в своем быту тягу к русскому патриархальному укладу жизни.

Совсем иной была жена графа, Мария Дмитриевна. Не разделяя аскетических наклонностей супруга, она после его смерти обставила свой огромный особняк прямо-таки с царской роскошью, хотя любила принимать посетителей, даже самых важных, в маленькой, скромно убранной гостиной. Разговоры, касавшиеся самых пустых, обыденных тем, велись исключительно по-французски.

Зато повар графини М. Д. Апраксиной славился в обеих столицах, и приготовленные им кушанья никак нельзя назвать заурядными. Нередко он поражал гостей кулинарными изысками, особенно сладкими блюдами, вроде огромных вареных груш, облитых ромовым соусом и обсыпанных крошками фисташек.

Не зная цены деньгам, графиня нередко швыряла их на ветер, но иногда делала и крупные жертвования на благотворительные цели. Так, однажды по просьбе ее постоянного посетителя – министра земледелия А. С. Ермолова – она внесла 75 тысяч рублей на нужды бедных слепых.

В личной жизни Мария Дмитриевна оказалась несчастлива. Ее любимая дочь умерла еще ребенком, а сын Степан, камер-юнкер, позднее камергер, – человек глупый и никудышный, так что мать стыдилась его, и он никогда не выходил к гостям. Молодой Апраксин писал романы из русской жизни на французском языке, а потом извлекал из них «добрые мысли» и печатал на отдельных листках для бесплатной раздачи в церквях. Как и мать, он окончил свои дни в эмиграции, и с его смертью засохла эта ветвь рода Апраксиных...

В 1946 году бывший графский особняк сильно пострадал от пожара, а затем, надстроенный и перестроенный, полностью утратил былой облик. О его прежнем великолепии напоминают лишь отделанный лепниной актовый зал да парадная лестница. С 1930 года в доме первопроходца отечественного воздухоплавания разместился Институт гражданской авиации, ныне авиационно-транспортный колледж, в чем, при желании, можно усмотреть веление судьбы!

«Новый Гракх» с Литейной (Дом № 49 по Литейному проспекту)

Дом № 49 по Литейному не выделяется особой красотой форм и пропорций: надстроенный в послевоенные годы двумя этажами, с буровато-зеленым фасадом в духе сталинского ампира, он ничем не напоминает тот невысокий, изящный особняк, что стоял здесь до войны. Несмотря на неоднократные переделки, в целом он сохранял облик, который ему придал архитектор П. С. Садовников, перестроивший его в 1845 году для княгини А. М. Щербатовой. К тому времени дому было уже около семидесяти лет, и он относился к самым старым каменным постройкам Литейного проспекта.

В 1776 году купец Мошков приобрел у вдовы директора Академии художеств Пульхерии Кокориновой пустующий участок, граничивший с владениями графа П. Б. Шереметева. Едва успев построить на нем просторные двухэтажные палаты на высоком подвальном этаже, Мошков продал их будущему государственному казначею и министру финансов А. И. Васильеву. В ту пору крупные чиновники были редкими жильцами в здешних местах, населенных преимущественно военным и мастеровым людом, однако очевидные достоинства Литейной улицы – не-затопляемость во время наводнений, некоторая благоустроенность и сравнительная близость к центру города – начинали привлекать сюда представителей высшей бюрократии.

А. И. Васильев

Через десяток лет Алексей Иванович, уже в ранге директора Медицинской коллегии, переехал на Кирочную, а освободившийся дом уступил своему бывшему сослуживцу, действительному статскому советнику Н. И. Бутурлину. В отличие от трудолюбивого и добросовестного Васильева новый владелец, сделавший карьеру лишь благодаря женитьбе на дочери влиятельного вельможи И. П. Елагина, был, по словам близко знавшего его Г. Р. Державина, «человек, любящий праздную жизнь, игрок и гуляка».

Дом № 49 по Литейному проспекту. Современное фото

По вине этого ветрогона тесть его порой получал от государыни малоприятные записки вроде нижеследующей: «Иван Перфильевич, прикажи именем моим зятю твоему Бутурлину менее играть в карты, а более делать дело, а то со стыдом велю его отрешить от дел... Право, мне шалопаи не надобны». Получив от разгневанной императрицы подобное послание, лысый, тучный Елагин, вздыхая и кряхтя, усаживался в карету и отправлялся с Большой Морской на Литейную усовещивать нерадивца...

После того как Н. И. Бутурлин окончил свои бесполезные дни, его сын и наследник Порфирий в 1800 году продал отцовский дом сенатору Осипу Петровичу Козодавлеву (1754–1819). О нем стоит упомянуть подробнее. По обыкновению русских дворян непременно выводить свои корни от мифических выходцев из Литвы, Германии, Шотландии или, на худой конец, Золотой Орды, наш герой объяснял происхождение своего родового прозвища не странной причудой кого-то из пращуров давить коз, а искажением немецкой фамилии Koss von Dahlen. Впрочем, предки его уже давным-давно обитали в Новгородской губернии.

О. П. Козодавлев

Отец Осипа Петровича служил в Конногвардейском полку, а сына, уже после смерти родителя, восьмилетним мальчиком приняли в пажи. Однако ему суждено было добиться известности отнюдь не на придворной службе: пятнадцати лет его, вместе с несколькими другими юношами, посылают для завершения образования в Лейпцигский университет, где он усердно изучает философию и право. Правда, на первых порах после возвращения в 1774 году на родину юному правоведа вряд ли особо пригодился накопленный им запас знаний – его определяют всего-навсего протоколистом в Сенат.

Но Козодавлев недаром штудировал древнегреческих и древнеримских стоиков, учивших терпению: через девять лет упорного труда он назначается советником по экономическим вопросам при директоре Академии наук княгине Е. Р. Дашковой и ему, как признанному знатоку русского языка, поручают издание первого академического собрания сочинений М. В. Ломоносова. Осип Петрович вполне успешно справился с этой нелегкой задачей, дополнив список работ великого ученого новыми, ранее не публиковавшимися произведениями и письмами.

В это же время он принимает деятельное участие в редактировании издаваемого при академии альманаха «Собеседник любителей русского слова», пригласив к сотрудничеству в нем всех лучших тогдашних сочинителей – И. Ф. Богдановича, Я. Б. Княжнина, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. В. Капниста, Н. А. Львова, Д. И. Фонвизина и других. Там же он помещал и собственные стихи и переводы, за что его избрали в члены новообразованной Российской академии.

В 1784 году Козодавлев переходит на службу в Комиссию о народных училищах, в чьи задачи входила разработка учебных программ, а вскоре занимает пост директора народных училищ. В 1787-м он представляет императрице Екатерине составленный им весьма либеральный проект устава российских университетов, которые предполагалось поочередно открыть в Пскове, Чернигове и Пензе. В нем он отстаивает ныне столь очевидную мысль о необходимости преподавания на русском языке, а главной целью ставит «образование человека и гражданина». Не пройдет и десяти лет, как подобные слова Павел объявит крамольными!

В суровое павловское царствование Осип Петрович заседает в Сенате, управляет Юнкерской школой, готовившей будущих гражданских чиновников, и издает «Общий гербовник русских дворянских родов».

С восшествием на престол Александра I для Козодавлева вновь открылось широкое поле деятельности: в 1801-м он входит в Комиссию по пересмотру уголовных дел; благодаря ему удалось облегчить участь тех, кто чрезмерно пострадал в предыдущее царствование. Именно по его ходатайству помилован сосланный за кражу отставной прапорщик Лупа-лов, чья дочь Прасковья, увековеченная в литературе под именем «Параши Сибирячки», пешком пришла из Сибири в столицу просить за отца. Он же добился освобождения, возвращения чинов и назначения пенсии человеку, которого за неосторожные слова, произнесенные в нетрезвом виде, наказали кнутом, а затем, вырезав ноздри и поставив на лице клейма, сослали в каторжные работы!

После назначения в 1810 году министром внутренних дел О. П. Козодавлев употребил все силы к тому, чтобы вышедший за семь лет до этого указ о вольных хлебопашцах имел хоть какие-нибудь благие последствия; не его вина, что результаты оказались более чем скромными. Стараниями министра не только свободные хлебопашцы, но и помещичьи крестьяне смогли, наконец, открывать промышленные предприятия; кроме того, он настоял на запрещении фабрикам и заводам торговать людьми и покупать их, а также заставлять крестьян работать на господ в воскресные и праздничные дни. Истинным благодетелем стал Осип Петрович и для жестоко угнетавшихся беглых старообрядцев, незаконно обращаемых польской шляхтой в своих крепостных. За все это он снискал себе репутацию «нового Гракха»...

Отдельно следует отметить печатное детище О. П. Козодавлева – издаваемую при министерстве газету «Северная почта», умершую, можно сказать, вместе со своим создателем. Она отражала его неустанные заботы о развитии отечественной промышленности и торговли, чем вызывала насмешки тогдашних острословов вроде князя П. А. Вяземского, ехидно вопрошавшего в письме к приятелю, правда ли, что покойного министра соборовали кунжутным маслом? (Пропаганде этого продукта газета уделяла особенно много места.)

Труды и заботы Осипа Петровича разделяла его верная спутница жизни, умершая почти одновременно с мужем. Об их взаимной привязанности не без иронии пишет желчный Ф. Ф. Вигель: «Столь согласных и нежных супругов встретить можно было не часто; учению апостола касательно браков «да будут две плоти во едино» следовали они с точностью. Действительно они были как бы одно тело, из коего на долю одному достались кожа да кости, а другой – мясо и жир... Только в приложении друг к другу составляли они целое. Оттого во всю жизнь ни на одни сутки они не разлучались; к счастью, Осип Петрович не был воин, не то Анна Петровна сражалась бы рядом с ним».

Худоба Козодавлева, над которой подсмеивается мемуарист, была следствием тяжелой болезни, что свела его в могилу. В качестве эпитафии на надгробии можно было бы высечь: «Он желал людям добра и, когда мог, делал его». А это, согласитесь, не так уж мало.

После смерти бездетных супругов (А. П. Козодавлева умерла в 1820-м) дом на Литейной перешел к любимой племяннице Анны Петровны – княгине А. М. Щербатовой, заменившей ей дочь. Вторично овдовев, княгиня уже в пожилом возрасте вышла замуж за бывшего braveго кавалергарда графа А. Н. Толстого. Она поселилась в его особняке на Сергиевской, а

свой собственный дом в начале 1860-х годов продала чиновнику Министерства иностранных дел П. К. Ржевскому. Спустя несколько лет тот продал его присяжному поверенному, брату известного писателя и драматурга, П. А. Потехину, умершему незадолго до революции.

Павел Антипович, гласный городской думы, активно благотворительствовал на ниве народного просвещения, и его имя было присвоено училищу на Мытнинской улице, 5, которое он заботливо опекал. После кончины П. А. Потехина домом недолгое время владели его наследники, а затем он разделил судьбу прочих особняков, сделавшись «народным достоянием»...

Обер-прокурорские чертоги (Дом № 62 по Литейному проспекту)

Дом, известный как «обер-прокурорский», немолод: ему перевалило за двести. Свой архитектурный облик он сохраняет уже полтора века почти без изменений, если не считать надстроенного в послевоенные годы этажа. Это ветеран Литейного проспекта, одно из первых здесь больших каменных зданий, появившихся в то далекое время, когда вокруг стояли по большей части невзрачные деревянные домики. Построил его около 1784 года богатый откупщик Иван Логинов. История этого «самородка», стремительно возвысившегося и столь же стремительно павшего, интересна и характерна для XVIII века.

Дом № 62 по Литейному проспекту. Современное фото

Некогда он имел счастье быть участником кутежей графа Г. А. Потемкина, во времена его юности, еще до поступления на службу. И вот, войдя в силу, капризный баловень судьбы как-то в веселую минуту вспомнил о своем прежнем собутыльнике и послал за ним в Москву. Логинова отыскиали в одном из кабаков, пьяного и оборванного, привезли в Петербург, но не стали в таком непристойном виде показывать графу, а вначале свели в баню и прилично одели. Потемкин принял его милостиво и посоветовал заняться винными откупами, обеспечив нужными залогами.

С тех пор бывший бедолага, ранее знакомый с винными откупами преимущественно по их конечному продукту, круто пошел в гору и уже через четыре года превратился в «именитого гражданина» Ивана Власовича Логинова, владельца нескольких домов и одного из богатейших

столичных купцов. Преисполненный благодарности к великодушной монархине, покровительствовавшей ему в угоду Потемкину, и к народу – непосредственному источнику его обогащения, расщедрившийся откупщик однажды решил устроить веселое гулянье и потешить за свой счет люд честной.

По сему поводу «Санкт-Петербургские ведомости» за 1778 год опубликовали примечательное объявление: «По случаю высочайшего для тезоименитства Ее Императорского Величества и оказываемой при том обыкновенной всенародной радости, здешний гражданин Логинов, сообразуясь с оной и усердствуя умножить общие увеселения, представит в 25-ое число Ноября, то есть в Воскресенье, народный пир на Царицыном лугу, что подле дворцового саду. Угощение начнется по полудни во 2-ом часу, и состоять будет в столах с кушаньем и в разных напитках, при игрании музыки, а сверх того для разных забав будут качели, пляски, бегание на коньках и другие игры. Чтоб все происходило с порядком и общим удовольствием, то угощение начнется по сигналам, следующим образом: 1-ое. К чарке вина пред столом. 2-ое. К столам. 3-е. К разным напиткам, а именно: виноградным винам, пиву, меду, полпиву и проч. Сверх всего того намерен хозяин потчевать пуншем, и разными закусками и огородными овощами, и стараться будет чрез приставленных от него людей, чтоб все угощены были; по чему и просит он всех и каждого, до кого такой народный пир принадлежать может, на оном присутствовать. Торжество сие кончится великолепною иллюминацією».

Но закончилось это торжество, к сожалению, массой замерзших насмерть людей, которые из всех описанных удовольствий избрали одно-единственное и отдались ему с неумеренной страстью, оставшись затем лежать там, где уже не могли стоять.

В конце концов Логинов все же про штрафился, прибегнув к недозволенным махинациям при снятии откупов, и имущество его пошло с молотка. Немалую роль здесь сыграл Г. Р. Державин: он в бытность свою статс-секретарем, «не уважив ни чрезвычайное покровительство и весь Сенат, представил дело императрице в справедливом виде», вследствие чего откупщику пришлось заплатить в казну огромную сумму.

29 сентября 1787 года дом Логинова на Литейной улице приобрел с торгов купец А. С. Струнников, поместивший вслед за тем такое объявление в газете «Санкт-Петербургские ведомости»: «Отдается в наем каменной о 3-х этажах со службами дом на Литейной улице под № 150, а от Невского проспекта второй».

В объявлении дом назван трехэтажным – с учетом подвального этажа, бывшего в то время значительно выше из-за отсутствия так называемого «культурного слоя», выросшего за двести лет. Выглядел он тогда иначе, чем теперь, имея не двенадцать, а всего девять окон по фасаду (лишь в начале 1840-х годов его расширили на две оси влево и одну вправо); отсутствовал и балкон. И все же это было одно из самых представительных зданий в Литейной части, в ту пору еще довольно захолустной.

Прошло полтора десятка лет. За эти годы особняк поменял трех хозяев. Последняя из них – полковница Наталья Алексеевна Крекшина – продала его генерал-адъютанту графу Е. Ф. Комаровскому (1769–1843). К тому времени дом успел приобрести светский лоск, никогда не покидавший его впоследствии. Он уже был обставлен «бронзовыми и шелковыми мебелью», и в нем имелось «господских покоев 60 и 20 для людей». Таким он и достался новому владельцу, пожелавшему, однако, заново отделать его. К 1804 году все было готово.

Теперь пора рассказать о самом Евграфе Федотовиче Комаровском. Он оставил интересные записки, которые позволяют проследить его жизнь и головокружительное возвышение от скромного прапорщика Измайловского полка, назначенного находиться при графе Безбородко для курьерских посылок, до генерал-адъютанта, помощника петербургского военного губернатора и начальника полиции, исполнявшего важные и ответственные поручения.

Е. Ф. Комаровский

Евграф Федотович сумел надолго обеспечить себе расположение Александра I, полагавшегося на него во всех случаях, где требовались точная исполнительность, распорядительность и особенно такт в обращении с людьми. Среди лиц, окружавших императора в первую половину его царствования, Комаровский выделялся мягким, ровным характером. В 1803 году его назначили состоять при эрцгерцоге Иосифе, гостившем при петербургском дворе; он сумел завоевать благосклонность высокого гостя, и тот позднее у австрийского императора исходатайствовал ему графский титул.

Под руководством Комаровского строились в 1800-х годах кавалергардские, измайловские и частично семеновские казармы, и этим он заслужил благодарную память потомков. В 1822 году, повинувшись желанию императора, Евграф Федотович приобрел суконную фабрику на Охте, где имя его осталось увековеченным в названии Комаровского моста.

Домом на Литейной улице граф владел до 1807 года; потом он числился за его тещей А. Д. Цуриковой, а к 1813-му перешел к светлейшему князю Петру Васильевичу Лопухину (1753–1827), отцу уже знакомой нам Анны Петровны Гагариной. Лопухины владели домом четверть века, поэтому стоит, наверное, поговорить о них подробнее.

Сделав благодаря дочери блестящую карьеру при Павле I, князь преуспел и при его сыне, занимая высокие посты и сделавшись наконец в 1816 году председателем Государственного совета, пребывая в этой должности до самой смерти. Высокого роста, красивый, Лопухин имел большой успех у женщин и до старости не оставлял волокитства; дамы всегда могли многое сделать через него. Он считался другом Аракчеева и не ладил с Кутайсовым, которому был обязан всем. Хитрый царедворец, он умел показать свое великодушие: когда однажды, по его же жалобе, Павел велел сослать Кутайсова в Сибирь, Лопухин на коленях вымолил ему проще-

ние, хорошо зная, что сиятельный брадобрей, без которого император жить не мог, так далеко все равно не уедет, а вернувшись, может навредить.

П. В. Лопухин

Чтобы застать царя в хорошем расположении духа, этот неженка и сибарит не ленился ездить во дворец с докладом в шестом часу утра. Упомянувшийся ранее князь И. М. Долгорукий писал о нем: «Эгоист по характеру и чувству, равнодушный к родине, престолу и ближнему, он и добро, и зло делал только по встрече, без умысла и намерения; кроме себя ничего не любит, кроме своего удовольствия ничем не дорожит, покупая оное всеми средствами, без разбора их качества».

Князь был женат вторым браком на Екатерине Николаевне Шетневой и имел от нее двух дочерей и сына Павла (1790–1873), жившего до женитьбы в отцовском доме. Участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов, Павел Лопухин стал одним из основателей Союза благоденствия, а позднее – членом Северного общества, но это сошло ему с рук, поскольку все его участие ограничилось лишь подписанием присяги; о целях и дальнейших действиях общества он ничего не знал.

Будучи единственным сыном, молодой повеса прекрасно понимал, что со временем его ожидает огромное наследство, и с увлечением предавался самой разгульной жизни. На знаменитые лопухинские «четверги» съезжалось множество гостей: А. И. Тургенев в письме

П. А. Вяземскому от 2 октября 1818 года сообщал, что у князя Лопухина «весь лучший город пляшет до пяти часов утра... Только и живут открытыми домами: князь Лопухин и Жуковский». Последняя фраза, разумеется, не более чем шутка.

П. П. Лопухин

Так же как некогда отец, П. П. Лопухин пользовался огромным успехом у женщин. Одна из них будто бы даже сказала: «Он так красив, что я готова отомстить ему за себя и за тех, кого он еще сделает несчастными, откусив ему нос». Тем не менее коварный соблазнитель благополучно дожил, не потеряв носа, до глубокой старости и любил хвастаться былыми победами и умением вести одновременно сразу несколько любовных интрижек. Но и этот сердцеед однажды влюбился не на шутку в свою будущую жену, красавицу Жанетту Алопеус. Впервые он ее увидел в 1808 году, а женился на ней только в 1833-м, когда ей было уже около пятидесяти.

После старого князя Лопухина домом до самой своей кончины в сентябре 1839 года владела его вдова, а в 1840-м дом перешел к жене дипломата Н. Д. Гурьева – Марине Дмитриевне, урожденной Нарышкиной. От отца, Дмитрия Львовича, она, как и ее брат Эммануил Дмитриевич, получила свою долю наследства, что позволило ей не только купить дорогой особняк, но и перестроить его, роскошно отделав внутри по проекту Г. А. Боссе.

Архитектор расширил дом Гурьевой и придал ему суховатый, геометрически строгий фасад в духе позднего классицизма. Но если снаружи здание имело, пожалуй, излишне аскетичный облик, то внутренняя его отделка отличалась великолепием; частично она сохранилась до наших дней. Тот же Боссе позднее спроектировал дворовые флигели и галерею. Выбор зодчего был не случаен: молодой, но уже успевший стать известным архитектор в то же самое время перестраивал также дом Нарышкина на Сергиевской улице, о котором нам еще предстоит говорить в дальнейшем.

М. Д. Гурьева

Николай Дмитриевич Гурьев, муж хозяйки особняка (его прекрасный портрет работы Д. Энгра можно видеть в Эрмитаже), был сыном бывшего министра финансов графа Д. А. Гурьева и русским посланником в Гааге, а затем в Риме. Он оказывал покровительство русским художникам-пенсионерам Академии художеств, жившим в Италии, и пользовался их любовью.

Н. Д. Гурьев

К сожалению, его супруга не заслужила столь же похвальной репутации; в записках гравера Ф. И. Иордана, относящихся к 1836 году, о ней говорится следующее: «... жена Гурьева... была очень легкомысленна и являла особое внимание к банкиру Александру Торлони, который по ночам пробирался тайком в их дворец». Возможно, впрочем, что к таким романтическим приключениям Марину Дмитриевну склонял мягкий южный климат, а в нашей суровой Северной столице нравы ее отличались большой строгостью.

К 1852 году дом на Литейной улице, переименованной вскоре в проспект, становится собственностью брата Гурьевой – Э. Д. Нарышкина, тот купил его у сестры, продав особняк на Сергиевской, принадлежавший жене.

Эммануил Дмитриевич (с ним мы ранее уже встречались), по отзыву современника, – «благородный, скромный, великодушный, не бойкий на словах, но умный на деле», почему-то был нелюбим своей матерью, Марьей Антоновной Нарышкиной. Может быть, сын напоминал ей о том, о чем она предпочла бы забыть? Так или иначе, при разделе отцовского наследства мать его жестоко обделила, что, впрочем, не помешало Э. Д. Нарышкину быть богатым человеком и широко благотворительствовать. После смерти своей первой жены, в 1871 году, он продал особняк на Литейном духовному ведомству, устроившему здесь резиденцию для обер-прокурора Святейшего Синода.

В ту пору им был граф Д. А. Толстой, занимавший в то же время пост министра народного просвещения. В его историю он вписал не самые светлые страницы, насаждая в гимназиях казенный, схоластический классицизм.

При ближайшем изучении личности министра складывается впечатление, что его деятельность никогда не диктовалась личными убеждениями – их у него просто-напросто не было, а лишь своекорыстным расчетом и желанием угодить сильным мира сего. Пятнадцать лет он исполнял должность обер-прокурора Синода и не верил в Бога; вряд ли он верил и в свою систему образования, но знал, что она по душе некоторым влиятельным царедворцам, а главное – самому императору, и упрямо проводил ее в жизнь.

Очень точную характеристику графу дал умный и наблюдательный Б. Н. Чичерин: «Человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный... при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство до тех крайних пределов, которые обыкновенно нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение».

Время от времени обер-прокурорские чертоги расцвечивались яркими огнями: здесь задавали балы для высокопоставленных лиц. Одно из таких празднеств состоялось в 1874 году по случаю прибытия в Петербург австрийского императора Франца-Иосифа; как и подобало, съезд гостей был огромный; присутствовал император Александр II и вся знать. Бал продолжался до четырех часов ночи...

После Д. А. Толстого в особняк вселяется Константин Петрович Победоносцев, сменивший графа на посту обер-прокурора в 1880 году. Выпускник Училища правоведения, крупный специалист в области гражданского права, автор научных трудов, Победоносцев преподавал законоведение будущему императору Александру III и его братьям. Тогда-то и произошло сближение Константина Петровича с царской семьей. О его дальнейшем влиянии на царя хорошо известно, и нет надобности подробно говорить об этом. Интереснее, мне кажется, взглянуть на К. П. Победоносцева глазами современника, да еще такого, как А. Н. Бенуа.

В своих воспоминаниях он дает выразительный портрет «великого инквизитора». По неизвестным причинам Константин Петрович любил посещать дом княгини М. К. Тенишевой и вести долгие беседы с хозяйкой. «Бледный, как покойник, с потухшим взором прикрытых очками глаз, он своим видом вполне соответствовал тому образу, который русские люди себе создавали о нем, судя по его мероприятиям и по той роли, считавшейся роковой, которую он со времени Александра III играл в русской государственной жизни. Это было какое-то олицетворение мертвенного и мертвящего бюрократизма, олицетворение, наводившее жуть и создавшее вокруг себя леденящую атмосферу. Тем удивительнее было то, что Победоносцев умел очень любезно, мало того – очень уютно беседовать, затрагивая всевозможные темы и не выказывая при этом своих политических убеждений».

Дом на Литейном находился в пожизненном пользовании «великого инквизитора», а после его смерти вновь был передан в распоряжение обер-прокурора, но до 1915 года здесь никто не жил.

Преемник Победоносцева – Владимир Карлович Саблер, бывший в течение ряда лет его заместителем, после своего назначения обер-прокурором продолжал жить на частной квартире. Если же ему требовалось провести какое-нибудь собрание, то открывался зал в пустующей резиденции на Литейном. Там же проходили духовные чтения, сообщения, пение церковного хора. В. К. Саблер принимал здесь высших представителей английской церкви во время их приезда в Петербург.

В Первую мировую войну в доме открылся лазарет для раненых воинов, чьи койки поставили прямо в роскошных апартаментах.

А потом пришли другие времена, и дом зажил иной жизнью...

«Палаццо» на Моховой (Дом № 5 по Моховой улице)

Среди разнообразной застройки Моховой улицы дом № 5 ничем особенным не выделяется: трехэтажный, на подвалах, со скромным фасадом в стиле раннего французского классицизма, он не привлекает взгляда и в теперешнем своем состоянии вряд ли заслуживает гордого названия «палаццо», то есть дворца. Нынешний облик зданию придал Г. А. Боссе, перестраивавший его в 1853 году.

Дом № 5 по Моховой улице. Современное фото

Надо сказать, что для мастера, предпочитавшего мотивы итальянского Возрождения или барокко, такое стилистическое решение выглядит не совсем обычным и, возможно, продиктовано желанием заказчика. Спустя полвека архитектор А. А. Полешук надстроил особняк третьим этажом, но при этом декоративная отделка фасада почти не изменилась. Штукатурный грим, как обычно, скрывает возраст дома; а ему уже давно перевалило за двести, и он принадлежит к старейшим в этом районе.

В 1779 году придворный мундшенк (чиновник, заведовавший винным погребом) Иван Моисеевич Гудимов приобрел пустующий участок земли на Моховой (она в ту пору чаще звалась Хамовой) и выстроил на нем двухэтажный каменный дом в пятнадцать окон по фасаду и въездными воротами с левой стороны. Заложив только что возведенное жилище, Гудимов не смог выкупить его. Когда десять лет спустя он скончался, то участок, выходявший другой стороной на Гагаринскую (ныне Фурманова) улицу, перешел по просроченной закладной сначала к «вдове датского двора агента» Грота, а от нее – к ревельскому купцу Вертману, с коим она вдова вступила в брак. Помимо каменного дома на Моховой, имевшего форму замкнутого четырехугольника, в части владений, обращенных к Гагаринской, стоял еще один – деревянный на каменном фундаменте, где помещался «Итальянский трактир».

К началу 1800-х годов хозяином участка становится богатый откупщик Федор Кандалинцев, прикупивший в скором времени и соседний участок (где ныне дом № 3). Явившись в столицу «с рублем в кармане и родительским благословением», он поначалу торговал зеленью, потом умножил свой капитал мясными и хлебными подрядами, а напоследок занялся винными откупам, что принесло ему солидное состояние и чин придворного советника, купленный щедрыми пожертвованиями в пользу казны.

В 1830 году наследники Кандалинцева продали участок жене тайного советника С. С. Бибиковой. Вместе с дочерью и зятем в доме на Моховой поселился ее отец, сенатор С. С. Кушников. Коренной москвич, он прибыл в Северную столицу в 1826 году по приказу Николая I для участия в Верховном суде над декабристами. Выбор царя объяснялся рекомендацией матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, знавшей и ценившей Сергея Сергеевича по его службе в должности почетного опекуна при Московском опекунском совете.

С. С. Бибикова

С Петербургом Кушников связывали годы обучения в Сухопутном кадетском корпусе и позднее пребывание на посту гражданского губернатора в 1802–1804 годах. До этого он с честью прошел путь воина, участвуя в битвах против турок и в суворовских походах в Италию и Швейцарию. Современники относились к С. С. Кушникову с большим уважением; историк Н. М. Карамзин говорил о нем так: «Сергей Сергеевич есть для меня герой благородства душевного и выше всех отличий, которые иметь может. Россия может гордиться таким сенатором, а человечество – таким человеком».

В доме на Моховой прошли последние годы С. С. Кушникова. Назначенный членом Государственного совета и почетным опекуном теперь уже Петербургского опекунского совета, он отдавал все силы делу защиты сирых и убогих, к чему его всегда влекли собственные душевные склонности.

С. С. Кушников

Тяжелая болезнь настигла его в день смерти М. М. Сперанского, 11 февраля 1839 года. Невзирая на собственное состояние, он нашел в себе силы поинтересоваться у доктора Н. Ф. Арендта о здоровье графа. Услышав, что тот очень плох, Кушников взволнованно проговорил: «Бросьте меня, Николай Федорович, идите спасать его: я человек обыкновенный, таких много у государя, а другого Сперанского нет!» Через несколько дней не стало и самого Кушникова.

П. А. Вяземский посвятил ему эпитафию, высеченную на мраморном надгробном монументе в Александро-Невской лавре:

Земная жизнь – борьба: сопутствуют молитвы
Тому, кто подвиг свой здесь совершил вполне
И бодрый с честью пал среди напастей битвы,
Как воин доблестный на боевой стене.
Он и в молодые лета,
И в поздние года, под холодом седин,
Был чист перед судом и совести, и света —

Брат верный ближнего, отчизны верный сын.

Еще при жизни старого сенатора, в 1836 году, его дочь и зять Бибииков, временно оказавшийся не у дел по болезни, снесли старое деревянное строение, выходившее на Гагаринскую, и возвели ныне существующий дом № 16, где вскоре поселилась Е. А. Карамзина. О посетителях ее гостиной, среди которых было немало известных людей, рассказывает А. Яцевич в своем «Пушкинском Петербурге». В 1850-х годах эта часть участка отделена и продана в другие руки, поэтому в дальнейшем мы будем говорить только о доме на Моховой.

К 1831 году он уже претерпел некоторые изменения во внешнем облике, и его фасад, украсившийся сандриками характерного рисунка, приобрел черты позднего классицизма. В ту пору целые улицы и кварталы Петербурга застраивались частными и казенными зданиями в подобном стиле, что придавало им несколько однообразный вид. Пройдет немного времени, и единообразие перестанет считаться непреходящей ценностью, а классицизм – высшим достижением архитектурной мысли.

В 1848 году обозреватель журнала «Иллюстрация» напишет такие строки: «В течение двух прошедших десятилетий классические колонны, фронтоны, портики, перистилы и т. д. составляли необходимое украшение наших построек, переходя от храмов к казармам и через частные дома и рынки до лавочек и будок, и если дом был хоть мало-мальски не конурка, то по стенам его непременно лепились колонны, не имевшие ни идеи, ни цели, ни назначения и отнимавшие только свет, тогда как на севере и без того мы более полугода без освещения... Увлекаясь колоннолюбием, архитекторы мало обращали внимание на прочие детали зданий, и в строениях 1820–1830 годов вы не встретите ни одного хорошего окна, двери или карниза... В настоящее время, благодаря очищению вкуса учением, многие из этих недостатков уже исчезают, другие исчезли».

Эти нападки на старый стиль в архитектуре на самом деле знаменовали собой глубинные, возможно, даже не всегда осознанные изменения в мировоззрении. Подходила к концу эпоха единомыслия, надвигалась эра разномыслия...

Д. Г. Бибилов

Муж хозяйки дома, Дмитрий Гаврилович Бибилов (1792–1870), личность сложная и противоречивая, во многом недооцененная. Назвать его просто «николаевским сатрапом», как это делалось в прежние времена, и этим ограничиться – не поднимается рука. Оставляю право делать выводы за читателем, а пока что коротко расскажу об основных этапах его жизни.

Юношей, почти мальчиком, он принял участие в турецкой кампании 1808 года в составе Белорусского гусарского полка, проявив поразительное мужество и удостоившись первой боевой награды – ордена Святой Анны 3-й степени. В Отечественную войну 1812 года, в которой погиб его отец, сам Бибилов потерял левую руку. Случилось это так: под Бородино, будучи адъютантом Милорадовича, он прискакал к принцу Вюртембергскому, командовавшему 4-й пехотной дивизией, просить подмогу для своего командира; на вопрос, где тот находится, Дмитрий Гаврилович протянул руку, чтобы указать место, и в ту же секунду ее оторвало ядром. Не теряя присутствия духа, он поднял другую руку и успел сказать: «Туда, поскорее!» – после чего, получив еще два ранения, упал на землю. Его с трудом спасли; он удостоился двух орденов и чина штабс-капитана, но с военной карьерой было покончено навсегда.

С 1819 года началась гражданская служба Д. Г. Бибилова в разных должностях; одиннадцать лет, с 1824-го по 1835-й, он занимал должность директора Департамента внешней торговли, искоренив множество злоупотреблений в Таможенном ведомстве и нажив себе немало могущественных врагов. Расстроенное здоровье заставило его в 1835-м просить об отставке, но ровно через два года государь вновь призвал его на службу, доверив трудный пост киев-

ского военного губернатора, с управлением всеми гражданскими делами, и одновременно генерал-губернатора Подольского и Волынского.

Бибииков принял край с беспредельным помещичьим произволом, перед которым бледнел даже тот, что царил в центральных российских губерниях. Польская шляхта, составлявшая большинство тамошнего дворянства, испокон веку привыкла смотреть на «хлопов», как на быдло, и не знала удержу своему самоуправству. Крупные магнаты ревниво оберегали такое положение дел, видя в существующей анархии основу своей бесконтрольной власти, и с трудом мирились с попытками подчинить их царской воле.

Народ был забит до животного состояния; униженное целование рук и ног любого «начальства», начиная от захудалого шляхтича, не владевшего ничем, кроме пары роскошных усов да ржавой сабли, и кончая последним писарем в присутственном месте, воспринималось как должное. Интересы крестьянина абсолютно ничем не были защищены, и самая жизнь его зависела от прихоти господина.

Дмитрий Гаврилович принялся железной рукой наводить во вверенных ему губерниях порядок: ввел систему инвентарей, строго определявшую размеры земельных наделов крестьян и их повинностей в отношении помещиков, что сильно ослабило власть польских панов; лишил католическое духовенство права поземельного владения и подверг основательной проверке притязания мелкой шляхты на дворянское происхождение. В результате значительное ее количество лишилось своих привилегий и было приписано к податному сословию, то есть обращено в тех самых «хлопов», которыми оно еще недавно помыкало. Одновременно проводилась активная русификаторская политика.

Можно ли назвать эти меры разумными и справедливыми? Вероятно, лишь отчасти; да и цель их заключалась не столько в защите крестьян, сколько в ущемлении польского дворянства, не выказывавшего должной лояльности императору во время последнего восстания в 1831 году. Пятнадцатилетнее правление Бибиикова в юго-западном крае показало его человеком больших природных способностей, хотя и без достаточных специальных знаний, обладавшим непреклонной волей и крутым нравом.

Недостаток образования Дмитрий Гаврилович восполнял из книг, а их у него скопилось, ни много ни мало, 14 тысяч томов!

В нем не было тупой солдафонской жестокости, свойственной многим николаевским сановникам, напротив, его отличала склонность к благородным поступкам. Он единственный поддержал, будучи в ту пору министром внутренних дел, Д. Н. Блудова в его хлопотах об амнистии для декабристов, предпринятых в январе 1855 года, и он же был горячим сторонником освобождения крестьян; одно это ставит Д. Г. Бибиикова выше многих деятелей той эпохи.

Назначенный в августе 1852 года на министерский пост, Дмитрий Гаврилович с семьей возвращается в Петербург и занимает служебные апартаменты в здании у Чернышева моста. Тогда же супруги решают продать особняк на Моховой князю Г. А. Щербатову (1819–1881), уже несколько лет нанимавшему его.

Новый владелец, москвич родом, прибыл в столицу в 1850 году после назначения на должность помощника попечителя Петербургского учебного округа. Купив особняк, Щербатовы, люди богатые, с годовым доходом в 120 тысяч рублей, приступили в 1853-м к его перестройке по проекту очень популярного в то время архитектора Г. А. Боссе. Снаружи дом не поражал особой замысловатостью форм, но внутри отделан с большим изяществом и роскошью.

Князь Григорий Алексеевич был старшим сыном героя Отечественной войны 1812 года А. Г. Щербатова, чей дом в Москве считался очагом старых, патриархальных обычаев и в известной мере послужил прототипом дома Ростовых в «Войне и мире». Окончив юридический факультет Петербургского университета, молодой Щербатов поступил на службу во II

отделение собственной Его Величества канцелярии, но вскоре оставил ее и определился в Киевский гусарский полк, откуда был переведен в Кавалергардский.

Однако и в нем князь прослужил недолго и в 1842 году вышел в отставку поручиком. С той поры возобновилась гражданская служба Григория Алексеевича: вначале в Министерстве внутренних дел, а затем – народного просвещения. С 1856-го по 1858 год он занимал пост попечителя Петербургского учебного округа и одновременно председателя Цензурного комитета, а в 1861-м его выбрали губернским предводителем дворянства, и он оставался им в течение пяти лет.

Григорий Алексеевич был женат на графине Софье Александровне Паниной, племяннице министра юстиции В. Н. Панина. О приемах в доме Щербатовых и о них самих рассказывает в своих воспоминаниях писатель и публицист К. Ф. Головин. О княгине он пишет, что, несмотря на огромное состояние и видное положение в обществе, Софья Александровна отличалась удивительной скромностью, словно стеснялась окружающего ее богатства.

«Щербатовы стали тогда (то есть в 1860-х годах. – А. И.) принимать для старшей своей дочери, впоследствии графини Толстой; и если добродушие совместимо с большим светом, им был пропитан весь их палаццо на Моховой. Принимали там хоть и все ту же великосветскую толпу, но как-то по-домашнему. Из двух тогда уже почти взрослых сыновей князя особенной симпатичностью отличался младший, Александр. Он был – повторенная мать. Не знаю человека более прямого и хрустально чистого... Отец молодого Щербатова, князь Григорий Алексеевич, был человек несомненно замечательный. Такой же хрустально чистый, как сын, и такой же равнодушный – с виду по крайней мере – к внешним почестям, он находился, однако, несравненно больше сына во власти у своего честолюбия. Это был представитель одного, довольно распространенного у нас, вида больших бар, охотно заискивающих в демократии, не переставая в то же время держаться некоторой надменности в обращении... Среди студентов он был очень популярен, потому что всегда предполагал в них людей культурных и нравственно развитых».

В своем показном демократизме князь не гнушался приглашать на свои вечера литераторов и журналистов «из чистеньких» и вообще заметно стремился снискать себе славу мецената и прогрессиста. Имя Г. А. Щербатова в прессе середины 1860-х годов постоянно упоминается рядом с именем жившего неподалеку А. П. Шувалова (о нем речь впереди), и это, разумеется, не случайно: они были близки по духу и по взглядам, постоянно находясь в некой «оппозиции» к правительству. Впрочем, вся их оппозиционность не выходила за рамки невинного фронтдерства и может быть названа детской болезнью роста гражданского самосознания у доселе бессловесных подданных российского престола.

Но если политические воззрения самого князя не отличались радикальностью и были скорее консервативны, то его деятельность в качестве попечителя имела далеко идущие последствия, которых сам он никак не мог предвидеть. Тогдашний министр внутренних дел П. А. Валуев в одном из примечаний к своему «Дневнику» пишет: «При нем (то есть при Г. А. Щербатове. – А. И.) начались сходки студентов, внутренняя организация псевдоблаготворительных кружков и тот ряд превратных понятий, который обращал недоучившихся студентов в литературных и даже политических деятелей».

Ему вторит А. В. Никитенко: «В университете дела идут дурно. Князь, очевидно, добивается популярности... Вместо того чтобы побуждать молодых людей учиться, он поощряет их быть журналистами и тратить время на пустяки, что в конце концов может вредно отразиться на них самих и иметь пагубные последствия для всего сословия и заведения».

Известно, что дети идут дальше отцов, и в этом смысле Щербатов, сам того не желая, способствовал появлению либерального, а затем и радикального студенчества, усердно расшатывавшего основы монархического строя, коему сам князь был душевно предан.

После смерти Григория Алексеевича домом продолжала владеть его вдова, скончавшаяся в преклонных летах в 1905 году, а затем он перешел по наследству к их дочери А. Г. Толстой. Ей и суждено было стать последней владелицей «палаццо на Моховой».

Тот, кто пожелает посетить его сегодня, увидит картину обычную для большинства бывших особняков, отданных под коммунальные квартиры: загаженная парадная, пропитанная жутким запахом отхожего места, облупившиеся стены, выщербленный пол... Незначительные следы былого в виде сохранившейся печи слева от входа, ажурных металлических перил да лепной розетки вокруг крюка высоко под потолком, откуда некогда свешивалась люстра, лишь усиливают общее тягостное впечатление нищеты и разрушения.

Да, дети пошли дальше отцов. Но, кажется, дальше уже некуда?

Пионер земского движения (Дом № 10 по Моховой улице)

Начиная с 1840-х годов на лучших улицах Петербурга стали вырастать особняки в необарочном стиле: Растрелли опять вошел в моду. То, что еще недавно казалось странной причудливостью и чуть ли не безвкусицей, вновь стало радовать взор, утомленный однообразием «классических» фасадов с неизбежными портиками и треугольными фронтонами. У зажиточных слоев общества обнаружилась тяга к роскоши, а вместе с ней и к «архитектурным излишествам».

Дом № 10 по Моховой улице. Современное фото

В 1854 году участок купца Вахрушева на Моховой улице приобрел ротмистр Кавалергардского полка, флигель-адъютант граф А. П. Шувалов, пожелавший на месте стоявшего там ветхого двухэтажного домика выстроить богато отделанный дворец в новейшем вкусе.

А. П. Шувалов

Первоначальный проект, составленный военным инженером Г. Е. Паукером, не совсем удовлетворил заказчика, и четыре года спустя он поручил внести в него кое-какие поправки академику архитектуры Л. Феррацини. Тот изменил некоторые детали фасада и рисунок металлической решетки ворот, а кроме того, добавил навес над парадным входом, – вот, пожалуй, и все.

К 1859 году дом был готов. Трехэтажный, с пилястрами большого ордера и лепными украшениями над окнами второго этажа, он отдаленно напоминает палаты столичной знати, возводившиеся в середине XVIII века, но лишь напоминает, не имея их очарования. Цокольный этаж с суровым рустом выглядит слишком массивным, монументальным, и это впечатление не может смягчить показная игривость наружного декора.

А теперь познакомимся поближе с хозяином особняка. Граф Андрей Павлович Шувалов (1816–1876) сыграл важную роль в истории российского земского движения, иными словами – в развитии органов местного самоуправления.

Смолоду жизнь графа не лишена была некоего романтического оттенка. Правнук елизаветинского сподвижника П. И. Шувалова, он провел детские и юношеские годы по большей части за границей, в тепличной атмосфере богатства и роскоши, получив домашнее воспитание под руководством многочисленных бонн и гувернеров. Его мать Варвара Петровна –

урожденная княжна Шаховская – рано овдовела, оставшись с двумя малолетними сыновьями – Андреем и Петром. Официальным опекуном назначен был близкий друг их отца М. М. Сперанский. Он лично следил за образованием своих подопечных и сам подбирал для них учителей.

В. П. Шувалова

В 1826 году графиня вторично выходит замуж, на сей раз за швейцарского уроженца А. Полье, но после четырех лет счастливого супружества вновь надевает вдовий траур. Три года она оплакивает горячо любимого мужа, уединившись в своем пригородном имении Парголово, а затем, забрав сыновей, уезжает за границу. С 1834 года начинают витать слухи о ее очередном браке с будущим сицилийским посланником в Петербурге князем Бутера ди Ридали, женой его она действительно становится два года спустя.

Андрей был против третьего замужества матери. О. С. Павлищева пишет по этому поводу мужу 12 сентября 1835 года: «Полье... выходит наконец замуж за итальянца – не графа, но очень богатого, Бутера; она принимает поздравления. Ее сын... так этим удручен, что уехал на Кавказ и поступил в армию». Впрочем, существует предположение, что Шувалов отправился туда не добровольно, а был сослан Николаем I за какую-то неизвестную провинность.

Юный граф начинает службу подпрапорщиком в Грузинском гренадерском полку, но в том же 1835 году его переводят юнкером в Нижегородский драгунский полк. Он участвует в боевых действиях против горцев, получает ранение и награждается знаком отличия Военного

ордена²². Спустя два года, опять же за отличие, Шувалова производят в первый офицерский чин прапорщика, а в 1838-м он прикомандировывается к лейб-гвардии Гусарскому полку и прибывает в Петербург с солдатским Георгием в петлице, окруженный романтическим ореолом воина, пролившего кровь на поле брани.

Еще на Кавказе происходит его знакомство со служившим в том же полку М. Ю. Лермонтовым, придавшим, по мнению современников, Печорину некоторые черты характера и даже портретное сходство с Андреем Шуваловым. В столице они вновь оказываются однополчанами, вместе посещают салон Карамзиных, а кроме того, входят в так называемый «кружок шестнадцати». О последнем до сих пор известно далеко не все.

Один из его участников позднее вспоминал: «В 1839 году в Петербурге существовало общество молодых людей, которое назвали, по числу его членов, кружком шестнадцати. Это общество составилось частью из окончивших университет, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или бала, они собирались то у одного, то у другого. Там, после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем... с полнейшей непринужденностью и свободой, как будто бы III отделения... вовсе и не существовало; до того они были уверены в скромности всех членов общества».

И поныне мы не знаем поименно всех участников этого собрания, но было оно довольно разношерстным, и говорить о какой-либо его политической направленности нет оснований. Тем не менее семена либерализма будущего земского деятеля, по всей вероятности, проросли именно в ту пору.

Вскоре жизненные пути бывших товарищей разошлись: Лермонтов отправляется в повторную ссылку на Кавказ, а Шувалов назначается адъютантом к фельдмаршалу И. Ф. Паскевичу. В 1842 году Андрей Павлович «за раною» выходит в отставку, уезжает за границу и через два года женится на дочери графа М. С. Воронцова, Софье (настоящим ее отцом, по весьма правдоподобной гипотезе, был Пушкин).

В 1848 году возобновляется служба А. П. Шувалова при князе Паскевиче, но в скором времени он назначается флигель-адъютантом, а затем переводится штаб-ротмистром в Кавалергардский полк, где в течение нескольких лет несет строевую службу. По завершении «искуса», в 1854 году, сохранив лишь должность флигель-адъютанта, граф покупает участок на Моховой и приступает к постройке собственного дома, намереваясь покинуть материнский особняк на Английской набережной, где он жил до сих пор. К тому времени Андрей Павлович был уже отцом четверых детей; в 1856 году родилась его младшая, и последняя, дочь Мария.

С воцарением Александра II для России началась новая эпоха. Она пробудила к незнакомой дотоле общественной жизни многих людей, почувствовавших себя не просто «подданными», но еще и гражданами. Не последнее место среди них занимал граф А. П. Шувалов. Он активно включился в работу, связанную с подготовкой крестьянской реформы, и в 1861 году удостоился «монаршего благоволения» «за отличное исполнение высочайше возложенного поручения». В 1865 году Шувалов выходит в отставку «по домашним обстоятельствам», но, вероятнее всего, им руководило желание развязать себе руки.

С самого начала возникновения земских учреждений он всецело отдался этому делу. Широко образованный, с твердыми убеждениями и инициативой, А. П. Шувалов энергично отстаивал независимость городского самоуправления. На одном из ноябрьских заседаний земского собрания в том же 1865 году граф произнес речь, в которой были такие слова: «Я убежден вполне, что с того дня, как открылось в России первое земское собрание, началась борьба с местным административным произволом, — борьба беспощадная, борьба окончательная. Я

²² Учрежденный в 1807 году для награждения солдат и унтер-офицеров серебряный номерной крест (без обозначения степени) на Георгиевской ленте.

не сомневаюсь также, что каждое наше слово, каждое наше дело должно стремиться к уничтожению этого произвола».

Возможно, современный человек не усмотрит в них ничего особенного и даже воспримет как должное, но в ту пору они звучали почти революционно. 11 декабря 1865 года тогдашний министр внутренних дел П. А. Валуев отмечает в своем дневнике: «Князь Горчаков... говорит про графа Андрея Павловича Шувалова, что он пренебрег мнением общества. На него многие смотрят, как на агитатора, решившегося идти далеко».

Но далеко уйти ему не дали. Усмотрев в действиях Санкт-Петербургского земского собрания дух мятежа и своеволия, император в начале 1867 года приказал его распустить, а наиболее рьяных ораторов подвергнуть умеренным репрессиям, скорее морального порядка. В частности, А. П. Шувалову предписано выехать на три года за границу. Заклятый либерал князь П. В. Долгоруков негодовал по этому поводу в герценовском «Колоколе»: «Собрание земства, то есть выборных людей самого образованного и самого многочисленного из городов России, разогнали словно толпу пьяных, буйствующую перед кабаком...»

Спустя два года Шувалову позволено вернуться на родину, а в 1872 году его выбирают губернским предводителем дворянства. Надо особо упомянуть о полезной деятельности графа в качестве гласного городской думы. Благодаря его стараниям успешно закончила свою работу Комиссия по урегулированию Петербурга, он содействовал организации и проведению в столице международного статистического конгресса, а незадолго до смерти заслужил вечную признательность мужиков, кормившихся сезонным извозом, провалив в Думе проект монополизации этого промысла.

Умер Андрей Павлович скоропостижно, совершенно неожиданно для большинства его знавших; несмотря на неукротимую энергию и активность, был он чрезвычайно молчалив и не склонен распространяться о своих недомоганиях. Семейная жизнь А. П. Шувалова сложилась не особенно удачно: увлечение молодости (если оно было) к сорока годам безвозвратно миновало, у него появилась другая женщина, связь с которой продолжалась около двадцати лет.

Личная неустроенность графа особенно остро чувствовалась на его похоронах, состоявшихся 18 апреля 1876 года: на них не было ни жены, ни детей, отсутствовавших по разным причинам, а в качестве распорядителя выступил шурин – князь С. М. Воронцов. Искренно опечаленной выглядела лишь толпа из нескольких сотен извозчиков, явившихся к дому на Моховой, чтобы пронести гроб с телом на руках до самой Александро-Невской лавры и тем выразить свою благодарность покойному.

После ранней смерти обоих наследников по мужской линии (младший из них, Михаил, скончался в 1903 году) не оставив потомства, особняк на Моховой перешел к его замужним сестрам Елизавете и Екатерине.

Елизавета Андреевна состояла в браке с бывшим министром двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым. Один из самых близких к Александру III людей, единственный из придворных, с кем царь был на «ты», Илларион Иванович стеснял молодого императора Николая II, не сумевшего найти нужный тон в отношении к другу своего отца, помнившего его еще ребенком. По окончании коронационных торжеств, завершившихся ходынской катастрофой, в чем поспешили обвинить И. И. Воронцова-Дашкова, его уволили с министерского поста, но с сохранением всех связанных с ним привилегий. В 1905 году граф получил назначение на должность наместника Кавказа и отбыл к новому месту службы.

До 1912 года дом на Моховой находился в совместном владении обеих сестер, а затем перешел в единоличную собственность Елизаветы Андреевны – властной, рачительной женщины, умело управлявшей огромным майоратом. Она пригласила молодого, но уже успевшего хорошо себя зарекомендовать архитектора И. А. Фомина и поручила ему перестроить внутренние помещения. Сохранившиеся до нашего времени фрагменты отделки позволяют отне-

сти интерьеры особняка, решенные в неоклассическом стиле, к наиболее удачным произведениям зодчего.

Заново отделанный в 1913–1914 годах дом графиня подарила своему младшему сыну Александру, но тому, увы, пришлось через несколько лет навсегда его покинуть. В 1919 году овдовевшая к тому времени Е. А. Воронцова-Дашкова уехала за границу и через пять лет скончалась в Висбадене. Прах ее покоится в семейной усыпальнице Шуваловых на кладбище при русской церкви.

«В толпе себе подобных» (Дом № 27–29 по Моховой улице)

Моховая – одна из старейших улиц Петербурга и уже поэтому богата историческими воспоминаниями. Но пожалуй, больше всего их связано с «домом принцессы Зельмиры», как окрестил его А. Яцевич. Он же первым рассказал в общих чертах его историю, которую хотелось бы дополнить новыми подробностями и фактами.

Дом № 27–29 по Моховой улице. Современное фото

Перенесемся мысленно на двести с лишним лет назад. В ту пору Моховая была застроена невысокими каменными и деревянными домишками, с преобладанием одноэтажных.

В 1772 году участок, занимаемый ныне домом № 27, принадлежал «штукатурных дел мастеру» Джованни (в России он именовался Иваном) Росси. Вместе со своим братом Игнацио он почти полвека прослужил в Канцелярии от строений, осуществив за это время множество лепных и штукатурных работ в домах столичной знати. Кроме того, Иван Росси в 1754–1764

годах руководил постройкой и отделкой каменного Зимнего дворца в Петербурге, а до этого – Большого Петергофского дворца.

В том же 1772 году участок приобретает вдова бывшего канцлера Михаила Илларионовича Воронцова (1714–1767). После смерти мужа, скончавшегося в Москве, она вновь поселяется в Северной столице, куда ее влекли светские наклонности и привычка всегда находиться при дворе.

Графиня Анна Карловна Воронцова (1723–1775) – дочь Карла Скавронского, родного брата Екатерины I, и, соответственно, приходилась двоюродной сестрой императрице Елизавете Петровне. Еще будучи цесаревной, Елизавета держала кузину при своем малом дворе в качестве гоф-фрейлины, а вступив на престол, выдала замуж за Михаила Воронцова и в день коронации пожаловала в статс-дамы. Спустя два года, в 1744 году, М. И. Воронцов вместе с братьями получает титул графа. Так наградила императрица одного из верных помощников при занятии ею родительского трона.

Выдвинувшись из среды заурядных, бесцветных личностей своих сестер и теток, Анна Карловна заняла видное положение в современном ей светском обществе, представляя собой одну из наиболее интересных и симпатичных женщин XVIII столетия. Будущая императрица Екатерина II, в то время еще только великая княгиня, писала о ней в 1745 году: «Графиня прелестна: чем больше видишь ее, тем больше любишь».

А. К. Воронцова

А. К. Воронцова пользовалась известностью как женщина замечательно красивая; даже во времена Петра III, когда ей было уже под сорок, она все еще считалась в числе первых красавиц Петербурга. О том, что кроме привлекательной наружности Воронцова обладала также достоинствами ума и сердца, свидетельствуют ее дружеские отношения с лучшими людьми той эпохи, питавшими к ней, как можно видеть из их писем, особое уважение.

Собственные же письма графини к дочери, относящиеся к 1761 году, когда та совершала заграничное путешествие, представляют нам Анну Карловну женщиной веселой, впечатлительной, обладавшей живым темпераментом, любительницей поболтать. При всем том она не забывает о нравоучительных наставлениях для дочери, даваемых попеременно с заказами на покупки.

Вот одно из таких писем: «Пожалуй, друг мой, привези с собой платья, сделанные, как дамы обыкновенно носят, и в их вкусе. Я думаю, что там таких драгоценных платьев не носят, как у нас разоряются в богатых. Друг мой, прошу: перенимай все хорошее и что пристойное для тебя, чтобы здесь все увидели, как ты в молодых своих летах стараешься быть образцом добродетели. Я не сомневаюсь об тебе и тому радуюсь, что ты так счастлива, что тебя старые женщины любят. Ищи их любви и дружбы».

Как видно из этого отрывка, А. К. Воронцова, в отличие от других светских дам, недурно владела русской грамотой; что же касается житейской мудрости ее материнских заветов, то они вполне в духе своего времени. Письма изобилуют тонкими замечаниями о тогдашних театральных постановках, — Анна Карловна вообще любила изящные искусства и знала в них толк, немало повидав во время путешествий по Европе. Ее дом постоянно посещали артисты, писатели, ученые, государственные люди. Д. И. Фонвизин называет графиню А. К. Воронцову в числе первых лиц, кому он читал своего «Недоросля» сразу же после его написания.

Купив участок с ветхим строением на Моховой, Анна Карловна выстроила на нем большой каменный двухэтажный дом с девятиконным мезонином, по проекту неизвестного пока, но, несомненно, крупного зодчего, оформившего главный фасад в стиле раннего классицизма. Характерным украшением здания служили пилястровый коринфский портик с гирляндами между пилястрами и отделанный лепниной треугольный фронто́н. В архиве хранится фиксационный чертеж дома до перестройки, позволяющий оценить его архитектурные достоинства. Он сразу же сделался не только самым заметным на улице, но и одной из достопримечательностей Литейной части, о чем упоминает И. Георги в своем «Описании Петербурга».

Недолго прожив на новом месте, графиня умерла 31 декабря 1775 года, не оставив после себя детей (единственная дочь умерла раньше матери), и имущество покойной выставляется на продажу ее наследниками Скавронскими. Кстати сказать, хоронить графиню пришлось на казенный счет, потому что по вине своего деверя, Р. И. Воронцова, Анна Карловна осталась буквально без копейки, Скавронские же не пожелали взять похоронные расходы на себя.

Как часто случалось в те времена, покупатель на дом долго не находился, и еще спустя четыре года мы встречаем в «Санкт-Петербургских ведомостях» такое объявление: «В Литейной части на Моховой улице в приходе Семииона Богоприимца и Анны Пророчицы продается каменной дом... которой прежде сего был... Графини Анны Карловны Воронцовой, урожденной Графини Скавронской... а о цене спросить в доме... Камер-Юнкера Графа Павла Мартыновича Скавронского, состоящем в большой Миллионной улице у Троицкой пристани...»

Итак, на сцене появляется племянник графини, чуда́к-меломан П. М. Скавронский, якобы общавшийся со своими слугами не иначе как речитативом, если верить М. И. Пыляеву. Но во-первых, Пыляеву не во всех случаях можно верить, а во-вторых, к дому на Моховой Павел Мартынович имел весьма косвенное отношение, не прожив в нем, вероятно, и дня, хоть и владел им некоторое время.

С этим владением произошла, вообще говоря, довольно курьезная история. В 1780 году дом Воронцовой покупает генерал-майор Федор Матвеевич Толстой, но уже в следующем году

продает его... тому же П. М. Скавронскому за 41 тысячу рублей, а тот ровно через полгода перепродает его «для казенной надобности», но уже за 54 тысячи! С казной на Руси никогда не церемонились и пользовались ею как могли. Кстати, за недолгое время владения участком Ф. М. Толстой успел его существенно увеличить за счет пожалованного ему «переулка фонтанных труб», находившегося прежде в ведении Конторы строения домов и садов. Ныне это участок дома № 29; когда-то здесь проходили трубы к фонтанам Летнего сада, а позднее был разбит довольно большой сад.

Но что же это за «казенная надобность», позволившая «чудаку» Скавронскому положить в карман лишние 13 тысяч рублей?

Дело в том, что летом 1782 года в Петербурге ожидали прибытия брата супруги великого князя Павла Петровича, принца Вюртембергского с женой; ее Екатерина II прозвала Зельмирой, по имени героини одноименной французской трагедии. Для них-то императрица и приобрела в апреле того же года через А. А. Безбородко дом на Моховой. Внутреннюю отделку Безбородко поручил архитектору Н. А. Львову, с тем его связывали прочные отношения. В то же самое время Львов приступил к постройке почтамта, находившегося среди многих других обязанностей в ведении его покровителя, а также придумал рисунок для новоучрежденного ордена Святого Владимира.

Приехав в Петербург и увидев свое новое жилище, принц остался удовлетворен. Об этом мы узнаем из ответного письма Львову его друга, поэта и баснописца И. И. Хемницера: «Что принц Виртенбергский убором твоим дома его доволен, етова кажется ожидать тебе можно было; и ето таки в кучку в благоволению, с каковым твоя выдумка нового ордена принята была, да и к другим прежним».

Но на фоне великолепной обстановки в скором времени стали разыгрываться семейные драмы. По словам Екатерины II, супруги жили как кошка с собакой, и принц в пылу гнева частенько прибегал к чересчур уж веским доводам. Об одном из таких объяснений императрица писала своему постоянному корреспонденту барону Гримму: «У него с нею на прошлой неделе произошла возмутительная сцена, которая сделалась известна всем: он бил ее, таскал за волосы и потом запер на ключ в своем доме».

Чтобы подсластить пилюлю и как-то устроить судьбу Зельмиры, в которой Екатерина проявляла большое участие, она в 1785 году именным указом пожаловала ей дом на Моховой в полную собственность. Но это не спасло положения; 17 декабря 1786 года, очевидно после одной из обычных супружеских «разборок», принцесса решает покинуть свой дом навсегда. Поздно вечером, по окончании эрмитажного спектакля, оставшись наедине с императрицей, она бросается перед ней на колени и просит разрешения не возвращаться к мужу.

Екатерина позволила ей остаться на две недели во дворце, после чего отправила в Ревель в сопровождении егермейстера Польшмана; там принцессе предстояло пробыть до окончания бракоразводного процесса с мужем. Но несчастный роман с Польшманом закончился в 1788 году, еще до развода, смертью Зельмиры, последовавшей при загадочных обстоятельствах — будто бы после рождения ребенка.

24 января 1788 года, за несколько месяцев до своей трагической кончины, принцесса Августина («Зельмира») продала через своего поверенного дом на Моховой жене полковника Ивана Степановича Рибопьера — Аграфене Александровне, урожденной Бибиковой.

И. С. Рибопьер (1750–1790) — швейцарец родом, прибыл в Россию с рекомендательным письмом Вольтера и был принят офицером на русскую службу. Вскоре его назначают адъютантом к Потемкину, что открывает ему дорогу к блестящей карьере. Тогда же он сближается с семейством А. И. Бибикова, которое императрица после смерти его главы во время подавления пугачевского бунта осыпала щедротами. В частности, дочь покойного Аграфена была пожалована во фрейлины, причем Екатерина по просьбе матери позволила ей жить не во дворце, а дома, что явилось первым примером такого рода.

Молодая Бибикова прибывала на дежурства во дворец с величайшей аккуратностью, и даже в день страшного наводнения 1777 года приплыла туда на лодке. На придворных балах Аграфена увидела красивого и статного офицера, он ей приглянулся, и они поженились.

И. С. Рибопьер

Служба Рибопьера шла очень успешно. Всемогуший князь Таврический благоволил к своему адъютанту. Его приглашали ко двору, всюду радушно принимали и всячески обласкивали. Он часто бывал на эрмитажных собраниях, попасть куда – заветная мечта каждого придворного. Когда Екатерина II стала подыскивать воспитателя для великого князя Александра Павловича, Рибопьер рекомендовал ей своего друга и земляка Лагарпа.

Особое влияние Рибопьер имел на фаворита императрицы А. М. Дмитриева-Мамонова, тот даже признавался, что почти жить без него не может. Такая близость, однако, имела для Рибопьера роковые последствия: после «измены» Мамонова своей престарелой покровительнице Иван Степанович был заподозрен ею в пособничестве и счел за благо удалиться из Петербурга в действующую армию. В 1790 году он погибает при штурме Измаила.

Семейство Рибопьеров владело домом около четверти века. Незадолго до смерти Аграфена Александровна продала его княгине В. В. Голицыной; произошло это в 1811 году. Варвара Васильевна Голицына, урожденная Энгельгардт, одна из племянниц князя Потемкина, поселилась в доме на Моховой, потеряв горячо любимого мужа, сделавшего ее матерью деся-

терых сыновей. В молодости Варвара славилась красотой; ее воспевал Г. Р. Державин под именем «златовласой Пленеры».

До замужества она играла большую роль в жизни избалованного любовными успехами Потемкина, относившегося к племяннице с отцовской нежностью, к чему, впрочем, примешивалась и страстность влюбленного. А сама Варенька в письмах к дядюшке называла себя «кошечкой Гришенькиной». Но пришла пора, и «кошечка» влюбилась и вышла замуж за своего избранника – молодого красавца князя С. Ф. Голицына, сделавшись примерной женой и матерью. Сохранив расположение дяди, она получила по завещанию свою долю богатого наследства.

Княгиню В. В. Голицыну хорошо знал Ф. Вигель, одно время живший в их доме. В своих воспоминаниях он пишет о ней: «Черты ее были бесподобны, и в сорок лет она сохраняла свежесть двадцатилетней девы. Но сильные страсти, коих она... никогда не умела обуздывать, дали ее лицу неприятное выражение». Взбалмошная и вспыльчивая до крайности, она в минуты гнева не знала удержу: у себя дома таскала при всех за волосы свою соседку помещицу Шевелеву, а однажды велела в своем присутствии высечь заседателя, осердившись на него за неисправность дорог...

В. В. Голицына

Варвара Васильевна недолго прожила в Петербурге; она так и не смогла оправиться от своей утраты, здоровье ее было подорвано. Спустя три года она продает дом на Моховой В. П. Кочубею и уезжает в свое имение Зубриловку, где вскоре умирает.

О Викторе Павловиче Кочубее мы говорили ранее, поэтому здесь я ограничусь несколькими словами. Свое владение домом он отметил устройством нового деревянного забора взамен ветхого, также деревянного, и постройкой в саду каменной оранжереи, начатой еще княгиней Голицыной, но почему-то не законченной.

В 1819 году начался второй этап службы графа на посту министра внутренних дел. Он приобретает у князя А. Я. Лобанова-Ростовского дом на Фонтанке, 16, а свой решает продать. Однако дело затянулось, и еще в 1821 году «Ведомости» сообщали: «Продается или отдается в наем большой каменный дом с мебелью, со всеми потребными службами, оранжереею и обширным садом, состоящий Литейной части, 2 квартала, по Моховой ул., под № 116».

Новым владельцем дома стал граф Степан Федорович Апраксин, женатый на Елизавете Алексеевне, урожденной Безобразовой. С. Ф. Апраксин заслужил доверие и расположение императора Николая I, сохранив ему безоговорочную верность 14 декабря 1825 года. Кавалергардский полк, находившийся под его командованием, послушно атаковал восставших. За это граф удостоился чести быть постоянным партнером государя за карточным столом, где проявлял большую строптивость и однажды даже позволил себе сделать выговор монарху, сказав в сердцах: «Так играть, ваше величество, невозможно! Ничего нет удивительного, что вы постоянно проигрываете, а с вами и ваши партнеры».

Степан Федорович оказывал дружбу и покровительство молодому в то время художнику-портретисту П. Ф. Соколову, жившему в его доме на Моховой, был у него посаженным отцом на свадьбе с сестрой К. П. Брюллова и крестил их первенца.

Около 1825 года бельэтаж дома Апраксина нанимало семейство графа А. И. Соллогуба вместе с его тещей Е. А. Архаровой, женщиной весьма замечательной. Прекрасный словесный портрет бабушки оставил ее внук писатель В. А. Соллогуб; существует и не менее замечательный живописный портрет Екатерины Александровны кисти В. Л. Боровиковского.

Е. А. Архарова

О доме на Моховой В. А. Соллогуб пишет в своих воспоминаниях: «Удобства здесь было много: прекрасная домовая церковь, обширный сад, в котором мы играли... В квартире, между прочим, была и теплица для тропических растений, но тропических растений у бабушки не оказалось; купить их старушка, всегда расчетливая, не захотела, а со свойственным ей добродушием заметила своим знакомым, что они могли бы каждый поднести ей по «горшочку» зелени на новоселье. На другой же день оранжерея обратилась в цветущий сад».

В 1835 году Апраксины продали свой дом на Моховой поручику Сергею Ивановичу Мальцову (1809–1893). Сын крупного орловского помещика Ивана Акимовича Мальцова, владевшего, кроме того, чугунолитейным, стеклянным и хрустальным заводами, за которыми числилось 16 тысяч душ, Сергей Иванович с детства был знаком с заводской деятельностью, бытом и нуждами рабочих. Однако он не сразу отдался любимому делу, интересовавшему и манившему его.

При жизни отца Мальцов, как дворянин и богатый человек, должен был служить, и в 1829 году он поступает в Кавалергардский полк. Спустя четыре года он увольняется оттуда «по болезни» и в течение полутора лет путешествует за границей, где изучает заводское дело и пополняет свои знания в химии и математике.

В 1834 году он вновь поступает на службу, становится вскоре адъютантом принца П. Г. Ольденбургского, где и применяет на практике свою энергию и организаторские спо-

собности. Когда по инициативе принца учреждалось Училище правоведения, то составление устава и первоначальную организацию поручили Мальцову. Он же исправлял позднее должность директора училища.

Побывав за границей, Сергей Иванович сделался убежденным сторонником постройки в России железных дорог, хорошо понимая их огромное значение. При строительстве Николаевской железной дороги вначале предполагалось воспользоваться рельсами русского производства. С этой целью Мальцов составил компанию уральских заводчиков на поставку железа, в четыре месяца устроил завод в Петербурге и приспособил для тех же нужд свой собственный. Первые рельсы вышли превосходного качества, но затем заказ передали английской компании.

С. И. Мальцов

После смерти отца в 1853 году Сергей Иванович выходит в отставку и активно принимается за хозяйственную деятельность. Поселившись в своем имении Дяткове, он трудится на заводах как простой работник: встает вместе с рабочими и ложится позже всех; довольствуется самой скромной обстановкой и, вкладывая в дело миллионы, тратит также сотни тысяч на улучшение быта заводских.

Всю жизнь С. И. Мальцов учился, часто выезжая для этого за границу. Поначалу он выпи-сывал оттуда хороших специалистов, но затем стал посылать учиться наиболее способных из своих мастеров. Благодаря этому на заводах Мальцова нередко делались изобретения, опережавшие страны с более развитой промышленностью. Там изготовлялись сложные паровые

машины для петербургского Арсенала, был сделан первый русский винтовой двигатель; строились также пароходы, первые в России паровые молотилки и первая русская газовая мартеновская печь. Чугунное литье и хрусталь мальцовских заводов вызывали удивление у французских и бельгийских промышленников.

Когда во время железнодорожной горячки в России потребовался подвижной состав и миллионы рублей стали уплывать за границу, на вызов правительства откликнулся один Мальцов. Не останавливаясь перед затратами, он построил новые мастерские, печи Сименса для производства рессорной стали и обучил мастеров. В течение десяти лет он выпустил 12 тысяч вагонов и 400 паровозов на сумму 24 миллиона рублей.

Дом страхового общества «Россия». Фото 1900-х гг.

До 1875 года все огромное состояние Мальцова составляло его частную собственность. Однако, опасаясь, что в случае его смерти гигантское дело может распасться на мелкие части, он учреждает на паях «Мальцовское промышленное товарищество», оставаясь в течение восьми лет главным распорядителем делами.

В это же время он продает дом на Моховой своему бывшему начальнику принцу П. Г. Ольденбургскому, прославившемуся широкой благотворительной деятельностью. После смерти принца в 1881 году дом покупает потомственный почетный гражданин В. С. Корнилов, владелец известной фарфоровой фабрики.

Едва успев купить дом, новый владелец умирает. Наследники покойного фабриканта не пощадили великолепного здания и по неистребимой купеческой тяге к доходности и пышности решили перестроить его так, чтобы оно отвечало этим требованиям. В 1882 году архитектор А. Ф. Красовский составляет проект перестройки, и в результате получился добротный, но вполне заурядный дом с фасадом, выполненным по мотивам французского ренессанса.

Решетка при доме страхового общества «Россия». По проекту Л. Н. Бенуа. 1899 г.

Впрочем, при большом желании в новом здании все же можно разглядеть черты старого: сохранился ритм оконных и дверных проемов и ворот, остались даже пилястры, разумеется, другого рисунка. Однако дом стал гораздо выше, тяжеловеснее и, главное, совершенно утратил свой милый, старинный облик; переодетый в модные архитектурные одежды конца XIX века, он как-то сразу затерялся в толпе себе подобных.

От прежнего времени уцелел лишь старый сад, но и ему суждено было исчезнуть: к 1897 году участок приобрело страховое общество «Россия», и на месте сада архитектор Л. Н. Бенуа построил ныне существующий дом № 29 в стиле того же французского ренессанса, с красивой оградой. «В настоящее время лишь выходящий на Моховую садик... своими несколькими чахлыми деревьями напоминает о некогда прекрасном саде принцессы Зельмиры», – грустно заключает А. Яцевич. Добавить к этому нечего.

Остался на старой открытке... (Дом № 39 по Моховой улице)

На Моховой улице, слева от бывшего Тенишевского училища, где ныне стоит безликое здание в неопределенном стиле, некогда радовал глаз приземистый особнячок с ренессансными пилястрами и высоким аттиком, украшенным вазами. Так дом стал выглядеть после перестройки по проекту академика архитектуры К. Альштрема в 1855 году, выполненной для тогдашнего владельца сенатора С. В. Сафонова.

Дом № 39 по Моховой улице. Современное фото

Построен же он был гораздо раньше, еще в 1790-х, «именитым гражданином» И. Ф. Долговым. К тому времени на участке, простиравшемся до Фонтанки, уже стоял каменный двухэтажный дом с фасадом на Моховую (ныне дом № 39), возведенный Долговым двадцатью годами ранее, после приобретения им земельного владения у придворного служителя М. Ф. Федорова. Значительная часть участка пустовала, и расчетливый хозяин, нажившись на несправедливых подрядах, решил увеличить свои доходы постройкой еще одного дома.

Однако, прежде чем это произошло, купчине пришлось натерпеться страху. В июле 1787 года осведомитель светлейшего князя Потемкина М. И. Гарновский доносил своему патрону: «Богатый и первостатейный купец Долгов находится теперь в превеликих хлопотах. Будучи подрядчиком строения берегов Фонтанки, делал он ужасные притеснения и обиды мужикам, при строении находившимся... Государыня крайне не благоволит теперь на Долгова».

Но хотя обиженные мужики били челом перед самой царицей и высылали к ней депутатов с жалобой на своего притеснителя, тот, благодаря сильному покровительству, сумел все же выйти сухим из воды, причем генерал-губернатору Я. А. Брюсу, по чьему донесению и вышло наружу это дело, по словам Гарновского, «жестоко вымыли за оное голову».

А отделившийся легким испугом виновник сей неприглядной истории, выждав некоторое время, пока уляжется шум, не торопясь приступил к сооружению очередных каменных палат. Окончив их, он поместил в октябре 1794 года объявление в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «В Литейной части по Моховой улице близ церкви Симиона Богоприимца в нововыстроенном именитого гражданина Долгова доме отдаются разными отделениями покои в наем со всеми... службами».

К началу 1800-х годов бывший участок Долгова перешел к чиновнику Осипову и позднее разделен надвое: нынешний дом № 39 стал собственностью старообрядческой общины, а дом № 37 приобрела знаменитая в свое время генеральша Н. Д. Офросимова (1751–1825), послужившая прототипом сразу для двух литературных персонажей – старухи Хлестовой в «Горе от ума» и М. Д. Ахросимовой в «Войне и мире». Похоронив в 1817 году мужа, она перебралась из Москвы в Петербург, чтобы наблюдать за благонаравием взрослых сыновей, служивших в гвардии.

По отзыву хорошо знавшей ее современницы, «Настасья Дмитриевна была старуха пресамонравная и пресумасбродная: требовала, чтобы все, и знакомые, и незнакомые, ей оказывали почет... Все трепетали перед этой старухой – такой она умела нагнать на всех страх, и никому и в голову не приходило, чтобы возможно было ей сгубить и ее огоршить... Были и поважнее, и починовнее: ее муж был генерал-майор в отставке, мало ли было генеральских жен, так нет же: никого так не боялись, как ее».

Доставалось от нее и сыновьям, находившимся в беспрекословном подчинении у строгой матери, не скупившейся на пощечины. «У меня есть руки, а у них – щеки», – любила говаривать почтенная матрона, объясняя посторонним порядок ее семейных взаимоотношений. Впрочем, Настасья Дмитриевна снискала повсеместное уважение прямою и правдивостью, и суд ее, как правило, был справедлив.

Следующая примечательная страница в истории дома связана с генералом от кавалерии графом Карлом Осиповичем Ламбертом (1772–1843), обосновавшимся здесь после назначения в 1826 году сенатором. Французский аристократ, покинувший отчизну в дни революционного террора, он впоследствии активно и успешно участвовал в наполеоновских войнах, командуя кавалерийским корпусом; и его портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца.

Скупой на похвалы, А. П. Ермолов называет Ламберта в своих «Записках» одним из отличнейших и распорядительнейших генералов. Всегда вежливый и обходительный с подчиненными, он был любим ими за доброту и благородство.

К. О. Ламберт

Большой известностью в обществе пользовалась и его жена Ульяна Михайловна, урожденная Деева, дочь суворовского генерала. Имея весьма увесистую комплекцию и несгибаемый дух, унаследованный от предков, графиня Ламберт во время переправы через Березину 11 ноября 1812 года сумела остановить гусар своего мужа, бросившихся было бежать от французов, крикнув растерявшимся конникам: «Дети, неужели вы оставите вашего раненого генерала?» В результате супруг был спасен, а воины избежали вечного и несмываемого позора.

Однако Ульяна Михайловна порой тоже испытывала смешную робость, доходившую до чудачества. К примеру, летом 1831 года, проживая в Царском Селе, напротив дома, занимаемого А. С. Пушкиным, она всегда плотно задергивала занавески, стараясь не попадаться на глаза знаменитому соседу, из опасения, что тот на нее «критику сочинит». Поэт тоже не оставался в долгу и, по словам А. О. Смирновой, «прибирал всякую чепуху насчет своей соседки генеральши Ламберт», поэтому опасения последней до некоторой степени оправданы.

Впрочем, скоро они помирились: узнав о взятии Варшавы, столь нетерпеливо ожидавшемся всеми, Ульяна Михайловна поспешила известить об этом Пушкина. В благодарность Александр Сергеевич послал ей первый экземпляр своего стихотворения «Клеветникам России» и нанес визит с женою, после чего графиня перестала задергивать занавески на своих окнах.

К середине 1850-х годов особняк перешел к уже упомянутому Степану Васильевичу Сафонову, в прошлом чиновнику канцелярии графа М. С. Воронцова, автору этнографических

работ о Крыме и, по странному стечению обстоятельств, также знакомому Пушкина, вместе с которым он был послан в 1824 году в служебную командировку по уездам. Дослужившись до высокого чина тайного советника и назначенный сенатором, Сафонов приобрел собственное жилище и придал ему тот облик, что донесла до нас старая открытка...

Конец легенды (Дом № 6 по набережной Фонтанки)

История Петербурга не богата легендами, поэтому опровергать то немногое, что есть или было, – занятие неблагодарное. Немногие легенды связаны с именем Бирона – конюшни Бирона (Мойка, 12, во дворе), дворец Бирона (Тучков буян) и т. д. Очевидно, зловещая фигура временщика прочно засела в памяти народной.

Участок, о котором пойдет речь, тоже связывается с его именем. Будто бы неподалеку отсюда стояли некогда службы Бирона, и «люди суеверные видели здесь по ночам тени заму-ченных злым герцогом людей; особенно дурной славой пользовалось место, которое занимает сад Училища правоведения». Так утверждает наш петербургский бытописатель М. И. Пыляев, в немалой степени сам творец легенд. И хотя никаких служб Бирона здесь никогда не бывало, это не делает историю участка менее интересной.

Когда-то на месте бывшего здания Училища правоведения стояла придворная коллегия, входившая в комплекс построек дворцового Запасного двора. В 1780 году начали строить новую, каменную набережную Фонтанки, для чего понадобилось снести старые строения. Через «Санкт-Петербургские ведомости» вызывались желающие «на берегу реки Фонтанки... на старом Запасном дворе, как каменное, так и деревянное строение... купить и сломать для себя и место очистить».

В 1788 году сенатор и камергер Алексей Андреевич Ржевский приступил к постройке каменного дома на отведенном ему управой благочиния месте, очищенном после сноса упомянутых построек.

Здание состояло из двух флигелей – трех- и двухэтажного (позднее он также надстроен до трех этажей), соединенных воротами. Закончили его не ранее 1790-го, но годом раньше уже появились первые жильцы, как видно из объявления в «Ведомостях»: «Продается крестьянская девка 17 лет; желающие оную купить о цене сведение получить могут у живущего подле Прачешного двора на Фонтанке в новостроящемся Его Превосходительства Алексея Андреевича Ржевского каменном доме Прапорщика Жукова».

Кто же такие хозяева дома – сенатор Ржевский и его супруга Глафира Ивановна, урожденная Алымова?

А. А. Ржевский

Те, кому приходилось бывать в Русском музее, конечно же помнят знаменитую серию портретов «смолянок» Д. Г. Левицкого. Среди них есть и портрет улыбающейся девушки в белом шелковом платье, играющей на арфе. Это юная Алымова. На портрете ей всего восемнадцать лет; она заканчивает институт. Что-то сулит ей жизнь? Известно, что в числе пяти лучших учениц Глафира Алымова получила золотую медаль первой величины, а кроме того, золотой шифр и что пользовалась особой любовью и покровительством Екатерины II, отличавшей ее незаурядные музыкальные дарования. Но достаточно ли этого для счастья?

Девушка была сиротой, и заботу о ней после выпуска из института взял на себя престарелый вельможа И. И. Бецкой, в чьем доме она и поселилась. Неожиданно старик влюбляется в свою приемную дочь. Самое странное в том, что юная Глафира в общем-то не видела здесь ничего противоестественного. В своих «Записках» она рассказывает: «Страсть его дошла до крайних пределов и не была ни для кого тайною, хотя он скрывал ее под видом отцовской нежности. Я и не подозревала этого. В 75 лет он краснел, признаваясь, что жить без меня не может... Будь он откровеннее, я бы охотно сделалась его женою».

В это время Алымовой делает предложение Алексей Андреевич Ржевский, похоронивший несколько лет тому назад свою жену. Он – известный в свое время поэт, сотрудничал в журналах М. М. Хераскова «Полезное увеселение» и «Свободные часы» и занимал в то же время видное место среди масонов. О его литературных опытах с похвалой отзывалась сама императрица, ей он поднес оду своего сочинения.

Но главное заключалось в другом: Ржевский был значительно моложе своего соперника, обладая притом прочным положением в обществе и недурным состоянием, что и склонило чашу весов в его пользу. Тут-то и начались неприятности.

Г. И. Алымова

Поначалу старый ревнивец попытался расстроить брак всяческими интригами. Когда же это не удалось, то неременным условием своего согласия на брак он поставил обязательство молодых супругов поселиться в его доме. Глафира Ивановна убедила Ржевского согласиться, и в результате возник довольно курьезный «любовный треугольник»: старец, ни в чем не повинный муж, оказавшийся как бы «на чужой территории», и, наконец, сама виновница всей этой нелепой ситуации, очутившаяся между двух огней.

Но предоставим слово ей самой: «С дочерней нежностью старалась я утешить Ивана Ивановича, но усилия мои были бесполезны: дружба не могла удовлетворить его страсти... Мое положение становилось невыносимым посреди любви мужа и дружбы Ивана Ивановича. Оба они считали себя обиженными и мучили меня. Удовлетворить их притязаниям не было возможности; надо было дать предпочтение одному из них. Бецкой старался поссорить меня с мужем, по-прежнему возбуждая его ревность и уверяя его, что он не может рассчитывать на исключительную привязанность ребенка, который ему, старику, изменил бессовестно. Мне же он представлял ожидающее меня несчастье – жить с мужем при его подозрительном и вспыльчивом характере».

Обстановка в доме становилась невыносимой. Масла в огонь добавляла и незаконная дочь Бецкого, Настасья Ивановна, бывшая замужем за де Рибасом, – она опасалась, что

отец переписшет завещание в пользу Ржевской. В конце концов супругам пришлось покинуть чересчур уж гостеприимный кров почтенного вельможи и подумать о своем. Тогда-то А. А. Ржевский и взял участок на Фонтанке, где спустя несколько лет выстроил собственный дом. Впоследствии семейная жизнь Ржевских сложилась вполне благополучно, что дало повод Г. Р. Державину, находившемуся с ними в большой дружбе, написать оду «Счастливое семейство».

В новом доме они прожили недолго: Алексей Андреевич получил назначение на пост президента Медицинской коллегии (она помещалась в доме № 101 по Екатерининскому каналу) и пожелал приобрести жилище поближе к месту службы. В августе 1793 года супруги продали свой дом на Фонтанке статс-даме графине Марии Иосифовне Потоцкой, урожденной Мнишек, а в январе следующего года купили другой, на набережной Мойки, 92 (позднее он долгое время принадлежал Н. И. Гречу), где Ржевскому суждено было прожить до самой смерти в 1804 году.

Новая владелица была замужем за графом Станиславом Феликсом Потоцким (Щенсны) (1751–1805), сыгравшим роковую роль в судьбе Польши. Чтобы понять причину появления семейства Потоцких в Петербурге, необходимо заглянуть в историю.

После частичной утраты Польшей независимости в 1772 году, в результате первого ее раздела между Россией, Австрией и Пруссией, польские патриоты не переставали надеяться на возрождение отчизны. К 1788 году для этого сложились благоприятные условия: Россия и Австрия заняты войной с Турцией, к тому же отношения между союзниками сложились не наилучшим образом. В Варшаве собирается так называемый Четырехлетний сейм; в течение 1788–1792 годов он принимает целый ряд прогрессивных законов, направленных на ликвидацию анархии и магнатской олигархии. Важнейшим результатом работы сейма явилась прогрессивная Конституция Третьего Мая.

В ответ на это крупнейшие польские магнаты, среди которых видное место занимал Станислав Потоцкий, составляют в апреле 1792 года заговор под названием «Тарговицкая конфедерация» и обращаются за поддержкой к Екатерине II. Генеральным маршалом конфедераты избирают графа Потоцкого. Русские войска входят в Польшу, и власть на несколько месяцев переходит к магнатам-заговорщикам, поспешившим отменить все законы, принятые Четырехлетним сеймом.

Но недаром в одной крыловской басне говорится: «Не льстись предательством ты счастье сыскать...» Русская царица отнюдь не собиралась таскать каштаны из огня для конфедератов. Вместе с прусским императором она отбирает у них власть и осуществляет в начале 1793 года второй раздел Польши, означавший, по сути дела, полную утрату ею независимости.

Потоцкий обратился к Екатерине за разъяснениями, но ответ так мало соответствовал его ожиданиям, что, прочтя письмо, он падает в обморок, а придя в себя, раздражается потоками бессильных слез, после чего несколько дней избегает людей.

Итак, правлению конфедератов пришел конец, и население заставили присягать императрице, «в чем первый подал пример воевода Киевский Потоцкий, оказавший отличную ревность к исполнению Высочайшего повеления». В награду за лояльность мужа графиня получает звание статс-дамы, а он сам – орден Андрея Первозванного. Все огромные поместья Потоцких в землях, отошедших теперь к России, также остались за ними. Потоцкий – человек честный, но тщеславный, слабый и недалекий – понял наконец, что помог окончательно сокрушить свое отечество. Все отвернулись от главы тарговичан, как от предателя. Ему оставалось одно: бежать от ненависти и презрения соотечественников и искать утешения в любви Софьи Витт, которую он за огромные деньги купил (!) у ее мужа.

Судьба этой женщины заслуживает отдельного рассказа. Софья, получившая прозвище «прекрасной фанариотки»²³, была красавицей-гречанкой весьма темного происхождения. На тринадцатом году жизни родная мать продала ее польскому послу в Турции, поставлявшему, помимо всего прочего, красавиц для своего короля. Однако до Варшавы она не доехала: по дороге ее купил за тысячу червонцев майор Иосиф Витт и в 1779 году женился на ней.

После нескольких лет жизни в Париже, где Софья, отличавшаяся не только красотой, но и умом, кружила головы многим, супруги вернулись на родину: Витт должен был занять после смерти отца должность коменданта крепости в Каменец-Подольске. Вскоре Софье наскучила жизнь в захолустье, и она отправилась в Крым, где ее представили находившейся там Екатерине II, и заняла заметное место среди красавиц, окружавших Потемкина. Князь Таврический использовал Софью и в политических целях: именно она склонила Станислава Потоцкого к участию в Тарговицкой конфедерации.

С. К. Потоцкая

И вот в 1793 году семейство Потоцких прибывает в Северную столицу и поселяется в купленном у Ржевских доме на Фонтанке. Наступает 1794 год; в Польше вспыхивает восстание патриотов, не желавших смириться с унижением родины и гибелью всех надежд. Воз-

²³ Фанариоты – жители Фанара, квартала в Константинополе, населенного преимущественно греками.

главил восстание Тадеуш Костюшко, Станислав Потоцкий (Щенсны) заочно приговаривается повстанцами к повешению.

После поражения восстания и третьего, окончательного раздела Польши, на долгие годы предопределившего ее судьбу, Потоцкий решает уехать с Софьей за границу. Он передает все имущество и опеку над детьми жене, выговаривая для себя ежегодную ренту в 50 тысяч червонцев, и отправляется в Гамбург. Но и там общественное презрение преследует его: на устроенный им бал никто из приглашенных не явился; путешественники обходят его дом стороной.

В начале 1796 года Потоцкий и Софья возвращаются в Россию. К вынужденной изоляции графа прибавляются финансовые трудности – его жена не соглашается на развод, а Витт снова потребовал за Софью баснословный выкуп в 2 миллиона злотых, их пришлось уплатить. Наконец в апреле 1798 года графиня Потоцкая умирает, и граф в том же году женится на Софье Константиновне Витт. В дальнейшем их супружеская жизнь складывается неудачно: жена вступает в связь с его сыном Юрием, и отец узнает об этом. Спустя четыре года Потоцкий умирает, так и не простив жену. Судьба безжалостно мстила ему за предательство. Но это произойдет позже.

А в ноябре 1798 года «Санкт-Петербургские ведомости» извещали читателей: «Наследники умершей... Графини Потоцкой из Мнишек, Штатс-дамы и Кавалера ордена Святой Екатерины сим извещают всех заимодавцев... чтобы... для получения законных долгов относиться к сыну, Его Сиятельству Графу Щенсному Потоцкому... в дом, состоящий на Фонтанке, называемый прежде всего Ржевским, а после Его Сиятельства Графа Потоцкого».

Жизнь потекла своим чередом. В 1802 году дом приобретает ротмистр французской службы, эмигрант Франсуа д'Арбиньи, сдавший его в аренду только что преобразованному Пажескому корпусу.

Учрежденный 25 октября 1759 года корпус сменил к тому времени уже несколько адресов. До нас дошло (в перестроенном виде) лишь здание на Миллионной, 26, где он помещался с 1785 года. Пробыв восемь лет в доме д'Арбиньи, пажи переезжают в бывший Воронцовский дворец на Садовой, где ныне Суворовское училище, а в «Ведомостях» появляется объявление о продаже: «По Фонтанке против Летного саду продается... в три этажа дом под № 72, где прежде квартировал Пажеский Корпус».

Покупатель долго не находился, возможно, и потому, что назначенная хозяином цена оказалась чересчур высокой. Наконец, в январе 1814 год дом д'Арбиньи выставляется на торги за неплатеж ротмистром заемному банку долга в 30 тысяч рублей и продается тайному советнику Ивану Николаевичу Неплюеву (1750–1823).

О новом владельце известно, что он два года учился в Швеции, а затем в течение еще двух лет «вояжировал» по Западной Европе, откуда вернулся в Россию «с большим запасом разных сведений и знанием итальянского языка». В продолжение нескольких лет он управлял Минской губернией, а в январе 1810 года назначен членом Государственного совета.

Если верить князю И. М. Долгорукову (а не верить ему нет оснований), Иван Николаевич был «человек ограниченного ума, но богатый, чинный, степенный и ни к чему не пригодной; об нем точно можно сказать: «Мурашки не страхнут без лайковой перчатки...» Я редко видал человека скучнее, тягостнее и беднее в обращении со стороны навыков и познаний этого напудренного и смазанного сенатора».

И. Н. Неплюев

Купив дом, И. Н. Неплюев тут же приступил к его перестройке. В архиве хранится документ, относящийся к 1814 году, откуда следует, что «тайный советник Неплюев желает по набережной два каменных трехэтажных флигеля соединить под одну фасаду, по переулку ко оному же дому пристроить таковое же каменное трехэтажное строение, по Сергиевской улице сделать вновь пристройку ко оному же строению...» Все это Неплюев обязался выполнить в пятилетний срок.

Таким образом, первая капитальная перестройка дома произошла в 1814–1819 годах. Имя архитектора остается пока неизвестным. Здание, состоявшее из двух объединенных флигелей, украсилось по фасаду десятиколонным ионическим портиком, увенчанным треугольным фронтоном. В марте 1821 года здесь поселился вернувшийся в столицу после долгой опалы выдающийся государственный деятель М. М. Сперанский (о нем нам еще предстоит говорить).

В 1835 году наследники покойного сенатора продали дом за 700 тысяч рублей ассигнациями принцу Петру Георгиевичу Ольденбургскому, решившему устроить в нем Училище правоведения. Перестройка здания и приспособление его для учебных целей велись по проекту и под наблюдением В. П. Стасова без изменения фасада; роль же архитектора А. И. Мельникова остается пока невыясненной. Свой нынешний вид дом приобрел после очередной капитальной перестройки в 1893–1898 годах по проекту П. Ю. Сюзора.

Что же касается самого училища, то впервые попытка создания учебного заведения для подготовки чиновников, сведущих в юриспруденции, предпринималась еще при импера-

торе Павле, когда в Петербурге открылась Юнкерская школа, преобразованная в 1803 году в Юнкерский институт. Просуществовал он недолго, и двумя годами позже при Комиссии составления законов (она помещалась в доме № 44 по Литейному проспекту) учредили первое Училище правоведения с трехлетним курсом обучения. Однако состоялся лишь один выпуск в 1809 году, после чего различные обстоятельства прервали его деятельность, и в 1816-м оно было упразднено.

Дом № 6 по набережной Фонтанки. Училище правоведения. Вид до перестройки. С открытки

И вот спустя почти два десятка лет, 5 декабря 1835 года, состоялось торжественное открытие нового училища, призванного восполнить недостаток в образованных и сведущих чиновниках в канцеляриях судебных учреждений.

Дом № 6 по набережной Фонтанки. Училище правоведения. Вид после перестройки. С открытки

Но вскоре о благой цели забыли, и Императорское Училище правоведения превратилось в привилегированное учебное заведение, куда принимались лишь дети потомственных дворян, занесенных в Шестую часть родословной книги. Из его стен вышли такие знаменитые люди, как П. И. Чайковский, И. С. Аксаков, А. Н. Апухтин, В. В. Стасов, А. Н. Серов и другие, немало сделавшие для русской культуры.

И это уже не легенда.

Напротив Михайловского замка (Дом № 18 по набережной Фонтанки)

Среди особняков, возведенных некогда на берегах Фонтанки, немногие сохранили наружный вид первоизданным или хотя бы близким к нему. Дом, о котором пойдет речь, относится именно к таким: трехэтажный, с четырехколонным коринфским портиком, поддерживающим фронтоном с гербом графов Левашовых, он схож по архитектуре со своим соседом справа (№ 20), но сочнее в деталях, менее строг и классичен, чем тот, хотя построены они почти одновременно.

Полукруглые эркеры на фасаде левашовского особняка добавлены позднее, причем левый сооружен уже в советское время, но не в ущерб гармонии целого.

Дом № 18 по набережной Фонтанки. Современное фото

Оба здания (№ 18 и 20) да еще, пожалуй, дом Мижуева (№ 26), появившийся полутора десятилетиями позднее, определяют облик отрезка набережной напротив Михайловского замка, нарушаемый лишь неуклюжей громадой бывшего дома Безобразова (№ 24).

В середине XVIII века берег Фонтанки в этом месте пустовал и отделялся от расположенной неподалеку Хамовой (Моховой) улицы территорией бывшего зверового двора, где, по свидетельству А. Богданова, содержались «только малые звери и птицы». К тому времени зверовой и птичий дворы уже перевели к Лиговскому каналу, а оставшиеся здесь ветхие строения, огороженные покосившимся частоколом, никак не служили украшению столицы, а вдобавок находились прямо напротив окон деревянного летнего дворца императрицы.

В 1765 году по предложению И. И. Бецкого пустырь разбили на части и раздали под застройку дворцовым служителям (ныне это участки домов № 31–39 по Моховой). Владелец крайнего (№ 31) оказался придворный мундшенк В. Е. Лосев. Через несколько лет, так ничего

и не построив, он продал свое владение девице Елизавете Никитичне Шепелевой, а у той в мае 1789 года его купил капитан В. И. Нертовский.

По-видимому, продажа престарелой девицей насиженного гнезда объяснялась тем, что двумя месяцами ранее по решению Сената к ее участку прирезали большое «порозжее место», выходившее на Фонтанку, с неременным обязательством его застройки. Прикинув свои возможности, Шепелева, очевидно, пришла к выводу, что ей не осилить постройку нового каменного дома, и благоразумно решила не испытывать судьбу.

В скором времени новый владелец возвел на только что устроенной каменной набережной свое великолепное жилище, но, похоже, тоже не прочь был от него избавиться. Об этом можно судить по объявлению, помещенному в «Санкт-Петербургских ведомостях» в феврале 1797 года: «По Фонтанке против Михайловского дворца продается новый желтый дом, находящийся между домом графа Остермана и генерал-лейтенанта Вадковского».

Покупателей на дорогие хоромы долго не находилось. Тогда Нертовский разделил свой большой участок надвое и продал часть, выходившую на Моховую, с выстроенными там еще бывшей владелицей двумя каменными флигельками, купцу Барсукову (ныне участок дома № 31). О капитане Василии Ивановиче Нертовском известно только то, что, перейдя на гражданскую службу, к концу жизни он дослужился до чина статского советника и умер бездетным, жена его Наталья Симоновна скончалась ранее супруга.

В июле 1811 года в «Ведомостях» появилось извещение о его кончине: «Умершего статского советника Василия Иванова сына Нертовского попечители... извещая публику о кончине его... в 4 день Мая... вызывают всех тех, кои имеют на умершем какие-либо законные требования... явиться... в дом покойного, состоящий Литейной части во 2 квартале на реке Фонтанке под № 104...»

Вслед за тем, годом позже, газета публикует первое объявление о продаже дома. Цену назначили громадную – 125 тысяч рублей; немногие могли выложить такие деньги. Неудивительно, что, несмотря на повторные публикации, дело не могло сдвинуться с мертвой точки. Не помогали даже такие соблазны, как большой сад и «деревья в грунту».

В 1816 году, во исполнение духовного завещания покойного владельца и его супруги, продали с аукциона «принадлежащие г.г. Нертовским разные вещи, заключающиеся в бриллиантах, серебре, фарфоре, мебели и прочем». Наконец нашелся покупатель и на дом. Им оказался один из богатейших столичных крёзов – обер-егермейстер В. А. Пашков, женатый на сестре бывшего петербургского генерал-губернатора графине Екатерине Александровне Толстой, на чье имя и совершили купчую.

Василий Александрович Пашков (1764–1834) не отличался ни особенным умом, ни тем более образованием, зато имел крепкую деловую хватку, которая помогла ему не только не растратить, но и значительно приумножить унаследованное от матери богатство. О нем шла слава как об очень хорошем заводчике.

В. А. Пашков

Дочь Пашковых Евдокия, или Авдотья, как ее обычно называли, вышла замуж за бравого кавалериста – командира лейб-гвардии Гусарского полка В. В. Левашова. После смерти старика Пашкова и его супруги, ненадолго пережившей мужа, Левашова в феврале 1836 года купила дом у своих братьев за 400 тысяч рублей ассигнациями. С тех пор он превратился в родовое гнездо трех поколений графов Левашовых.

В. И. Левашов

Первый из них, Василий Васильевич, получивший этот титул в 1833 году, – отпрыск екатерининского флигель-адъютанта, командира Семеновского полка В. И. Левашова, добродушного циника, умевшего ладить как с самой императрицей, так и с ее сыном, что было значительно труднее; Василий Иванович принадлежал к тем немногим, кто во все царствование Павла ни разу не навлек на себя его гнева.

По словам самого Левашова, секрет прост: когда государь, любивший к нему обращаться, начинал говорить непонятными намеками, подкрепляя свои слова столь же малопонятными жестами, он отвечал ему знаком или гримасой, что все прекрасно понял, чем Павел всегда оставался доволен.

Василий Иванович никогда не был женат, но имел от разных связей нескольких «воспитанников». Перед одним из крупных сражений во время русско-шведской войны (1788–1791) Левашов послал Екатерине II письмо такого содержания: «Я имею от многих дам детей, коих число, по последней ревизии, шесть душ; но как по теперешним обстоятельствам я легко могу лишиться жизни, то прошу, чтобы по смерти моей означенные дети, которым я, может быть, и не отец, были наследники мои». Государыня приказала ответить, что воля Левашова будет исполнена. Василий Иванович на войне не погиб, но намерение свое исполнил, разделив имение между своим предполагаемым потомством, в числе коего был и усыновленный им Василий, будущий граф.

В 1799 году шестнадцатилетнего Левашова принимают на службу в канцелярию петербургского губернатора графа Палена. Через несколько месяцев он получает чин губернского секретаря, а уже в 1800-м – коллежского асессора, соответствующий чину майора. Такое молниеносное возвышение, вообще говоря, не редкость в павловское время, особенно если учесть благосклонное отношение императора к отцу юноши. Не подумайте, однако, что служба молодого Левашова заключалась в возне с бумажками, – отнюдь нет! Он рано сел на коня и довольно скоро сделался блестящим наездником. Те, кто впоследствии хотели кольнуть графа его прошлым, утверждали, что он начал службу в «полицейских драгунах». Если это и не совсем так, то не столь уж далеко от истины.

В. В. Левашов

Еще состояв на гражданской службе, Левашов сделался известен великому князю Александру Павловичу, и тот, едва вступив на престол, 13 марта 1801 года назначает его майором лейб-гвардии Кирасирского полка, а вскоре переводит в Кавалергардский. Василий Левашов участвует в Аустерлицком, Пултусском и во всех последующих сражениях с Наполеоном, получает боевые награды. В декабре 1812 года, в возрасте двадцати девяти лет, он производится в генерал-майоры, проходит всю Отечественную войну, а затем и заграничные походы; под Лейпцигом, в рукопашной схватке, получает тяжелое ранение, за что удостоивается ордена Святого Владимира 3-й степени.

Вернувшись на родину после войны, Левашов назначается в 1815 году командиром лейб-гвардии Гусарского полка. Кавалеристом он был отменным – недаром именно ему поручили

руководить обучением царскосельских лицеистов. Что же касается прочих достоинств, то с ними дело обстояло хуже. Один из его подчиненных так отзывался впоследствии о своем командире: «Левашов, кроме того, что был весьма неприятный начальник, был пренесносный человек... Сам он весьма плохо знал службу, а занимался мелкими эскадронными учениями... Человек он был вообще неглупый, но пустой...» Чванство и фанфаронство Левашова подтверждают и другие современники, отмечавшие также его корыстолюбие и жестокость к подчиненным.

Однако государи, коим он служил, дарили его неизменным расположением и доверием: Александр I назначил председателем военного суда над зачинщиками беспорядков в Семеновском полку в 1820 году, а Николай I – членом Верховного суда над декабристами, зная, что уж от Левашова пощады не будет.

Чуть ли не с материнской нежностью относилась к Василию Васильевичу и вдовствующая императрица Мария Федоровна, ласково именовавшая его в письмах «черненькие усики», хотя и пеняла на некоторую неотесанность и «странные манеры» своего любимца. Солдаты, которых «черненькие усики» вгонял в чахотку фухтелями²⁴, и офицеры, страдавшие от его неумеренного казнокрадства, вероятно, тоже могли бы кое-что сказать по этому поводу...

Достигнув всех возможных отличий, включая графский титул и бриллиантовые знаки к ордену Святого Андрея Первозванного, Василий Васильевич, покушав спелой дыни в холерный 1848 год, отправился на тот свет в должности председателя Государственного совета, завещав похоронить себя в новом парике, не имевшем ни одного седого волоса. «Хочу и в землю лечь молодцом» – таковы его последние слова. Замечательно, что такие люди, как граф Левашов, пролившие потоки чужих слез и крови, уходили в вечность, по-видимому, с совершенно спокойной совестью и с полным сознанием выполненного долга.

В своих записках М. А. Корф напишет о В. В. Левашове то, что можно сказать о большинстве сановников николаевского времени: «Отличительными чертами графа, при усердном и безотчетном исполнении воли царской, были: тиранический деспотизм над всем, от него зависевшим, и, несмотря на очень ограниченную способность к делу, безмерное тщеславие». Оно проявлялось во всем, в том числе и в невероятно роскошной обстановке особняка и устраиваемых в нем балов и празднеств.

Тот же Корф занес в свой дневник впечатления об одном из таких балов: «2 декабря 1838 г. – Трудно выдумать тут что-то новое, но у графа Левашова есть нечто чудесное, принадлежащее, впрочем, не столько к балу, сколько к дому: это огромная, бесконечная оранжерея, примыкающая к бальным залам, с усыпанными красным песком дорожками, освещенная тысячей кинкетов, которых огонь отражается в апельсиновых и лимонных деревьях. Кому надоест шум и жара бала, тот может искать здесь отдыха и уединения и, когда на дворе трещит мороз, наслаждаться всеми прелестями цветущего лета».

²⁴ Фухтель (от нем. Fuchtel) – палаш, которым в XVIII–XIX веках наносили плашмя удары провинившимся нижним чинам; по военно-уголовному уставу 1829 года заменен розгой (Майданов Д., Рыбаков И. Новый карманный словарь иностранных слов. Одесса, 1907).

Н. В. Левашов

Левашов оставил после себя двоих сыновей и дочь Екатерину, скончавшуюся в молодом возрасте. Старший из сыновей, Николай Васильевич, генерал-адъютант, в 1860-х годах занимавший должность орловского, а затем петербургского губернатора, в 1870-х исполнял обязанности помощника шефа жандармов и управляющего Третьим отделением; несмотря на известную склонность к «самочинству», он обладал наружным лоском и светскостью манер, которых не имел его отец, но в отношении способностей недалеко от него ушел.

Исчерпывающую характеристику этому деятелю дал государственный секретарь Половцов: «Левашов был типом великосветского человека своей эпохи, всегда любезный, вежливый, обходительный, он всегда и всюду был охотно приглашаем, не принося с собою ничего выходящего из ряда, но и ничего нарушающего приятное и веселое в обществе настроение. Он имел много приятелей в самых различных и даже противоположных слоях петербургского населения, хлопотал о городском хозяйстве, занимался фотографией, усердно посещал клуб и театр, внутренне сетуя, что не попал на высшие государственные должности, к чему, впрочем, он был совсем непригоден».

После смерти Николая Васильевича все довольно крупное левашовское состояние, включая дом на Фонтанке и имение Осинавая Роща, сосредоточилось в руках его младшего брата, женатого на дочери графа В. Н. Панина. Владимир Васильевич Левашов много лет прослужил на Кавказе, сначала адъютантом наместника, великого князя Михаила Николаевича, а позднее – кутаисским губернатором, откуда был переведен в Одессу на должность градоначальника. Достоинствами и недостатками он походил на старшего брата, поэтому воздержимся от их описания. А вот о жене его, Ольге Викторовне, стоит поговорить подробнее.

Внучка ее, княгиня Л. Л. Васильчикова, вспоминает о ней в восторженных тонах: «Бабушка, светская женщина с высокими умственными интересами, имела в себе столько содержания и личность ее была так ярка, что она... создавала вокруг себя собственную атмосферу. Я еще не встречала в жизни человека, у которого было бы столько друзей... Бабушка в свои привязанности и дружбы вкладывала всю душу. Ее щедрости не было границ... Ни на одну минуту моя бабушка не оставалась праздною, и праздность в других ее бесконечно раздражала. Если она не работала в саду, сажая и подстригая деревья, и не обходила подведомственных ей учреждений, то она составляла каталог своей библиотеки, или переплетала книги, или же выжигала по дереву. В этом она достигла большого художественного совершенства, и двери и панели ее дома на Фонтанке были ее работы».

Пристрастие графини Левашовой к садоводству нашло выражение в устройстве при доме зимнего сада, о чем также упоминает Васильчикова, сравнивая атмосферу двух особняков – бабушкиного, на Фонтанке, и прабабушкиного, на Караванной (нам еще предстоит знакомство с ним). В первом царил веселая энергия, источником которой была неутомимая Ольга Викторовна, а во втором, пропитанном запахом ковров и надушенной пудры, – угрюмая, застылая молчаливость.

Третье поколение графов Левашовых составляли две дочери Владимира Васильевича. Старшая – Мария, мать Л. Л. Васильчиковой, была замужем за князем Л. Д. Вяземским; к их младшему сыну Владимиру в 1895 году перешли фамилия и титул графов Левашовых. Дом же на Фонтанке после совместного владения обеими сестрами достался другой дочери, Екатерине, долго не находившей себе мужа, но после русско-японской войны вступившей в брак с одним из участников обороны Порт-Артура Константином Ивановичем Ксидо. Знакомство их состоялось при не совсем обычных обстоятельствах.

Княгиня Васильчикова, тогда еще княжна Вяземская, проживавшая в начале 1900-х годов с родителями в доме на Фонтанке (бабушки в то время уже не было в живых), рассказывает, что, воодушевленная героической защитой крепости, Екатерина Владимировна после ее капитуляции пригласила к себе в дом коменданта Порт-Артура А. М. Стесселя, приговоренного военным судом к смертной казни, но помилованного царем. Четыре месяца незадачливый генерал пользовался гостеприимством всего семейства, и в течение этого времени в доме не умолкали разговоры о войне, в беседах отводили душу сам комендант и его многочисленные сослуживцы, вернувшиеся с фронта.

По словам Васильчиковой, ни один из порт-артурских офицеров не отзывался о Стесселе плохо как о человеке, считая его если не умным, то, во всяком случае, храбрым и честным военачальником, а во всех бедах винили генеральшу, вмешивавшуюся во все дела мужа и игравшую при нем роль злого гения; последнее подтверждают и другие очевидцы.

Среди гостей Стесселя был и будущий супруг Екатерины Владимировны, вошедший в образованный позднее Кружок защитников Порт-Артура, имевший своей целью объединение усилий и оказание взаимопомощи бывшими воинами-портартурцами в создании музея обороны крепости; ведал он и выдачей медалей, с чем связана целая история.

Дело в том, что правительство России не посчитало нужным учредить для доблестных защитников Порт-Артура специальную награду, и тогда ее союзница Франция решила исправить эту несправедливость. По призыву газеты «L'echo de Paris»²⁵ французский народ собрал необходимые деньги, и на них частным образом изготовили медали в количестве 30 тысяч штук. Их переслали в Россию, но тут возникла неожиданная проблема: на оборотной стороне медали изображался геральдический лев, а ниже – надпись: «От Франции генералу Стесселю и его храбрым солдатам».

²⁵ «Эхо Парижа» (фр.).

Как же так, коменданта крепости предали суду, и вдруг его прославляют как героя? Долгое время медали хранились в Морском министерстве, где никак не могли придумать, что с ними делать. Наконец приняли такое решение: выдать их Кругу защитников Порт-Артура с тем условием, что с них на средства круга удалены будут слова «генералу Стесселю» и отломаны ушки, чтобы медали нельзя было носить на груди как награды. Но в этом случае они теряли свое значение и превращались в обычные памятные жетоны!

Естественно, круг портартурцев на это не пошел, но и возвращать медали обратно во Францию считал неэтичным.

В конце концов ушки пришлось все же отломать, но надпись осталась в первоначальном виде, и круг раздавал изуродованные награды «без права ношения». Помещался он по месту жительства его казначея капитана К. И. Ксидо, на Фонтанке, 18, куда и являлись участники обороны, желавшие получить медали. Но многие так и остались невостребованными вплоть до 1917 года, – очевидно, ветеранам было не до наград. Четвертый год продолжалась самая кровопролитная из всех войн, и в воздухе уже явно пахло революционной грозой.

До нашего времени бывший дом Левашовых дошел в неплохом состоянии: уцелела часть отделки первой четверти XIX века – наборные паркетные, лепные карнизы и прочие атрибуты богатого барского особняка. Вот только от сада, некогда существовавшего на обширном дворовом участке, не осталось и следа, зато вырос громадный шестиэтажный флигель, построенный в 1910–1911 годах, – примета нового времени, не щадившего, как известно, усадеб с соловьиными садами. А потом и для тех, кто старался жить в ногу со временем, пришли тяжелые времена, не пощадившие их самих и развеявшие по ветру плоды трудов их. Настало время собирать камни...

У Симеоновского моста (Дом № 32/1 по набережной Фонтанки)

Дома, как и люди, могут переживать на протяжении своего существования взлеты и падения. Периоды благополучия и процветания сменяются упадком и разрушением. Проходят годы, одна за другой следуют невосполнимые утраты, и вот уже вместо прежнего красавца на нас глядит потрепанный и обезображенный житейскими бурями старик. А со старостью приходят и болезни. Те самые, которыми страдает большинство петербургских домов; причина же заключается в отсутствии ухода и внимания, что придает им такой унылый, заброшенный вид.

Дом № 32/1 по набережной Фонтанки. Современное фото

Куда девались прежние резные двери парадных с ручками художественной работы, ажурные чугунные ворота и козырьки над подъездами? Сломаны, оторваны, выброшены на свалку или заменены жалкими, убогими поделками. И это не проходит безнаказанно. Не надо забывать, что как люди влияют на судьбу домов, так и дома в той же степени влияют на судьбы людей. Разрушения и опустошения в окружающей жизненной среде, в нашей с вами среде обитания, несут такие же разрушения в наше сознание. Обшарпанные фасады, изуродованные

парадные с выбитыми стеклами, опрокинутые мусорные баки в подворотнях калечат души, огрубляют и отупляют их ежедневно и ежечасно. Такова расплата за содеянное.

Дом № 32/1 по набережной Фонтанки и бывшей Симеоновской (ныне Белинского) улице тоже претерпел на своем веку немало превратностей. Четырежды он менял свое обличье, прежде чем стал таким, каким мы его видим на старой открытке, но ни в одном из прежних обликов дом не выглядел так плохо, как сейчас. Исчезла круглая угловая башня-бельведер, придававшая ему своеобразие, безвозвратно утрачена красивая пристройка, возведенная А. И. Штакеншнейдером и примыкавшая к основному зданию со стороны Фонтанки. Это наиболее ощутимые потери, сразу же бросающиеся в глаза; об остальных я не говорю, о них сказано выше.

И башня-бельведер, и пристройка на Фонтанке появились не сразу, в разное время, да и весь дом лишь постепенно разрастался в ширину и в высоту. Первоначально же на большом угловом участке у Симеоновского моста, доставшемся в приданое жене архитектора Ивана Старова, Наталье Григорьевне Демидовой, стоял лишь каменный двухэтажный дом – позднее его надстроили тремя этажами (ныне № 3 по улице Белинского).

Прожив несколько лет после женитьбы в другом своем доме, на Васильевском острове, зодчий с семьей переезжает в Литейную часть, поместив в 1776 году такое объявление в газете «Санкт-Петербургские ведомости»: «Каменной дом архитектора Ивана Старова, стоящий на Васильевском острове в 6-ой линии, третий от церкви святого Апостола Андрея Первозванного желающие купить, могут о цене спросить в доме его, что на Фонтанке, подле Симеоновского мосту, у него самого».

И. Е. Старов

Очевидно, переезд объяснялся началом строительства одного из самых капитальных творений Старова – Троицкого собора Александро-Невской лавры – и желанием быть поближе к месту работ. Прошло около десяти лет; дети подрастали, и Старов задумал выстроить на свободной части участка, ближе к мосту, другое, более просторное жилище. К 1790 году это было осуществлено, и семья архитектора переехала в новый трехэтажный дом, украшенный в угловой, скругленной части колоннадой ионического ордера. Он сразу занял видное место в панораме только что законченной каменной набережной Фонтанки. О том, как выглядело здание в ту пору, можно судить по картине Б. Патерсена и по старинным гравюрам конца XVIII века.

Удачное местоположение сразу же привлекло к нему внимание торговцев. Один из них поспешил открыть здесь трактир, о чем и сообщил печатно: «Санкт-Петербургский купец Иван Нирвин почтеннейше публику уведомляет, что в Литейной части, у Симеоновского мосту по Фонтанке, в доме г. Надворного Советника и Кавалера Ивана Егоровича Старова открыт 1-го номера Таврический трактир, где как приезжающие в здешнюю столицу, так и проезжающие оную, могут иметь ночлег и стол». Интересно, что хозяин трактира присвоил своему заведению название «Таврический», – вероятно, не без связи с одноименным дворцом, построенным владельцем дома.

В 1804 году Старов продал участок купцу Гусеву и переехал жить в приобретенный у него небольшой домик, расположенный в бывшем Гусевом переулке (название повелось от фамилии того же купца). Сам Гусев в доме на Фонтанке не жил, а сдавал его под различные съестные и питейные заведения. В нижнем этаже помещался ренсковый погреб, в среднем – трактир. Когда истек срок аренды помещения, в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление вроде нижеследующего: «Литейной части, во 2-м квартале, возле Симеоновского мосту, в угольном доме купца Гусева под № 145, отдается в наймы весь средний этаж из обширных комнат состоящий и весьма способный для заведения магазина и других торгов».

Б. Патерсен. Набережная Фонтанки у Симеоновского моста. Фрагмент. Около 1797 г. В центре хорошо виден незадолго до того построенный дом И. Е. Старова

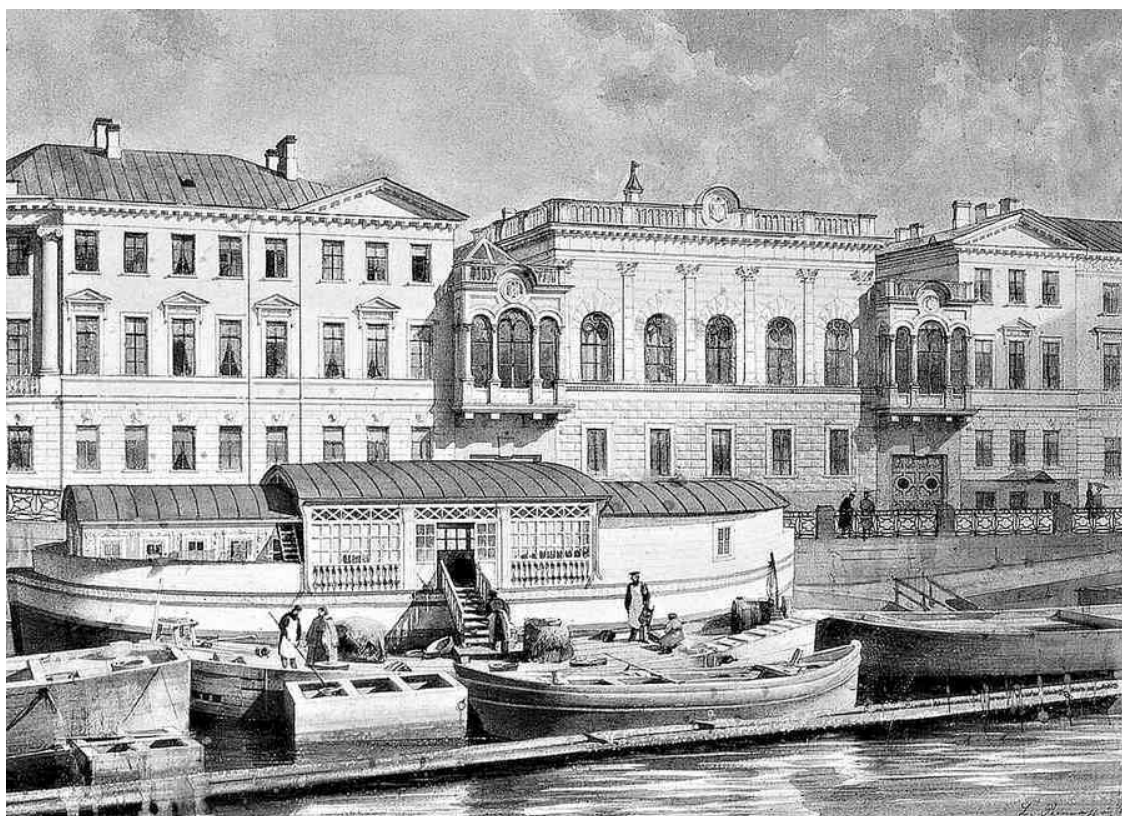
В 1816 году участок Гусева купила статская советница Масальская, разделившая его надвое (ныне участки домов № 1 и 3 по улице Белинского) и перестроившая бывший дом Старова. Она значительно удлинила часть здания, выходящую в Симеоновский переулок, застроив свободное пространство между домами, и, кроме того, возвела трехэтажный дворовый флигель. Претерпела изменения в духе времени и архитектурная обработка фасадов. К 1821 году все работы завершились, и Масальская продала часть участка, прилегавшую к Симеоновскому мосту, уже знакомому нам генерал-адъютанту графу Е. Ф. Комаровскому.

Как известно, Комаровский, повинаясь желанию Александра I, приобрел суконную фабрику на Охте, принадлежавшую разорившемуся барону Ралю. Покупка состоялась в 1822 году. Поначалу дела шли весьма успешно: из Англии выписали лучших мастеров, и, как пишет сам Комаровский, «сукна на Охтенской моей фабрике выделанные... приобрели уже совершенную доверенность публики и становятся почти наряду с лучшими иностранных фабрик».

На выставке российских мануфактурных изделий, состоявшейся в Петербурге в 1829 году, сукна Охтинской фабрики были признаны лучшими и удостоены большой золотой медали. Вся столичная гвардия одевалась в них. Однако постепенно обнаружилась неспособность графа к коммерческой деятельности, и его имущественные дела пришли в упадок. Дом у Симеоновского моста в 1836 году пришлось продать для уплаты лишь части долгов, сделанных за время существования фабрики.

Новый владелец, граф Г. Г. Кушелев (1802–1855), обладал крупным состоянием, унаследовав свою долю несметных богатств двоюродного деда, канцлера А. А. Безбородко. Григорий Григорьевич был человеком военным, участвовал в Персидском и Турецком походах 1827-го и 1828 годов и за отличие при взятии Шумлы получил капитанский чин. К моменту приобретения им дома он занимал должность вице-директора Артиллерийского департамента, а годом позже получил чин генерал-майора, с назначением в свиту императора. Кушелев был женат на Екатерине Дмитриевне Васильчиковой (1811–1874) (о ней нам еще придется говорить).

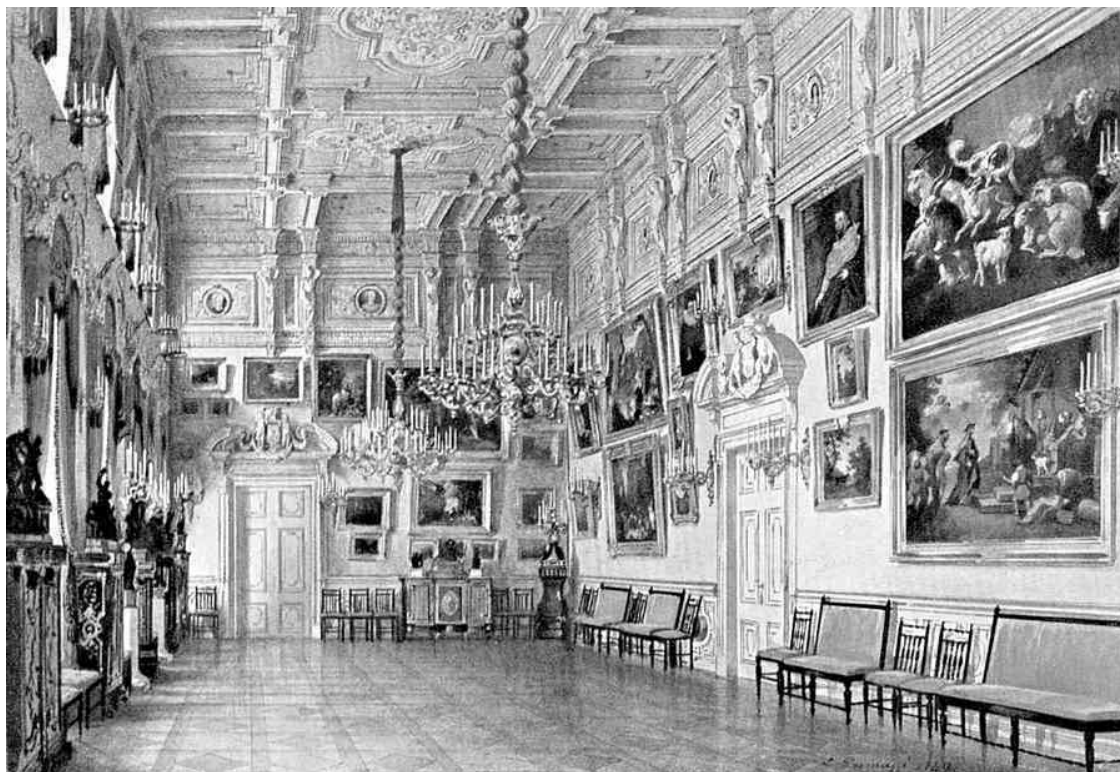
Обосновавшись в доме на Фонтанке, супруги перестроили его по проекту в то время еще молодого, но уже завоевавшего известность А. И. Штакеншнейдера, работавшего при дворе великого князя Михаила Павловича. Очевидно, выбор зодчего не случаен и объяснялся тем, что Кушелев служил в Артиллерийском ведомстве, находившемся под началом великого князя, и тот мог порекомендовать графу своего архитектора. Так или иначе, перестроенный и отделанный в новом вкусе дом поражал гостей роскошью. Зимой 1836/37 года Кушелевы начали давать в нем балы.

Л. Премацци. Дом графа Г. Г. Кушелева. 1840-е гг.

На одном из них побывала юная Машенька Толстая – дочь вице-президента Академии художеств, известного медальера и скульптора графа Ф. П. Толстого. Поскольку это был первый бал в ее жизни, он прочно запечатлелся в памяти, и многие годы спустя М. Ф. Каменская вспоминала: «В этом доме я в первый раз в жизни увидела роскошь и богатство русских бар. Особенно кушелевская столовая поразила меня, потому что у себя дома за столом я, кроме серебряных столовых ложек, никогда никакого серебра не видывала; у нас даже серебряных ножей и вилок в заводе не было, а подавались с деревянными ручками, а тут, вообразите, белая мраморная столовая по голубым бархатным полкам, этажеркам, буфету и столам положительно была заставлена старинною русскою серебряною и золотой посудой и саксонскими и севрскими сервизами. Мало того, не знаю зачем, тут же в столовой стояла семейная кушелевская редкость: литая из чистого серебра большая лошадь на таком же массивном серебряном пьедестале; ... в этом коне верно было что-нибудь особенно замечательное, потому что в продолжение всего бала около него стояли генералы в орденах, какие-то сановники в лентах и звездах и не переставали судить и рядить, сколько в этой лошади может быть весу и сколько она может стоять». Это не лишнее язвительное описание дает наглядное представление о тогдашней обстановке дома и о богатстве его хозяев.

А. И. Штакеншнейдер и в будущем выполнял заказы Кушелевых. В 1846 году он возвел на свободном участке набережной Фонтанки, между основным зданием и флигелем, новый дом-пристройку, блеснув присущими ему талантом и изобретательностью. К тому времени Штакеншнейдер считался уже одним из лучших зодчих, и обозреватель журнала «Иллюстрация» за 1848 год, упоминая в числе примечательных зданий в столице и пристройку к дому Кушелева, писал, что «Штакеншнейдер и Боссе занимают самое высокое место в многочисленном ряду отличнейших архитекторов».

Л. Премацци. Танцевальный зал в доме Г. Г. Кушелева. Архитектор А. И. Штакеншнейдер. 1840-е гг.

Фасад пристройки был оформлен в стиле раннего флорентийского Возрождения, с пилястрами между окон и сплошным рустом. Отличительной особенностью здания являлись два эркера интересного рисунка, нависавшие над въездными воротами. Но если дом привлекал внимание снаружи, то внутри он производил еще более сильное впечатление. Сохранились акварельные изображения интерьеров дома Кушелева, выполненные, скорее всего, в 1840-х годах художником Л. О. Премацци. Два из них опубликовал в 1915 году журнал «Столица и усадьба».

На первой акварели изображен танцевальный зал с двойным светом, находившийся в основном корпусе; на стенах висит множество картин – часть знаменитого собрания А. А. Безбородко, унаследованная графом по разделу с братом и теткой – княгиней К. И. Лобановой-Ростовской. Старый граф Кушелев остался очень недоволен тем, что его сыновья согласились взять картинную галерею и предметы искусства, собранные их дедом, предоставив вместо этого тетке богатые и доходные поместья. «Вы взяли игрушки, а ей отдали настоящее имение», – пенял он старшему сыну. Некоторые из тех «игрушек» ныне украшают эрмитажную коллекцию. Кроме картин бросается в глаза великолепная отделка зала, осуществленная по проекту А. И. Штакеншнейдера.

Л. Премацци. Кабинет в доме Г. Г. Кушелева. Архитектор А. И. Штакеншнейдер. 1840-е гг.

Вторая акварель изображает кабинет графа в пристройке, выходившей на Фонтанку. Обращают на себя внимание кессонированный потолок и прекрасный мраморный камин, изготовленный на манер ренессансного надгробия. Присмотревшись, можно также разглядеть в правом углу серебряную лошадь, упоминаемую М. Ф. Каменской.

Графу Кушелеву, так же как его брату и племянникам, не суждено было долголетие: он умер пятидесяти трех лет от роду, в один год с Александром Григорьевичем Кушелевым-Безбородко, не оставив потомства. Екатерина Дмитриевна пережила мужа почти на двадцать лет, и ее вдовство скрасило обстоятельство, начало которому положило одно неожиданное событие, случившееся задолго до смерти мужа.

В одну из июньских ночей 1841 года к подъезду кушелевского дома подбросили корзинку с младенцем женского пола. Интересно, что в ту же ночь такую же корзинку, и тоже с девочкой, подкинули к особняку известного богача барона Штиглица. По слухам, это была внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича, получившая при крещении имя Надежда. Кушелевы, как и барон Штиглиц, приняли найденыша и назвали ее Марией.

Е. Д. Кушелева

Обе девочки выросли в домах своих приемных родителей, окруженные роскошью и заботой, обе получили прекрасное воспитание. Впоследствии Мария Григорьевна Кушелева, унаследовавшая фамилию и отчество графа (но без его титула), вышла замуж за князя Бориса Николаевича Голицына, ставшего, как полагали многие, причиной последующего разорения всей семьи. Вряд ли, однако, причина лишь в мотовстве князя, просто наступили другие времена, жить и хозяйничать по-старому после отмены крепостного права стало уже невозможно.

Екатерина Дмитриевна Кушелева, по замечанию хорошо знавшего ее современника, была «дивным, уже вымирающим типом большой русской барыни доброго старого времени». Это видно хотя бы из того, что огромное состояние не помешало ей разориться. Последней в Петербурге старушка Кушелева выезжала на четверике цугом. Непосильные расходы вынуждали ее распродавать вещи из дедовской коллекции.

Секретарь английского посольства Румбольд, находившийся в Петербурге с 1868-го по 1871 год, пишет в своих воспоминаниях: «Красивый старинный особняк Кушелевых на углу Фонтанки был еще переполнен восхитительной мебелью и ценными предметами искусства, но из года в год на сцену появлялся Дэвис или иной крупный лондонский или парижский антикварий, а вслед за их посещением из дворца исчезала какая-нибудь единственная в своем роде севрская ваза или портрет кисти Грёза, и милая старая графиня с печальной улыбкой

оправдывалась: «Вы знаете, мой милый, я должна была уступить эту вещь – мне ведь за нее предложили такую хорошую цену!»

В последние годы жизни вконец разорившаяся Е. Д. Кушелева сдавала большую часть дома под ресторан, оставив за собой лишь несколько комнат и домовую церковь, помещавшуюся в верхнем этаже, как раз над обеденным залом. По иронии судьбы старый трактир, хоть и в новом обличье, снова воцарился в прежних барских хоромах.

Вот впечатления очевидца, за тридцать лет до этого бывавшего здесь на великосветских балах: «Шел я как-то по Симеоновскому мосту и взглянул по старой памяти на барские дома. Когда дошла очередь до дома графа Кушелева, – смотрю и глазам не верю: вывеска, и на ней написано «Русский ресторан» или что-то подобное. Не ошибся ли я? Опять оглядываюсь: да, это так! Почти бегом влетел я в ресторан. Да, это та самая лестница. Но вместо лакеев в красных livреях и поднимавшихся и опускавшихся между ними представителей большого света, по тем же ступеням навстречу мне спускались тарелки с объедками и сзади меня вверх летели половые с битками, пивом и прочим. Кухонный смрад просто душил пришельца с вольного воздуха; иду дальше, ищу той огромной танцевальной залы, где, по тогдашнему обычаю, граф Кушелев в мундире, в ленте, при сабле и с каскою в руках, встречал в дверях лиц царской фамилии. Вот и она, эта зала; остатки прежнего великолепия, позолота, орнаменты еще заметно выделялись из грязи и копоти. Там, где, бывало, танцевали, разглядывали друг друга разодетые по последней моде дамы, где увивался около них цвет гвардейских и прочих танцоров, где сверкали сверху и снизу огни и бриллианты, там сновали из угла в угол половые, раздавался звон вилки по стакану или полупьяный голос: «Эй, малый, шипучего!» Табачный дым застилал скудный свет петербургского утра, и мало кто из новых гостей знал и вспоминал о былых!»

Возвращаясь к приемной дочери графини Кушелевой, Марии Григорьевне, или, как звали ее близкие, Мане, следует сказать, что, не отличаясь красотой, она обладала большим обаянием и славилась острым языком. Разойдясь со своим первым мужем Б. Н. Голицыным, она вторично вышла замуж за итальянского маркиза Инконтри, сделавшись таким образом «маркизой Маней». Жила она на своей вилле близ Флоренции, а в Петербурге остался ее сын Борис Борисович Голицын (1862–1916), ставший выдающимся ученым.

Набережная Фонтанки у Симеоновского моста. Фото 1900-х гг. Справа – дом графа Г. Г. Кушелева

В детстве он рос в холе и неге, балуемый обожавшей его бабушкой и наряжаемый в бархатные курточки, но впоследствии поступил в Морское училище, где обнаружил блестящие способности. Сделавшись позднее профессором Морской академии, князь Б. Б. Голицын стяжал почетную известность в области физики и высшей математики. Особенно велики его заслуги в сейсмологии – он считается одним из ее основоположников; именно Голицын заведовал Петербургской сейсмической станцией. В 1908 году его избрали академиком.

Князь был женат на Марии Константиновне Хитрово, женщине с большим юмором и выдающимся комическим талантом, унаследовавшей от своей свекрови знаменитые кушелевские жемчуга. За год до революции она сделалась единственной обладательницей остатков некогда богатейшей коллекции предметов искусства. Публикуемые акварели Л. О. Премацци и портрет Е. Д. Кушелевой работы П. Ф. Соколова также ранее находились в этом собрании.

После смерти старой графини дом купил инженер В. А. Дембицкий, перестроивший его в 1879 году по проекту архитектора П. С. Купинского, с переделкой фасадов в эклектическом стиле и добавлением одного этажа. Тогда-то и появились круглая башня-белvedere, придавшая зданию неожиданное своеобразие, и два металлических балкона. Угловую, скругленную часть, как и прежде, украшал портик, на этот раз из каннелированных полуколонн коринфского ордера, правда, довольно неудачно заслоненных эркером. И башня, и эркер ныне утрачены, и если второе не вызывает сожаления, то о первом этого не скажешь.

В 1880-х годах дом обретает своего последнего хозяина в лице графа Алексея Павловича Игнатьева, а после его гибели в 1906 году им до самой революции владела вдова покойного Софья Сергеевна. Игнатьевы владели в столице пятью домами, но сами жили вначале на Надеждинской улице, а затем на Гагаринской набережной, в родительском особняке.

А дом у Симеоновского моста, изменив наружный облик, изменил и образ жизни, превратившись из аристократа поначалу в респектабельного буржуа, а затем – в нищего, растерявшего все барские атрибуты и уповающего отныне только на людское милосердие.

Историк, не написавший истории (Дом № 16/6 по Захарьевской улице)

Вряд ли многие горожане сумеют узнать на публикуемой фотографии 1880-х годов изображенную на ней улицу – слишком многое здесь изменилось: не осталось и в помине двух украшавших ее церквей, одни дома перестроены, а другие (их легко узнать) – построены заново, вместо булыжников – асфальт, посередине разбит бульвар... Впрочем, не буду загадывать загадок и сразу скажу, что перед нами – часть Захарьевской улицы между Воскресенским проспектом и Потемкинской, упирающаяся в Таврический сад.

Дом № 16/6 по Захарьевской улице. Современное фото

Угловое здание с левой стороны – старинный, не дошедший до нашего времени дом купца-старообрядца И. И. Милова, владевшего им с 1788 года. Ранее, в течение десяти лет, участок принадлежал выдающемуся русскому историку Ивану Никитичу Болтину (1735–1792). Происходил он из богатой дворянской семьи, в молодости служил в Конногвардейском полку, где познакомился и подружился с Г. А. Потемкиным, а в 1769-м вышел в отставку и в течение нескольких лет усердно пополнял свое образование. Потом Болтин служил в Васильковской таможне в Киевской губернии, а с 1778 года, благодаря протекции вошедшего в силу Потемкина, его перевели в Петербург, сначала в Главную таможенную канцелярию, а затем – прокурором в Военную коллегию.

Захарьевская улица. Фото 1880-х гг.

Иван Никитич поселился с женой и дочерью в купленном им доме в Литейной части и успешно сочетал служебные обязанности с изучением древней истории России по летописям, грамотам и напечатанным к тому времени сочинениям, в частности В. Н. Татищева, которого он чрезвычайно чтит. Примечательно то, что хотя Болтин не написал собственной «Истории России», как это сделали тот же Татищев или М. М. Щербатов, и его главные труды имеют форму критических замечаний на произведения других авторов, взгляды его как историка отличаются удивительной цельностью и продуманностью.

И. Н. Болтин

Суть их состоит в новой оценке национального своеобразия Руси; не отвергая западного просвещения, он в то же время ратует за сохранение собственных нравов и обычаев, видя в них залог самобытности, а в более широком смысле – самосохранения русских как нации. Важнейшей предпосылкой для этого Болтин считает уважение и любовь к родному языку, достаточно богатому и гибкому, чтобы выразить любую мысль, не прибегая к иностранным заимствованиям.

«В царствование Елизаветы, – пишет он в «Примечаниях на историю... России г. Леклерка», – введено было в язык русский множество слов французских, не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что называется французским... Не взирая на всеобщее осмеяние и укоризну, довольно еще осталось таких, кои, будучи воспитаны в руках французских и научась от них от юности все русское презирать, не хотя узнать природного своего языка и не умея на нем объясняться, мешают в разговоре своем половину слов французских. Знающие же природный свой язык, кроме необходимости, иностранных слов в разговорах не употребляют, а на письме и того меньше».

Очевидно, эти в высшей степени разумные воззрения Ивана Никитича и привели его в конце концов к разрыву с зятем – П. А. Соймоновым, воспитывавшим двух своих дочерей (внучек Болтина) как раз в духе полного пренебрежения ко всему русскому. В результате обе они впоследствии перешли в католичество, причем старшая – С. П. Свечина, ревностная поборница папской власти, – едва не была причислена церковью к лику святых.

Полагая, что главным фактором, формирующим государственный порядок, является национальный характер, а тот, в свою очередь, определяется климатом и физическим местоположением, Болтин приходит к выводу, что Россия ни в чем не похожа на другие европейские государства и у нее собственный путь. Полемизируя с западными историками, не понимавшими особенностей страны, о которой они брались судить, он насмешливо замечает: «О России судить, применяя к другим государствам европейским, есть то же, что шить на рослого человека платье по мерке, снятой с карлы».

Как тут не вспомнить бессмертные тютчевские строки:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.

И. Н. Болтин верил в Россию, как верили в нее его друзья – граф А. И. Мусин-Пушкин и И. П. Елагин; вместе с ними он готовил к печати «Русскую правду», свод древних законодательных актов, а также переводил и комментировал «Слово о полку Игореве». Князь Потемкин, с глубоким уважением относившийся к Ивану Никитичу, привлек его к работе по топографическому описанию новоприсоединенного Крыма.

Такие люди, как И. Н. Болтин, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, будили национальное самосознание, подготавливая почву для будущих историков и прокладывая дорогу Н. М. Карамзину, С. М. Соловьеву, В. О. Ключевскому. В этом их великая и непреходящая заслуга.

После Болтина дом перешел к купцу Милову, а потом к его дочери. Именно она пожертвовала смежный пустопорожний участок под единоверческую церковь в честь Святого Николая, построенную 1845–1851 годах по проекту архитектора Н. Е. Ефимова. Вместе с виднеющимся вдали полковым храмом Кавалергардского полка она определяла панораму этого отрезка Захарьевской.

Бывший дом Болтина перестал существовать в 1910 году, храмы снесены в советское время, а на их месте и на месте старинных конюшен и казарм по обеим сторонам улицы выросли малопривлекательные здания Инженерно-строительного училища и угнетающие своим унылым однообразием постройки брежневской эпохи. Вот так, без войн и бомбежек, постепенно, шаг за шагом уничтожались красота и та особая поэзия старины, которая – увы, эта фраза стала уже стереотипной – осталась только на фотографии...

«Где стол был яств...» (Дом № 7 по улице Чайковского)

Среди ранних построек Г. А. Боссе особого внимания заслуживает особняк на бывшей Сергиевской улице, 7. По своей архитектуре он схож с другим зданием, возведенным зодчим в это же время, то есть в начале 1840-х годов, на Литейном проспекте (дом № 37–39), со знаменитым парадным подъездом, украшенным кариатидами. Разумеется, между ними существуют и заметные различия: первый гораздо скромнее, старомоднее, наконец, просто меньше. Но их роднят общие стилевые особенности, знаменующие переход от позднего классицизма к неоренессансу.

Дом № 7 по улице Чайковского. Современное фото

Участок, где ныне стоит дом № 7, застроен довольно поздно; до середины 1830-х годов здесь находился пустырь, принадлежавший некой коллежской ассессорше Ефремовой, продавшей его в 1835 году действительной статской советнице Донауровой. Новая владелица возвела на нем двухэтажный каменный дом на высоких подвалах, с простым фасадом в тринадцать окон.

Как это часто бывало, новый дом она тут же заложила в банк, где его приторговал известный государственный деятель М. М. Сперанский, решивший вновь обзавестись собственным жильем на очень памятной для него Сергиевской улице. (Четверть века назад он уже владел домом на углу Потемкинской и Сергиевской, откуда в мартовскую ночь 1812 года его увезли в долгую ссылку.)

М. М. Сперанский

Но очевидно, неприятные воспоминания не слишком мучили Михаила Михайловича, а может быть, просто потянуло в знакомые места. Так или иначе, в 1833 году он вступил в переговоры с хозяйкой новоотстроенного дома относительно его покупки. Однако объявленная Донауровой цена – 240 тысяч рублей – обескуражила Сперанского: таких денег он не имел. Пришлось обратиться за помощью к царю. В результате дом он приобрел в рассрочку, с обязательством выплачивать за него в течение тридцати семи лет по 15 тысяч рублей ежегодно. Если учесть, что за наемную квартиру ему приходилось платить по 14 тысяч в год, то выгода становилась очевидной.

В сентябре 1838 года новый владелец поселился в своем особняке на Сергиевской, а тремя месяцами позже император Николай I приказал списать весь долг, лежавший на доме, так что он достался Сперанскому совершенно бесплатно. В довершение милостей 1 января следующего года Михаил Михайлович возводится в графское достоинство. Однако прожил после этого новоиспеченный граф недолго: 11 февраля его не стало.

После смерти отца дочь покойного продала дом супруге поручика конной гвардии Эммануила Дмитриевича Нарышкина. С ним мы уже неоднократно встречались, поэтому здесь я скажу лишь несколько слов о его первой жене, ей, собственно, и принадлежал особняк.

Екатерина Николаевна Нарышкина, урожденная Новосильцева, по замечанию современника, «была очень некрасива собой; при всей изысканности туалета она казалась небрежно одетой, но, тем не менее, силилась корчить львицу», давая тем самым повод для насмешек своему злоязычному родственнику Льву Кирилловичу Нарышкину.

Купив особняк, новые хозяева приступают в 1841 году к его перестройке по проекту Г. А. Боссе, придавшего ему снаружи вид, сохраненный и по сей день, не считая навеса у подъезда, добавленного позднее. Два года спустя тот же Боссе пристраивает к лицевому зданию три дворовых флигеля, и дом становится доходным.

В связи с перестройкой бывшего дома Сперанского большой почитатель покойного, граф М. А. Корф, в своих «Записках» весьма справедливо заметил: «Когда Франция и Германия благоговейно сохраняют дома, в которых жили или окончили свое земное поприще их великие люди... о Сперанском, одном из самых ярких светил нашей народной славы, остаются напоминать потомству только надгробный камень на кладбище Александро-Невской лавры и – великие его дела! Мне пришло это на мысль, когда в Екатеринин день 1844 года я играл в карты у мужа одной из именинниц, Эммануила Нарышкина... и играл в том же доме на Сергиевской, близ Летнего сада, почти на том же месте, где в 1839 году испустил дух граф Михаил Михайлович (Сперанский. – А. И.), но в комнате, которой, после переделки всего дома, нельзя было узнать под новую ее форму».

В начале 1850-х годов особняк переходит к генерал-адъютанту Сергею Павловичу Сумарокову (1793–1875), внучатому племяннику известного драматурга XVIII века. Не чуждался литературы и его батюшка Павел Иванович, горячо отстаивавший, как читатель, вероятно, помнит, превосходство своего дяди А. П. Сумарокова над М. В. Ломоносовым в спорах с его внучкой.

С. П. Сумароков

Сам Сергей Павлович, однако, ни в малейшей степени не обладал литературными наклонностями и, как говорили в старину, «предпочитал Аполлону Марса». Проще сказать, его смолоду привлекали ратные подвиги, и впоследствии он показал себя храбрым и находчивым воином. Это не мешало ему любить музыку и быть неплохим пианистом.

Боевое крещение, еще юношей, Сумароков принял на Бородинском поле, где был ранен, а затем награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». После Отечественной войны 1812 года Сергей Павлович ревностно принялся за изучение артиллерийского дела и хорошо проявил себя также в последующих битвах и сражениях. К 1851 году он дослужился до высокого чина генерала от артиллерии и поселился с женой и тремя дочерьми в купленном у Нарышкиной доме, расположенном неподалеку от места его службы.

За время командования гвардейской артиллерией С. П. Сумароков ввел немало новшеств и усовершенствований, причем то, что он вводил в гвардии, как правило, распространялось затем во всей армии.

Один из современников, служивших под началом графа, так отзывался о нем: «Сумароков был чрезвычайно взыскателен по службе, особенно с офицерами. Он был небольшого роста, ходил несколько согнувшись и с тростью. Седоватый паричок или накладка придавали его лицу, очень схожему с существующими портретами Фридриха II, особый тип. Офицеры не

любили Сумарокова и называли его «Куницею». Зато солдаты очень к нему благоволили за то, что он заглядывал на кухню и ограждал их от произвола ближайших начальников».

26 августа 1856 года его назначают членом Государственного совета, и в том же году он получает графский титул. К тому времени здоровье Сергея Павловича уже пошатнулось, – давали о себе знать старые раны, – поэтому в дальнейшем его служба носила скорее почетный характер. Скончался он в возрасте восьмидесяти двух лет.

В начале 1860-х годов первый этаж дома Сумарокова снимала графиня Мария Григорьевна Разумовская (1772–1865), вывозившая в свет свою внучку, княжну М. Г. Вяземскую, – задававшая ради нее великолепные балы. Судьба графини, которую, по словам П. А. Вяземского, «все любили, но не все знали», интересна и довольно романтична.

М. Г. Разумовская

Почти ребенком ее выдали замуж за князя А. Н. Голицына, быстро промотавшего свое и женино состояние. Делал он это совершенно по-купечески: поил кучеров шампанским, раскуривал трубки своих приятелей крупными ассигнациями, горстями швырял извозчикам золото в окно, чтобы те толпились у его подъезда, и т. д. Естественно, их брак не стал счастливым; на долю молодой княгини выпало скучать в одиночестве да подписывать мужнины векселя, ожидая скорого и неминуемого разорения.

Утешитель явился к ней в лице графа Л. К. Разумовского, младшего сына гетмана. Лев Кириллович считался одним из первых петербургских щеголей и пользовался громадным успехом у женщин. Красавицы дарили его своей благосклонностью, и нередко к нему переходили «по наследству» дамы, бывшие ранее любовницами его старшего брата Андрея. И этот-то донжуан и повеса не на шутку увлекся Марией Григорьевной, обладавшей, судя по сохранившимся портретам и воспоминаниям современников, своеобразной внешностью.

Воспользовавшись пристрастием князя к карточной игре, Разумовский в один прекрасный день обыграл его на круглую сумму – 60 тысяч рублей – и согласился простить этот долг лишь при условии, что Голицын уступит ему свою жену. Недолго думая, тот согласился, и сделка состоялась. В 1802 году Мария Григорьевна обвенчалась со Львом Кирилловичем, и они поселились в Москве, в особняке графа. Вначале светское общество встретило этот брак в штыки, но со временем, вслед за императором Александром I, вынуждено было примириться.

Рассказывают, что бывший муж графини, князь Голицын, тайком пробирался в сад графского особняка, залезал на липу, стоявшую под окном, и наблюдал за тем, что происходило в доме. Заметив это, Лев Кириллович предложил ему не утруждать себя взлезанием на дерево, а для удобства наблюдения просто-напросто поселиться у него, на что совершенно разорившийся к тому времени князь охотно согласился, выступая в дальнейшем в роли приживала.

В шестьдесят лет М. Г. Разумовская еще превосходно ездила верхом, изумляя знакомых юношеской осанкой. У нее имелась одна слабость: непреодолимая страсть к нарядам, не совсем обычная даже в то время и в той среде. Она ездила за ними в Париж, привозя оттуда какую-нибудь «безделицу» вроде трехсот платьев, причем предпочитала яркие цвета. Перед коронацией Александра II, когда ей стукнуло уже восемьдесят четыре года, она специально поехала в Париж, чтобы запастись там новыми туалетами.

При всем этом М. Г. Разумовская привлекала к себе людей многими хорошими качествами. По отзыву П. А. Вяземского, она была личностью правдивой и чистосердечной. «Под радужными отблесками светской жизни, – добавляет он далее, – под пестрою оболочкою нарядов парижских, нередко таятся в русской женщине сокровища благодущия, добра и сердоболия». В последние два года жизни слух и память часто изменяли старушке: ей случалось говорить «прощайте» людям, только что вошедшим в ее гостиную. Но до самого конца ей не изменяло постоянное доброжелательное отношение ко всем и каждому.

После смерти Сумарокова дом переходит по наследству к его внучке Екатерине Алексеевне Мордвиновой, урожденной княжне Оболенской. Незадолго перед тем в семье старшей дочери Сумарокова разразилась тяжелая драма. Зоя Сергеевна, бывшая замужем за князем А. В. Оболенским, мать пятерых детей, отправилась вместе с ними за границу. В Риме она познакомилась с польским политэмигрантом Мрочковским, служившим в гостинице, где остановилась княгиня, чем-то вроде метрдотеля.

Красавец-поляк поразил воображение восторженной дамы рассказами о польском восстании, в котором он принимал участие, и она без памяти в него влюбилась. В Россию Оболенская больше не вернулась, поселившись в Швейцарии. Мрочковский ввел Зою Сергеевну в среду польских и русских революционеров, ставших завсегдатаями ее гостиной. В их число входили анархисты – Михаил Бакунин и Элизе Реклю, подчинившие княгиню своему влиянию.

Ее муж, А. В. Оболенский, обратился к швейцарскому правительству с требованием вернуть ему детей, что и было исполнено. С матерью осталась лишь одна из дочерей, но вскоре умерла. Другая же, Екатерина (ей в ту пору минуло уже пятнадцать лет), успела набраться революционных идей; живя у отца в Петербурге, она вела себя самостоятельно, завела свой круг знакомств и считалась «нигилисткой» – ходила со стриженными волосами, в очках и носила платье мужского покроя.

С. П. Боткин

Вступив в брак с неким Мордвиновым, Екатерина Алексеевна довольно рано овдовела и в конце 1876 года вышла замуж за выдающего медика Сергея Петровича Боткина (1832–1889). «Молодые» были уже не первой молодости, оба успели овдоветь, у Сергея Петровича к тому же от первого брака осталось шестеро детей, но это не помешало их счастью. Екатерина Алексеевна родила мужу еще шесть дочерей и одного сына, умершего, к большому горю родителей, в пятилетнем возрасте.

Научная и практическая деятельность С. П. Боткина широко известна, менее известны подробности его личной жизни.

Время, свободное от занятий медициной, охотнее всего он посвящал музыке, с увлечением отдаваясь игре на виолончели. Долгое время Сергей Петрович брал уроки у известного виолончелиста. По словам самого Боткина, именно музыка заряжала его необходимой энергией для основной работы. Даже уезжая на лечение куда-нибудь на воды, он не расставался с виолончелью. Однажды случилось так, что встречавшие его с почетом на вокзале во Франценсбаде врачи, не зная знаменитого коллегу в лицо и увидев среди багажа прибывшего Боткина два футляра с виолончелями, решили, что это странствующий музыкант, приехавший с концертами.

Непременным составным элементом городской жизни веселого и общительного Боткина в течение нескольких десятков лет были субботние собрания, начинавшиеся не ранее девяти

часов вечера и нередко затягивавшиеся до четырех утра. «На этих субботах, – вспоминал один из друзей Сергея Петровича, – в течение тридцатилетнего их существования успел перебивать чуть ли не весь Петербург, ученый, литературный и артистический...»

Во время таких собраний гости рассаживались за длинным столом и начинались бесконечные рассказы, прерываемые то и дело взрывами смеха. Когда же по воскресным дням все семейство оказывалось в сборе, то Сергей Петрович, «окруженный своими двенадцатью детьми, в возрасте от тридцати лет до годовалого... представлялся истинным патриархом». Дети его обожали, хотя он поддерживал строгую дисциплину и требовал безоговорочного повиновения. Несомненно, в этом сказывалась купеческая закваска Боткина, выходца из старинной династии московских чаеоторговцев. Как все сильные люди, он отличался мягким и уживчивым нравом, избегал ссор и не любил праздных споров.

В 1889 году, вынужденный по состоянию здоровья уехать на лечение за границу, С. П. Боткин умирает в Ментоне.

Вдова покойного продает дом на Сергиевской графине Марии Эдуардовне Клейнмихель (1846–1931), богатой петербургской домовладелице, в течение нескольких десятилетий поддерживавшей великосветский салон, где бывали видные государственные деятели и крупные чиновники. Она всегда находилась в курсе всех политических новостей и слухов, перемещений в правительстве и т. д. В. Н. Ламздорф, хорошо знавший графиню, называет ее в своем «Дневнике» особой «весьма предприимчивой во всех отношениях», а также «весьма подвижной и чрезвычайно склонной вращаться в свете».

Эти похвальные качества, а главное – необыкновенная осведомленность во всем, что касалось политики, навлекли на Марию Эдуардовну во время Первой мировой войны подозрения в сотрудничестве с германской разведкой. Было ли так в действительности, сказать трудно, однако мемуары, написанные ею в эмиграции, заставляют усомниться в этом. Как бы там ни было, она не пожалела отдать в 1915 году свою роскошную виллу на Каменном острове под лазарет для раненых солдат.

М. Э. Клейнмихель

М. Э. Клейнмихель недолго владела домом, и в 1894 году он переходит к князю Михаилу Сергеевичу Волконскому, купившему его по выходе в отставку взамен особняка на Гагаринской набережной. К тому времени Михаил Сергеевич, записанный при рождении заводским крестьянином, сын каторжника, лишенного всех прав состояния, стал уже обер-гофмейстером и членом Государственного совета, а до этого в течение двенадцати лет занимал пост товарища министра народного просвещения.

В. М. Волконский

Вместе со старым князем поселились его сыновья – Владимир, унаследовавший дом после смерти отца в 1909 году, и Сергей. Оба брата в разное время занимали высокие государственные должности, но в совершенно различных областях. Владимир Михайлович в последние годы царствования Николая II исполнял обязанности товарища министра, а вернее – министров внутренних дел, их сменилось четверо или пятеро, а Сергей Михайлович в 1899–1901 годах находился на посту директора Императорских театров.

Несмотря на непродолжительность своего директорства, С. М. Волконский успел сделать кое-что полезное: во-первых, привлек к оформлению декораций художников-«мирискусников», в первую очередь Л. Бакста, а во-вторых, осуществил кое-какие новшества в репертуаре, введя на русскую оперную сцену произведения Вагнера.

К сожалению, система фаворитизма, господствовавшая в Императорских театрах, вскоре прервала его деятельность. Из-за пустячного столкновения с Матильдой Кшесинской ему пришлось уйти в отставку, что он и сделал с большим достоинством. Так закончилась театральная карьера Сергея Волконского.

С. М. Волконский

Что же касается политической карьеры его брата, то о ней пишет в своих воспоминаниях тот же Сергей Михайлович: «Николай II хорошо его знал, они в детстве вместе играли; государь звал его «Володя». Но положение становилось все невыносимее. Честность должна была задохнуться или уйти... Брат ушел. Все хорошее в нем оказалось не нужно. Лучшие люди целого поколения оказались не нужны».

Очевидно, эти горькие строки автор относил и к самому себе. Все лучшее в нем тоже оказалось невостребованным, и он вынужден был в 1921 году покинуть родину среди всеобщего хаоса и озверения...

Ныне в бывшем особняке на Сергиевской находится онкологическая больница, и ничто не напоминает больше о людях, живших здесь.

Стоматологический особняк (Дом № 27 по улице Чайковского)

В прошлом Сергиевская (ныне улица Чайковского) считалась одной из самых аристократических в Петербурге и изобиловала барскими особняками. В советские времена многие из этих зданий отдавались под учреждения, причем если туда вселялся райком партии или исполком, то новые хозяева стремились поддерживать наружный и внутренний блеск, который как бы переходил на них самих, придавая им должную внушительность и рождая в посетителях священный трепет перед властью; если же бывший особняк занимало медицинское или, к примеру, учебное заведение, то в силу естественных причин он быстро терял прежний лоск и из «недорезанного буржуя» превращался во вполне лояльного пролетария, утрачивая малейшее сходство с жилищем для избранных.

Дом № 27 по улице Чайковского. Современное фото

Так случилось и с домом № 27, где издавна обосновалась стоматологическая поликлиника. Целые поколения горожан выросли в убеждении, что так было всегда, и, сидя с открытыми ртами в зубоучебных креслах, вряд ли задумывались над тем, что здесь находилось прежде и какова история сей «обители скорби». Надо полагать, невероятной показалась бы будущая судьба особняка и первому владельцу, графу Владимиру Петровичу Орлову-Давыдову, построившему его в 1838–1839 годах предположительно по проекту архитектора Г. Фосати.

Дом № 27 по улице Чайковского. Современное фото

Правда, в ту пору он еще не был графом и не носил двойной фамилии, а назывался просто Давыдовым, имел придворное звание камергера и считался одним из богатейших и образованнейших молодых людей своего круга. Уже несколько лет как он был женат на княжне О. И. Барятинской.

В. П. Орлов-Давыдов

Особняк Давыдовых (первоначально он имел лишь два этажа) очень характерен для петербургской архитектуры конца 1830-х годов, переживавшей в те годы переломный этап в своем развитии. Колонные портики и треугольные фронтоны уже не казались нетленными канонами красоты, напротив – утомляли однообразием. Классицизм себя изжил, и на его развалинах шел пока еще робкий поиск новых форм. Рассматриваемый нами дом появился как раз на стыке двух архитектурных эпох – позднего классицизма и нарождающейся эклектики. Что касается наружного вида, то здесь нового было мало, – пожалуй, лишь ренессансные эркеры, зато внутренняя отделка здания поражала исключительным богатством и разнообразием.

Теперь перейдем к личности владельца особняка на Сергиевской. Владимир Петрович Давыдов – внук графа В. Г. Орлова по материнской линии, чью фамилию и титул он унаследовал в 1856 году, питомец Эдинбургского университета и убежденный англоман, помешанный на педантичной точности и пунктуальности. Правда, у него хватило ума не пытаться насаждать свои принципы в мужицкой среде, а следовать заведенному порядку, что позволило ему со временем стать хорошим хозяином и удесятить доходы с имений.

В молодости Владимир Петрович много путешествовал, прекрасно знал памятники классической древности, собрал немало ценных греческих рукописей и произведений искусства. В 1865 году он расширил свои владения, прикупив смежный участок на углу Фурштатской улицы и Кирочного (ныне Друскеникского) переулка. По проекту архитектора К. К. Кольмана на нем

граф построил еще два дома: один примыкал к особняку на Сергиевской с левой стороны, а другой – сзади. Теперь хозяин дома имел полную возможность развернуть свои художественные коллекции, заодно изумляя посещавших его гостей богатством и роскошью обстановки.

В столь неприкрытом стремлении поразить воображение и пустить пыль в глаза имелось нечто нарочитое, присущее «новой аристократии». Это не без иронии подметил один из мемуаристов, К. Ф. Головин: «Одним из самых пышных петербургских домов тогда (то есть в 1860-е годы. – А. И.) был дом графа В. П. Орлова-Давыдова, пышность которого, кажется, еще усиливалась благодаря его новизне. Граф Владимир Петрович... получил и наследство, и графский титул не особенно давно. Помню, когда он открыл свои палатки на Сергиевской... он спросил на другой день у моего отца: – Ну что, все хорошо было? – Слишком много всякого добра подавали, – ответил отец. – Куда ни глянешь – либо пирожное, либо конфеты. <... > И балы графа были, в самом деле, очень блестящие. Еще блестящее была коллекция старых картин в гостиной графини».

В эпоху наступивших реформ В. П. Орлов-Давыдов, избранный в 1862 году петербургским губернским предводителем дворянства, «бурлил» вместе со всеми, произносил забористые речи, до них он был большой охотник, и, рассуждая об исторической роли помещичьего сословия в создавшихся условиях, призывал к сочувствию «меньшой братии». Что касается последнего, то с его стороны это не были пустые слова: граф действительно улучшал быт своих крестьян, строил храмы, больницы, школы. Будучи любителем старины, делал крупные пожертвования библиотекам и музеям.

В. П. Орлов-Давыдов скончался в 1882 году, в возрасте семидесяти трех лет, оставив своим наследникам полуторамиллионный годовой доход, 250 тысяч десятин прекрасной земли и несколько домов в Петербурге, в том числе и особняк на Сергиевской, оставшийся в семейном владении до Октябрьской революции, после чего, превратившись в «народное достояние», резко изменил свое предназначение...

Их тень Петра соединила (Дом № 29/2 по улице Чайковского)

Низенький двухэтажный особнячок на углу бывшей Сергиевской и Друскеникского переулка (дом № 29/2) невольно привлекает к себе внимание: несмотря на сравнительно поздний неоренессансный фасад, есть в нем что-то старинное, патриархальное, наводящее на мысль о почтенном возрасте, но когда именно он построен – точно неизвестно.

Первое упоминание о нем можно встретить в «Санкт-Петербургских ведомостях» в январе 1776 года, когда всем интересующимся некой покупкой рекомендовалось осведомиться о цене ее «по Литейной, в доме г. Генерал-Аншефа Абрама Петровича Ганнибала, у капитана морской артиллерии Осипа Ганнибала».

Дом № 29/2 по улице Чайковского. Современное фото

Судя по этому объявлению, владельцем уже тогда существовавшего дома был знаменитый «арап Петра Великого», но в указанное время там проживал один из его сыновей – родной дед А. С. Пушкина. В нижнем этаже помещалась лавка купца Тыранова, торговавшего «пчелиным молоком, которое выводит все веснухи и угри, растрескавшиеся губы излечает и от ежедневного употребления лицо сохраняет в своей свежести по глубокую старость».

И. А. Ганнибал

После смерти старика Ганнибала, умершего в 1781 году, те же «Ведомости» в 1782 году напечатали объявление о продаже дома: «На Литейной, в Сергиевской улице, продается каменный о двух этажах дом со службами морской артиллерии капитана Исака Ганнибала, а о цене спросить у дворника».

Желающих приобрести участок не нашлось, и он остался за наследниками – братьями Ганнибалами, которые в конце концов за 4 тысячи рублей уступили права на него старшему брату – генерал-поручику Ивану Абрамовичу. Прославленный герой Наваринского и Чесменского сражений провел здесь остаток жизни, скончавшись холостым 12 октября 1801 года.

Через несколько лет опустевшее жилище перешло в собственность знакомого нам сенатора Ивана Николаевича Неплюева, а в 1823 году, уже после смерти отца, в доме поселилась его дочь Мария, только что вышедшая замуж за поручика Е. П. Енгальчева. Елпидифор Парфеньевич (так звали ее мужа) принадлежал к княжескому роду, бравшему начало от татарского мурзы Ишмамета Енгальча, чьи потомки в XVII веке приняли православие.

Отец поручика Енгальчева, князь Парфений Николаевич (1769–1829), проживший последние годы с уволенным в отставку сыном и невесткой, по роду занятий – чиновник особых поручений, а по призванию – целитель страждущего человечества. Начиная с 1799 года, он издал несколько книг, посвятив первую из них – «Простонародный лечебник» – императору Павлу. Книга учила обходиться без дорогих медикаментов и лечиться, преимущественно, травами и диетой.

В том же духе оказался и следующий труд П. Н. Енгальчева, с характерным для того времени пространным названием: «О продолжении человеческой жизни, или Средство, как достигнуть можно здоровой, веселой и глубокой старости». Хотя Парфений Николаевич не подтвердил эффективность чудодейственного средства собственным примером, прожив всего шестьдесят лет, книга его пользовалась большой популярностью и неоднократно переиздавалась.

Правда, находились скептики, предостерегавшие от самолечения и напоминавшие, что автор не получил никакого медицинского образования, а значит, вряд ли имел право на врачебные советы, но их никто не слушал. По всей вероятности, будь книги П. Н. Енгальчева вновь переизданы, они и в наше время нашли бы массу читателей и поклонников...

В 1855 году Г. А. Боссе перестроил бывший особняк Енгальчевых для нового хозяина — князя П. Н. Трубецкого. Он значительно расширил фасад на Сергиевскую за счет сноса маленького трехконного флигеля и стоявших рядом ворот. После этого дом в основном приобрел свой нынешний облик.

Петр Никитич Трубецкой (1826–1880) был человеком весьма заурядным, находившимся под сильным влиянием своего приятеля и соседа графа В. П. Орлова-Давыдова. Оба они в эпоху реформ 1860-х годов усиленно пытались играть политическую роль. Благодаря своему богатству тот и другой принадлежали к партии тогдашних «олигархов», отстаивавших «вековые привилегии» русского дворянства, которое, по насмешливому замечанию политического эмигранта князя П. В. Долгорукова, еще сто лет назад публично секли.

В 1862 году Орлов-Давыдов и Трубецкой (губернский и уездный предводители дворянства) дали деньги на издание газеты «Весть», выражавшей чаяния наиболее оголтелой и реакционной части помещичьего сословия, не желавшей никаких перемен. Спустя несколько лет этот орган, за неимением подписчиков, тихо и безболезненно окончил свои дни.

Кабинет в доме Нарышкиных. Фото 1894 г.

П. Н. Трубецкой – по иронии судьбы, племянник декабриста С. П. Трубецкого – был женат на княжне Елизавете Эсперовне Белосельской-Белозерской, являвшейся подлинной вдохновительницей его потуг на политическое влияние. Вот как отзывался о супругах тот же П. В. Долгоруков: «Князь Петр Никитич Трубецкой не имеет ни ума, ни дара слова, но «выйдя замуж» за богатую княжну, он состоит под ее опекой; она, крошечная ростом, но исполин честолубием, непременно хочет играть роль, и цель ее – иметь в Петербурге влиятельный политический салон».

И надо признаться, что в определенной степени ей это удалось. В шестидесятые годы дом Трубецких на Сергиевской сделался одним из центров если не политического влияния, то, во всяком случае, политических сплетен. Здесь можно было встретить как иностранных дипломатов всех рангов, так и отечественных деятелей, в том числе и министров.

Секретарь английского посольства Румбольд пишет в своих воспоминаниях, что «умная, несколько жеманная и язвительная «Лизон», как ее называли, играла заметную роль в Петербурге. Политические сплетни для каждого дипломата главное кушанье, а в салоне Трубецкой сосредоточивались наисвежайшие слухи». Примечательно то, что о муже ее дипломат даже не счел нужным упомянуть.

В 1875–1876 годах архитектор Р. А. Гедике придал дому на Сергиевской окончательный вид, расширив флигель по переулку. Для этого пришлось пожертвовать садом, разведенным прежними хозяевами. Так пожелал очередной владелец участка В. Л. Нарышкин (1841–1906) – праправнук известного екатерининского остряка и балагура Льва Александровича, которому поэт Державин в нескольких словах дал исчерпывающую характеристику: «Всегда жил весело, приятно и не гонялся за мечтой...»

Тот же образ жизни вели и его потомки, по многолетней традиции и праву рождения (напомню, что мать Петра I была из рода Нарышкиных) всегда близкие к царскому двору. В своем «Дневнике» Л. В. Дубельт с язвительной насмешкой отмечает, что батюшка Василия Львовича, Лев Кириллович, при столкновениях с начальством любил напоминать о своей принадлежности к семейству государя Николая Павловича и о наличии в его, Нарышкина, жилах царской крови. В середине XIX века подобные претензии должны были казаться в высшей степени неуместными, тем более что в жилах самого императора не набралось бы и капли русской крови!

Василий Львович, как человек другого поколения, не разделял родительских предрассудков, не искал в своих жилах царской крови и не особенно ею дорожил. Находясь в свите героя Кавказской войны фельдмаршала А. И. Барятинского, в его имении Скерневицы под Варшавой, Нарышкин, бывший в ту пору, по словам С. Ю. Витте, «страшным богачом», женился на приемной дочери князя Орбелиани, отца княгини Е. Д. Барятинской (жены фельдмаршала). Судя по количеству произведенных им на свет детей, в семейной жизни он был счастлив, оставив своим отпрыскам расстроенное состояние и отчий дом – один на шестерых.

Сын Василия Львовича, Кирилл, последовал примеру отца и тоже женился на приемной дочери известного государственного деятеля графа С. Ю. Витте, поселившись в особняке тестя на Каменноостровском проспекте. В отцовском же доме на Сергиевской остался его старший брат Александр – чиновник Государственной канцелярии.

Удивительным образом старинный особняк сблизил первых и последних своих владельцев. Тень Петра I соединила два семейства – Нарышкиных и Ганнибалов, но если первых связывали с великим преобразователем лишь родственные узы, то вторых – духовные, и еще неизвестно, какие крепче.

«С Зимним садом, каскадами и фонтанами...» (Дом № 30 по улице Чайковского)

Один из богатейших особняков на бывшей Сергиевской, дом № 30, в течение трех десятилетий принадлежал крупному промышленнику и меценату Ю. С. Нечаеву-Мальцову и очень недолго его наследнику – князю Е. П. Демидову-Сан-Донато. Здание, памятник архитектуры, сохранило великолепные интерьеры, хотя и лишилось живописных полотен И. К. Айвазовского, некогда украшавших его залы.

Дом № 30 по улице Чайковского. Современное фото

Все началось с того, что в 1844 году сын покойного канцлера князь Л. В. Кочубей приобрел на Сергиевской улице довольно обширный участок с деревянными постройками, снес их и по проекту архитектора Р. И. Кузьмина приступил к возведению каменного особняка в стиле флорентийских дворцов XV века. По неизвестной причине Кузьмин не довершил начатое, и оканчивать дом пришлось его коллеге Г. А. Боссе, что тот и выполнил с присущим ему блеском.

Можно предположить, что причиной несогласия Кузьмина продолжать работу стала невероятная, мелочная скупость владельца, свойственная и другим сыновьям В. П. Кочубея, за исключением разве что рано умершего Василия.

В. А. Инсарский, прекрасно знавший все княжеское семейство, характеризует его следующим образом: «Всевозможные способы приобретения и страшная расчетливость стояли на первом плане у Кочубеев. Многие находили, что эти свойства были у них наследственные, потому что и покойник отец оставил громадные имения... От этого происходило, что у них

всегда были деньги, и они не путались в финансовом отношении подобно большей части наших аристократов, всегда богатых, но всегда нуждающихся... Весь секрет состоял в страшной скудости, которую они старались, конечно, прикрывать всевозможными приличиями».

При постройке особняка на Сергиевской князь в полную силу развернул свои «экономические» таланты, едва не вогнав в гроб управляющего Киселева, несшего на себе тяжкое бремя производителя работ. Ему вменялось в обязанность изыскивать и приобретать материалы по каким-то неслыханно дешевым ценам, чтобы доставить своему принциалу удовольствие, демонстрируя, скажем, медные шары на конюшенных перегородах, похвастать перед изумленными гостями: «Видите, все платят по десять рублей за каждый, а я только по три, потому что нашел бедного, но хорошего мастера». И все в подобном же роде.

Заказав известному французскому обойщику Пти роскошную мебель для своих покоев, по получении счета за уже выполненную работу Лев Викторович вдруг объявил, что заплатит только половину. Споры и объяснения ни к чему не привели: князь был неумолим, и бедному иностранцу оставалось лишь смириться. Иногда, впрочем, попадались строптивцы, готовые отстаивать свои права и кровные деньги; тогда дело доходило до громких скандалов, как это случилось в 1853 году.

Княжеский дворецкий Зальцман, австриец по национальности, возмущенный тем, что прижимистый Кочубей, по своему обыкновению, недоплатил ему 200 или 300 рублей, явился к нему для личного объяснения. В финале произошедшей сцены разъяренный князь схватил револьвер и выпалил в своего слугу, нанеся ему легкое ранение. При расследовании же его сиятельство показал, что Зальцман сам себя ранил, чтобы насолить бывшему хозяину, и власти в это охотно поверили. Как тут не вспомнить гоголевскую унтер-офицерскую вдову, которая сама себя высекла. Еще раз подтвердилась старая житейская мудрость: с сильным не борись, с богатым не судись...

В 1879 году особняк ненадолго переходит к княгине Е. Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой, а через три года его покупает Ю. С. Нечаев-Мальцов (1832–1913), владевший им до самой смерти.

История его внезапного обогащения в общем-то проста и обыкновенна, хотя и успела обрасти легендами. В воспоминаниях «красного графа» А. А. Игнатьева она выглядит следующим образом: «Я помню, как в детстве встречал у бабушки ее брата, Сергея Ивановича Мальцова – благообразного чистенького старичка с седыми бачками, одетого по старинной парижской моде... Жил он одиноко, вставал всегда в пять часов, шел к ранней обедне и в семь часов садился за работу. Единственным его помощником был скромный, молчаливый и необыкновенно трудолюбивый чиновник – Юрий Степанович Нечаев. Близкие называли его до самой смерти уменьшительным именем Юша. Каково же было удивление всех родственников, когда после смерти Мальцова выяснилось, что все многомиллионное состояние завещано Юше».

Свой странный поступок богатч мотивировал в завещании тем, что считает дело выше семейных отношений, а поскольку среди его родственников нет никого, кто мог его развивать и продолжать, он оставляет свои фабрики тому, кто в состоянии распорядиться ими, – человеку простому, но зато дельному.

«И вот, – продолжает автор, – у Юши богатейший особняк на Сергиевской, с зимним садом, каскадами и фонтанами, лучшая кухня в Петербурге, приемы и обеды, на которые постепенно и не без труда и унижений Юше удалось привлечь несколько блестящих представителей придворно-великосветской среды. Тщеславию его не было пределов. Он взял себе на роль приемного сына юношу, князя Демидова, оставшегося сиротой, и, женив его на дочери министра двора графа Воронцова-Дашкова, достиг своей заветной цели – породнился с высшей аристократией. Не проходило года, чтобы Юша не получал новых придворных званий. Надо, однако, отдать ему справедливость: он на свой счет построил и оборудовал... Музей изящных искусств в Москве».

В этих воспоминаниях, как часто бывает, правда перемешана с небылицами. Начать с того, что Игнатъев путает двух двоюродных братьев Мальцовых – знакомого нам Сергея Ивановича, умершего в 1893 году (его-то и мог помнить автор воспоминаний, родившийся в 1877-м), и Ивана Сергеевича, который скончался бездетным холостяком в 1880 году. Свое действительно огромное состояние он завещал не кому-нибудь, а родному племяннику (сыну сестры) Ю. С. Нечаеву, принявшему дядину фамилию и ставшему с тех пор Нечаевым-Мальцовым. Таким образом, фигура безвестного маленького чиновника, вознагражденного за свое трудолюбие нечаянно свалившимся богатством, оказывается не более чем мифом.

Что же касается остального, то здесь Игнатъев не далек от истины: Юрий Степанович и в самом деле отличался неумным тщеславием и суетным стремлением пускать пыль в глаза. Ему был вовсе не по душе образ жизни старого скупердя Мальцова, поэтому, получив наследство, он повел совсем иную жизнь – блестящую и расточительную. Купив дом, Нечаев-Мальцов приглашает для отделки танцевального зала и других помещений молодого, талантливого архитектора Л. Н. Бенуа. Ранее по его эскизам был выполнен серебряный столовый сервиз в стиле Людовика XV.

Впоследствии Леонтий Николаевич вспоминал: «Бывало, как сядем за стол завтракать – Мальцов (то есть Ю. С. Нечаев-Мальцов. – А. И.) хвастает серебром и спрашивает, как будто не знает: «А кто его рисовал?» Чудак был большой. Он мечтал принимать у себя не только высочайших особ, но и самого Государя и потому старался всю. Он тогда только что получил чин действительного статского советника, но этого оказалось мало, чтобы иметь честь принимать высочайших особ. Он рассчитывал, что старые сестры его, с которыми он вместе жил, смогут их принимать как дочери действительного тайного советника. Но и это не удалось».

Прав Игнатъев и когда говорит о желании Мальцова покровительствовать внуку двоюродной сестры Елиму Павловичу Демидову, которому в 1891 году высочайшим повелением разрешили пользоваться титулом князя Сан-Донато (но лишь в пределах Итальянского королевства). Однако ни о каком «усыновлении» речи не было, равно как и о том, чтобы «женить» юношу на дочери министра императорского двора И. И. Воронцова-Дашкова. Молодые люди были знакомы с детства, потому что дружили их отцы; эти теплые чувства передались по наследству детям и закончились свадьбой по взаимной склонности, а вовсе не из желания угодить троюродному дяде.

Редким именем Елим Демидова назвали в память деда по материнской линии. Его мать, Мария Елимовна Мещерская, будучи еще княжной, вызвала в будущем императоре Александре III (в то время цесаревиче) столь сильную страсть, что он в 1866 году просил отца позволить ему отказаться от престола, чтобы жениться на ней. Эта просьба вызвала переполох; княжну срочно отправили за границу, где она вышла замуж за богача П. П. Демидова, а два года спустя умерла в родах, произведя на свет маленького Елима. Его отца так сокрушила смерть обожавшей супруги, что, сообщая своему другу, графу И. И. Воронцову-Дашкову, о тяжелой утрате, он даже не упомянул о рождении сына.

Ухаживал Мальцов и за семейством других своих дальних родственников, графов Игнатъевых, устраивая для их детей великолепные рождественские праздники, а на годовщины свадеб и другие юбилеи осыпая всю семью дорогими подарками. Возможно, впрочем, что бездетный и уже немолодой Юрий Степанович просто-напросто тяготился своим одиночеством и искал в дальних родственниках замену домашнего очага...

Несмотря на все смешные и не особенно привлекательные черты характера, Ю. С. Нечаев-Мальцов – личность далеко не заурядная. Владея одним из самых значительных состояний в России, он внес немалый вклад в тот небывалый промышленный рост, который вывел ее накануне Первой мировой войны на ведущее место в мире по темпам развития народного хозяйства. Две его фабрики вырабатывали из американского хлопка мануфактуру

и нитки, а на других производилось решительно все, начиная от градусников и кончая цементом. На его предприятиях трудилось свыше двадцати тысяч рабочих.

Е. П. Демидов-Сан-Донато

Он не жалел средств на развитие отечественных наук и искусств. Когда Иван Цветаев искал деньги на создание музея для размещения университетской коллекции гипсовых копий египетских, римских и греческих древностей, именно Юрий Степанович нашел требуемую сумму, вложив в строительство нынешнего Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина более двух миллионов рублей золотом.

Перед смертью Ю. С. Нечаев-Мальцов поделил состояние между двумя наследниками – Е. П. Демидовым-Сан-Донато и графом П. Н. Игнатьевым, что, кстати сказать, явилось полной неожиданностью для последнего. Особняк на Сергиевской достался Демидову, а Игнатьев приобрел для себя расположенный неподалеку, на Фурштатской, 52, дом фабриканта Варгунина.

Елим Павлович с женой еще при жизни дяди поселились в его роскошных апартаментах, но наступил час, когда им суждено было разделить участь многих эмигрантов, окончивших свои дни вдали от родины.

Пришла эпоха мезальянсов... (Дом № 46–48 по улице Чайковского)

Среди многочисленных особняков Литейной части этот принадлежит не к самым красивым – шедевром зодчества его не назовешь. В нем не чувствуется единого стиля: излишне приземистый, несуразно широкий, он словно составлен из разнородных и разновеликих частей, и каждая из них воспринимается как самостоятельная. Центральный фронтон его до сих пор украшен гербами последних владельцев, хотя уместнее было бы видеть на этом месте герб князей Барятинских, владевших домом на протяжении шестидесяти лет.

Дом № 46–48 по улице Чайковского. Современное фото

Занимаемая домом территория образовалась после объединения трех небольших участков в один. До 1858 года здесь стоял двухэтажный каменный особняк с сильно выдвинутым трехконным ризалитом. С правой стороны к нему примыкал деревянный домик, расположенный в глубине двора, а с левой – еще один, гораздо более вместительный.

Первоначальный владелец каменного особняка, генерал-лейтенант Ф. И. Апрелев, был человеком примечательным, много сделавшим для развития отечественной артиллерии.

Службу он начал в 1770-х годах, а в 1792-м ему поручили начальствовать над мастерскими в петербургском арсенале.

Жилище свое Апрелев, в ту пору еще капитан, выстроил неподалеку от места службы. В старину Сергиевская, названная так по церкви Святого Сергия Радонежского, стоявшей на углу Литейного, именовалась также 2-й Артиллерийской: здесь и в окрестных улицах селились все причастные к «пушечному делу», военные и штатские. На плане 1798 года показан дом «жены подполковника Апрелева» – каменный, о двух этажах, но без ризалита, появившегося при позднейшей перестройке в 1810-х годах.

Император Павел еще в бытность свою наследником престола должным образом оценил таланты Апрелева, который изобрел «секретную машинку» для заделки раковин в орудийных стволах. Вызванный в Гатчину приводить в порядок великокняжескую артиллерию, образованный и энергичный капитан так полюбился цесаревичу, что тот непременно желал оставить его при себе. Однако сделать этого он не смог: Федор Иванович был незаменим на своем месте.

Говорят, что, возвращаясь в Петербург, Апрелев рекомендовал цесаревичу своего тверского земляка и приятеля Аракчеева, с чего и началась последующая блестящая карьера временщика. Федор Иванович не переставал пользоваться милостью Павла и когда тот вступил на трон: в 1797 году государь пожаловал ему 150 душ, а в 1800-м произвел в генерал-майоры. К концу жизни, уже в чине генерал-лейтенанта, Ф. И. Апрелев состоял помощником великого князя Михаила Павловича, управлявшего всей артиллерией.

Старик не дожил до страшного несчастья, приключившегося 26 апреля 1836 года с его сыном Александром, который в день своей свадьбы, возвращаясь с молодой женой из церкви, получил смертельный удар кинжалом прямо на пороге родительского дома. Через три дня раненый скончался в страшных мучениях. Убийцу – им оказался чиновник Артиллерийского департамента Н. М. Павлов – судили военным судом и приговорили к бессрочной ссылке в каторжные работы. Общественное мнение было потрясено этим страшным и на первый взгляд бессмысленным преступлением.

Сам император Николай Павлович заинтересовался его мотивами; ему одному и согласился Павлов открыть всю правду. Посланный от государя флигель-адъютант привез письмо осужденного, где тот поведал печальную и, увы, довольно обыкновенную историю, завершившуюся трагической развязкой. Неведомо каким образом содержание письма стало известно широкой публике.

Вот что рассказывает в своем дневнике о причинах случившегося А. В. Никитенко: «Апрелев шесть лет тому назад обольстил сестру Павлова, прижил с нею двух детей, обещал жениться. Павлов-брат требовал этого от него именем чести, именем своего оскорбленного семейства. Но дело затягивалось, и Павлов послал Апрелеву вызов на дуэль. Вместо ответа Апрелев объявил, что намерен жениться, но не на сестре Павлова, а на другой девушке. Павлов написал письмо матери невесты, в котором уведомлял ее, что Апрелев уже не свободен. Мать... отвечала на это, что девицу Павлову и ее детей можно удовлетворить деньгами. Еще другое письмо написал Павлов Апрелеву накануне свадьбы. «Если ты настолько подл, – писал он, – что не хочешь со мной разделаться обыкновенным способом между порядочными людьми, то я убью тебя под венцом».

Не получив ответа, оскорбленный брат решился на отчаянный поступок. Прочтя это признание, царь смягчил наказание преступнику, заменив каторгу ссылкой солдатом на Кавказ, с правом выслуги. Однако в скором времени Павлов умер от раны на голове, случайно нанесенной ему палачом, ломавшим над ним шпагу в момент гражданской казни.

История с убийством Апрелева наделала много шума; живой интерес к ней проявил и Пушкин, находившийся тогда в Москве. Примечателен его отзыв на этот счет, высказанный в письме к жене: «То, что ты пишешь о Павлове, примирило меня с ним. Я рад, что он вызывал Апрелева. – У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля и подвер-

гается одному наказанию – а не смертной казни». До его собственного поединка оставалось менее года...

Видимо, желая избавиться от тягостных воспоминаний, связанных с местом, вблизи которого произошло это мрачное событие, мать убитого решает продать дом на Сергиевской. В 1837 году этот и два смежные участка по обе стороны бывшего жилища Апрелевых переходят в собственность матери князя А. И. Барятинского (1810–1879), будущего фельдмаршала и героя кавказской войны.

А. И. Барятинский

Александр Иванович принадлежал к старинному княжескому роду, владевшему некогда волостью Барятин в Калужской губернии, откуда и пошла их фамилия. Надо сказать, что отец готовил старшего сына отнюдь не к военной, а к сугубо мирной деятельности, желая сделать из него некоего идеального сельского хозяина, причем на английский лад, ибо старик Барятинский слыл ревностным англоманом. Для этого он разработал целую систему воспитания, но его труды пропали втуне: безмерно упрямый и своевольный Александр, невзирая на мольбы матери и уговоры родных (отца уже не было в живых), определился не в университет, куда его прочили, а в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров.

Несмотря на одаренность и прекрасное домашнее воспитание, юноша не блистал успехами, предпочитая вместо учебы тратить время на светские развлечения и романические похождения. В результате он не смог окончить школу по первому разряду и поступить в кав-

лергарды, о чем всегда мечтал, а вынужден был довольствоваться Гатчинским кирасирским полком, не принадлежавшим к гвардии.

С досады юный князь с еще большим азартом стал предаваться разгульному веселью, а вдобавок оказался замешанным в скандальной демонстрации, устроенной офицерами близкого ему по духу Кавалергардского полка своему новому командиру, чем навлек на себя неудовольствие государя Николая Павловича. Осознав опасность положения и раскаявшись в своих поступках, Барятинский весной 1835 года выразил твердое намерение отправиться на Кавказ и верной службой искупить вину. В одном из сражений он получил тяжелое пулевое ранение и для поправления здоровья вынужден был вернуться в Петербург, а затем отправился на лечение за границу.

По возвращении Александр Иванович определяется на службу в лейб-гусарский полк и к 1845 году имеет уже полковничий чин. Однако его по-прежнему манит Кавказ, а неудовлетворенное честолюбие вновь заставляет искать подвигов на поле брани. В ту пору под руководством князя М. С. Воронцова шли приготовления к большому походу против Шамиля. Барятинский принял участие в боевых действиях в качестве командира батальона. Война давала возможность показать себя на деле, и он своего шанса не упустил.

Слава и популярность князя быстро росли, награды также следовали одна за другой. Мужество и неустрашимость А. И. Барятинского были поразительны, но не менее удивительными оказались его административные способности, по достоинству оцененные главнокомандующим. Летом 1848 года по рекомендации Воронцова Александр Иванович производится в генерал-майоры свиты его величества. Но в то же самое время прежняя невозддержанная жизнь дает о себе знать сильнейшими приступами подагры. Болезнь, отравлявшая жизнь и лишавшая душевного равновесия, заставила его осенью того же года просить об отпуске.

В столице кавказского героя с нетерпением поджидали: услужливые придворные, с ведома и при участии царской семьи, задумали сосватать ему вдову М. В. Столыпину, урожденную княжну Трубецкую. Однако женитьба на любовнице цесаревича (а в прошлом и его собственной) вовсе не улыбалась гордому, болезненно самолюбивому князю, тем более что еще недавно он питал тайную надежду на супружество с дочерью самого государя, великой княжной Ольгой Николаевной. Почвой для радужных мечтаний служило то, что его бабка, Екатерина Петровна Барятинская, была урожденной принцессой Гольштейн-Бекской. Ведь вышла же старшая дочь царя замуж по любви за герцога Лейхтенбергского, дед которого, виконт Богарнэ, уступал в знатности предкам князя! Конец обманчивым иллюзиям положил брак Ольги Николаевны с наследным принцем Вюртембергским, заключенный 1 июля 1846 года...

Проведав о матримониальных замыслах относительно себя, Барятинский под разными предложениями сумел оттянуть прибытие в Петербург на целый год, а когда наконец прибыл, то родные поразились произошедшей с ним перемене: вместо статного, голубоглазого красавца с выющимися белокурыми кудрями перед ними предстал опирающийся на палку сутулый человек с коротко остриженными волосами и какими-то нелепыми бакенбардами, придававшими ему вид гарнизонного служаки.

В скором времени Александр Иванович поразил их еще больше, повесив на семейную рождественскую елку в качестве подарка документ, в коем значилось, что все свое состояние – майорат в 8 тысяч душ – он передает брату Владимиру. Целью этих хитроумных шагов было лишить ловкую и далеко не бескорыстную претендентку на его руку оснований видеть в нем богатого и красивого жениха. Одновременно князь перестал появляться в свете, запершись в материнском доме на Сергиевской и погружившись в изучение близких его сердцу кавказских проблем. Светские знакомые, почуявшие немилость двора к вчерашнему любимцу, тут же прекратили посещения.

В середине 1850 года А. И. Барятинский получил новое назначение на Кавказ и надолго покинул столицу. Через шесть лет он становится командующим отдельным Кавказским кор-

пусом, одновременно исправляющим должность кавказского наместника. В августе 1859-го началась осада Гуниба, горного аула, считавшегося неприступным, и где укрылся Шамиль с остатками своих войск. Через несколько недель, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, глава горцев сдался на милость победителей. Многолетняя война на Восточном Кавказе завершилась победой русского оружия. На Западном Кавказе дела обстояли несколько хуже, хотя и там большинство племен подчинилось России.

Барятинский получил заветный фельдмаршальский жезл, но в апреле следующего года расстроенное здоровье вынудило его навсегда проститься с Кавказом. Перед отъездом на лечение за границу Александр Иванович представил государю отчет, в котором изложил свои взгляды на управление горскими народами. Он отметил необходимость оставления за шариятскими судами исключительно духовных дел, настаивал на необходимости развития торговли, промышленности и народного образования, в особенности – женского, что можно считать в тех условиях шагом почти революционным.

Конечной целью преобразований, по его мнению, было установление прочных связей кавказского края с остальным государством, не обезличивая при этом малые горские народности. Многие из того, о чем писал А. И. Барятинский, не утратило актуальности и по сию пору, но добиться полного воплощения в жизнь этих планов оказалось куда труднее, чем победить Шамиля.

А теперь оставим в стороне службу князя и поближе познакомимся с ним как человеком. Близко знавший его В. А. Инсарский так описывает положение князя в семье: «Трудно представить столь сурового и недоступного отца в отношениях к своим сыновьям, каким был князь Александр Иванович в отношениях к своим братьям и вообще родным... Они (т. е. отношения) были в значительной степени проявлением его натуры, беспримерно гордой и самолюбивой. Родные его боялись до такой степени, которой я даже понять никогда не мог. Он знал это и гордился этим. Сама мать – княгиня Мария Федоровна, не могла входить к нему без доклада».

Таким знали А. И. Барятинского домочадцы. О том, каким видели его светские знакомые, можно составить представление из воспоминания писателя В. А. Соллогуба: «Он имел тонкий и все разумеющий ум, большое изящество в приемах и мягкость (когда хотел, впрочем) в обращении, редкую способность угадывать или, скорее, взвешивать людей и несколько поверхностную, но тем не менее довольно обширную начитанность. Храбрость его не имела границ; спокойная, самоуверенная и смиренная вместе – это была чисто русская, беззаветная храбрость... Но с этими замечательными способностями у Барятинского были также недостатки. Как все Барятинские, он почитал себя испеченным из какого-то особенного, высокопробного, никому не доступного теста. Его высокомерие, доходившее до наивности, не имело границ».

В приведенном отрывке из «Записок» Инсарского упомянута мать князя, М. Ф. Барятинская (1793–1858). В течение двадцати лет, до самой смерти, княгиня являлась фактической хозяйкой и постоянной обительницей особняка на Сергиевской, а потому как нельзя больше заслуживает нашего внимания.

М. Ф. Барятинская

Мария Федоровна была дочерью прусского дипломата и министра графа Келлера и графини Сайн-Витгенштейн, сестры русского фельдмаршала. Выйдя в 1813 году замуж за Ивана Ивановича Барятинского, Мария Федоровна, замечательная красавица, долгое время блистала на светских балах, а овдовев в 1825-м, целиком посвятила себя воспитанию детей и делам благотворительности.

Нельзя сказать, что к тому времени мужчины перестали интересоваться ею: известный меломан граф Матвей Виельгорский даже сделал ей, матери семерых детей, предложение, но княгиня отвергла его. Тяжелая утрата – смерть младшей дочери в 1843 году – окончательно обратила все помыслы Марии Федоровны к религии и богоугодным делам. Она основывает детские ясли, общину сестер милосердия для попечения о бедных и больных, вдовий и детский приюты.

Поначалу все эти заведения находились в разных помещениях, но в 1850 году по проекту архитектора К. И. Брандта на заранее приобретенном княгиней участке и на ее деньги было выстроено специальное четырехэтажное здание (ныне улица Чайковского, 50), где они разместились со всеми удобствами. Там царил образцовый порядок, доведенный до крайних пределов.

Одетая во все черное, в белом чепце особой формы, М. Ф. Барятинская внешне напоминала настоятельницу какого-нибудь монастыря; только на время торжественных выездов к императрице она облачалась во все белое. Под конец жизни, по причине болезни и частых

поездок за границу, княгиня отказалась от личного заведования основанными ею учреждениями, но продолжала оказывать им денежную помощь.

Тот же Инсарский довольно нелюбезно отзывается как о матери, так и о сыне Барятинских: «Я достаточно изучил княгиню, – пишет он, – и еще более изучил я князя Александра, который был совершенным ее портретом, как материально, так и морально... Они казались и в действительности были в высшей степени добрыми; но в то же время они проявляли такой эгоизм, который приводил в ужас забвением всех индивидуальных интересов личности... Доброта их принадлежала уму, а не сердцу». Не оспаривая этого заключения, все же замечу, что лучше уж быть добрым по велению разума, чем злым по влечению сердца!

После смерти Марии Федоровны ее сын Владимир Иванович Барятинский, унаследовавший особняк, сразу занялся его перестройкой по проекту очень популярного в ту пору архитектора Г. А. Боссе. Он изменил фасад в ренессансном стиле, а с правой стороны, на месте когда-то стоявшего здесь деревянного домика, пристроил каменную оранжерею. Через пятнадцать лет, в 1874 году, И. А. Мерц восстановил нарушенную симметрию здания, приделав к нему после сноса деревянного флигеля левое крыло, зеркально повторяющее правое, в результате чего особняк, заново отделанный внутри, приобрел свой нынешний вид.

Дом готовился принять новых хозяев – сына В. И. Барятинского, Александра, названного так в честь дяди, и его жену Елену Михайловну, урожденную графиню Орлову-Денисову. Однако роскошь обстановки не могла заслонить того печального факта, что семейная жизнь супругов сложилась крайне неудачно и была предметом постоянных пересудов всего светского Петербурга. Вдобавок и служебная карьера князя оказалась безнадежно испорченной.

Поначалу все обстояло прекрасно: в 1875 году полковник Александр Владимирович Барятинский получил флигель-адъютантское звание, а позже его назначили командиром аристократического лейб-гвардии Конного полка. 1884 год тоже начался вполне благополучно. Масленичные увеселения были как-то необыкновенно удачны, балы следовали один за другим. 5 февраля государственный секретарь А. А. Половцов записал в своем дневнике: «В 10 часов бал у князя А. В. Барятинского, командира Конногвардейского полка; дом не особенно удобен, но чрезвычайная изысканность и утонченность во всех подробностях».

Князь готовился к тому, чтобы с почетом оставить свою должность и продолжить придворную службу. Но тут он допустил роковую оплошность: 22 июля, в день именин императрицы Марии Федоровны, явился на бал во дворец не в свитском, флигель-адъютантском, как полагалось, а в полковом мундире. На наш сегодняшний взгляд – проступок не столь уж важный.

Однако царь взглянул на него иначе: на другой же день он лишил князя звания флигель-адъютанта, отстранил от командования полком и в довершение наказания зачислил состоять по армейской пехоте. Это явилось для Барятинского страшным ударом. Он подал в отставку и оказался не у дел, проводя свой неограниченный досуг в заграничных путешествиях и ухаживаниях за балетными танцовщицами.

Его супруга Елена Михайловна платила ему той же монетой. После нескольких мимолетных романов она сумела увлечь великого князя Николая Михайловича, тот даже стал всерьез подумывать о женитьбе на ней. Однако Александр III, примерный семьянин, резко воспротивился этим планам, запретив своему двоюродному брату даже думать об этом.

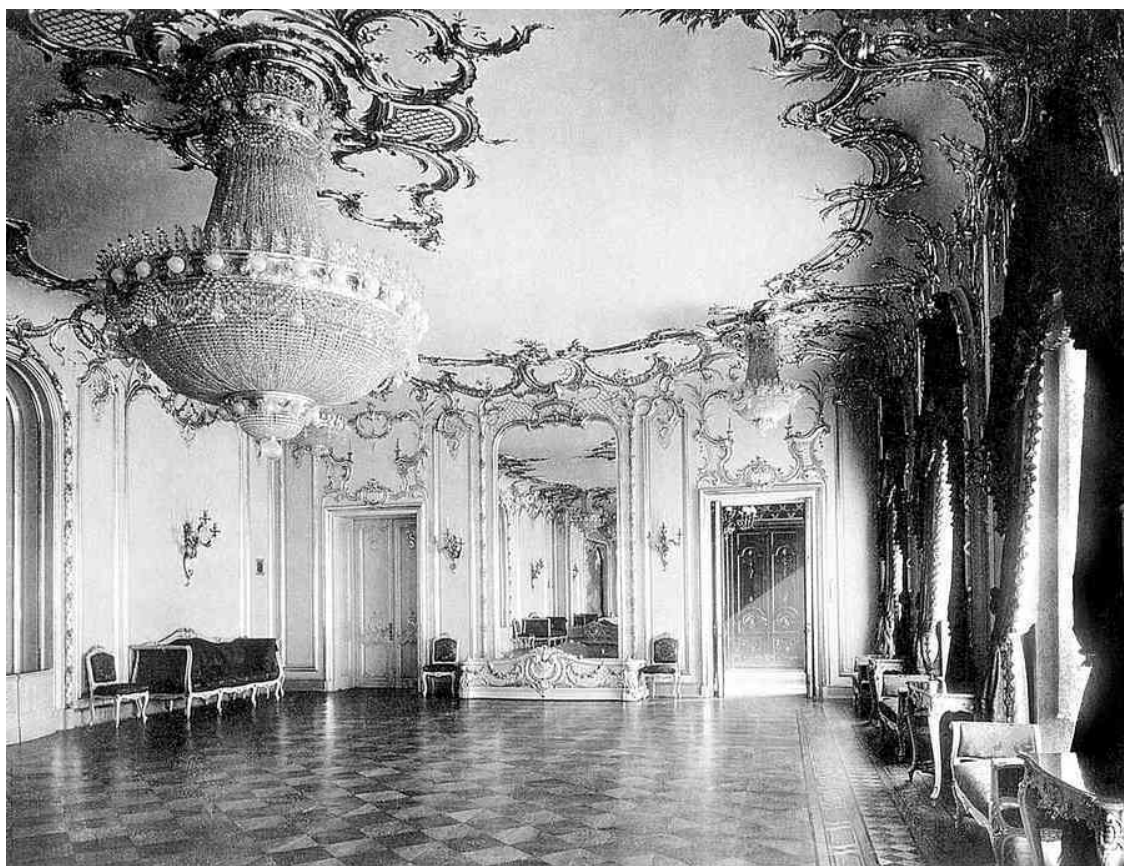
Мимоходом замечу, что великому князю вообще не везло с женщинами, во всяком случае, с теми, на ком он собирался жениться: в ранней молодости он влюбился в кузину, принцессу Викторию Баденскую, но Православная церковь не позволяла браков между столь близкими родственниками, и Николаю Михайловичу пришлось поставить крест на своем чувстве. Вторая попытка также закончилась ничем, и великий князь, бывший, кстати сказать, видным историком, так и остался холостяком, проживая в одиночестве в своем великолепном дворце среди книг и художественных собраний.

В 1889 году супруги Барятинские окончательно разъехались. Александр Владимирович поселился у матери, на Миллионной, а его жена продолжала жить в особняке на Сергиевской. Через семь лет дом перешел к другому хозяину – принцу Петру Александровичу Ольденбургскому.

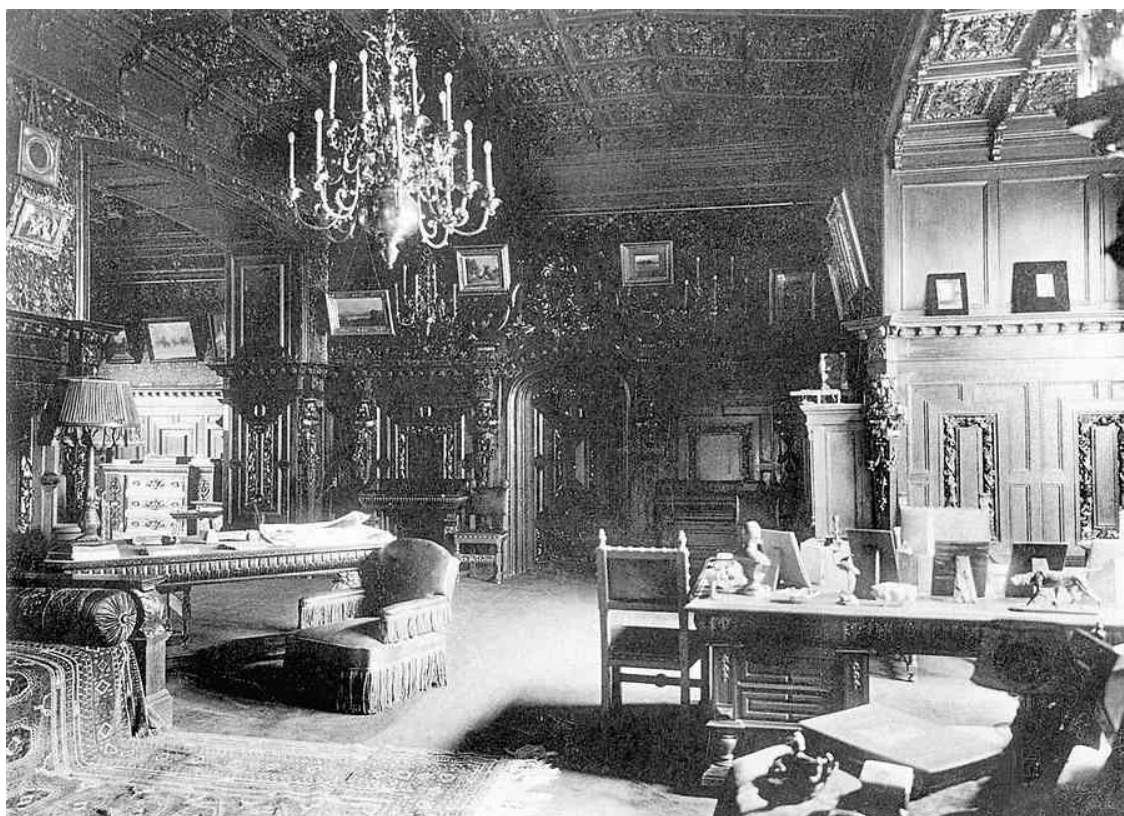

Принц П. А. Ольденбургский

Младший потомок издавна осевшего в России германского владетельного рода, внук известного благотворителя, принц был очень добрым и очень несчастливым человеком, из тех, что на Руси зовутся бесталанными. Он нежно влюбился в сестру Николая II, великую княжну Ольгу Александровну, которая была на четырнадцать лет моложе его. В 1901 году их обвенчали, причем принцу пришлось изменить вероисповедание с лютеранского на православное.

Парадный зал во дворце принца Ольденбургского на Сергиевской улице. Фото конца 1890-х гг.

Кабинет во дворце принца Ольденбургского на Сергиевской улице. Фото конца 1890-х гг.

Дворец принца Ольденбургского на Сергиевской улице. Фото конца 1890-х гг.

Великая княжна Ольга Александровна

Оказалось, что сделал он это зря – брак его вышел неудачным. Похоже, что сами стены дома на Сергиевской не благоприятствовали семейному счастью. В 1915 году супруги разошлись, а годом позже Ольга Александровна, в чьем владении остался особняк, вышла замуж за гвардии ротмистра Н. А. Куликовского. Времена изменились: то, что вчера казалось непреодолимой преградой, уже выглядело вполне устранимым препятствием. С третьей попытки династический барьер был взят. Пришла эпоха мезальянсов...

Черты забытой старины (Дом № 57/11 по улице Чайковского)

Трехэтажный дом с двумя балконами на углу Сергиевской улицы и Воскресенского проспекта в сравнении со своими соседями, щеголяющими обильными штукатурными украшениями, выглядит скромно и архаично. Построен он был в самом начале 1800-х годов генерал-майором Х. Ф. Шванебахом в обычном для того времени стиле безордерного классицизма. По воле случая хозяин дома состоял в знакомстве с родителями известного издателя и журналиста Н. И. Греча. Этому счастливому обстоятельству мы обязаны кое-какими любопытными подробностями о первом владельце.

Дом № 57/11 по улице Чайковского. Современное фото

В своих «Записках» Греч пишет о нем так: «Христиан Федорович Шванебах, человек серьезный и умный, служил по инженерной части и занимался формированием инженерной команды, причем у него как-то вырос прекрасный каменный дом. Женат он был на русской девице, Варваре Ивановне Пашковской. Она была в молодости красавицей и сохранила самую приятную наружность до старости... Мужа своего она любила страстно и при одном припадке ревности чуть не лишила себя жизни. По смерти его она жила тихо в одном из переулков Знаменской улицы и благодарила всякому, кто прибегал к ней с просьбой о помощи».

Очевидно, источник благосостояния Шванебаха, на который весьма изящно намекает Греч, не оскудевал и в дальнейшем, а посему, прежде чем отойти в мир иной, Христиан Федо-

рович успел изрядно расширить свои владения пристройкой каменного флигеля по Воскресенскому проспекту и покупкой прилегавшего к нему соседнего дома № 13.

Продав в 1810-х годах оставленную мужем недвижимость, вдова не только получила средства для безбедного существования, но и могла помогать нуждающимся. Новым владельцем углового дома стал некий полковник Володимеров, возможно, бывший сослуживец покойного генерала.

В 1820 году здесь поселился новоиспеченный сенатор князь Г. С. Голицын (1779–1848), чудака и самодур, коими всегда изобиловала матушка-Россия. Родной брат знакомого читателям Федора Голицына, он был старшим сыном одной из племянниц Потемкина и крестником самой Екатерины II, поэтому карьера его с юных лет протекала без малейших затруднений. Десяти лет от роду (!) князь Григорий, названный так в честь своего благодетеля, уже имел чин капитана артиллерии.

Самое удивительное, что и при императоре Павле, ненавидевшем все, связанное с именем Потемкина, Григорий Голицын попал в любимцы и оставался таковым до 1799 года, после чего был отставлен «за неприличные поступки» и выслан из Петербурга. К тому времени двадцатилетний юноша дослужился до генерал-майора и управлял Военной канцелярией государства.

Александр I вновь принял Голицына на службу, хотя сделал это неохотно, уступая просьбам своей любовницы М. А. Нарышкиной, будучи невысокого мнения о способностях князя. Тем не менее в 1811 году Григорий Сергеевич получил заветный пост пензенского губернатора и, почувствовав себя самовластным хозяином, развернулся во всю ширь ничем не сдерживаемых сумасбродных наклонностей.

Г. С. Голицын

Из нахлебников и прихлебателей он завел собственный «двор», нарядив их в кафтаны серого цвета с синими стоячими воротниками. Но этого князю показалось мало; из писцов своей канцелярии и дворянской мелкоты он учредил особый «придворный штат» с «камер-юнкерами», «гофмаршалами» и «фрейлинами», облаченными в ливреи, пошитые из старых бархатных и атласных платьев его супруги. Для этих «подданных» по праздникам устраивались особые балы, начинавшиеся чинными полонезами, а заканчивавшиеся бешеными русскими плясками вприсядку. В качестве угощения подавались брусника и моченые яблоки.

Вдобавок ко всему, желая уподобиться Людовику XIV, Григорий Сергеевич, верный и нежный супруг, посчитал необходимым завести себе пару мнимых «метресс» (фавориток), на роли которых сгодились, по словам Вигеля, «две пожилые женщины, одна вдова, другая дева». При этом первая, которую Голицын пожаловал своей «маркизою де Монтеспан», неизменно обыгрывала его в бостон и ссужала деньгами под высокие проценты, а вторая, всерьез обожавшая легкомысленного шалуна, служила посмешищем всему городу. «И что всего забавнее, — прибавляет Вигель, — он заставлял жену показывать чрезвычайную холодность к обеим сим дамам...»

За этими забавами незаметно шли годы. Делами князь занимался мало, предоставив их в полное распоряжение одному советнику губернского правления, а сам, подражая библейскому

царю Давиду, распевал псалмы, переложенные на мотивы народных песен, аккомпанируя себе на арфе. Через пять лет Г. С. Голицына наконец уволили от губернаторской должности, а в 1819-м он попал туда, куда отправляли за ненадобностью всех неспособных сановников, то есть в Сенат. В 1822 году император предоставил ему трехлетний отпуск, и в сопровождении изрядно поредевшей челяди (имущественные дела Григория Сергеевича из-за его затей сильно пошатнулись) княжеское семейство отбыло в свои имения.

После Володимерова домом владел титулярный советник Богданов, продавший его в 1835 году графу Я. И. Эссен-Стенбок-Фермору, которого, невзирая на титул, можно назвать человеком чисто купеческой складки. Он приходился внуком Сарре Фермор, чей превосходный портрет кисти И. Я. Вишнякова украшает картинную галерею Русского музея. Ее муж, бригадир граф Понтус Стенбок, стал основателем новой ветви двух старинных родов шведско-шотландского происхождения.

В молодости Яков Иванович служил в аристократическом Конногвардейском полку; затем женился на единственной дочери бывшего столичного генерал-губернатора П. К. Эссена, присоединив фамилию тестя к своей. Он взял за супругой весьма значительное приданое и, перейдя с военной службы на гражданскую, пустился во все мыслимые и немыслимые предприятия. Он строит доходные дома и торговые бани, устраивает первый в городе водопровод, с невиданным размахом возводит гостиницу на Знаменской площади и одновременно – пассаж на Невском проспекте.

Правда, водопровод через несколько лет был продан им другому лицу, и дело это заглохло на долгие годы; гостиница обрушилась, потому что при постройке использовались некачественные материалы; но зато «Пассаж», которому уже перевалило за полтора столетия, остался нерушимым памятником графской предприимчивости. Да и гостиницу (нынешнюю «Октябрьскую» на площади Восстания) в конце концов все же достроили, и по сей день она принимает постояльцев.

Не забыл Яков Иванович и собственный дом, где прожил более двадцати лет: в 1848 году, в период наивысшей предпринимательской активности, он по проекту архитектора В. Е. Морганна расширил корпуса по Сергиевской улице и Воскресенскому проспекту, объединив их с упомянутым флигелем и сохранив классический фасад. Лишь в пристройке над въездными воротами использованы ренессансные мотивы.

Двумя годами ранее граф добился разрешения на устройство водопровода; с этой целью у Воскресенского наплавного моста на Неве была установлена «водокачальная машина», а от нее проложены деревянные трубы по Сергиевской, Знаменской и Малой Итальянской улицам. Разумеется, первым, куда пошла по водопроводу невовская вода, стал дом самого Я. И. Эссен-Стенбок-Фермора.

Последующие владельцы не меняли наружной отделки здания, и оно оставалось таким же, каким было в середине позапрошлого века. Четвертый этаж надстроили уже после войны, но сделали это умело и тактично, не нарушив общего силуэта и стилистических особенностей дома. Когда-то он считался одним из самых больших и представительных на Сергиевской, теперь же кажется совсем невысоким и вносит в перспективу улицы черты забытой старины.

Разные судьбы (Дома № 14, 16 по Воскресенской набережной – Дом № 59/14 по улице Чайковского)

Что определяет лицо Петербурга? Парадные ансамбли, невские набережные, шпиль Петропавловского собора? Да, несомненно. Это красота, понятная всем, способная восхитить любого человека, даже самого невосприимчивого к прекрасному. Но есть красота неброская, доступная лишь тем, кто по-настоящему влюблен в город, умеет любоваться его неприметными на первый взгляд уголками, ощущать поэзию старины. Это чувство можно и нужно развивать, как музыкальный слух, помогая находить гармонию там, где прежде слышалось лишь бессмысленное нагромождение звуков. Итак, мы начинаем, точнее, продолжаем наше путешествие в поисках уцелевших фрагментов старого Петербурга, затерянных среди позднейших построек, а чаще – просто спрятанных под штукатурным гримом, скрывающим их подлинный возраст.

Порой остатки старины находишь там, где меньше всего ожидаешь. Давайте заглянем на Воскресенскую набережную (которая раньше звалась именем Робеспьера) и обратим внимание на два одноэтажных здания – № 14 и 16. Они совершенно не вписываются в окрестный пейзаж с многоэтажными новостройками с одной стороны и сооружениями в стиле сталинского ампира и поздней эклектики – с другой.

Дом № 16 по Воскресенской набережной. Левый корпус (вверху). Правый корпус (внизу). Современное фото

Впрочем, несмотря на почти одинаковые размеры, в архитектурном отношении два этих корпуса отнюдь не однородны: тот, что слева, появился лишь во второй половине XIX века, а вот правый (№ 16), пожалуй, уместнее смотрелся бы внутри Петропавловской крепости. По внешнему виду он напоминает находящийся там Инженерный дом, возведенный в конце 1740-х для размещения складов и мастерских. И как оказалось, напоминает не случайно, потому что их роднит схожее утилитарное назначение и близкое время постройки.

А. И. Бибиков

По свидетельству первого историка Петербурга А. Богданова, «в 1748 году заложен... Сытной, или Запасной, дворец каменной, за Литейным двором, на берегу Невы», предназначенный для хранения царских съестных припасов. Находился он между Шпалерной и Захарьевской улицами, на том месте, где в начале XIX века архитектор Л. Руска построил сохранившиеся доныне великолепные казармы Кавалергардского полка. Через пять лет, в 1752-м, против нового Запасного двора соорудили каменные пивоварни, где варили пиво, мед и квасы для нужд придворного ведомства.

На сенатском атласе Петербурга 1798 года хорошо виден весь комплекс бывших пивоварен, использовавшихся к тому времени уже как складские помещения, производство же меда и пива переведено было на Выборгскую сторону.

Среди разноплановых и разноэтажных строений на плане показан и нынешний дом № 16; рядом с ним пустырь, где позднее появится его сосед – № 14, а еще левее – сохранившийся по сей день поперечный корпус, замыкавший комплекс пивоварен с восточной стороны. В настоящее время все эти здания отремонтированы; в доме № 16, слегка изменившем свой внешний облик по сравнению с публикуемой фотографией десятилетней давности, открыт магазин сувениров для иностранцев.

До 1860-х участок находился в гоф-интендантском ведомстве, а затем отошел к Кавалергардскому полку. В 1896 году в той его части, что примыкает к Воскресенскому проспекту (ныне – проспект Чернышевского), по проекту военного инженера Б. И. Сегена возведен офи-

церский корпус этого полка, а в начале 1950-х по соседству с ним – здание, где разместилась милицeйская часть.

Дом № 59/14 на углу улицы Чайковского и проспекта Чернышевского. Современное фото

Неподалеку, на углу улицы Чайковского (бывшая Сергиевская) и проспекта Чернышевского (№ 59/14), уцелел еще один старинный дом, первое печатное упоминание о котором относится к 1777 году. В ту пору участок, простиравшийся до самой Фурштатской, принадлежал вдове генерал-аншефа А. И. Бибикова (1729–1774), крупного военного и государственного деятеля. Его глубоко чтит и уважал сам Суворов – это говорит о многом; в трудную минуту Екатерина II обращалась именно к Бибикову, а это говорит еще о большем. Ранняя смерть помешала ему развить свои таланты, но и того, что он успел сделать, оказалось достаточно, чтобы навсегда вписать его имя на страницы русской истории...

Первоначально дом был вдвое меньше: большую часть участка занимал фруктовый сад. В 1799-м Бибикова продала свой особняк кузнечному мастеру Сычеву, а тот всего через год уступил его Артиллерийскому ведомству, владевшему им до самой Октябрьской революции. Спустя два десятка лет прежний сад обратился в пустырь, застроенный только в советское время.

В 1870-м по проекту архитектора Р. Р. Генрихсена к угловому двухэтажному корпусу по Сергиевской сделали трехэтажную пристройку и изменили оформление фасадов. В таком виде он и дошел до нас.

В конце 1980-х здание чуть было не снесли; тогда на волне пробуждающегося самосознания горожанам удалось его отстоять, однако теперешнее состояние особняка вызывает большие опасения. Сиротливый и заброшенный, дом терпеливо ждет решения своей участи. Будем надеяться, что она не будет столь же печальной, как у недавно разобранного дома Молчанова на Владимирском № 9...

Такие вот разные судьбы оказались у двух старинных петербургских зданий: прежнее складское помещение превратилось в элитный салон, а бывший особняк не нашел достойного применения и доведен почти до полного разрушения. Но ведь судьбы домов зависят от людей, и чем скорее это поймем, тем будет лучше для всех нас.

Короткая набережная с длинной историей

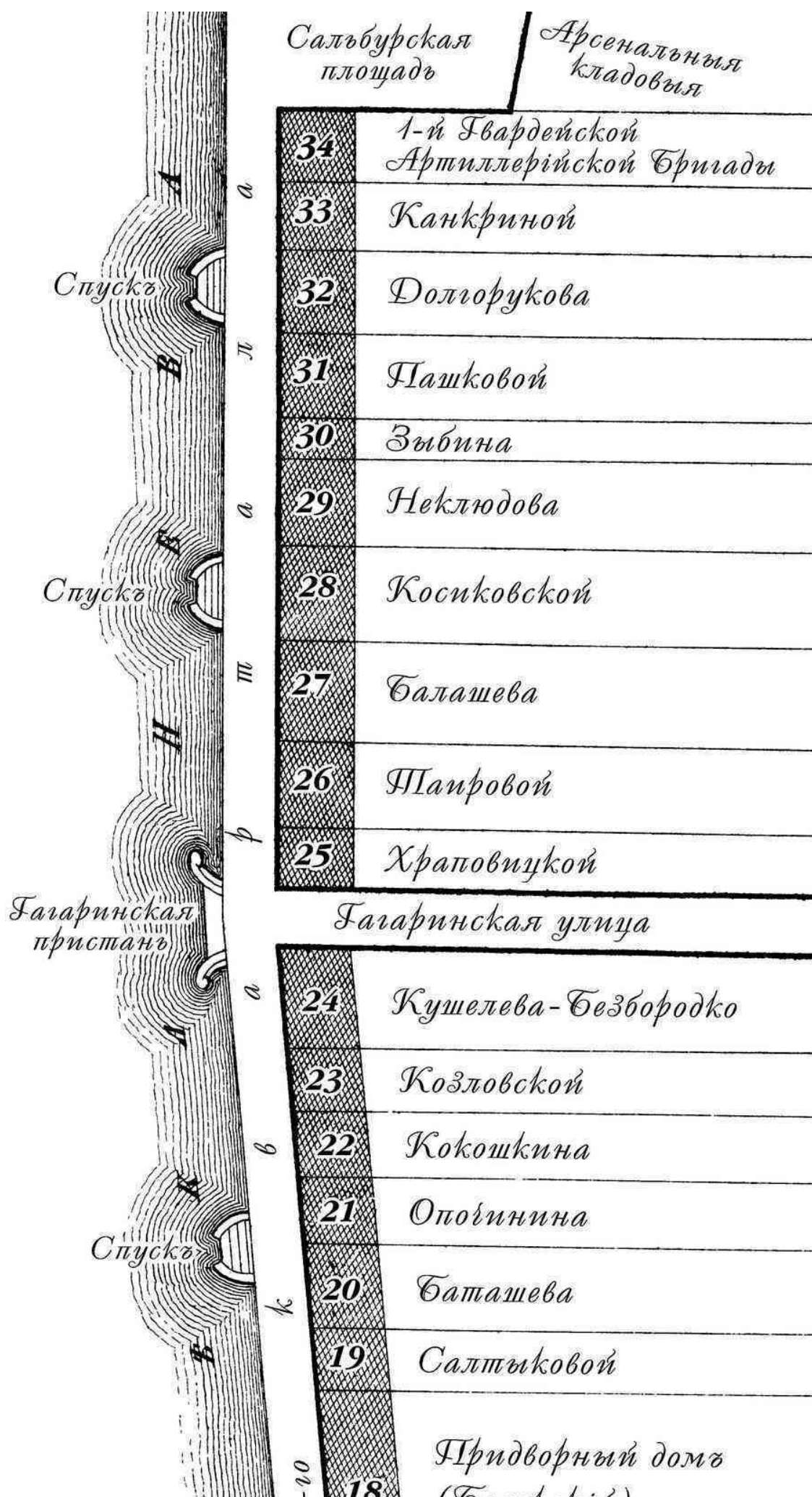

Протянувшаяся от Литейного проспекта до Фонтанки набережная Кутузова (так и хочется назвать ее в форме согласованного определения – Кутузовской!) довольно коротка – всего 720 метров, но история ее длинна и интересна. Обживать здешние места начали еще в первой трети XVIII века: в 1723 году по именному указу Петра на берегу Невы, неподалеку от истока Фонтанной речки, построили несколько постоянных дворов. По утверждению первого историка Петербурга А. Богданова, дворы эти «архитектурой преизрядною украшены были», но лет через двадцать пришли в ветхость и их разобрали.

На плане 1738 года левее дворов обозначено обширное «погорелое место», протянувшееся до самого Литейного двора. Естественным образом здесь возник рынок, который со временем получил прозвище Пустой, потому что, как поясняет Богданов, «литейной двор стал строением более распространяться, а жилья обывательского стало умаляться, то и тех торговых лавочек много умалилось и начал пустой зватися». Название оказалось устойчивым и перешло на каменный рынок, сооруженный в 1790-х между Гагаринской улицей и Соляным переулком.

В 1764 году начали забивать сваи под гранитную набережную, являвшуюся продолжением Дворцовой, а всего четырьмя годами позже основные строительные работы завершились. Автором инженерного проекта считается И. Л. Росси, однако в первоначальный вариант были внесены существенные изменения; кто именно их внес – до сих пор остается неизвестным. После появления новой набережной русло Невы у Летнего сада сузилось на несколько десятков метров, и сейчас даже трудно себе представить, какой видели ее прежние петербуржцы. Первые сто лет набережная именовалась Дворцовой, позднее – Гагаринской или Воскресенской, с 1902 по 1923 год – Французской, затем до 1945 года – Жореса и в том же году получила свое теперешнее название.

Наш путь мы начнем от дома 1-й лейб-гвардии артиллерийской бригады и закончим у здания Главного Дворцового управления, что, на мой взгляд, весьма символично: армия и двор во многом определяли судьбу Российской империи и тех, кто в ней жил. В стране, где народ безмолвствовал, роль глашатаев общественного мнения долгое время принадлежала почти исключительно дворянству. Немало представителей этого сословия встречается на страницах книги. Всегда ли они находились на высоте своего призвания, – судить читателям, я же старался представить их по возможности объективно, какими они виделись современникам. Но окончательное слово за потомками.

План набережной. Из «Атласа тринадцати частей С.-Петербурга», составленного Н. Цыловым в 1849 г.

Дом для артиллерийской бригады (Дом № 2 по набережной Кутузова)

Начиная с 1740 годов жизнь Литейной части оказалась тесно связанной с Преображенским полком. В ноябре 1796-го император Павел сформировал из бомбардирской роты этого полка и пушкарских команд Семеновского и Измайловского полков лейб-гвардии артиллерийский батальон. При Александре I он был преобразован в бригаду, которая прочно и надолго обосновалась в той же Литейной части. Артиллеристы заняли бывший полковой двор преображенцев (Литейный, 26), где разместились солдатские казармы и штаб, а под офицерские квартиры им отвели бывший дом протоиерея А. А. Самборского, о котором пойдет речь в следующей главе.

Со временем он сделался тесноват, и в 1851 году внимательное к нуждам гвардии начальство решило построить два особых здания в самом начале Литейного проспекта, по обеим его сторонам. Одно предназначалось для пешей артиллерии (о нем-то мы и будем говорить), а другое – для конной. Одновременно Воскресенский наплавной мост через Неву, называвшийся так потому, что находился напротив одноименного проспекта (ныне проспект Чернышевского), перенесли ниже по течению, к Литейному, а чтобы сделать его сквозным, понадобилось разобрать старинный Литейный двор, загораживавший въезд на мост.

Автором проектов обоих домов был архитектор А. П. Гемилиан (1811–1881), построивший немало зданий в столице, человек трагической судьбы. Семейная легенда гласит, что его отца, графа де Трессана, во времена французской революции преданная кормилица тайком вывезла в Англию под вымышленной фамилией Гемилиан. Позднее неведомыми путями он очутился в России, женился на остзейской немке и в 1810 году принял русское подданство.

Дом № 2 по набережной Кутузова. Современное фото

Через год у них родился сын Александр. Получив домашнее образование, мальчик соби-
рался поступить в специальный класс Института инженеров путей сообщения, но не был при-
нят по причине слабого здоровья. Тогда он определился учеником к одному малоизвестному
зодчему и начал посещать архитектурные классы Академии художеств. Настоящим же своим
учителем Гемилиан считал В. П. Стасова.

В 1834 году Александр Петрович получил малую серебряную медаль и звание вольного
художника, после чего началась его практическая деятельность. Он строит множество част-
ных домов, большинство из которых впоследствии изменят свой облик. 13 марта 1837 года
А. П. Гемилиан принимают на казенную службу: он становится архитектором арсенала. До
сих пор в начале улицы Комсомола можно видеть спроектированные им здания, которым при-
своен статус памятников архитектуры.

В 1845 году Гемилиан удостоивается звания академика архитектуры. Среди наиболее
известных его построек того времени, помимо арсенала, – казачьи казармы на Обводном
канале и бывшая Знаменская гостиница графа Я. И. Эссен-Стенбок-Фермора на площади
перед Московским вокзалом. Она-то и сыграла в жизни зодчего роковую роль...

На свою беду, Александр Петрович, поставивший подпись на проектной чертеже и погло-
щенный другими обязанностями, не наблюдал за тем, как велось строительство, за что и попла-
тился. Граф, человек откровенно авантюристической складки, пустился в рискованное пред-
приятие, не имея достаточных средств, в надежде на банковскую ссуду под незаконченное
здание.

По каким-то причинам получить ее не удалось, и тогда он, в отсутствие архитектора,
велел строить третий этаж из дешевых, недоброкачественных материалов. В апреле 1853 года
произошел обвал; ни в чем не повинный Гемилиан был на два месяца посажен на гауптвахту,
а затем уволен со службы с запрещением в течение нескольких лет заниматься частными

постройками. Этот случай стал для него страшным ударом, от которого он так и не смог оправиться.

О том, как сложилась дальнейшая судьба А. П. Гемилиана, мы узнаём из опубликованного в «Неделе строителя» некролога: «Влача с тех пор жизнь под влиянием постигшего его горя, покойный постепенно подвергался психическому расстройству, приведшему его в состояние полнейшей апатии. Между тем средства к жизни, и без того ограниченные, постепенно сокращались при многочисленном семействе, и он скончался в более чем скромной обстановке».

Но все это случилось позднее, а в начале 1850-х, когда возводился дом для артиллерийской бригады, архитектор находился на вершине успеха и популярности; недаром именно к нему обратился граф Стенбок-Фермор, так жестоко сломавший его жизнь.

Место, где и поныне стоит недавно отремонтированное, а потому особенно нарядное здание с фасадами во вкусе итальянского Возрождения, в 1790-х занимал небольшой, но тщательно ухоженный сад упоминавшегося мной протоиерея Самборского, о доме которого пришел черед поговорить.

При всех властях стоял... (Дом № 4 по набережной Кутузова)

Тот, кто впервые попадет на набережную Кутузова, вероятно, обратит внимание на здание, расположенное на углу Кричевского, бывшего Самбурского, переулка. Его наружный вид, хотя и пострадавший от пожара, изменился все же в меньшей степени, чем внутренний, и фасады по-прежнему блещут богатством эклектического декора. Об остальном можно лишь догадываться: интерьеры бывшего графского особняка, долгое время занимаемого Домом писателей, почти полностью погибли от огня.

Невольно вспоминаются слова камергера Митрича из «Золотого тельца»: «При всех властях стоял. Хороший был дом. А при советской сгорел». Справедливости ради отметим, что дом на набережной сгорел не при советской власти, а уже при нынешней...

Началась же его история больше двухсот лет назад, в 1780-х, когда гвардии капитан-поручик П. О. Кожин на отведенном ему участке у Литейного двора в положенный срок возвел трехэтажные палаты, обращенные фасадами на три стороны. Местоположение здания обусловило его характерную особенность – скругленные углы, сохранившиеся и поныне.

Очевидно, расходы, сопряженные с постройкой, оказались Кожину не под силу, и он сначала расстался с принадлежавшим ему кирпичным заводиком «близ мызы Пеллы», поставлявшим материалы для строившегося там дворца, а в апреле 1789-го банк продал за долги его собственное, еще не вполне законченное жилище. Покупателем оказался царскосельский протоиерей А. А. Самборский (1753–1815), весьма примечательная среди русского духовенства личность.

Дом № 4 по набережной Кутузова. Здание Дома писателей им. В. В. Маяковского. Фото Л. О. Бернштейна²⁶. 1970-е гг.

В ту пору Андрей Афанасьевич состоял при великих князьях Александре и Константине Павловичах «для наставления в христианском законе». По отзывам современников, это был человек безупречной честности, большого ума, восприимчивый и любознательный. Не один десяток лет он провел при дипломатических миссиях за границей, владел несколькими иностранными языками и не упускал случая пополнить свое образование.

Самборский считался одним из лучших в России знатоков сельского хозяйства, в особенности садоводства. Прикупив пустующий участок казенной земли, прилегавший к его дому с восточной стороны, Андрей Афанасьевич развел на нем небольшой сад, для которого выписал из-за границы плодовые кусты и деревья лучших сортов. Он также основал в имении Александровка близ Царского Села школу земледелия.

А. А. Самборский находился в дружеских отношениях со многими выдающимися людьми своего времени, в частности, писателем и дипломатом И. М. Муравьевым-Апостолом, отцом будущих декабристов. Тот проживал с семьей у него в доме после возвращения на родину; именно здесь родился средний из братьев, Сергей, впоследствии казненный. Знаком был Андрей Афанасьевич и с родителями известного государственного деятеля и правоведа М. М. Сперанского, который с детских лет питал к доброму священнику глубокую любовь и уважение.

Только в среде своих коллег отец Андрей не находил понимания. Они с крайним предубеждением относились к его европейским взглядам, особенно к привычке брить бороду, обвиняя протоиерея в ереси. По этому поводу порой дело доходило до жарких религиозных диспутов, едва не заканчивавшихся рукоприкладством.

²⁶ Фото из Центрального Государственного архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга.

И. М. Муравьев-Апостол со старшей дочерью Елизаветой

В мае 1798 года А. А. Самборский продал свой отлично обустроенный участок казенному ведомству – Экспедиции государственного хозяйства, а вскоре там размещают лейб-гвардии артиллерийский батальон. Дом приспособляют под офицерские квартиры, и в этом качестве он используется до середины 1850-х, пока офицеры не перебираются в новые здания.

Опустевший дом в 1858 году покупает отставной штабс-капитан 1-й артиллерийской бригады барон Б. А. Фитингоф и тут же приступает к его перестройке по проекту Е. А. Тура. В результате изменился как внутренний, так и наружный облик здания, получившего модную в то время барочно-ренессансную отделку фасадов, которую в основных чертах сохраняет и по сей день²⁷.

Теперь несколько слов о владельце особняка. Борис Александрович Фитингоф-Шель (1828–1901) был довольно известным некогда композитором-дилетантом, написавшим музыку к трем операм и двум балетам. В свое время он даже соперничал с А. Г. Рубинштейном и ссорился с ним как раз на почве сочинительства. Сыр-бор разгорелся после того, как Антон Григорьевич, ознакомившись с партитурой уже законченной Фитингофом оперы «Демон» (либретто к ней написал В. А. Соллогуб), неожиданно объявил, что собирается писать одноименную оперу.

²⁷ В архивном деле по данному участку нет изображений ни старого, ни нового фасадов, но на проекте перестройки соседнего дома № 6, выполненном в 1867 году архитектором К. Я. Соколовым, показана часть дома № 4 уже в нынешнем виде.

В сентябре 1871 года в дирекцию Императорских театров были представлены сразу два «Демона», окрещенные тогдашними островами «Демон Антонович» и «Демон Борисович». Надо признать, что последний не выдержал конкуренции и, поставленный под новым названием «Тамара», после нескольких представлений навсегда канул в Лету. Та же судьба постигла и прочие оперы и балеты Б. А. Фитингофа, известные ныне лишь узкому кругу специалистов. Но помимо музыкальных опусов, Борис Александрович оставил довольно любопытные воспоминания, представляющие интерес и по сей день.

Вселившись в обновленное жилище, отставной штабс-капитан сменил прежние занятия, посвятив свой неограниченный досуг служению музам. Вечерами в его доме собирались друзья и знакомые, чтобы сообща предаваться музыкальным и литературным занятиям. Писатель В. А. Соллогуб, постоянный посетитель этих собраний, желая придать им оригинальность, составил особый регламент, которого участникам надлежало неукоснительно придерживаться.

Итак, всякий записавшийся в члены «Клуба ярых ревнителей», как окрестил его Соллогуб, должен был заявить свою специальность и выдержать по ней вступительный экзамен на первом же собрании. Устав позволял любезничать с женщинами не ранее чем за ужином, чтобы не мешать остальным музицировать и слушать чтение. Для изъявления восторга разрешалось лишь молча возводить очи к небу, с соответствующей жестикуляцией. Любые карточные игры категорически воспрещались.

В число «ярых ревнителей» входили: композитор А. С. Даргомыжский, скульптор Н. С. Пименов, певец В. П. Опочинин, которому П. А. Вяземский однажды поднес жетон «За 25-летнее беспорочное пение», и другие, а в число почетных членов – директор придворной певческой капеллы, автор национального гимна А. Ф. Львов.

Зимой 1868/69 года частым гостем в доме Фитингофа был «друг всех поэтов» князь П. А. Вяземский; его внучка, Екатерина Павловна, только что вышла замуж за графа С. Д. Шереметева, занимавшего квартиру на третьем этаже. Вот как описывает Сергей Дмитриевич одно, особо памятное из таких посещений: «Пришел Петр Андреевич, когда уже смеркалось, и прямо наверх. На столе случайно лежал том Баратынского. Князь видимо обрадовался ему и уже не выпускал из рук. Громко прочел он «Не искушай меня без нужды». Потом показал стихотворение, ему посвященное, и взволнованным голосом стал читать:

Ищу я вас; гляжу, что с вами?
Куда вы брошены судьбами,
Вы, озарявшие меня
И дружбы кроткими лучами,
И светом высшего огня...

По мере чтения голос его дрожал, и он едва удерживал слезы. Таким я видел его в первый раз».

В 1883 году в особняке на Гагаринской набережной поселяется его последний владелец – граф А. Д. Шереметев с молодой супругой. Обстоятельства его женитьбы не совсем обычны. Началось с того, что Александр Дмитриевич влюбился в дочь камергера В. А. Грейга из знаменитого рода мореплавателей и уже собирался просить ее руки, но его смущало одно обстоятельство – лютеранское вероисповедание избранницы.

Своими сомнениями он поделился с духовником, который решительно отсоветовал ему брак с «еретичкой», а заодно указал и на достойную невесту – графиню М. Ф. Гейден, мать которой была примерной прихожанкой и вдобавок начальницей Георгиевской общины сестер милосердия. Доводы пастыря вполне убедили Шереметева, и, как пишет современник, «набожный мальчик поспешил последовать такому совету».

После свадьбы граф решил коренным образом переделать свой особняк; с этой целью были приглашены не один, не два, а целых четыре архитектора – В. Г. Тургенев, В. А. Пруссков, А. И. Гоген и Д. Д. Зайцев, которые заново спроектировали отделку внутренних помещений. Фасады здания также претерпели кое-какие изменения; важнейшим из них стало устройство трех эркеров (крытых балконов).

Проекты главной лестницы, зала и парадных комнат разработал А. И. Гоген, причем, по желанию заказчика, некоторые из них повторяли убранство родового гнезда Шереметевых на Фонтанке, 34. В 1885 году основные работы были завершены. Домовую церковь в русском стиле, устроенную двумя годами позже (она помещалась над парадной лестницей), спроектировал молодой зодчий Г. В. Барановский.

Как большинство людей, Александр Дмитриевич Шереметев был личностью противоречивой, способной на добрые дела, но не свободной и от крупных недостатков. Что касается первых, то они видны всякому: большой любитель музыки, организатор благотворительных концертов для широкой публики, горячий и бескорыстный поборник развития пожарного дела в России... А наряду с этим – самодур с крепостническими замашками.

В дневнике издателя «Нового времени» А. С. Суворина есть запись, сделанная 28 марта 1897 года: «Вчера адвокат Петрашевский приходил... просить меня не помещать отчета о разбирательстве у мирового судьи, который приговорил графа Шереметева, известного под именем «Пожарного», к 2 неделям ареста за то, что он побил своего слугу, и побил за то, что тот неловко затворил форточку. Рассказывали подробности очень нехорошие о диком нраве этого господина. Граф наградил побитого деньгами». Все как в доброе старое время! Похоже, что набожность А. Д. Шереметева не удерживала его от поступков, которые трудно назвать христианскими.

В 1918 году граф с семьей эмигрировал во Францию, где на досуге занялся генеалогическими изысканиями и мемуарами. Его бывший особняк в 1922 году был разграблен; впрочем, часть картин, мрамора и семейных реликвий вернулась в Фонтанный дом, откуда она и была взята при разделе братьями отцовского имущества. Часть коллекции поступила в Эрмитаж. С 1934 года здесь разместился Дом писателей.

Посетителям злополучного особняка (меньше всего среди них было писателей), наверное, памятли бесчисленные переходы, закоулки и тупички, которыми приходилось пробираться в нужную комнату, а внезапно открывавшиеся двери из убогих коридоров в дивные апартаменты только усиливали сходство с огромной коммунальной квартирой, обосновавшейся в барских хоромы. Чем не «Воронья слободка»? Рано или поздно ей суждено было сгореть... Теперь у дома новые хозяева, разумеется далекие от литературы. А писателям, увы, придется искать «чего-нибудь попроще» или смириться с положением вечных погорельцев. Такой печальный факт, граждане.

Тихая пристань (Дом № 6 по набережной Кутузова)

Если смотреть на него с противоположного берега или с борта теплохода, откуда не видны мелкие детали, он кажется таким же, каким выглядел двести с лишним лет назад, когда был только что построен. Элементы наружной отделки со временем менялись, но архитектурные членения и общий силуэт здания остались неизменными.

В 1774 году премьер-майор П. Я. Толстой (не родственник графов Толстых) получил участок земли, выходящий, как сказано в купчей, «на улицу пустого рынка... и на Дворцовую набережную». Строиться, однако, он начал не сразу, что видно из газетного объявления, относящегося к 1777 году. Там о новом доме его соседа, кровельщика Егерера, говорится как о «последнем каменном... по набережной у литейного двора».

По закону всякий владелец участка обязан был застроить его в определенный срок, в противном случае участок у него отбирался и передавался другому. Очевидно, П. Я. Толстой все же уложился в отведенное время, и к концу 1770-х годов дом был готов. Он имел три этажа в высоту и одиннадцать осей в ширину, с центральным трехконным ризалитом, то есть смотрелся примерно так же, как и теперь, хотя оформление фасада было конечно же иным и отсутствовал появившийся позднее балкон. Двухэтажный флигель дома, выходящий на Шпалерную, выглядел скромнее.

В 1794 году П. Я. Толстой умирает; его брат и наследник продает участок за 14 тысяч рублей придворному парикмахеру М. М. Яковлеву, а тот, в свою очередь, спустя семь лет перепродает его уже за 23,5 тысячи адмиралу Григорию Григорьевичу Кушелеву (1754–1833), владевшему им свыше тридцати лет.

Дом № 6 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

Ко времени приобретения дома золотые дни для адмирала уже миновали, и он подыскивал себе тихую пристань, где мог бы успокоиться после житейских бурь. Вся его прошлая блестящая карьера была связана с покойным императором Павлом, которому он верно служил, никогда не подвергнувшись опале, что само по себе могло почитаться величайшей редкостью. Он сделался известным будущему самодержцу, когда тот еще ходил в великих князьях, сумел приобрести его расположение и был назначен командиром гатчинской флотилии.

При Екатерине Кушелев дослужился лишь до капитана 1-го ранга, но с воцарением ее наследника тут же получил звания вице-адмирала и генерал-адъютанта. В 1798 году он уже сделался полным адмиралом и вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, а немного погодя удостоился графского титула. В отличие от многих других «гатчинцев», снискавших дурную славу опереточных вояк, бурбонов и хрипунов, Г. Г. Кушелев принес отечественному флоту немалую пользу правильной постановкой корабельного дела и собиранием географических карт; по его настоянию Балтийское море стало объектом пристального внимания и изучения.

Л. И. Безбородко с сыновьями

После вступления на престол Александра I Кушелева удалили от дел, и он посвятил остаток жизни весьма плодотворным занятиям сельским хозяйством и приращению своего и без того огромного состояния. Ему удалось его преумножить женитьбой на Любови Ильиничне Безбородко, племяннице и наследнице канцлера, считавшейся одной из богатейших невест. На ее долю, по самым скромным подсчетам, приходилось на 10 миллионов движимого и недвижимого имущества, помимо денежного капитала. На публикуемом портрете графиня с детьми изображена возле скульптурного бюста своего благодетеля.

К моменту женитьбы Кушелев был уже сорокапятилетним вдовцом, правда, осыпанным милостями императора, невесте же едва исполнилось шестнадцать. Павел выразил недовольство по поводу этого брака, заподозрив своего любимца в расчетливости и корыстолюбии. Как раз в ту пору адмирал неожиданно захворал, и переменчивый в своих симпатиях монарх в разговоре с А. С. Шишковым выразил уверенность в том, что «англичанин», то есть лейб-хирург Я. Виллие, непременно «уморит» больного, примолвив по сему случаю: «Впрочем, не велика беда, если и умрет! Он женился на богатстве и пошел в холопы к своей жене. Я сам, сударь, люблю женщин, но не стану ездить у них на запятках!» В качестве верного друга и сослуживца Шишков постарался уверить императора в том, что тот не нуждается в богатстве, будучи и так по заслугам вознагражден щедротами государя.

После десяти лет замужества Любовь Ильинична скончалась, оставив супругу двоих сыновей – Александра и Григория, которых он отдал на воспитание сестре жены, княгине Клеопатре Ильиничне Лобановой-Ростовской. Со своей стороны отец не забывал посылать детям письменные наставления, в которых наглядно отразились его личность и житейские воззрения.

Так, в одном из писем, относящихся к 1822 году, он вразумлял двадцатидвухлетнего Александра: «Я слышу, что ты в бытность в Павловске (одно из имений Кушелева. — А. И.) разливал шанпанское по бородам крестьян. Тому подобной был некто Корсаков, сосед по Краснопольцу, которой тоже кучеров поил шанпанским, а после по чужим углам скитался, не имея и горелки. Прошу тебя, будь умерен в издержках, не смотри на советников... Они ничего не потеряют, хотя ты и разоришься, тогда оставят тебя одного».

Г. Г. Кушелев с сыновьями Александром и Григорием

В другом послании, написанном тремя годами позже, Кушелев продолжает наставлять сына: «Последний мой тебе совет: пожалуй люби свое отечество более чужбины... не расточай имущества на пустую пышность, которая и с чином твоим не согласна: богатея тебя вошли в неоплатные долги и лишаются имения, и из роскоши впадают в бедность. Ты еще не канцлер Безбородко, а помышляешь о пышности, роскоши и стараешься токмо не о приобретении твердых имуществ, но лстящее тщеславию и роскоши».

Отеческие увещевания не пропали втуне: в дальнейшем граф А. Г. Кушелев-Безбородко, принявший в дополнение к своей фамилии двоюродного деда, прослыл отнюдь не расточительностью, а скорее чрезмерной экономностью, если не сказать больше.

Есть в одном из писем старого адмирала и строчки, касающиеся дома на набережной. В ответ на сообщение Александра, жившего в то время в родительском особняке, о намерении подвергнуть его кое-каким переделкам, Г. Г. Кушелев пишет 7 апреля 1822 года: «Я охотно позволю тебе совсем перейти в бельэтаж и, уничтожа баню, занять его весь, а на случай моего

приезда мне оставить низ, ибо мне же покойнее будет внизу... Как ты хочешь устраивай для себя средний этаж, но при том не забудь, что как долги повыплатишь, то для тебя надобно будет купить дом, ибо сей дом принадлежать будет Грише, так как он в нем родился». Вняв предупреждению родителя, Александр Григорьевич приискал себе неподалеку, на той же набережной, другой дом, о котором речь впереди.

Его младший брат Григорий, войдя в обладание отцовским особняком, который уже приобрел к тому времени позднеклассический облик, задумал было произвести в нем некоторые перестройки. Однако затем он отказался от своего намерения, купив себе другой дом, а унаследованный им продал министру финансов графу Егору Францевичу Канкрину (1774–1845), готовившемуся выйти в отставку.

Велики заслуги этого выдающегося государственного деятеля. Родом из Гессена, он прибыл в Россию двадцати трех лет, в царствование Павла. Поначалу ему пришлось нелегко. Не получая достаточной поддержки от отца, он жил весьма бедно и даже терпел нужду, что закалило его характер и приучило к бережливости. До самой смерти Егор Францевич вел самый скромный образ жизни и, уже будучи министром, почти постоянно расхаживал дома в солдатской шинели, с дешевой сигарой в зубах.

В 1811 году он был назначен помощником генерал-провиантмейстера, в начале Отечественной войны занял пост генерал-интенданта 1-й армии, а спустя несколько месяцев – генерал-интенданта всех русских войск и сумел поставить дело так, что наша армия всегда имела все необходимое. В 1816 году Е. Ф. Канкрин подал Александру I записку об освобождении крестьян, но эта идея натолкнулась на сильнейшее сопротивление дворянства и не нашла понимания у императора, взгляды которого успели сильно измениться.

В 1823 году Канкрин был назначен на пост министра финансов и занимал его целых двадцать лет. Многие тогда предрекали, что немец-мизантроп, нелюдим и ворчун с резкими выходками, безбожно коверкающий русский язык, не знает и не понимает России и непременно ее разорит. Однако вышло наоборот: он оказался превосходным финансистом и неутомимым работником, трудившимся по пятнадцать часов в сутки, не считая времени на прием посетителей.

За годы своей полезной и плодотворной деятельности Канкрин осуществил финансовую реформу, ввел в качестве основы денежного обращения серебряный рубль, установив притом обязательный курс ассигнаций. Этими и другими мерами он добился бездефицитности государственных бюджетов, укрепив финансовую систему страны.

Бедность, испытанная Егором Францевичем в молодости, приучила его так же неохотно тратить деньги из казенного кармана, как из собственного. Он любил повторять, что в государственном, как и в частном, быту разоряются не столько от крупных трат, сколько от повседневных, мелочных издержек, ибо первые делаются не вдруг, а по зрелом размышлении, тогда как на последние не обращаешь внимания.

Между тем от напряженной работы здоровье министра стало сильно сдавать. В 1839 году с ним случился легкий апоплексический удар. Поправившись, он начал проситься в отставку, заблаговременно подыскав и купив дом, чувствуя, что казенную квартиру скоро придется оставить. Государь долго не соглашался, предпочитая давать ему отпуска для поправления здоровья. Однако в начале 1844 года Канкрин снова опасно заболел и 1 мая был наконец освобожден от должности, после чего смог водвориться в собственном особняке на Воскресенской набережной.

Эти места были ему давно знакомы: до того, как он стал министром, ему принадлежал дом на Шпалерной улице (в то время она тоже именовалась Воскресенской), почти напротив его теперешнего жилища. Будущий министр поселился там со своей супругой Екатериной Захаровной (он называл ее по отчеству – «Сахаровной», выговаривая это слово на немецкий лад), на которой женился в 1816 году, еще сравнительно молодым человеком.

И вот теперь ему суждено было вернуться сюда снова, но уже больным стариком, стоящим на краю могилы. Некогда юная и очаровательная жена его, сестра декабриста А. З. Муравьева, тоже изменилась до неузнаваемости, превратившись в безобразно толстую пожилую женщину, единственной страстью которой сделалась игра в вист. Их семейная жизнь сложилась удачно: супруги любили друг друга и были счастливы, в том числе и в детях, которых имели шестеро. В последний день жизни Егора Францевича жена читала ему вслух политико-экономический трактат. Она пережила мужа всего четырьмя годами.

В 1851 году дом Канкрин перешел к генерал-адъютанту С. А. Юрьевичу, купившему его на имя жены. И Семен Андреевич, подобно предыдущему владельцу, поселился здесь, выйдя в отставку с расстроенным здоровьем, в надежде обрести все ту же тихую пристань.

Будущий генерал от инфантерии родился в 1798 году, воспитывался в Первом кадетском корпусе, а затем преподавал в нем. Там он обратил на себя внимание великого князя Николая Павловича, и по воцелствии на престол тот назначил его состоять при особе цесаревича Александра Николаевича. В 1837 году в составе его свиты он участвовал в путешествии по России, предпринятом наследником, по выражению А. И. Герцена, «чтобы себя ей показать и ее посмотреть». Интересны письма С. А. Юрьевича к жене, где он делится впечатлениями от этой поездки и описывает ее подробности.

Семен Алексеевич продолжал состоять при цесаревиче до 1850 года, заведывая его перепиской, а затем, лишившись зрения, был уволен от дел и провел остаток жизни в своем доме, который наследники после его смерти продали академику архитектуры, военному инженеру К. Я. Соколову.

Новый владелец, как и следовало ожидать, первым делом принялся за перестройку дома. Для этого им были составлены два проекта: первый, рассмотренный и одобренный в апреле 1867 года, предполагал лишь небольшое повышение окон третьего этажа, а второй, утвержденный тремя месяцами позже, предусматривал оформление фасада в стиле раннего французского классицизма и внутреннюю перестройку всего здания. Последний проект и был осуществлен, после чего дом принял тот вид, который сохраняет и по сей день. В это же время К. Я. Соколов возводил одно из главных своих сооружений – хирургическую клинику Виллие на углу Большого Сампсониевского проспекта и Боткинской улицы.

В 1877 году Соколов продал дом действительному статскому советнику М. Е. Петрову, надстроившему двухэтажный флигель, выходивший на Шпалерную, до трех этажей. Тогда же был переделан его старинный фасад, сохранявшийся в неприкосновенности с 1770-х годов. Через пятнадцать лет сын владельца, Г. М. Петров, с которым нам еще предстоит встретиться, произвел по проекту К. Вергейма еще одну внутреннюю перестройку главного здания, а в 1899 году продал весь участок Елизавете Петровне Скоропадской, сестре будущего недолговечного гетмана «Украинской державы».

Хотя дом был куплен на имя Елизаветы, которой в ту пору исполнилось всего лишь двадцать один год, сама она в нем поселиться не успела; там жила ее мать Мария Андреевна, урожденная Миклашевская, вдова полтавского помещика, в прошлом бравого кавалергарда Петра Ивановича Скоропадского. Ее сын, Павел Петрович, служивший, как и отец, в кавалергардском полку, жил со своей семьей отдельно от нее, на Фурштатской.

Очевидно, готовясь к приезду дочери, которую предстояло вывозить в свет, вдова затеяла ремонт и уже успела изменить по проекту С. А. Данини фасад на Шпалерную, но тут случилось несчастье: 14 августа того же 1899 года ее дочь Елизавета неожиданно скончалась. Для бедной матери все сразу потеряло смысл; она поспешно продала только что подновленный дом владельцу соседнего особняка графу А. Д. Шереметеву.

Зачем понадобился графу еще один дом – сказать трудно. Скорее всего, в качестве дополнительной доходной статьи, хотя богатство Александра Дмитриевича и без того было достаточно солидным. По крайней мере, его хватало на то, чтобы содержать симфонический оркестр

из семидесяти человек и хор из сорока. Руководил он и Придворной певческой капеллой. С 1898 года А. Д. Шереметев начал устраивать общедоступные народные концерты с серьезной программой, пользовавшиеся большим успехом. Граф и сам писал духовную музыку для хора, который существовал еще при его предках.

Правда, кое-кто из хорошо осведомленных людей утверждал, что на свою музыкальную деятельность Шереметев смотрел как на забаву, на развлечение, тешившее его барское самолюбие и тщеславие. Не оспаривая приведенного суждения (граф и в самом деле был не свободен от этого порока), хочу все же заметить, что он избрал не худший способ для удовлетворения своего тщеславия: во всяком случае, тешил он его с пользой для общества.

В не меньшей степени, чем в музыкальной области, Александр Дмитриевич проявил свои таланты в развитии и усовершенствовании пожарного дела, подлинным знатоком и фанатиком которого он являлся. В своем пригородном имении Улянка он организовал особый пожарный отряд, оснащенный по последнему слову тогдашней техники. Кроме того, с 1892 года граф издавал журнал «Пожарный», название которого со временем превратилось в прозвище самого издателя.

Помимо особняка на Гагаринской набережной, где он жил, и купленного у Скоропадской доходного дома, А. Д. Шереметев владел еще одним, а точнее, двумя домами, расположенными на одном участке – Большой Конюшенной, 5 и Мойке, 14, поблизости от места службы, то есть Придворной певческой капеллы, чтобы далеко не ездить. Что ж, граф мог позволить себе такую роскошь!

Из всех этих зданий дом № 6 по набережной Кутузова сохранился едва ли не наилучшим образом, счастливо избежав пожаров, наводнений, коммунальных квартир и прочих стихийных бедствий. Уцелела внутренняя отделка некоторых помещений, и даже устоял «зонтик» у подъезда, что ныне принадлежит к редкостям. Дай бог, чтобы и впредь судьба дома была столь же благополучной.

Свидетель «века золотого» (Дом № 8 по набережной Кутузова)

Рядом с бывшим домом Шереметева возвышается пятиэтажное здание в неоклассическом стиле. Так оно стало выглядеть с 1912 года, после перестройки по проекту гражданского инженера Н. Л. Захарова, а ранее представляло собой трехэтажный особняк, неоднократно переделывавшийся в соответствии с менявшимися вкусами.

Такова судьба большинства старинных домов Петербурга. Обычно мы видим уже второй или третий архитектурный слой, под которым трудно бывает разглядеть первоначальный облик: время, накладывая свой отпечаток, скрывает прошлое. И все же оно пробивается наружу, напоминая о себе то какой-нибудь деталью вроде уцелевшего ризалита, то ритмом оконных и дверных проемов, очертаниями подвальных окон и т. д. Постепенно начинаешь узнавать в переодетом незнакомце первозданные черты и понимать, что прошлое здесь, рядом, оно не исчезло бесследно, и протягивается невидимая нить, соединяющая нас с далеким XVIII веком, когда история дома только начиналась.

Построен он был в 1774–1775 годах кровельным мастером Францем Осиповичем Егерером на отведенном ему свободном участке. В ту пору главное здание имело три этажа, а флигель на Шпалерную – два; фасады имели отделку в стиле раннего классицизма. Первое упоминание о нем можно найти в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1777 год: «В последнем каменном доме по набережной у литейного двора, состоящую в заднем одного дома, что к Пустому рынку, лентошную фабрику со всеми машинами желающим купить, о цене спросить в том же доме, принадлежащем кровельщику Егереру».

Из объявления следует, что домов № 4 и 6 в то время еще не существовало, а флигель, выходящий на Шпалерную, поначалу использовался как производственное помещение.

Дом № 8 по набережной Кутузова. Современное фото

В 1783 году дом приобретает фрейлина Екатерины II Анна Степановна Протасова (1745–1826), двоюродная племянница братьев Орловых, пользовавшаяся некоторым влиянием при дворе. По поручению императрицы ей приходилось выполнять весьма щекотливую миссию:

в ее обязанности входило устраивать пробные испытания претендентам на должность фаворита, и с этим заданием она успешно справлялась. Малопривлекательная наружность и сварливый характер ей ничуть не мешали. Многие придворные не стеснялись даже ухаживать за немолодой и некрасивой фрейлиной, чтобы заручиться нужной протекцией.

Правда, не со всеми выдержавшими экзамен Анна Степановна впоследствии ладила. К примеру, А. М. Дмитриев-Мамонов считал ее не более чем царицыной «шутихой» и проявлял к ней крайнее презрение. Зато его преемник Платон Зубов не стеснялся на первых порах прибегать к ее покровительству и поддержке.

А. С. Протасова, фрейлина Екатерины II

Вместе с А. С. Протасовой проживали пять ее племянниц, дочерей покойного брата, которых она воспитывала на свой лад, а потом устроила для них выгодные партии. Кроме собственных племянниц, на ее попечении находились также две побочные дочери Григория Орлова и Екатерины II, девицы Алексеевы.

Наиболее известная из племянниц Протасовой, Екатерина, вышла замуж за будущего московского главнокомандующего Федора Васильевича Ростопчина, полюбившего ее в полном смысле слова «за прекрасные глаза». Их брак был счастливым до тех пор, пока воспитанная в вольнодумстве и все же искавшая опоры в религии Екатерина Петровна, следуя увещаниям иезуитов, не приняла католичество и не склонила к нему свою дочь, любимицу отца, умершую восемнадцати лет от роду. После этого отношения супругов испортились, и Ростопчина стала вести уединенный и замкнутый образ жизни, редко показываясь в свете.

Современница так описывает ее: «Графиня... была очень нехороша собой: высокая, худая, лицо как у лошади, большие глаза, большой нос, рот до ушей, а уши вершка по полтора: таких больших и противных ушей я и не видывала. Голос грубый, басистый; одевалась как-то странно и старше своих лет, все больше носила темное или черное, по-русски говорила плохо, но зато по-французски говорила, как природная француженка, и вообще похожа была на старую гувернантку из хорошего дома».

С трудом веришь этому описанию, глядя на знаменитый портрет Е. П. Ростопчиной кисти Ореста Кипренского; однако не надо забывать о том, что написан он был в 1809 году, когда Екатерине Петровне исполнилось лишь тридцать три года. Умерла она в глубокой старости, окруженная одними французскими аббатами.

Но вернемся к Анне Степановне Протасовой. В 1785 году она получила от государыни богатейший портрет²⁸ и звание камер-фрейлины²⁹, а под свое начало – целый штат камер-пажей. Екатерина в шутку прозвала ее «королевой» за гордую, величественную осанку, а себя называла «осенним гонителем мух королевы», но относилась к ней почти по-дружески, не различая даже во время путешествий. Удостаивала она своими посещениями и дом А. С. Протасовой на набережной. По случаю одного из них, в 1789 году, Г. Р. Державин даже написал положенную на музыку кантату, где в преувеличенно льстивых выражениях воспевал «щедрот источник, Россов радость».

Смерть Екатерины II стала для Протасовой сильнейшим ударом: в течение 36-часовой агонии императрицы она не отходила от умирающей, оставаясь все время на полу у ее ног. Приглушенные рыдания верной камер-фрейлины, смешиваясь со страшным хрипением ее повелительницы, одни нарушали гробовую тишину, царившую в опочивальне.

Последующие монархи также благоволили к Анне Степановне: Павел пожаловал ей тысячу душ и наградил орденом Святой Екатерины, а Александр в день своей коронации возвел ее вместе с незамужними племянницами и племянником в графское достоинство.

Чрезмерно располневшая к старости, вдобавок почти полностью ослепшая от катаракты, но не желавшая в этом признаться, Протасова не утратила страсти к нарядам: тщеславная и спесивая, она, выезжая за границу, изумляла иностранцев своей непомерной чванливостью и дикивинными одеяниями.

Около 1805 года А. С. Протасова продала дом вице-адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову (1767–1849), одной из наиболее интересных и противоречивых личностей в истории русского флота.

Сын известного адмирала, героя русско-шведской войны 1788–1790 годов, увековеченного в числе других приближенных на памятнике Екатерине II в сквере перед Александринским театром, он с юных лет посвятил себя морской службе и вместе с отцом участвовал в военных действиях против шведов.

В 1792–1793 годах молодой Чичагов учился в Англии, где обручился с дочерью капитана Ч. Проби. В 1799 году он подал императору Павлу прошение об увольнении с целью поездки в Англию для женитьбы. Недоброжелатели, в числе которых были такие влиятельные в то время люди, как Кушелев, Мордвинов и Шишков, представили это дело мнительному и подозрительному государю таким образом, будто бы Чичагов задумал навсегда покинуть родину, перейдя на английскую службу.

²⁸ Давался в виде награды и представлял собой миниатюру в рамке, усыпанной бриллиантами, с изображением царствующей особы.

²⁹ Камер-фрейлин а – старшее придворное звание для девиц.

П. В. Чичагов

В результате в прошении ему было отказано, причем резолюция гласила: «В России настолько достаточно девиц, что нет надобности искать их в Англии». А после личного свидания с царем, предпринятого в попытке изменить это решение, Чичагова посадили в Петропавловскую крепость. Правда, спустя несколько месяцев Павел приказал его освободить, произвел в контр-адмиралы, доверил командование эскадрой и позволил жениться на своей избраннице.

С воцарением Александра положение П. В. Чичагова резко изменилось. В 1802 году он получает должность члена Комитета по образованию флота и назначается личным докладчиком императора по делам этого комитета. В ноябре того же года он производится в вице-адмиралы, а в декабре занимает пост товарища министра морских сил. Столь быстрое возвышение стало причиной зависти и ненависти к нему со стороны придворных. Немалую роль сыграли и его нескрываемые симпатии к английским порядкам, и то резкое порицание, с каким он относился к русскому дворянству, высмеивая его везде, где только можно, и отстаивая идею освобождения крестьян.

Граф Федор Петрович Толстой, вице-президент Академии художеств, которому в молодости приходилось близко сталкиваться с адмиралом, характеризует его следующим образом: «Павел Васильевич Чичагов был человек весьма умный и образованный. Будучи прямого характера, он был удивительно свободен и как ни один из других министров прост в обращении и разговорах с государем и царской фамилией. Зная свое преимущество над знатными придворными льстецами, как по наукам, образованию, так и по прямоте и твердости характера,

Чичагов обращался с ними с большим невниманием, а с иными даже с пренебрежением, за что, конечно, был ненавидим почти всем придворным миром и всей пустой, высокомерной знатью; со своими подчиненными и просителями (которых он всегда принимал без малейшего различия чинов и звания) Чичагов обращался весьма приветливо и выслушивал просьбы последних с большим терпением».

В 1807 году он получил чин адмирала и пост министра морских сил и тут же приступил к активной работе по упорядочению дел в своем министерстве: сократил, насколько было возможно, количество хищений и всякого рода злоупотреблений, столь обычных в то время, увеличил флот, построил новые эллинги, постоянно следил за развитием техники и усовершенствованием морской тактики. В качестве члена Государственного совета и Комитета министров он входил в постоянные столкновения со своими коллегами, что наконец привело его к необходимости в 1809 году взять отпуск для поездки за границу.

В том же году адмирал расстается с домом на набережной, владельцем которого становится П. Л. Давыдов. Об этом мы узнаём из напечатанного в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявления: «Литейной части в 1 квартале, возле Гагаринской пристани, в доме под № 15, прежде бывшем Адмирала Чичагова, а ныне Действительного Камергера и Кавалера Давыдова, отдаются с набережной в нижнем этаже и на другой проспект во втором этаже покои внаем...»

Петр Львович Давыдов (1782–1842) был сыном графини Екатерины Николаевны Самойловой, племянницы Г. А. Потемкина, по первому мужу Раевской, и, таким образом, приходился единоутробным братом генералу Н. Н. Раевскому и родным – декабристу В. Л. Давыдову, троих детей которого он взял к себе на воспитание.

Петр Львович женился на дочери графа Владимира Григорьевича Орлова (младшего из братьев Орловых), Наталье Владимировне, и их сыну Владимиру в 1856 году дано было право «принять имя и титул деда своего (по матери) и потомственно именоваться графом Орловым-Давыдовым». В имении Екатерины Николаевны Давыдовой – Каменке – неоднократно бывал Пушкин и, по-видимому, был знаком с самим Петром Львовичем, его женой и детьми.

Около 1818 года дом Давыдова перешел к обер-шталмейстеру князю Василию Васильевичу Долгорукову. Здесь провели самые счастливые свои годы декабристы братья Беляевы. Старший из них, Александр, оставил интересные воспоминания, где рассказывает, что благодаря институтской дружбе их сестры с будущей женой князя, Варварой Сергеевной, урожденной Гагариной, супруги Долгоруковы взяли в Петербург сначала его, а затем и брата Петра.

В. В. Долгоруков

Приехав в столицу в 1813 году, княжеская чета некоторое время проживала на Английской набережной, а позднее переехала в нанятый Василием Васильевичем дом неподалеку от Гагаринской пристани, который он вскоре приобрел в собственность. Вместе с сыном поселилась (во флигеле, выходящем на Шпалерную) незадолго перед тем овдовевшая княгиня Екатерина Федоровна; до глубокой старости она пользовалась большим почетом в свете и при дворе, неизменно присутствовала на придворных торжествах, являясь живой хроникой конца XVIII века. Рассказы ее слушались с интересом; любил их слушать и Пушкин, которому В. В. Долгоруков передал письма и рескрипты Петра I предкам князя.

А. П. Беляев пишет в своих воспоминаниях: «Дом был квадратный, один фасад выходил на набережную у Гагаринской пристани, две стороны были вдоль двора, а четвертая сторона выходила на улицу. В этом доме жила княгиня-мать. В этом незабвенном доме князя и княгини Варвары Сергеевны прошло наше отрочество; здесь же провели мы счастливые годы юности, когда уже были офицерами».

Наверное, не раз в сибирской ссылке память о доме и людях, проявлявших родительскую заботу о них, согревала братьев, помогая переносить тяжкие испытания. И вновь Александр Петрович возвращается к милым его сердцу воспоминаниям, описывая уже офицерский период их жизни, после окончания Морского корпуса: «Этот дом, где я был так счастлив истинно родительской любовью воспитавших нас, где жили нежно любимые наши сестры... был для нас с братом истинною и единственною отрадою. Хотя мы жили далеко, у Калинкина моста, все же почти каждый день, свободный от службы, мы проводили там».

С особой теплотой он отзывался о жене князя Варваре Сергеевне: «Это была истинно идеальная женщина. Сколько она делала добра, содержа столь многих бедных своими пенсиями. Это мне потому хорошо известно, что она... мне поручала писать и переписывать списки тех, кому она постоянно помогала».

А. П. Беляев

Князь, со своей стороны, частенько оказывал братьям финансовую поддержку, делая это всегда в мягкой и тактичной форме. Не забыл он о них и когда они уже находились в Сибири. В 1833 году благодаря его ходатайству им разрешено было отправиться рядовыми на Кавказ, но лишь после одиннадцати лет службы Беляевы получили заветные офицерские чины, позволившие им выйти в отставку.

В своих собственных детях супруги оказались несчастливы: их сын С. В. Долгоруков страдал умопомешательством и умер в молодых годах, дочь Мария, бывшая замужем за Л. К. Нарышкиным, лечилась от той же болезни в Париже, а вторая дочь, Варвара, вышедшая за князя В. А. Долгорукова, была вне себя от горя из-за постигших семью бед.

Рано овдовевшая М. В. Нарышкина унаследовала от родителей принадлежавший им дом на набережной, Владимиру же Андреевичу и Варваре Васильевне Долгоруковым достался флигель на Шпалерной. Предоставим слово современнику, хорошо знавшему их: «Не могу... не вспомнить гостеприимную фигуру князя Владимира Андреевича Долгорукова и его артистический парик. В годы, предшествовавшие его назначению московским генерал-губернатором, он принимал в своем доме на Шпалерной, передняя часть которого выходила на Неву. <... >

Как умудрялся князь Владимир Андреевич принимать государя и давать балы в своем небольшом доме... право, не знаю».

Дом № 8 по набережной Кутузова. Фото начала XX в.

В 1865 году князь занял должность, о которой пишет Головин, и пробыл на этом посту двадцать пять лет, почти до самой смерти, заслужив искреннюю любовь и уважение москвичей. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов он собрал полтора миллиона рублей на нужды Красного Креста и более двух миллионов на организацию добровольного флота. Его стараниями был устроен большой госпиталь для раненых и снаряжены два санитарных поезда.

Приезжая по делам в Петербург, он останавливался в бывшем своем доме, который к 1871 году целиком, включая корпус на набережной, перешел к его зятю Н. В. Воейкову, долгое время служившему в императорской свите. Впоследствии Николай Васильевич занимал должность помощника командующего Главной квартирой, был генералом от кавалерии и обер-камергером.

Последние годы его жизни прошли весьма печально: потеряв зрение, он никуда не выезжал, навещаемый бывшими сослуживцами и друзьями, любившими этого веселого, добродушного человека и неутомимого рассказчика. Находил он утешение и в религии, часто посещая домовую церковь, пользовавшуюся широкой известностью в округе. Умер Н. В. Воейков в 1898 году в Париже.

Последним владельцем дома стал тайный советник Георгий Михайлович Петров, почетный опекун и попечитель сиротского института и убежища на Малой Охте, носившего имя его родителей, Михаила и Елизаветы Петровых. По его желанию здание изменило облик, стало выше, представительнее, идя наравне с веком. Но теперь-то мы знаем, что под новыми одеждами скрывается наш старый знакомый, помнящий иные времена и «век золотой Екатерины».

Давший набережной название (Дом № 10 по набережной Кутузова)

Набережная Кутузова несколько раз меняла название. Здание, о котором пойдет речь, дало повод к ее очередному переименованию: с 1892 года здесь размещалось французское посольство, а в 1902 году, после визита в Россию президента Лубэ, Гагаринскую набережную на волне франколюбивых настроений переименовали во Французскую.

Судьба дома сложилась сравнительно благополучно. Перестроенный в 1842 году, внешне он мало изменился с тех пор: исчез лишь ажурный металлический навес над левой дверью да появились новые балконные ограждения. Уцелели и внутренние помещения, что позволило отнести здание к категории учетных, то есть охраняемых. Впрочем, последний фактор для действительной сохранности отнюдь не главный. Для примера можно указать на дом № 24/1, о котором нам еще предстоит говорить; он не только взят на учет, но ему даже присвоен статус памятника архитектуры, что не уберегло его от невосполнимых утрат.

Главное то, что в доме № 10 нет и не было тех жутких коммуналок с распахнутыми настежь дверями парадного, какие устраивались в других бывших особняках. Это, в сущности, случайное, хотя, несомненно, счастливое обстоятельство и спасло его от неизбежных разрушений.

История участка уходит в далекое прошлое. Первое упоминание о нем мы находим в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1748 год. В номере от 1 ноября помещено такое объявление: «Главного Комиссариата Секретарь Степан Елин продает двор свой на Московской стороне в Литейной части на пустом рынке, на котором дворе кабак, харчевенные печи и две лавки на улицу».

Дом № 10 по набережной Кутузова. Институт прикладной астрономии РАН. Современное фото

Читателям уже известно, что расширение казенных владений Литейного двора побудило торговцев перевести бывшие здесь лавки в более людные и удобные для торговли места, в результате чего рынок и был прозван Пустым. Возможно, Степан Елин по тем же причинам нашел невыгодным для себя далее владеть домом в этом месте, решив перебраться в другое, но... приобрести участок в Петербурге в то время было гораздо легче, чем продать, а посему его попытка не увенчалась успехом.

Лишь через тридцать лет, в 1779 году, наследник покойного секретаря, придворный «гардемебельмейстер» (была и такая должность!) А. Ф. Елин продал свой двор статскому советнику Л. В. Третьяковскому, а спустя еще десяток лет его приобрел купец Шленёв.

К тому времени на участке по-прежнему стоял лишь небольшой деревянный домик со службами, часть же, выходившая на набережную, и вовсе пустовала. Купец снес обветшавшие строения и возвел каменный двухэтажный дом, обращенный главным фасадом на Шпалерную (тогда еще Воскресенскую) улицу, так и не застроив пустовавшую часть участка.

Шли годы. Неожиданно нагрянула беда: Шленёв неосторожно поручился за своего земляка, такого же, как и он, купца, занимавшегося винными откупам. У того случилась недоимка, и по закону имущество поручителя пошло с молотка. Участок с выстроенным на нем домом, оцененный в 5 тысяч рублей, купил в 1802 году известный просветитель Ф. В. Каржавин (1745–1812).

Жизнь этого человека полна превратностей и приключений. Он был путешественником и литератором, противником рабства, принимал участие в войне за независимость Соединенных Штатов Америки. Уже одно это делало его фигуру довольно необычной в тогдашнем русском обществе. Однако в историю Федор Васильевич вошел в первую очередь благодаря своим литературным трудам.

Образование его, надо сказать, имело весьма солидный фундамент: он учился в Данциге, Лондоне и Париже, где прослушал курс лекций в университете. Особых успехов Каржавин достиг в области переводов с французского и английского языков.

Однако есть у него и собственные сочинения, среди которых особое место занимает «Описание вши, видимой в микроскоп», изданное в 1789 году в Каруже (Швейцария) на французском и русском языках. Долгое время оно воспринималось лишь как литературный курьез, но при более внимательном изучении оказалось, что брошюра попутно дает много полезных сведений медико-санитарного характера, к тому же изложенных простым и доступным языком.

В отличие от других своих братьев-литераторов Федор Васильевич обладал деловой, купеческой хваткой, был человеком далеко не бедным, но при этом не стеснялся ссужать деньги под залог, не делая исключений даже для приятелей. В одном из январских номеров «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1809 год опубликовано примечательное объявление: «Переводчик Каржавин просит своих приятелей, заложивших у него по дружбе, с 1798 года по настоящий год, вещи бриллиантовые, золотые, серебряные; также камни шлифованные, картины, микроскоп и книги, с ним рассчитаться до 1 дня Мая; ибо за отъездом его в отдаленную команду, они право свое на те заклады потеряют и с оными будет поступлено на основании законов».

Судя по этой публикации, даже передовые люди того времени не видели в таких занятиях ничего дурного и не делали из них тайны. А чего стоят формулировки вроде «заложивших у него по дружбе» и «будет поступлено на основании законов»? Трудно даже представить себе, чтобы литератор, живший хотя бы четверть века спустя, рискнул поместить подобное в газете, в чем можно усмотреть отрадный факт нравственного прогресса общества.

В объявлении упоминается и об отъезде «в отдаленную команду». С 1797-го и до самой смерти Ф. В. Каржавин служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, а его отъезд объяснялся направлением в другой город. Надо было продавать дом. 4 мая того же года «Ведомости» сообщили: «За отъездом продается каменный дом на две улицы, коего лежащая на Воскресенскую улицу сторона отстроена, а на большую набережную еще не застроена, Литейной части, 1 квартала, под № 14; о цене и условиях спросить в том же доме у служителя».

Покупатель нашелся довольно скоро; им оказался генерал-лейтенант Алексей Ульянович Болотников. Через несколько лет, в 1814 году, он приступил к постройке трехэтажного лицевого дома на набережной. Судьбе было угодно, чтобы именно здесь снял квартиру один из самых замечательных мемуаристов первой половины XIX века Ф. Ф. Вигель, оставивший множество портретных характеристик своих современников. Они далеко не всегда объективны и бесспорны, но их отличает острота и наблюдательность.

Ф. С. Голицын

Разумеется, не преминул он описать и дом, где жил, и его владельца: «... с самой осени жил я... в доме сенатора Болотникова. Забор этого, не совсем еще достроенного дома близ Литейного двора выходил прямо на Неву, и тем представлялось мне приятное удобство спокойно прогуливаться во всякое время, даже ночью, по гладким, всегда вычищенным гранитам ее набережной. <... > Болотников в молодости, будучи кадетом Сухопутного корпуса, был выбран Екатериной II... в спутники графу Бобринскому (побочному сыну императрицы от Г. Г. Орлова. – А. И.) во время его заграничной поездки, предпринятой для довершения его воспитания. Впоследствии он женился на дочери крещеного еврея Лемана, вдове подполковника фон Бушена. По рекомендации графини Ливен, с которой его жена находилась в хороших отношениях, и при поддержке Аракчеева, Болотников был назначен гофмейстером ко двору великой княгини Екатерины Павловны, супруги принца Ольденбургского, и навел там такой режим экономии, что держал сию чету чуть ли не впроголодь. Через пять месяцев от него поспешили избавиться».

Только что выстроенный, но еще не отделанный внутри дом Болотников в 1816 году продал князю Федору Сергеевичу Голицыну (1781–1826), о котором тот же Вигель, живший недолгое время в годы юности в доме его родителей, вспоминал: «Лицо русской кормилицы, белое, полное, широкое, румяное, но с особенным взглядом и привлекательной улыбкой, делали наружность его весьма приятной; самой необычайной толщины своей умел он в молодости, посредством туалета, давать щеголеватую форму. Он прекрасно пел романсы и прилежно читал романы; в этом, кажется, заключались все его знания. Сверх того, был он одарен необыкновенным вкусом... что касается внутреннего расположения комнат, до убранства их всеми драгоценными безделушками, то на вымыслы в этом роде был он настоящий гений. <... > Еще

одну великолепную способность имел князь Федор: никто в России не умел так славно готовить великолепные праздники и быть их распорядителем. С большим состоянием, которое наконец он получил, и с маленькою бережливостию, которой никогда не имел, такие люди, как он, служат если не подпорою государству, то, по крайней мере, украшением двора».

Голицын был женат на единственной дочери генерал-фельдмаршала князя А. А. Прозоровского, Анне Александровне. Партия эта считалась весьма завидной, поэтому в свое время не обошлось без соперничества. Так, престарелый фельдмаршал М. Ф. Каменский наставлял в письме своего любимого сына Николая: «... я бы советовал тебе около Прозоровской повертеться: девка добра, случайна (то есть в милости, «в случае» при дворе. – А. И.), знатной фамилии, одна дочь у отца, я давно на нее целю; и хлеб и соль есть».

Однако дело не выгорело: «девка» предпочла мрачноватому и жестковатому Каменскому веселого и добродушного Голицына. В приданое ему она принесла громадное состояние, так что князь мог дать полную волю своей фантазии и страсти к роскоши и мотовству: их дом стал одним из самых блестящих. Каждый вечер здесь собирался цвет тогдашнего общества; нередко бывали приезжие иностранные принцы и члены царской фамилии, отношения с которыми были установлены целым рядом поколений. Княгиня не любила шумной светской жизни, предпочитая чтение и занятия с детьми, но в угоду мужу принимала участие во всех собраниях.

Как ни велико было состояние Голицыных, но огромные расходы и страсть князя к покупкам и малоудачным обменам сильно расстроили их дела. Один из родственников Голицына говорил про него: «Мой кузен Федор обожает меняться: он меняет поместье на дом, дом на экипаж, а экипаж на табакерку – так что в результате у него оказывается одна табакерка». После непродолжительной болезни он умер сорока пяти лет от роду, оставив убитой горем вдове семерых детей и восемь миллионов долгу. Незадолго до его смерти, в июне 1825 года, супруги вынуждены были продать дом и уехать с детьми в имение.

Новым владельцем стал князь Василий Сергеевич Трубецкой (1776–1841), участник Отечественной войны (его портрет можно видеть в Военной галерее Зимнего дворца), генерал от кавалерии, отец многочисленного семейства – пятерых сыновей и шести дочерей. Его браку с Софьей Андреевной Вейс предшествовала обоюдная любовь с первого взгляда. В молодости княгиня славилась красотой, которую она передала своим дочерям.

Одна из них – Мария, описанная Л. Н. Толстым в повести «Хаджи-Мурат», в первом браке была замужем за А. Г. Столыпиным, а во втором – за сыном фельдмаршала М. С. Воронцова. Писатель Соллогуб, хорошо ее знавший, рассказывает в своих воспоминаниях: «Называя модных петербургских женщин сороковых годов, я забыл упомянуть о Марье Васильевне Столыпиной; по своей дружбе с великой княгиней Марисей Николаевной она играла видную роль в петербургском большом свете и была олицетворением того, что в те времена называлось львицей. Ее несколько мужественная красота была тем не менее очень эффектна. Как все ее современницы, Марья Васильевна подражала графине Александре Кирилловне Воронцовой-Дашковой, но не имела ни чарующей грации Воронцовой Дашковой, ни ее тонкого ума. Во всей ее особе проглядывало что-то топорное и резкое, до того резкое, что невольно, слушая ее, приходилось удивляться, как женщина, прожившая весь свой век в большом свете и принадлежавшая к нему и по рождению, и по воспитанию, так бесцеремонно относилась ко всем обычаям и приемам этого большого света».

В. С. Трубецкой

Один из сыновей Трубецкого, Александр, по-видимому, сыграл значительную, еще не до конца выясненную роль в пушкинской дуэли³⁰; другой, Сергей, сделался героем нашумевшего романа с Лавинией Жадимировской.

В доме Трубецких нередко устраивались балы, посещавшиеся высшим петербургским обществом и самим императором Николаем Павловичем. Бывал на них и Пушкин, о чем свидетельствует запись в его дневнике, сделанная 26 января 1834 года.

После смерти князя наследники его продали дом Александру Васильевичу Пашкову (1792–1868), боевому генералу, пользовавшемуся среди товарищей славой отчаянного храбреца. Он побывал во многих сражениях, в том числе и при Бородине. За участие во взятии крепости Шумлы во время Русско-турецкой войны 1828–1829 годов удостоился ордена Святого Владимира 3-й степени, а в июле 1829-го вторично награжден золотой с алмазами саблей «за храбрость». Бабка Александра Васильевича, Дарья Ивановна Мясникова, дочь известного промышленника и богача, получила в приданое 19 тысяч душ и четыре завода, поэтому Пашковы принадлежали к числу богатейших семей Петербурга.

Купив дом, новый хозяин немедленно приступил к его перестройке, осуществленной в 1842–1843 годах по проекту талантливого архитектора Г. А. Боссе. В результате фасад здания приобрел характерные черты того переходного стиля, сочетавшего элементы позднего классицизма и неоренессанса, который присущ и другим работам Боссе раннего периода.

Теперь обратимся к семье А. В. Пашкова. Жена его, Елизавета Петровна, урожденная Киндякова, первым браком была замужем за князем И. А. Лобановым-Ростовским, но супружество оказалось неудачным, и они расстались. О причине разрыва недвусмысленно дал

³⁰ См. книгу Семена Ласкина «Вокруг дуэли». (СПб., 1993).

понять Ф. А. Толстой-Американец в письме к П. А. Вяземскому: «Князь Лобанов-Ростовский женился на девице Киндяковой, но поелику не мог ее сделать матерью ни... (нецензурное слово. – А. И.), то меньше чем через год сделал с ней вахтпарад, то есть развод».

Второй брак, с А. В. Пашковым, был вполне удачен, супруги имели троих детей, из которых Василий Александрович (1831–?), глава секты пашковцев, заслуживает особого внимания.

В 1874 году английский протестантский проповедник лорд Редсток, приехав в Петербург, начал пропагандировать свои идеи в великосветской среде. Одним из самых горячих его приверженцев стал отставной гвардейский полковник В. А. Пашков, сплотивший вокруг себя группу единомышленников.

Суть учения пашковцев состояла в следующем. Прощение грехов за добрые дела невозможно: грехи могут быть омыты только святой кровью, а она уже пролита и оmyвает всякого чувствующего свою немощь и принимающего Христа как единого Спасителя и единого ходатая между Богом и человечеством. Спасение, по учению пашковцев, достигается покаянием и верой в Христа, принятием его в свое сердце; кто верит, тот не может не творить добрых дел, которые суть плоды веры. Принявший в себя Христа является проповедником его учения. Пашковцы отрицали иконы, святых, таинства и церковную иерархию.

В 1876 году Пашков с разрешения властей учредил Общество поощрения духовно-нравственного чтения, ставившее целью дать возможность людям из рабочей среды приобретать по месту жительства книги Священного Писания и другую религиозную литературу по низкой цене. Активную помощь Василию Александровичу оказывали его жена А. И. Пашкова (урожденная графиня Чернышева-Кругликова), Е. И. Черткова, В. Ф. Гагарина, М. М. Корф, А. П. Бобринский и другие представители высшего света.

Для распространения своих религиозных воззрений Пашков решил воспользоваться... извозчиками, как людьми, с одной стороны, тесно связанными с народными массами, а с другой – находящимися всегда под рукой самих проповедников. Садясь в извозничий экипаж, он заводил разговор на нужную тему и если замечал ответный интерес, то предлагал приходить к извозчику домой читать Евангелие. К некоторым из них Пашков ездил читать слово Божье сам, а к другим посылал посетителей своих молитвенных собраний.

О том, как они проходили, можно узнать из воспоминаний одного из очевидцев: «В ближайшее воскресенье, к восьми часам вечера, я уже входил в эффектный перрон (подъезд. – А. И.) большого дома В. А. Пашкова на Гагаринской набережной, окрашенного в серый цвет красивого особняка старого барского типа, с ярко освещенными, смотрящими на Неву окнами и матовыми парами фонарей подъезда. Теперь в этом доме помещается французское посольство. В большой прихожей лакеи снимали верхнее платье и приглашали войти. Я поднялся, вместе с другими, по нескольким ступеням белой широкой лестницы на первую площадку, прошел через высокую, драпированную массивной шелковой портьерой дверь направо и очутился в ярко освещенном зале. Зал был большой, длинный, с рядом окон на набережную. Его ярко освещали люстра и стенные лампы; на стенах никаких украшений не было. Весь зал был заставлен рядами стульев. Вдали, у входа в следующую комнату... стоял небольшой столик, а рядом маленький гармониум (фисгармония. – А. И.) с клавишами. Я присел на первый попавшийся стул и огляделся. Вокруг был такой разнохарактерный, разношерстный, разнovidный люд! Среди фабричных синих и серых блуз и поношенных пиджаков виднелись темные простенькие кофточки «учащихся» женщин и барышень. То там, то тут темнели изящные костюмы дам из общества, чернели смокинги, краснели генеральские лампасы, серебрились эполеты и академические значки... Где-то вдали, из внутренних комнат, мерным боем часы громко пробили восемь ударов. Драпировка тихо заколебалась, и в комнату вошел... человек среднего роста, лет 40–45, с небольшой бородкой и хорошим, простым русским лицом... Он спокойно подошел к столику, низко поклонился собранию и стал читать какое-то место из Евангелия,

лежащего на столике. Это был В. А. Пашков...» За чтением следовала проповедь, а затем совместное пение псалмов под аккомпанемент фисгармонии.

Французская набережная. Перспектива от дома № 10. Фото 1912 г.

В начале 1884 года общество было запрещено, а Пашкову предъявлено требование прекратить издание Евангелия и религиозно-нравственных брошюр, которых к тому времени вышло уже более двухсот наименований. Ведение устной пропаганды также запрещалось, в чем глава секты должен был дать подписку, а когда он отказался это сделать, его вместе со всей семьей выслали за пределы России. Последователи Пашкова попали под гласный надзор полиции.

Даже такой человек, как государственный секретарь А. А. Половцов, далекий от филантропии и чуждый всяких «сантиментов», вынужден был признать человеколюбивые устремления и дела последователей Пашкова. Вот что записал он по этому поводу в своем дневнике: «... они исполнены благих намерений на пользу ближнего, помогают бедным, больным, немощным всякого рода, делают все это без всякой напыщенности, с великим самопожертвованием и простою, но при этом постоянно твердят тексты Священного Писания, смысл коего им будто бы близок вследствие прямого божественного откровения. <... > Гагарина и другие почитают первым долгом проповедование своих учений, и притом возможно большему числу простонародья. Весьма естественно, и церковь, и правительство не могли смотреть равнодушно на распространение таких учений. Пашков, собиравший у себя толпы простонародья, был выслан за границу».

Мемориальная доска на доме № 10

В 1887 году Пашкову разрешили вернуться на родину, и он снова возобновил религиозную пропаганду, устроив к тому же совместно с графом Корфом съезд баптистов, штундистов и молокан, учения которых были близки учению пашковцев. Однако правительство запретило заседания съезда, после чего В. А. Пашков окончательно покинул Россию, и следы его затерялись. Впрочем, отъезд главы секты не остановил распространения самого учения, и оно продолжало шириться.

На этом заканчивается история дома как гнезда нескольких дворянских фамилий. В 1892 году его приобретает правительство Французской Республики, и на долгие годы он становится резиденцией посольства, как бы отторгаясь на это время от русской почвы.

С исчезновением причины исчезло и следствие: после закрытия посольства набережная вновь сменила название, которое, впрочем, осталось «французским», превратившись в 1918 году по воле большевиков в набережную Жореса (французского социалиста. – А. И.).

И наконец, в 1945 году, в период патриотического подъема, ей присвоили имя Кутузова, памятное если не для нынешних французов, то уж, во всяком случае, для их предков. И это имя ей суждено носить вечно.

К службе не склонных приют (Дом № 12 по набережной Кутузова)

Это здание имеет одну отличительную особенность: его высота значительно превосходит ширину, которая составляет всего пять окон по фасаду. Оно ни разу не надстраивалось и с самого начала было четырехэтажным; изменился лишь наружный декор, но общий силуэт остался прежним. Подобно ближайшим соседям – № 10, 14 и 16 – его возвели сравнительно поздно, в начале XIX века, когда основной ансамбль набережной уже сложился.

В 1784 году большое пустопорожнее место, занимаемое ныне домами № 12 и 14, неизвестно для какой надобности взял князь Г. А. Потемкин, занятый в ту пору обустройством новоприобретенной Таврической области. Возможно, это была одна из прихотей светлейшего, быстро минувшая, а участок, так и оставшийся незастроенным, в том же году вернулся обратно в казну. Затем он перешел к генерал-майору Зайцеву, но и тот ничего на нем не построил, и до самого конца XVIII столетия обнесенный дощатым забором пустырь пугал по ночам запоздалых прохожих угрюмой тишиной.

В начале 1800-х годов его приобрел купец Николай Шаров. В отличие от господ он не стал морочить городские власти пустыми обещаниями и соорудил на набережной трехэтажные каменные палаты, но в скором времени неожиданно умер. Наследники, желая развязаться с обременительной недвижимостью, поспешили дать объявление о продаже дома с большим незастроенным участком.

Дом № 12 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

Случилось это в 1807 году, однако только через четыре года вдове покойного Шарова удалось сбыть с рук свое земельное владение. К тому времени вдобавок к уже существовав-

шему на нем вырос двухэтажный, крытый железом, прочно выстроенный дом на сводах, обращенный фасадом на Шпалерную. Располагался он позади тогда еще пустовавшего места, где теперь стоит дом № 12.

Покупателем оказался титулярный советник Иван Павлов, который, несмотря на свой скромный чин, ворочал довольно большими делами, строя и продавая дома. По-видимому, это и было его истинным призванием, а службой он занимался мало, не слишком преуспев в чиновничьей карьере.

Ранее, в 1807 году, Павлов уже приобрел смежный участок с небольшими каменными палатами на Шпалерной и тогда же возвел в передней его части, выходившей на набережную, солидный четырехэтажный дом (ныне № 16). Таким образом, он сделался хозяином весьма значительного участка с четырьмя жилыми зданиями, которые стал сдавать внаем, одновременно приискивая выгодного покупателя и подумывая о возведении нового дома. До службы ли тут?

Заложив в декабре 1811 года часть земли с только что начатым строением сроком на год, Павлов, очевидно, надеялся быстро с ним управиться, но этому помешала разразившаяся война с Наполеоном. Постройка дома возобновилась лишь в 1814 году, а завершилась два года спустя.

Г. А. Потемкин, первый владелец участка, на котором впоследствии будет возведен дом № 12

Задуманный как доходный, он был лишен всяких наружных украшений, сливаясь с соседними зданиями, также не блиставшими архитектурными изысками.

В 1822 году Павлов отделил флигель на Шпалерной и продал его другому владельцу. А еще через два года он расстался и с домом на набережной, который стал собственностью Николая Назарьевича Муравьева (1775–1845), только что назначенного статс-секретарем.

Бывший новгородский губернатор пользовался особым расположением графа Аракче-ева, пожелавшего иметь его под своим началом в собственной Его Императорского Величества канцелярии. Эту должность Муравьев сохранил и после вступления на престол Николая I.

Как чиновник Николай Назарьевич ничем себя не проявил и приобрел кое-какую известность скорее в качестве археолога-любителя. Впрочем, в не меньшей степени его занимали проблемы философии, истории, правоведения, политической экономии, промышленности, торговли, естествознания, астрономии, физики и даже живописи. Кроме того, он уделял часть своих досугов писанию повестей и виршей, припозднившихся по их корявому, вычурному стилю на добрую сотню лет.

Плоды своих раздумий Муравьев в 1828 году выдал в свет под длинным и замысловатым заглавием: «Некоторые из забав отдохновения, с 1805 года, Николая Назарьевича Муравьева, статс-секретаря Его Императорского Величества, Тайного Советника, Сенатора, Почетного Члена Императорских Российской Академии и Университетов: Московского и Виленского и Московских ученых обществ: истории и испытателей природы».

Н. Н. Муравьев

Эти «забавы отдохновения» в четырнадцати частях выходили на протяжении более чем двадцати лет и закончились, когда самого автора уже не было в живых. Подобно предыдущему владельцу дома, господин тайный советник также не особенно налегал на свои прямые служеб-

ные обязанности, но если тот целиком посвящал себя извлечению личной выгоды, то Николай Назарьевич радел исключительно о благе будущих поколений, горя желанием, «чтоб листы писем его сохранились в его неотдаленное потомство, дабы прах его был в нем покоен».

Чрезмерно обеспокоенный тем, что напрямую его не касалось, Муравьев в 1831 году допустил серьезное служебное нарушение и вынужден был подать в отставку. Засев в своем пригородном имении, он с еще большим рвением отдался сочинению «философических трактатов», а также ознакомлению публики с результатами собственных хозяйственных усовершенствований – «рожью-муравьевкой», картофелем чудовищных размеров, исполинской капустой и т. д. Помимо этого, философ-отшельник одолевал императора «диссертациями и утопиями» по разным частям государственного управления. К стыду потомков, труды почтенного сенатора были преданы осмеянию и полному забвению.

Лучшим его творением стало произведение на свет сына Николая, получившего к своей фамилии приставку Амурский. Находясь на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, он много сделал для возвращения России левого берега Амура, утраченного в XVII веке, и заключения договора с Китаем, вынужденным признать новую границу.

В 1835 году Н. Н. Муравьев продает ненужный ему больше городской дом некоему корнету Алексееву, вновь объединившему участки на Шпалерной и набережной в один. В середине 1840-х годов он переходит к дочери полковника Н. С. Зыбиной, которая ничем не ознаменовала своего многолетнего владения, исправно собирая плату с жильцов и оставив дом таким же, каким он был изначально.

Не такова была купившая его в 1875 году жена полковника гвардии Преображенского полка графа Н. П. Клейнмихеля Мария Эдуардовна. С юных лет ее снedaло честолюбивое стремление играть не последнюю роль в свете, а еще лучше – иметь свой политический салон, чтобы всегда находиться в курсе важных государственных дел. Влияние ее супруга – старшего сына известного строителя Николаевской железной дороги – ограничивалось лишь родным полком, где его прозвали Президентом. Марии Эдуардовне этого было мало.

Со временем она достигла желанной цели, приобрела заметный вес в обществе, а дом ее сделался местом встреч дипломатов всех мастей и рангов. И хотя богатством обстановки графиня не могла равняться со знатнейшими аристократическими фамилиями Петербурга, все же, по словам генерала А. А. Мосолова, «ум и привлекательность... давали ей возможность не без успеха конкурировать с ними». В зрелом возрасте, годам к пятидесяти, мадам Клейнмихель уже не стеснялась публично одергивать молодых людей, чьи манеры казались ей не безупречными, и ее острого языка побаивались.

В 1885 году графиня, по проекту архитектора В. Г. Тургенева, перестроила здание на набережной в эклектическом стиле. Оно приобрело черты другой эпохи, выбившись из ряда ближайших соседей слева и справа, чего, вероятно, и добивалась «неугомонная», как ее характеризует современник, хозяйка. Через несколько лет М. Э. Клейнмихель продает недавно переделанный дом камер-юнкеру А. А. Балашеву, а в 1899 году участок покупает адмирал Н. М. Чихачев (1830–1917), который владел им до самой смерти.

Адмиралом Николай Матвеевич стал по странному недоразумению: как в свое время титулярного советника Павлова, его больше влекло к коммерческим предприятиям, и в качестве директора Русского общества пароходства и торговли он проявил себя куда лучше, чем в должности управляющего морским министерством, которой лишился незадолго до того.

Хорошо знавший Чихачева С. Ю. Витте в своих воспоминаниях пишет, что он «человек в высокой степени достойный, очень неглупый, крайне доброжелательный, но... назначение его управляющим морским министерством было ошибкой, потому что... он гораздо более занимался хозяйственной частью министерства, нежели военной; у него вообще... чисто военной жилки не было».

Ходили слухи, будто бы за свое назначение адмирал выложил Зине Богарне – любовнице главного начальника флота, великого князя Алексея Александровича, – миллион рублей. Как бы там ни было, Николай Матвеевич оказался явно не на своем месте, и тот же Витте признает, что «одной из причин полного расстройств нашего флота, несостоятельность которого обнаружилась в несчастном Цусимском бою, была... деятельность управляющего морским министерством Чихачева».

И это самый мягкий отзыв о нем. В гостиных и околополитических салонах его судили гораздо строже и еще за десять лет до Цусимы с удовольствием декламировали невесть кем написанные злые стихи, заканчивавшиеся риторическим вопросом:

Так мудрено ль, что рыцарь злата,
Торгаш, маклак не ждет невзгод
И за спиной царева брата
Спокойно губит русский флот?

В 1896 году, после восьмилетнего управления министерством, «рыцаря злата» наконец отправили в отставку, сделав членом Государственного совета, где он и заседал уже в более чем преклонном возрасте. Скончался Н. М. Чихачев накануне революции, избежав печальной участи, которая выпала на долю двум его незамужним дочерям-фрейлинам, одиноко проживавшим в родительской квартире.

Странный это был дом, где люди по долгу службы занимались чуждым им делом, но, в конце концов, милосердное время исправило человеческие ошибки, и все оказались на своих местах.

Образчик позднего классицизма (Дом № 14 по набережной Кутузова)

На протяжении своего двухсотлетнего существования этот дом принадлежал многим хозяевам, но сохранил наружный облик, который придал ему при перестройке в 1826 году архитектор Д. Квадри. Трехэтажный, на подвалах, с простым и в то же время нарядным фасадом, он переделывался в те годы, когда подчеркнутый аскетизм более ранних классических сооружений уже казался ненужной сухостью; монотонную гладь стен стали разнообразить дробными лепными вставками под карнизами окон, балюстрадами и скульптурными масками. Именно эти черты присущи дому № 14.

Как уже говорилось, построил его в начале 1800-х годов купец Николай Шаров. От его наследников он перешел к титулярному советнику Павлову, а в 1820 году был куплен отставным гусарским полковником С. П. Неклюдовым. В ту пору дом выглядел иначе: приземистый, о двух этажах, без всяких украшений – под стать окрестным купеческим палатам.

Отец Неклюдова, позднее обер-прокурор Сената, в бытность свою полковым секретарем лейб-гвардии Преображенского полка не раз вызволял из беды молодого поэта Г. Р. Державина, служившего там же сержантом, за что тот в своих «Записках» величает его «благодетелем». Впрочем, впоследствии и сам Петр Васильевич неоднократно прибегал к помощи Державина при составлении докладов и прочих деловых бумаг. После смерти супругов Неклюдовых в конце 1790-х, Гаврила Романович поместил на их гробницах в Александро-Невской лавре свои стихотворные эпитафии.

Дом № 14 по набережной Кутузова. Центр международного сотрудничества по проблемам окружающей среды РАН. Современное фото

Возможно, именно Державин, находившийся с Петром Васильевичем и его женой Елизаветой Ивановной в дружеских отношениях, стал восприемником их сына Сергея, который родился в 1790 году в знаменитом «литературном» доме на углу Литейного и Бассейной, изначально принадлежавшем П. В. Неклюдову и построенном им незадолго до того. В том же году родители новорожденного продали свой особняк купцу Никите Баскову. От его фамилии повелось название близлежащего переулка; он мог бы стать и Неклюдовским, если бы Петр Васильевич подольше владел домом.

Прослужив лет десять в кавалерии и заслужив несколько боевых наград, Сергей Петрович в 1819 году вышел в отставку и отдался тихим радостям семейной жизни, пополняя поредевшие за время войны ряды сограждан. Будучи отцом девятерых детей, он нуждался в расширении жилья, а посему через несколько лет надстроил третий этаж, где и поселился со своим многочисленным потомством, сдавая остальные квартиры внаем.

Неклюдов был женат на красавице Варваре Ивановне Нарышкиной, чей родитель, оберцеремониймейстер, вынужден был оставить Северную столицу и придворную службу. Причиной стали его легкомыслие и непомерная влюбчивость, а если быть более точным – связь с

женщиной сомнительной репутации, использовавшей старого сластолюбца для своих неблагоприятных целей. Пришлось Ивану Александровичу расстаться с уютным особняком на Разъезжей, где у него бывал сам император, и перебраться в Москву.

Старший брат В. И. Неклюдовой, Александр, был убит в 1811 году на дуэли известным гулякой и скандалистом Федором Толстым-Американцем, а сестра Елизавета, фрейлина, из-за своей чрезмерной полноты и столь же чрезмерной гордыни осталась старой девой, заслужив прозвище Бедная Лиза. В начале 1850-х годов, когда дети стали взрослыми и обзавелись собственными семьями, Неклюдовы продали свой участок придворному камердинеру А. П. Замятину, а в конце 1880-х годов он попал в цепкие руки В. А. Ратькова-Рожнова, которому принадлежало не менее десятка домов в Петербурге.

Головокружительная карьера Владимира Александровича, вознесшегося из бедности и неизвестности к вершинам богатства и успеха, объясняется двумя обстоятельствами: собственной деловой хваткой, позволившей ему занять должность управляющего у крупнейшего лесопромышленника В. Ф. Громова, и тем, что ни у Василия Громова, ни у его брата Ильи, которому тот оставил все свое имущество, не было потомства. Когда в 1882 году И. Ф. Громов отправился вслед за братом на тот свет, большая часть многомиллионного состояния покойного, за исключением великолепной дачи на Аптекарском острове, перешла по завещанию к Ратькову.

В «Дневнике» А. С. Суворина от 15 сентября 1893 года читаем: «Вчера встретил на пляже Ламанскую (жена историка-славянофила академика В. И. Ламанского. – А. И.). Рассказывала мне о Ратькове-Рожнове, как он нажил состояние. <... > Жалованья он получал 25 тысяч и проценты с торговли лесом. <... > К жене Громова питал платоническую любовь, как она говорила. Имения лесные в Олонецкой губернии все распродал, так что Громовой осталась одна дача. Она хотела вести с ним процесс, но вышла замуж за какого-то полковника». Конечно, то были всего лишь темные слухи, кружившие в обществе.

С середины 1880-х годов бывший управляющий принимается активно строить и приобретать дома в столице, позднее становится городским головой, получает высокий чин тайного, а вслед затем и действительного тайного советника – словом, в придачу к деньгам достигает всех возможных для него почестей; то и другое Владимир Александрович любил отнюдь не платонической любовью.

Архитектор Л. Н. Бенуа вспоминает, как в 1885 году, во время постройки им для Ратькова доходного дома на углу Гороховой и Загородного, Владимир Александрович «торговался как истинный кулак». В подтверждение своих слов он описывает один случай: «Заказывали мы магазинные окна и двери столяру Андрееву, жившему в доме Ратькова на Гончарной, 68. Тот за окно дубового дерева запросил 210 рублей, а потом скинул до 200. Ратьков зовет его в кабинет и говорит: «Ну, брат, ты очень дорого просишь». – «Помилуйте, ваше превосходительство, у вас же живем и у вас же лес покупаем, уж самую низкую цену назначили». – «Ну, уж для меня уступи». – «Не могу», – отвечает Андреев. – «Ну, тогда не надо. Неужели не можешь уважить?» – «Только для вашего превосходительства рубликов 5 скину». Ратьков встал и, сердито посмотрев, говорит: «Что? Ты мне предлагаешь 5 рублей?» Тот опешил и говорит: «Виноват, ваше превосходительство, 10 рублей скину». На том и кончилось. Миллионер ловким приемом сшиб с позиции бедного столяра. <... > Отвратительная сцена. Ратьков был изрядный скот и, по-моему, не столько большого ума, как плутовства...»

В конце 1890-х годов дом на Гагаринской набережной, 14, записанный на имя жены В. А. Ратькова-Рожнова, перешел к их дочери Ольге Владимировне Серебряковой, которая и стала последней его владелицей. Можно помянуть ее добрым словом за то, что она не стала перестраивать очень петербургское по своей наружности здание, благодаря чему набережная не лишилась хорошего образца позднеклассической архитектуры.

Монументальное «палаццо» (Дом № 16 по набережной Кутузова)

Изначально дом занимал в перспективе набережной заметное место. До перестройки в 1859 году он имел классический фасад с пилястровым портиком и характерным полукруглым окном в аттиковом этаже. Появившаяся в ту пору тяга к архитектурным излишествам побудила архитектора П. А. Чепыжникова придать доходному дому облик необарочного «палаццо» с витиеватыми украшениями. Но и в таком виде он не утратил присущей ему монументальности и своеобразной гармонии целого.

Построил его в 1807–1809 годах все тот же титулярный советник Иван Павлов, с которым мы встречаемся уже в третий раз. Только что законченное здание он отдал внаем Департаменту водяных коммуникаций, а в августе 1813-го продал за 100 тысяч рублей Прасковье Михайловне Толстой, старшей из пяти дочерей покойного фельдмаршала М. И. Кутузова.

По отзыву современника, она была «пригожа, мила, хорошего тона», но ничем особенным на фоне тогдашних светских дам не выделялась и известна лишь по родству со знаменитым военачальником. О муже ее, сенаторе Матвее Федоровиче, можно сказать почти то же: по умственному развитию он значительно уступал своему родителю, любимцу князя Потемкина, пользовавшемуся одно время большим доверием Екатерины II. Своей карьерой младший Толстой был полностью обязан тестю, который покровительствовал ему ради дочери.

Во время французского нашествия супруги Толстые проживали в Москве. При первой же опасности Матвей Федорович, по словам близко знавшего его князя И. М. Долгорукого, «струся прежде многих, уже продавал серебро свое за полцены», собираясь спешно покинуть Белокаменную, что и не замедлил осуществить.

Дом № 16 по набережной Кутузова. Частный дом. Современное фото

В Петербурге многодетное семейство, по-видимому, намеревалось осесть надолго, для чего и приобрело обширное жилище. Однако уже через два года Прасковья Михайловна овдовела и вскоре продала участок известному подрядчику А. И. Косиковскому, снабжавшему русские войска в Отечественную войну продовольствием. Очевидно, делал он это с большой выгодой для себя, потому что успел обзавестись двумя солидными домами на Невском проспекте, один из которых ранее принадлежал князю А. Б. Куракину (№ 15/14).

Богатые откупщики порой попадали в ситуации, грозившие серьезными неприятностями. Так, в 1826 году дом Косиковского в Литейной части чуть было не пошел на уплату казенного взыскания «за тайный вывоз им из столицы хлеба». Впрочем, дело это закончилось для Андрея Ивановича благополучно, и участок остался за ним.

Как многие нувориши, Косиковский хотел видеть своих детей не просто богатыми, но и образованными, принадлежащими к привилегированному дворянскому сословию. Двое его сыновей стали офицерами, третий – чиновником, а дочь Ольга вышла замуж за будущего генерала, управляющего Петергофским дворцовым правлением, М. Г. Евреинова. Ей-то и достался после смерти матери по наследству дом на набережной, который она пожелала перестроить в духе времени.

П. М. Толстая

М. Ф. Толстой

Раз уж мы заговорили об Ольге Андреевне, наверное, стоит рассказать о происшествии, резко нарушившем спокойную жизнь семьи и, по всей вероятности, ускорившем кончину ее мужа, хотя случилось это уже после того, как Евреиновы расстались со своим петербургским владением.

3 января 1870 года А. В. Никитенко сделал в дневнике следующую запись: «Дочь почтенного семейства, отец которого состоит комендантом Петергофа, А. М. Евреинова, бежала в Женеву, чтобы присоединиться там к революционной партии, действующей против России под предводительством М. А. Бакунина».

Совсем иное объяснение неожиданного поступка девушки, которой в ту пору было двадцать пять лет, дает в более ранней дневниковой записи от 5 декабря 1869 года Е. А. Штакеншнейдер: «У петергофского коменданта Евреинова есть очень красивая дочь; за этой дочерью приволокнулся очень сильно великий князь Николай Николаевич. Отец молодой девушки был не прочь от ухаживаний великого князя. <... > Одна ее подруга, учащаяся чему-то в Гейдельберге, – которой она писала о своем безвыходном положении, посоветовала ей, чем топиться, приехать лучше сюда...»

Судя по всему, последнее объяснение в большей мере отвечало действительности; по крайней мере, Анна Михайловна Евреинова сделалась не революционеркой-анархисткой, а первой в России женщиной, получившей ученую степень доктора прав. В 1885–1890 годах она издавала «толстый» журнал «Северный вестник» либерально-народнического направления. Остается добавить, что подругой, пригласившей ее уехать за границу учиться, была не кто иная, как знаменитая Софья Ковалевская.

В начале 1860-х годов участок на тогдашней Гагаринской набережной перешел в собственность купца К. И. Синебрюхова, содержателя общественных карет. В то время многие

небогатые петербуржцы пользовались услугами этого вида транспорта. О нем пишет в своих воспоминаниях А. Ф. Кони: «На Невском... двигаются грузные, пузатые кареты огромного размера, со входною дверцей сзади, у которой стоит, а иногда и сидит, кондуктор. Это омнибусы, содержимые много лет купцом Синебрюховым и курсирующие преимущественно между городом и его ближайшими окрестностями – селом Александровским на Шлиссельбургском тракте, Полюстровом возле Охты и т. п. Неуклюжие и громоздкие, запряженные чахлыми лошадьми, они вмещают в себя до двадцати пассажиров и движутся медленно, часто останавливаясь для приема и выпуска таковых».

Несмотря на черепашую неторопливость и допотопность такого сообщения, синебрюховские кареты по причине своей дешевизны пользовались большой популярностью, принося хозяину недурные доходы. Этой же цели служил и приобретенный им дом, который он полностью отдавал внаем, а сам с семьей проживал в другом месте. Наследники Синебрюхова также не спешили распрощаться с прибыльной статьей и продолжали владеть участком до начала прошлого века.

А потом история, которая доселе плелась со скоростью синебрюховских омнибусов, неожиданно полетела вскачь, совершенно изменив состав обитателей бывшего доходного дома, хотя внешне он остался тем же, что и полтора-два десятилетия назад.

Рок и фортуна (Дом № 18 по набережной Кутузова)

Здание кажется буквально изнемогающим под тяжестью лепного декора: изукрашенных гирляндами полуколонн и пилястр, гипсовых кариатид и т. д. – неизменных атрибутов «роскошных фасадов» во вкусе поздней эклектики. Так оно стало выглядеть после надстройки четвертым этажом и полной перестройки по проекту архитектора Н. В. Дмитриева в 1885–1886 годах, а ранее сохраняло в общих чертах раннеклассический облик, данный ему при появлении на свет.

Оно состоялось более чем за сто лет до этого, причем ему предшествовало курьезное объявление в газете: «На отведенном Ведомства главной дворцовой канцелярии кассиру Александру Зедлеру близ пустого рынка на берегу Невы реки месте лежит другой год дикий камень, но кем положен, неизвестно; а как на сем месте по данному в главной полиции обязательству должно производить строение, то б кому оный камень принадлежит, благоволил убрать... к маю месяцу сего 1775 году» (СПВ. 1775. № 49).

За сим следовала угроза в случае неявки владельца «оный камень в бут употребить». Но какова бы ни была дальнейшая судьба злополучного камня, он не стал камнем преткновения и не помешал тому, что спустя положенное время на весьма неказистой в ту пору набережной выросли трехэтажные палаты на подвалах. Помимо них, предприимчивый кассир владел также кирпичным заводом на реке Ижоре, неподалеку от Колпина.

Дом № 18 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

Через несколько лет дом Зедлера, вероятно из-за удобства его местоположения, облюбовали придворные актеры (здесь же с 1784 по 1788 год помещалась первая в России театральная школа), и среди них Сила Николаевич Сандунов, прославившийся не только своим великолепным сценическим талантом и острым языком, но и романтической женитьбой на примадонне того же придворного театра Лизаньке Урановой.

Соперником Сандунова в борьбе за обладание хорошенькой певицей оказался не кто иной, как сам граф А. А. Безбородко, и если на стороне первого были молодость, красота и искреннее чувство, то на стороне второго – огромное богатство и влияние при дворе, дававшее неограниченные возможности для закулисных интриг. Пособниками графа выступили статс-секретари императрицы – А. В. Храповицкий и П. А. Соймонов, ведавшие в то время театральной дирекцией.

И все же это не помогло сластолюбивому вельможе склонить чашу весов в свою пользу: сердце Лизы принадлежало Сандунову. Недруги всеми силами старались воспрепятствовать их браку, на что в конце концов обратила внимание сама государыня; она переслала Лизе через Храповицкого перстень ценою в 300 рублей, велев сказать, чтобы та никому, кроме жениха, его не отдавала.

Е. Сандунова, жена С. Н. Сандунова

Прошел год, но дело не сдвинулось с мертвой точки; враги не унимались, доведя несчастного Силу Николаевича до мыслей о самоубийстве. Наконец он понял, что надо действовать решительнее. В январе 1791 года, во время своего бенефиса в городском театре, Сандунов, как следует из записи в «Дневнике» Храповицкого, произнес «рацею насчет дирекции», в которой прямо обвинил театральное начальство, действовавшее в угоду Безбородко, в коварных происках. Реакция государыни не заставила себя долго ждать: у Сандунова велено было «через полицию взять рацею им говоренную», а Храповицкому резко заявлено: «Вот к чему приводит несправедливость!»

Но и это мало помогло влюбленным; и тогда Лиза решилась на отчаянный шаг. Вечером 11 февраля, играя в любимой опере Екатерины II, она превзошла самое себя и была «пожалована к руке». Приблизившись к императрице, девушка неожиданно бросилась перед ней на колени с криком: «Матушка-царица, спаси меня!» – и вручила письменную жалобу на то, что ей мешают вступить в брак с любимым человеком. В тот же момент из-за кулис выбежал Сандунов и тоже упал на колени.

Екатерина не терпела в своем «маленьком хозяйстве», как она шутливо именovala Российскую империю, никаких скандалов, вдобавок с общественной оглаской. В уже упомянутом «Дневнике» Храповицкого это событие отражено в следующих строках: «В вечеру играли в Эрмитаже «Федула», и Лизка подала на нас просьбу. В тот же вечер прислана записка к Трощинскому, чтоб заготовить указ для увольнения нас (с П. А. Соймоновым. – А. И.) от управления театрами». А спустя три дня автор сделал еще одну лаконичную запись: «В Малой Придворной церкви венчали Лизку и Сандунова».

Но венец в данной истории вовсе не означал делу конец. Безбородко не прекращал попыток купить благосклонность теперь уже замужней актрисы, и Лиза Сандунова отомстила ему чисто по-женски, но опять-таки публично, с подмостков сцены. В те годы шумным успехом пользовалась опера «Редкая вещь», переведенная с итальянского актером И. А. Дмитриевским; Лиза играла в ней крестьянку, которую некий городской волокита пытается обольстить дорогими подарками. В одном из эпизодов спектакля добродетельная девушка берет из рук соблазнителя кошелек и поет такую арию:

Перестаньте льститься ложно
И думать так безбожно,
Что деньгами возможно
В любовь себе склонить...

Пропев эти слова, Лиза швырнула кошелек по направлению к ложе, где сидел растерявшийся от неожиданности Безбородко. Публика, прекрасно понявшая намек, разразилась громкими аплодисментами, и умный граф, быстро придя в себя, хлопал громче всех.

Но супругам все же пришлось уехать из Петербурга: атмосфера накалялась, и бедному Сандунову стало невмоготу. Впрочем, бедным его можно было назвать лишь в переносном смысле, потому что в прямом он таковым отнюдь не являлся. Об этом можно судить и по объявлению, опубликованному им накануне отъезда из столицы: «У Гагариной пристани, в доме надворного советника Зедлера у отъезжающего отсель придворного актера Силы Сандунова имеются продажные мебели, зеркала, фонари, жирандоли, довольное количество эстампов в рамах и без рам, в книгах, в том числе оригинальная Лебрюнева Александрова коллекция в рамах и со стеклами, также хорошее фортепиано и другие вещи» (СПВ. 1794. № 37). По этим предметам можно составить представление не только о зажиточности Сандуновых, но и об их культурном уровне.

Переселившись в Москву, Сила Николаевич отдал в пользу сирот, в Воспитательный дом, все драгоценности, полученные Лизой от петербургских поклонников, и ему еще хватило средств выстроить на Трубной площади великолепные бани, знаменитые Сандуны, благодаря которым он и по сей день памятен потомкам.

После смерти кассира Зедлера участком недолгое время владела его вдова – Зедлерша, как ее называли по тогдашнему обычаю, а в начале 1800-х годов он перешел к жене З. К. Зотова, любимого камердинера Екатерины II. После того как по воцарении Павла Зотов какими-то мнимыми или подлинными провинностями возбудил против себя гнев императора и оказался в страшных казематах Петропавловской крепости, его супруга, чтоб не мозолить глаза грозному самодержцу, сочла за благо расстаться с приобретенным незадолго до того особ-

няком на той же набережной (дом № 30), продав его М. И. Кутузову. Когда же с убийством злополучного государя «умолк рев Норда сиповатый», она снова стала подыскивать подходящее жилище, остановившись в конце концов на участке Зедлера.

Парадный подъезд дома № 18

Сюда и вернулся, выйдя из темницы, больной и сломленный Захар Константинович, находившийся уже в полубезумном состоянии. Дни его были сочтены: он умер, не прожив на новом месте и года. Надо сказать, что, оставшись бездетной вдовой, Вера Ивановна Зотова не пала духом и обратила всю энергию на увеличение своего и без того немалого состояния. Незадолго до смерти она приобрела еще один каменный дом на набережной Фонтанки, 25 (после

нее им владела мать декабристов Муравьевых). Когда в 1813 году Зотова скончалась, все ее имущество, в том числе и оба дома, пошло с торгов.

В 1816 году дом на Дворцовой набережной купила графиня В. П. Шувалова, урожденная княжна Шаховская, недавно обвенчавшаяся с генерал-адъютантом Павлом Андреевичем Шуваловым. Муж ее, внук известного елизаветинского вельможи П. И. Шувалова, слыл человеком добрым, безмерно богатым и был, по-видимому, вполне счастлив в браке, но страдал одной весьма неаристократической слабостью – приверженностью к хмельному. Это обстоятельство не мешало ему быть любимцем Александра I, хотя и подпортило служебную карьеру. Внезапная и скоропостижная смерть сразила Павла Андреевича в декабре 1823 года как раз в тот момент, когда он заносил ногу, готовясь погрузиться в ванну.

В. П. Шувалова

Молодая вдова осталась с двумя малолетними детьми, поверженная в глубокую печаль. Забегая вперед, скажу, что над Варварой Петровной, казалось, тяготел какой-то злой рок: стоило ей выйти замуж, как ее избранник спустя несколько лет непременно умирал. Через три года после смерти первого мужа она страстно влюбляется и выходит замуж за некоего Адольфа Антоновича Полье, по происхождению швейцарского француза, переселившегося после Отечественной войны 1812 г. в Россию и получившего от французского короля Карла X титул графа, купленный, как говорили, самой Варварой Петровной.

Но безоблачное счастье графини длилось недолго: не прошло и четырех лет, как тридцатипятилетний Полье отошел в мир иной. На этот раз горе несчастной женщины не знало границ: она поселилась в унаследованном ею от первого мужа имении Парголово под Петербургом (где ныне Шуваловский парк) и, не желая расставаться с останками обожаемого человека, похоронила их тут же, в парке, в специально устроенном гроте, отделанном в готическом вкусе.

От него была проложена аллея, названная по имени усопшего Адольфовой, которая вела к одноименной горе. Внутри грота находились две могилы: в одной покоился прах оплакиваемого мужа, другая же, пустая, предназначалась для его безутешной вдовы. В этой сумрачной гробнице, украшенной редкими тропическими растениями, графиня проводила большую часть ночи, орошая горячими слезами дорогие батистовые платочки, которые затем клала на могилу своего незабвенного Адольфа. Романтическую сцену освещали ползавшие по стеблям жуки-светлячки, покупаемые Варварой Петровной у окрестных мальчишек и ими же каждое утро похищаемые для новой перепродажи щедрой барыне.

Фрагмент фасада дома № 18

Несчастливая вдова и не подозревала, что за нею наблюдали шалопаи студенты, забиравшиеся в грот и прятаясь по темным углам. Как-то раз один из них перед ее приходом спустился в пустой склеп, а его товарищи вновь задвинули над ним плиту и укрылись. Когда явившаяся графиня начала, по обыкновению, плакать и упрекать покойного супруга за то, что

он ее покинул, из недр земли внезапно послышался страшный, замогильный голос, звавший ее к себе. Обезумевшая от ужаса женщина с быстротой молнии исчезла из грота и после этого, как утверждают, прекратила свои ночные бдения.

Вскоре В. П. Шувалова с сыновьями уехала за границу и там повстречала нового суженого: им оказался неаполитанский посланник в Петербурге князь Бутера ди Ридали, с которым она и обвенчалась в 1836 году. Супруги приобрели роскошный особняк на Английской набережной, 10, и стали задавать в нем великосветские балы и приемы. 10 января 1837 года они были свидетелями на бракосочетании барона Дантеса-Геккерена с Е. Н. Гончаровой.

А. Д. Балашов

Новый муж Варвары Петровны, по отзывам современников, был человеком умным и образованным, но, увы, его век также оказался недолгим: в июне 1841 года он скончался, и вдова на сей раз овдовела уже окончательно, пережив своего супруга почти на тридцать лет. По словам хорошо знавшего ее человека, «она пользовалась уважением и любовью за свою доброту, широкое гостеприимство, радушие и благотворительное сердце, которое не умело отказывать в помощи тем, кто к ней обращался».

Но вернемся к нашему дому. Следующим его владельцем становится граф А. И. Апраксин, у которого в 1835 году его покупает вышедший в отставку и удалившийся от дел бывший министр полиции и петербургский военный губернатор А. Д. Балашов (1770–1837). Поскольку он представлял собой весьма заметную фигуру alexandrovskogo царствования, стоит поговорить о нем подробнее.

Род Балашовых – древнего происхождения и даже владел в прошлом княжеским титулом; некогда ему принадлежали богатые поместья в Саратовской губернии, где по сию пору один из городов – бывшая фамильная вотчина Балашовых – зовется по их имени. Но за какие-то грехи все обширные имения вместе с княжеским титулом были у них отобраны, и многотрудное восхождение к признанию и почестям пришлось начинать сызнова.

Отец Александра Дмитриевича преуспел на этом пути, дослужившись до высокого чина тайного советника и сделавшись одним из любимейших сановников Екатерины II, однако о прежнем богатстве уже не было и помину. Правда, юный Александр воспитывался в Пажеском корпусе и за отличные успехи был пожалован в камер-пажи, а в 1791 году начал военную службу поручиком лейб-гвардии Измайловского полка, но недостаток средств вынудил его через четыре года перейти в армию.

Опустим превратности его карьеры в павловское время – их не удавалось избежать почти никому – и обратимся к той поре, когда звезда Александра Дмитриевича стала определенным образом восходить. Благодаря рекомендации своего давнего приятеля и сослуживца по Измайловскому полку графа Е. Ф. Комаровского в конце 1805 года Балашов получил должность московского обер-полицмейстера, и, по словам графа, «сие было началом его последующей фортуны по службе и всех почестей, им в оной приобретенных».

Через три года мы видим его на той же должности, но уже в Северной столице, и с этого момента он начинает быстро идти в гору. Сделавшись лично известным Александру I, Балашов в 1809 году назначается петербургским военным губернатором и генерал-адъютантом, а спустя всего несколько месяцев занимает пост министра полиции с сохранением прежней должности.

Наибольшую известность Александру Дмитриевичу принесла его миссия в качестве парламентаря, посланного государем к императору французов при переходе последним русской границы в июне 1812 года. В этом деле Балашов в полной мере проявил свой ум и дипломатические способности, убедительно и энергично опровергнув мнимые причины, которыми Наполеон пытался оправдать развязанные им военные действия. Ответ, данный посланцем русского царя самоуверенному завоевателю, вошел в историю. На издевательский вопрос Бонапарта, каким путем ему удобнее будет идти на Москву, Балашов, не задумываясь, отрезал: «Есть несколько дорог, государь; одна ведет через Полтаву». Вероятно, Наполеон, неплохо знавший военную историю, отлично понял намек на судьбу своего шведского коллеги Карла XII, но не сумел оценить в ту пору провидческий смысл этих слов.

В Отечественную войну А. Д. Балашову довелось сыграть одну из главных ролей в развертывании народного ополчения. В дальнейшем, находясь в свите императора, он выполнял множество важных поручений, в том числе и дипломатических. Именно они в течение нескольких лет удерживали его за границей. На родину Александр Дмитриевич вернулся лишь в начале 1818 года и в скором времени был назначен окружным генерал-губернатором Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний – пост чрезвычайно ответственный, на котором он проявил себя заботливым и рачительным хозяином.

Фрагмент фасада дома № 18

Смерть жены и расстроенное здоровье заставили Балашова просить об отставке, которую он и получил 10 марта 1828 года, сохранив за собой звание члена Государственного совета. Он не без пользы занимал эту должность, подав, в частности, обоснованное мнение по вопросу обеспечения народного продовольствия, и его мнение было учтено. Однако возраст брал свое, и болезненное состояние заставило его в 1834 году окончательно оставить службу. Остаток жизни Александр Дмитриевич посвятил занятиям статистикой, и собранные им сведения явились весомым вкладом в эту новую для России науку.

Такова официальная, излишне благостная версия служебной деятельности А. Д. Балашова, не освещающая всех сторон его противоречивой личности. Известно, к примеру, что ложными наветами он добился отставки и ссылки выдающегося реформатора М. М. Сперанского, а во время правления Балашова во вверенных ему губерниях процветали дикое воровство и взяточничество; после его ухода трое губернаторов, столько же вице-губернаторов и много других чиновников, рангом ниже, были отданы под суд, и самого Александра Дмитриевича молва обвиняла в тех же преступлениях.

Возможно, испытанная им в юности бедность заставляла его добиваться богатства любой ценой. И он достиг цели, оставив своим детям вполне приличное состояние, в том числе и дом на набережной, который достался сыну Александру, заурядному чиновнику, ни в каком отношении не унаследовавшему талантов отца.

А. П. Арапова, урожденная Ланская, дочь П. П. Ланского и Н. Н. Ланской, в первом браке – жены А. С. Пушкина. Жила в доме № 18

В 1885 году «наследники генерал-адъютанта Балашова», так навсегда и оставшиеся в тени своего предка, продали дом, в котором сами не жили, а использовали в качестве доходного, графу С. В. Орлову-Давыдову, правнуку знаменитых братьев Орловых и сыну известного общественного деятеля, писателя и мецената, почетного члена Академии наук. И этот потомок также не прославил свой род, не блеснув ничем, кроме богатства.

Последним хозяином дома, к которому он перешел незадолго до революции, был владелец конвертной фабрики, почетный гражданин И. И. Василевич. Сам он проживал при своей конторе на Садовой, 22, а дом на Французской набережной сдавал «под жильцов». Квартиры по парадной лестнице были отделаны с несколько аляповатой роскошью и стоили чрезвычайно дорого; их нанимали преуспевающие адвокаты, модные врачи, крупные чиновники.

До сих пор уцелела отделка многих помещений, относящаяся к 1880 годам, так гармонировавшая с мягчайшими пуфами, громадными резными буфетами, необъятными креслами с атласной обивкой и картинами в массивных золоченых рамах. Все казалось таким устойчивым, прочным, задуманным на века. Но прошло каких-нибудь два десятка лет – и прежних жильцов, тех, кто остался, стали «уплотнять» новыми: занималась заря социализма, наступала эра коммунальных квартир.

«Купеческое барокко» (Дом № 20 по набережной Кутузова)

Следующий дом с не особенно оригинальным фасадом по мотивам позднего Возрождения – наглядный пример того, какие неожиданности могут скрываться за стенами старых зданий. Сохранившиеся парадные помещения второго этажа с их тяжелой, назойливой роскошью имитируют стиль Людовика XIV: резные плафоны, наборные полы, обилие лепнины и позолоты призваны были внушать обитателям этих покоев, быть может, ложные представления о собственной ценности и значительности.

То был дворец в миниатюре, точнее, дворцовые декорации или, говоря современным языком, апартаменты класса «люкс» в пятизвездочном отеле. Чем выше по лестнице, тем скромнее отделка квартир, но и она позволяла причислять себя к избранным... Так дом стал выглядеть с конца 1850-х годов, совершив обычное превращение из двухэтажного, с простым классическим фасадом, в трех-, а затем и четырехэтажный, разукрашенный по последней моде. Теперь проследим его историю по порядку.

В 1770-х годах камер-юнкер П. Ф. Квашнин-Самарин соорудил на отведенном ему месте, включавшем в себя и занимаемое ныне соседним угловым домом № 22/2, деревянные на каменном фундаменте хоромы. Стояли они не на набережной, где запрещалось возводить деревянные постройки, а в глубине участка, и к ним примыкали два небольших флигеля.

Дом № 20 по набережной Кутузова. Северо-западное таможенное управление РФ. Современное фото

В 1791 году Квашнин, бывший к тому времени уже правителем Новгородского наместничества, продает свой участок купчихе Кушинниковой. Через два года его покупает богатый петербургский коммерсант Ф. И. Гротен, построивший незадолго перед тем по проекту Д. Кваренги знаменитый дом № 4 по Дворцовой набережной. Возможно, к нему же Гротен обратился и на этот раз, возводя двухэтажные на подвалах палаты на пустовавшем доселе отрезке набережной.

Одновременно на углу нынешних Шпалерной и Гагаринской улиц выросло приземистое каменное здание, а за ним, в глубине двора, торговые бани, тут же окрещенные Гротеновыми. Впоследствии они назывались Таиловскими, потом – Яковлевскими, но всегда приносили своим хозяевам хороший доход, продержавшись до 1930-х годов, когда были закрыты навсегда.

В 1817 году участок у Гагаринской пристани, давшей наименование вначале выходившей к ней улице, а позднее и набережной, приобрела Пелагея Таирова, племянница известного в столице купца и домовладельца. Через два года она построила на пустующем месте рядом со своим домом на набережной еще один (№ 22/2), о котором речь впереди. Приобретая недвижимость в Литейной части, «купеческая дочь девица», как именovala себя Пелагея в газетных объявлениях, тотчас стала сдавать ее внаем.

Е. А. Бакунина

Одной из первых поселившихся в доме Таировой была Е. А. Бакунина, вдова покойного директора Академии наук. Очевидно, ей хотелось иметь квартиру неподалеку от жилища ее родителя, действительного тайного советника А. А. Саблукова, владевшего домом № 26 на той же набережной. Здесь Екатерину Александровну навещали ее дети – сын Александр, бывший лицеист, соученик Пушкина, служивший в Семеновском полку до его расформирования в 1821 году, и дочь Екатерина, фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны.

Екатерина Павловна Бакунина, юношеская любовь Пушкина, имела счастье на целых несколько месяцев овладеть его пылким воображением и оказаться на второй строчке знамени-

того «донжуанского списка». Этому обстоятельству отечественная литература обязана появлением на свет свыше двух десятков стихотворений, возможно, соответствовавших числу мимолетных встреч с предметом его страсти на крыльце или в парке... Помимо этого, Е. П. Бакунина известна как талантливая художница, автор ряда очень недурных портретов, в том числе матери, брата и себя самой.

В 1857 году дом № 20 перешел к купцу второй гильдии, владельцу лакокрасочной фабрики Афанасию Петровичу Яковлеву, задумавшему изменить прежний облик обветшавшего здания, придав ему блеск и пышность. Для этого он пригласил архитектора А. А. Кулакова, построившего немало доходных домов и особняков, преимущественно в окраинных частях столицы, по заказам купцов и мещан. Очевидно, за долгие годы зодчий успел приноровиться к порой чудаческим требованиям своих клиентов и умел «потрафлять» их далеко не изысканным вкусом.

Вот и на сей раз ему пришлось переделывать проект. Поначалу Яковлев задумал надстроить лишь третий этаж, но через год ему взбрело в голову добавить еще и четвертый, что не прибавило зданию художественных достоинств, зато увеличило его доходность. В результате вместо ренессансного палаццо получилось довольно нескладное сочетание нижних и верхних этажей, представляющих как бы два разных фасада – монументально солидный внизу и легкомысленно измельченный вверху.

То, что не удалось снаружи, архитектор постарался восполнить внутри, при отделке парадных интерьеров. Легкомыслием здесь и не пахнет: все тяжеловесно, перегружено украшениями, рассчитано на внешний эффект. В подобном стиле, который можно назвать «купеческим барокко», во второй половине XIX века отделялись ресторанные залы и гостиничные номера для заезжих знаменитостей и финансовых воротил.

Хозяин дома, старовер-начетчик, жить в этих новомодных покоях не собирався, предназначая их для богатых съемщиков, а сам с семьей обитал в низеньком, невзрачном флигеле на углу Шпалерной, среди милых ему древних образов. В отличие от Афанасия Петровича дочь его не чуралась роскоши и, выйдя замуж за купца П. Т. Климова, поселилась с супругом в великолепной квартире с видом на Неву.

К середине 1890-х годов после смерти старика Яковлева, Пелагея Афанасьевна стала единственной наследницей отцовских богатств. Овдовев, она продала участок с домом на набережной и баней на Шпалерной потомственному почетному гражданину А. М. Александрову, оптовому торговцу мануфактурой, директору-распорядителю товарищества «М. А. Александров». Однако, владея еще двумя доходными домами в Петербурге, вдова занимала свое прежнее жилище, где прошла большая часть ее жизни. Там, в конце концов, и настигла ее разразившаяся над Россией гроза.

Схожие судьбы (Дом № 22/2 по набережной Кутузова)

В августе 1819 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилось объявление: «Литейной части 1 квартала, во вновь выстроенном доме купеческой дочери Таировой под № 10, отдаются в наем две квартиры... Желающие нанять могут для условия явиться на Сенной, в дом Таирова, под № 129».

Читатель, возможно, уже догадался, что речь идет об угловом доме № 22/2, о котором мы упомянули в предыдущей главе. Пришло время для подробного рассказа о нем, а точнее, о его предшественнике, стоявшем на том же самом месте. Внешним видом он не слишком отличался от своего соседа слева: трехэтажный, с простым фасадом в стиле без-ордерного классицизма – таких в ту пору оживленного строительства возводилось сотни, если не тысячи. Нередко при получении разрешения на постройку, помимо прочего, оговаривался даже цвет будущего здания; в 1810-х годах в моде был светло-серый, с белыми деталями отделки...

Возможно, именно так выглядел и новый дом девицы Таировой, которым, впрочем, она владела недолго: к середине 1820-х годов его приобрела жена генерал-адъютанта М. Е. Храповицкого, Софья Алексеевна, урожденная Деденева, внучка известного в свое время инженера-фортификатора.

Ее супруг, Матвей Евграфович (1784–1847), начал военную службу пятнадцатилетним юношей, приняв участие в Итальянском походе Суворова, а в девятнадцать был уже полковником, командуя батальоном лейб-гвардии Измайловского полка! Неудачное для союзных войск Аустерлицкое сражение дало ему возможность показать себя в деле и удостоиться желанной для каждого русского воина награды – ордена Святого Георгия 4-й степени.

Дом № 22/2 по набережной Кутузова. Совет ветеранов Великой Отечественной войны.
Современное фото

В Отечественную войну, стоя во главе измайловцев в битве при Бородине, он прославил свой полк и себя лично, заслужив похвалу другого героя – командующего дивизией генерала П. П. Коновницына, пожелавшего после боя обнять «храброго командира беспримерного полка». Несмотря на сквозное ранение в ногу, Храповицкий остался в строю; этот момент запечатлен на картине П. Гесса, висевшей некогда в Зимнем дворце.

То был пик его военной карьеры. Полученная рана помешала ему участвовать в изгнании французов из России, хотя в дальнейшем он побывал в заграничном походе и получил еще одно ранение в левую ногу. После окончательного разгрома Наполеона жизнь Матвея Евграфовича потекла более спокойно и размеренно: он производится в генерал-адъютанты, командует дивизией, удостоивается наград и других знаков монаршего благоволения.

М. Е. Храповицкий

В конце 1830 года состоялся не очень удачный дебют М. Е. Храповицкого на административном поприще. Император Николай I, искренне полагавший, что любой генерал-адъютант может так же свободно управлять губернией, как полком или дивизией, а высокий рост и представительная наружность заменяют все остальное, назначил его виленским и гродненским военным губернатором.

Напомню, что времена были беспокойные, в Польше полным ходом шло восстание против России, которому сочувствовала изрядная часть населения этих губерний. В таких условиях Матвей Евграфович, «нрава вспыльчивого, но доброго», вскоре почувствовал себя не на месте и уже через несколько месяцев запросился в отставку, ссылаясь на расстроенное здоро-

вье. По-видимому, царь и сам понял ошибочность своего выбора и согласился удовлетворить его просьбу, одновременно произведя бывшего губернатора в генералы от инфантерии при милостивом рескрипте.

Оправившись от болезни, Храповицкий в 1832 году вновь вступает на привычную для него стезю, получив под начало отдельный гренадерский корпус. В том же году произошло еще одно, не очень значительное, но имеющее интерес для нашего повествования событие: по неизвестной причине он пожелал приобрести принадлежавший жене дом на набережной в свое владение. Купчую совершили по всем правилам, а сумма ее составила 150 тысяч рублей.

Был ли то чисто формальный акт передачи собственности, или отношения между супругами успели разладиться и возникла необходимость урегулировать имущественные отношения? Последнему противоречит одно обстоятельство: незадолго перед тем Матвей Евграфович, скорее всего по просьбе жены, ходатайствовал за ее единоутробного брата, декабриста Н. Н. Оржицкого, об увольнении того от службы и передаче ему на поруки.

Как бы там ни было, такой поступок свидетельствует если не о дружеских отношениях между супругами, то, во всяком случае, о великодушии генерала. Не многие брали на себя смелость хлопотать за отверженных!

В скором времени Матвей Евграфович овдовел, а затем вторично женился на княжне А. С. Щербатовой, которой суждено было намного его пережить. На беду М. Е. Храповицкого, государю Николаю Павловичу вздумалось вновь испробовать своего генерал-адъютанта на посту военного губернатора, на сей раз петербургского. 7 апреля 1846 года последовало назначение; но, должно быть, в этой должности крылось для Матвея Евграфовича нечто роковое.

М. А. Корф в своих «Записках» рассказывает, что предшественник Храповицкого, генерал А. А. Кавелин, был смещен с нее после того, как накануне Пасхи, после причащения, подошел к царю и объявил: «Государь, теперь, к сожалению, с вами нет ни императрицы, ни великой княжны Ольги Николаевны (они находились в Палермо. – А. И.); но у вас есть заступающие их должности: я с Перовским (министр внутренних дел. – А. И.)».

После этого император отставил беднягу от дел, поняв, что его речи являются следствием старого ранения в голову, а в утешение произвел в генерал-адъютанты. Тот же Кавелин не переставал твердить, что его преемник не протянет на своем посту и четырех месяцев. К несчастью, его слова оказались пророческими: очень скоро, во время учений на Царицыном лугу, М. Е. Храповицкого разбил паралич, и, проболев около года, он скончался. На похоронах присутствовал сам Николай I с великим князем Михаилом Павловичем и наследником.

Оставшись сравнительно молодой бездетной вдовой, Анастасия Сергеевна спустя некоторое время вышла замуж, и опять за вдовца, барона П. А. Вревского. Павел Александрович относился к многочисленным внебрачным отпрыскам «бриллиантового князя», вице-канцлера А. Б. Куракина, прозванного так из-за своей любви к драгоценным украшениям. Фамилию Вревские они получили от Вревского погоста Островского уезда Псковской губернии, а баронский титул, по просьбе их отца, – от австрийского императора, не жалевшего мало стоивших ему дипломов для нужных людей.

По странному совпадению П. А. Вревский (1809–1855) во многом повторил жизненный путь первого мужа Анастасии Сергеевны: так же, как тот, он начал службу в Измайловском полку, так же храбро воевал, хотя уже в других войнах, наконец, тоже имел звание генерал-адъютанта. В момент своей женитьбы на вдове Храповицкой он занимал должность директора канцелярии военного министерства. Однако эти прозаические канцелярские обязанности ни в коей мере не могли удовлетворить Павла Александровича: его стихией были кровопролитные сражения, в которых он выказывал подчеркнутое хладнокровие.

Когда началась постыдная для Российской империи Крымская кампания, П. А. Вревский отправился к театру военных действий и стал одной из заметных фигур при обороне Севасто-

поля. 4 августа 1855 года русские войска под командованием князя М. Д. Горчакова неудачно атаковали противника у реки Черной, потеряв около 8 тысяч убитыми и ранеными. Среди первых был и генерал П. А. Вревский.

Узнав о смерти барона, писатель и критик А. В. Дружинин 16 августа записал в своем дневнике: «С Вревским связано у меня много воспоминаний. <... > Личность его мне всегда нравилась. С него писан барон Реццель в повести «Алексей Дмитриевич». Какими же чертами наделил Дружинин своего литературного героя?

«Барон Реццель был блестящим представителем старого молодого поколения, которое жило очень шибко и очень весело, почитывало Байрона да играло в разочарование, обладая тысячами пятьюдесятью годового дохода... Жизнь бар она походила на вечное театральное представление. Еще мальчишкой он с восторгом скакал перед своим кирасирским взводом... в зрелом возрасте любил ходить в атаку на неприятеля, останавливаться под выстрелами, никогда не входить в азарт и молчаливо представлять из себя грустного философа, холодного зрителя общей потасовки». Таким был прототип Реццеля – барон П. А. Вревский.

Вторично овдовев, Анастасия Сергеевна заперлась в доме, тихо и незаметно доживая свой век, который оказался весьма долгим. Умерла она в конце 1880-х, после чего участок ее ненадолго перешел к баронессе З. А. Врангель фон Гюбенталь, а в 1892 году его купил на имя жены известный нам В. А. Ратьков-Рожнов. В 1900 году, задумав сделать дочери Ольге Владимировне, вышедшей замуж за полковника М. А. Серебрякова, достойный подарок, заботливый родитель задумал расширить и перестроить подаренный ей дом. Для этого был приглашен молодой, но уже известный архитектор Б. И. Гиршович.

Поначалу предполагалось сохранить старое здание, ограничившись внутренними переделками и возведением новых флигелей во дворе и со стороны Гагаринской. Однако две части особняка не ладили друг с другом и выглядели случайными соседями, а потому решено было снести старую постройку и соорудить единое здание с новым фасадом в духе раннеклассических образцов. Этот проект и воплотился в жизнь в 1901–1902 годах.

В печатных материалах, посвященных дому № 22/2, можно встретить утверждение, будто бы О. В. Серебрякова состояла председательницей Императорского женского патриотического общества, проводившего свои заседания в ее доме и под ее началом. Справедливости ради отметим, что председательницей являлась императрица Александра Федоровна, а Ольги Владимировны нет ни среди членов совета, ни даже совещательного комитета; она числилась всего-навсего помощницей попечительницы одной из школ, находившихся под патронатом общества...

Свой столетний юбилей бывший серебряковский особняк встретил ухоженным и помолодевшим, сверкающим белизной отреставрированных залов и парадной лестницы. Впрочем, сто лет для дома – это не возраст!

Следы былого величия (Дом № 24/1 по набережной Кутузова)

Снаружи это здание выглядит вполне благополучно: сдержанный неоренессансный декор, оживляемый небольшими пилястрами и лепными барельефами, мало что говорит о внутреннем содержании. Правда, обшарпанная, не закрывающаяся дверь парадного по набережной уже настораживает, но, войдя в нее, вы по-настоящему ужаснетесь: некогда роскошная беломраморная лестница производит впечатление наполовину выработанной каменоломни. Фактически от нее сохранились лишь фрагменты, еще больше усиливающие масштабы разрушений. Они покажутся гораздо страшнее, если вам известно, что когда-то особняк был одним из самых богатых и красивых по своей внутренней отделке.

Часть прежнего великолепия уцелела и поныне, хотя сама обстановка коммунальных квартир и гнездящихся здесь контор отнюдь этому не способствует, порождая противоестественный симбиоз роскоши и убожества, причем роскошь в данном случае лишь создает дополнительные неудобства. Жить в таких покоях бедному и непривычному к ним обывателю – все равно что сморкаться в парчовый платок: и глупо, и неудобно. Конторы же – и это самое страшное – норовят их переделать в соответствии со своими канцелярскими потребностями и окончательно губят то, что чудом уцелело до наших дней.

Поддерживать сохранность такого рода зданий под силу лишь людям богатым и культурным, потому что государство с этой функцией явно не справляется. Нравится нам или нет, но дело обстоит именно так. Ведь без богатых людей не было бы сегодня ни дворцов, ни особняков, наполненных произведениями искусства, и нам нечего было бы сохранять.

Домом, о котором пойдет речь, тоже всегда владели люди богатые. Из архивных источников известно, что построил его будущий генерал-аншеф артиллерии и барон Иван Иванович Меллер-Закомельский, получивший в 1773 и 1774 годах два «порозжих» участка на недавно устроенной набережной, которая, как мы знаем, в ту пору звалась Дворцовой. В 1775 году он прикупил у некоего «кихеншрейбера» Федула Михайлова смежный участок с имевшимся на нем деревянным строением, сломав которое возвел большой трехэтажный дом с главным фасадом на Неву, двумя двухэтажными флигелями и отдельно стоящим одноэтажным каменным флигелем, протянувшимся вдоль южной границы участка.

В том же году дом был готов, и его владелец поместил следующее объявление в газете: «Артиллерии Генерал-поручик... Меллер отдает в наем собственной свой каменной о трех этажах дом с принадлежащими к нему службами, состоящий в Литейной части на берегу Невы реки, что у Гагаринской пристани».

Иван Иванович Меллер, о котором отзывались как об одном из храбрейших военачальников своей эпохи, был немцем по происхождению, выходцем из простой семьи. Родился он в 1728 году и уже в двенадцатилетнем возрасте стал канониром. Принимал участие в Семилетней войне, отличившись при взятии Кольберга. В 1775 году ему было поручено заведование Ладожским каналом, потребовавшее отъезда из Петербурга, что, по-видимому, и побудило его дать объявление о сдаче дома внаем.

В это же время, по свидетельству историка Д. Н. Бантыша-Каменского, Меллер управлял всей артиллерией в государстве. В 1783 году он занял должность генерал-фельдцейхмейстера, а при штурме Очакова (1788) предводительствовал двумя колоннами русской армии. Там ему пришлось пережить боль утраты: в бою погиб его сын, подававший большие надежды. Заслуги И. И. Меллера в Очаковском сражении были отмечены высокой наградой – орденом Святого

Георгия 2-й степени. Позднее императрица пожаловала ему орден Святого Андрея Первозванного и возвела в баронское достоинство с правом именоваться Меллером-Закомельским (приставка к фамилии объяснялась пожалованием земель в Закомельском войтовстве Полоцкой губернии).

Дом № 24/1 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

В октябре 1790 года при взятии турецкой крепости Килия Иван Иванович был смертельно ранен и вскоре скончался, оставив вдову, троих сыновей и четырех дочерей. Единственный сохранившийся портрет И. И. Меллера-Закомельского долгое время считался изображением А. П. Ганнибала, прадеда Пушкина, пока работы нескольких исследователей не опровергли это мнение и не установили подлинную личность человека на портрете.

А теперь вернемся к дому. В период владения им генералом Меллером он постоянно, целиком или частично, сдавался внаем. Одним из его постояльцев был знаменитый маг и чародей Калиостро, выдававший себя за «гишпанского полковника». Девятимесячное пребывание в Петербурге не принесло ему ожидаемого успеха при дворе, и все ухищрения заморского врача натолкнулись на сильную конкуренцию в лице весьма известного в ту пору Ерофеича, открывшего своего рода жизненный эликсир, получивший его имя, а также столичных врачей, неутомимо преследовавших «графа Феникса».

Придворный лекарь великого князя Павла Петровича даже вызвал его на дуэль, но Калиостро со своей стороны предложил оригинальные условия поединка: каждый из противников должен был дать другому пилюлю с ядом, и тот, у кого окажется лучшее противоядие, будет считаться победителем. Неизвестно, принял ли придворный врач эти условия, но известно, что 1 октября 1779 года «Санкт-Петербургские ведомости» в рубрике «Отъезжающие» поместили такую заметку: «Господин граф Калиострос, Гишпанской полковник, живет по Дворцовой набережной в доме г. генерал-поручика Меллера».

Граф Калиостро

А спустя две недели после того, как самозванный полковник тихо отбыл из Петербурга, те же «Ведомости» сообщили ему вдогонку:

«Господин Нормандес, Испанский поверенный в делах при здешнем Императорском дворе, уведомляет чрез сие почтенную публику, что иностранец, назвавшийся в здешних Российских и Немецких ведомостях графом Калиостросом и полковником в службе Его Величества Короля Испанского, не известен в Испании ни под каким титулом и ни в каком не только полковничьем ниже другом каком чине. Он, имея о сем точные и достоверные известия, предостерегает публику, дабы она не могла быть обманута чрез помянутое название». Тем и закончились приключения Калиостро в Петербурге.

В 1785 году в доме Меллера поселился выдающийся русский врач Нестор Максимович Амбодик (1744–1812), один из основоположников научного акушерства, автор медицинских словарей, специалист по ботанике. Ему принадлежит заслуга введения в практику столичных докторов акушерских щипцов. Получив диплом Страсбургского университета, он возвратился на родину и начал читать лекции по акушерству, физиологии и медико-хирургической практике.

О начале очередного курса «Санкт-Петербургские ведомости» печатали особое оповещение: «От Государственной Медицинской коллегии объявляется, что повивального искусства Профессор и Доктор Нестор Амбодик, окончив в минувшем месяце обыкновенные лекции

ученицам, бабичьему искусству обучающимся, имеет долг снова начать оные сего Августа 19 числа и преподавать дважды в неделю... а посему как бывшие ученицы для повторения, так и другие в повивальном искусстве упражняться могут безденежно. Желающие... могут ходить к нему, жительство имеющему в доме его Высокопревосходительства, г. Генерала-Аншефа и Кавалера Ивана Ивановича Меллера, по берегу большой Невы реки под № 9».

Прошло несколько лет. Погиб хозяин дома, и его вдова решила продать особняк. Скорее всего, к этому ее принудили материальные соображения – как-никак, семеро детей, из которых четыре дочери, нуждавшиеся в приданом. Да и жилище, хотя и более скромное, имелось в запасе: кроме дома на набережной, генеральше принадлежал еще один участок в Литейной части, где были выстроены два небольших деревянных дома.

Объявление о продаже появилось в «Ведомостях» 28 октября 1793 года и содержало некоторые интересные подробности: «Продается на Литейной части по набережной линии у самого перевозу на Гагарину пристань покойного артиллерии г. Генерал-Аншефа... Барона Ивана Ивановича Меллера Закомельского каменный большой дом о трех этажах с двумя большими флигелями, наулишным и надворным, двухэтажными, и с принадлежащим к тому дому другим, каменным же особо отделенным домиком, прикосновенным к наулишному флигелю, со всею в том доме мебелью и прочею принадлежностью, не оставляя ничего; при тех же домах имеется довольно число людских, каретных сараев, конюшен, погребов летних и зимних, с пространном местом и с коего получается ежегодного дохода до 3500 рублей».

Однако продажа недвижимости в те времена шла туго, и охотников долго не находилось. Только 19 января 1797 года вдова продала дом сенатору П. В. Мятлеву за весьма невысокую цену – 20 тысяч рублей. О том, что она была невысока, можно заключить из следующего: сам Мятлев, купив участок, спустя пару дней заложил его, но уже за 40 тысяч. Так или иначе, дело было сделано. Новый владелец занимал в ту пору должность директора Ассигнационного банка и пользовался ею с немалой выгодой для себя.

Вообще, Петр Васильевич был личностью крайне противоречивой: европейски образованный, обладавший острым и веселым умом, он находился в дружеских отношениях со многими из тогдашних литераторов – Богдановичем, Фонвизиним, Дмитриевым, Карамзиным. При Екатерине, так же как и при Павле, Мятлев находился на самом хорошем счету, зато Александр I относился к нему чрезвычайно неблагоприятно: его имя он упомянул в числе придворных своей бабки, которых не желал бы иметь у себя даже лакеями. Надо полагать, для такого суждения у него были достаточные основания.

П. В. Мятлев

П. К. Разумовский

Через два года дом перешел к другому хозяину, на этот раз надолго: граф Петр Кириллович Разумовский (1751–1823), сын гетмана Кирилла Григорьевича, владел им до самой смерти. Граф был женат на Софье Степановне Ушаковой (по первому мужу Чарторыйской), пятью годами старше его, известной при дворе своим щегольством и страстью к развлечениям. Перед женитьбой великого князя Павла Петровича императрица, сомневавшаяся в производительной способности сына, возложила на Софью Степановну деликатную миссию, связанную с проверкой мужских достоинств наследника престола. Результатом этого было появление на свет Семена Великого, ставшего впоследствии лейтенантом флота и рано умершего.

Вскоре после рождения сына Софья вышла замуж за Разумовского. Старый гетман остался очень недоволен этой свадьбой и своей невесткой, которую он, неизвестно почему, называл «картузной бабой». Как муж, так и жена отличались расточительностью и вдобавок были схожи нерешительностью и переменчивым характером, а посему, вероятно, жили душа в душу. Неизлечимая, по мнению свекра, болезнь графини (солитер) требовала постоянного лечения, и супруги первое время почти безвыездно жили в Италии.

По восшествии на трон Павел назначил Петра Кирилловича присутствующим в Сенате; Разумовские возвращаются в Петербург и некоторое время спустя поселяются в доме, купленном у Мятлева и украшенном множеством ценных вещей, приобретенных во Франции во время революции.

Через четыре года Софья Степановна скончалась. Огорченный супруг заказал великолепный саркофаг для установки на ее могиле в Александро-Невской лавре, велел высечь на нем такую эпитафию:

Во мраке веры ты Спасителя любила,
Любила ближнего, порочных не судила,
Любила ты меня, любила всех людей,
Любовь к Спасителю был свет твоих путей.

Этот счастливый брак остался бездетным, и после смерти самого графа имущество по завещанию было разделено между его «воспитанниками», родившимися от внебрачных связей. От вдовы А. В. Деденовой, дочери своего кузена В. И. Разумовского, он имел сына – Н. Н. Оржицкого, декабриста, сосланного на Кавказ. Одна из дочерей графа вышла замуж за полковника конной артиллерии Пистолькорса; ей-то и достался по наследству дом на набережной. С согласия жены Пистолькорс в январе 1827 года продал его графу А. Г. Кушелеву-Безбородко, внучатому племяннику покойного канцлера, принявшему по высочайшему указу его фамилию и герб.

Новый владелец по проекту архитектора В. А. Глинки перестроил дом, приспособив к своим надобностям. Желая сделать из него «храм искусств» и, в частности, украсить классическими скульптурами, он вступил в переговоры с пенсионером Академии художеств С. И. Гальбергом относительно изготовления статуй. Это похвальное стремление боролось в Александре Григорьевиче с чувством природной бережливости, и он никак не мог решиться на подобную трату, заставляя волноваться скульптора, боявшегося лишиться выгодного заказа.

Художник Орест Кипренский в письме, датированном началом 1827 года, утешал друга: «Как он ни скуп, однако мы с Глинкою струну натянем, и Граф Кушелев не отделается от хорошей статуи вашей, или и не одной, ибо он хочет отделать дом и оный открыть для публики. <... > Он с затеями, да скупенек, говорят».

Имя Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко (1800–1855) связано прежде всего с превосходной коллекцией картин, завещанной впоследствии его сыном, Николаем Александровичем, в дар Петербургской Академии художеств, а в настоящее время хранящейся в Эрмитаже, «для составления публичной галереи, открытой постоянно для художников и публики, допускаемых без стеснения в форме одежды».

Основание этой галереи положил еще канцлер А. А. Безбородко, а позднее она была значительно пополнена самим Александром Григорьевичем и в первую очередь Николаем Александровичем, собиравшим произведения современных ему французских художников.

Однако заслуга открытия галереи для публичного, хотя и ограниченного доступа принадлежит А. Г. Кушелеву-Безбородко. Журнал «Иллюстрация» сообщал об этом своим читателям: «7 февраля 1846 года в доме его сиятельства графа А. Г. Кушелева-Безбородко происходило открытие новой галереи. Смежный дом, приобретенный графом недавно, слит в одно здание с главным домом. Из этого образовался целый лабиринт прекрасных покоев, а между прочим и прекрасная зала, освещенная сверху, где поместилась новая галерея, или, лучше сказать, часть огромной картинной галереи графа Кушелева-Безбородко. Многие из картин первоклассного достоинства; это новое помещение возвратило многим мастерским произведениям их действительное достоинство, которое прежде терялось от несвойственного освещения».

Вход в галерею был открыт по билетам раз в неделю, по четвергам, с 12 до 14 часов. Смежный дом, упоминаемый в заметке, стоял на месте нынешнего дома № 3 по Гагаринской улице. Кроме картинной галереи, дом А. Г. Кушелева-Безбородко славился также концертным залом, в котором выступали многие тогдашние знаменитости, причем гостеприимный владелец предоставлял им свой зал бесплатно.

По этому поводу «Северная пчела» поместила благодарственную статью, в которой, в частности, говорилось: «Обязанностью нашей почитаем отблагодарить от имени всех артистов

и всех любителей музыки графа А. Г. Кушелева-Безбородко за безвозмездное позволение артистам давать концерты в прекрасной его зале. Без этого бедные артисты не в состоянии были бы устроить концерт, потому что цена за наем залы в последнее время всегда почти превышает сбор».

Г. А. Кушелев-Безбородко

После смерти графа его сыновья Григорий и Николай получили каждый свою долю имущества. Дом на набережной, сохранявший к тому времени классический облик, достался старшему – Григорию Александровичу (1832–1870), который в 1857 году приступил к его перестройке по проекту архитектора Р. Р. Генрихсена. Предусматривалось изменение фасадов, новая отделка интерьеров, разборка деревянной оранжереи с устройством на ее месте зимнего сада, переделка домово́й церкви и другие работы.

В результате особняк приобрел нынешний вид. О том, как выглядели его внутренние помещения после перестройки, можно судить по записи в дневнике А. В. Никитенко, посетившего графа в мае 1867 года: «Большой вечер и концерт в честь славян у графа Кушелева-Безбородко. Что за роскошь, что за великолепие в убранстве дома и во всем, что касалось пиршества! Зимний сад, например, залитый огнями, представлял нечто волшебное».

Более подробное и красочное описание особняка, а заодно и образа жизни его владельца мы находим в воспоминаниях А. А. Фета: «Белораморная лестница, ведущая в бельэтаж, была уставлена прекрасными итальянскими статуями. В анфиладе комнат стены были покрыты дорогими картинами голландской школы. Не буду говорить о блестящей зале, диванной, заты-

нутой персидскими коврами, и множестве драгоценных безделок. Угощая гостей изысканнейшим столом, мастерства крепостного повара, который мог бы поспорить с любым французом, граф говорил, что не понимает, что такое значит праздничный стол. «У меня, – говорил он, – стол всегда одинаковый, несмотря на меняющиеся блюда». Такому положению соответствовала и ежедневная сервировка, и парадные ливреи многочисленной прислуги».

Что же за человек был Григорий Александрович? Настало время познакомиться с ним поближе. Чрезмерная суровость, проявляемая отцом при воспитании детей, в особенности мальчиков, привела к отчуждению между ними. Уже будучи взрослым юношей и давно познав прелести запретного плода, Григорий обязан был, как в детстве, ровно в девять утра представлять перед строгим родителем. Это не удерживало молодого человека от разнузданного распутства и кутежей, которым он с неумеренной страстью предавался, и лишь окончательно разрушило его здоровье.

Перед тем как явиться к отцу, Григорий принимал лошадиные дозы возбуждающих средств, призванных вернуть ему показную бодрость после бессонной ночи, проведенной в каком-нибудь злачном месте. В результате уже к двадцати пяти годам молодой граф представлял собой совершенную развалину: он страдал припадками эпилепсии и еще довольно редким заболеванием, называемым в старину «пляской святого Витта», выражавшимся в непроизвольных подергиваниях и гримасах. Медицина была бессильна ему помочь.

Примерно в это же время он повстречал Любовь Ивановну Голубцову, успевшую немало повидать на своем веку. Она была сестрой ныне забытого поэта и драматурга Н. И. Кроля, скончавшегося во цвете лет от свирепствовавшей в среде писателей-шестидесятников эпидемии алкоголизма. Еще совсем юной Любовь Ивановна обратила на себя внимание императора Николая I, «почтившего» ее кратковременной близостью. Впрочем, этот мимолетный роман не оставил в душе девушки глубокого следа и не привел к нравственному падению. Она сохранила способность любить и быть верной.

Выйдя вскоре замуж за гвардейского офицера Пенхержевского, Любовь Ивановна была ему преданной женой. К несчастью, ее супруг не отличался крепким здоровьем и через несколько лет умер. На его лечение и похороны ушли все деньги, и вдова осталась с малолетним сыном без гроша в кармане. Нужда заставила ее переехать в Киев и выйти замуж за некоего Голубцова, человека пожилого и малосимпатичного. Как и следовало ожидать, их отношения не сложились; Любовь Ивановна оставила мужа и вновь возвратилась в Петербург с намерением избавиться от домашнего ада и начать новую жизнь.

Однако мечтам ее не суждено было сбыться. Серьезной поддержки она ни в ком не нашла, ни на какой труд оказалась не способна и после недолгой борьбы вступила на проторенный путь, пополнив ряды так называемых «падших женщин». Переходя от одного «хозяина» к другому, она случайно встретила с молодым графом Григорием Александровичем, незадолго перед тем похоронившим отца и ставшим обладателем огромного состояния. Опытной красавице удалось возбудить в, казалось бы, окончательно угасшем графе порывы страсти и вернуть его к жизни. Немудрено, что Григорий Александрович воспылал к ней безумной любовью, и ее присутствие сделалось для него совершенно необходимым.

Наняв ей поначалу квартиру и окружив поистине царской роскошью, он в скором времени привозит ее в свой заново перестроенный и отделанный особняк на Гагаринской набережной, где жизнь напоминала волшебную сказку. Этим граф Григорий не ограничился, решив во что бы то ни стало жениться на своей возлюбленной. Но, не говоря уже об остальном, этому препятствовало то обстоятельство, что Любовь Ивановна по-прежнему считалась женой Голубцова, с которым нужно было как-то договариваться.

Однако тут взбунтовались сестры графа – Л. А. Мусина-Пушкина и В. А. Кочубей, обратившиеся к императору Александру II с прошением о запрещении брака с женщиной легкого поведения. Тогда Любовь Ивановна, в свою очередь, добивается аудиенции у царя и на его

вопрос, правда ли, что она живет с графом в одном доме, смело отвечает: «Правда, ваше величество. Я не только живу с ним в одном доме, но и в одной комнате, в одной спальне. Этим я продлеваю его жизнь, и поверьте, что лично для меня это подвиг, а не наслаждение!»

В конце концов государь дал согласие на их брак, но высший свет отверг графиню: никто не отдал ей визита. Это было время, когда роман Дюма-сына «Дама с камелиями» продолжал оставаться в моде. После нанесенного оскорбления Любовь Ивановна, как говорят, явилась в литерной ложе оперного спектакля с большим букетом живых камелий в руках и объявила во всеуслышание: «Я смело и с честью могла бы занять первое место среди петербургской аристократии, но меня не признали, мною пренебрегли <...>. И если мне не удалось стать первой из графинь, я буду первой из камелий!»

Свое обещание она сдержала, бросившись в вихрь далеко не невинных наслаждений и самого беспутного мотовства. Рассказывали, что к ней по четыре раза на день приезжали модистки с новыми платьями, которые она расстреливала из револьвера. Граф не успевал оплачивать ее долги, которые достигали астрономических сумм. Кроме того, поведение ее стало принимать откровенно скандальный характер. Так прошло несколько лет. Наконец даже бесконечно терпеливый и безответный Григорий Александрович не выдержал и дал жене несколько сот тысяч отступного, с тем чтобы она его оставила, уехала за границу и никогда больше не приезжала бы в Россию. Сделка состоялась, и графиня навсегда исчезла с петербургского горизонта.

Лично мне граф Г. А. Кушелев-Безбородко представляется фигурой трагикомической. Исполненный самых благих намерений, он всегда готов был на доброе дело: пожертвовал значительную сумму для нежинского лицея князя Безбородко, где он состоял почетным попечителем, устроил в Петербурге, на Васильевском острове, детский приют, основал и содержал богадельню на Малой Охте и т. д. Занимался он и литературой, сотрудничая в «Отечественных записках» и других журналах того времени, а в 1859 году основал собственный журнал «Русское слово», который впоследствии передал в собственность его редактору Г. Е. Благосветлову.

За все это он не дождался благодарности, пожалуй, ни от кого, а уж меньше всего от писательской братии, к которой по мере сил старался принадлежать, но удостоился лишь роли дойной коровы. Характерен отзыв о нем И. С. Тургенева, высказанный им в письме к А. В. Дружинину в декабре 1856 года: «Кушелев мне кажется дурачком, — я его все вижу играющим у себя на вечере — на цитре — дуэт с каким-то итальянским голодным холуем; но он богат, — и потому может быть полезен». Если таково было отношение к нему писателя, считавшегося человеком мягким и гуманным, то что же говорить о всяком литературном и нелитературном сброде?

Д. В. Григорович, вспоминая свои посещения дачи Кушелева-Безбородко в Полюстрове, писал: «Странный вид имел в то время этот дом, или, скорее, общество, которое в нем находилось. Оно придавало ему характер караван-сарая, или, скорее, большой гостиницы для приезжающих. Сюда по старой памяти являлись родственники и рядом с ними сброд чужестранных и русских пришлецов, игроков, мелких журналистов, их жен, приятелей и т. д. Все это размещалось по разным отделениям обширного, когда-то барского дома, жило, ело, пило, играло в карты, предпринимало прогулки в экипажах графа, нимало не стеснясь хозяином, который, по бесконечной слабости характера и отчасти болезненности, ни во что не вмешивался, предоставляя каждому полную свободу делать что угодно. При виде какой-нибудь уж слишком неблагоприятной выходки или скандала, что случалось нередко, — он спешно уходил в дальние комнаты, нервно передергивался и не то раздраженно, не то посмеиваясь повторял: «Это, однако ж, черт знает что такое!» — после чего возвращался к гостям как ни в чем не бывало».

Таким был этот человек, послуживший будто бы Ф. М. Достоевскому прототипом для образа князя Мышкина. Скончался он, как и его брат, в молодых годах, и с ним пресекался род графов Кушелевых-Безбородко.

После его смерти домом несколько лет владела сестра покойного, Л. А. Мусина-Пушкина, а в 1880 году он перешел к князю Михаилу Сергеевичу Волконскому (1832–1909), сыну декабриста Сергея Григорьевича и Марии Николаевны, дочери генерала Н. Н. Раевского. Детство и юность его прошли в Сибири, где он вместе с родителями разделял участь сосланных. Поскольку отец его был лишен всех прав состояния, Михаила Сергеевича при рождении записали в заводские крестьяне, что не помешало ему в будущем занять пост товарища (то есть заместителя) министра народного просвещения.

Именно М. С. Волконскому суждено было стать вестником освобождения оставшихся в живых после тридцатилетней ссылки декабристов. В день коронации Александра II он находился в Москве, и его-то и выбрал Н. Н. Муравьев, в ту пору генерал-губернатор Восточной Сибири, курьером для доставления в Иркутск милостивого манифеста, чтобы он первым мог сообщить своим родителям и их товарищам о конце ссылки. Вечером того самого дня, когда был обнародован манифест, молодой Волконский пустился в путь по осенней распутице, покрыл в семнадцать дней расстояние от Москвы до Иркутска и привез старикам желанную весть.

Он был женат на светлейшей княжне Елизавете Григорьевне Волконской, представительнице другой ветви того же рода. Ее дед с отцовской стороны – фельдмаршал Петр Михайлович Волконский, герой Отечественной войны 1812 года, начальник Главного штаба при Александре I, а с материнской – шеф жандармов А. Х. Бенкендорф. Перейдя в католичество, Елизавета Григорьевна занималась вопросами богословия, находясь в дружеских отношениях с В. С. Соловьевым, который отзывался о ней как о женщине «редкой силы ума и сердечной прямоты».

Интерьер особняка Елисеева: столовая (вверху), кабинет (внизу)

Дом Волконских был одним из культурных центров Петербурга. На домашней сцене часто устраивались любительские спектакли. Сын Волконского – Сергей Михайлович, ставший впоследствии директором императорских театров, пишет в своих воспоминаниях: «В Петербурге, в доме моего отца на углу Гагаринской набережной, была зала с настоящей сценой. Здесь мы ставили большие вещи по-русски и по-французски. Тут шел у нас в 1889 году «Федор Иоаннович», в то время на сцене запрещенный».

В 1892 году Волконские продали свой особняк тайному советнику и купцу первой гильдии А. Г. Елисееву, которому он принадлежал до самой революции. Приобрел он его после смерти отца, Г. П. Елисеева, и раздела наследства с братом Григорием, вместе с которым они являлись компаньонами известного товарищества «Братья Елисеевы». Основано оно было еще в 1813 году, владело несколькими первоклассными продовольственными магазинами и кондитерской фабрикой.

Но уже через три года, в 1895 году, Александр Григорьевич вышел из товарищества и посвятил себя промышленной деятельности. Одно перечисление его должностей заняло бы несколько строк; но, помимо деловых и служебных обязанностей, немало времени он уделял и благотворительности, состоя попечителем нескольких богаделен, школ и т. д.

В заключение хочу еще раз сказать: богатый особняк, отданный под коммунальные квартиры, – не путь ко всеобщему благополучию. Мы это знаем, мы это уже проходили.

Скромный дом графов Игнатьевых (Дом № 26 по набережной Кутузова)

Рядом с бывшим особняком графа Кушелева-Безбородко стоит трехэтажный, на высоких подвалах дом довольно скромного вида. Эта скромность особенно заметна на фоне эклектической вычурности его соседа справа, чрезмерно изукрашенного лепниной. Фасад дома № 26 содержит элементы ренессанса и классицизма, но в целом производит какое-то неопределенное впечатление; чувствуется, что здание неоднократно перестраивалось, и в него постепенно вносились изменения. Действительно, за свое более чем двухсотлетнее существование оно трижды меняло облик. Но, несмотря на довольно значительные переделки, дом неплохо сохранился и вносит в перспективу набережной налет классической строгости, присущий ей изначально.

На протяжении полувека, до самой Октябрьской революции, им владели два поколения графов Игнатьевых, и не просто владели, а жили здесь, поэтому дом неразрывно связан с их именем. Потомок этого рода, автор известных воспоминаний «Пятьдесят лет в строю» А. А. Игнатьев пишет: «Дом бабушки – особняк в Петербурге на набережной Невы – в годы моего детства был для всей семьи каким-то священным центром. В этом доме-монастыре нам, детям, запрещалось шуметь и громко смеяться. Там невидимо витал дух деда, в запертый кабинет которого, сохранившийся в неприкосновенности, нас впускали лишь изредка, как в музей. Кабинет охранял бывший крепостной – камердинер деда, Василий Евсеевич, обязанностью которого было также содержание в чистоте домово́й церкви и продажа в ней свечей во время богослужения».

Дом № 26 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

Впрочем, все вышеописанное происходило уже в 80-х годах XIX века, между тем как история здания начинается в 1771 году. Из архивных документов следует, что именно тогда бригадир граф Вилим Вилимович Фермор приступил к постройке дома на отведенном ему участке набережной Невы, в соседстве с одной стороны с генерал-поручиком Меллером (в ту пору еще не Закомельским), а с другой – с «придворным карлом», то есть карликом Савелием Титовым.

На гравюрах Б. Патерсена и А. Е. Мартынова запечатлен наружный вид дома до первой перестройки в 1829 году. Тогда он имел не три, а два этажа, не считая подвального, и был украшен таким же портиком из четырех сдвоенных колонн, поддерживавших балкон, как дом № 30, о котором речь впереди.

В Русском музее хранятся замечательные парные портреты кисти И. Я. Вишнякова, написанные в середине XVIII века. На одном из них изображен Вильгельм (Вилим) Фермор, на другом – его сестра Сарра. Это дети генерал-аншефа В. В. Фермора, видного военачальника аннинского и елизаветинского времен, особенно прославившегося в Семилетнюю войну.

Род Ферморов древнего происхождения и берет начало от одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Отец будущего полководца принужден был в конце XVII века покинуть Англию из-за приверженности к династии Стюартов. Сын его Уильям (в России его стали называть Вилим) поступил на русскую службу и отличился военной доблестью во многих битвах и походах, что принесло ему титул графа и награждение высшими орденами Российской империи. Его единственный сын, унаследовавший родовое имя Уильям (Вилим), не унаследовал

военных талантов своего родителя, дослужившись лишь до сравнительно скромного чина бригадира. Он-то и был первым владельцем интересующего нас участка.

О Вилиме Вилимовиче Ферморе-младшем известно мало. Родословные книги даже не приводят дат его рождения и смерти. Мы знаем только, что в 1794 году он продал свой дом на набережной тайному советнику Александру Александровичу Саблукову (1749–1828).

Отец его, камер-лакей Елизаветы Петровны, сумел вывести своего сына в люди: тринадцати лет мальчик становится пажом императрицы, а через несколько лет производится в поручики лейб-гвардии Преображенского полка. Впоследствии он оставляет военную службу и переходит на гражданскую.

После вступления на престол Павла I Саблуков назначается сенатором, а затем – президентом Мануфактур-коллегии. На этом посту ему пришлось пережить чрезвычайно неприятное происшествие, очень характерное для павловского царствования, когда не только служебная карьера, но порой и сама жизнь человека зависела от ничтожных мелочей.

Как известно, Павел стремился переделать все, что было заведено его матерью, особенно в военной области, в которой он мнил себя знатоком. Разумеется, дошло дело и до цвета обмундирования: вместо светло-зеленого для армии и белого для флота император распорядился ввести сукно единого темно-зеленого цвета с синеватым оттенком, желая приблизить его к синему цвету прусских мундиров. Из-за невозможности изготовить в короткий срок большое количество сукна одинакового оттенка во многих полках оказалось различие в цвете мундиров.

Заметив это, государь разгневался и тут же, приложив к одному из образцов сукна собственноручную печать, велел послать в Мануфактур-коллегию рескрипт, которым повелевалось всем казенным фабрикам впредь изготовлять сукно точно такого же цвета, как прилагаемый образчик. Все суконные фабриканты единодушно заявили о невозможности изготовления сукна совершенно однородного оттенка вследствие свойств самой краски. Когда Саблуков довел их ответ до сведения императора, весь гнев вспыльчивого самодержца обрушился на его голову: именным указом «за недельное и ни на чем не основанное представление... в рассуждении цветов сукон» он был отставлен от службы и выслан из Петербурга.

Случилось так, что в момент получения указа президент Мануфактур-коллегии лежал больной в постели в сильном жару и чуть не бредил. Тем не менее спустя всего три часа после вручения царского распоряжения Саблуков уже выезжал за городскую заставу, лежа в карете, куда его внесли крепко закутанным в теплую одежду. Правда, на сей раз гнев государя быстро остыл и не имел дальнейших дурных последствий для пострадавшего, который вскоре опять вступил в прежнюю должность.

Саблуков был женат на Екатерине Андреевне Волковой, гуманной и высокообразованной женщине, и имел сына Николая, оставившего чрезвычайно интересные и ценные записки о царствовании Павла и его трагическом конце. Получив прекрасное домашнее воспитание, молодой Саблуков несколько лет путешествовал за границей, а вернувшись на родину, поступил на службу в конногвардейский полк.

Рассказывая о себе, он, в частности, пишет: «Отец мой держал открытый дом, в котором собирались запросто многие министры и дипломаты, вследствие чего, несмотря на мою молодость, я уже достаточно был подготовлен к пониманию текущих политических событий». Николай Саблуков не примкнул к заговорщикам, сохранив верность императору, хотя у него, как и у других, было немало поводов для недовольства. Догадываясь о готовившемся покушении, он все же сумел, по его выражению, «остаться в стороне от ужасных событий», зато подробно описал их со слов непосредственных участников.

Не в силах примириться со случившимся, в конце 1801 года Н. А. Саблуков подает в отставку и уезжает за границу. Находясь в Англии, он женится на мисс Джулии Ангерстайн, дочери знатока и любителя живописи Джона Ангерстайна, чья коллекция составила в будущем ядро Лондонской национальной галереи.

Н. А. Саблуков

В 1806 году Николай Александрович по совету своего старого знакомого, тогдашнего морского министра П. В. Чичагова, возвращается на родину и поступает на службу в Морское ведомство, но в 1809 году, одновременно с Чичаговым, оставляет ее и вновь уезжает в Англию. Во время наполеоновского нашествия Саблуков спешит вернуться, чтобы принять участие в военных действиях, находясь при особом кавалерийском отряде барона Корфа. После изгнания врага он окончательно выходит в отставку и покидает Россию, где в дальнейшем бывает лишь наездами. Отец же его до самой смерти проживал в Петербурге, в своем особняке на набережной, состоя членом Государственного совета.

После Саблукова домом недолгое время владела некая Шарлотта Озаровиус, перестроившая его в позднеклассическом стиле, а в начале 1830-х он перешел к тайному советнику Михаилу Тимофеевичу Козловскому. Новый владелец, в то время уже старик шестидесяти с лишним лет, начал службу еще при императрице Екатерине II. Волею судеб он, как и Н. А. Саблуков, тоже стал косвенным участником событий 11 марта 1801 года: на него, командовавшего в ту пору одним из батальонов Преображенского полка, была возложена обязанность охранять личную безопасность наследника престола. Позднее он участвовал в битве при Аустерлице, а с 1807-го по 1810 год командовал уже всем Преображенским полком. После какого-то столкновения с великим князем Константином Павловичем он вышел в отставку с переименованием в тайные советники, так и не вернувшись больше на службу.

Козловский был очень богат, владея крупными поместьями на Украине. Он успел схоронить двух жен, имел взрослого сына, с которым не ладил, и замужнюю дочь. Это не помешало ему жениться в третий раз – на юной воспитаннице Смольного института Елене Никифоровне Григорьевой, которая вышла за него, поддавшись уговорам родных. Итак, богатый старик и молодая, но бедная красавица. Сюжет, увы, не нов, но от этого не менее трагичен. Товарищ братьев девушки, хорошо знавший и ее саму, описал дальнейшую судьбу несчастной.

После свадьбы муж запер в доме все двери, запретив принимать кого бы то ни было; лишь братья Елены время от времени к ней допускались. Старик окружил свою пленницу всевозможной роскошью, берег, лелеял, наблюдая за тем, чтобы она не съела или не выпила чего-нибудь лишнего, не выпускал на воздух, чтобы она не простудилась, указывал, какое именно платье ей следует надеть. Иногда, впрочем, он катал ее по улицам в закрытом экипаже, сажая таким образом, чтобы никто не видел его сокровища. И так продолжалось около двадцати пяти лет.

За это время жена родила ему двоих сыновей и дочь. Она постоянно жаловалась на нездоровье и до такой степени привыкла к своему положению, что разучилась понимать, что такое скука: муж истребил в ней все желания. Наконец в 1853 году он умер в возрасте восьмидесяти пяти лет.

Далее рассказчик вспоминает: «Случайно встретился я с нею на набережной Невы, где она гуляла недалеко от своего дома, который муж купил на ее имя. Она была бледна, худа и сильно постарела, хотя ей не было еще и сорока пяти лет. Куда делась прежняя ее блистательная красота, на которую все заглядывались!.. Чрез несколько дней после встречи я приехал к ней с визитом; двери уже были открыты, но в них никто не входил. Я нашел ее сидящую в парадных комнатах, грустною, болезненною и ко всему равнодушною. Мы припомнили несколько былые времена, но видимо было, что это ее не интересовало. Этот первый визит мой был и последним. Я более с ней не виделся. Она вскоре умерла». Добавлю, что Елена Никифоровна не namного пережила мужа, скончавшись 1 апреля 1854 года.

Один из ее сыновей и наследников заказал архитектору А. Е. Моргану проект перестройки особняка в соответствии с требованиями тогдашней моды; к тому времени здание уже претерпело изменения во внешнем виде, утратив колонный портик, но сохранив балкон. При новой перестройке второй этаж украсился четырьмя пилястрами, а первый – окнами Браманте (по имени итальянского зодчего эпохи Возрождения. – А. И.), благодаря чему дом приобрел неоренессансный облик.

К 1868 году он перешел в собственность Марии Ивановны Игнатьевой, урожденной Мальцовой, супруги генерал-адъютанта П. Н. Игнатьева (1797–1879). Павел Николаевич принадлежал к тем немногим военным, которые поступили на службу, получив предварительно университетское образование. В чине прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка он вступил в 1814 году в Париж. Согласно семейным преданиям, молодой офицер, надышавшись воздухом свободы и набравшись вольнодумных идей, был близок к тому, чтобы примкнуть к декабристам. Но накануне памятного дня 14 декабря 1825 года он имел длинное объяснение со своей матерью, которая заставила его поклясться, что он будет благоразумен и не выступит против властей.

Так или иначе, рота Преображенского полка, которой командовал капитан Игнатьев, одной из первых подоспела к Зимнему дворцу, и он получил приказ неотлучно находиться при императоре. За это он был произведен во флигель-адъютанты и в дальнейшем пользовался неизменным доверием и расположением Николая I.

За долгие годы службы Павел Николаевич занимал многие должности, в том числе – петербургского генерал-губернатора и председателя Комитета министров, но особенное значение имело его пребывание на посту директора Пажеского корпуса. Он воспитал многих выда-

ющихся государственных деятелей, с некоторыми из них впоследствии состоял в переписке, делясь по их просьбе своим опытом.

В день столетней годовщины со дня рождения Александра I (1877), при котором П. Н. Игнатьев начал службу, он получил графский титул. Павел Николаевич пользовался репутацией человека просвещенного, любившего и всегда поддерживавшего образованных людей. Он состоял почетным членом Академии наук и Медико-хирургической академии.

Супруга графа, Мария Ивановна, была, по словам ее внука, «мудрая старуха», наставлениями которой младший Игнатьев пользовался всю жизнь. Она отличалась религиозностью и добилась разрешения устроить в своем особняке домовую церковь, которая и была открыта в 1869 году. В искаженном и перестроенном виде церковное помещение дошло до наших дней.

«В церковь допускались только дети и внуки бабушки... у всех были свои определенные места: старшая семья, Николая Павловича, стояла направо, а наша, младшая, слева. В таком же строгом порядке подходили все к кресту. После семьи шли служащие. <... > Пели в церкви за особую плату четыре солдата ближайшего Павловского гвардейского полка. В этом патриархальном мире, который мы все называли «Гагаринской», по названию набережной, смирялась даже кипучая натура моего дяди Николая Павловича».

А. П. Игнатьев

А теперь несколько слов об отце мемуариста, графе Алексее Павловиче Игнатьеве, и его жене, которым достался дом после смерти Марии Ивановны. Младший граф Игнатьев окончил Пажеский корпус и сразу после него – Академию Генерального штаба. Позднее он занимал

ряд высоких постов, в частности – генерал-губернатора Восточной Сибири, а затем киевского, подольского и волынского. При Николае II Алексей Павлович был назначен членом Государственного совета и тогда же поселился с семьей на Гагаринской набережной.

Будучи убежденным монархистом, граф верил в необходимость возрождения старинных форм самодержавия с неограниченной властью царя и зависимыми только от царской власти начальниками областей. Для осуществления своих замыслов он всерьез подумывал о государственном перевороте. Отношения его с правительством были вконец испорчены. В 1906 году он был убит террористами-эсерами, и, как подозревали его жена и сын, произошло это с ведома охраны или даже при ее прямом участии.

Графиня Софья Сергеевна Игнатьева, урожденная княжна Мещерская, была женщиной глубоко религиозной, придерживавшейся заветов старины. Она внесла в жизнь мужа провинциальную простоту нравов. «Ни положение жены генерал-губернатора, ни чванный петербургский свет, ни цивилизованный Париж не смогли сломить Софьи Сергеевны, и она всему предпочитала самовар, за которым любила посидеть с русским платком на голове», – вспоминал ее сын.

В 1897 году, став владельцем особняка, А. П. Игнатьев в очередной раз перестроил его по проекту гражданского инженера А. К. Максимова. При этом пилястры на фасаде были уничтожены, высота здания увеличена до трех этажей, и оно приобрело тот облик, который мы видим сегодня.

Щегольское перевоплощение (Дом № 28 по набережной Кутузова)

С этим домом произошло удивительное превращение: некогда один из самых простых и неприметных, ныне он по обилию украшений превосходит большинство зданий на набережной, не говоря уже о ближайших соседях. Невольно напрашивается сравнение с вчерашним бедняком, на которого неожиданно свалилось богатое наследство, и он тут же облачился в новый щегольской наряд, вызывая изумление знавших его доселе. Именно так преобразился в 1882 году скромный ампирный особняк с красивым лепным фризом. Впрочем, то было уже второе его перевоплощение, первое же случилось гораздо раньше.

К 1768 году, когда основные работы по устройству новой гранитной набережной завершились, началось выделение участков под частное строительство. Одним из первых, кто пожелал возвести здесь свое жилище, был придворный карлик Савелий Титов. Здесь стоит отметить одно обстоятельство: если шуты, столь распространенные при дворе Анны Иоанновны, исчезли из дворцовых покоев еще при Елизавете, то карлики, или, как их тогда называли, «карлы», в небольшом количестве продержались до времен Екатерины II. Они служили живыми игрушками малолетнему наследнику Павлу, – на одном из них цесаревич любил кататься верхом.

Дом № 28 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

Должность была хоть и не очень почтенная, но, надо полагать, небезвыгодная, потому что вслед за придворным камердинером Медведевым, облюбовавшим соседний участок, Савелий Титов соорудил себе трехэтажные каменные палаты в девять окон по фасаду, с небольшим балконом. Их можно видеть на акварели Б. Патерсена 1799 года, где изображена набережная от Литейного двора до Царицына луга. Любопытно, что окна третьего этажа, в настоящее время

самые большие и богатые по отделке, в ту пору отличались крошечными размерами и в большей степени походили на слуховые оконца.

В 1778 году Титов продал свой дом жене бригадира Н. А. Дуровой; через четыре года здесь поселился доктор Н. М. Амбодик, читавший бесплатные лекции «повивального искусства». Ученый акушер поместился на сдававшемся внаем третьем этаже, однако квартира с маленькими, подслеповатыми окошками, наверное, пришлась ему не по вкусу, и позднее он переехал в знакомый читателям дом генерала Меллера. Около 1809 года Дурова умерла, и наследники продали дом тайному советнику графу Л. С. Ворцелю, который через шесть лет перестроил его в стиле ампира.

Этот графский род берет начало от немецкого еврея Андреаса Ворцеля, переселившегося в XVII веке в Польшу, принявшего христианство и возведенного в дворянское достоинство. После утраты Польшей независимости одна часть представителей рода оказалась вполне лояльна к России, служила ей верой и правдой, получая чины и отличия, тогда как другая, патриотически настроенная, участвовала в восстаниях, мятежах и заговорах, обрекая себя на нищету и изгнание.

Понятно, что тайный советник, а затем и сенатор Лев Станиславович Ворцель принадлежал к первым, окончив свои дни в 1819 году на берегах Невы, после чего дом его за неуплату долга Опекунскому совету был пущен с молотка. Новой владелицей стала княгиня Екатерина Сергеевна Гагарина, урожденная светлейшая княжна Меншикова, правнучка петровского любимца.

Н. А. Дурова

Ее муж, А. П. Гагарин, был, судя по всему, человеком с тяжелым характером и, вследствие этого, несчастным. Еще в юности он попал в неприятную историю: восемнадцати лет от роду, безусым корнетом Кавалергардского полка, похитил у одного помещика крепостную девку. В наказание его перевели в армейский драгунский полк, где князь прослужил недолго и через четыре месяца вышел в отставку.

В дальнейшем Андрей Павлович еще не раз поступал на службу и вновь увольнялся, участвовал в войнах, заслужил награду за храбрость, потом женился, обзавелся детьми. Однако развивавшаяся чахотка, по-видимому, отравляла его существование, наводя на мрачные мысли, а мнительный, беспокойный нрав довершил остальное. 7 января 1828 года, в один из приступов черной меланхолии, А. П. Гагарин покончил с собой.

Вдова пережила мужа всего на семь лет. После ее смерти дом приобрел тогдашний петербургский обер-полицмейстер, генерал-майор С. А. Кокошкин. Об этом ценимом Николаем I чиновнике имевший счастье лично познакомиться с ним Герцен сказал, что «он служил и наживался так же естественно, как птицы поют». По правде сказать, столь поэтический образ не очень подходит к человеку с измятым, «дряхластавленным» лицом и в завитом парике, каким предстал генерал перед ссыльным писателем!

Когда министр внутренних дел Л. А. Перовский доложил императору, что Кокошкин сильно берет взятки, тот невозмутимо ответил: да, но я сплю спокойно, зная, что он полицмейстером в Петербурге. Действительно, не нашлось бы лучшего мастера уладить дело так, чтобы все было шито-крыто, овцы целы и волки сыты, замаять любой скандал, не допустить зловредных слухов до начальственных ушей. В своей служебной деятельности Сергей Александрович неуклонно придерживался девиза «Как можно меньше шума», а потому во вверенной его попечениям столице всегда царила тишь и благодать...

Сам хозяин жил в расположенном неподалеку особняке, а дом на набережной отдавал внаем. В конце 1850-х годов в нем поселились князь Н. В. Долгоруков с женой Екатериной Дмитриевной, внучкой знаменитой «усатой княгини» Н. П. Голицыной, послужившей Пушкину прототипом старой графини из «Пиковой дамы».

С. А. Кокошкин

Николай Васильевич (1787–1872), младший брат В. В. Долгорукова, с которым читатели познакомились, когда речь шла о доме № 8, был дипломатом и значительную часть жизни провел за границей. Он оставил небезынтересные записки, напечатанные в «Русском архиве», где рассказывает об исторических личностях и важнейших событиях 1810-х годов. Его супруга чрезвычайно походила на своего покойного отца, князя Д. В. Голицына, московского генерал-губернатора, весьма любимого москвичами.

Современник, сын писателя Загоскина, так описывал эту на редкость дружную супружескую чету: «Княгиня... была женщина уже весьма почтенных лет, с добрейшим, веселым и симпатичным лицом, на котором, несмотря на ее года, постоянно играл совершенно юношеский румянец, несомненно ее собственный. Она одевалась не по-модному, была до крайности проста в обращении и, сохранив манеры и привычки аристократических дам старого покроя, принимала у себя своих знакомых с величайшим радушием, не делая никакого различия между каким-нибудь сановником и не важным посетителем... Муж ее, в то время старик лет семидесяти, страдавший постоянно подагрой, почти не выходил из дому, мало разговаривал и был простой, добрейший человек, без малейшей гордости и чванства...» Говоря о доме, Загоскин отмечает, что он был «довольно большой, но плохо меблированный, без малейшей роскоши».

Фрагмент фасада дома № 28

Все изменилось, когда в 1882 году участок перешел в собственность вдовы тайного советника Елены Александровны Александровской. Перестроенный снаружи и внутри архитектором Н. В. Набоковым, старый дом приобрел богатую отделку во вкусе того времени, когда стремление к декоративным излишествам порой входило в противоречие со здравым смыслом и реальными потребностями. Тогда же на фасаде появилась нынешняя достопримечательность – чудом сохранившийся навес-«зонтик» с ажурными металлическими решетками; когда-то их было видимо-невидимо, но теперь уцелели единицы.

Средства вдовы позволяли ей удовлетворять тягу к роскоши: ее покойный муж, бывший пензенский губернатор, оставил ей большое состояние. Сына Сергея она отдала учиться в

Пажеский корпус, откуда тот поступил в кавалергарды. Впоследствии С. В. Александровский сделал немало полезного по линии Красного Креста в организации помощи голодающим, а также пострадавшим от землетрясения 1902 года в Андижане, наводнения 1903 года в Петербурге и, наконец, раненым воинам в Русско-японскую войну. Назначенный в 1906 году губернатором в Пензу, как некогда его отец, С. В. Александровский в следующем году погиб от руки террориста.

Фрагмент фасада дома № 28

Матери его в ту пору уже не было в живых: она скончалась еще в конце 1899 года, а в 1901 году в особняке водворилась новая хозяйка – вдова гвардейского полковника М. А. Стен-

бок-Фермор. Ее проживание не оставило особых следов, чего не скажешь о следующих владельцах – членах правления нефтепромышленного и торгового общества «Мазут», которые в 1908 году приобрели здание под контору.

Основанное за десять лет до того на базе торгового дома «Г. А. Поляк и сыновья», общество специализировалось на торговле нефтью и нефтепродуктами. К началу XX века его основной капитал составлял 6 миллионов рублей, а чистая прибыль – полмиллиона. Правление состояло из пяти человек, директором-распорядителем являлся М. Г. Поляк. По его поручению архитектор Б. И. Гиршович капитально перестроил два нижних этажа, заново их отделав, однако наружный вид здания при этом почти не изменился. Часть отделки уцелела доньше, во что, глядя на состояние парадной лестницы, верится с трудом: многолетнее пребывание в доме коммунальных квартир не прошло для него бесследно.

Д. Н. Чихачев

Последней владелицей особняка, купившей его незадолго до Октябрьской революции, стала супруга шталмейстера, члена Государственной думы Д. Н. Чихачева. В скором времени к власти пришли большевики и разогнали Думу, а бывший лидер фракции русских национа-

листов вынужден был искать пристанища среди чужого народа, оставив собственное жилище на произвол судьбы.

Родовое гнездо Кутузовых (Дом № 30 по набережной Кутузова)

На фасаде старинного особняка висит памятная доска, установленная в 1912 году, надпись на которой гласит: «В этом доме жил фельдмаршал русской армии Михаил Илларионович Кутузов перед отправкой его в армию, действовавшую во время Отечественной войны против Наполеона». Именно отсюда в воскресенье 11 (23) августа 1812 года полководец отправился в свой победоносный, но, увы, последний поход против супостата.

Безусловно, это самая яркая страница в истории здания, но ею не исчерпывается его примечательность. Кроме исторической, оно представляет также большую архитектурную ценность как образец жилого дома 1760-х годов, сохранивший в основных чертах первоначальный облик.

Из архивных документов следует, что он построен около 1768 года придворным камердинером Иваном Васильевичем Медведевым на отведенном ему незастроенном участке. В ту пору уже закончилась отделка гранитом отрезка набережной «от Фонтанной речки до Литейного двора», и здесь стали одно за другим возводить новые красивые здания. Дом Медведева – трехэтажный, на высоких подвалах, в девять окон по фасаду, с портиком из четырех сдвоенных колонн – был первым в этом ряду по времени застройки, в чем состоит его особая ценность.

Чтобы выплатить лежавший на нем банковский долг и предотвратить продажу дома с торгов, Медведеву пришлось заложить его в 1790 году своему сослуживцу, такому же, как он, придворному камердинеру Захару Константиновичу Зотову. А четырем годами позже участок перешел в собственность последнего.

Дом № 30 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

«Захарушка», как ласково называла его императрица Екатерина, грек по национальности, отличался чрезвычайной ловкостью и сметливостью, умея извлекать из своей службы все сопряженные с нею выгоды, в том числе конечно же и материальные. Вместе с некоторыми другими лицами из придворной челяди он, по свидетельству статс-секретаря Адриана Грибовского, «имел... в комнатах государыни сильную партию», пользовавшуюся определенным влиянием; даже могущественные сановники считали нелишним заручаться их поддержкой, твердо помня дни рождений и именин этих челядинцев и никогда не забывая о хороших подарках для них.

С воцарением Павла для Зотова настали черные дни: император, неизвестно по какой причине, засадил любимца своей матери в Петропавловскую крепость, где тот сошел с ума. 14 июня 1798 года жена опального камердинера, Варвара Ивановна Зотова, продала дом за 31 тысячу рублей генералу от инфантерии Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову. Его семейство, а затем потомки князя по женской линии – Опочинины и Тучковы – владели домом в течение ста двадцати лет, из которых пятнадцать хозяином его был сам фельдмаршал.

Здесь прошли, пожалуй, лучшие дни его жизни, в кругу семьи, среди любимых и близких людей.

М. И. Кутузов

Вот только отпустила ему судьба таких счастливых, спокойных дней совсем немного, в промежутках между страшными, кровопролитными сражениями, когда, по его собственному выражению, волосы дыбом становились, и между частыми отлучками по делам «государевой службы».

Отношения между супругами во время долгих разлук поддерживались письмами, которых накопилось немало. В них беспрестанно упоминаются «любезные детки», они пропитаны отцовской нежностью. Вот письмо 1800 года из Вильно, где Кутузов исправлял в ту пору должность генерал-губернатора: «Любезные детки, здравствуйте; очень благодарю за письма. Все много писали, только Дашенька (младшая дочь. – А. И.) об орехах ничего не говорит. Ежели бы мне этакой орех подарили, я бы с ума сошел от радости». Или письмо, посланное 16 июля того же года: «Любезные детки, здравствуйте. Вы шестого числа июля ездили верхом в большой кавалькаде: шесть дам и шесть мужчин. Скажите, кто была эта компания и кто такие счастливые смертные, которые вас провожали?»

Понемногу дочери подрастали, разлетаясь из отчего дома. К 1807 году вышли замуж две младшие: Екатерина – за грузинского князя Н. Д. Кудашева и Дарья – за Ф. П. Опочинина. Три старшие – Прасковья, Анна и Елизавета – обзавелись семьями еще раньше.

Наступил 1812 год. Вернувшись в июне в Петербург после заключения Бухарестского мира с Турцией, Кутузов, не любимый Александром I, в течение двух месяцев был обречен на вынужденное бездействие в то грозное для России время. Наконец, повинаясь общему желанию, император назначил его главнокомандующим русской армией.

Известный скульптор граф Ф. П. Толстой, вспоминая те дни, рассказывает: «Я часто видал этого знаменитого военачальника <...> у Логина Ивановича Кутузова (он жил в собственном доме на 12-й линии Васильевского острова. – А. И.), с которым он был близкий родня и дружен. Михаил Илларионович, с гениальной способностью военачальника, соединял уди-

вительную любезность и остроту в обществе, особенно в дамском... По назначении его главнокомандующим, в последние два дня перед отправлением к армии, он провел оба вечера у Логина Ивановича и Надежды Никитичны... Михаил Илларионович в эти достопамятные для меня вечера был очень весел, говорил много о Наполеоне и шутил. <... > В последний вечер он сидел у Логина Ивановича недолго, но был очень весел, и, когда пошли провожать его в переднюю, последние слова, сказанные им смеючись Надежде Никитичне, были: «Я бы ничего так не желал, как обмануть Наполеона».

Е. И. Кутузова, урожденная Бибикова, жена М. И. Кутузова

На другой день, с раннего утра, вся набережная от Гагаринской пристани и до самого Пращечного моста была запружена народом. В девять часов главнокомандующий сел в карету, которая в сопровождении огромной толпы медленно тронулась в направлении Казанского собора, где должен был состояться торжественный молебен. Больше ему уже не суждено было переступить порог своего дома...

Вдова фельдмаршала, Екатерина Ильинична, урожденная Бибикова, пережила мужа на одиннадцать лет. Очень красивая в молодости, передавшая свой тип красоты младшей дочери Дарье, княгиня была женщиной умной и образованной, страстной театралкой. Занимая видное положение при дворе, она жила широко и открыто, тратя больше, чем позволяли ей средства. В свете Екатерина Ильинична прослыла своей эксцентричностью и, будучи уже в преклонном возрасте, любила наряжаться, как молоденькая девица. Она состояла в переписке с мадам де

Сталь и покровительствовала всем заезжим знаменитостям. В гостиной княгини, попасть куда считалось честью, наряду со всей французской труппой можно было встретить и корифеев русской сцены.

Отправляясь в поход, Кутузов дал обет, в случае успешного его окончания, устроить в честь своего небесного покровителя и ангела архистратига Михаила домовую церковь. Однако исполнить обет самому фельдмаршалу не пришлось; вместо него это сделала его супруга. В 1814 году она выполнила волю мужа и основала домовую церковь, просуществовавшую до самой революции. Ныне ее помещение перестроено и мало что напоминает о его первоначальном назначении.

И. Ф. Опочинин

После смерти Екатерины Ильиничны дом по завещанию перешел сначала к ее дочери Дарье Михайловне, а затем к внуку Константину Федоровичу, по достижении им совершеннолетия. Отец мальчика, Федор Петрович Опочинин, умерший в 1852 году, принадлежал к старинному боярскому роду, а по уму и нравственным качествам пользовался в петербургском обществе всеобщим уважением. Поступив вначале на военную службу, он позднее перешел на придворную и в 1816 году был уже шталмейстером, а затем, быстро продвигаясь по служебной лестнице, достиг чина действительного тайного советника, став членом Государственного совета и обер-гофмейстером.

В письмах Кутузов несколько раз весьма лестно отзывался о человеческих качествах своего зятя. Выразительный портрет Опочинина оставил Ф. Ф. Вигель: «Ротмистр конной гвардии

и любимый адъютант цесаревича Константина Павловича, с приятной наружностью и гибким, вкрадчивым характером, он удивительно всем нравился, и мужчинам и женщинам. Он был ростом не велик, но чудесно сложен, в самом голосе имея что-то привлекательное... Ни перед кем не унижаясь, он однако же никогда не показывал гордости и, вероятно, не любя печальных лиц, сам старался всем улыбаться».

В 1830 году Опочинины не жили в доме на набережной и сдавали его внаем. В это время здесь поселился князь Александр Сергеевич Меншиков, незадолго перед тем назначенный начальником Главного морского штаба, и прожил до 1831 года, когда занял пост финляндского генерал-губернатора.

А. С. Меншиков, правнук петровского Данилыча, славился острым языком, и больше, кажется, ничем. Там, где этого было мало, он оказывался человеком вполне заурядным. При дворе Николая I любили каламбуры; особое пристрастие к ним питал брат царя Михаил Павлович. Придворные остряки были в моде, их остроты передавались из уст в уста; некоторые делали из этого чуть ли не основное свое занятие.

А. С. Меншиков

Александр Сергеевич всю жизнь острил и кого-нибудь вышучивал; когда отец уведомил его, что нашел ему невесту, и просил приехать посмотреть ее, сын, как всегда, отделался шуткой. «Мне нечего смотреть, – сказал он. – Я женился бы и на козе, если бы у нее были золотые рога, и она могла бы родить Меншикова».

На сей раз судьба подшутила над ним самим, и довольно зло: «коза с золотыми рогами» – одна из племянниц знакомой нам А. С. Протасовой, толстая, красная и безобразная, – родит

ему сына и дочь, обоих очень неудачных: сын выйдет невеждой, о котором сам Александр Сергеевич скажет, что в нем нет ни капли дворянства, а дочь сбежит из дому и обвенчается против воли отца.

Но до этого было еще далеко, и тогда жизнь казалась прекрасной. Сенатор К. И. Фишер, бывший в то время секретарем Меншикова, вспоминал: «Жизнь в доме Опочинина была едва ли не самым счастливым периодом в моей жизни. <... > Царь милостив к нашему хозяину; вся атмосфера светлая. Маленькая, но уютная домашняя церковь соединяла всех обитателей, без различия вероисповедания (автор записок был лютеранином. – А. И.), в одну группу. <... > Князь занимал весь дом Опочинина, кроме двух комнат, в которых жил некто Крупеников, побочный сын князя Кутузова-Смоленского».

В 1840 году владелец особняка Константин Федорович Опочинин женился на Вере Ивановне Скобелевой и поселился в доме на набережной со своей молодой женой. Внешне очень похожий на мать, молодой Опочинин унаследовал мягкий и ровный характер отца, пользуясь, так же как и тот, любовью окружающих, в особенности женщин.

А. О. Смирнова-Россет пишет в своих воспоминаниях, что «он был умен, приятен выражением умных глаз и танцевал удивительно». Танцую, они представляли собой настолько красивую пару, что обратили внимание императрицы Александры Федоровны. «С той поры, – продолжает Смирнова, – наш Опочинин получил аксельбанты (флигель-адъютанта. – А. И.), потому что в самом деле он их заслужил, был лучший офицер в полку и сделался модным человеком».

Благоприятный отзыв о нем мы встречаем и в письме Пушкина к Е. М. Хитрово: «Господин Опочинин оказал мне честь зайти ко мне – это очень достойный молодой человек – благодарю вас за это знакомство». В числе знакомых Опочинина был и Лермонтов, любивший играть с ним в шахматы. К сожалению, Константин Федорович не отличался крепким здоровьем и скончался в январе 1848 года, тридцати девяти лет от роду, оставив вдову с тремя малыми детьми – мальчиком и двумя девочками. Проводить покойного в последний путь явился сам император.

Вера Ивановна Опочинина, которую та же Смирнова называет красавицей, была дочерью военного писателя И. А. Скобелева, прошедшего все ступени воинской службы – от простого солдата до генерала от инфантерии. Интересно, что в свое время он был адъютантом М. И. Кутузова и отличился в Бородинском сражении, а его внук М. Д. Скобелев, также генерал от инфантерии, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов стал героем Шипки и Плевны.

А. В. Никитенко, знакомый с Верой Ивановной, 6 января 1852 года отметил в своем дневнике: «Был вечером вместе с графом Д. И. Толстым у прелестной женщины В. И. Опочининой, урожденной Скобелевой. Была там и жена ее умершего брата... не столь прелестная, как первая, но, по-видимому, большая умница. Вообще, обе эти дамы читают... интересуются мыслию, поэзией, искусством и в разговорах касались предметов, о которых редко толкуют в салонах».

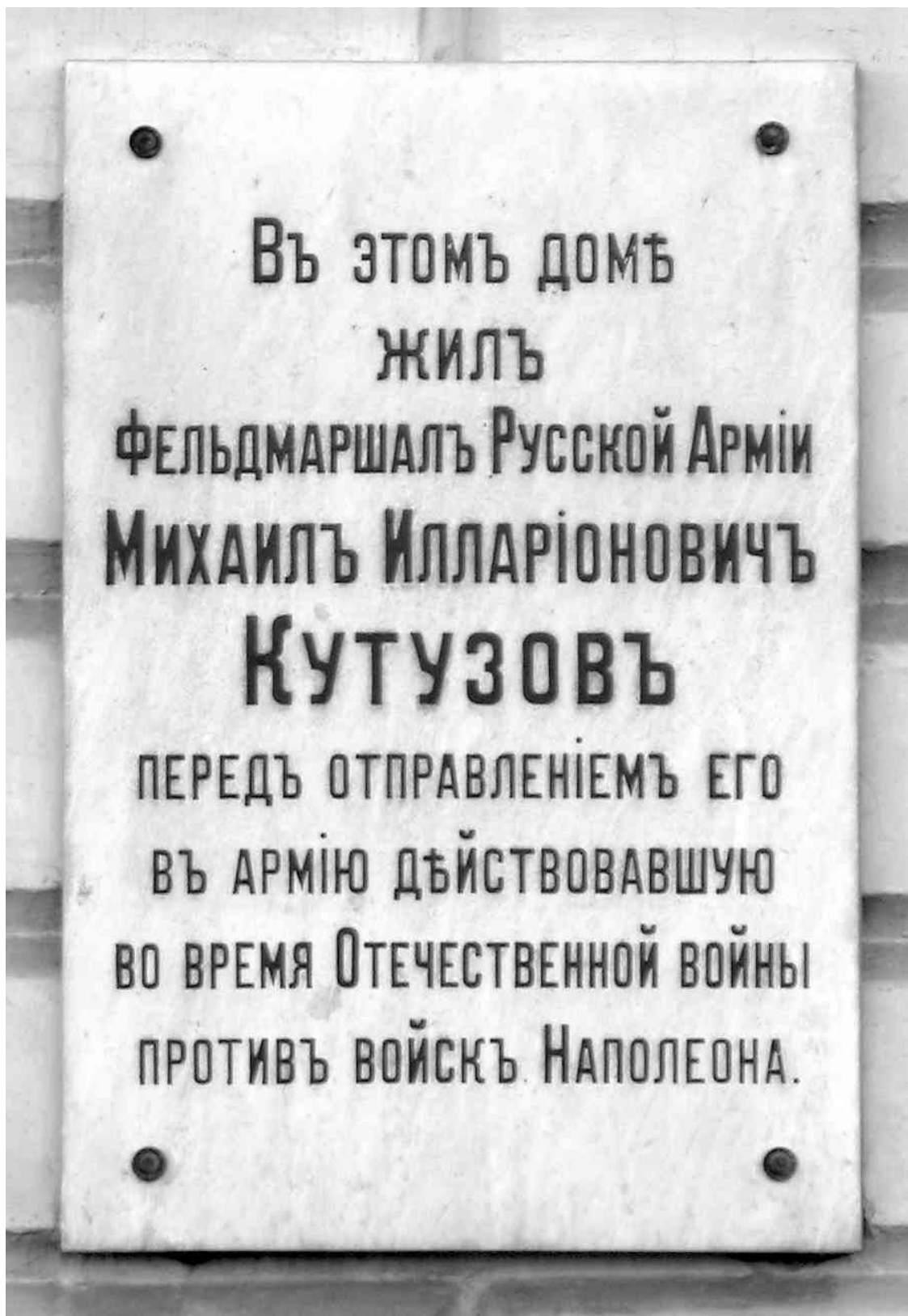
Дом № 30 по набережной Кутузова. Молебен по поводу столетия со дня смерти М. И. Кутузова. Фото 1913 г.

Любовь к чтению Вера Ивановна передала своему сыну и наследнику Федору Константиновичу Опочинину (1846–1881), умершему в молодых годах от чахотки. Заядлый археограф и библиофил, он стал инициатором создания в городе Мышкине Ярославской губернии публичной библиотеки, названной впоследствии в его честь Опочининской, куда пожертвовал очень ценное собрание книг, над которым трудился всю жизнь. Туда же вошла и часть книг, собранных еще его предком, известным вольнодумцем XVIII века Иваном Михайловичем Опочининым.

В 1873 году владелец задумал перестроить дом на набережной с изменением фасада в эклектическом стиле. Уже был утвержден проект, составленный архитектором А. Д. Шиллингом, но эта затея не осуществилась (по крайней мере, в отношении фасада), чему нельзя не порадоваться.

После смерти Федора Константиновича рукописи и богатая коллекция автографов поступили в Императорскую Публичную библиотеку. Немало материалов из архива Кутузовых и Опочининых было предоставлено им редакции журнала «Русская старина» и опубликовано на его страницах.

Сестра Федора Опочинина – Дарья Константиновна (1844–1870) – вышла замуж за внука Николая I, герцога Евгения Максимилиановича Лейхтенбергского, получив титул графини Богарнэ. Вскоре, однако, она умерла, оставив дочь, которая впоследствии стала женой князя Льва Михайловича Кочубея. Долли Кочубей, как обычно ее называли, пользовалась большим успехом в обществе.

Мемориальная доска на доме № 30

Похоронив первую супругу, Евгений Максимилианович позднее женился на ее кузине Зинаиде Дмитриевне, родной сестре генерала М. Д. Скобелева. Она скончалась совсем еще молодой, погрузив в безутешную скорбь многих близко знавших ее мужчин, долго хранивших память о ее неотразимой прелести.

Долголетие было суждено лишь одной представительнице семейства Опочининых – Екатерине Константиновне, унаследовавшей дом после брата и вышедшей замуж за Николая Павловича Тучкова, внучатого племянника героев Отечественной войны 1812 года братьев Тучковых. Таким образом провидению угодно было породнить потомков участников Бородинской битвы, сплетя их судьбы незримой нитью.

Последним потомком славных родов, владевших домом, стал Николай Николаевич Тучков, свято хранивший реликвии, доставшиеся ему от предков. Среди них были два портрета М. И. Кутузова: один – кисти Лампи, а другой – вышитый волосами и преподнесенный после смерти фельдмаршала его супруге в 1814 году; портрет Д. М. Опочининой и Е. И. Кутузовой; табакерка и часы, находившиеся при фельдмаршале, его любимое кресло и т. д.

Все это бережно хранилось из поколения в поколение. Но – прервалась связь времен, потомки великого полководца были изгнаны из родного гнезда, и лишь сам дом все так же стоит на берегу Невы, храня память о былом.

Предпоследний адрес Пушкина (Дом № 32 по набережной Кутузова)

Еще одно здание, в значительной степени сохранившее изначальный вид, вероятно, знакомо любознательным петербуржцам не менее, чем соседнее. Оно также отмечено мемориальной доской, которая оповещает, что здесь с 1834-го по 1836 год жил А. С. Пушкин. Это был предпоследний адрес поэта, где прошли насыщенные важными событиями дни и месяцы его короткой жизни, – вот почему дому № 32 навсегда суждено привлекать к себе внимание людей, неравнодушных к русской литературе.

Построен он был позже всех остальных зданий на этом отрезке набережной. Долгое время участок, принадлежавший С. П. Свечиной, с которой нам еще предстоит познакомиться в будущем, оставался незастроенным и висел на владелице тяжким бременем. Летом 1810 года она поместила в «Санкт-Петербургских ведомостях» объявление: «Продается пустопорозжее место по большой Невской набережной близ Летнего сада, под коим мерою по набережной 15 сажень длиннику... О цене спросить в доме, находящемся рядом с оным местом, Литейной части, в 1 квартале, под № 2».

Несмотря на выгодное местоположение участка, покупатель нашелся далеко не сразу. Лишь через несколько лет его приобрел на имя жены статский советник П. Г. Масальский, решивший выстроить здесь доходный дом. К тому времени он уже владел домом на Малой Морской, 12 и собирался покупать еще один.

Петром Григорьевичем всегда владел дух предпринимательства: он непрерывно что-то строил, покупал, снова продавал. Вместе с отставным полковником Ф. Н. Петрово-Соловово и новгородским купцом Барановым они организовали компанию, заключив с казной подряд на сооружение шоссейной дороги между Петербургом и Москвой.

Дом № 32 по набережной Кутузова. Современное фото

Вот что писал по этому поводу 31 декабря 1814 года сам Масальский своему другу и постоянному корреспонденту М. М. Сперанскому, находившемуся в ту пору в ссылке: «Мое намерение в сем предприятии состоит наиболее в том, чтобы раскрыть вкравшиеся по сей части злоупотребления и, если будет возможно, то казну предохранить от тех великих убытков, кои до сего времени прежние подрядчики ей причиняли. Наше вступление в дело сие хотя и принесло казне выгод около трех миллионов в четыре года, но при всем том однако же... останется нам за усердие наше весьма достаточная награда».

Как видно, ее вполне хватило на покупку участка и возведение трехэтажного с пятиоконным мезонином дома, который к 1816 году был готов. Он хорошо виден на акварели А. Е. Мартынова, написанной в то же самое время (ее можно довольно точно датировать по уже построенным зданиям под № 12 и 32 и еще отсутствующему – под № 22/2).

Мемориальная доска на доме № 32

По-видимому, постройка и содержание домов были делом беспокойным и обременительным, на что Петр Григорьевич в письмах к Сперанскому постоянно сетовал. В ответном послании от 7 мая 1816 года бывший статс-секретарь увещевал своего приятеля: «Когда увижу я вас вне хлопот, коими вы заняты? Когда распродадите вы все ваши хлопотливые дома, купите порядочную деревню и будете жить небольшими, но верными и простыми доходами, занимая деятельность вашу без усталы предметами полезными? Это, может быть, химеры, но примите их выражением моего сердечного желания видеть вас успокоенным и счастливым».

В конце концов Масальский внял этим доводам, постепенно распродав все участки, за исключением одного, в Петербургской части. К 1823 году дом на тогдашней Дворцовой набережной перешел к офицеру лейб-гвардии Гусарского полка Силе Андреевичу Баташеву, внуку известного своими богатствами и злодеяниями заводчика. Благодаря огромному состоянию потомок простого мужика смог поступить в аристократический полк, а обе его сестры вышли замуж за генералов. Сам С. А. Баташев в доме на набережной не жил и полностью отдавал его внаем.

26 июля 1834 года Пушкин писал жене в имение Полотняный Завод, где она находилась в то время: «Наташа мой ангел, знаешь ли что? Я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими. Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; бояться чахотки. Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе». К сожалению, сон оказался в руку: восемнадцатилетняя княжна Прасковья меньше чем через год скончалась.

Квартира Вяземских, где они жили с осени 1832 года, помещалась на втором этаже, была громадной по размерам и стоила очень дорого. Выручало лишь то, что въехавший туда в середине августа Александр Сергеевич оплачивал ее пополам с проживавшими у него свояченицами. Позднее Пушкины все же переехали в более скромную квартиру на третьем этаже.

Ни в той, ни в другой отделка тех лет не сохранилась, но зато уцелел старинный балкон, с которого поэт наверняка не раз любовался чудесным видом на Неву. И хотя поэма «Медный всадник» к тому времени была уже написана, так и кажется, что строки, воспевающие «Петра творенье», родились под впечатлением панорамы, открывающейся с балкона дома Баташева.

Пушкин по-прежнему часто прогуливался по Летнему саду, расположенному столь же близко от его нынешней квартиры, как и от предыдущей, в доме Оливье на Пантелеймоновской улице.

В те годы поэт переживал нравственные терзания, связанные с необходимостью являться при дворе в форменном мундире вместе, как он писал в своем «Дневнике», «с моими товарищами Камер-юнкерами – молокососами 18-летними». Здесь же началась издательская деятельность Александра Сергеевича, продолжились архивные изыскания для так и не написанной «Истории Петра»... И одновременно с этим – унижительная переписка с Бенкендорфом, мучительно бесплодные попытки освободиться от царской опеки, от тяжких, как цепи, «милостей», сковывавших дух, лишавших остатков независимости. К этому добавились светские сплетни по поводу ухаживаний Дантеса, ссоры с В. А. Соллогубом и С. С. Хлюстиным, едва не закончившиеся дуэлями. Но все это, как оказалось в дальнейшем, были лишь слабые раскаты будущей грозы.

Частое пребывание в подавленном состоянии приводило к вспышкам несвойственной Пушкину раздражительности. Возможно, именно в такой момент произошла его стычка с управляющим баташевского дома, повлекшая за собой новый переезд – теперь уже на последнюю квартиру на Мойке, 12...

В этом доме проживал Ю. Н. Милютин, товарищ председателя Петербургской городской думы.

До 1889 года дом находился во владении наследников Баташева, после чего перешел к супруге гвардейского полковника К. А. Скалона и принадлежал ей до самой Октябрьской революции. По проекту архитектора Ф. Б. Нагеля она перестроила мезонин в полный этаж

и усложнила рисунок оконных наличников на третьем и втором этажах, но в целом здание изменилось мало, довольно сильно отличаясь своим сдержанным обликом от того, о котором пойдет речь в следующей главе.

«Вдовый дом» (Дом № 34 по набережной Кутузова)

До 1865 года этот дом сохранял классический облик, а затем по проекту архитектора Р. А. Гедике его надстроили четвертым этажом и отделали в эклектическом вкусе. С тех пор наружно он почти не изменился, и взгляд прохожего равнодушно скользит по его ничем не примечательному фасаду, подобных которому так много в Петербурге.

Появился он на этом отрезке набережной позднее остальных: в 1783 году вдова конференц-секретаря Академии художеств, писателя и переводчика А. М. Салтыкова, Мария Сергеевна приобрела у директора той же академии А. О. Закревского частично уже возведенный им дом с заготовленными строительными материалами.

Андрей Осипович приходился родным племянником братьям Разумовским, поэтому неудивительно, что его служба шла как по маслу. Воспитывался он при дворе Елизаветы и в 1760 г. вместе с братом Григорием и тремя кузенами послан был в Женеву для завершения образования. Руководивший ими гувернер Дитцель именовал своих питомцев князьями Таракановыми.

В 1774 году Закревский занял пост директора Академии художеств, на котором пробыл десять лет. Факт назначения на эту должность не художника мотивировался тем, что ни один из тогдашних адъюнкт-ректоров академии не владел русским языком.

Само собой разумеется, что вдова конференц-секретаря знала бывшего начальника ее мужа, и продажа Закревским участка именно ей выглядит не случайной. М. С. Салтыкова достроила купленный ею дом, а спустя семь лет, в 1790 году, продала его тайному советнику Петру Александровичу Соймонову, который прикупил к нему пустырь с левой стороны, принадлежавший профессору Я. Урсиниусу.

Дом № 34 по набережной Кутузова. Современное фото

О том, как выглядел дом в то время, можно составить представление по раскрашенной гравюре Б. Патерсена, относящейся к 1799 году: трехэтажный, в семь окон по фасаду, еще без

балкона, который появился, судя по акварели А. Е. Мартынова середины 1810-х годов, лишь в начале XIX века, очевидно, после первой перестройки.

Приходится говорить в предположительной форме, потому что в архивном деле нет документов, касающихся архитектурной истории здания на ранней стадии; зато сохранился фиксационный чертеж, запечатлевший его наружный облик до капитальной перестройки в 1865 году. Он очень прост и повторяет обычную схему фасадов в стиле безордерного классицизма.

П. А. Соймонов, бывший наряду с А. В. Храповицким статс-секретарем Екатерины II и одним из ее ближайших подручных, при Павле, как водится, по какому-то поводу или вовсе без оного впал в немилость, был выслан в Москву и скончался там от удара, не выдержав потрясения, вызванного опалой и безвременной смертью жены. Случилось это в 1800 году.

С. П. Свечина

После его кончины «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали следующее объявление: «В Дворянскую опеку вызываются желающие купить принадлежащий наследникам покойного Действительного Тайного Советника и Кавалера Петра Александровича Соймонова каменный дом, состоящий в Литейной части по набережной в 1-м квартале под № 2, и дать свыше даваемой цены 25 тысяч рублей, явиться будущего 1801 года, Генваря 17, в оный дом...»

Желающих дать больше названной суммы не нашлось, и дом остался за старшей дочерью Соймонова, Софьей Петровной Свечиной (1782–1857). Имя этой замечательной женщины, прожившей большую часть жизни за границей, современному русскому читателю, скорее всего, ни о чем не говорит. А между тем о ней существует довольно обширная литература, преимущественно на французском языке, ее произведения, дневники и письма многократно

переиздавались во Франции, но привлекали внимание и в России. Ею написано множество религиозно-нравственных трактатов (разумеется, на французском языке), и после ее смерти ходили даже упорные слухи о предполагаемой канонизации этой ревностной католички.

Как же случилось, что русская женщина, не имевшая в своих жилах ни капли чужеземной крови, превратилась вдруг в иностранку, едва не провозглашенную католической святой? Ответ следует искать в тогдашнем воспитании на французский лад, пренебрежении к родному языку, наигранном «вольтерьянстве» отцов, приводившем детей не к отрицанию религии вообще, а именно православия, которое по тем же причинам оставалось для них чуждым и непонятным.

Разумеется, здесь может идти речь хотя и о довольно широком, но все же не повсеместном явлении, прежде всего в придворной аристократической среде.

Но вернемся к нашей героине. Отец ее, человек богатый, женившийся на дочери известного историка и государственного деятеля И. Н. Болтина, постарался дать старшей дочери (младшей к моменту его смерти исполнилось всего десять лет) наилучшее образование, конечно же в духе того времени. В результате девочка, обладавшая большими способностями, прекрасно владела четырьмя европейскими языками, а кроме них, также латинским и древнееврейским (что выходило далеко за рамки светского воспитания), но почти не знала русского.

Софья отличалась незаурядной волей, что с особой силой проявилось в двух эпизодах. Подростком она мечтала о собственных часах, и, когда отец, уступив ее просьбам, наконец сделал ей желанный подарок, девочка была совершенно счастлива. Но вдруг ей пришло в голову, что будет лучше, если она сумеет побороть себя и откажется от подарка. Так она и поступила. Отец, не сказав ни слова, спрятал часы в ящик стола и больше о них не упоминал.

Другой случай произошел примерно в то же время. П. А. Соймонов, как было тогда в обычае у богатых людей, имел недурную коллекцию предметов искусства и «антиков». К последним относились и несколько древнеегипетских мумий, хранившихся в застекленных ящиках, стоявших в одной из комнат. Софья испытывала перед этими диковинами настоящий ужас, боясь даже заходить в то помещение. Но однажды она все же преодолела себя, вошла, вытащила ссохшуюся мумию из ящика, прижала к себе и поцеловала. Это была победа над собой, но далась она нелегко: девочка без памяти упала на пол, где ее и нашел отец, услышавший шум падения.

Незадолго перед смертью Петр Александрович выдал свою семнадцатилетнюю дочь за сорокадвухлетнего генерала от инфантерии Н. С. Свечина. Внезапная смерть отца, а ранее — матери и брак с нелюбимым человеком, за которого она вышла, повинувшись желанию родителей, несомненно, подтолкнули девушку на путь религиозных исканий; не менее естественным выглядит и то, что она обратилась к католицизму. Немалую роль здесь сыграли и отцы-иезуиты, как раз в ту пору появившиеся в Петербурге и развернувшие тайную, осторожную, но весьма действенную пропаганду.

Впрочем, этим занимались не только иезуиты. В тогдашних салонах блистал некий шевалье д'Огар, французский эмигрант, увлекательно проповедовавший католицизм. Эти проповеди, а также влияние сардинского посланника при русском дворе, ярого роялиста и врага Наполеона, Жозефа де Местра, пали на благодатную почву и привели к тому, что Софья Петровна тайно перешла в католичество. Произошло это незадолго до изгнания иезуитов из обеих столиц, последовавшего в 1816 году.

По-видимому, около того же времени состоялось знакомство Свечиной с А. И. Тургеневым и П. А. Вяземским, что выглядит вполне естественным, принимая во внимание ее интерес к литературе, хотя и не русской. В ее доме по вторникам и пятницам устраивались литературные вечера, на которых любил ораторствовать Сергей Уваров, в ту пору близкий знакомый обоих вышеназванных по «Арзамасу». В их переписке, относящейся к 1816-му и 1818 годам, неоднократно упоминается ее имя.

Покинув Петербург вслед за изгнанными иезуитами, новообращенная католичка уезжает в Париж, но через два года возвращается в Россию для устройства своих имущественных дел перед окончательным переселением во Францию. К этому периоду относится сильное увлечение ею А. И. Тургенева.

23 октября 1818 года он пишет П. А. Вяземскому в Варшаву, где тот служил: «Через неделю провожаю Софью Петровну в Париж... С нею лишусь я истинного наслаждения в жизни, которое полагаю в дружбе и в свободном сообщении мыслей и чувств». А вот строки из его же письма от 30 октября: «Провожая Софью Петровну на днях, и сердце сжимается от грусти, но она будет спокойнее и счастливее там, где и душа, и цветы цветут».

6 ноября, накануне отъезда Свечиной, Тургенев просит Вяземского встретить ее в Варшаве, через которую она должна была проезжать: «Счастье мое поедет к тебе завтра, то есть Софья Петровна; решилась ехать через Варшаву и обещала мне видеть тебя: смотри, не проспи ее. Это ангел, который осветит сарматскую твою темницу. Если тебе случилось в жизни быть другом, то в таком случае, а не иначе, скажи ей все, что я чувствую, разлучаясь с ней».

Это уже похоже на признание в любви. В ответном письме от 1 декабря Вяземский, исполнивший просьбу друга, писал ему: «Много говорили о тебе: я тебя еще сильнее полюбил от нее. Она так хорошо умеет тебя показывать. Знаешь ли, я ее пожаловал бы в души «Арзамаса». В ней есть отголосок, который отвечает на все прекрасное, доброе, умное. Редкое сочетание!»

Больше Свечина в Россию уже не вернулась. Дом в Петербурге она продала супруге дипломата Марине Дмитриевне Гурьевой. В конце 1820-х годов бывший дом Свечиной, а затем Гурьевой перешел к незадолго перед тем овдовевшей княгине Екатерине Васильевне Салтыковой (1791–1863), дочери уже знакомой нам Е. Ф. Долгорукой и сестре В. В. Долгорукова-младшего.

М. Д. Гурьева

Покупка княгиней дома имела свою предысторию. Супружеская жизнь Екатерины Васильевны, бывшей замужем за младшим сыном фельдмаршала светлейшего князя Н. И. Салтыкова Сергеем Николаевичем, сложилась до того неудачно, что сам Александр I предложил ей, в прошлом фрейлине императрицы, развести ее с мужем и устроить новую партию. Однако княгиня, отличавшаяся религиозностью и благочестием, отклонила это предложение и терпеливо несла свой крест до 1828 года, когда ее супруг наконец переселился в мир иной.

По этому поводу всеведущий петербургский почт-директор К. Я. Булгаков писал 27 апреля своему брату в Москву: «Князь Сергей Николаевич Салтыков умер вчера. Духовной не сделал; следовательно, жена его получит только седьмую часть с имения, а он, говорят, хотел ей оставить все, пока жив». В следующем письме, написанном на другой день, он прибавляет: «Все жалеют о княгине Салтыковой. Да и подлинно, хоть бы муж ей дом оставил. Все это оттого, что больным бояться сказать, что они умирают, чтобы их не уморить».

Дом, о котором упоминает Булгаков, — это знаменитый особняк на Дворцовой набережной, 4 (ныне Академия культуры), пожалованный Н. И. Салтыкову Екатериной II в благодарность за воспитание внуков, великих князей Александра и Константина. При разделе имущества он достался младшему сыну покойного фельдмаршала. После смерти бездетного С. Н. Салтыкова дом перешел по наследству к его племяннику, а вдова осталась, так сказать, «бездомной».

Е. В. Салтыкова

С. Н. Салтыков

Надо было подумать о крыше над головой, и княгиня приобрела у М. Д. Гурьевой дом, расположенный в двух шагах от ее прежнего жилища и неподалеку от дворца, что было удобно при ее придворной службе: в 1835 году Екатерина Васильевна была пожалована в статс-дамы, а позднее исполняла обязанности гофмейстерины при цесаревне, затем императрице Марии Александровне, супруге Александра II.

Отличавшаяся острым язычком и не страдавшая чрезмерным добродушием А. Ф. Тютчева, говоря в своем дневнике о Е. В. Салтыковой, называет ее «матушка Гусыня» и утверждает, что ее «ничто так не подавляет и не смущает, как торжественная глупость, вроде глупости мамы Салтыковой». Это не мешало княгине быть доброй (но не особенно счастливой) женщиной; сама же Тютчева, описывая свое первое появление при дворе в качестве фрейлины, отмечает, что именно Салтыкова была с ней очень приветлива и добра.

В своем имении на реке Охте (теперь о нем напоминает лишь расположенная неподалеку Салтыковская дорога) набожная Екатерина Васильевна основала небольшую богадельню для бедных женщин и выстроила при ней в 1850 году по проекту архитектора В. П. Львова каменную церковь во имя святой Екатерины, своей небесной покровительницы. На содержание богадельни Е. В. Салтыкова завещала особый капитал и была погребена в склепе под храмом. Полуразрушенную церковь в 1960-х годах снесли, и от находившихся там захоронений не осталось и следа.

Дом на набережной достался по завещанию внучатой племяннице покойной, княжне Екатерине Григорьевне Гагариной, которой в ту пору исполнилось всего восемнадцать лет. (Интересно, что по отцу она приходилась также внучатой племянницей С. П. Свечиной.) Ее отец, вице-президент Академии художеств Г. Г. Гагарин, первым браком был женат на княжне Анне Николаевне Долгоруковой, скончавшейся в 1845 году в родах, при самом появлении на свет маленькой Кати.

Е. Г. Гагарина

Впоследствии Екатерина Григорьевна вышла замуж за лейтенанта флота Павла Сергеевича Муханова. Думается, что выбор дочери был по душе ее отцу, которого роднила с будущим зятем общая страсть к рисованию. Подобно Гагарину, оставившему множество зарисовок, сделанных во время путешествий в Грецию и Турцию, Павел Муханов, участвовавший в плавании в далекую Японию, издал позднее альбом своих литографированных рисунков под названием «Воспоминания о Японии».

Кроме того, один из «толстых» журналов опубликовал по горячим следам очень интересные письма П. С. Муханова из Японии за 1858–1859 годы, озаглавленные «Дневник гардемарина на фрегате «Аскольд». Написаны они с удивительной для девятнадцатилетнего юноши наблюдательностью и, я бы сказал, литературной сноровкой.

В ноябре 1867 года в недавно перестроенном доме Гагариной нанял квартиру вернувшийся с женой из-за границы известный поэт и драматург граф А. К. Толстой. Супруги решили

провести зимний сезон в Петербурге. Для Алексея Константиновича это был период большой творческой активности: он заканчивал работу над трагедией «Царь Федор Иоаннович», а затем, готовясь к постановке на сцене, читал ее перед специально приглашенными гостями, среди которых были представители разных родов искусства – писатели, актеры, композиторы.

А. К. Толстой

Об атмосфере толстовских вечеров, а вернее сказать – ночей, потому что начинались они не ранее 10 часов, один из постоянных посетителей их, В. П. Боткин, 27 ноября писал своему другу А. А. Фету: «Всего чаще бываю у Толстых, где всего приятнее, и я несказанно рад, что они нынешнюю зиму проводят в Петербурге... Надо сказать, что дом Толстых есть единственный дом в Петербурге, где поэзия не есть дикое, бессмысленное слово, где можно говорить о ней, и, к удивлению, здесь же нашла себе приют и хорошая музыка».

Весной следующего года музыкально-поэтические вечера прекратились: Толстые уехали в свое имение Красный Рог, и дом опустел. Затем в него вселились новые жильцы, но уже никогда он не видел в своих стенах столько талантливых людей, как в ту памятную зиму.

В 1891 году Мухановы расстались с домом: его купила вдова подполковника Е. Б. Герсевича, Елизавета Михайловна, а годом позже, после ее смерти, он перешел к ее дочерям-наследницам – Вере, Александре и Анне, из которых две последние также успели овдоветь.

Герсевановы принадлежали к старинному дворянскому роду грузинского происхождения, давшему несколько выдающихся деятелей в разных областях науки и культуры. Дядя владелиц, Николай Борисович, был писателем-публицистом и военным историком; М. Н. Герсеванов приобрел известность как крупный инженер-строитель и гидротехник, а его сын Николай, уже в советское время, сделался основателем научной школы в области механики грунтов.

До 1917 года домом владели две дочери-вдовы Е. М. Герсевановой – княгиня Орбелиани и графиня Ребиндер, а затем задувшие ветры революции навсегда разметали привычный уклад жизни «вдовьего дома».

Дом Баура (Дом № 36 по набережной Кутузова)

Исполосованный горизонтальным рустом фасад дома № 34 примыкает к длинному двухэтажному на подвалах зданию, окрашенному в желтый и белый цвета – излюбленное сочетание для казенных зданий в эпоху классицизма. Именно тогда и был построен этот дом, к которому прочно пристало наименование «Баурский», хотя тот, от кого оно пошло, владел им очень недолго.

В 1775 году, когда отрезок набережной от Фонтанки до Литейного двора стал усиленно застраиваться, среди тех, кто пожелал получить здесь место, оказались инженер-генерал М. И. Мордвинов и знакомый нам бригадир А. А. Саблуков. Первому отвели угловой участок у каменного моста, а второму – смежный. По истечении определенного законом пятилетнего срока выяснилось, что Мордвинов успел за это время возвести лишь подвальный этаж, а Саблуков и вовсе ничего не построил, купив себе уже готовый дом на Царицыном лугу (позднее он, как мы знаем, все же приобретет особняк на набережной).

В результате в 1781 году оба их надела отошли к инженер-генералу Ф. В. Бауру, вероятно нуждавшемуся в жилье неподалеку от места службы, а она в ту пору была в основном посвящена важнейшему делу, начатому год назад – углублению Фонтанки и сооружению на ней гранитной набережной. Баур dokonчил начатый Мордвиновым дом, расширив его за счет саблуковского участка и придав ему тот строгий, аскетичный облик, который он сохранил по сей день.

Дом № 36 по набережной Кутузова. Жилой дом. Современное фото

Несколько слов о его владельце, которому Петербург кое-чем обязан. Фридрих Вильгельм Баур или Федор Васильевич Баур, как его называли в России, родился в 1731 году в Германии и был потомком шведского онемеченного рода. До 1770 года Баур служил при дворах разных немецких владык, а затем Екатерина II пригласила его на русскую службу. Вскоре он стал близким соратником графа П. А. Румянцева, командовавшего русской армией в войне с турками.

В течение одного года Федор Васильевич, получивший генерал-майорский чин и должность генерал-квартирмейстера, то есть начальника штаба, удостоился высоких воинских наград, отличившись в битвах при Ларге и Кагуле. В конце 1770-го он прибыл в Петербург и занялся преобразованием Генерального штаба, который пять лет спустя разместился в специально купленном для него близ Крюкова канала доме, также прозванном горожанами «Бауровым» – по необъяснимой причине фамилия генерала удивительно легко и крепко приклеивалась к петербургским постройкам.

Позднее Баур руководил многими инженерными работами, в частности – комиссией строения Екатерининского канала, городского вала на месте нынешнего Обводного канала, постройкой петербургского Большого театра и, наконец, мощением столичных улиц. Разносторонняя и полезная деятельность инженер-генерала, весьма ценяемая императрицей, продолжалась даже во время мучительной болезни, которая в феврале 1783 года свела его в могилу: еще в январе он представлял государыне свой последний проект, касавшийся устройства дорог.

После смерти Баура только что отстроенный дом его в 1784 году был куплен для нужд дворцового ведомства: в нем стали селить придворных служителей, всю ту бесчисленную царскую челядь, содержание которой стоило государству огромных средств. По поводу вороватости дворцовой прислуги сохранилось немало преданий и анекдотов. Как-то Екатерина II, выйдя утречком на Камеронову галерею в Царском Селе, заметила нескольких служителей, в поте лица грузивших телегу казенной провизией. Увидев царицу, они окаменели от испуга. «Что вы делаете? – спросила она. – Вы, кажется, нагружаете воз дворцовыми припасами?» – «Виноваты, ваше величество», – отвечал один из них, падая перед ней на колени. «Чтоб это было в последний раз! – строго сказала императрица, добавив вполголоса: – А теперь уезжайте скорей, чтобы вас не увидел гофмаршал, а то вам здорово попадет».

Другой случай не менее характерен. Однажды, гуляя по саду, Екатерина заметила придворных лакеев, тащивших из дворца фарфоровые блюда с персиками, ананасами и виноградом. Чтобы не встретиться с ними, снисходительная к чужим слабостям государыня свернула в боковую аллею, примолвив сопровождавшим ее дамам: «Хоть бы блюда мне оставили!»

Стоит ли после этого удивляться, что некоторые, особо удачливые из служителей, такие, например, как знакомые нам камердинеры – Захар Зотов, Иван Медведев и даже штатный карлик Савелий Титов – обзаводились собственными каменными палатами. Впрочем, если дворцовая прислуга попросту воровала, то различные придворные чины получали все причитающиеся им блага на вполне законных основаниях.

При дворе существовал расточительный обычай, заключавшийся в том, что каждые две недели в комнату каждого из придворных приносили по две бутылки столового вина известных марок и по бутылке ликера различных сортов, не считая английского пива, меда, минеральных вод и т. д. Все это, вместе взятое, составляло ни много ни мало 60 бутылок на каждого.

На предложение обер-гофмаршала князя Ф. С. Барятинского отменить этот обычай, которым больше всего пользовалась дворцовая прислуга, Екатерина II ответила: «Я вас прошу, милостивый государь, никогда не предлагать мне экономить на свечных огарках; это, может быть, хорошо для вас, но мне это не приличествует».

В результате секретарь великого князя Павла Петровича барон Николаи по истечении тридцати лет обладал лучшим винным погребом во всей империи, а камер-фрейлина императрицы графиня Эльмпт за двенадцать лет службы собрала и продала достаточное количество

свечей, чтобы ко времени своей свадьбы с генералом П. И. Турчаниновым заказать на эти деньги роскошный серебряный сервиз.

Немало забавного можно порассказать и о дворцовых синекурах, то есть должностях, не требовавших особого напряжения сил, но тем не менее позволявших счастливицам, их занимавшим, кормиться целыми семьями. Однажды к обершенку А. А. Нарышкину, заведовавшему царскими погребами, явился некий проситель и стал настойчиво домогаться зачисления в штат дворцовой прислуги. «Нет вакансий», – отвечал ему вельможа. «Да я согласен, пока не найдется место, смотреть за какой-нибудь канарейкой». – «Что вам это даст?» – спросил изумленный Нарышкин. «Как что? – в свою очередь удивился проситель. – Все-таки будет чем прокормить себя, жену и детей!»

Как-то Г. А. Потемкин, желая помочь уволенному со службы сельскому дьячку, обучавшему его некогда азам русской грамоты, придумал для него особую должность. Она состояла в смотре за памятником императору Петру I на Сенатской площади. Дьячок был обязан ежедневно являться к князю и доносить ему, крепко ли стоит монумент на своем месте. Правда, труды внештатного смотрителя оплачивались из личных доходов светлейшего.

Существовала в дворцовом штате и совсем уж экзотическая должность арапа, выполнявшего обязанности привратника. Когда-то их и впрямь набирали из темнокожих невольников, но со временем цвет кожи перестал иметь решающее значение, остались лишь первоначальные функции, состоявшие в открывании и закрывании дверей перед важными посетителями дворца. Должность эта считалась весьма прибыльной и выгодной, поскольку оплачивалась выше прочих, а при выходе в отставку обеспечивала солидную пенсию.

На Петербургской стороне в екатерининские времена можно было видеть небольшие деревянные хоромы с надписью:

«Дом отставного арапа NN». Владелец его, бывший дворцовый истопник, обладающий очень белой кожей и такими же волосами, объяснял любопытствующим, что был пожалован в арапы по милости начальства, согласившегося отставить его в виде отличия «с арапским пенсионом». По этому поводу князь П. А. Вяземский в своей записной книжке не без иронии заметил: «В противоположность американским республикам, во дворце выгоднее быть черным, чем белым».

Дом Баура удивительно гармонирует со старинным Прачечным мостом и великолепной оградой Летнего сада; вместе они представляют незабываемый вид. Бросив прощальный взгляд на панораму Кутузовской набережной, простимся с ней. Наш путь окончен. Но, будем надеяться, нам еще предстоит встретиться на других улицах и проспектах, познакомиться с новыми людьми и достопамятными событиями, которыми так богата история Петербурга.

Литература и архивные материалы

- Автобиографическая записка гос. секретаря В. Р. Марченко // Русская старина. 1896. № 3.
- Аллер С. Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге. СПб., 1822.
- Архив князя Воронцова. Кн. 5. М., 1870.
- Архитекторы-строители С.-Петербурга середины XIX – начала XX века. СПб., 1996.
- Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991.
- Башуцкий А.П. Панорама Санкт-Петербурга. Ч. 2. СПб., 1834.
- Беляев А. Воспоминания декабриста. СПб., 1882.
- Бенуа Л.Н. Записки о моей деятельности // Невский архив. СПб., 1993. Богданов А.И. Дополнение к историческому, географическому и топографическому описанию Санкт-Петербурга с 1761 по 1762 год. М., 1903.
- Богданов А.И. Описание Санкт-Петербурга 1749–1751. СПб., 1997.
- Богданович А. Три последних самодержца. М., 1990.
- Бутурлин М.Д. Записки // Русский архив. 1987.
- Быховский И.А. Петровские корабли. Л., 1982.
- Валишевский К. Сын великой Екатерины. М., 1990.
- Вигель Ф.Ф. Записки // Русский архив. 1891–1892.
- Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998.
- Витте С.Ю. Избранные воспоминания. М., 1991.
- Волконский Сергей. Герои серебряного века // Наше наследие. 1991. № 4. Воспоминания В. И. Сафоновича // Русский архив. 1903. Кн. 1.
- Воспоминания графа С. Д. Шереметева о князе П. А. Вяземском // Русский архив. 1891. Кн. 1.
- Воспоминания Н. А. Лейкина // Исторический вестник. 1906. № 1–3.
- Воспоминания сенатора К. И. Фишера // Исторический вестник. 1908. № 3.
- Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8.
- Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1908.
- Головина В.Н. Мемуары. История жизни благородной женщины: Сборник. М., 1996.
- Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 1990.
- Грибовский А. Записки об императрице Екатерине Великой. М., 1864.
- Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1961.
- Дашкова Е.П. Записки. Письма сестер М. и К. Вельмот из России. М., 1987.
- Державин Г.Р. Записки. 1743–1812. М., 2000.
- Державин Г.Р. Сочинения. М., 1985.
- Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901.
- Дневник А. С. Пушкина. 1833–1835. М., 1997.
- Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. 1–2. М., 1966. Дневник П. А. Валуева. Т. 1–2. М., 1961.
- Долгоруков И.М. Записки // Русский архив. 1898. Кн. 2.
- Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М., 1997.
- Долгоруков П. Петербургские очерки. М., 1992.
- Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому. СПб., 1862.

- Дружинин А.В. Повести. Дневник. М., 1986.
- Жихарев С.П. Записки. Т. 1–2. Л., 1989.
- Загоскин С.М. Воспоминания // Исторический вестник. 1900. № 7.
- Заметки и дневник Л. В. Дубельта // Российский архив. Т. 6. М., 1995. Записки
- А. П. Ермолова. 1798–1826. М., 1991.
- Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914.
- Записки графа М. А. Корфа // Русская старина. 1899–1900.
- Записки графа Н. Е. Комаровского. М., 1912.
- Записки графа Ф. П. Толстого // Русская старина. 1873. Т. 7.
- Записки и воспоминания русских женщин. М., 1990.
- Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907.
- Записки Михаила Гарновского // Русская старина. 1876. Т. XV.
- Записки Н. А. Саблукова // В сб.: Царевубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907.
- Записки Н. Г. Залесова // Русская старина. 1903. Т. 34.
- Записки Семена Порошина. СПб., 1881.
- Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 1997.
- Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1959. Т. 1.
- Игнатъев М. Русский альбом. СПб., 1996.
- Из записной книжки Коленкура // Русский архив. 1908. Кн. 1. Из записок графа
- М. А. Корфа // Русская старина. 1899–1900.
- Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. Кн. 1.
- Из писем графа М. Л. Воронцова к И. И. Шувалову // Русский архив. 1864.
- Инсарский В.А. Записки. СПб., 1898.
- Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993.
- История лейб-гвардии Преображенского полка. Т. 4. СПб., 1883.
- Исчезнувшая Россия: Воспоминания кн. Л. Л. Васильчиковой. СПб., 1995. К биографии
- Д. Бортиянского // Русская старина. 1911. № 12.
- Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991.
- Карнович Е.П. Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. СПб., 1884.
- Князь М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский. Письма к жене // Русская старина. 1870.
- Т. 2.
- Комаровский Е.Ф. Записки. СПб., 1914.
- Кони А.Ф. Петербург. Воспоминания старожила. Пг., 1922.
- Корберон М.-Д., де. Интимный дневник шеваляе де Корберона. СПб., 1907.
- Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991.
- Листовский И.С. Граф П. В. Завадовский // Русский архив. 1883. Кн. 2. Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996.
- Мемуары графа С. Д. Шереметева. СПб., 2000.
- Местр Ж. Петербургские письма. СПб., 1995.
- Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992.
- Нарышкина Е.А. Мои воспоминания. СПб., 1906.
- Никитенко А.В. Дневник. Т. 1–3. М., 1955.
- Нумерация домов в С.-Петербурге. СПб., 1836.
- О повреждении нравов в России князя М. М. Щербатова. М., 1985.
- Опись высочайшим указам и повелениям. Т. 1–3. СПб., 1872–1878.
- Орлов-Давыдов В.П. Биографический очерк гр. В. Г. Орлова. Т. 1–2. СПб., 1878.
- Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. СПб., 1899.
- Памятники архитектуры Ленинграда: Справочник. Л., 1976.
- Письма высочайших особ гр. А. С. Протасовой. СПб., 1911.

- Письма Г. Г. Кушелева к сыну Александру. Чернигов, б. г.
Письма Екатерины II к Гримму // Русский архив. 1878. Т. 3.
Письма К. Я. Булгакова к его брату // Русский архив. 1903. Кн. 3.
Письма С. А. Юрьевича к жене // Русский архив. 1887. № 4–6.
Пушкарёв И.И. Николаевский Петербург. СПб., 2000.
Пушкин А.С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969.
Пушкин А.С. Письма. Т. 3. М., 1935.
Рассказы бабушки: Из воспоминаний пяти поколений, записанных и собранных ее внуком Д. Благово. М., 1989.
Реймерс С. Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809.
Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1–4. СПб., 1905–1909.
Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901–1908. Т. 1–4.
Семейная хроника (Записки А. В. Кочубея). СПб., 1890.
Скальковский К. Воспоминания молодости. СПб., 1906.
Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988.
Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. М., 1989.
Соколова А.И. Встречи и знакомства // Исторический вестник. 1911. Кн. 1—11.
Соллогуб В.А. Повести. Воспоминания. Л., 1988.
Столянский П.Н. Старый Петербург. Перузина. Пг., 1916.
Суворин А. Дневник. М., 1992.
Сухожанет И.О. Рассказ о 14 декабря 1825 г. // Русская старина. 1873. Т. VII.
Телетова Н. Ганнибалы – предки Пушкина // В сб.: Белые ночи. Л., 1978.
Толстой С.Л. Федор Толстой-Американец. М., 1990.
Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Тула, 1990.
Фет А. Мои воспоминания. Т. 1–3. М., 1890.
Филипсон Г.И. Записки. М., 1885.
Фитингоф-Шель Б.А. Мировые знаменитости (Из воспоминаний). СПб., 1899.
Хессин А.Б. Из моих воспоминаний. М., 1959.
Хроника недавней старины. СПб., 1876.
Шереметев С.Д. Воспоминания о кн. П. А. Вяземском // Русский архив. 1891. Кн. 1.
Штакеншнейдер Е.А. Дневники и записки. М., 1934.
- РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 749; Оп. 4. Д. 748; Д. 750; Ф. 1601. Оп. 1.
ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102 (дела по различным домовым участкам);
Ф. 757. Оп. 1. Д. 1019; Ф. 823. Оп. 1. Д. 172, 175, 186, 187, 190;
Ф. 2263. Оп. 1. Д. 36.

